ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Р. Желязны

Девять принцев Амбера

Девять принцев Амбера
Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. Девять принцев Амбера
Девять принцев Амбера
Ружья Авалона
Знак единорога
Рука Оберона
Двор Хаоса

Аннотация

15/1 выпуск содержит 1,2,3,4,5-ю книги цикла «Девять принцев Амбера». Большинство данных произведений на русском языке публикуются впервые.

Роджер Желязны
Девять принцев Амбера

Девять принцев Амбера

После целой вечности ожидания, кажется, что-то стало проясняться. Я попытался пошевелить пальцами ног, и мне это удалось. Я лежал на спине на больничной койке, ноги мои были в гипсе, но, слава богу, они были моими ногами. Я изо всех сил зажмурился, потом открыл глаза, и, когда трижды повторил эту процедуру, все вокруг меня перестало вращаться. Туман, клубившийся в голове, начал постепенно рассеиваться, и я кое-что припомнил. В памяти возникла картина долгих темных ночей и туманный облик медицинской сестры, склонявшейся над кроватью со шприцем в руке. Каждый раз, когда я приходил в сознание, меня кололи какой-то гадостью. Да, так оно и было. Но сейчас я чувствовал себя вполне прилично, хотя все на свете относительно. И я не позволю больше себя колоть. Вопрос только в том, захотят ли ко мне прислушаться? Может быть, и нет. Вполне естественный скептицизм в отношении чистоты человеческих намерений прочно укоренился в моем мозгу. Ну конечно же, меня просто не в меру напичкали наркотиками,

внезапно сообразил я. По непонятной причине и безо всякой необходимости, если верить моим ощущениям. А в таком случае ко мне вряд ли прислушаются? Ведь наверняка им заплатили. Значит, подсказал мне внутренний голос — мое второе я, личность неприятная, но зато мудрая, — надо сохранять спокойствие, действовать осмотрительно и делать вид, что ничего не соображаю. В палату заглянула санитарка и, конечно, я все еще храпел. Дверь тихо закрылась.

Как же, черт побери, я оказался здесь? Я смутно вспомнил, что со мной произошло. Я попал в автомобильную катастрофу, но когда и почему, оставалось загадкой. Помню только, что сначала меня поместили в обычный госпиталь, а потом уже перевезли сюда. Зачем? Этого я не знал.

Однако, судя по всему, ноги меня слушались, хотя я и не помнил точно, когда их сломал. Память услужливо подсказала, что у меня было два перелома. Головокружение прошло довольно быстро, и, держась за железную спинку кровати, я поднялся и сделал первый шаг. Полный порядок — ноги не подвели. Итак, теоретически, я мог уйти отсюда в любую минуту. Я вновь улегся поудобнее и стал думать.

Меня зазнобило, выступил холодный пот. Во

рту явно чувствовался привкус сладкого пудинга…

Прогнило что-то в Датском королевстве…

Я действительно попал в автомобильную катастрофу, да еще какую!

Дверь опять открылась, яркий электрический свет проник из коридора в палату, и я увидел медицинскую сестру со шприцем в руке.

Она пошла к постели — темноволосая широкобедрая бабища с толстыми, как у мясника, руками. Как только она приблизилась, я сел.

— Добрый вечер.

— Д-добрый вечер, — ответила она.

— Когда меня выпишут?

— Это надо узнать у врача.

— Узнайте, — предложил я.

— Пожалуйста, закатайте рукав.

— С какой стати?

— Мне необходимо сделать вам укол.

— Не вижу в этом особой необходимости. Мне он не нужен.

— Боюсь, вам придется подчиниться. Доктору виднее.

— В таком случае пригласите его сюда. Я не позволю делать себе никаких уколов.

— Ничем не могу вам помочь. У меня четкое

предписание.

— Совсем как у Эйхмана, а он плохо кончил. — Я с сожалением покачал головой.

— Ах, вот как? — воскликнула она. — Учтите, мне придется доложить о вашем… вашем…

— Обязательно доложите, — согласился я. — И, кстати, не забудьте упомянуть во время доклада, что я решил выписаться отсюда завтра утром.

— Это невозможно. У вас сломаны обе ноги, не говоря о внутренних повреждениях, кровоизлияниях…

— На свете нет ничего невозможного, — сказал я. — Спокойной ночи.

Она выбежала из палаты, не удостоив меня ответом. Я откинулся на подушки и задумался. Похоже, меня поместили в частную клинику, а это означало, что кто-то оплачивает счета, причем немалые. Но кто именно? Я не помнил ни своих родственников, ни друзей. Какой напрашивался вывод? Меня упрятали сюда враги. Я силился вспомнить, но безуспешно. В голове — полная пустота. Врагов своих я тоже не помнил. Мой автомобиль упал с небольшого обрыва прямо в озеро. Да, конечно. А дальше? Я… Внезапно меня вновь прошиб пот и мускулы непроизвольно напряглись. Я не знал, кто я такой. Значит, думать

больше было не о чем, и, усевшись на постели, я принялся разбинтовывать многочисленные повязки, которыми меня обмотали с головы до ног. Никаких неприятных ощущений я при этом не испытал, да к тому же во мне крепла уверенность, что я поступаю правильно. Выломав из спинки кровати железный прут, я разбил гипс на правой ноге. Мне захотелось как можно скорее покинуть клинику и сделать что-то очень важное. Правда, я не знал, что именно.

Я несколько раз согнул и разогнул правую ногу. Полный порядок. Я разбил гипс на левой ноге, поднялся и подошел к шкафу. Моей одежды там не было. Затем я услышал шаги. Быстро юркнув в кровать, я тщательно замаскировал бинты и обломки гипса.

Дверь открылась. Щелкнул выключатель, в палате зажегся яркий свет, и я увидел здоровенного детину в белом халате.

— Говорят, вы грубо обошлись с нашей медсестрой и отказались ей подчиниться, — громко сказал он, и на этот раз не имело смысла притворяться, что я сплю. — Как прикажете вас понимать?

— Не знаю, — ответил я. — Не люблю приказывать.

Мой ответ его озадачил, но ненадолго. Нахмурившись, он сказал:

— Сейчас время вечернего укола.

— Вы врач? — спросил я.

— Нет. Но я действую по его распоряжению.

— А я отказываюсь от уколов и имею на это полное право. В конце концов, вам-то что за дело?

— Мне велено сделать вам укол, — упрямо повторил он, подходя ко мне с левой стороны и держа в руке неведомо откуда появившийся шприц…

Это был запрещенный удар, дюйма на четыре ниже пояса, и он рухнул на колени, выронив шприц и схватившись за кровать.

— … …— процедил он спустя некоторое время.

— Еще раз подойдете ко мне — пеняйте на себя.

— Не… таких… видывали… — Каждое слово давалось ему с большим трудом.

Пришла пора действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

— … …

— В таком случае мне придется позаимствовать вашу. Раздевайтесь!

На меня обрушился очередной поток брани, но мне было недосуг выслушивать его тирады,

поэтому я накинул на него простыню и оглушил, ударив железным прутом по голове. Примерно через две минуты я стал мужчиной в белом — цвет Моби Дика и ванильного мороженого. Какое уродство! Я запихнул санитара в стенной шкаф и подошел к зарешеченному окну. Палата моя находились на третьем этаже красивого здания, освещенный квадрат окна внизу говорил о том, что на первом этаже кому-то не спалось, хотя на часах моего приятеля, отдыхающего в стенном шкафу, было пять часов сорок четыре минуты. Я вышел в коридор. Слева он заканчивался глухой стеной с большим окном, на котором тоже была решетка. Я свернул направо. Двери, двери, двери, без единой полоски света под ними; единственным звуком, нарушавшим мертвую тишину, был стук ботинок, которые, к сожалению, оказались мне слишком велики. Металлический прут, который я заткнул за пояс под белый халат, все время бил меня по бедру. На потолке коридора примерно через каждые двадцать футов горели лампы дневного света. Спустившись по лестнице на первый этаж, я вновь свернул направо и пошел вперед, высматривая дверь, за которой кто-то не спал. Она оказалась последней по коридору, и я вошел очень невежливо, не постучавшись.

За большим письменным столом, роясь в одном из ящиков, сидел человек в роскошном домашнем халате. Он явно не был похож на пациента клиники. Услышав шаги, человек поднял голову и на мгновение губы его раздвинулись, словно он хотел позвать на помощь. От этой глупости его, видимо, удержало выражение моего лица. Он быстро поднялся с кресла. Я не спешил закрыть за собой дверь.

— С добрым утром, — сказал я. — Боюсь, вас ждут крупные неприятности.

Люди, по-видимому, никогда не излечатся от любопытства, потому что, подождав секунды три и тем самым дав мне возможность подойти к столу вплотную, он спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что собираюсь подать на вас в суд за мое похищение, издевательское отношение ко мне и незаконное применение наркотиков, — ответил я. — В настоящий момент, например, мне необходим укол морфия, так что я за себя не отвечаю и…

— Убирайтесь отсюда! — Глаза его сверкнули.

Я увидел на столе пачку сигарет и не стал спрашивать разрешения.

— Сядьте, доктор, и помолчите. Лучше поду-

майте хорошенько.

Он сел в кресло, но молчать, видимо, было выше его сил.

— Вы нарушили больничные правила, — сурово заявил он.

— Суд обязательно разберется, кто из нас прав, — сказал я. — А сейчас верните мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.

— Ваше состояние не позволяет…

— Это мое дело. Отдайте мои вещи, если не хотите отвечать перед законом.

Он потянулся к кнопке звонка на столе, но я небрежно откинул его руку в сторону.

— Мои вещи, — повторил я. — А звать на помощь надо было раньше, когда я вошел. Вы опоздали, доктор.

— Мистер Кори, вы ставите меня в…

«Кори»?

— Я в ваше заведение не ложился, — перебил я его, — но выписаться сумею, будьте уверены. Не задерживайте меня, доктор.

— Вы не в том состоянии, чтобы оставить стены клиники, где вам может быть оказана срочная медицинская помощь. Сейчас я позову санитара, и он поможет вам вернуться в палату и лечь в постель.

— Не советую, — сказал я. — Надеюсь, вы не хотите испытать на себе, в каком я состоянии? И прежде чем я уйду, вы ответите, кто меня сюда положил и заодно оплатил все счета.

Он вздохнул, и его маленькие усики вздрогнули.

— Ладно. Если вы настаиваете… — Он полез в открытый ящик стола… и я выбил пистолет из его руки раньше, чем он успел щелкнуть предохранителем. Ай да доктор! Я поднял изящный кольт тридцать второго калибра и направил на него:

— Отвечайте! По-видимому, вы считаете, что я опасен. И в этом вы правы.

Он слабо улыбнулся и закурил сигарету, видимо, желая казаться спокойным, но руки у него здорово тряслись.

— Хорошо, Кори, — сказал он. — Я отвечу, если это доставит вам удовольствие. Вас положила в клинику родная сестра.

— Какая сестра?

— Эвелина.

Имя, которое ни о чем мне не говорило.

— Странно. Я не видел Эвелину много лет. Она даже не знает, где я живу.

Он пожал плечами.

— Тем не менее…

— Что ж, придется навестить родную сестру, — сказал я. — Какой у нее адрес?

— Точно не помню.

— А вы поройтесь в картотеке, доктор.

Он встал, подошел к небольшому шкафчику и почти сразу же достал одну из карточек. Миссис Эвелина Флаумель. Адрес в Нью-Йорке был мне тоже незнаком, но я его запомнил. Судя по аккуратной записи, меня звали Карл Кори. Чем больше информации, тем лучше. Я сунул пистолет за пояс, рядом с железным прутом.

— Хорошо. Где моя одежда и какую сумму вы собираетесь мне заплатить?

— Ваша одежда пропала при автомобильной катастрофе. И раз вы настроены так решительно, я считаю своим долгом предупредить, что у вас были переломы обеих ног, причем на левой ноге — в двух местах. Честно говоря, я просто не понимаю, как вы можете двигаться всего через две недели после…

— Быстрая заживаемость. Не увиливайте, доктор. Поговорим о деньгах.

— Каких деньгах?

— Которые вы заплатите мне без суда в качестве компенсации за незаконное лечение и так далее.

— Не смешите меня!

— Вот еще! Я согласен на тысячу долларов наличными.

— Я не намерен обсуждать этот вопрос.

— А жаль. Подумайте, что скажут о вашей клинике, когда я обращусь в Медицинское общество, дам интервью репортерам…

— Шантаж, — пробормотал он, — и я на него не поддамся.

— Мне все равно, когда вы заплатите, сейчас или после решения суда, — сказал я. — Но если вы заплатите сейчас, это обойдется дешевле.

Если он согласится, значит, я прав, и дело тут нечистое. Он уставился на меня и довольно долго молчал.

— У меня нет при себе таких денег.

— В таком случае назовите любую разумную цифру.

Вновь пауза, на сей раз не столь продолжительная.

— Это вымогательство.

— Что за счеты, доктор. Сколько?

— У меня в сейфе долларов пятьсот.

— Давайте.

Открыв маленький стенной сейф и тщательно проверив его содержимое, он сообщил, что там всего четыреста тридцать долларов, а так как мне

не хотелось оставлять отпечатки пальцев, пришлось поверить ему на слово. Я засунул купюры во внутренний карман пиджака.

— Как вызвать такси?

Он назвал номер, и я заставил его позвонить, потому что не знал, где нахожусь, и кроме того, не хотел, чтобы он догадался о плачевном состоянии моей памяти. Что ни говори, одна из повязок, которую я тщательно разбинтовал, была вокруг моей головы. Закончив разговор, он назвал адрес: частная клиника в Гринвуде. Я прикурил одну сигарету от другой и плюхнулся в удобное кожаное кресло рядом с книжным шкафом, скинув с ног вериги фунтов в двести.

— Когда придет машина, вам придется меня проводить.

Он промолчал, и больше я не услышал от него ни слова.

Было восемь часов утра, когда шофер такси высадил меня на одной из безлюдных улиц ближайшего города. Я расплатился и пошел пешком. Минут через двадцать зашел в закусочную, сел за столик и заказал стакан сока, два яйца, тосты, бекон и три чашки кофе. Бекон оказался слишком жирным. Позавтракав, я решил сделать кое-какие покупки, но мне пришлось немного подождать,

так как магазин открылся только в девять тридцать. Я купил вельветовые брюки, три рубашки спортивного покроя, пояс, нижнее белье и ботинки, а заодно приобрел носовой платок, бумажник и расческу.

Затем я отправился на автобусную станцию и взял билет до Нью-Йорка. Никто не пытался меня остановить. Никто за мной не следил. Сидя в мягком кресле у окна, глядя на убегающий осенний пейзаж и куда-то спешащие облака, я пытался собрать воедино все, что мне было известно.

Карла Кори с переломами обеих ног (которые, кстати, меня абсолютно не беспокоили) положила в больницу его сестра, Эвелина Флаумель, после автомобильной катастрофы, происшедшей две недели назад. Я не знал никакой Эвелины. Персонал клиники, очевидно, получил четкие указания держать меня в беспомощном состоянии: по крайней мере, доктор был явно напуган, когда я пригрозил судом. Значит, враги меня боялись, и этим можно было воспользоваться. Я стал мучительно вспоминать подробности аварии, и в результате у меня разболелась голова. Тем не менее, сам не знаю почему, я был твердо убежден, что попал в автомобильную катастрофу не случайно. Ну что ж, когда я все

выясню, кому-то не поздоровится. Сильно не поздоровится. Горячая ненависть захлестнула меня, сдавила грудь. Пусть тот, кому я мешал, пеняет на себя. Я почувствовал непреодолимое желание физически уничтожить виновника и внезапно понял, что такие чувства мне не в диковинку и что в прошлой жизни я не раз убивал людей. Вздрогнув, я посмотрел вновь в окно на опавшие мертвые листья.

Добравшись до Нью-Йорка, я первым делом побрился и подстригся: терпеть не могу, когда шею щекочут волосы. Кольт тридцать второго калибра, принадлежавший безвестному врачу в Гринвуде, после некоторых колебаний я сунул в правый карман куртки. Правда, если милый доктор или моя сестра обратятся в полицию с просьбой разыскать сбежавшего пациента, незаконное ношение оружия сослужит плохую службу, но, во-первых, найти меня будет не так-то легко, а во-вторых, я не знал, как развернутся события. Быстро перекусив в ближайшем кафе, я в течение часа ездил в метро и на автобусах, неожиданно соскакивая на остановках, а затем взял такси и отправился к Эвелине, моей неизвестной сестре, за разъяснениями. Проезжая по улицам города, я составил план дальнейших

действий и тщательно обдумал свое поведение. Я шел по извилистой аллее мимо дубов-великанов и толстых осин, а ветер холодил только что подстриженную шею под воротником куртки. Запах парикмахерской от моих волос смешивался с густыми ароматами плюща, обвивавшего стены дома. Ничто вокруг не было мне знакомо, так что вряд ли я бывал здесь раньше.

Я постучал в дверь большого старинного особняка. Затем засунул руки в карманы и стал ждать, заранее зная, что буду говорить. Примерно через минуту дверь открылась, я улыбнулся и кивнул плоскогрудой служанке с большим количеством родинок на лице и ярко выраженным пуэрториканским акцентом.

— Да? — спросила она.

— Мне бы хотелось видеть миссис Эвелину Флаумель.

— Как прикажете доложить?

— Ее брат Карл.

— О, входите, пожалуйста.

Я оказался в прихожей, пол которой был выстлан небольшими бежевато-розоватыми плитками, а стены обшиты панелями красного дерева. На потолке висела серебряная в эмали люстра с четырьмя хрустальными плафонами. Горнич-

ная удалилась, и я внимательно посмотрел по сторонам, пытаясь что-нибудь вспомнить. Безрезультатно. Тогда я стал просто ждать. Горничная вернулась довольно быстро и улыбнувшись, кивнула головой.

— Проходите, пожалуйста. Миссис Флаумель примет вас и библиотеке.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж и прошли по коридору мимо двух запертых дверей. Третья дверь слева была открыта, и горничная остановилась, пропуская меня вперед. Как и в любой другой библиотеке, повсюду на стеллажах стояли книги. На стенах висели три пейзажа, один из них морской. На полу лежал толстый зеленый ковер. Рядом с большим письменным столом стоял непомерных размеров глобус, с поверхности которого на меня смотрела Африка.

На женщине, сидевшей за столом, было платье цвета морской волны. Вьющиеся в локонах волосы, напоминающие освещенные солнцем закатные облака, ниспадали на плечи. Огромные глаза за стеклами очков — в которых она вряд ли нуждалась — светились голубизной, как озеро Эри в три часа пополудни ясным летним днем. Она улыбнулась, не разжимая коралловых, под цвет волос, губ. Я знал эту женщину, но абсолют-

но не помнил, кто она такая. Перешагнув через порог, я тоже улыбнулся, не разжимая губ.

— Привет, — сказал я.

— Здравствуй. — Она указала рукой на кресло с высокой спинкой и подлокотниками, в котором можно было удобно развалиться и помечтать. — Садись, пожалуйста. — Я сел, и она молча принялась изучать мое лицо. — Рада тебя видеть.

— Взаимно. Как поживаешь?

— Спасибо. Признаться, не ожидала, что ты придешь.

— Знаю. Должен же я отблагодарить тебя за сестринские заботу и внимание. — Я специально говорил с легкой иронией, чтобы посмотреть, как она отреагирует. В эту минуту в библиотеку вошел огромный пес, ирландский волкодав, и молча улегся у стола.

— Не стоит благодарности, — ответила она в том же тоне. — Разве могла я бросить брата в беде? В следующий раз будь осторожнее за рулем.

— Можешь не сомневаться, в следующий раз я приму все меры предосторожности. — Она не подозревала, что я понятия не имею, о чем говорю, и я решил этим воспользоваться. — Я пришел, потому что нам есть что сказать друг другу. Ты

как считаешь?

— Да. Ты обедал?

— Перекусил в кафе часа два назад.

Она позвонила горничной и велела накрыть на стол. Потом искоса на меня посмотрела.

— Я знала, что ты выберешься из клиники, но не думала, что так скоро. И все же не понимаю, почему ты пришел именно ко мне.

— Решил сделать тебе сюрприз.

Она задумалась, потом предложила мне сигарету. Мы закурили.

— От тебя всегда можно было ждать чего угодно, — нарушила она затянувшуюся паузу, — и ты всегда выходил сухим из воды. Но боюсь, сейчас этот номер не пройдет.

— Почему? — спросил я.

— Ставки слишком высоки, и мне кажется, ты просто блефуешь, явившись ко мне без предварительной договоренности. Я всегда восхищалась твоей смелостью, Корвин, но будь благоразумен. Ты прекрасно понимаешь, чем это может кончиться.

«Корвин». Запомним.

— В данный момент я ничего не понимаю, — сказал я. — Ты забываешь, что на некоторое время я был выключен из игры.

— И ты ни с кем не общался?

— Не успел.

Она посмотрела на меня, склонив голову набок и слегка прищурившись. Ее изумительные глаза заблестели.

— Странно, — задумчиво произнесла она. — Как-то не верится, но, может быть, ты не врешь. Может быть. Тогда, конечно, ты принял единственно правильное решение и обезопасил себя со всех сторон. Дай мне подумать.

Я затянулся сигаретой, надеясь услышать еще что-нибудь, но она молчала, и я решил заговорить первым, начиная игру, в которой ничего не понимал, с партнерами мне неизвестными и по ставкам, о которых не имел ни малейшего представления.

— Мне непонятны твои сомнения, — заявил я. — Главное, что я пришел именно к тебе.

— Да, ответила она. — Знаю. Но ты слишком умен, и цель твоего визита наверняка неоднозначна. Ну да ладно, не будем спорить. Поживем — увидим.

Спорить? О чем? Увидим? Что? Журавля в небе?

Горничная вошла с подносом, на котором стояли тарелки с бифштексами и кувшин пива, и

на некоторое время я был избавлен от необходимости делать загадочные замечания и тонко намекать на обстоятельства, о которых ничего не знал. Бифштекс с кровью был превосходен, и я с жадностью на него набросился, смачно хрустя свежеподжаренным хлебом и запивая пивом. Она засмеялась, глядя на меня и нарезая мясо мелкими кусочками.

— Что мне в тебе нравится, так это жажда жизни, Корвин, — сказала она. — Жаль будет, если ты с ней расстанешься.

— Мне тоже, — пробормотал я.

И внезапно я увидел ее в зеленом, как морские глубины, платье с большим вырезом и пышными складками. Звучала музыка, пары кружились в вальсе, отовсюду доносились веселые голоса. На мне было черное с серебром… Видение исчезло. Но я твердо знал, что вспомнил часть своего прошлого, и про себя выругался, сетуя на провалы в памяти. О чем мы с ней разговаривали там, в зале, не обращая внимания на веселье и танцы?

Я наполнил кружки пивом и решил проверить на Эвелине свое видение.

— Помнишь тот бал? — спросил я. — Ты была в изумрудном платье, а я в черной с серебром одежде. Играла музыка, а мы с тобой стояли и раз-

говаривали. Какой прекрасной казалась жизнь…

На лице ее появилось мечтательное выражение, щеки порозовели.

— Да, много воды утекло с тех пор… Скажи, ты действительно ни с кем не вел переговоры?

— Честное слово, — поклялся я, стараясь удержаться от улыбки.

— Сейчас все изменилось к худшему, — вздохнула она, — и Отражения оказались не так безопасны, как мы думали…

— Продолжай.

— Он не изменился. Разве что забот прибавилось.

— Понятно.

— Как ты понимаешь, ему необходимо знать твои намерения. Что ты собираешься предпринять?

— Ничего, — небрежно ответил я.

— То есть как? — Глаза ее изумленно расширились.

— По крайней мере в данный момент, — торопливо сказал я. — Сначала мне надо во всем разобраться.

— Вот оно что.

Второй ирландский волкодав вошел в библиотеку и тоже улегся у стола. Мы молча допили

пиво, доели бифштексы и бросили кости собакам. Потом нам подали кофе, и неожиданно я понял, что испытываю по отношению к этой женщине самые настоящие братские чувства, которые, однако, я быстро в себе подавил.

— Итак, что новенького? — спросил я, отпивая кофе маленькими глоточками. Безобидная фраза, вполне естественная и абсолютно безопасная: ведь вряд ли она спросит в ответ, что я имею в виду.

— Все по-прежнему. — Она откинулась на спинку кресла и рассеянно смотрела в потолок. — Ничего особенного не произошло. Возможно, ты поступил умнее всех нас вместе взятых. Мне и самой здесь нравится. Но… разве можно забыть…

Я опустил голову, не зная, какое выражение придать своему лицу, и на всякий случай сказал замогильным голосом:

— Ты права. Это невозможно.

Пауза затянулась, и я понятия не имел, как вести себя дальше, но, слава богу, она заговорила первой.

— Скажи, ты меня ненавидишь?

— Ты с ума сошла! — воскликнул я. — Что бы между нами ни произошло, как я могу тебя ненавидеть?

Видимо, мой ответ ей понравился, потому что она улыбнулась, обнажив белоснежные зубы.

— Спасибо. Несмотря ни на что, ты — настоящий мужчина.

Я улыбнулся.

— От твоих похвал у меня может закружиться голова.

— Ну, это вряд ли.

И я почувствовал себя неуютно. Сидевшая передо мной женщина наверняка знала того, кто хотел погубить меня, и ненависть вспыхнула во мне с новой силой. Я едва, удержался от желания потребовать у нее ответа.

— И все же, что ты собираешься предпринять? — спросила она, и я невнятно пробормотал, не придумав ничего лучше:

— Все равно ты мне не поверишь.

— Как мы можем тебе верить?

Я решил запомнить это «мы».

— Вот видишь. Но я хочу доказать, что говорю правду, и для этого останусь жить в твоем доме. Тебе не составит большого труда следить за каждым моим шагом.

— А потом?

— Потом? Поживем — увидим.

— Умно, — сказала она. — Необычайно умно.

И ты ставишь меня в неловкое положение. — (Честно говоря, мне просто некуда было идти, а деньги, полученные за шантаж, быстро таяли). — Оставайся, конечно, но учти, — она взяла в руки цепочку с брелком, висевшую у нее на шее, — что это — ультразвуковой сигнал для собак. У Доннера и Блитцера четыре брата, каждый из них прошел дрессировку, и они сбегаются по первому моему зову. Если они нападут все вместе, даже тебе не удастся долго продержаться. В Ирландии и волков-то не осталось после того, как там вывели эту породу собак.

— Знаю, — машинально ответил я, и тут же понял, что действительно это знаю.

— Да, — продолжала она. — Эрик останется доволен, когда я скажу, что ты — мой гость. Он вынужден будет оставить тебя в покое, а ведь ты только этого и добиваешься, n'est-ce-pas? [1]

— Oui[2]

«Эрик!» Меня заколотил озноб. Я помнил, хорошо помнил Эрика, и это было очень важно, хотя мы давно не виделись. Почему? Потому что я его ненавидел. Ненавидел так сильно, что убил

---

[1] Примечания: 1
Не так ли? *(франц.)*

[2] Примечания: 2
Да *(франц.)*.

бы, не моргнув глазом. Вполне возможно, что когда-то я пытался это сделать. И между нами существовала какая-то связь. Родственная? Да, да, именно так. Нас обоих раздражало, что мы… братья. Я помнил… помнил… Большой, сильный Эрик с влажной кудрявой бородой и с такими же глазами, как у Эвелины.

Воспоминания нахлынули на меня, в висках застучало, лоб покрылся испариной. Но мое лицо осталось бесстрастным. Я медленно затянулся сигаретой и неожиданно сообразил, что Эвелина действительно была моей сестрой! Только звали ее не Эвелиной. Что ж, придется быть осторожнее. В конце концов, совсем не обязательно называть ее по имени.

Кто я такой? И что все это значит?

«Эрик, — внезапно подумал я, — прекрасно знал об автомобильной катастрофе, которая должна была закончиться моей гибелью. Уж не он ли ее организовал? Да, — подсказал мне внутренний голос, — больше некому. А Эвелина была его сообщницей и заплатила доктору, чтобы меня пичкали наркотиками. Неизвестно еще, что хуже, смерть или…»

Я вздрогнул. Попав в ее дом, я сунул голову в пасть льва: стал пленником Эрика. Они могли

расправиться со мной в любую секунду. Но она сказала, что Эрику придется оставить меня в покое, когда он узнает, что я — ее гость. Я задумался. Я не имел права верить всему, что мне говорили. Либо придется все время быть начеку, либо надо уходить и ничего не предпринимать до тех пор, пока память полностью ко мне не вернется. Не знаю, как объяснить, но я чувствовал, что время не ждет. Мне почему-то казалось, что я немедленно должен разобраться, в чем дело, и начать действовать. И если необходимо подвергнуться опасности, чтобы вернуть память, или рискнуть жизнью ради достижения важной цели, быть по сему. Я остаюсь.

— …помню, — сказала Эвелина, и я понял, что она говорит уже в течение нескольких минут. Возможно, она просто болтала о пустяках, но меня захлестнула волна воспоминаний, и я просто отключился. — … тот день, когда ты победил Джулиана в его любимых состязаниях, и он с проклятьями швырнул в тебя бокал с вином. Но главный приз достался тебе. И внезапно он испугался, что позволил себе лишнее. А ты просто рассмеялся и выпил с ним другой бокал вина. Мне кажется, он до сих пор раскаивается, что не сдержался, ведь Джулиан такой хладнокровный

и старается во всем тебе подражать, хоть и завидует. Ты помнишь? Но я все равно ненавижу его по-прежнему и надеюсь, что когда-нибудь он споткнется. Теперь недолго осталось ждать…

«Джулиан, Джулиан, Джулиан»… Да и нет. Человек, которого мне удалось вывести из себя, несмотря на его легендарное самообладание. Охота… главный приз… Что-то очень знакомое, но хоть убей, я не мог вспомнить, в чем было дело.

— А Каин? Помнишь, как здорово ты его высмеял? Он ненавидит тебя лютой ненавистью…

Похоже, я не пользовался особой популярностью. «Каин». Я его знал. Хорошо знал. «Эрик, Джулиан, Каин, Корвин». Комната поплыла у меня перед глазами, пульс бешено забился в висках.

— Это было так давно…, — невольно вырвалось у меня.

— Корвин, — сказала она, — давай перестанем играть в прятки. Ведь я понимаю, что ты пришел ко мне вовсе не для того, чтобы себя обезопасить. Наверняка ты хочешь со мной договориться, и, зная твои силы, я никогда не поверю, что ты останешься в стороне. Мне неизвестно, что ты задумал, но, может быть, нам удастся заключить с Эриком взаимовыгодную сделку. — Это

«нам» прозвучало явно фальшиво. Видимо, она тщательно взвесила все обстоятельства (мне неизвестные) и пришла к выводу, что мое присутствие ей на руку. Похоже, сестричка Эвелина решила урвать себе лакомый кусочек. Я улыбнулся. — Скажи, — продолжала она, — ведь ты пришел, чтобы договориться с Эриком? И предпочитаешь вести переговоры через посредника?

— Может быть, — сказал я. — Сейчас мне бы не хотелось отвечать на твой вопрос. Я совсем недавно поправился и решил остановиться у тебя на тот случай, если начну действовать или захочу договориться с Эриком.

— Думай, что говоришь. Ведь ты прекрасно понимаешь, что я доложу каждое твое слово.

— Как знаешь. — Пришла пора рискнуть и попробовать перехватить инициативу. — Но, может быть, тебе выгоднее иметь дело со мной?

Брови ее сдвинулись, и между ними пролегли морщинки.

— Я не совсем понимаю, что ты предлагаешь.

— Я ничего не предлагаю… пока. Я действительно не лгу, когда говорю, что еще не принял окончательного решения. Но я не уверен, что захочу договориться с Эриком. В конце концов… — Я умолк и многозначительно на нее посмотрел,

прекрасно понимая, что молчание мое вряд ли выглядит убедительным. Но я иссяк.

— Разве у тебя есть другая кандидатура? — Внезапно она вскочила, схватившись за свисток. — Блейз! Ну, конечно!

— Сядь и не смеши меня, — сказал я. — Неужели я пришел бы к тебе, прекрасно понимая, чем это грозит, если бы собирался договориться с Блейзом?

Рука, сжимавшая свисток, опустилась, и, искоса на меня посмотрев, она снова уселась в кресло.

— Кто знает? — произнесла она после непродолжительного молчания. Ведь ты — игрок в душе и способен на предательство. Но если ты пришел убить меня, это глупо. Кому-кому, а тебе должно быть известно, что я вовсе не такая важная птица. И, кроме того, мне всегда казалось, что ты хорошо ко мне относишься.

— Так оно и есть, — с готовностью согласился я. — Можешь мне поверить, тебе не о чем беспокоиться. Как странно, что ты заговорила о Блейзе.

Приманка, приманка, приманка! Мне так много надо было узнать!

— Почему? Значит, вы все-таки вели переговоры?

— На этот вопрос я тоже предпочитаю не от-

вечать, — сказал я, довольный, что добился некоторого преимущества. — Но, уверяю тебя, в любом случае я ответил бы ему тоже, что и Эрику: «Я подумаю».

— Блейз, — повторила она.

«Блейз, — сказал я сам себе. — Блейз, ты мне нравишься. Я должен плохо относиться к тебе, хоть и не помню, по какой причине, но ты мне нравишься. Я это знаю».

Какое-то время мы сидели молча, и внезапно на меня навалилась смертельная усталость. Но я ничем себя не выдал. Я не имел права показывать своей слабости. Я знал, что обязан быть сильным.

— Хорошая у тебя библиотека, — заметил я, нарушая затянувшуюся паузу.

— Спасибо. — Она внимательно на меня посмотрела. — Блейз… Скажи, ты действительно считаешь, что у него есть шанс?

Я пожал плечами.

— Трудно сказать. Может быть, он в себе уверен. А может, и нет. По крайней мере, я здесь ни при чем.

Внезапно я увидел, что рот у нее приоткрылся, а глаза изумленно расширились.

— Ни при чем? — повторила она. — Послушай,

неужели ты сам решил рискнуть?

Я рассмеялся в надежде, что это хоть как-то ее успокоит.

— Не говори глупости, — заявил я, стараясь выглядеть как можно увереннее. — Зачем мне рисковать?

Но в глубине моей души зазвенела какая-то струна, а в голове молнией блеснула мысль: «Почему бы и нет?» И мне стало страшно. Мой ответ, казалось, ее успокоил, и, улыбнувшись, она махнула рукой в сторону встроенного в стену бара.

— Я бы выпила коктейль, только покрепче.

— С удовольствием к тебе присоединюсь. — Поднявшись, я подошел к бару, смешал напитки и налил два полных бокала. — Знаешь, — сказал я, вновь усаживаясь в кресло, — я рад, что мы сидим с тобой вдвоем, разговариваем, как прежде, никто нам не мешает. По крайней мере, у меня возникают приятные воспоминания.

И лицо ее озарилось прекрасной улыбкой.

— Ты прав. Если ни о чем не думать, можно на секунду представить, что мы снова в Амбере.

И бокал чуть не выпал у меня из рук.

«Амбер!» Горячая волна прокатилась по моей спине, ударила в голову.

Она тихонько заплакала, и я поднялся, обнял ее

за плечи и осторожно притянул к себе.

— Не плачь, сестричка, не надо! Не трави мне душу! — «Амбер! Волшебное, животрепещущее слово, которое так много значило!» — подожди, настанут еще хорошие времена!

— Ты действительно так думаешь?

— Да! — громко сказал я. — Я в этом уверен!

— Ты сумасшедший! Наверное, поэтому я всегда любила тебя больше других братьев. Когда ты так говоришь, я тебе верю, хоть и знаю, что ты — сумасшедший! — Она опять заплакала, но довольно быстро успокоилась. — Корвин, — всхлипнула она в последний раз, — если когда-нибудь ты добьешься своего, если каким-то чудом, неизвестным даже на Отражениях, твое желание исполнится, ты ведь не забудешь свою глупенькую сестричку Флоримель?

— Да, — ответил я, вспомнив ее имя, как только его услышал. — Обещаю, что не забуду.

— Спасибо. Я доложу Эрику, что ты появился, но ничего не скажу о Блейзе и о своих подозрениях.

— Спасибо, Флора.

— Только я все равно тебе не верю. Помни об этом.

— Естественно.

Потом она позвонила горничной, которая про-

водила меня в спальню, и я с трудом разделся, свалился в постель и проспал одиннадцать часов кряду.

Когда я проснулся следующим утром, Флора куда-то ушла, даже не оставив записки. Горничная подала мне завтрак на кухне и отправилась по своим делам. Я не стал ни о чем ее расспрашивать. Все равно она либо ничего не знала, либо отказалась бы отвечать на мои вопросы и в любом случае обязательно донесла бы на меня Флоре. А поскольку я оказался полновластным хозяином дома, то решил для начала обыскать библиотеку. Я вообще люблю библиотеки. За стеной красивых и мудрых слов чувствуешь себя спокойно, уютно и, главное, безопасно. К тому же книги помогают забыть о неприятностях.

Доннер, Блитцер или один из их собратьев появился неизвестно откуда и пошел за мной на негнущихся лапах, осторожно принюхиваясь. Я попробовал с ним подружиться, но, судя по всему, это было сложнее, чем договориться с полицейским, остановившим тебя за превышение скорости. Проходя по коридору, я заглянул в две комнаты, на которые обратил внимание вчера вечером, но ничего интересного не увидел.

Когда я пошел в библиотеку, Африка все еще

глядела прямо на меня. Я закрыл за собой дверь, чтобы собаки не мешали, и прошел мимо стеллажей, читая названия книг на корешках. Основу всей коллекции составляли книги по истории и частично по искусству. Я взял одно из роскошных изданий и принялся рассеянно листать страницы. Самые умные мысли обычно приходили мне в голову, когда я отвлекался и думал о чем-то постороннем. Совершенно очевидно, Флора была богата. Означало ли это, если мы действительно являлись братом и сестрой, что я тоже не нуждался в деньгах? Я стал думать о своем доходе, социальном положении и профессии. Мне казалось, что денежный вопрос никогда меня не беспокоил, и средства к существованию я добывал без особого труда. Был ли у меня свой дом? Этого я не помнил. Каким родом деятельности я занимался? Я уселся в кресло за письменным столом и начал методично обшаривать свою память, пытаясь понять, кто я такой. Исследовать самого себя со стороны очень трудно, и, наверное, поэтому у меня ничего не вышло. Обратиться к врачу? Эта мысль пришла мне в голову, когда я рассматривал анатомические рисунки Леонардо да Винчи. Почти машинально я стал повторять в уме некоторые стадии хирургической операции и

понял, что в прошлом оперировал людей. Но я не был практикующим врачом, и мое медицинское образование являлось лишь частью куда более обширных знаний. Так кем же я был? Кем?

Что-то привлекло мое внимание. Сидя за письменным столом, я обратил внимание на висящую на противоположной стене рядом с ковром антикварную кавалерийскую саблю. Вчера вечером я ее просто не заметил, так как сидел спиной к двери. Я встал с кресла, подошел к стене, взял саблю в руки и невольно поморщился, увидев, в каком состоянии находилось боевое оружие. Мне захотелось взять масленую тряпку и наждак, чтобы привести клинок в надлежащий вид. Значит, я разбирался в оружии, по крайней мере, рубящем. Моя рука привычно обхватила эфес; я чувствовал себя спокойно и уверенно. Я отсалютовал. Провел атаку, сделал несколько выпадов и принял оборонительную позицию. Да, я умел фехтовать.

Час от часу не легче. Я внимательно осмотрелся в надежде, что какая-нибудь мелочь сможет пробудить мою память, но ничего путного не увидел и, повесив саблю на место, вернулся за письменный стол с твердым намерением исследовать его содержимое. Удобно усевшись в кресло, я выдвинул средний ящик и принялся за работу.

Чековые книжки, конверты, почтовые марки, листы бумаги, огрызки карандашей, резинки — в общем, обычный ассортимент. Каждый ящик я вытаскивал и держал на коленях, выкладывая предметы на стол по одному, а затем складывая их обратно в том же порядке. Никаких умственных усилий я не прилагал: руки работали сами. Видимо, подобные навыки были частью подготовки, которую я получил в прошлом, и они заодно подсказывали мне, что у ящиков всегда надо осматривать дно и боковые стенки. Тем не менее я чуть было не прозевал одну деталь и спохватился в самый последний момент: задняя стенка правого нижнего ящика была ниже, чем у остальных. Я наклонился, заглянул в глубь пустого пространства и увидел нечто похожее на плоскую коробку, которая на поверку оказалась небольшим потайным ящичком, запертым на ключ. Примерно минута ушла у меня на дурацкую возню со скрепками, булавками, шпильками. Исход дела решил металлический рожок для обуви, лежавший на столе.

В потайном ящичке лежала колода карт. И когда я увидел рисунок на обложке пачки, я вздрогнул, дыхание мое участилось, а на лбу выступил холодный пот. Это был рисунок белого

единорога, стоявшего на травянистом поле на задних лапах и глядевшего вправо. Я знал этот рисунок, но не мог вспомнить, что он означал, и мне было обидно до слез. Я достал колоду из пачки. Обычные гадальные карты с чашами, копьями, шпагами и прочими атрибутами. Но картинки…

Я вставил на место оба ящика, но только до середины, чтобы случайно не закрыть потайного, пока не просмотрю колоду до конца. Картинки выглядели совсем как живые. Казалось, изображенные на них люди готовы были в любую минуту сойти со сверкающих глянцевых поверхностей. Карты были холодными на ощупь, и мне доставляло удовольствие держать их в руках. Внезапно я понял, что когда-то обладал такой же колодой. Я начал раскладывать карты на столе.

На первой из них был изображен невысокий человек с хитрыми глазами, острым носом, смеющимся ртом и копной соломенных волос. Его одежда, красная, желтая и коричневая, напоминала костюм эпохи Возрождения. На нем были короткая кожаная куртка и длинный плащ. Его звали Рэндом. И я его знал.

Со следующей карты на меня смотрел Джулиан. Бесстрастное лицо, непроницаемый взгляд

голубых глаз, черные волосы ниже плеч. Белые доспехи, именно белые, а не серебристые или с металлическим оттенком, создавали такое впечатление, словно он с головы до ног был покрыт эмалью. Я знал, однако, что, несмотря на кажущуюся хрупкость, даже декоративность, эти доспехи смягчали практически любой удар, и их невозможно было пробить. Именно над Джулианом я одержал победу, после чего он швырнул в меня бокал с вином. Я его знал, и я его ненавидел.

На третьей карте я увидел смуглого черноглазого Каина в черном с зеленым отливом атласном костюме и треуголке набекрень, украшенной плюмажем из зеленых перьев. Он стоял ко мне в профиль, отведя одну руку в сторону и вывернув носки сапог. На поясе его висел кинжал, в рукоять которого был вставлен большой изумруд. Я не помнил, в каких мы были отношениях.

Следующим был Эрик. Красивый мужчина с длинными волосами цвета воронова крыла, настолько черными, что они отливали голубизной. Борода его курчавилась, обрамляя улыбающийся рот. Одетый в простой кожаный камзол, кожаные чулки, плащ-накидку и высокие черные сапоги, он стоял, заткнув большие пальцы сильных уверенных рук за пояс (правая рука рядом с

черными перчатками). На красной перевязи с застежкой из большого рубина висела серебряная шпага. Стоячий воротничок и манжеты рубашки были оторочены красной канвой. Это он, Эрик, хотел погубить меня, подстроив автомобильную катастрофу, и чуть было не преуспел в этом намерении. Я смотрел на своего брата и чувствовал, что в глубине души я его немного боюсь.

Затем появился Бенедикт, человек с незаурядным умом, высокий и худощавый. Его одежда желтого, красного и коричневого тонов странным образом напоминала мне копны душистого сена. У него был сильный волевой подбородок, карие глаза и прямые каштановые волосы. Он стоял рядом с гнедым конем, опираясь на копье, увенчанное гирляндой цветов. Бенедикт редко смеялся. И он мне нравился.

Перевернув следующую карту, я на секунду перестал дышать, и сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди. Это был я. У меня возникло такое ощущение, будто я собрался побриться и смотрю в зеркало. Зеленые глаза, черные волосы, черная с серебром одежда. Край длинного плаща отогнулся, как бывает при порыве ветра. На мне были черные сапоги, такие же, как у Эрика, а на боку висела шпага, несколько массивнее, но не

такая длинная, как у него. Черные с серебристым отливом перчатки облегали мои руки; плащ был застегнут на шее брошью в форме серебряной розы. Я, Корвин.

Высокий крупный мужчина смотрел на меня со следующей карты. Мы были очень похожи, только подбородок его чуть больше выдавался вперед, а тело казалось необычайно мощным. Правда, он был медлителен, но о силе его ходили легенды. Одетый в серый с голубым ладный костюм, опоясанный широким поясом, он стоял и смеялся. На шее на широкой цепи висел серебряный охотничий рог. Спокойное лицо украшали коротко подстриженная бородка и небольшие усики. В правой руке он держал кубок с вином. Внезапно я почувствовал к нему сильную привязанность. И вспомнил его имя — Жерар.

На другой карте был изображен человек с большой русой бородой и огненно-рыжими волосами, разодетый в красный и желтый шелка. В правой руке он держал шпагу, в левой — кубок с вином, а в глазах его, таких же голубых, как у Флоры и Эрика, плясали дьявольские огоньки. Клинок шпаги украшал золотой орнамент. Три кольца с большими изумрудом, рубином и сапфиром сверкали на пальцах. Это был Блейз.

Следующего человека я узнал с первого взгляда. Он был одновременно похож и на Блейза, и на меня: мои глаза и черты лица, правда, более мелкие, волосы же, как у Блейза, хотя лицо чисто выбрито. Одетый в зеленый охотничий костюм, он сидел на белой лошади, глядя в сторону. В нем одновременно уживались сила и слабость, решительность и безволие. Соответственно, я то одобрял, то порицал этого человека и не любил его, несмотря на то, что неплохо к нему относился. Его звали Бранд…

Неожиданно я понял, что хорошо знаю этих людей, помню все их достоинства и недостатки. Ничего удивительного: ведь все они были моими братьями. Я закурил сигарету из пачки, лежавшей на столе, откинулся на спинку кресла и попытался суммировать то, что мне стало известно. Они были моими братьями, эти восемь странных людей, одетых в странные одежды. И они имели полное право одеваться, как им вздумается, так же как я имел право носить костюм только двух цветов. Я усмехнулся, вспомнив покупки, которые сделал в маленьком гринвудском магазине: черные брюки, черную куртку, три серые со стальным отливом рубашки.

Вновь взяв колоду в руки, я сразу же нашел кар-

ту с изображением Флоры в зеленом, как морские глубины, наряде. Да, именно такой вспомнил я ее накануне. На следующей карте была изображена девушка с густыми черными волосами ниже плеч и большими голубыми глазами, одетая в черное платье с серебряным поясом. Мои глаза наполнились слезами, сам не знаю почему. Ее звали Дейдра. Затем я увидел Фиону с копной огненно-рыжих волос, как у Блейза и Бранда, моими глазами и жемчужной кожей. Я ненавидел ее всеми силами души. Следующей была Льювилла. Изумрудные глаза под цвет волос, печальное выражение на лице, переливающееся серо-зеленое платье с бледно-желтым поясом. Я знал, что Льювилла чем-то отличается от нас. Но она тоже была моей сестрой.

Мне стало очень одиноко, но одновременно, как ни странно, я чувствовал присутствие этих людей рядом с собой. Карты были так холодны на ощупь, что я снова сложил их вместе, правда, с явной неохотой. По непонятной причине мне было жалко с ними расставаться. Но других картинок в колоде я не нашел, хотя почему-то (проклятое «почему-то») не сомневался, что она была неполной и нескольких карт в ней недоставало. Мне стало до боли обидно, что я никак не

могу вспомнить изображений на отсутствующих картах. Откинувшись на спинку кресла, я взял со стола дымящуюся сигарету и задумался. Почему я так отчетливо вспоминал факты, когда держал колоду в руках? Сейчас я знал неизмеримо больше, чем раньше, и тем не менее собственное прошлое оставалось для меня за семью печатями. Для чего надо было изображать на картах самих себя? Откуда у меня это непреодолимое желание сунуть колоду себе в карман? Желание, которое, к великому моему сожалению, придется подавить, потому что Флора сразу заметит пропажу и у меня могут быть крупные неприятности. Я вздохнул, положил карты в потайной ящичек и привел письменный стол в порядок. А затем… господи, как я напрягал свой мозг в поисках ответа на мучивший меня вопрос! Безрезультатно!

Но внезапно я вспомнил магическое слово: Амбер! Слово, которое взволновало меня до такой степени, что я невольно избегал думать о нем со вчерашнего вечера. Оно навевало тоску, бередило душу, вызывало ностальгическое чувство. В нем были заключены красота и нежность, любовь и почти божественная сила. Оно казалось родным и близким. Амбер являлся моей частичкой, а я — частичкой Амбера. Внезапно я понял, что это

— название места, которое я когда-то знал. Но как я ни ломал себе голову, ничего больше вспомнить мне не удалось.

Долго ли я сидел, задумавшись, сказать трудно: время, казалось, перестало существовать. Словно издалека услышал я стук в дверь. Ручка медленно повернулась, и в библиотеку вошла Кармелла, горничная Флоры. Остановившись на пороге, она поинтересовалась, не угодно ли мне сделать перерыв на обед. Конечно, угодно! Я тут же отправился на кухню и умял половину холодного цыпленка, запив его квартой молока. Кофейник я отнес в библиотеку, тщательно обходя любопытных собак, и с наслаждением пил вторую чашку черного кофе, когда раздался телефонный звонок. Мне очень хотелось снять трубку, но я подумал, что в доме наверняка полно параллельных аппаратов и к телефону подойдет Кармелла. Я ошибся. Телефон продолжал звонить, и в конце концов я не выдержал.

— Слушаю, — сказал я. — Резиденция Флаумель.

— Будьте любезны, попросите миссис Флаумель к телефону.

Говорил он быстро, нервно и чуть задыхаясь, а в трубке трещало и слышались посторонние

голоса, как при междугородной связи.

— Мне очень жаль, но ее нет дома. Что-нибудь передать или вы перезвоните?

— Кто это говорит? — требовательно спросил он.

И, чуть поколебавшись, я ответил:

— Корвин.

— О боже! — воскликнул голос.

Наступило молчание. Я решил, что он повесил трубку, но на всякий случай сказал: «Алло», и в это время он произнес: «Она еще жива?»

— Какого черта! Конечно, жива! И вообще, с кем я разговариваю?

— Неужели ты не узнал меня, Корвин? Это Рэндом. Послушай, я в Калифорнии, и у меня крупные неприятности. Я хотел спрятаться у Флоры в доме. Ты с ней?

— Временно.

— Понятно. Послушай, Корвин, ты окажешь мне покровительство? — Он помолчал, потом добавил: — Очень тебя прошу.

— С удовольствием. Но я не могу отвечать за Флору, пока не переговорю с ней.

— Ты защитишь меня от нее?

— Да.

— Больше мне ничего не надо. Сейчас попы-

таюсь пробраться в Нью-Йорк. Придется идти в обход, так что не знаю, сколько времени займет дорога. Если повезет с Отражениями, скоро увидимся. Пожелай мне удачи.

— Удачи!

Раздался щелчок повешенной трубки, и я снова услышал треск и отдаленные голоса.

Значит, маленький хитрый Рэндом попал в беду! Не знаю, почему, но меня это ничуть не беспокоило. Я, конечно, попытаюсь ему помочь и заодно выведаю все, что смогу. Ведь Рэндом был ключом к моему прошлому, а может, и к будущему. Я знал, что мы никогда не испытывали друг к другу братской любви. Но я также знал, что Рэндом был решителен, смел, очень умен и до странности сентиментален. Правда, его честное слово не стоило выеденного яйца и, клянясь в вечной верности, он мог продать труп своего собеседника в анатомичку, заранее пообещавшую хорошо заплатить. Я прекрасно помнил этого маленького шпиона и испытывал к нему некоторую слабость, потому что, как мне казалось, мы провели вместе несколько приятных вечеров. Но доверять ему? Никогда! Я решил ничего не говорить Флоре до самой последней минуты. Пусть Рэндом будет моей козырной картой: если

не тузом, то, по крайней мере, валетом!

Я плеснул в чашку горячий кофе и начал пить маленькими глоточками. От кого Рэндом хотел спрятаться? Уж, конечно, не от Эрика, иначе он никогда не позвонил бы Флоре. И, кстати, почему он спросил, жива она или нет, когда понял, с кем разговаривает? Неужели моя ненависть к Эрику была настолько сильна, что я, по мнению родственников, мог убить тех, кто ему помогал? Странный вопрос, но тем не менее Рэндом его задал. В чем Флора помогала Эрику? Почему обстановка была накалена до такой степени, что я почти физически ее ощущал? И, наконец, от кого скрывался Рэндом?

Амбер. Только там можно было найти ответ на любой вопрос. Амбер. Ключ ко всем тайнам, в том числе — к моему прошлому. Мне почему-то казалось, что совсем недавно в Амбере произошли большие перемены. Придется быть начеку и делать вид, что я все знаю, а тем временем собирать сведения по крупицам и составлять из них одно целое. Я не сомневался, что смогу обмануть кого угодно; видимо, члены нашей семьи не испытывали особого доверия друг к другу, так что мои умалчивания или двусмысленные ответы никого не удивят. А когда я пойму, в чем дело, и

добьюсь своего, то не забуду тех, кто помогал мне, и не пощажу своих врагов. Потому что таков был закон нашей семьи, а я был истинным сыном своего отца…

Внезапно у меня опять разболелась голова и забился пульс в висках. Когда я подумал об отце, в мозгу мелькнула какая-то мысль, догадка, мгновенно исчезнувшая, и голова заболела еще сильнее. Я попытался расслабиться, и через некоторое время боль немного утихла, и я заснул прямо в кресле, так ничего и не вспомнив. Не знаю, долго ли я спал, но был поздний вечер, когда дверь отворилась и в библиотеку вошла Флора, одетая в длинную серую шерстяную юбку и зеленую шелковую блузку. На шее все еще висел ультразвуковой свисток, волосы были пучком уложены на затылке, и выглядела она очень усталой.

— Добрый вечер, сказал я, вставая с кресла.

Флора не ответила и, подойдя к бару, налила полную рюмку виски, которую выпила залпом, как заправский пьяница. Вновь наполнив рюмку до краев, она подошла к столу и села на стул с подлокотниками. Я прикурил и протянул ей зажженную сигарету. Она молча кивнула, глубоко затянулась и нехотя произнесла:

— По дороге в Амбер почти невозможно добраться.

— Почему?

Она изумленно на меня посмотрела.

— Когда ты был там в последний раз?

Я пожал плечами.

— Не помню.

— Что ж, не буду настаивать. Мне казалось, это твоих рук дело.

Я промолчал, потому что понятия не имел, о чем она говорит, и неожиданно вспомнил, что в Амбер можно легко попасть иным способом. Правда, Флора лишена такой возможности.

— Жаль, в твоей колоде не хватает нескольких карт, — небрежно заметил я.

Она вскочила со стула, пролив виски на юбку, и схватилась за свисток.

— Отдай!

Я быстро встал и взял ее за плечи.

— Я не брал твоих карт! К слову пришлось, вот я и сказал, что у тебя неполная колода.

Она явно успокоилась и тихонько заплакала, а я мягко подтолкнул ее, помогая сесть и откинуться на спинку.

— Я решила, ты их украл. — Она бросила на меня взгляд исподлобья. — Совершенно очевидно,

что нужной карты у меня нет, и твоя жестокая шутка неуместна.

Я промолчал, твердо зная, что не должен извиняться.

— Далеко тебе удалось уйти?

— Нет. — Внезапно Флора рассмеялась, и в глазах ее зажглись огоньки. — Значит, это все-таки ты закрыл дорогу в Амбер? Зная, что Эрик интересуется каждым твоим шагом, ты решил не пустить меня к нему с целью заманить его сюда? Верно? Но ведь Эрик кого-нибудь пришлет. Он никогда не явится сам.

Странные нотки восхищения проскальзывали в голосе этой женщины, рассуждавшей о предусмотрительности, которую я проявил, помешав ее планам. И тем не менее она спокойно признавалась в предательстве и не скрывала, что обязательно меня выдаст, как только ей представится такая возможность. Откуда столько кощунства, да еще в присутствии предполагаемой жертвы? Ответ напрашивался сам собой: так поступали все члены нашей семьи. Нам незачем было хитрить друг перед другом. Впрочем, Флора, пожалуй, была простодушнее остальных братьев и сестер.

— Неужели ты считаешь меня полным идио-

том? — спросил я. — Или думаешь, я пришел к тебе специально, чтобы Эрик мог меня сцапать? Кто бы ни закрыл дорогу в Амбер, так тебе и надо!

— Ну хорошо, я была дурой. А куда подевался твой хваленый ум? Ведь ты тоже изгнанник!

Ее слова причинили мне боль, хотя я знал, что она ошибается.

— Черта с два! — невольно вырвалось у меня.

Она опять рассмеялась.

— Так и знала, что ты разозлишься. Ладно, допустим, ты скрываешься на Отражениях с какой-то целью. Это безумие! Чего ты добиваешься? Зачем пришел?

Я пожал плечами.

— Мне было любопытно, что ты собираешься делать. Тебе не удастся меня удержать, если я захочу уйти. Это не удавалось даже Эрику. А может, просто захотелось тебя увидеть. Может, к старости я становлюсь сентиментальным. Как бы то ни было, я погощу совсем недолго. Если бы ты не поторопилась меня выдать, то, в конечном счете, осталась бы только в выигрыше. Помнишь, вчера вечером ты попросила не забывать тебя, если произойдет одно обстоятельство…

Прошло несколько секунд, прежде чем Флора

поняла, о чем я говорю, но все равно у нее было передо мной преимущество, потому что я сам не понимал смысла своих слов.

— Значит, ты решился! — воскликнула она. — Ты все-таки решился!

— А вот в этом можешь не сомневаться! — ответил я, твердо зная, что, о чем бы ни шла речь, я пойду на любой риск ради достижения неведомой мне цели. Пока неведомой. Так и доложи Эрику. Но помни, что я могу выйти победителем, и тогда лучше быть мне другом, чем врагом.

Угораздило же меня потерять память! Дорого бы я дал, чтобы знать, о чем говорю. Кое-как разобравшись в ситуации и ведя деловые разговоры, не понимая их значения, я тем не менее чувствовал, что поступаю правильно, что иначе нельзя… Внезапно она кинулась мне на шею и расцеловала в обе щеки.

— Я ничего ему не скажу. Нет, правда, Корвин! И мне кажется, ты добьешься своего! Блейз, конечно, тебе не помощник, но Жерар будет на твоей стороне, а может, и Бенедикт. И если Каин поймет, что за тобой — сила, он тоже к вам присоединится…

— Успокойся, Флора. Я сам решу, что мне делать.

Она подошла к бару и налила два стакана вина.

— За будущее!

— За будущее грех не выпить, — согласился я.

Мы выпили. Она вновь наполнила бокалы и пристально на меня посмотрела.

— Либо Эрик, либо Блейз, либо ты. Да, больше некому. А ты всегда был умен и находчив. Но ты исчез так давно, что я не могла считать тебя претендентом.

— А зря.

Я отхлебывал вино маленькими глоточками, надеясь, что она замолчит хоть на минуту. Слишком уж очевидно Флора пыталась вести двойную игру. Меня что-то смутно беспокоило, и я хотел разобраться в своих ощущениях. Глядя на карты, я чувствовал, как далеки от меня люди, на них изображенные, и в пространстве, и во времени. Сколько мне было лет? Судя по всему, около тридцати, хотя Флора все время говорила о каких-то Отражениях, и я интуитивно знал, что был куда старше. Много воды утекло с тех пор, как я в последний раз видел своих братьев и сестер вместе, в дружеской непринужденной обстановке, такими же спокойными и веселыми, как на картах.

Во входную дверь позвонили, и я услышал шаги

Кармеллы, спешившей узнать, кто пришел.

— Брат Рэндом, — небрежно сообщил я, глядя на Флору, — Я обещал ему свое покровительство.

Она изумленно на меня посмотрела и улыбнулась, как бы по достоинству оценивая мой ловкий ход. Я был рад, что она считает меня великим интриганом. Так мне было спокойнее.

Спокойнее мне было минуты три, не больше. Быстро сбежав по лестнице, я успел открыть дверь раньше Кармеллы. Он ввалился в прихожую и первым делом запер дверь на крюк. На нем не было ни короткой кожаной куртки, ни плаща-накидки. Под его голубыми глазами лежали тени, и он давно не брился. Одетый в коричневый шерстяной костюм и кожаные ботинки, он держал на руке легкое габардиновое полупальто. Но это был Рэндом, такой же, каким я видел его на карте, только не смеющийся, а усталый и с грязью под ногтями.

— Корвин! — воскликнул он и обнял меня.

Я похлопал его по плечу.

— Ты в таком состоянии, что рюмка виски тебе не повредит.

— Да. Да. Да… — согласился он, и я подтолкнул его, пропуская вперед. Минуты через три, сидя с рюмкой в одной руке и зажженной сигаретой

в другой, он сообщил: — За мной гонятся. Скоро будут здесь.

Флора вскрикнула, но мы не обратили на нее никакого внимания.

— Кто? — спросил я.

— Какие-то бандиты из Отражений. Понятия не имею, кто их послал. Человек пять, а может, шесть. Мы вместе летели, но потом я зафрахтовал личный самолет. Несколько раз менял направление, чтобы сбить их с курса, но ничего не вышло, а мне не хотелось отклоняться далеко в сторону. Они потеряли мой след в Манхеттене, но, думаю, ненадолго.

— И ты не знаешь, кто их послал?

Он ухмыльнулся.

— Кто-нибудь из наших родственничков, больше некому. Может, Блейз. А может, Джулиан или Каин. А может быть, ты, чтобы заманить меня в ловушку. Хотя, надеюсь, это не так. Ведь это не так?

— Увы! — сказал я. — Ты считаешь, положение серьезное?

Он пожал плечами.

— С двумя-тремя я бы справился. Но их слишком много.

Рэндом был невысок, ростом, примерно пять

футов шесть дюймов, и весил не больше ста тридцати фунтов. Но он не шутил, утверждая, что запросто мог бы справиться с двумя-тремя громилами. Внезапно мне пришло в голову, что я — его брат, а следовательно, тоже должен обладать большой физической силой. Но что значит «большой»? Я чувствовал, что могу встретиться с кем угодно, особенно не беспокоясь за себя, но как узнать предел своих возможностей? Ждать ответа пришлось недолго. Во входную дверь громко постучали.

— Что будем делать? — спросила Флора.

Рэндом рассмеялся, развязал галстук и кинул его на стол поверх габардинового полупальто. Затем он снял пиджак и огляделся по сторонам. Взгляд его остановился на сабле, и в ту же секунду он кинулся к ней и сорвал со стены. Я вытащил из кармана пистолет и щелкнул предохранителем.

— Что будем делать? — повторил Рэндом. — Вполне вероятно, они проникнут в дом. Когда ты в последний раз дралась, сестричка?

— Слишком давно, — ответила Флора.

— Тогда постарайся освежить свою память, потому что времени у нас в обрез. Можешь не сомневаться, ими кто-то управляет. Но нас трое, а их всего шестеро. Не о чем беспокоиться.

— Мы не знаем, из какого они Отражения, — сказала она.

— Какое это имеет значение?

— Вот именно, — вставил я. — Может, открыть дверь?

И Рэндом, и Флора едва заметно вздрогнули.

— Лучше подождем, — сказал мой брат.

— Можно позвонить в полицию, — предложил я. Оба они истерически рассмеялись. — Или позвать на помощь Эрика. — Я в упор смотрел на Флору.

Она отрицательно покачала головой.

— Не успеешь. Можно, конечно, воспользоваться его картой, но пока он ответит, если захочет, будет поздно.

— К тому же их мог послать именно Эрик, — заметил Рэндом.

— Сомневаюсь, — сказала Флора. — Сильно сомневаюсь. Это на него не похоже.

— Верно, — согласился я, всем своим видом показывая, что прекрасно разбираюсь в ситуации.

В дверь опять постучали, на этот раз значительно сильнее.

— Послушай, а Кармелла не откроет? — спросил я, невольно вздрогнув.

Флора покачала головой.

— Не думаю. Вряд ли она откроет на стук.

— Но ведь ты не знаешь, на что они способны! — внезапно вскричал Рэндом и выбежал из библиотеки.

Я пошел следом, и нам удалось вовремя остановить Кармеллу, собиравшуюся впустить незваных гостей. Мы велели ей запереться у себя и не выходить, что бы она ни услышала.

— Теперь видишь, как силен противник? — спросил Рэндом. — Что происходит, Корвин?

Я пожал плечами.

— Если бы я знал! Но не беспокойся, в данный момент я на твоей стороне. Отойди-ка!

И я открыл дверь. Первый бандит попытался оттолкнуть меня и ворваться в прихожую, но жесткий удар локтем отшвырнул его назад. Их действительно было шестеро.

— Что вам угодно? — спросил я.

Он молча выхватил пистолет.

Я быстро закрыл дверь и запер ее на крюк.

— Ты не солгал, — сказал я. — Но откуда мне знать, что это не твоих рук дело, брат Рэндом?

— Знать ты, конечно, не можешь, — ответил он, — но я дорого бы дал, чтобы твои слова оказались правдой. Жуткие твари.

С этим утверждением трудно было не согла-

ситься. Наши посетители, столпившиеся на крыльце особняка, явно относились к тяжелой весовой категории. Широкополые шляпы, надвинутые на глаза, закрывали их лица. У меня заложило уши, и я понял, что Флора воспользовалась ультразвуковым свистком. Через несколько секунд раздался звон разбитого стекла и глухое рычание.

— Флора позвала на подмогу собак, — сообщил я Рэндому. — Она обзавелась шестеркой волкодавов, которые при других обстоятельствах перегрызли бы нам с тобой глотки.

Он кивнул, и мы побежали на звуки высаживаемых окон. Двое громил с пистолетами в руках стояли в гостиной на первом этаже. Я убил первого, упал на бок и перекатился по паркетному полу, стреляя во второго. Рэндом перескочил через меня, взмахнул саблей, и голова бандита отделилась от туловища. Следующая пара перелезла через подоконник, и я расстрелял все патроны, одновременно вслушиваясь в рычание псов и неумолкающую пальбу. Трое убитых громил и такое же количество пристреленных Флориных волкодавов. Мне стало легче при мысли, что мы разделались с половиной нападающих, и я убил еще одного, причем способом, повергнувшим

меня в изумление. Внезапно, не задумываясь, я схватил тяжелое дубовое кресло, швырнул его через всю комнату, футов на тридцать, и не промахнулся. Позвоночник бандита сломался, как спичка. Я бросился к двум оставшимся, но Рэндом меня опередил. Проткнув первого саблей, он отбросил падающее тело псам, и тут же повернулся ко второму. И тот оказался бессилен. Ему лишь удалось убить одну из собак, но это было последнее, что он успел сделать. Маленький Рэндом задушил его голыми руками.

В результате сражения, длившегося несколько минут, две собаки были убиты, одна смертельно ранена. Рэндом избавил ее от дальнейших мучений быстрым ударом сабли, и мы принялись изучать наших противников. Они выглядели крайне необычно. В гостиную вошла Флора и тоже принялась рассматривать незваных гостей. У них были красные, словно налитые кровью, глаза. Лишний сустав на каждом пальце. Выдающиеся вперед челюсти (когда я открыл одному из них рот, то насчитал, сорок четыре зуба, значительно больших размеров и острее, чем у человека). Кожа на их лицах была серого цвета, толстой, твердой на ощупь. Продолжать не имело смысла. Я понял, что ничего не понял.

— Можешь не сомневаться, они из Отражения, — сказал Рэндом, и я кивнул. — Не повезло беднягам. Вряд ли они думали, что мне на выручку придут брат-воин да с полтонны собак. — Он подошел к выбитому окну и выглянул на улицу, а я остался стоять на месте. Не гоже мне было вмешиваться в его дела. — Никого, — сообщил Рэндом спустя несколько минут. — Похоже, мы всех уложили.

Задвинув плотные оранжевые шторы, он стал придвигать к окну тяжелую мебель, а я тем временем обыскал трупы. Документов я не обнаружил, что, впрочем, было неудивительно.

— Вернемся в библиотеку, — предложил мой брат, закончив постройку баррикады. — Я не успел допить виски. — Мы поднялись наверх, и первым делом он повесил саблю на место, тщательно вытерев клинок. Я налил рюмки. Рэндом выпил. — Будем считать, теперь я в полной безопасности, — сказал он. — Тем более что нас трое в одной лодке.

— Правильно мыслишь, — согласилась Флора.

— Господи, у меня крошки во рту со вчерашнего дня не было! — объявил он.

Флора тут же отправилась за Кармеллой, собираясь выпустить ее из заточения и распорядиться

накрыть на стол в библиотеке. Не успела за ней закрыться дверь, Рэндом резко повернулся ко мне.

— В каких вы отношениях? — спросил он.

— Стараюсь не поворачиваться к ней спиной, когда мы наедине.

— Она все еще сторонница Эрика?

— Насколько я знаю, да.

— В таком случае, что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь выманить Эрика. Он знает, что может добраться до меня, только явившись сюда собственной персоной, и мне интересно, насколько велико его желание со мной расправиться.

Рэндом покачал головой.

— Он никогда на это не пойдет. С какой стати? Пока ты здесь, а он там, для чего ему рисковать? Ведь его позиция сильнее. И если тебе хочется что-то изменить, именно ты должен к нему отправиться.

— Я сам пришел к такому же выводу.

Глаза его сверкнули, на губах появилась знакомая, совсем как на карте, ухмылка. Он провел рукой по соломенным волосам и посмотрел мне прямо в глаза.

— Собираешься рискнуть? — спросил он.

— Может быть.

— Не валяй дурака! У тебя на лице все написано! Поверь, меня не придется долго уговаривать. Я ненавижу плохой секс, но Эрика люблю еще меньше!

Я закурил сигарету, обдумывая ого слова.

— Ты сейчас думаешь, — продолжал он, — можно ли верить Рэндому? Он хитер, коварен и обязательно предаст, если ему предложат более выгодную сделку. — Я кивнул. — Подумай, брат Корвин. Я, конечно, никогда не делал тебе ничего хорошего, но и плохого тоже. О, несколько злых шуток — это я признаю. Но, согласись, мы лучше остальных членов нашей семьи понимали друг друга, и главное, каждый из нас занимался своими делами и не совал нос в чужие. Подумай хорошенько. Мне кажется, я слышу шаги Флоры или горничной, так что давай сменим тему разговора. Хотя нет... скорее! Надеюсь, у тебя имеется колода наших любимых фамильных карт?

Я покачал головой. В эту минуту в комнату вошла Флора.

— Сейчас Кармелла накроет на стол, — сообщила она.

Мы выпили за предстоящий обед, и Рэндом подмигнул мне за ее спиной.

На следующее утро трупы неизвестных исчез-

ли из гостиной, на коврах не осталось ни одного пятна крови, окно было как новое, и Рэндом объяснил, что «принял надлежащие меры». Я побоялся спросить, что он имеет в виду. Мы одолжили у Флоры «мерседес» и поехали кататься. Пригороды Нью-Йорка показались мне до странности незнакомыми. Я никак не мог понять, что в них изменилось, но чувствовал себя неуютно. От нескончаемых мыслей у меня вновь начался приступ головной боли, и я решил ни о чем не думать и воспринимать жизнь такой, какая она есть. Я сидел за рулем, Рэндом — рядом со мной на переднем сиденье. Я небрежно заметил, что хотел бы опять оказаться в Амбере, и стал ждать, как он отреагирует.

— Я никогда не мог понять, — последовал ответ, — что тобой руководит. Неужели только месть?

Я, конечно, мог бы промолчать, но мне хотелось продолжить эту тому и поэтому я произнес свою коронную фразу:

— Знаешь, кажется, я рискну.

Рэндом повернулся (до этого он смотрел в окно) и бросил на меня странный взгляд.

— Наверное, каждый из нас мечтал о власти, — сказал он. — По крайней мере, чего скрывать,

мне такая мысль приходила в голову, и хоть я от нее отказался, игра стоила свеч. Я понимаю, ты сейчас спрашиваешь, помогу я тебе или нет. Да, помогу. И пошлю к чертям всех остальных. — Он откинулся на спинку сиденья. Как ты думаешь, на Флору можно рассчитывать?

— Сомневаюсь, — ответил я. — Если она будет уверена, что мы победим, то, конечно, присоединится к нам. Но сейчас ни в чем нельзя быть уверенным.

— И потом тоже, — заявил он.

— И потом тоже, — повторил я, чувствуя, что мне необходимо с ним согласиться. Я боялся признаться, что потерял память. Мне так много надо было узнать, и не к кому было обратиться. Я сидел за рулем и думал о дурацком положении, в которое попал не по собственной воле. — Итак, когда начнем? — спросил я.

— Когда скажешь.

Вот и влип. Теперь уже не отделаться ничего не значащей фразой, но молчать тоже было нельзя.

— Я готов.

Он ничего не ответил и закурил сигарету, по-моему, чтобы выиграть время.

— Хорошо. — Он глубоко затянулся. — Когда ты там был в последний раз?

— Так давно, что не помню.

— Хорошо, — повторил он. — Придется идти в обход. Сколько у нас бензина?

— Три четверти бака.

— Поверни за следующим углом налево. Может, проскочим.

Я повернул налево, и тротуары внезапно начали сыпать искрами.

— Черт! — выругался он. — Перестарался! Не пользовался этой дорогой лет двадцать.

Я продолжал управлять машиной, не в силах даже выругаться от изумления. Небо стало зеленым, потом розовым. Я закусил губу, чтобы не ляпнуть чего лишнего. Мы проехали под мостом, и небо вновь стало голубым, зато вдоль дороги появились большие желтые ветряные мельницы.

— Не беспокойся, — быстро сказал Рэндом. — Могло быть хуже.

Я заметил, что мы едем по мощеной улице, а люди, стоящие на обочине, одеты более чем странно.

— Сверни направо.

Я молча повиновался.

Пурпурные облака закрыли солнце, стал накрапывать дождь, почти мгновенно превратившийся в ливень. Молния расколола небо

надвое, забушевал ветер. Щетки лобового стекла работали на полную мощность, но не справлялись с потоками воды. Я включил фары и сбросил скорость. Нам навстречу (могу поклясться) попался скачущий всадник, низко пригнувшийся в седле. Он был одет в серый плащ с поднятым воротником, на нем была широкополая шляпа, надвинутая на лоб.

Облака рассеялись, и я увидел берег моря. Дождь прекратился, и я выключил щетки и фары. На сей раз дорога была грунтовой, но я окончательно потерял ориентировку. В зеркале заднего обзора не было видно города, который мы только что проехали. Я почти перестал удивляться и только крепче схватился за руль, проезжая мимо виселицы, на которой болтался повешенный скелет, скрипуче раскачивающийся под порывами ветра.

Рэндом продолжал молча курить и смотреть в окно, а дорога тем временем свернула с берега, огибая невысокий холм. Травянистая равнина без единого деревца расстилалась справа от нас, слева возвышалась гряда холмов. Небо стало темно-голубым, как вода в прозрачном глубоком озере оазиса. Я не помню, чтобы мне приходилось когда-нибудь видеть такое красивое небо.

Рэндом на секунду открыл окно, чтобы выбросить окурок, и ледяной ветер ворвался в машину, продувая салон. Я почувствовал соленый острый запах моря.

— Все дороги ведут в Амбер, — сказал мой брат как нечто само собой разумеющееся.

И я неожиданно вспомнил, что Флоре не удалось попасть в Амбер. Рэндом, конечно, мог посчитать меня вероломным обманщиком, не сообщившим заранее важных сведений, но я все равно решил рассказать ему о мытарствах нашей сестры. Безопасность прежде всего.

— Знаешь, — сказал я, — когда ты звонил по телефону, Флоры не было дома, и я уверен, она пыталась попасть в Амбер, но не смогла. Дорога была закрыта.

Он засмеялся.

— Эта женщина начисто лишена воображения. Естественно, дорога сейчас закрыта. От нас потребуются все силы и умение, чтобы попасть в Амбер, и в конце концов придется идти пешком. А Флора, видимо, решила, что ей, как принцессе, усыпят путь розами. Она набитая дура и к тому же дрянь, которая не должна жить на свете. Но это не мне решать. К сожалению… На перекрестке сверни направо…

В чем тут было дело? Я понимал, что экзотические перемены вокруг происходили благодаря каким-то действиям Рэндома, но ведь он ничего не предпринимал, только курил и смотрел в окно. Как мне узнать его секрет, ни о чем не спрашивая? А может, спросить? Но тогда он сразу поймет, что у меня нелады с памятью, и я окажусь в полной его власти. Я свернул направо. Над нашими головами загорелось розовое солнце. На многие мили, насколько хватало глаз, простиралась голубая пустыня. Ловкий фокус. Мотор закашлял, чихнул, вновь заработал плавно. Рулевое колесо поменяло форму, приняв вид полумесяца. Сиденье отодвинулось, автомобиль приобрел низкую посадку, а лобовое стекло чуть приподнялось. Я опять промолчал, тем более что на нас обрушилась песчаная фиолетовая буря. Но когда она промчалась, мне не удалось сдержать возгласа изумления. Примерно в полумиле от нас образовалась огромная пробка из машин, и я слышал, как шоферы непрерывно сигналили друг другу.

— Убавь скорость, — сказал Рэндом. — Первое препятствие.

Я скинул газ, и поднявшийся ветер вновь принялся швырять в машину тучи песка. Фары я

включить не успел. Буря мгновенно улеглась, и я несколько раз мигнул, пытаясь убедиться, что не сплю. Машины исчезли, гудки умолкли. Пустыня сыпала искрами, совсем как тротуары в Нью-Йорке, а Рэндом невнятно ругался, проклиная неизвестно кого и что.

— Злость берет, когда думаю, что поменял направление, как ему хотелось, — сказал он. — Дураку ясно, что иначе я поступить не мог.

— Эрик? — спросил я.

— Может быть. Что будем делать? Попробуем в обход или поедем дальше? Я не знаю, что нас ждет впереди.

— Давай поедем дальше, — предложил я. — Рискнем. В конце концов первое препятствие мы преодолели.

— Хорошо, — пробормотал он. — Кто знает, каким будет второе?

Второе препятствие оказалось существом, другого слова мне подобрать не удалось. Оно — существо — было похоже на плавильную печь с руками, которые шарили по дороге, подбирая автомобили и отправляя их в рот. Я нажал на тормоза.

— В чем дело? — спросил Рэндом. — Не останавливайся. Как ты собираешься проехать?

— Извини, не ожидал увидеть такую жуть, — ответил я, и он бросил на меня странный взгляд, а за окнами вновь разыгралась песчаная буря.

Я понял, что сморозил глупость. Когда небо посветлело, мы опять катили по пустынной грунтовой дороге. В отдалении сверкали купола башен.

— По-моему, я его надул, — сказал Рэндом. — Пришлось закрутить несколько Отражений в одно, а этого он никак не мог предвидеть. Нельзя закрыть все дороги в Амбер.

— Что верно, то верно, — согласился я, пытаясь несколько сгладить впечатление, которое произвела на него моя неосторожная фраза.

Я стал думать о Рэндоме. Несмотря на тщедушный вид, он обладал огромной силой, и не только физической. В чем она заключалась? О каких Отражениях он все время говорил? Я не сомневался, что в настоящий момент мы путешествовали по этим самым Отражениям и что Рэндом, спокойно куривший сигарету, был виновником перемен, происходивших вокруг. Изредка он бормотал себе под нос, что где-то надо прибавить, а где-то отнять, как будто Вселенная была одним большим уравнением, и неожиданно я понял, что Рэндом действительно оперирует простран-

ством, надеясь очутиться в удивительном мире под названием Амбер. Более того, я твердо знал, что когда-то обладал такой же силой, которая вернется ко мне не раньше, чем я вспомню свое прошлое. Но я не мог вспомнить.

Дорога резко свернула, пустыня закончилась: мы ехали вдоль полей, заросших высокой голубой травой. Через некоторое время показались холмы, у подножия третьего из них грунтовая дорога перешла в проселочную — ухабистую, грязную и с колючим кустарником по обочинам. Прошло еще полчаса, и мы очутились в загадочном лесу квадратных деревьев с огромными дуплами и причудливо изрезанными пурпурными листьями. Начал накрапывать мелкий дождик, сгустились сумерки. От мокрой земли поднимался пар. Справа от нас завыл какой-то зверь. За короткое время руль поменял форму три раза, в последнем варианте превратившись в деревянный шестиугольник. Автомобиль стал большим и высоким, а на его капоте неведомо откуда появилось украшение в виде фламинго. На сей раз я воздержался от каких-либо высказываний и молча подвинул неудобное сиденье вперед. Рэндом, однако, неодобрительно посмотрел на руль, покачал головой, и неожиданно деревья

стали выше, ветви опутала паутина, гроздья лиан опустились до самой земли, а машина приобрела почти прежний вид. Прибор показывал, что бензина осталось меньше половины бака. Ухабистая дорога превратилась в асфальтовое шоссе. Рядом с ним текли искусственные каналы с грязной водой, по которой плыли листья, ветки и разноцветные птичьи перышки. Внезапно я ощутил непривычную легкость во всем теле, у меня закружилась голова, и в ту же секунду я услышал голос Рэндома:

— Дыши медленнее и глубже. Я попробую пойти напрямик, так что атмосфера и гравитация изменятся. Нам везет до неприличия. Будем ковать железо, пока горячо, и попробуем подъехать как можно ближе к Амберу.

— Неплохо придумано, — согласился я.

— Как знать, — задумчиво произнес он. — По крайней мере, игра стоит свеч. Осторожнее!

На вершине холма показался грузовик, несущийся нам навстречу по правой стороне дороги. Я резко свернул влево, пытаясь избежать столкновения, но шоферу грузовика, видимо, пришла в голову та же мысль, и мы одновременно оказались на одной полосе движения. Мне пришлось вывернуть руль до упора. «Мерседес» влетел в

кювет, и я едва справился с управлением: еще чуть-чуть, и машина свалилась бы в канал.

Грузовик завизжал тормозами и остановился. Я попытался дать задний ход, чтобы выбраться на шоссе, но колеса прочно застряли в мягкой грязи и даже не пробуксовывали. Затем послышался звук хлопнувшей дверцы, и разъяренный водитель выскочил из грузовика с правой стороны, а это означало, что аварийную ситуацию создал именно я. Само собой, в Соединенных Штатах не было левостороннего движения, как в Англии, но я давно уже не сомневался, что покинул землю, которую знал. Грузовик оказался автоцистерной, на борту которой большими красными буквами было написано «ГУНОКО», а внизу, буквами помельче: «Мы ездем по всиму мира». Я вышел из «мерседеса» и попытался извиниться перед подошедшим шофером, но на меня обрушился ноток брани. Он был здоровенным детиной, почти с меня ростом, но гораздо шире в плечах, и в руке держал большой гаечный ключ.

— Послушайте, я ведь извинился, — сказал я. — Что еще надо? Люди, кажется, не пострадали, и машины тоже.

— Таких, как ты, нельзя подпускать к рулю на пушечный выстрел! — заревел он. Из-за тебя…

Дверца «мерседеса» распахнулась, вышел Рэндом. В руке он держал пистолет.

— Убирайся! — коротко бросил он, глядя на водителя грузовика.

— Спрячь пистолет. — Я посмотрел на Рэндома, но он не обратил на мои слова ни малейшего внимания и щелкнул предохранителем.

Несчастный шофер побледнел, как полотно, и бросив гаечный ключ, повернулся и побежал со всех ног, а мой брат тщательно прицелился в удаляющуюся спину. Я едва успел ударить его по локтю, когда раздался выстрел. Пуля ударилась об асфальт и рикошетом отлетела в сторону. Лицо Рэндома побелело от гнева.

— Черт бы тебя побрал! — воскликнул он. — Я мог попасть в бак с бензином!

— Ты мог попасть в шофера.

— Ну и что? Вряд ли мы воспользуемся этой дорогой раньше, чем у них сменится несколько поколений. Этот ублюдок осмелился оскорбить принца Амбера! Когда я стрелял, то думал о твоей чести!

— Я сам в состоянии защитить свою честь! — холодно ответил я, почувствовав ни с чем не сравнимую ярость, и внезапно услышал свой голос как бы со стороны. — Потому что он был

мой, и в моей власти было решать, казнить его или миловать.

И Рэндом опустил голову.

— Прости меня, брат, — еле слышно сказал он. — Извини, что осмелился вмешаться в твои дела. Но я не сдержался, когда услышал, как он с тобой разговаривает. Я понимаю, что должен был подождать или, по крайней мере, спросить твоего разрешения, прежде чем действовать.

— Хорошо. — Я помолчал, прислушиваясь к шуму мотора удаляющегося грузовика. — Давай попробуем выбраться на шоссе и, если получится, поедем дальше.

Задние колеса увязли в грязи примерно до середины дисков, и пока я смотрел на них, пытаясь что-нибудь придумать, Рэндом меня окликнул.

— Порядок. Я взялся за передний бампер, а ты берись сзади. Только не забудь поставить машину на левую полосу движения.

Он не шутил. Правда, что-то говорил о меньшей гравитации, но она практически не ощущалась. К тому же, хоть я и чувствовал себя достаточно сильным, мысль о том, что «мерседес» можно поднять за задний бампер, казалась мне дикой. Однако иного выхода не было. Рэндом мог потерять терпение и спросить, почему я мешкаю, а

мне все еще не хотелось говорить ему о странных провалах в моей памяти. Так что я наклонился, ухватился поудобнее, выдохнул воздух и напряг мускулы ног. С чавкающим звуком задние колеса вырвались из жидкой грязи. Я держал задний конец машины примерно в двух футах над землей! Это было тяжело, черт побери! Это было тяжело, но оказалось возможным! С каждым шагом я увязал в грязь дюймов на шесть, но тем не менее я нес машину, и Рэндом тоже. Мы поставили ее на шоссе, и кузов качнулся на амортизаторах. Затем я снял ботинки, вылил из них воду, вытер пучком травы, выжал носки, отряхнул и закатал манжеты брюк, бросил ботинки с носками на заднее сиденье и сел за руль босиком. Рэндом устроился рядом и хлопнул дверцей.

— Послушай, — сказал он. — Я еще раз хочу принести извинения за…

— Прекрати, — перебил я. — Инцидент исчерпан.

— Но мне не хочется, чтобы наши отношения испортились.

— Они не испортятся. По впредь постарайся сдерживать свой пыл, если тебе захочется кого-нибудь бить в моем присутствии.

— Я обещаю! — торжественно заявил он.

— Тогда поехали дальше.

Мы помчались по каньону, окруженному высокими скалами, и очутились в городе, который, казалось, был выстроен из стекла или стеклозаменителя. Высокие здания выглядели хрупкими и непрочными, а жители — прозрачными, и розовое солнце высвечивало их внутренние органы и остатки недавних обедов. Они останавливались и глазели на машину, собираясь толпами на перекрестках, но ни один не попытался остановить нас или перейти улицу.

— Так рождаются легенды, заметил Рэндом.

Я кивнул. Дорога закончилась, превращаясь в гладкую поверхность, похожую на сплошной лист силикона, который постепенно сузился и вновь превратился в шоссе, пролегающее вдоль болот бурого цвета и вонючих. Могу поклясться, что в одном из них копошился диплодок, укоризненно посмотревший нам вслед. Затем над машиной, громко хлопая крыльями, пронеслось нечто похожее на огромную летучую мышь, а на бирюзовом небе засверкало золотое солнце.

— У нас осталось четверть бака бензина, — сказал я.

— Хорошо. — Рэндом откинулся на спинку сиденья. — Останови машину. Я нажал на тормоз и

вырулил на обочину. Он молчал довольно долго и лишь минут через пять-шесть удовлетворенно кивнул. — Вперед!

Мы проехали по шоссе около трех миль, и путь нам преградила стена из отесанных бревен, которую я стал объезжать, пока не уперся и большие ворота.

— Посигналь, уверенно произнес Рэндом. — Здесь мы будем и полной безопасности.

Я посигналил, и вскоре деревянные ворота заскрипели на ржавых железных петлях и распахнулись настежь. Я въехал внутрь и увидел слева от себя бензоколонку, ничем не отличающуюся от тех, которыми много раз пользовался при менее загадочных обстоятельствах. Из небольшого служебного домика вышел человек, толстый, как пивная бочка, с широченными плечами и носом, похожим на клубничку.

— Бензин? — лаконично спросил он.

— Да — Я кивнул. — Стандартный. Залейте полный бак.

— Поставьте машину к этой колонке. — Толстяк махнул рукой.

Я повернулся к Рэндому.

— Послушай, а наши деньги здесь примут?

— А ты взгляни на них. — Я открыл бумажник

и увидел, что он туго набит оранжевыми и желтыми купюрами с римскими цифрами по углам и буквами Д.Р. Рэндом ухмыльнулся. — Не беспокойся, я ничего не забыл.

— Прекрасно. Между прочим, я проголодался.

Мы стали оглядываться по сторонам, и почти сразу же я увидел неоновый рекламный щит с изображением человека, продающего жареного цыпленка, и указателем, как проехать к кафе.

Клубничный нос вынул шланг из бака, демонстративно подождав, пока немного бензина прольется на землю, подошел к нам и сообщил:

— Восемь Драхм Регумз.

Я покопался в бумажнике и протянул ему одну бумажку в V Д.Р. и три по I Д.Р.

— Спасибо. — Он сунул деньги в карман. — Проверить масло и воду?

— Да.

Он долил в радиатор немного воды, сказал, что уровень масла в норме, протер лобовое стекло грязной тряпкой и ушел в свой домик. Мы отправились в кафе под названием «Кенни Руа», где нам подали «Тонкее часьте жариных ципляч» и большой кувшин пива. Затем мы помылись прямо на улице и, вновь усевшись в машину, поехали к воротам, которые открыл человек с

алебардой через левое плечо. Силиконовая дорога уходила вдаль, и, проехав несколько миль, мы увидели динозавра. Он неодобрительно на нас посмотрел, остановился в нерешительности и свернул налево. Над машиной пролетели еще три птеродактиля.

— Мне больно отказываться от неба Амбера, — произнес Рэндом, и я утвердительно кивнул, хотя понятия не имел, о чем он говорит. — Но я боюсь рисковать. Нас может разнести в клочья.

— Ты прав, — согласился я.

— С другой стороны, здесь мне тоже не нравится.

Я опять кивнул, и мы продолжали ехать вперед, а силиконовая дорога кончилась, уступив место мощеной.

— Что ты собираешься предпринять? — рискнул спросить я.

— Небо у нас есть, теперь попробую изменить местность.

И мощеная дорога исчезла. Под каменистой равниной изредка проглядывала черная земля. Еще через несколько минут на нашем пути стали попадаться островки зелени. Их было совсем немного, но такую ярко-зеленую траву я видел первый раз в жизни. Островков становилось все

больше и больше, и вскоре появились первые деревья, а затем показался лес. Но какой лес! Я и представить себе не мог, что на свете существуют такие могучие и величавые деревья изумрудно-зеленого цвета с вкраплениями золота. Они подавляли своим присутствием, парили над окружающим миром. Я увидел огромные сосны, дубы, клены и множество деревьев, названий которых не знал. В их ветвях шелестел ветерок, и, чуть приоткрыв окно, я почувствовал фантастически нежный, приятный аромат, который хотелось вдыхать, не переставая. Я опустил стекло до конца.

— Арденнский лес, — сказал человек, который был моим братом, и я знал, что он говорит правду, и по-доброму завидовал его знаниям, не имея возможности пользоваться своими.

— Брат, ты все делаешь правильно, — невольно вырвалось у меня. — Даже лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе.

Мои слова привели его в некоторое замешательство, и мне показалось, что для него в диковинку слышать слова благодарности от кого-либо из родственников.

— Я делаю все, что в моих силах, — ответил он, — и обещаю всегда помогать тебе, чем могу.

Пока что нам неслыханно везет, даже не верится! У нас есть и небо, и лес! Осталось меньше половины пути, а мы не встретили ни одного серьезного препятствия. Ты дашь мне регентство?

— Да, — твердо сказал я, не понимая, о чем идет речь, но чувствуя внутреннюю потребность удовлетворить любую его просьбу, если это будет в моей власти.

Он кивнул.

— С тобой можно иметь дело.

Рэндом всегда был хитер, маниакально подозрителен и вечно против чего-нибудь восставал, вспомнил я. В свое время ему здорово влетало от родителей, но и они не могли с ним справиться. И внезапно я понял, что у нас были одни и те же родители, другие, чем у меня и Эрика, или у Блейза и Фионы. Об остальных я ничего не помнил.

Мы ехали по неровной лесной дороге, которой, казалось, нет конца и краю. Величественные деревья окружали нас со всех сторон, и я чувствовал себя на удивление хорошо и спокойно. Изредка из придорожных кустов выбегали вспугнутый олень или изумленная лиса. Лучи солнца пробивались сквозь листву, напоминая струны восточного музыкального инструмента. Влажный ветерок был напоен животворными ароматами. И я понял,

что неоднократно скакал по Арденнскому лесу верхом, гулял в нем, охотился, лежал на спине, закинув руки за голову и глядя в небо, взбирался по стволам деревьев-великанов, перебираясь с ветки на ветку, и смотрел на вечно меняющийся зеленый мир внизу.

— Как здесь хорошо! — невольно воскликнул я, не понимая, что произнес эти слова вслух, пока Рэндом не ответил:

— Ты всегда любил Арденнский лес.

Мне показалось, что в его голосе промелькнула нотка удивления, но я не был в этом уверен. Издалека до нас донесся звук охотничьего рога.

— Увеличь скорость, — внезапно сказал Рэндом. — Это охотничий рог Джулиана.

Я надавил на педаль газа. Звук рога раздался еще раз, значительно ближе.

— Его проклятые гончие раздерут автомобиль на куски, а птицы выклюют нам глаза! — воскликнул Рэндом. — Надо же было повстречаться с ним, когда он охотится! Не сомневаюсь, Джулиан с наслаждением бросит травлю любого зверя, лишь бы не упустить такой добычи, как два родных брата!

— Живи сам и не мешай жить другим — вот мой девиз, — заметил я.

Рэндом ухмыльнулся.

— Какая идиллия! Могу поспорить, ты изменишь свой девиз ровно через пять минут. — Звук рога раздался еще ближе, и мой невежливый брат выругался. — Черт!

Стрелка спидометра застыла на отметке 75, а ехать быстрее по лесной дороге я не решался. Рог пропел три раза совсем неподалеку, и я услышал слева от себя собачий лай.

— До Амбера далеко, но практически мы находимся в реальном мире, так что в соседних Отражениях не скроешься, — сказал Рэндом. — К тому же, если Джулиан действительно охотится за нами, он или его Отражение настигнут нас где угодно.

— Что будем делать?

— Надеяться, что он охотится не за нами. Прибавь газу.

Звук рога раздался совсем рядом.

— Никак он едет на электричке? — иронически спросил я.

— Джулиан скачет на Моргенштерне, самом могучем и быстром коне, которого он когда-либо создал.

И, задумавшись над последней фразой Рэндома, я понял, что Джулиан действительно создал

Моргенштерна, оперируя Отражениями, и что непревзойденный скакун обладал силой и скоростью урагана. Я вспомнил, что всегда боялся этого коня, и в ту же секунду его увидел. Моргенштерн был метра на полтора выше в холке, чем любой из мне известных скакунов; мертвый взгляд его глаз пронизывал насквозь; седая грива развевалась по ветру; копыта блестели, как полированная сталь. Он несся за нашей машиной быстрее ветра, и ноги его мелькали с такой скоростью, что их не было видно, а в седле, пригнувшись, скакал Джулиан, совсем такой, как на игральной карте; с длинной гривой черных волос, ослепительно голубыми глазами, одетый в белые доспехи. Он, улыбнулся нам и помахал рукой, а Моргенштерн вскинул голову и заржал.

Я вспомнил, что Джулиан однажды заставил своего подручного нацепить мою старую куртку и мучить коня. Вот почему он чуть не убил меня в тот день, когда мы охотились и я спешился, чтобы освежевать оленя. Я снова поднял стекло, надеясь, что Моргенштерн не успел учуять мой запах. Но Джулиан меня заметил, и я подумал, что теперь он наверняка не отстанет. Рядом с ним бежали штурмгончие, неслыханно живучие твари, с клыками тверже стали. Они тоже были

пришельцами из других Отражений, потому что ни один нормальный пес не смог бы выдержать такой убийственной гонки. Правда, слово «нормальный» никак не подходило миру, в котором я оказался.

Джулиан сделал нам знак остановиться, и я посмотрел на Рэндома, который пожал плечами и ответил на мой безмолвный вопрос:

— Если мы не остановимся, он нас уничтожит.

Я сбросил газ, нажал на тормоза и остановился посередине дороги.

Моргенштерн присел на задние ноги, одним прыжком перемахнул через машину и ударил копытами о землю. Собаки кружили неподалеку, высунув языки и тяжело дыша. Бока лошади тоже вздымались и блестели от пота.

— Какой сюрприз! — медленно, с ленцой в голосе произнес Джулиан, и большой орел с черно-зеленым оперением, круживший в небе, опустился и уселся ему на плечо.

— Вот именно, — согласился я. — Как дела?

— Как обычно, — небрежно ответил он. — Лучше не бывает. Надеюсь, у вас с братом Рэндомом тоже все в порядке?

— Жизнь бьет ключом, — сказал я, а Рэндом кивнул и добавил:

— Думаю, в столь неспокойные времена ты мог бы найти себе занятие поважнее охоты.

— Я испытываю наслаждение, загоняя зверя, — последовал ответ. — К тому же мне постоянно приходится думать о родственниках. — У меня по спине побежали мурашки. — Я даже представить себе не мог, что в машине окажутся два моих брата. Ведь, насколько я понимаю, вы катаетесь не ради удовольствия, а куда-то спешите, скажем, в Амбер. Да или нет?

— Да. — Я не стал лгать. — Могу полюбопытствовать, почему ты здесь, а не там?

— Эрик послал меня вести наблюдение за дорогой, — спокойно ответил он, и моя рука невольно потянулась к одному из пистолетов, заткнутых за пояс. Не знаю, почему, но я неожиданно подумал, что пуля не пробьет его доспехов, и решил в случае опасности стрелять в Моргенштерна. — Ну что ж, братья, — сказал Джулиан, улыбаясь. — Я рад, что вы вернулись, и хочу пожелать вам доброго пути. До встречи. — Он резко развернул коня и поскакал в лес.

— Давай уберемся отсюда подобру-поздорову! — воскликнул Рэндом, как только Джулиан скрылся из виду. — Либо он постарается устроить засаду, либо опять начнет преследование. — И

с этими словами Рэндом вытащил из-за пояса пистолет и положил его на колени.

Минут через пять, в течение которых я ехал довольно медленно и почти успокоился, раздался звук охотничьего рога. Я увеличил скорость, зная, что Джулиан все равно нас догонит, но пытаясь выиграть время и оторваться от него как можно дальше. Нас заносило на виражах, мы проносились мимо небольших холмов и долин, и однажды я чуть было не наехал на оленя, но умудрился проскочить по самой обочине, избежав столкновения. Звук рога становился все слышнее, и Рэндом начал ругаться вполголоса. Я неожиданно подумал, что Арденнский лес закончится еще не скоро, и эта мысль не принесла мне успокоения. Мы очутились на довольно прямом участке пути, и примерно минуту я вел машину с предельной скоростью. Звук рога отдалился, но затем дорога сузилась, стала петлять, и мне пришлось ехать медленнее. Рэндом опустил боковое стекло и, выждав некоторое время, стал стрелять.

— Черт бы побрал эти доспехи! — воскликнул он. — Уверен, что попал в Джулиана дважды, а он даже не покачнулся!

— Мне бы не хотелось убивать коня, — сказал

я, — но все же попробуй. Иного выхода нет.

— В него я тоже стрелял, — ответил Рэндом, с отвращением швырнув пистолет на пол и вынимая из-за пояса другой. — Но либо я никудышный стрелок, либо правду говорят, что Моргенштерна можно убить только серебряной пулей.

Из последней обоймы, однако, он не потратил даром ни одного патрона и уложил шестерых псов, но их осталось, по меньшей мере, две дюжины. Я дал ему один из своих пистолетов, и еще пять собак прекратили нас преследовать.

Последнюю обойму, — заявил Рэндом, — я приберегу для головы Джулиана, если он подскачет достаточно близко!

Наши преследователи находились футах в пятидесяти от машины, и это расстояние все время сокращалось. Я прикинул в уме их скорость и резко нажал на тормоза. Несколько собак не успели отпрыгнуть, но Джулиан внезапно исчез, и на какое-то мгновение огромная тень затмила солнце. Моргенштерн перемахнул через «мерседес» одним скачком, и всадник круто развернул его в нашу сторону, а я тут же надавил на педаль газа, бросая машину вперед. Моргенштерн величественно поднялся в воздух и опустился на обочину дороги. В зеркале я видел, как две соба-

ки уцепились за задний бампер, оторвали его и снова ринулись в погоню. Три гончие валялись мертвыми на земле, но их оставалось еще пятнадцать-шестнадцать.

— Неплохо, — сказал Рэндом. — Но тебе повезло, что они не кинулись на колеса. От резины полетели бы клочья. Наверное, им никогда не приходилось загонять такого зверя, как автомобиль.

Я отдал ему свой последний пистолет, тот самый, из которого только вчера в нас стреляли бандиты.

— Постарайся убить как можно больше собак.

Он расстрелял обойму спокойно и со снайперской точностью, и псов стало на шесть меньше.

А Джулиан скакал рядом с машиной, и в руке его была шпага. Я громко посигналил, надеясь спугнуть Моргенштерна, но он и ухом не повел, а когда я резко свернул руль в сторону, грациозно отпрыгнул и избежал столкновения. Рэндом низко пригнулся, положив пистолет на согнутую в локте левую руку и целясь в Джулиана.

— Не стреляй, — попросил я. — Попробую взять его живым.

— Ты сумасшедший, — ответил он, но пистолет опустил, а я вновь резко затормозил и, как

только машина остановилась, распахнул дверцу и выскочил… О, черт! Я ведь был босиком! Проклятье!

Я нырнул под удар шпаги, схватил Джулиана за руку и рванул на себя что было сил, выбивая из седла. Он успел ударить меня бронированным кулаком по голове, так что искры из глаз посыпались, но я своего добился. Оглушенный падением, Джулиан лежал, ничего не соображая, а вокруг прыгали псы, и Рэндом отбивался от них ногами. Я подобрал шпагу и приставил ее к горлу Джулиана.

— Прикажи собакам убраться, — крикнул я, — или я пригвозжу тебя к земле!

Он что-то резко произнес, и штурмгончие отбежали, недовольно ворча. Рэндом держал Моргенштерна под уздцы, но конь мотал головой и пытался вырваться.

— Итак, дорогой брат, что ты можешь сказать в свое оправдание? — спросил я.

— Если хочешь меня убить, не тяни, — ответил он.

— Я убью тебя, когда мне заблагорассудится. — Сам не знаю почему, но я испытывал чувство глубокого удовлетворения, глядя на комья грязи, прилипшие к его безупречно чистым, белым

доспехам. — А теперь скажи, что ты дашь за свою жизнь?

— Все, что у меня есть, и ты это знаешь.

Я отступил на шаг.

— Садись в машину на заднее сиденье.

Он молча повиновался, и я на всякий случай отобрал у него кинжал. Рэндом сел на свое место рядом со мной, но направил на Джулиана дуло пистолета.

— Почему бы тебе не убить его? — спросил он.

— Думаю, он еще пригодится. Во-первых, мне многое надо узнать, а во-вторых, нам предстоит долгий путь.

Я включил зажигание, и «мерседес» плавно тронулся с места. Гончие дружно припустили за машиной. Моргенштерн скакал рядом.

— Боюсь, как заложник я ничего не стою, — заметил Джулиан. — А если ты будешь меня пытать, я не скажу больше, чем знаю, а знаю я совсем немного.

— Вот и начни с того, что знаешь, — предложил я.

— Когда положение усугубилось, — сказал он, — позиция Эрика была самой сильной, ведь он остался в Амбере. По крайней мере, я посчитал именно так и предложил ему свои услуги. Если

бы на его месте оказался один из вас, я, вероятно, сделал бы то же самое. Эрик поручил мне охранять Арденнский лес, через который пролегает основная дорога в Амбер. Жерар контролирует южные подступы. Каин — в северных водах.

— А Бенедикт? — спросил Рэндом.

— Понятия не имею. Может, он с Блейзом. А может, на одном из Отражений и просто не знает, что произошло. Я не удивлюсь, если его вообще нет в живых. Слишком много лет прошло с тех нор, как я в последний раз видел Бенедикта.

— Какое количество войск ты держишь в Арденне? — спросил Рэндом.

— Тысячу человек. Убежден, что за нами наблюдают даже сейчас.

— И если они не хотят, чтобы ты скоропостижно скончался, им придется ограничиться одним наблюдением, — заметил Рэндом.

— Ты, как всегда, нрав. — Джулиан повернулся в мою сторону. Должен признаться, Корвин, ты поступил очень разумно, оставив меня в живых. Теперь тебе удастся беспрепятственно проехать через лес.

— Ты говоришь так потому, что очень хочешь жить, — ответил Рэндом.

— Конечно, я хочу жить. Ведь вы меня не убье-

те?

— А как ты думаешь?

— Но ведь я рассказал все, что знал!

Рэндом рассмеялся.

— Ты не сказал ничего существенного, и я убежден, что пытка развязала бы тебе язык. К счастью, еще не поздно. Можно остановить машину в укромном месте и исправить это маленькое упущение. Что скажешь, Корвин?

— Там видно будет. Где Фиона?

— По-моему, где-то на юге, но точно не знаю.

— А Дейдра?

— Тоже не знаю.

— Льювилла?

— В Ребма.

— Хорошо. — Я кивнул. — Мне кажется, ты действительно сказал все, что знал.

— Да.

Мы продолжали ехать в полном молчании, и постепенно лес начал редеть. Штурмгончие и Моргенштерн давно отстали, но орел Джулиана все еще парил высоко в небе. Дорога круто завернула, поднимаясь к узкому перевалу между двумя пурпурными горами.

— Удобное место для засады, — заметил Рэндом.

— Правильно говоришь, — отозвался я. — Что скажешь, Джулиан?

Он вздохнул.

— Скоро подъедем к заставе. Но, думаю, осложнений не предвидится.

Осложнений не было. Когда я посигналил у ворот, к нам вышел стражник в зеленой с коричневым кожаной куртке и шпагой наголо. Я небрежно указал большим пальцем сжатой в кулак руки на заднее сиденье и бросил:

— Понятно?

Ему было понятно, и нас он тоже узнал, а посему поспешил распахнуть ворота и даже отдал честь, когда мы проезжали мимо. Мы миновали еще две заставы, и орел уже тоже где-то отстал. Высоко в горах, на высоте в несколько тысяч футов, я остановил машину. Справа от нас гигантская скала уходила в небо, слева — зияла пропасть.

— Выходи, — сказал я Джулиану. — Пришла пора размять ноги.

Он побледнел.

— Я не стану унижаться, вымаливая жизнь, — сказал он и вышел из машины.

— Эх, опять не повезло! — огорченно воскликнул я. — Передо мною так давно никто не унижался! Обидно, право. Ну что ж, подойди к обрыву

и стань вот здесь... еще ближе, пожалуйста. — И Рэндом прицелился ему в голову. — Совсем недавно, — продолжал я, ты говорил, что предложил бы помощь всякому, кто оказался бы на месте Эрика.

— Да.

— Посмотри вниз. — Он молча повиновался, но, думаю, мало что увидел. — Хорошо. Запомни свои слова на тот случай, если произойдут какие-нибудь перемены. И запомни, кто подарил тебе жизнь, хотя любой другой на моем месте ее бы отнял. Поехали, Рэндом. Нам пора.

Джулиан остался стоять на краю пропасти. Он тяжело дышал, и брови его были сдвинуты.

Когда мы добрались до вершины перевала, бензин почти кончился. Я поставил передачу на нейтральную, выключил мотор, и машина покатилась вниз.

— Я сейчас думаю о том, — сказал Рэндом, — что ты не потерял былой прозорливости и проницательности ума. Я, наверное, все же убил бы Джулиана за то, что он попытался сделать. Но ты поступил правильно. Мне кажется, он нас поддержит, если удастся взять верх над Эриком, а тем временем, естественно, доложит ему обо всем, что произошло.

— Естественно, — согласился я.

— У тебя было больше причин желать его смерти, чем у любого из нас.

Я улыбнулся.

— Эмоции неуместны в политике, юриспруденции и торговых сделках.

Рэндом закурил сигарету, одну протянул мне.

И, глядя сквозь сигаретный дым вниз, я увидел море, раскинувшееся под вечерним темно-голубым небом, на котором сверкало золотое солнце. Я и представить себе не мог, что такое море может существовать на свете. «Словно толстым слоем искрящейся пурпурной краски покрыли полотно», — подумал я, и мне стало немного страшно. Неожиданно я понял, что говорю на каком-то странном языке, который тем не менее хорошо знаю. Я читал «Балладу о мореходах», и Рэндом внимательно слушал и ждал, когда я закончу.

— Я много раз слышал, что «Балладу о мореходах» сочинил ты, — сказал он. — Правда?

— Это было так давно, что я просто не помню.

Дорога постепенно сворачивала влево, и по мере того, как мы въезжали в лесистую долину, морю открывалось перед нашим взором во всем своем великолепии.

— Маяк Кабры, — сказал Рэндом, указывая ру-

кой на большую серую башню, возвышавшуюся над водой. — Я совсем забыл о его существовании.

— Представь себе, я тоже. Какое непонятное чувство испытываешь, когда возвращаешься домой. — И тут я понял, что мы говорим не по-английски, а на языке тари.

Примерно через полчаса спуск закончился, и машина довольно долго катилась по инерции, прежде чем я включил зажигание. При звуке мотора стайка черных птиц выпорхнула из придорожных кустов. Серая тень, похожая на волчью, метнулась из-за дерева и пропала. Невидимый олень, спасаясь от серой тени, умчался, ломая ветки. Мы ехали по лесистой долине, расположенной на ровном участке высокой скалы, и неуклонно приближались к морю. Перевал остался позади и чуть справа. Чем дальше мы въезжали в долину, тем яснее видели панораму величественных гор, казалось, маршрующих прямо к побережью, одетых в сверкающую каменную мантию, расцвеченную зелеными, розовыми и пурпурными красками, а на самом последнем и самом высоком пике висела вуаль легких облачков, пронизанная золотыми лучами солнца. Бензин почти кончился, а ехать оставалось миль

тридцать пять. Я твердо знал, что этот последний пик был местом нашего назначения, и у меня защемило сердце. Рэндом, не отрываясь, смотрел в том же направлении.

— Никто ничего не украл, — пошутил я. — Скала на месте.

— Я почти забыл, — прошептал он.

Я переключил передачу и, случайно посмотрев вниз, увидел, что брюки мои как-то странно блестят. К тому же они стали обтягивать лодыжки, а манжеты исчезли. Я невольно бросил взгляд на свою рубашку. Она превратилась в черную куртку с серебряной окантовкой и широким поясом. По внешней стороне брюк тоже шла серебряная строчка.

— Кажется, я выгляжу достаточно эффектно, — заметил я в надежде услышать объяснение Рэндома.

Он ухмыльнулся, и я неожиданно обратил внимание, что он одет в коричневые брюки с красными лампасами и оранжевую рубашку с коричневым воротником и манжетами. Коричневая фуражка с желтым козырьком лежала рядом на сиденье.

— А я сидел и гадал, когда ты, наконец, заметишь, — сказал Рэндом. Как самочувствие?

— Лучше не бывает. Кстати, бензин на нуле.

— Слишком поздно, — ответил он. — Мы находимся в реальном мире, и работа с Отражениями отнимет слишком много сил, не говоря о том, что нас сразу обнаружат. Боюсь, придется бросить машину.

Ее пришлось бросить через две с половиной мили. Я съехал на обочину и остановился. Закатное солнце посылало нам прощальный поклон, тени удлинились. Я потянулся за ботинками, превратившимися в высокие черные сапоги, услышал, как под ними что-то звякнуло, и увидел относительно тяжелую серебряную шпагу в ножнах, ремешки которых идеально подходили к петлям на моем поясе. Рядом с сапогами лежал черный плащ с брошью-застежкой в форме серебряной розы.

— Ты, наверное, думал, что расстался с ними навсегда? — спросил Рэндом.

— Честно говоря, да.

Мы вышли из машины и пошли по дороге. Вечер был прохладен, воздух напоен терпкими ароматами. Солнце садилось, и на небе начали появляться звезды. Рэндом первым нарушил молчание.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Наше непонятное везение. Мы беспрепятственно добрались до Арденнского леса и проехали его, хоть Джулиан и сделал попытку нас остановить. Я начинаю подозревать, что нам намеренно позволили проникнуть в стан врага.

— Мне пришла в голову та же мысль, — солгал я. — Как ты думаешь, что это может значить?

— Боюсь, нас гонят, как зверей, прямо на охотника. По-моему, здесь дело нечисто.

Несколько минут мы шагали в полном молчании, затем я спросил:

— Может, засада? Послушай, как тихо в лесу.

— Не знаю.

Мы прошли мили две, и солнце скрылось за вершинами гор. Ночь была темной, небо усыпано бриллиантами звезд.

— Мы избрали самый неподходящий способ передвижения, — заметил Рэндом.

— Не спорю.

— И все же я боюсь вызвать лошадей.

— Я тоже.

— А как ты сам оцениваешь обстановку? — спросил он.

— По-моему, дело дрянь. У меня такое ощущение, что за нами следят…

— Может, уйти с дороги?

— Мне пришла в голову та же мысль, — вновь солгал я. — По крайней мере, если мы свернем в лес, хуже не будет.

Мы свернули в лес. Нас окружали деревья, валуны причудливой формы, высокий кустарник. А по небу плыла серебряная луна, похожая на большую лампаду, освещавшую ночь.

— Меня не оставляет чувство, что наша затея обречена на провал, — сказал Рэндом.

— Ты веришь своим чувствам?

— Вполне.

— Что тебя беспокоит, брат?

— Слишком быстро мы очутились рядом с Амбером. Мне это не нравится. Назад дороги нет, а управлять Отражениями в реальном мире невозможно. Нам остается рассчитывать лишь на наши шпаги. — (На его поясе висела короткая, с орнаментом на ножнах, шпага). — И я считаю, мы очутились здесь не против воли Эрика, а согласно задуманному им плану. Сделанного не воротишь, так что творить тут не о чем, но я предпочел бы, чтобы нам пришлось сражаться за каждый дюйм пути.

Мы прошли еще около мили и остановились покурить, тщательно прикрывая огоньки сига-

рет ладонями.

— Какая прекрасная ночь, — сказал я, обращаясь к Рэндому и прохладному ветерку.

— Да… Что это?

Позади нас в кустах зашуршало, и он мгновенно выхватил шпагу из ножен. Мы подождали несколько минут и, не заметив ничего подозрительного, пошли дальше. Спустя некоторое время я услышал непонятное шуршание впереди. Я посмотрел на Рэндома, и он кивнул, после чего мы стали двигаться медленнее и с большей осторожностью. Посторонние звуки прекратились, но справа от нас, довольно далеко, мерцал слабый свет, похожий на огонь костра. Я показал рукой в его сторону, и Рэндом пожал плечами, молча углубляясь вслед за мной в лес. Примерно через час мы оказались рядом с лагерем. Вокруг костра сидели четыре человека, еще двое спали неподалеку. Девушка, привязанная к дереву, смотрела в противоположную сторону, но когда я увидел ее фигуру, у меня защемило сердце.

— Неужели… — прошептал я.

— Да, — ответил Рэндом. — Это она.

Затем девушка повернула голову, и я сразу ее узнал. Дейдра!

— Интересно, что натворила эта ведьма? —

пробормотал Рэндом. Судя по форме солдат, ее ведут в Амбер.

Я посмотрел на красное и коричневое с серебряной нитью обмундирование и вспомнил (не только по портрету на карте), что Эрик предпочитал эту расцветку любой другой.

— Коль скоро она понадобилась Эрику, он ее не получит, — сказал я.

— Лично мне Дейдра глубоко безразлична, — заметил Рэндом, — но тебе она всегда нравилась, так что…

Он выхватил шпагу из ножен. Я последовал его примеру.

— Приготовиться, — прошептал я, выпрямляясь во весь рост. И мы кинулись в атаку.

Все сражение заняло минуты две, не больше. Она смотрела на нас, и свет костра превращал ее лицо в непрерывно меняющуюся маску. Она смеялась и плакала, выкрикивала наши имена громким испуганным голосом, а потом я перерезал стягивающую ее тело веревку и помог подняться на ноги.

— Здравствуй, сестра! Не хочешь ли пойти с нами в Амбер?

— Нет, — сказала она. — По правде говоря, мне хочется сохранить жизнь, которую вы только

что спасли. Можно подумать, я не знаю, зачем вы идете в Амбер.

— Разыгрывается трон, — сообщил Рэндом (что было для меня новостью), — и мы — заинтересованные стороны.

Если у вас осталась хоть капля разума, вы откажетесь от участия в этой игре, зато будете жить долго и счастливо.

Дейдра выглядела утомленной, на ее лице и руках засохла грязь, но, боже, до чего она была красива! Я обнял ее, потому что мне так захотелось, и прижал к груди. Рэндом отыскал мех с вином, и мы с удовольствием выпили.

— Эрик — единственный повелитель Амбера, — сообщила Дейдра, — и войска ему преданы.

— Я не боюсь Эрика, — сказал я и вдруг понял, что не уверен в своих словах.

— Он никогда не позволит тебе вернуться в Амбер, — продолжала она. — Я тоже была пленницей, но два дня назад удрала подземным ходом и решила скрыться на одном из Отражений, чтобы не мозолить глаза остальным. К сожалению, я не успела уйти из реального мира. Солдаты арестовали меня сегодня утром и вели обратно, чтобы передать своему господину. Может, он решил со мной расправиться, хотя в Амбере я

играла роль марионетки, не более. Думаю, Эрик будет взбешен, когда узнает, что мне удалось бежать. Впрочем, я ни в чем не уверена.

— А где Блейз? — спросил Рэндом.

— Он посылает из Отражений невиданных чудовищ, которые не дают Эрику спокойно спать. Но Блейз ни разу не атаковал всеми силами, так что остается только гадать, кому достанутся корона и скипетр, хоть Эрик и держит бразды правления в своих руках.

— Понятно. А нас он когда-нибудь вспоминал?

— Тебя нет, Рэндом. Корвина — часто. Эрик все еще боится, что Корвин вернется в Амбер. Следующие пять миль можно пройти относительно спокойно, но потом каждая пядь пути грозит смертельной опасностью. Каждый камень — ловушка, за каждым деревом — засада. Эрик хорошо подготовился к встрече с Блейзом и Корвином. Он наверняка хотел, чтобы вы подошли вплотную к Амберу, ведь, с одной стороны, отсюда невозможно бежать на Отражения, а с другой — почти каждый ваш шаг становится известен. Никто не может пробраться в Амбер незамеченным.

— Но тебе удалось бежать.

— Ну и что? Во-первых, я покинула город, а не пыталась в него проникнуть. Во-вторых, Эрик

не следил за мной, как за вами. К тому же я женщина и лишена имперских амбиций, и тем не менее, меня все равно поймали, чему вы были свидетелями.

— Но теперь ты свободна, сестра, — сказал я, — и останешься свободной до тех пор, пока у меня хватит сил поднять шпагу в твою защиту.

Дейдра поцеловала меня в лоб и украдкой сжала руку. Я всегда млел, когда она так делала.

— Я уверен, что за нами следят, — пробормотал Рэндом, и по его сигналу мы отступили в лес.

Лежа за кустом, пристально вглядываясь в темноту, мы возбужденно перешептывались, но так и не пришли к единому выводу. Выяснилось, что окончательное решение должен принимать именно я. Вопрос, который следовало решить, был, казалось, до смешного прост: «Что делать дальше?», но я посчитал его слишком важным и понял, что больше не имею права притворяться. Я знал, что не могу доверять своим родным, даже очаровательной Дейдре, которая всегда мне нравилась, Рэндому, который, не колеблясь, согласился принять участие в моих делах. Но лучше было признаться им, чем кому-либо другому. Впрочем, выбирать не приходилось.

— Дорогие мои родственники, — сказал я, — бо-

юсь, мне придется вас огорчить.

Я не успел договорить, как рука Рэндома судорожно сжала эфес шпаги. Видимо, в нашей семье не было принято доверять друг другу. Мне показалось, я слышу его невысказанную мысль: «Корвин заманил меня сюда, чтобы предать».

— Если ты заманил меня сюда, чтобы предать, — сказал он, — живым я не дамся.

— Не говори глупостей, — прервал я его. — Мне нужна твоя помощь, а не жизнь. Но тебе придется огорчиться, когда ты узнаешь, что я ровным счетом ничего не понимаю. Я, конечно, догадываюсь, где мы находимся и почему скрываемся от солдат. Я смутно помню, что такое Амбер. Но если быть до конца откровенным, я даже не знаю, кто я такой.

После довольно продолжительного молчания Рэндом прошептал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вот именно, — вставила Дейдра.

— Я хочу сказать, что мне удалось вас одурачить. Разве тебе не показалось странным, что я лишь управлял машиной, взвалив все заботы на твои плечи?

— Но ведь ты был моим начальником! — воскликнул Рэндом. Я считал, ты обдумываешь план

дальнейших действий. И ты не потерял былой прозорливости. Я знаю, что ты — Корвин.

— А сам я узнал об этом всего несколько дней назад. Да, я тот, кого вы называете Корвином. Но совсем недавно я попал в автомобильную катастрофу, получил травму черепа — могу показать шрамы, когда станет светло, — и страдаю от амнезии. Когда вы говорите о каких-то Отражениях, я не понимаю ни единого слова. Амбер остается для меня тайной за семью печатями. Правда, я помню своих сестер и братьев, а также то, что им нельзя доверять. Вот и весь мой сказ. Что будем делать?

— О боже! — простонал Рэндом. — Да, теперь я понимаю… Ответы невпопад, нелепые оговорки… Но как тебе удалось провести Флору?

— Повезло, — ответил я. — А может, сработало подсознание. Впрочем, Флора настолько глупа, что обмануть ее не так уж трудно. Но сейчас я нуждаюсь в вашей помощи.

— Как ты думаешь, отсюда можно уйти на Отражения? — спросила Дейдра, и я с облегчением подумал, что теперь избавлен от необходимости отвечать на непонятные вопросы.

— Да, — сказал Рэндом, — но я — против. Мне бы хотелось видеть Корвина в Амбере, а голову

Эрика — на копье. И я, пожалуй рискну помочь правому делу, так что ни о каком бегстве не может быть и речи. Если хочешь, иди одна. Все вы считали меня хвастуном и неженкой. Что ж, поживем — увидим. Но я не отступлюсь.

— Спасибо, брат, — сказал я.

— Правду говорят, что встречаться при лунном свете — дурная примета, — заметила Дейдра.

— Ты предпочла бы остаться привязанной к дереву? — спросил Рэндом, и она не нашла, что ответить.

Мы лежали за кустом, не шевелясь, и вскоре на поляну, где горел костер, вышли трое людей. Они посмотрели по сторонам, и один из них внезапно нагнулся и понюхал землю.

— Вейры, — прошептал Рэндом, и дальнейшее я увидел, как в тумане. Незнакомцы упали на четвереньки, и лунный свет как-то странно посеребрил их серые одежды. Три пары горящих глаз уставились в нашем направлении.

Я проткнул первого волка шпагой, и ночную тишину прорезал мучительный человеческий вопль. Рэндом одним ударом отсек голову второму, а Дейдра, к моему изумлению, подняла третьего волка высоко в воздух и с размаху ударила о колено, переломив ему позвоночник, словно

сухую спичку.

— Скорее! — вскричал Рэндом. — Проткни их своей серебряной шпагой!

Я послушно воткнул клинок сначала в одного оборотня, потом в другого. Послышались еще два душераздирающих вопля.

— Надо уходить, — решительно заявил Рэндом. — Здесь нельзя оставаться.

Примерно через час, в течение которого мы продирались сквозь высокий кустарник, Дейдра не выдержала.

— Куда это мы идем? — спросила она.

— К морю.

— Зачем?

— Оно хранит память Корвина.

— О чем ты говоришь?

— О Ребма, естественно.

— Сначала тебя там убьют, а потом скормят твои куриные мозги рыбам.

— Я не пойду с вами. Мы расстанемся на берегу. А ты поговоришь с нашей сестрой.

— Ты хочешь, чтобы он вновь прошел Лабиринт?

— Да.

— Это рискованно.

— Знаю… Послушай, — обратился он ко мне, —

ты честно все рассказал, и поэтому я хочу предупредить: если окажется, что ты — не Корвин, тебя ждет гибель. Но я убежден, что ты не можешь быть никем другим. Твое поведение, несмотря на потерю памяти, говорит само за себя. Рискни, поставь жизнь на карту, и если пройдешь испытание, которое мы называем Лабиринтом, наверняка все вспомнишь. Согласен?

— Не знаю, — ответил я. — Что такое Лабиринт?

— Ребма — призрачный город, отражение Амбера, на дне морском. То, что происходит в Амбере, отражается в Ребма, как в зеркале, и живут там подданные Льювиллы. Меня они ненавидят за кое-какие грехи молодости, но если ты поговоришь с ними откровенно и, возможно, намекнешь на цель своего путешествия, думаю, они разрешат тебе пройти Лабиринт, который, хоть и является зеркальным отражением основного, ничем от него не отличается и дает власть над Отражениями детям нашего отца.

— Для чего мне нужна эта власть? — спросил я.

— Чтобы понять, кто ты такой.

— В таком случае я согласен.

— Хорошо. Нам надо идти строго на юг. До Лестницы несколько дней пути… Ты пойдешь с нами,

Дейдра?

— Я пойду с моим братом Корвином.

Я знал, что она так ответит, и обрадовался. Мне было страшно, но я обрадовался. Мы шли всю ночь. Нам удалось избежать встречи с тремя вооруженными отрядами, а наутро мы улеглись спать в пещере.

На заре третьего дня, едва не столкнувшись с дозорными очередного отряда, мы подошли к серо-розовому песчаному пляжу величественного моря. Нам не хотелось выходить на берег, открытый со всех сторон, и мы решили пересечь его только напротив Faiella bionin — Лестницы, ведущей в Ребма. Восходящее солнце отражалось в пенящихся волнах миллиардами танцующих искр, слепящих глаза. В течение двух дней мы питались одними фруктами, запивая их водой, но я позабыл о голоде, глядя на широкое полотно оранжевого, розового и красного песка с вкраплениями ракушек, плавника и отполированных голышей. А впереди лежало море, то темно-синее, то золотое, то пурпурное; оно вздымалось и падало, волнуясь под куполом фиолетового неба.

Гора Колвир возвышалась милях в двадцати от нас к северу. Она глядела прямо на солнце, баюкая Амбер в своих объятьях, как нежная мать

дитя, и золотая заря закрывала город радугой, словно вуалью. Рэндом посмотрел на вершину, скрипнул зубами и отвернулся. Кажется, я сделал то же самое. Дейдра дотронулась до моей руки, кивнула и зашагала вдоль берега. Мы с Рэндомом отправились следом. Видимо, она знала, куда идти. Мы прошли примерно четверть мили, и нам показалось, что земля слегка дрожит под нашими ногами.

— Стук копыт! — воскликнул Рэндом.

— Смотрите! — Дейдра запрокинула голову и указала наверх.

Над нами парил орел.

— Долго еще идти? — спросил я.

— До пирамиды, — ответила Дейдра, и примерно в ста ярдах я увидел восьмифутовую остроконечную каменную кладку из больших серых валунов, отшлифованных временем и изъеденных водой, ветром и песком.

Стук копыт слышался все отчетливее; прозвучал сигнал рога, но не такой мощный, как у Джулиана.

— Бежим! — крикнул Рэндом.

И мы побежали.

Орел мгновенно снизился, и Рэндом отмахнулся от него шпагой. Птица поднялась ввысь и

спикировала на Дейдру. Я тоже выхватил шпагу и нанес удар. Перья полетели во все стороны. Клинок наткнулся на что-то твердое, и, по-моему, орел упал, но я не стал оглядываться. От мерного стука копыт дрожала земля, рог непрерывно подавал сигналы. Мы добежали до каменной пирамиды, и Дейдра свернула направо к морю. Я не стал спорить с женщиной, которая, видимо, хорошо знала, что делала, и поэтому последовал за ней, мельком увидев за своей спиной всадников. Правда, они были достаточно далеко, но неслись по берегу во весь опор. Собаки лаяли, рог трубил, а мы с Рэндомом бежали за нашей сестрой сломя голову и вскоре очутились в волнах прибоя. Когда мы зашли в воду по пояс, Рэндом мрачно произнес:

— Останусь я здесь или пойду с вами — конец один: меня ждет гибель.

— Первое — неизбежно, второе — непредсказуемо, — сказал я. — Оставь сомненья!

Дно под ногами было каменистым и постепенно уходило в глубину. Я не понимал, как мы будем дышать, если окажемся под водой, но Дейдра уверенно двигалась вперед, и я решил не задавать лишних вопросов. И все же мне было страшно, а когда вода поднялась до шеи, подсту-

пив к лицу, я испугался по-настоящему. Каждые несколько футов дно становилось ниже. Неожиданно я понял, что мы спускались по гигантской лестнице, которая называлась Faiella bionin. Дейдра скрылась из виду. Я набрал полную грудь воздуха и, пытаясь унять бешено колотящееся сердце, шагнул вслед за ней. Я шел по широким ступеням. Меня немного удивило, что я спускался по лестнице, словно она была на земле, и, хотя мои движения замедлились, тело не стремилось всплыть и почти не испытывало сопротивления. Меня беспокоило только одно: что мне делать, когда кончится воздух в легких? Пузыри весело булькали над головами Рэндома и Дейдры. Я попытался разглядеть, как они дышат, но ничего не понял. Вроде бы грудные клетки обоих вздымались и опускались самым естественным образом. Когда мы оказались футов на десять ниже уровня моря, Рэндом, шедший слева, обратился ко мне, и я услышал его голос, вибрирующий, как эхо в гулкой ванной. Но было слышно хорошо.

— Не знаю, смогут ли они заставить лошадей спуститься под воду, но собаки наверняка останутся на берегу.

— Как тебе удастся дышать? — попытался спросить я и с изумлением понял, что говорю

совершенно свободно.

— Расслабься, — быстро ответил он. — Не задерживай дыхания. Пока ты на Лестнице, можешь дышать, как на земле.

— Почему? — спросил я.

— Если дойдем, узнаешь. — Голос его звенел в прохладной зеленоватой воде.

Мы спустились уже футов на двадцать, и я осторожно сделал первый вдох. Ничего страшного не произошло, и я стал дышать полной грудью. Над моей головой тоже появились пузыри, но никаких неприятных ощущений я не испытал. Глубинное давление тоже не ощущалось. Лестница была окутана призрачным зеленоватым туманом. Прямая, как струна, без единого поворота, она вела далеко-далеко вниз. И впереди брезжил свет.

— Если успеем пройти арку, мы спасены, — сказала моя сестра.

— Это вы спасены, — мрачно заявил Рэндом, и мне стало интересно, чем он так согрешил, что боится Ребма, как черт ладана? — Если солдатам придется спешиться, наверняка успеем.

— Тогда они вообще прекратят преследование, — резонно заметила Дейдра и ускорила шаг.

Мы спустились уже где-то на пятьдесят футов

ниже уровня моря. Было темно и холодно, но свет впереди стал ярче, и вскоре я увидел его источник. Справа от меня возвышалась колонна, заканчивающаяся большим светящимся шаром. Точно такая же колонна стояла пятнадцатью ступенями ниже, но слева; далее ряд колонн уходил вниз, располагаясь в шахматном порядке. Когда мы приблизились к первой из них, заметно посветлело, а Лестница стала лучше видна: она была футов пятьдесят в ширину, ограждена каменными перилами, а ее белые ступени с зелеными и розовыми прожилками напоминали мраморные.

Мимо нас проплывали рыбы. Я оглянулся, но никого не увидел. Стало совсем светло. Мы подошли к первой колонне, и неожиданно я понял, что она заканчивалась отнюдь не светящимся шаром. Видимо, мой мозг невольно пытался найти разумное объяснение необъяснимому, и поэтому я принял за шар пламя, которое подымалось над колонной фута на два и было похоже на факел. Я решил ни о чем не спрашивать и поберечь дыхание, так как спускались мы очень быстро. Мы шли словно по ярко освещенному бульвару, и когда миновали шесть факелов, Рэндом сказал:

— За нами гонятся.

Я оглянулся и увидел в отдалении четырех всадников в сопровождении пеших солдат.

Когда смеешься под водой и слышишь собственный смех, испытываешь странное чувство.

— Пусть гонятся! — воскликнул я, дотрагиваясь до эфеса шпаги. — Цель близка, и я знаю, что теперь ничто не сможет меня остановить!

Тем не менее, мы еще ускорили шаг, а потом побежали, и вода по бокам слилась в одно темное чернильное пятно, а колонны мелькали с такой скоростью, что я потерял им счет. Далеко-далеко внизу показался широкий сводчатый проход. Дейдра перепрыгивала сразу через три ступеньки, а они дрожали от стука копыт. Солдаты спускались шеренгами, занимая пространство от одних перил до других, но были довольно далеко, в то время как всадники явно приблизились. Мы с Рэндомом бежали за Дейдрой изо всех сил, но я продолжал держать руку на эфесе шпаги. Три, четыре, пять, у шестой колонны я оглянулся и увидел скачущих лошадей футах в пятидесяти. Солдат практически не было видно. Впереди, примерно в двухстах футах, возвышалась грандиозная арка, украшенная многочисленными изображениями тритонов, нимф, русалок и дельфинов. Она сверкала белизной, и мне показалось,

что под ее сводами стояла группа людей.

— Должно быть, им не терпится узнать, в чем дело, — пробормотал Рэндом.

— Им не удастся удовлетворить своего любопытства, если мы не успеем добежать, — ответил я и, обернувшись, увидел всадников, приблизившихся еще на десять футов.

Двадцатью ступенями ниже нам пришлось повернуться к арке спиной: вибрация зеленой воды стала настолько сильной, что мы могли погибнуть под копытами лошадей в любую минуту. Они скакали прямо на нас, и арка находилась всего в ста футах, но с тем же успехом она могла быть и в сотне миль. Прежде всего необходимо было избавиться от преследователей. Я пригнулся, когда первый из них попытался нанести мне удар шпагой. Справа скакал второй солдат и поэтому, естественно, я отпрыгнул влево, поближе к перилам. Теперь ему пришлось далеко отклониться в седле, чтобы добраться до меня — ведь оружие он держал в правой руке. Именно в эту секунду клинок моей шпаги вонзился ему в горло. Фонтан крови ударил вверх и заиграл алым туманом в зеленоватом свете. «Жаль, здесь нет Ван Гога», — мелькнула в моей голове сумасшедшая мысль. Лошадь без седока пронеслась

мимо, а я набросился на первого всадника сзади. Он успел повернуться и отпарировать удар, но скорость, с которой он скакал, плюс сила моего удара, выбили его из седла. Когда он падал, я оттолкнул его ногой, и тело поднялось вверх. Проплывая над моей головой, он успешно отразил еще один выпад, но неожиданно оказался за пределами Лестницы. Я услышал дикий крик, и, раздавленный водой, солдат бесследно исчез.

Я посмотрел на Рэндома. Он расправился с одним всадником и убил лошадь второго. Я не успел подойти, как все было кончено: он проткнул соперника шпагой и громко засмеялся. Кровь медленно поднималась над трупами, и внезапно я вспомнил, что действительно был знаком с безумным, печальным, вздорным Винсентом Ван Гогом, который, к сожалению, никогда не сможет написать этой удивительной картины.

Мы успели. Увидев множество обнаженных шпаг, солдаты не выдержали и повернули обратно. Рэндом пробормотал: «Теперь-то мне крышка», и мы подошли к группе людей, пришедших нам на помощь. Моему брату немедленно приказали отдать шпагу, что он и сделал, пожав плечами. Затем двое солдат встали у него по бокам, а третий — сзади, и мы начали вновь спус-

каться по Лестнице. Через пятнадцать минут, а может, полчаса (в непривычной обстановке я всегда теряю чувство времени) мы добрались до места нашего назначения. Перед нами высились Золотые Ворота Ребма. Мы прошли их и очутились в городе. Все было как в зеленом тумане. Высокие хрупкие здания из разноцветного камня стояли в определенном порядке, группами, и мой мозг, блуждающий в потемках, попытался связать воедино обрывки далеких воспоминаний. У меня ничего не вышло, и от путаницы мыслей в очередной раз заболела голова. Я только знал, что когда-то гулял по этим или таким же улицам, которые помнил и не помнил в одно и то же время.

С тех пор, как у Рэндома потребовали шпагу, он не произнес ни единого слова. Дейдра задала всего один вопрос: где Льювилла? Ей ответили, что она в Ребма. Я принялся рассматривать наш эскорт. Он состоял из одних мужчин с зелеными, красными и черными волосами. Только у одного из них были фиолетовые глаза, у остальных — зеленые. Поверх брюк и коротких плащей из водорослей подводные жители носили кольчуги и пояса из ракушек; к последним были пристегнуты короткие шпаги. Никто меня не приветствовал и не задал ни одного вопроса, хотя изредка я ловил на

себе любопытные и настороженные взгляды. Мы шли по широкой городской улице, освещенной все теми же колоннами, стоявшими значительно ближе одна к другой, чем на Лестнице. Повсюду плавали пучеглазые рыбы, а люди наблюдали за нами из пятиугольных окон домов. Свернув за угол, мы попали в холодное течение, а через несколько шагов очутились в теплом, похожем на ласковый ветерок.

Нас проводили во дворец, расположенный в центре города и знакомый мне до боли. Он был точной копией — зеркальным отражением — дворца в Амбере, но, казалось, плавал в зеленом тумане и выглядел не совсем привычно из-за большого количества зеркал, странным образом вставленных в стены торцом. В фарфоровом зале, который я тоже помнил, на высоком троне сидела женщина, и волосы ее были зелеными с серебряной нитью, глаза овальные, как большие нефриты, а брови разлетались, как крылья чаек. У нее был маленький рот, небольшой подбородок, высокие скулы и свежие округлые щеки. Лоб ее охватывал обруч светлого золота; на хрустальном ожерелье висел большой сапфир, покоящийся в углублении обнаженных грудей с зелеными сосками. На ней были брюки из морских водо-

рослей и широкий серебристо-голубой пояс; на пальцах сверкали кольца с камнями разных оттенков голубизны; правая рука сжимала скипетр из розового коралла. Она заговорила с нами, не поздоровавшись, не поприветствовав улыбкой.

— Что ищете вы здесь, объявленные вне закона? — спросила она, и речь ее текла плавно, а голос был нежен и тих.

Дейдра ответила за всех нас.

— Мы бежим от гнева Эрика, принца, царящего в истинном городе. Я не стану ничего скрывать: наше заветное желание — лишить его власти, если он любим здесь, мы погибли. Но я чувствую, что этого не может быть. Мы пришли просить помощи, благородная Муари…

— Я не дам войск для нападения на Амбер, — перебила она. Вы ведь знаете, Хаос отразится в моем королевстве, как в зеркале.

— Нам не нужна военная помощь, любезная Муари, — ответила Дейдра. — Наша просьба пустячная и не доставит хлопот ни тебе, ни твоим подданным.

— Говори! Ты знаешь, что Эрик ненавистен нам так же, как этот предатель, стоящий от тебя по правую руку! — Она указала на Рэндома, который смотрел на нее вызывающим наглым взглядом,

искривив рот в презрительной усмешке.

Если ему предстояла расплата за преступление — в чем бы оно не заключалось — он готов был заплатить любую цену, как истинный принц Амбера, подобно тому, как много веков назад ее заплатили три моих брата, неожиданно вспомнил я. Рэндом умрет, издеваясь над палачами и смеясь во все горло, пока не захлебнется собственной кровью, а умирая, изрыгнет проклятие, которое обязательно сбудется. И я знал, что тоже обладаю этим даром и обязательно воспользуюсь им, когда возникнет такая необходимость.

— Я прошу не за себя, а за моего брата Корвина, — сказала Дейдра, — брата принцессы Льювиллы, живущей в твоем дворце. По-моему, принц Корвин никогда не причинял вам вреда…

— Верно. Но почему он не попросит сам за себя?

— В том-то и дело. Мой брат не знает, о чем просить. На одном из Отражений он попал в аварию и почти полностью потерял память. Мы решили посетить твое королевство, чтобы он смог вновь обрести ее, познать свое прошлое, оказать сопротивление Эрику…

— Продолжай, — произнесла женщина, сидящая на троне, и бросила на меня взгляд из-под

длинных ресниц.

— В одном из уголков твоего дворца находится большая комната, куда заходят немногие. На полу этой комнаты выложен узор, который мы называем Лабиринтом. Только истинные потомки покойного короля Амбера могут пройти его и остаться в живых, и тому, кто выдержит испытание, дается власть над Отражениями. — Тут Муари несколько раз моргнула, и я невольно подумал, что она, должно быть, не одного своего подданного отправила на верную смерть в надежде овладеть тайной Отражений и укрепить могущество Ребма. — Мы считаем, — продолжала Дейдра, — что только Лабиринт вернет принцу Корвину память. Он не может пройти его в Амбере, а, следовательно, остается Ребма, потому что в Тир-на Ног-та, как ты понимаешь, нам не попасть.

Муари перевела взгляд с Дейдры на Рэндома, потом посмотрела на меня.

— А Корвин готов рискнуть? — спросила она.

— Я всегда готов, госпожа, — ответил я, и она улыбнулась.

— Что ж, в таком случае не возражаю. Однако за пределами моего государства я не могу гарантировать вашей безопасности.

— Ваше Величество, — ответила Дейдра, — мы не просим никаких привилегий, и когда уйдем, сами о себе позаботимся.

— О Рэндоме, — сказала Муари, — позабочусь я.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Дейдра, так как Рэндом, естественно, не мог при сложившихся обстоятельствах говорить от своего имени.

— Ты ведь, конечно, помнишь, что Рэндом однажды был моим гостем, и я приняла его как друга, а он поторопился исчезнуть вместе с моей дочерью Морганой.

— Всякие ходили слухи, но я не уверена в их достоверности.

— Через месяц, — продолжала Муари, — дочь моя вернулась. А еще через несколько месяцев, родив сына Мартина, она покончила с собой. Что ты на это скажешь, принц Рэндом?

— Ничего, — ответил мой брат.

— Мартин решил пройти Лабиринт совсем еще юношей, ведь в его жилах текла королевская кровь. Он был единственным из нас, кому это удалось. Мой внук исчез на одном из Отражений, и с тех пор я его не видела. Что ты на это скажешь, принц Рэндом?

— Ничего.

— И поэтому я должна подвергнуть тебя наказанию. Ты женишься по моему выбору и будешь жить в моем королевстве ровно год, а если откажешься, расстанешься с жизнью. Что ты на это скажешь, принц Рэндом?

Рэндом утвердительно кивнул, не произнеся ни слова.

Муари ударила скипетром по подлокотнику бирюзового трона.

— Хорошо, — величественно произнесла она. — Да будет так!

Мы отправились в отведенные нам апартаменты, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть с дороги. Через некоторое время Муари появилась в дверях моей комнаты.

— Приветствую тебя, о королева, — сказал я.

— Повелитель Корвин из Амбера, — ответила она. — Я всегда мечтала с тобой встретиться.

— Я тоже, — солгал я.

— Твои похождения — легенда.

— Спасибо, но я все равно ничего не помню.

— Могу я войти?

— Конечно. — Я сделал шаг в сторону.

Она вошла в великолепно обставленную комнату, которую сама для меня выбрала, и присела

на краешек оранжевой кушетки.

— Когда ты намерен пройти Лабиринт?

— Чем скорее, тем лучше.

Она задумалась на мгновение, потом спросила:

— Где ты был все последнее время?

— На далеком Отражении, — ответил я, — которое полюбил.

— Как странно, что повелитель Амбера обладает подобным чувством.

— Может быть, я выбрал неверное слово.

— Сомневаюсь. Баллады Корвина всегда затрагивали живые струны в моей душе.

— Госпожа слишком добра ко мне.

— Но справедлива.

— Когда-нибудь я сочиню балладу в твою честь.

— А чем ты занимался на своем далеком Отражении? — спросила она.

— Помнится, я был профессиональным солдатом и дрался под знаменами того, кто мне платил. Кроме того, я сочинял музыку и песни, ставшие впоследствии популярными.

— И то, и другое кажется мне вполне естественным.

— Прошу тебя, скажи, что ожидает моего брата Рэндома?

— Он женится на девушке по имени Виала, моей придворной даме. Она незрячая и у нее нет поклонников.

— И ты считаешь, она будет счастлива? — спросил я.

— Выйдя замуж за Рэндома, Виала завоюет положение в обществе, ответила Муари, — несмотря на то, что через год останется одна. Ведь кем бы Рэндом ни был, он прежде всего принц Амбера!

— А если она его полюбит?

— Неужели на свете существует любовь?

— Я, например, люблю Рэндома, как брата.

— Еще ни один принц Амбера не произносил подобных слов, и я отношу их за счет твоего поэтического темперамента.

— И тем не менее, — продолжал настаивать я, — прежде чем решиться на подобный шаг, ты должна быть твердо уверена, что действуешь в интересах девушки.

— Я все обдумала, — сказала она, — я убеждена в правильности своего решения. Виала оправится от удара, какой бы силы он ни был, а я сделаю ее первой придворной дамой королевства.

— Возможно, ты права. Будь по-твоему. — Я наклонился, поцеловал ей руку и отвернулся. Мне стало грустно и обидно — за девушку, ра-

зумеется.

— Повелитель Корвин, — торжественно произнесла она, — ты — единственный принц Амбера, за исключением Бенедикта, который может рассчитывать на мою помощь. Но Бенедикт вот уже двадцать два года как бесследно исчез, и один Лир знает, где могут лежать его кости.

— Я ничего не помню, — ответил я. — Сплошной туман в голове. Пожалуйста, не обращай на меня внимания. Бенедикт был моим военным инструктором и научил владеть всеми видами оружия. Я даже думать не хочу, что мог погибнуть человек, столь искусный, терпеливый и мягкий в обращении.

— Совсем как ты, Корвин, — сказала Муари и, взяв меня за руку, притянула к себе.

— Ты ошибаешься, — ответил я и сел рядом.

— Обед подадут не скоро, — заметила она и ласково прикоснулась ко мне теплым плечом.

— Когда?

— Когда прикажу.

И мне ничего не оставалось, как нащупать застежку пояса. На оранжевой кушетке я подарил Муари обещанную балладу, и губы ее ответили мне без слов…

После обеда (я научился искусству есть под

водой, о чем расскажу подробнее позже, если в этом возникнет необходимость) мы встали из-за стола, накрытого в Мраморном зале, стены которого были украшены коричневыми и красными сетями и канатами. Длинный узкий коридор привел нас к спиральной лестнице, светившейся в темноте и уходившей далеко вниз. Спустившись на несколько ступенек, Рэндом энергично воскликнул: «К черту!», сошел с лестницы и поплыл рядом.

— Так быстрее, — пояснила Муари.

— Слишком долго идти, — согласилась Дейдра, которая, естественно, не раз спускалась по такой же лестнице в Амбере.

Мы присоединились к Рэндому и минут через десять достигли дна. Я вновь стоял на ногах, и тело мое не стремилось всплыть. Несколько небольших факелов, расположенных в нишах, тускло горели, освещая окружающее нас пространство.

— В чем тут дело? — спросил я. — Почему в той части океана, которая является отражением Амбера, вода подчиняется иным законам?

— Потому что так должно быть, — сказала Дейдра, и ответ ее вызвал во мне раздражение.

Из огромной пещеры, в которой мы оказались,

по всем направлениям уходили туннели. Мы свернули в один из них. Идти пришлось довольно долго, и в самом конце пути нам стали встречаться боковые ответвления, входные отверстия которых были закрыты решетками или дверьми. У седьмой по счету двери мы остановились. Высеченная из цельной каменной плиты, обитая металлом, она была в два раза выше моего роста, и, глядя на нее, я невольно вспомнил легенды о тритонах.

Муари улыбнулась — улыбка эта предназначалась мне одному, — вытащила большой ключ из связки, висевшей у нее на поясе, и сунула его в замочную скважину. Однако открыть дверь ей не удалось: то ли не хватило сил, то ли в помещение давно не входили. Рэндом что-то проворчал, откинул руку Муари в сторону, взялся за ключ, небрежно повернул его и, услышав громкий щелчок, толкнул дверь ногой. Мы увидели большую комнату, похожую на танцевальный зал. Черный гладкий пол блестел, как стекло. На полу был выложен узор, который назывался Лабиринтом. Холодный огонь сверкал, дрожал и переливался, непрерывно меняя очертания. Его ажурный рисунок, в котором чувствовалась неведомая сила, почти целиком состоял из кривых линий, и

лишь в центре находились две или три прямые. Лабиринт напоминал мне фантастически сложную головоломку, только непомерных размеров, которую можно было решить, водя карандашом (или ручкой, если на то пошло) по бумаге, чтобы куда-то попасть или откуда-то выбраться. Мне даже показалось, что я слышу слова: «Начало здесь», — и я невольно посмотрел в противоположный конец комнаты, заодно прикинув размеры Лабиринта. Он был не меньше ста пятидесяти ярдов в длину и ста в ширину.

У меня в голове зазвенели колокола, и на смену им пришла привычная боль. Мой мозг, видимо, панически боялся мыслей о Лабиринте и гнал их прочь. Но если я действительно был принцем Амбера, моя кровь, мои нервы, мои гены знали и помнили странный огненный узор и должны были помочь мне правильно решить эту проклятую головоломку.

— Эх, закурить бы! — сказал я, мои спутницы не подавали виду, что тоже нервничают.

Рэндом взял меня за руку.

— Тебе предстоит тяжелое испытание, но его можно выдержать, иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Иди очень медленно и, главное, не отвлекайся. С каждым твоим шагом вверх

будет подниматься сноп искр. Не волнуйся. Это не может причинить тебе вреда. Ты все время будешь чувствовать сильный поток, как бы проходящий сквозь тело, и станешь как пьяный. Сосредоточься и во что бы то ни стало продолжай идти вперед. Запомни, ты можешь погибнуть, если остановишься или свернешь в сторону.

Он наставлял меня на ходу: мы огибали комнату по правой стене. Муари и Дейдра немного отстали. Я наклонился и шепнул ему на ухо:

— Я пытался уговорить Муари смягчить наказание. Не вышло.

— Так и знал, что ты за меня заступишься. Не беспокойся. Корвин. Если придется год стоять на голове, я тоже выдержу. К тому же я могу надоесть им до такой степени, что меня выгонят раньше.

— Она хочет женить тебя на слепой. Ее зовут Виала.

— Великолепно! — сказал он. Прекрасная шутка!

— Помнишь, мы обсуждали вопрос о регентстве?

— Да.

— Будь добр к ней, проживи здесь ровно год, и я в долгу не останусь.

Молчание. Затем Рэндом многозначительно

сжал мне руку.

— Твоя подружка? — Он ухмыльнулся. — Хорошенькая?

— Я могу считать, мы договорились? — медленно спросил я.

— Считай, договорились.

И незаметно мы пришли в дальний угол комнаты, с которого начинался Лабиринт. Я посмотрел на огненную линию рядом с правой ногой. Вода неожиданно показалась мне очень холодной. Не колеблясь, я поставил на светящуюся тропинку левую ногу, и вокруг нее заплясали бело-голубые искры. Я сделал первый шаг и почувствовал тот поток, о котором говорил Рэндом. Я пошел вперед. Послышался громкий треск, и волосы на голове встали дыбом. Тропинка круто завернула, чуть ли не в обратном направлении. Еще через десять шагов мне показалось, что мое тело стало испытывать какое-то сопротивление, словно передо мной образовался непроницаемый барьер, толкающий меня назад с той же силой, с которой я стремился его преодолеть. Я боролся, как мог, продолжая идти вперед. «Препятствие под названием Первая Вуаль», — неожиданно вспомнил я. Испытание, которое мог выдержать только человек, являвшийся составной частью Лабиринта.

Ноги отказывались мне повиноваться, каждый шаг давался с огромным трудом, из волос начали сыпаться искры. Я сосредоточился на огненной линии, ничего не видя вокруг и жадно хватая ртом воздух. Сопротивление исчезло так же внезапно, как появилось. Я «сорвал» Первую Вуаль, выдержал испытание и в результате что-то приобрел. Я приобрел частичку самого себя.

Перед моим внутренним взором появились мертвецы Аушвица, с пергаментной кожей и с торчащими ребрами. Я знал, что присутствовал на процессе в Нюрнберге. Слышал голос Стивена Спендера, декламирующего «Вену», видел премьеры постановок Бертольда Брехта. Помнил, как ракеты вылетали из стальных шахт в Пенемюнде, Ванденберге, Кеннеди, Кызыл-Кумах. Своими руками трогал Великую Китайскую стену. Мы пили вино и пиво, и Шахпур сказал, что в стельку пьян, а потом его стошнило. В девственных зеленых лесах американского Запада я как-то добыл три скальпа за один день. В долгом походе я мурлыкал под нос мелодию, вскоре ставшую популярной песней: «Блондиночка, блондиночка…» Я помнил… помнил свою жизнь на Отражении, которое люди называли Землей.

Еще три шага. Я держал в руке окровавленную

шпагу. Покончив с тремя противниками, я ускакал, скрываясь от погони. Это было во времена Великой французской революции… Воспоминания, уходившие в глубь веков.

Еще один шаг. Шаг… к мертвым. Они были повсюду. Стоял жуткий омерзительный запах гниющей плоти, и где-то выла издыхающая от смертельных побоев собака. Клубы черного дыма застилали небо, ледяной ветер бил в лицо редкими каплями дождя. В горле у меня пересохло, руки тряслись, голова горела, как в огне. Я шел, спотыкаясь, в тумане горячки, пожиравшей мои тело и мозг. Придорожные канавы были завалены отбросами, дохлыми кошками и зловонными нечистотами. Скрипя несмазанными колесами и звеня колокольчиком, по улице проехала похоронная карета, обдав меня грязью с головы до ног.

Долго ли я блуждал, не знаю. Очнулся я, когда незнакомая женщина схватила меня за руку и я увидел на ее пальце перстень с изображением черепа и костей. Она отвела меня к себе, но очень скоро убедилась, что я не смогу ей заплатить и к тому же ничего не соображаю. Страх исказил черты ее накрашенного лица, стер улыбку красных губ, и она убежала, а я свалился на кровать,

как подкошенный. Позже — не помню когда — огромный детина, наверное, хозяин проститутки, вошел в комнату, надавал мне пощечин и стащил с кровати. Я вцепился в его правую руку мертвой хваткой и повис, а он потащил меня к двери. Когда я понял, что он собирается вышвырнуть меня на улицу, я сжал его руку сильнее, бессвязно протестуя. Я сжал его руку изо всех своих маленьких сил, несвязно моля о пощаде. Затем, сквозь пот и слезы, застилавшие мне глаза, я увидел, как его лицо исказилось болью, и услышал страшный крик, который он не в силах был сдержать. В том месте, где я сжимал руку, кость была сломана. Он оттолкнул меня левой рукой и упал на колени, плача. Я сидел на полу, и на какое-то мгновение мысли мои обрели прежнюю ясность.

— Я… остаюсь… здесь… — сказал я, еле ворочая языком. — Убирайся. Если ты вернешься, я тебя убью!

— Ты болен чумой! — выкрикнул он. — Завтра телега подберет твой смрадный труп! — И он плюнул мне в лицо, с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, вышел из комнаты.

Каким-то чудом я добрался до двери и задвинул тяжелый засов. Потом лег на кровать и уснул. Если за моим трупом приезжали на следующий

день, они, должно быть, испытали сильное разочарование. Я проснулся через десять часов весь в холодном поту и понял, что кризис миновал. И был очень слаб, но в здравом рассудке. Мне стало ясно, что я выздоровел. Я взял плащ, висевший в шкафу, и немного денег в ящике стола. И был год Чумы, и я вышел в Ночь, и пошел по дороге в Лондон, сам не зная зачем. Я не понимал, где очутился, не помнил, как меня зовут. Именно так все и началось…

Я продолжал идти по Лабиринту, и с каждым шагом снопы искр поднимались все выше и выше, достигая колен. Я совершенно перестал ориентироваться и не знал, где остались Дейдра, Рэндом и Муари. Меня пронизывали какие-то бурные потоки, от которых вибрировало тело и дрожала вода перед глазами. Щеки мои онемели, словно я их отлежал; шею леденило сзади. Я стиснул зубы, чтобы не стучали. Моя амнезия возникла отнюдь не в результате автомобильной катастрофы. Я потерял память еще во времена правления Елизаветы I. Флора наверняка решила, что после аварии я все вспомнил. От мысли, неожиданно пришедшей в голову, я вздрогнул: Флора осталась на Отражении Земля специально, чтобы за мной следить. Значит, с конца шест-

надцатого века? Может быть, раньше. Скоро вспомню. Я быстро сделал еще шесть шагов и вышел на прямой отрезок пути. В ту же секунду передо мной вновь возник невидимый барьер — Вторая Вуаль. Тропинка уводила меня все дальше и дальше. Резкий поворот направо.

Я был принцем Амбера. Нас было пятнадцать братьев, но шестеро погибли. У нас было восемь сестер, но две, а может, четыре, тоже погибли. Почти все свободное время мы проводили, путешествуя по Отражениям или обитая в наших собственных Вселенных. Вопрос был чисто риторическим, хоть и являлся одним из основных в философии: может ли человек, обладающий властью над Отражениями, создавать свои собственные Вселенные? Не знаю, какие выводы делала философия, но на практике это было возможно.

Следующий поворот… И мне показалось, что я двигаюсь сквозь липкий тягучий клей. Один, два, три, четыре… я с трудом поднимал не желавшие подниматься сапоги и ставил их один впереди другого. Кровь стучала в висках, сердце билось с такой силой, что грозило разорваться.

Амбер! Я вспомнил Амбер, и идти сразу стало легче.

Амбер был величайшим городом, который когда-либо существовал или будет существовать на свете. Амбер был, есть и будет, и любой иной город в пространстве, времени или других измерениях являлся лишь отражением одной из стадий его развития. Амбер, Амбер, Амбер… Я помню тебя. Я никогда тебя не забуду. Наверное, я всегда тебя помнил, хоть и жил на Отражении Земля, потому что слишком часто тревожили меня по ночам сны, в которых я видел золотые и зеленые купола твоих башен, широкие бульвары, просторные парки, газоны и клумбы с красными и желтыми цветами. А иногда мне казалось, что я дышу твоим сладким воздухом, блуждаю по великолепным дворцам и храмам, чувствую необъяснимое присутствие чего-то позабытого, навечно оставшегося в твоих стенах. Бессмертный Амбер, по образу и подобию которого созданы все города мира, я не могу позабыть тебя и сейчас, созерцая Царство Хаоса и рассказывая эту историю единственному слушателю, чтобы он, может быть, рассказал ее другим, если я здесь погибну. Но ничто не может сравниться со счастьем, которое я испытал, стоя в Лабиринте Ребма, когда вспомнил тебя, о город, в котором я был рожден властвовать…

Через десять шагов огненная тропинка стала петлять, и мне пришлось сосредоточить все свое внимание, чтобы случайно не шагнуть в сторону. Это было трудно, дьявольски трудно, тем более что вода, казалось, превратилась в бурный поток, грозивший унести меня за пределы Лабиринта. Я боролся из последних сил, инстинктивно чувствуя, что, свернув с тропинки, обреку себя на верную смерть. Огонь плясал перед моими глазами, и я не осмеливался поднять голову, чтобы посмотреть, долго ли еще мне осталось идти. Бурный поток превратился в слабое течение, возвращая мне очередную частичку утраченной памяти. Я вспомнил свою жизнь в Амбере.

Нет, я не стану делиться воспоминаниями, ведь они мои: жестокие, разгульные и благородные, начинающиеся с детских лет, проведенных во дворце Амбера, над которым развевалось зеленое знамя моего отца Оберона с изображением белого единорога, стоявшего на задних лапах и глядевшего вправо.

Рэндом и даже Дейдра прошли Лабиринт. Значит я, Корвин, пройду его во что бы то ни стало, невзирая ни на какие препятствия. Тропинка перестала петлять, превращаясь в Великую Дугу. Силы, формирующие Вселенную, начали играть

мной, как мячиком, заставляя увидеть мир другими глазами. Однако у меня было преимущество перед любым человеком, который осмелился бы пройти Лабиринт впервые. Я знал, что один раз уже выдержал трудное испытание, а значит, выдержу его и сейчас. Это знание помогало мне справиться с неестественным страхом, который появлялся, затмевая рассудок, и исчезал, чтобы вернуться с удвоенной силой. Лабиринт полностью восстановил мою память. Я вспомнил свою жизнь до того, как попал на Отражение Земля, и я вспомнил другие Отражения, милые моему сердцу, а одно — самое любимое, если не считать Амбера.

Три коротких дуги, прямая, несколько крутых виражей, и я вновь приобрел то, чего на самом деле никогда не терял: власть над Отражениями. Десять поворотов, изматывающих все силы, еще одна короткая дуга, прямая, и, наконец, Последняя Вуаль. С каждым шагом мне казалось, что я сейчас умру. Вода стала холодной, как лед, потом закипела. Она давила, толкала меня назад. Я боролся, как мог, механически переставляя одну ногу за другой. Огненные искры уже поднялись до пояса, затем до груди и плечей. Они обжигали глаза. Я почти ничего не видел.

Короткий вираж, непроницаемая тьма… Один, два… При последнем шаге у меня возникло ощущение, что я пытаюсь проломить бетонную стену. Я ее проломил. Затем я медленно повернулся, глядя на пройденный путь. Я не мог позволить себе роскоши упасть от усталости. Я был принцем Амбера, и ничто — видит бог! — ничто не могло заставить меня показать слабость перед моими вассалами. Даже Лабиринт! Видели меня или нет, значения не имело. Я весело помахал рукой, предположительно в нужном направлении, и задумался. Теперь я знал, что вернуться назад по огненной тропинке будет совсем не сложно. К чему затрудняться? Правда, у меня не было при себе колоды фамильных карт, но Лабиринт обладал силами, дающими возможность открыть окно в любой мир.

Они ждали меня, мой брат, сестра и Муари, подарившая мне несколько волшебных часов… Но Дейдра вполне могла сама о себе позаботиться; в конце концов мы спасли ей жизнь.

Рэндом застрял в Ребма на год, если, конечно, у него не хватит смелости пройти Лабиринт, добраться до его центра и исчезнуть, куда он пожелает. Что же касается Муари, я буду счастлив увидеться с ней снова, когда представится такая

возможность.

Я наклонил голову, закрыл глаза, но прежде мне показалось, что неподалеку мелькнула чья-то тень. Рэндом? Все-таки рискнул? Как бы то ни было, он не знал, куда я собираюсь отправиться. Никто не мог этого знать. Я открыл глаза. Меня знобило, я чертовски устал, но я был в Амбере, в истинном зале Лабиринта, а не в зеркальном его отражении. Отсюда я мог переместиться в любое место, куда захочу. Но попасть обратно будет практически невозможно. Я стоял в раздумье, и с моей одежды капала вода.

С Эриком можно будет встретиться в королевских покоях, если он их занял, или в тронном зале. Но в случае опасности придется срочно возвращаться, чтобы вновь пройти Лабиринт и добраться до его центра. Путь слишком долгий и трудный. Я переместился в одно из потайных мест дворца, который знал, как свои пять пальцев. В маленькой квадратной комнатке не было окон, и свет в нее проникал сквозь узкие щели бойниц. Я закрыл выдвижную дверь на засов, смахнул пыль с деревянной скамьи, стоявшей у стены, подстелил плащ и прилег вздремнуть. Если кто-нибудь захочет до меня добраться, ему придется здорово попотеть.

Я заснул. Проснувшись, я встал, отряхнул плащ, накинул его и вышел из своего закутка. Мне пришлось спускаться и подниматься по бесчисленному количеству лестниц, которых было великое множество во дворце, прежде чем я нашел искомую отметку на стене. Она привела меня к площадке одного из пролетов лестницы, где я остановился и сквозь наблюдательный глазок посмотрел внутрь комнаты. Никого. Отодвинув дверную панель, я вошел.

Как всегда, меня поразило и привело в восхищение обилие книг на полках. Осмотрев каждый уголок библиотеки и убедившись что опасности нет, я подошел к хрустальному сундучку, в котором хранилось (старая фамильная шутка) самое изысканное лакомство нашей семьи, а именно колоды карт. Из четырех, имевшихся там, я долго пытался выудить одну, чтобы не сработала сигнализация, и минут через десять не без труда мне это удалось. Усевшись в удобное кресло, я принялся размышлять, что делать дальше. Карты ничем не отличались от тех, что я видел у Флоры, но колода была полной. И эти сверкающие глянцевые картинки казались холодными на ощупь. Теперь я знал, почему. Перетасовав колоду, я разложил карты надлежащим образом и начал

их читать. Будущее не сулило ничего хорошего всей нашей семье, и я вновь собрал карты вместе. Кроме одной. Той, на которой был изображен мой брат Блейз. Я сложил остальную колоду в пачку, сунул ее за пояс и стал смотреть на Блейза.

В это время в замочной скважине главного входа в библиотеку заскрипел ключ. Что мне было делать? Ослабив шпагу в ножнах, я стал ждать дальнейшего развития событий и на всякий случай пригнулся, прячась за высоким столом. В дверях появился Дик, старый слуга, в обязанности которого входило убирать помещение: вытряхивать окурки из пепельницы, опорожнять корзинки для бумаг, вытирать пыль с полок и тому подобное. Так как быть обнаруженным спрятавшимся не приличествовало моему сану, я встал, выпрямляясь во весь рост.

— Здравствуй, Дик, — сказал я. — Ты меня помнишь?

Он резко повернулся, побледнел и на какое-то мгновение застыл на месте.

— Конечно, милорд. Как я мог забыть?

— Почему бы и нет? Слишком много времени прошло.

— Невозможно, милорд Корвин.

— Я явился сюда без приглашения, да и без

чьего-либо ведома, но если Эрику это не понравится, будь любезен, передай ему, что я лишь воспользовался своим правом и что скоро он со мной встретится.

— Будет исполнено, милорд, — ответил он, низко кланяясь.

— Подойди поближе, дружище Дик, присядь на минутку и выслушай меня.

Он послушно подошел, а я вновь сел в кресло.

— Когда-то, — сказал я, обращаясь к морщинистому старцу, — меня считали пропавшим без вести и не сомневались, что я не вернусь. Но раз уж так получилось, что они ошиблись, придется мне не согласиться с притязаниями Эрика на трон Амбера. Вопрос, конечно, сложный, но мне кажется, заяви свои права прямой наследник, Эрик ни в ком не нашел бы поддержки. По этой и многим, многим другим причинам — в большинстве своем личного характера — я намерен оказать Эрику сопротивление. Сам не знаю, почему, но, клянусь честью, он заслуживает того, чтобы с ним боролись! Так и передай! Если он пожелает меня увидеть, скажешь, что я на Отражении, но не там, где был раньше. Он поймет. Вряд ли ему удастся со мной расправиться, потому что я сумею не хуже, чем он, принять все необходимые

меры предосторожности. И я буду бороться с ним до победного конца, до последнего вздоха, пока один из нас не погибнет. Что ты думаешь по этому поводу, старина?

Дик поцеловал мне руку.

— Да здравствует Корвин, повелитель Амбера! — воскликнул он, и в глазах его стояли слезы.

Дверь заскрипела и распахнулась настежь. В библиотеку вошел Эрик.

— Привет, сказал я, вставая с кресла. — Вот уж не думал, что, не успев вернуться, сразу тебя увижу. Как дела в Амбере?

Глаза его расширились от изумления, но ответил он мгновенно и весьма саркастически:

— Дела идут, Корвин. К сожалению, не всегда успешно.

— Обидно, — заметил я. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Я знаю способ. — Он взглянул на Дика, который молча удалился и закрыл за собой дверь. Эрик взялся за эфес шпаги. — Ты желаешь завладеть троном, — сказал он.

— Разве один я?

— Наверное, ты прав, — ответил он, тяжело вздохнув. — Недаром говорят: «Дурная голова ногам покоя не дает». Сам не понимаю, почему

каждый из нас стремится попасть в столь двусмысленное положение. Но ты не мог забыть, что я дважды побеждал тебя и в конечном итоге милостиво подарил жизнь, позволив остаться на одном из Отражений.

— Хороша милость! Ты прекрасно знаешь, что бросил меня подыхать от чумы! И если быть точным, первый раз ты меня не победил. Насколько я помню, ни одному из нас не удалось взять верх.

— В таком случае давай выясним отношения раз и навсегда. Я старше и сильнее тебя, Корвин. Если ты настаиваешь на дуэли, я не возражаю. Убей меня, и, может быть, тебе удастся занять трон. Попробуй. Хотя вряд ли у тебя получится. И мне бы хотелось покончить с твоими притязаниями прямо сейчас. Нападай, Корвин! Посмотрим, чему ты научился на Отражении, имя которому — Земля!

Обе наши шпаги одновременно сверкнули в воздухе. Я вышел из-за стола.

— Сколько себя помню, — сказал я, — никогда не встречал такого самовлюбленного эгоиста, как ты, Эрик. Почему ты решил, что, кроме тебя, нет достойных занять трон?

— Потому что я его занял. Попробуй, отними!

И я, попробовал.

Он отбил прямой выпад в голову, а я — атаку в область сердца и попытался нанести укол в руку. Он легко парировал и толкнул между нами небольшой стул. Я ударил по стулу ногой, норовя попасть Эрику в лицо, но, к сожалению, промахнулся, и он вновь перешел в наступление. Я удачно защитился, он — тоже. Я сделал несколько выпадов, отразил несколько атак. Затем я попытался провести одну хитрую комбинацию, которой научился во Франции: сначала атака, потом финт в четвертой позиции, финт в шестой и выпад, заканчивающийся уколом в руку. Удар прошел, и из его кисти потекла кровь.

— О, ненавистный брат! — вскричал он, отступая, — Мне донесли, что Рэндом выступил вместе с тобой.

— Верно. Многие из нас сплотились против тебя.

Он яростно бросился в атаку, заставив меня отступить, и внезапно я почувствовал, что уступаю ему в мастерстве, несмотря на все свое умение владеть шпагой. Возможно, он был одним из самых сильных противников, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело. Страх перед поражением заставил меня обороняться с удвоенной силой, но Эрик неумолимо продолжал

идти вперед, а я — отступать шаг за шагом. В течение нескольких веков мы обучались искусству ведения боя у известнейших фехтовальщиков. Самым великим и непревзойденным мастером шпаги был наш брат, Бенедикт, но сейчас он не мог мне помочь, даже если бы согласился принять мою сторону. Я схватил со стола какие-то мелкие предметы — первое попавшееся под руку — и швырнул их в Эрика. Он быстро отклонил корпус, ни на секунду не прерывая атаки, а я начал постепенно уходить влево, и все это время кончик его шпаги мелькал перед моими глазами. И тут я испугался по-настоящему. Он фехтовал блестяще. Если бы не моя к нему ненависть, я бы зааплодировал столь великолепной демонстрации приемов боя. Он продолжал меня теснить, и мною полностью овладел страх: я понял, что не смогу победить. Он фехтовал лучше. Я выругался про себя, но легче мне не стало. Я попытался провести еще три неожиданных приема, но он их небрежно парировал, заставляя меня все время обороняться и отражать атаку за атакой.

Поймите меня правильно: я фехтую безупречно. Но, видимо, не так хорошо, как он.

Затем в зале снаружи послышались какие-то звонки и раздались возбужденные голоса: срабо-

тала система сигнализации. Вот-вот в библиотеку ворвутся наемники Эрика, и если не он, так они прикончат меня.

С правой кисти моего брата капала кровь. Рука его все еще оставалась твердой, но я подумал, что при других обстоятельствах, непрерывно обороняясь, мне удалось бы измотать Эрика до такой степени, что рана помешала бы ему парировать один из моих выпадов. Я выругался на этот раз вслух, и он засмеялся.

— Ты поступил как последний дурак, появившись в Амбере, — сказал он.

Я продолжал отступать по кругу, преследуя определенную цель. Эрик не понял ее до самой последней минуты. Дверь в библиотеку оказалась за моей спиной. Рискованный маневр, ведь у меня совсем не осталось пространства для отражения его атак, но лучше риск, чем верная смерть. Левой рукой я ухитрился задвинуть засов. Дверь достаточно тяжелая, и высадить ее будет нелегко. Я выиграл несколько минут, но получил ранение в плечо, лишь частично парировав прямой выпад. К счастью, это было левое плечо. Я улыбнулся, стремясь показать Эрику, насколько уверен в себе.

— А тебе не кажется, что ты поступил как

последний дурак, появившись в библиотеке? — спросил я. — Вот видишь, ты уже фехтуешь медленнее. — И, кинувшись вперед, я провел бешеную по скорости атаку. Он парировал, но отступил на два шага. — Эта рана тебя доконает, — добавил я. — Рука твоя слабеет. Неужели ты не чувствуешь, что в ней почти не осталось силы…

— Заткнись! — вскричал он, и я с удовольствием отметил, что его наконец-то проняло.

Мои шансы увеличились в несколько раз, и я продолжал наступать, наращивая темп, понимая, однако, что долго мне не выдержать такой убийственной скорости. Но Эрик этого не осознавал. Я посеял в нем страх, и он начал отступать, думая только об обороне. В дверь колотили, но сейчас я мог не беспокоиться за свои тылы.

— Я многому научился, братец, — сказал я. — И мне ничего не стоит тебя прикончить. Твоя песенка спета.

Страх уже отражался в его глазах, исказил лицо, заставил резко изменить манеру боя. Теперь он только защищался, продолжая отступать. Значит, мой блеф удался, ведь Эрик всегда фехтовал лучше меня. Впрочем, так ли это? Не внушил ли я сам себе — не без помощи Эрика, разумеет-

ся что он сильнее? Не приобрел ли тем самым комплекс неполноценности? Вполне возможно, я владел шпагой ничуть не хуже, чем он. Чувствуя появившуюся уверенность, я вторично провел хитроумную комбинацию и вновь добился успеха.

— Как глупо Эрик, — сказал я. — Никак не думал, что ты дважды попадешься на эту удочку.

Отступая, он зашел за большое кресло, и некоторое время к нему трудно было подступиться.

Колотить, в дверь перестали, крики утихли.

— Мои люди пошли за топорами, — задыхаясь, произнес Эрик. — Ты оглянуться не успеешь, как они высадят дверь.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Я продолжал улыбаться.

— И все ж на это уйдет несколько минут. Вполне достаточно, чтобы покончить с нашим делом. Ты слабеешь прямо на глазах, а из руки кровь так и хлещет — посмотри сам!

— Заткнись!

— К тому времени, как они высадят дверь, здесь останется только один принц Амбера, и им будешь не ты!

Судорожным движением он смахнул левой рукой ряд книжек с полки и швырнул их в моем

направлении. Мне не удалось уклониться от падающих толстых томов, но Эрик не воспользовался полученным преимуществом. Вместо того, чтобы атаковать, он отбежал в сторону, схватил небольшой стул и прижал его к груди. Затем, забившись в угол, он выставил стул и шпагу перед собой.

— Подходи! — вскричал он. — Попробуй теперь меня одолеть!

— Ты струсил.

Он расхохотался.

— Не все ли равно? Прежде чем ты успеешь меня убить, дверь рухнет, и тогда тебе крышка.

Я быстро пересек комнату, остановился у потайной двери, через которую вошел в библиотеку, и открыл ее левой рукой.

— Считай, тебе крупно повезло, — сказал я. — Ты спас себе жизнь, но мы еще встретимся, и тогда тебе ничто не поможет.

Он плюнул в мою сторону, обругал грязными словами, традиционными для нашей семьи, и даже поставил стул, чтобы сделать совсем уже неприличный жест рукой, а я тем временем вышел на лестничную площадку и закрыл дверь на тяжелый засов. Тупой удар — и я увидел восемь дюймов сверкающей стали, появившейся в

деревянной панели рядом с моим плечом. Эрик бросил свою шпагу как копье. Рискованный шаг, ведь я мог вернуться. Впрочем, он знал, что делал: дверь трещала под ударами топоров и грозила рухнуть в любую секунду. Я быстро спускался и поднимался по многочисленным лестницам, торопясь поскорее очутиться в маленьком закутке, где так сладко выспался, и думал о том, что стал фехтовать куда сильнее, чем раньше. В начале поединка я чувствовал свою беспомощность перед человеком, который победил меня в последней стычке. Может быть, столетия, проведенные на Отражении Земля, не прошли даром, и я действительно многому научился. По крайней мере, теперь я знал, что не уступлю Эрику, и мысль эта была мне приятна. Если мы встретимся вновь, в чем я не сомневался, и нам никто не помешает… как знать? Тем более, что мои шансы выглядели предпочтительнее. Сегодняшняя дуэль явно напугала Эрика, и, возможно, в следующий раз он уже не будет так уверен в себе, начнет колебаться, и атаки его замедлятся.

С последней лестничной площадки я просто спрыгнул, чуть подогнув колени при приземлении, — высота была футов пятнадцать. На каких-то пять минут я опередил погоню, и теперь

не сомневался, что успею бежать. Ведь за поясом у меня лежала колода карт. Я вновь вытащил карту с изображением Блейза и внимательно посмотрел на нее. Рана на плече кровоточила, но я позабыл о ней, чувствуя странный холодок, пробежавший по телу. Существовало два способа бежать из Амбера на Отражения. Первый, наиболее редко применяемый, — пройти Лабиринт. Второй — воспользоваться одной из картинок в колоде гадальных карт, если, конечно, тебе не страшно было довериться брату или сестре. Я подумал о своем брате, Блейзе, и решил, что в какой-то степени могу ему доверять. Блейзу, судя по всему, грозили крупные неприятности, и вряд ли он отказался бы от моей помощи. Я пристально посмотрел на портрет человека в красной и оранжевой одежде, державшего в правой руке шпагу, а в левой — кубок с вином. Дьявольские огоньки плясали в его голубых глазах, русая борода, волосок к волоску, блестела. Золотой орнамент на шпаге, неожиданно понял я, в точности повторял рисунок одной из частей Лабиринта. Кольца сверкали на пальцах. Казалось, изображение чуть дрогнуло. Человек на карте ожил, поменял позу. Он еще не видел меня, но губы его зашевелились.

— Кто? — спросил он.

— Корвин, ответил я, и Блейз протянул левую руку, в которой на этот раз не было кубка с вином.

— Что ж, иди ко мне, если хочешь.

Я тоже протянул руку, и пальцы наши соприкоснулись. Я сделал шаг вперед. Карту с изображением Блейза я все еще держал в левой руке, но теперь мы стояли бок о бок, на высоком утесе, и слева от нас зияла пропасть, а справа высился замок. Над нашими головами простиралось красное небо.

— Здравствуй, Блейз, — сказал я, засовывая карту обратно в колоду. Спасибо тебе за помощь.

Внезапно я почувствовал сильную слабость и понял, что из левого плеча все еще течет кровь.

— Ты ранен! — воскликнул Блейз, обнимая меня, и я хотел было согласно кивнуть, но неожиданно потерял сознание…

Поздно вечером, удобно развалившись в большом кожаном кресле, я потягивал виски и наслаждался жизнью. Мы с Блейзом курили, передавали бутылку друг другу и разговаривали.

— Значит, ты действительно побывал в Амбере?

— Разумеется.

— И ранил Эрика на дуэли?

— Да.

— Черт! Лучше бы ты его убил! — Он запнулся. — Впрочем, нет. Тогда тебе удалось бы захватить власть, а против Эрика у меня шансов больше… Хотя кто знает? Каковы твои планы?

Я решил быть с ним предельно откровенным.

— Каждый на нас претендует на трон, — сказал я, — так что притвориться бессмысленно. Естественно, я не собираюсь тебя убивать — это было бы слишком глупо, — но и не откажусь от своих притязаний только потому, что ты — радушный хозяин. Рэндом надолго выбыл из игры, так что его можно не принимать в расчет. Бенедикт куда-то исчез; о нем никто не слышал. Жерар и Каин предпочли оказать поддержку Эрику и не являются претендентами. Значит, остаются Бранд и наши сестры. О Бранде я ничего не знаю. Дейдра совершенно беспомощна и вряд ли опасна, разве что объединится с Льювиллой и получит поддержку в Ребма. Флора — сторонница Эрика, не более. Что замышляет Фиона, одному богу известно.

— Значит, остаемся мы с тобой, — подытожил Блейз, наливая полные рюмки. — Ты прав. Но мои шансы выглядят предпочтительней. Ты поступил

разумно, обратившись ко мне за помощью. Стань моим союзником, и я сделаю тебя регентом.

— Какой ты благородный! — сказал я. — Там видно будет.

Мы молча выпили.

— Чего ты можешь добиться в одиночку? — спросил он, и я понял, что ему крайне важно услышать мой ответ.

— Набрать войско для осады Амбера.

— На каком Отражении, хотел бы я знать?

— А вот это — мое дело. Но против тебя я воевать не стану. Из всех возможных претендентов на трон я предпочел бы видеть монархом тебя, себя, Жерара или Бенедикта, если он жив.

— Но желательнее — себя.

— Естественно.

— В таком случае мы прекрасно понимаем друг друга. А значит, можем стать союзниками, хотя бы на время.

— А как ты думаешь, почему я обратился именно к тебе?

Он улыбнулся в густую бороду.

— Тебе нужна была помощь, и из многих зол ты выбрал меньшее.

— Тоже верно.

— Как бы я хотел, чтобы Бенедикт был с нами,

а Жерар не переметнулся к Эрику.

— Мечты, мечты, — заметил я. — Мечтай об одном, делай совсем другое, и тогда в любом случае останешься в выигрыше.

— Неплохо сказано.

Некоторое время мы молча курили.

— Я могу тебе верить? — спросил он.

— Так же, как я тебе.

— В таком случае давай договоримся. Все эти годы я считал тебя погибшим, и никак не думал, что ты появишься в самый критический момент и заявишь свои права на престол. Но раз уж ты здесь, я хочу предложить тебе объединить силы и осадить Амбер. Оставшийся в живых займет трон. Если повезет обоим — нас рассудит дуэль!

На мгновение я задумался. Предложение было очень выгодным, на лучшее я вряд ли мог рассчитывать. Тем не менее я сказал:

— Утро вечера мудренее. Не возражаешь, если я дам ответ завтра?

— Конечно.

Мы допили виски и ударились в воспоминания. Плечо у меня гудело, но виски помогло, а мазь, которую наложил на рану Блейз, сняла боль. В конце концов мы оба расчувствовались. Мне всегда казалось, что члены нашей семьи испытывали

духовную близость только в те редкие минуты, когда жизнь сталкивала их на одном пути. Боже! Ночь кончилась прежде, чем мы всласть наговорились! Потом Блейз хлопнул меня по здоровому плечу и сказал, что у него нет больше сил и что слуга подаст мне завтрак в постель. Я кивнул, мы обнялись, и он отправился спать, а я подошел к окну и посмотрел вниз. Костры далекого лагеря мерцали, как звезды. Тысячи звезд. Блейз собрал большие силы, и я ему позавидовал. Наверное, зря. Блейз был единственным, кто действительно мог победить Эрика и стать довольно неплохим монархом, хоть я и предпочел бы видеть на троне самого себя.

Я стоял и размышлял и внезапно обратил внимание на то, что тени, двигавшиеся у костров, имели какие-то странные очертания. Интересно, из каких солдат состояла армия Блейза? Праздный интерес: у меня и того не было. Вернувшись к столу, я налил себе еще рюмку. Однако, прежде чем выпить, я зажег светильник и достал из-за пояса украденную мною колоду карт. Разложив их перед собой, поместил в середину ту, на которой был изображен Эрик, и убрал остальные в пачку.

Через некоторое время картинка ожила, и я увидел дремлющего Эрика в ночной рубахе.

— Кто? — спросил он сонным голосом. Рука его была перевязана.

— Я, Корвин. Как самочувствие? — Он выругался, а я рассмеялся. Я понимал, что слишком много выпил, и поэтому затеял опасную игру, но тем не менее продолжал: — Мне почему-то захотелось сообщить тебе, что мои дела идут лучше не придумаешь. Кстати, ты был прав, утверждая, что дурная голова ногам покоя не дает. Свою дурную голову тебе недолго осталось носить на плечах! Так что веселись, пока можешь, братец. Тот день, когда я вновь появлюсь в Амбере, станет последним днем твоей жизни! И я хочу предупредить тебя, что этот день не за горами!

— Не жди пощады! — ответил он, глядя мне прямо в глаза. На какую-то секунду мне показалось, что расстояние, разделяющее нас, исчезло.

Я сделал ему нос и закрыл карту ладонью. Это было все равно, что повесить телефонную трубку. Засунув карту Эрика обратно в колоду, я отправился спать и, засыпая, подумал о войске Блейза. Победить Эрика будет нелегко.

Отражение, на котором я очутился, называлось Аверн, и его обитатели мало чем походили на людей. Я присмотрелся к ним на следующее утро, когда Блейз совершал обход войска. Семифуто-

вого роста, с красной кожей, на которой волосы почти не росли, с кошачьими глазами, остроконечными ушами и шестипалыми конечностями с длинными когтями, солдаты были одеты в легкую серо-голубую форму, напоминавшую шелковую, но явно сотканную из другого материала. На поясе каждого висели две короткие сабли, загнутые крюками на концах.

Климат здесь был теплым, природа поражала контрастами красок, и все думали, что мы — боги. Блейз подыскал Отражение, где религия говорила о братьях-богах, похожих на нас и попавших в беду. Как в любой мифологии, добрых братьев угнетал злой, которому удалось захватить власть. И, разумеется, среди верующих бытовала легенда из Апокалипсиса, по которой они будут призваны сражаться на стороне добрых братьев. Рука моя висела на черной перевязи, я шел, осматривая войско, и размышлял о том, что скоро большинство солдат погибнет. Перед одним из них я остановился и окинул его взглядом.

— Знаешь ли ты, кто такой Эрик?

— Князь Тьмы, — незамедлительно ответил он.

— Хорошо, — сказал я и пошел дальше. Набранное войско состояло из стандартного пушечного мяса.

— Сколько у тебя человек? — спросил я Блейза.

— Около пятидесяти тысяч.

— Приветствую тебя, идущего на смерть, — перефразировал я. — О какой осаде Амбера может идти речь? Тебе не удастся дойти до подножия Колвира. Смешно думать, что эти несчастные, махая игрушечными саблями, выступят против бессмертного города.

— Знаю, — ответил он. — Но я располагаю и другими силами.

— Ты называешь эту армию силой?

— А что ты скажешь о трех эскадрах, всего в два раза уступающих по численности объединенным флотам Каина и Жерара?

Это было не так уж плохо.

— Явно недостаточно, — сказал я. — Детские игрушки.

— Знаю, повторил он. — Но можно считать, начало положено.

— А до конца слишком далеко. Эрик будет спокойно отсиживаться во дворце и громить наши войска по мере их продвижения вперед. Далее битва разгорится у подножия Колвира, где многие сложат головы. Затем предстоит подняться по Лестнице и войти в Амбер. Как ты думаешь, много солдат останется в живых? Остатки нашей

армии можно будет уничтожить за пять минут, а потери Эрика окажутся минимальными. Если это все, чем ты располагаешь, брат Блейз, твоя затея постепенно перестает мне нравиться.

— Эрик объявил, что его коронация состоится через три месяца. За это время, надеюсь, мне удастся набрать четверть-миллионную армию. Я объявлю против Амбера крестовый поход, каких еще не знала история.

— Но Эрик тоже не станет сидеть сложа руки. Не знаю, Блейз… то, что ты предлагаешь, — самоубийство. Когда я с тобой разговаривал, то не подозревал об истинном положении вещей.

— У тебя имеются другие предложения? — спросил он. — Ведь ты пришел ко мне с пустыми руками. Правда, ходили слухи, что когда-то ты командовал большими силами. Где твое войско?

Я отвернулся.

— Его не существует.

— Разве ты не можешь найти Отражение своего Отражения?

— Я не хочу говорить на эту тему, — сказал я. — Прости.

— В таком случае какой от тебя прок?

— Я уйду, если ты считаешь, что моя задача заключается только в том, чтобы добыть тебе как

можно больше пушечного мяса.

— Подожди! — вскричал он. — Я сказал, не подумав! Мне не обойтись без твоих советов. Пожалуйста, останься. Я даже извинюсь, если хочешь.

— Это необязательно, — ответил я, зная, что значит для принца Амбера просить прощения. — Я останусь. Думаю, мне удастся тебе помочь.

— Замечательно! — Он дружески хлопнул меня по здоровому плечу.

— И я достану тебе войско, — добавил я. — Можешь не беспокоиться.

Обещание свое я выполнил. Исходив множество Отражений, я обнаружил расу мохнатых существ с клыками и когтями, более или менее похожих на людей и обладающих разумом первокурсников (извините, мальчики, я имел в виду, что они были преданы, доверчивы, честны и их ничего не стоило обмануть таким негодяям, как мы с Блейзом). Мое воззвание к ним напоминало шутки конферансье самого дурного пошиба. В результате стотысячная армия была готова идти за нами в огонь и воду. На Блейза это произвело впечатление, и он заткнулся. Примерно через неделю плечо мое выздоровело, а через два месяца численность нашего войска превысила

четверть миллиона солдат.

— Корвин, Корвин! Ты все тот же Корвин! — воскликнул Блейз, и мы опять просидели всю ночь за бутылкой виски.

Но мне было не по себе. Я прекрасно понимал, что почти все наши люди погибнут и виновником их гибели буду я. Ведь несмотря на то, что они являлись жителями Отражений, смерть для них была такой же реальностью, как для любого из нас. Во мне крепло чувство, похожее на раскаяние.

Много ночей я проводил, рассматривая карты. Колода у меня была полной, на одной из карт был изображен Амбер, и я знал, что, воспользовавшись ею могу в любую минуту попасть в город. С других карт, отсутствовавших в колоде Флоры, на меня смотрели погибшие или исчезнувшие братья и сестры, а с последней — отец. Я быстро отвел глаза. Он пропал без вести. Я подолгу всматривался в каждое лицо, размышляя, с кем выгоднее всего вступить в переговоры. Раскладывая карты, я каждый раз получал один и тот же ответ.

Каин. Темноволосый, в черном с зеленым отливом атласном костюме в треуголке набекрень, украшенной плюмажем из зеленых перьев, он стоял ко мне в профиль. На его поясе висел кин-

жал, в рукоять которого был вставлен большой изумруд.

— Каин, — сказал я.

— Кто?

— Корвин.

— Корвин? Это что, шутка?

— Нет.

— Что тебе надо? — Он попытался посмотреть мне в глаза, но я не отрывал взгляда от его руки, которую он держал рядом с кинжалом.

— А ты не догадываешься?

— Где ты?

— С Блейзом.

— Ходили слухи, что недавно ты побывал в Амбере, и… у Эрика перевязана рука.

— Я тому причиной. А теперь назови свою цену.

— Что ты имеешь в виду?

— Поговорим откровенно. Как ты считаешь, мы с Блейзом можем победить?

— Нет, и поэтому я на стороне Эрика. Тебе нужен мой флот, ведь ты для этого меня вызвал, верно?

— Мой проницательный брат, — ответил я. — Что ж, приятно было побеседовать. До скорого свидания, может быть, в Амбере. — Я поднял

руку, и он торопливо воскликнул:

— Подожди!

— Зачем?

— Я даже не знаю, что ты мне предлагаешь.

— Нет, знаешь. Ты наверняка все понял, и мое предложение, видимо, тебе не подходит.

— Я этого не говорил. Но Эрик захватил власть по праву.

— Праву сильного.

— Пусть так. И все же что ты предлагаешь?

Мы разговаривали около часа, после чего морские пути были открыты для трех эскадр Блейза, которые могли остановиться в северных водах и подождать подкрепления.

— Если ты проиграешь, в Амбере состоятся три казни, — сказал он.

— Ты думаешь, мы обречены?

— Нет. Мне кажется, в скором времени трон займешь либо ты, либо Блейз. Я согласен стать регентом и служить победителю. Но за оказанную помощь я предпочел бы все-таки получить голову Рэндома.

— Нет, — сказал я. — Если ты будешь настаивать, считай, мы не договорились.

— Я не буду настаивать.

Я улыбнулся, прикрыл карту ладонью, и Каин

исчез. Разговор с Жераром придется отложить на следующий день. Каин окончательно меня вымотал. Я лег в постель и мгновенно заснул.

Узнав, как обстоят дела, Жерар согласился нас не трогать. В основном потому, что с этой просьбой обратился к нему именно я, и он предпочел из двух зол выбрать меньшее. Мы быстро договорились, и я обещал исполнить все, о чем он просил, благо ничьих голов ему не требовалось. Затем я провел смотр войск и рассказал солдатам об Амбере. Как ни странно, верзилы с красной кожей и мохнатые человечки с клыками и когтями очень быстро подружились. Рассказ о них можно было закончить одной фразой: «Они считали нас богами».

Печальная правда.

Я смотрел на эскадру кораблей, которая должна была пересечь Великий океан, окрасив его волны кровью погибших в разных Отражениях. Немногие дойдут до Амбера. Я думал об армии и мохнатых человечках с Отражения, которое они называли Риик. Им предстояло отправиться в Амбер сухопутным путем.

Я перетасовал колоду, разложил карты и взял в руки ту, на которой был изображен Бенедикт. Долгое время всматривался я в его портрет, но

не ощутил ничего, кроме холода. Решил попытать счастья с Брандом. И вновь — холод. Затем внезапно раздался крик. Мучительный, раздирающий душу.

— Помоги мне!

— В чем дело? — спросил я.

— Кто? — прохрипел голос, и я увидел, как тело Бранда забилось в судорогах.

— Корвин.

— Вытащи меня отсюда, брат Корвин! Все, что ни попросишь, будет твоим!

— Но где ты?

— Я…

Перед моими глазами возникли странные, непрерывно меняющиеся картины, которые мой мозг отказывался воспринимать. Затем раздался еще один крик, страшный, душераздирающий, и наступила мертвая тишина. Поверхность карты вновь стала холодной. Меня трясло как в лихорадке, сам не знаю, почему. Оставив карты разбросанными по столу, я подошел к окну отведенной мне в замке комнаты и, закурив сигарету, глядел в ночь. Далекие звезды на черном небе, казалось, были окутаны таинственной дымкой. Я не увидел ни одного знакомого созвездия. Маленькая голубая луна быстро карабкалась по

небосводу. Ночь принесла с собой неожиданный зябкий холод, и я плотнее закутался в плащ, вспоминая неудавшуюся зимнюю кампанию в России. Боги! Я чуть было не превратился в сосульку! Ради чего? Ради того, конечно, чтобы занять трон Амбера и позабыть о всех прошлых горестях и несчастьях. Но что случилось с Брандом? Почему мне не удалось понять, на каком он Отражении? Кто придумал для него нечеловеческие, страшные пытки? Ни на один из этих вопросов я не знал ответа.

Глядя на голубой диск луны, продолжавшей свое путешествие, я напряженно думал. Неужели я неправильно оценил обстановку, чего-то не учел, упустил из виду какую-нибудь важную деталь? И вновь я напрасно искал ответа. Я вернулся к столу, налил себе рюмку виски, перетасовал колоду и вытащил из нее карту отца. Оберон, повелитель Амбера. Он стоял передо мной в зеленой, отороченной золотом одежде. Высокий, широкоплечий, с черными волосами и бородой, в которых пробивалась седина. Золотые кольца с зелеными камнями сверкали на его пальцах. На боку висела шпага в черных с зеленым отливом ножнах. Когда-то мне казалось, что бессмертный король вечно будет править в Амбере. Что про-

изошло? Почему отец исчез? Где встретил свою кончину? Глядя на карту, я сконцентрировался. Ничего. Нет… что-то… Я не услышал, а почувствовал ответ, уловил еле заметное движение, и фигура на карте съежилась, поменяла позу, превратилась в тень того человека, который был моим отцом.

— Отец? — сказал я. Молчание. — Отец!

— Да… — Голос был слабым и далеким, как шум прибоя в морской раковине, приложенной к уху.

— Где ты? Что с тобой?

— Я…

Долгое молчание.

— Отец! Это я, Корвин, твой сын. Что произошло в Амбере? Куда ты исчез?

— Мое время кончилось.

— Ты отрекся от престола? Братья ничего мне не говорили, да я им и не очень-то доверяю. Сейчас Эрик захватил власть в свои руки. Джулиан сторожит Арденнский лес, а Каин и Жерар патрулируют морские пути. Блейз собирается выступить против них, и я к нему присоединился. Что скажешь, отец?

— Ты единственный… из всех… кто спросил… — выдохнул он. — Да…

— Что «да»?

— Борись с ними.

— Но где ты? Как я могу тебе помочь?

— Мне… никто не может помочь. Займи трон…

— Я? Или вместе с Блейзом?

— Ты… один…

— Слышу, отец.

— Даю тебе свое благословение… займи трон… и поспеши…

— Но почему?

— У меня не хватает сил… займи трон!

И отец исчез. Значит, он жив. Любопытно. Что это меняет?

Я сделал глоток виски и задумался. Главное, что король Амбера жив. Почему он исчез? Где пропадал? Вопросы можно было задавать до бесконечности. Ответов на них я все равно не знал, а гадать, не имея информации, считал бессмысленным.

Однако… Ощущение, которое я никак не мог уловить, не давало мне покоя. Я хочу быть откровенным до конца: у нас с отцом никогда не было хороших отношений. Я не испытывал к нему чувства ненависти, как Рэндом и некоторые другие мои братья, но, честно говоря, никогда его и не любил. С детских лет отец представлялся мне человеком сильным, властным и всегда находя-

щимся поблизости. Я ничего о нем не знал. Имя Оберона неоднократно упоминалось в учебниках истории Амбера, которую мы изучали, а история Амбера насчитывала столько тысячелетий, что им можно было потерять счет. Хотите — верьте, хотите — нет.

Я допил виски и отправился спать.

На следующее утро я присутствовал на военном совете Генерального штаба, возглавляемого Блейзом. В нем участвовали сухопутные офицеры и четыре адмирала, каждый их которых командовал соответственно четвертой частью морских сил. В общей сложности собралось около тридцати высоких чинов, как больших красных, так и маленьких волосатых. Заседание длилось около четырех часов, после чего мы сделали перерыв на обед. Было принято решение выступить через три дня. Путь в Амбер лежал, как известно, через Отражения, по которым мог путешествовать только человек королевской крови. Поэтому мне предстояло занять место на флагмане флотилии, а Блейзу — возглавить сухопутные силы.

Меня тревожил один вопрос, и я задал его Блейзу: как он собирался воевать с Амбером, если бы я не появился и не предложил свою помощь? Он объяснил, что, во-первых, мог бы справиться в

одиночку и сначала провести флот, оставив его на большом расстоянии от берега, а потом вернуться на одном из кораблей в Аверн и отвести солдат в заранее условленное место; а во-вторых, — найти среди Отражений своего двойника, который согласился бы ему помочь. Мне стало немного не по себе, когда я услышал о втором его плане, хотя я твердо знал, что я — это я, а не мое отражение. Что же касается первого плана, думаю, у него тоже ничего бы не вышло, потому что флот, находящийся далеко от берега, не смог бы увидеть сигналов с суши, а прибыть в точно назначенное место в срок (учитывая не только препятствия на пути, но и непредвиденные обстоятельства, неизбежно возникающие в большой армии на марше) было практически невозможно. Но я всегда считал Блейза блестящим стратегом, и когда он разложил передо мной составленные им карты Амбера и пригородов объясняя план нападения, я в очередной раз убедился, что мой брат настоящий принц: хитрый и вероломный. На беду, нам предстояло иметь дело тоже с принцем, причем занимавшим в данный момент куда более выгодное положение. Я был встревожен, но день коронации приближался, и мне не хотелось отказываться от задуманного. Если мы

потерпим поражение, нам не сносить голов, но только Блейз обладал достаточными силами, чтобы напасть на Амбер и победить Эрика.

Я решил побродить по Отражению, которое называлось Аверн, и отправился в путь. Я смотрел на долины, покрытые туманом, на пропасти и дымящиеся кратеры вулканов, на ослепительно яркое солнце и красное небо, которое могло кого угодно свести с ума. Я думал о морозных ночах и слишком жарких днях, взбирался на величественные скалы, бродил по черным песчаным пляжам, отбивался от небольших, но свирепых и ядовитых зверьков, отдыхал в роще пурпурных деревьев, похожих на высокие бесформенные кактусы. На второй день, стоя на утесе у самого моря, я решил, что мне здесь нравится. И если сыны этой земли погибнут, сражаясь за богов, я обеспечу им бессмертие, сложив о них песню. Попытавшись таким образом избавиться от угрызений совести, я взошел на флагманский корабль и принял командование. Если мы победим, имена воинов будут вписаны в историю золотыми буквами. Я был их кумиром и первооткрывателем. Я повелевал.

На следующий день мы подняли паруса, и, стоя на капитанском мостике, я ввел эскадру в шторм

и вывел ее значительно ближе к месту нашего назначения. Мы миновали водяные смерчи, затем каменистую отмель, и воды океана потемнели, став почти такими же, как в Амбере. Я не потерял способности управлять Отражениями. Мне подчинялись пространство и время. И вскоре мы окажемся на родине. Разумеется, на моей родине. Мы проплывали мимо странных островов, где каркали зеленые птицы, а зеленые обезьяны висели на деревьях, как фрукты. Вереща и раскачиваясь, они кидали в нас камнями. Поменяв курс, мы ушли далеко в море, потом повернули обратно к берегу.

Тем временем Блейз делал марш-бросок по суше. Я не сомневался, что он дойдет до Амбера, какие бы преграды ни воздвигал на его пути Эрик. Мы поддерживали связь с помощью карт, и Блейз всегда сообщал мне последние новости. Так, например, десять тысяч убитыми он потерял в битве с кентаврами; пять тысяч — при страшном землетрясении; полторы тысячи погибли от бубонной чумы, короткое время свирепствовавшей в лагере; девятнадцать тысяч сгинули в джунглях Отражения, которого я не знал, где напалм падал с каких-то жужжащих предметов, проносившихся в небе; шесть тысяч дезертировало в стране,

похожей на землю обетованную, им обещанную; судьба пятисот солдат, пересекавших пустыню и внезапно увидевших грибообразное облако, была неизвестна; восемь тысяч шестьсот человек сгорели в долине, когда неизвестные боевые машины использовали против них огнеметы; восемьсот — заболели, и их пришлось оставить; двести умерли при переправах через водные препятствия; пятьдесят четыре скончались в результате дуэлей; триста отравились незнакомыми фруктами; тысяча была растоптана стадом животных, похожих на бизонов; семьдесят три пропали без вести; полторы тысячи смыло в реку во время наводнения; две тысячи погибли от ураганного ветра, неожиданно обрушившегося на них из-за голубых холмов. Я был доволен, что за это время потерял всего сто восемьдесят шесть кораблей. Эрик уничтожал нас исподволь, не торопясь. Его предполагаемая коронация должна была состояться через несколько недель, и он, естественно, знал, что мы приближаемся. Поэтому нам приходилось тяжело, сил у нас становилось все меньше и меньше.

Есть такой закон, по которому только принц Амбера может путешествовать по Отражениям, хотя, конечно, он волен взять с собой тех, кого со-

чтет нужным. Мы вели за собой войска и видели, как гибли люди, но я хочу, чтобы вы знали: существуют Отражения и субстанция, так устроен мир. Из субстанции сотворены Амбер, Земля и все сущее на ней. Отражений — бесчисленное множество, и на них происходят самые разнообразные события, отражающие истинные. Амбер самим своим существованием предопределил подобное положение вещей. Что еще можно сказать? Отражения простираются от Амбера до Хаоса, и путешествовать по ним можно тремя способами, каждый из которых достаточно труден. Первый состоит в следующем: если в твоих жилах течет королевская кровь, ты можешь идти сквозь Отражения, заставляя их меняться на своем пути, как тебе заблагорассудится, пока не окажешься именно там, куда хотел попасть. В созданном тобою мире ты можешь делать все, что захочешь, если, конечно, не вмешаются родственники. Второй способ заключается в использовании карт, которые Дворкин, великий человек, изобрел специально для того, чтобы члены королевской семьи могли поддерживать связь и видеться друг с другом в любое время. Дворкин был старым-престарым художником, покорившим пространство и перспективу. Он нарисовал не только портреты,

благодаря которым мы могли в любую минуту оказаться рядом, но и всю колоду гадальных карт, и у меня давно сложилось впечатление, что карты эти обладают многими другими свойствами, о которых мы даже не подозревали. Третьим способом был Лабиринт, также созданный Дворкиным исключительно для членов нашей семьи. Проходя Лабиринтом, ты сначала узнавал, как пользоваться картами, я потом получал власть над Отражениями. Карты и Лабиринт давали возможность мгновенно попасть из реального мира на Отражения. Первый способ был куда более трудным.

Теперь я понял, что делал Рэндом, когда мы ехали с ним на «мерседесе». Во время нашего путешествия мой брат создавал по памяти реальный мир, постепенно меняя Отражения и удаляя из них все лишнее. И только достигнув полного соответствия в деталях, он сказал, что мы прибыли к месту назначения. Ничего особенного: обладая знаниями, найти свой Амбер мог каждый. Даже сейчас мы с Блейзом вольны были отправиться на Отражении истинного Амбера, где правили бы долго и счастливо. Но мы хотели иного. Ничто не могло сравниться с реальным городом, в котором мы родились и по образу и

подобию которого создавались все города.

Итак мы избрали самый трудный способ и шли по Отражениям, а любой человек, обладающий над ними властью, мог воздвигать препятствия на нашем пути, чтобы помешать нападению на Амбер. В данном случае таким человеком являлся Эрик, и наше войско таяло на глазах. Что ожидало нас в будущем? Этого никто не знал. Но если Эрик станет коронованным королем Амбера, на одних Отражениях это событие повторится, а на другие неизбежно окажет сильное влияние. И именно поэтому я не сомневался, что каждый из нас хотел бы видеть на троне только самого себя. Мы миновали призрачный флот Жерара — Летучих Голландцев данного Отражения и я понял, что до Амбера подать рукой.

На восьмой день нашего путешествия разразился шторм. Море почернело, на небе стали собираться тучи. На какое-то мгновение наступил полный штиль, и паруса безжизненно повисли. Мне стало ясно, что наконец-то Эрик взялся за нас не на шутку. Ураганный порыв ветра обрушился на флагманский корабль и — да простят мне избитое выражение — разбился о его борт. «И рвал нас ветер, и била буря», так говорят или говорили поэты. При первом же шквале мне

показалось, что мои внутренности вывернулись наизнанку. Нас кидало из стороны в сторону, как игральные кости, которые великан тряс в кулаке перед тем, как бросить. Ливень хлестал по палубам, на которые попеременно накатывались гигантские волны. Небо почернело, пошел мокрый снег с градом и раздался ужасающий раскат грома. Я уверен, что от неожиданности все мы вскрикнули одновременно. По крайней мере, я вскрикнул. С большим трудом добрался я до брошенного штурвала и, привязавшись ремнем, выровнял корабль. Эрик, черт его побери, решил покончить с нами одним ударом. Затем я почувствовал легкое покалывание во всем теле, звон в ушах и увидел Блейза, находящегося как бы на другом конце туманного серого туннеля.

— В чем дело? — спросил Блейз. — Я уже несколько раз пытался с тобой связаться, а ты не отвечаешь.

— Жизнь наша полна неожиданностей, — ответил я. — Одна из них мешает нам плыть дальше.

— Шторм?

— Скорее его дедушка. Подожди-ка, слева по борту какое-то чудовище. Если у него есть хоть капля мозгов, оно уйдет на глубину. Слава богу, проскочили.

— У нас то же самое, — сообщил Блейз.

— Чудовище?

— Шторм. Мы потеряли двести человек.

— Надейся и жди, — посоветовал я. — И не сдавайся, свяжемся чуть позже. Договорились?

Он кивнул, и я увидел, как за его спиной сверкнули две молнии.

— Эрик знает наши силы, — сказал он на прощанье, и я не мог не согласиться.

Прошло еще три часа, прежде чем шторм начал утихать, хотя продолжал лить сильный дождь. Много позже я узнал, что мы потеряли половину флота (на одном только флагмане погибли сорок человек команды из ста двадцати). И тем не менее мы выдержали, сам не знаю как, и к вечеру плыли по синему морю, на дне которого находился Ребма.

Я вынул колоду карт, чтобы узнать новости у Рэндома.

Поворачивай обратно, — сказал он, как только услышал мой голос. Я спросил, почему. — Потому что, если верить Льювилле, Эрику ничего не стоит стереть вас в порошок. Она советует вам подождать немного, а когда страсти улягутся, скажем, через год, нанести внезапный удар.

Я покачал головой.

— К сожалению, это невозможно. Мы понесли большие потери, и цель близка. Сейчас или никогда. — Он пожал плечами, и на лице его появилась мина, которую легко было выразить словами: «Не говори потом, что я тебя не предупреждал». — А все же, почему? — спросил я.

— Мне стало известно, что Эрик может управлять погодой в реальном мире.

— Это не меняет дела.

Он вновь пожал плечами.

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

— Ты убежден, что Эрик про нас знает?

— А ты думаешь, он полный идиот?

— Нет.

— Значит, знает. Колебания на Отражениях так сильны, что даже я, не выходя из Ребма, могу точно сказать, где вы находитесь.

— У меня с самого начала были недобрые предчувствия относительно исхода нашей кампании, — признался я. — Но ее организатор — Блейз.

— Выйди из игры, и пусть с плеч летит только его голова.

— Нет, так я рисковать не стану. Он может победить. Я веду флот.

— Ты разговаривал с Каином и Жераром?

— Да.

— Значит, ты считаешь, что на море у тебя есть шанс. Но послушай. Корвин, если верить придворным сплетням в Ребма, Эрик научился контролировать Драгоценный Камень Правосудия. С его помощью, как я уже тебе сказал, можно управлять погодой в реальном мире. Это бесспорный факт. Какими еще свойствами обладает Камень, не знает никто.

— Ничего не попишешь. Справимся. Не бежать же без оглядки из-за каких-то штормов.

— Корвин, я должен тебе признаться, что три дня назад я беседовал с Эриком.

— Зачем?

— По его просьбе. Я говорил с ним больше от скуки. Он обрисовал мне в мельчайших подробностях, какими средствами защиты располагает.

— Джулиан наверняка сообщил ему, что мы путешествовали вместе. Эрик специально завел с тобой разговор, не сомневаясь, что ты передашь мне его содержание.

— Может, ты и прав, но это не меняет того, что он сказал.

— Верно, — согласился я.

— В таком случае брось Блейза, а спустя неко-

торое время нападі на Эрика сам.

— На днях в Амбере состоится его коронация.

— Ну и что? С королем воевать не сложнее, чем с принцем. Какая тебе разница, как он будет называться, когда ты одержишь победу? Эрик останется Эриком.

— Ты опять прав, — вновь согласился я. — Но я дал слово.

— Возьми его обратно.

— Не могу.

— Ты просто сумасшедший. Псих.

— Не спорю.

— Что ж, в любом случае ни пуха тебе, ни пера.

— К черту.

— До встречи.

Вот так закончился наш разговор, и, честно говоря, он меня встревожил. Неужели западня? Эрик был далеко не глуп и, возможно, действовал наверняка, не сомневаясь в успехе. Я облокотился о леер и засунул колоду карт за пояс. Гордость и одиночество — неизменные спутники принца Амбера, не способного никому верить. Печальная истина, но я был принцем Амбера. У меня не вызывало сомнений, что Рэндом прав, и шторм, обрушившийся на нас, вызвал Эрик, который действительно научился управлять погодой в

Амбере. Я решил принять контрмеры. Мы шли на всех парусах к Амберу, в котором бушевала метель. Это была самая ужасная метель, которую я когда-либо создавал. Крупные хлопья снега начали падать на поверхность океана. Пусть попробует, если сможет, остановить естественный процесс, начавшийся на Отражении.

Он его остановил. Примерно через полчаса снегопад прекратился. Амбер, единственный город, был практически неприступен. Эрик лишний раз доказал, что может управлять погодой, а так как мне не хотелось менять курс, я ничего больше не стал предпринимать. Зачем? Если нас ждет смерть, мы все равно не повернем назад.

Второй шторм, куда страшнее первого, был электрическим и направлен только на нашу флотилию, но на этот раз я стоял у штурвала с самой первой минуты. Нас расшвыряло в разные стороны и в результате мы потеряли еще сорок кораблей. Я вызвал Блейза, чтобы узнать, как обстоят дела.

— У меня осталось около двухсот тысяч солдат. Сильное наводнение, — сообщил он, и я рассказал ему о своем разговоре с Рэндомом. — Похоже на правду, — сказал Блейз. — Но нам не стоит отвлекаться на мысли о том, может или не может

Эрик управлять погодой. Все равно мы победим.

— Надеюсь.

Я закурил и облокотился на штурвал. Скоро покажется Амбер. Я могу попасть в него, когда захочу, ведь я вновь обрел власть над Отражениями. Но дурные предчувствия могут возникнуть у кого угодно. Там хорошо, где нас нет…

Мы продолжали идти вперед, подняв все паруса, и внезапно нас окутала тьма и начался шторм, еще сильнее двух предыдущих. Мы уцелели чудом, но я испугался. Все, что говорил Рэндом, действительно оказалось правдой, а поворачивать было поздно: мы вошли и северные воды. Теперь все зависело от Каина. Если он сдержит слово, можно спать спокойно, если нет — наше положение безнадежно. Я решил исходить из того, что он нас предал. В конце концов, зачем ему было рисковать головой? И когда эскадра Каина стала приближаться, я привел флот — семьдесят три оставшихся на плаву корабля — в боевую готовность. Сказали ли карты правду, указав на Каина как на главное действующее лицо, от которого зависел исход битвы за Амбер? Флагман эскадры увеличил ход, оторвавшись от остальных кораблей, и я сделал то же самое, двигаясь навстречу. Мы могли бы спокойно поговорить,

воспользовавшись картами, но Каин избрал другой путь. Сила была на его стороне, и фамильный этикет позволял ему поступить так, как он сочтет нужным, а Каин, видимо, хотел, чтобы о нашем разговоре стало известно всем. Он крикнул мне в рупор:

— Корвин! Будь любезен, сдай командование флотом! Твое дело проиграно. Тебе не удастся пройти!

Я посмотрел на него через разделяющее нас водное пространство и тоже поднес рупор к губам:

— А наш договор?

— Аннулирован. С такими силами, как у тебя, нечего и думать о нападении на Амбер. Пощади жизнь людей и сдайся, пока не поздно.

Я взглянул на восходящее солнце.

— Выслушай меня, брат Каин, — сказал я, — и окажи мне одну любезность. Позволь созвать совет капитанов, чтобы изложить им суть твоего ультиматума. Я дам ответ, когда солнце окажется в зените.

— Хорошо, — ответил он, не задумываясь. — Надеюсь, они поймут, что их положение безнадежно.

Я отдал приказ отвести флагман обратно к флотилии и сошел с капитанского мостика.

Если я попытаюсь спастись бегством, Каин немедленно кинется вдогонку. У него имеются пушки, и как только мы окажемся на Отражениях (в реальном мире порох почему-то не воспламенялся), он хладнокровно расстреляет мои корабли один за другим. Коли же я все брошу и просто исчезну, мои люди попадут в плен, так как без меня им не уйти на Отражения. И в том и в другом случае дело дрянь. Рэндом оказался прав.

Я вытащил карту Блейза и сконцентрировался. Он ответил не сразу.

— Что случилось? — раздался наконец его голос, и мне показалось, я слышу шум битвы.

— Неприятности, — сказал я. — Семьдесят три моих корабля вошли в северные воды Амбера, но Каин приказал нам сдаться до полудня.

— Черт побери! — воскликнул Блейз. — Мне не удалось продвинуться так далеко, как тебе. Ты застал меня в самый разгар битвы с кавалерией. Мое войско тает на глазах. Так что я не могу ничего посоветовать. У меня хватает неприятностей. Поступай, как сочтешь нужным. Они опять атакуют! — И он исчез.

Я вытащил из колоды карту Жерара. В начале разговора мне показалось, что я вижу за его спиной тонкую береговую линию, очень похожую

на южный берег Амбера. Наша беседа оставила в моей душе неприятный осадок. Я спросил, может и хочет ли он помочь мне в сражении против Каина.

— Я согласился пропустить тебя, — ответил он, — и поэтому увел свою эскадру на юг. И если бы я даже захотел прийти к тебе на помощь, мне все равно не успеть. Но я не хочу. Я никогда не обещал, что помогу тебе убить нашего брата.

И, не дожидаясь ответа, он исчез. Ну что ж, Жерар был прав. Он согласился дать мне шанс победить и вовсе не обязан был выигрывать за меня сражение. Неужели из создавшейся ситуации нет выхода? Я закурил сигарету и начал мерить палубу шагами. Туман рассеялся, солнце давно взошло и ласково припекало спину. До полудня оставалось часа два…

Я вытащил колоду из-за пояса и задумчиво подкинул ее на ладони. С ее помощью, например, можно было помериться силой воли с Эриком или Каином — еще одно свойство карт, мне известное. Они были изготовлены по велению Оберона художником Дворкиным Барименом, горбуном с диким взглядом, который ранее был волшебником, священником или психиатром (тут мнения расходились) на каком-то далеком

Отражении, где отец спас его от смерти мученика. Подробностей мы не знали, но не вызывало сомнений, что с тех самых пор Дворкин слегка тронулся умом. Это не мешало ему быть великим художником, и никто не отрицал, что он обладал какой-то странной силой. Мы часто разговаривали о нем, пытаясь понять, погиб он или просто скрылся. Возможно, его убил отец, не желая, чтобы тайное стало явным. Каин, конечно, будет готов к нападению. Вряд ли мне удастся сломить его волю и подчинить себе. Сделать его беспомощным я смогу, но он наверняка это предусмотрел и отдал приказ своим капитанам атаковать ровно в полдень. Об Эрике и говорить не приходилось. Он будет готов ко всему. Если у меня не останется другого выхода, я, конечно, попытаюсь на него напасть. Мне нечего терять, кроме собственной души.

В колоде находилась также карта с изображением Амбера. Я могу отправиться туда в любую минуту. По моим подсчетам, вероятность того, что мне удастся проникнуть во дворец и убить Эрика, составляла одну миллионную долю процента. Я готов был умереть в сражении, но не хотел, чтобы на моей совести лежала бессмысленная гибель многих людей. Сомнительно, что

в моих жилах текла королевская кровь, хоть Лабиринт меня не уничтожил. Истинный принц Амбера никогда не задумывался над такими пустяками. Я решил, что столетия, проведенные на Отражении Земля, изменили меня, сделали более человечным, не похожим на остальных моих братьев. Я принял решение сдать флот, а затем отправиться в Амбер и вызвать Эрика на дуэль, которая должна была закончиться смертью одного из нас. Он будет дураком, если согласится, но другого выхода я не видел.

Собираясь отдать соответствующий приказ капитанам, я повернулся, и в этот момент чужая воля пригнула меня к палубе. Я едва мог дышать. Мне стало ясно, что кто-то воспользовался моей картой, и спустя примерно минуту я с трудом выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Кто?

Ответа не последовало, но что-то продолжало сдавливать мой мозг, а я сопротивлялся изо всех сил, отказываясь подчиниться чужой воле. И только поняв, что без упорной борьбы сломить меня невозможно, он заговорил, и я услышал слова, словно принесенные порывом ветра:

— Как самочувствие, братец? — спросил Эрик.

— Могло быть хуже, — сказал (или подумал) я,

и он усмехнулся, хотя голос его явно дрожал от напряжения.

— Жаль, — произнес он. — Если бы ты вернулся в Амбер, чтобы оказать мне поддержку, то многое бы выиграл. Сейчас, конечно, уже поздно. Я не успокоюсь, пока не уничтожу и тебя и Блейза.

Я промолчал, употребив все оставшиеся силы на борьбу. Он отступил при этом бешеном натиске, но освободиться мне не удалось. Если бы один из нас отвлекся даже на долю секунды, он либо стал бы безвольной марионеткой в руках противника, либо вошел бы с ним в физический контакт. Теперь я ясно видел Эрика в его дворцовых покоях. И оба мы боялись шевельнуться, чтобы не оказаться в чужой власти. Поэтому мы уставились друг на друга, и со стороны было непонятно, какая упорная борьба шла между нами. Что ж, по крайней мере, он решил одну из моих проблем, начав атаку первым. Наморщив лоб, Эрик держал мою карту в левой руке. Я попытался найти хоть какую-то брешь в его обороне, но безуспешно. Офицеры флагмана что-то говорили мне, но я не слышал ни единого слова.

Который был час? Я потерял счет времени. Может, полдень уже наступил, а Эрик только этого и ждал? Я ни в чем не был уверен.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — Чувствую. Да, я разговаривал с Каином. Он доложил мне, что ты попросил отсрочки. И я могу удерживать тебя в беспомощном состоянии, пока весь твой флот не окажется в Ребма, на дне морском. Твоих людей сожрут рыбы.

— Подожди! — вскричал я. — Они считали, что воюют за правое дело, и ни в чем не виноваты! Мы с Блейзом их обманули. Гибель нескольких тысяч человек ничего тебе не даст. Я уже принял решение сдать флот.

— В таком случае тебе не следовало медлить, потому что сейчас слишком поздно. Я не могу вызвать Каина, чтобы отменить свое распоряжение. Мне придется тебя освободить, а как только я это сделаю, ты либо уничтожишь меня физически, либо подчинишь своей воле. Мы слишком тесно связаны.

— Предположим, я дам тебе слово, что не предприму такой попытки?

— Клятву может нарушить каждый, в особенности когда на карту поставлено королевство.

— Но ведь ты можешь читать мои мысли! Неужели ты не чувствуешь, что я говорю правду? Я сдержу слово.

— Я действительно чувствую в тебе странную

обеспокоенность за людей, которых ты обманул, и не совсем понимаю, чем она вызвана. И тем не менее — нет. Сам знаешь, почему. Даже если ты говоришь искренне — а я это допускаю, — искушение будет слишком велико и ты можешь не выдержать, если тебе представится возможность меня уничтожить. Я не хочу рисковать. — И я понимал, о чем он говорит. При мысли о троне Амбера каждый из нас способен был потерять голову. — Ты стал на удивление хорошо владеть шпагой, — заметил Эрик. — По крайней мере в этом отношении ссылка благоприятно на тебя подействовала. Ты фехтуешь почти так же искусно, как я, лучше всех остальных, за исключением Бенедикта, разумеется, которого скорее всего нет в живых.

— Не обольщайся, сказал я. — Уверен, что справлюсь с тобой в два счета. И раз уж ты заговорил на эту тему, хочу предложить…

— Не надо. Я не собираюсь драться с тобой на дуэли. — Он улыбнулся, прочитав мою мысль, которая была не только в мозгу, но наверняка отражалась на моем лице. — Я все больше и больше жалею, что мы с тобой враги. Ты мог бы пригодиться мне, как никто другой. Джулиана я презираю. Каин — трус. Жерар силен, но глуп.

Я решил замолвить доброе словечко хоть за одного из моих братьев.

— Послушай, — сказал я. — Рэндом отправился со мной в Амбер по принуждению. Он не разделяет моих взглядов. Думаю, если бы ты попросил, он согласился бы стать твоим союзником.

— Этот ублюдок! — воскликнул Эрик. — Я не попросил бы его подать мне ночной горшок! В нем могла оказаться крыса! И раз ты просишь за Рэндома, я тем более его не помилую. Ты, конечно, мечтаешь, чтобы я прижал его к груди и вскричал: «Брат мой!». О нет! Слишком рьяно ты его защищаешь, а значит, он меня ненавидит, и тебе об этом прекрасно известно! Не надейся, что я проявлю милосердие по отношению к Рэндому.

Неожиданно я почувствовал запах дыма и услышал скрежет металла о металл. Значит, Каин атаковал, уничтожая мои корабли один за другим.

— Прекрасно! — сказал Эрик, уловив мою мысль.

— Останови их! Пожалуйста! У нас нет ни одного шанса против огромной эскадры!

— Нет! Даже если ты согласишься подчиниться моей воле… — Он прикусил губу и выругался. На этот раз и я уловил его мысль.

Эрик собирался предложить мне подчиниться его воле, пообещав взамен сохранить жизни моим людям. Вырвав у меня согласие, он хладнокровно приказал бы Каину продолжать уничтожение флота. Мщение в духе Эрика, но он проговорился в пылу обуревающих его страстей.

Я усмехнулся, понимая, что он раздражен донельзя.

— Все равно никуда ты не денешься, — убежденно заявил Эрик. — Скоро твой флагман будет захвачен.

— Но пока этого не произошло, — воскликнул я, — получай!

И я ударил по нему всей силой воли, проникая в глубины его мозга, уничтожая невидимые барьеры разума своей ненавистью. Я почувствовал его боль и ударил еще сильнее. За все годы, проведенные в ссылке, я бил, требуя, наконец, расплаты. За то, что он бросил меня подыхать во время чумы, я бил, требуя мщения. За автомобильную катастрофу, которую он подстроил, я бил, чтобы он страдал, как страдал я. И Эрик не выдержал. Он не мог больше меня контролировать и постепенно сдавал позиции, а я удвоил усилия, сгибая его волю.

— Дьявол! Ты дьявол! — вскричал он и закрыл

мою карту ладонью.

Контакт был прерван, и я стоял, дрожа всем телом. Я добился своего. Победил Эрика в состязании воли. Теперь уже я никогда не буду бояться брата-тирана. Я сильнее его.

Я огляделся по сторонам. Битва разгоралась, и по палубам текла кровь. Нас взяли на абордаж, матросы Каина стремительно атаковали, а тем временем другой корабль заходил с левого борта. Над моей головой просвистела стрела из арбалета. Я выхватил шпагу и кинулся в гущу сражения. Не знаю, сколько человек я убил в тот день. Я потерял им счет после двенадцати или тринадцати. Физическая сила, присущая каждому принцу Амбера, способному запросто поднять «мерседес» за бампер, сослужила мне хорошую службу, позволяя выкидывать нападавших за борт одной рукой. Мы перебили команды обоих кораблей, открыли кингстоны и отправили их в Ребма, на дно морское. Пусть Рэндом повеселится. В этой битве я потерял половину своих людей, но сам отделался синяками и царапинами. Мы поспешили на помощь другим нашим кораблям и потопили еще один рейдер Каина. Спасенные нами матросы перешли на флагман, и вновь у меня была полная команда.

— Крови! — вскричал я. — Требую крови и мщения, мои воины, и обещаю, что память о вас навсегда сохранится в Амбере!

И, как один, они подняли шпаги и воскликнули: «Крови! Мщения!» И реки… нет, моря крови пролились в тот день. Мы потопили еще два рейдера Каина, каждый раз пополняя свои силы остатками команд со спасенных кораблей. Прежде чем начать новый бой, я взобрался на мачту и посмотрел по сторонам. Силы противника превосходили наши примерно втрое. От моего флота осталось от сорока пяти до пятидесяти пяти кораблей. Мы потопили шестой рейдер, а седьмой и восьмой не заставили себя ждать и сами направились в нашу сторону. Их мы тоже потопили, но я опять потерял половину людей и был дважды ранен: в левое плечо и правое бедро. Не успели мы свободно вздохнуть, рядом с нами оказалось еще два рейдера, и нам пришлось бежать. Один из наших кораблей только что вышел победителем из неравного боя, и я перешел на него с остатками команды, так как флагман получил повреждения и сильно кренился на борт. Передохнуть нам не дали, и в очередной раз попытались взять на абордаж. Люди мои устали, да и я уже был не в форме. К счастью, матросы противника тоже

были не железными, и нам удалось захватить вражеское судно, которое находилось в лучшем состоянии, чем наше, а затем потопить рейдер, поспешивший на помощь. У меня осталось сорок человек команды, а сам я чуть не падал от усталости. Теперь в поле зрения не было ни одного корабля, способного прикрыть наши тылы. Каждый из них вел бой по меньшей мере с двумя рейдерами Каина. Поэтому мы позорно бежали, выиграв таким образом минут двадцать.

Я попытался скрыться на Отражениях, но так близко от Амбера оперировать пространствами чрезвычайно сложно, и концентрация отнимает массу времени. Куда легче подойти к Амберу вплотную, чем уйти из него, потому что он — центр Вселенной. Тем не менее мне не хватило всего десяти минут, чтобы выполнить задуманное. Один из рейдеров нас догнал и вынудил принять бой, а вдалеке я увидел корабль под черно-голубым флагом с изображением единорога. Каин торопился лично свести со мной счеты. Бой с рейдером мы выиграли, но прежде чем успели открыть кингстоны, флагман Каина подошел к нам почти вплотную. Я стоял на залитой кровью палубе, вокруг меня собрались человек двенадцать, и Каин крикнул мне с капитанского

мостика, чтобы я сдавался.

— Если я сдамся, ты гарантируешь жизнь моим людям? — крикнул я в ответ.

— Да. В сражении я могу потерять несколько человек, а в этом нет нужды.

— Даешь слово принца?

Он задумался, потом кивнул.

— Хорошо. Прикажи им сложить оружие и перейти на мой корабль. Мы сейчас подойдем.

Я засунул шпагу в ножны и обратился к окружавшим меня матросам:

— Вы бились на славу, — сказал я, — и заслужили мою вечную благодарность. Но мы проиграли. — Продолжая говорить, я тщательно вытер окровавленные руки о плащ (не люблю портить произведения искусства). — Сложите оружие, но знайте, что подвиги ваши никогда не будут забыты. Придет день, и во дворце Амбера я воздам вам почести, которых вы заслуживаете. — Моя команда — девять высоких краснокожих и трое маленьких волосатых — плакали, бросая оружие на палубу. — И не думайте, что все потеряно, — добавил я. — Мы проиграли лишь одну битву, а тем временем сражение идет повсюду. Мой брат Блейз на подходе к Амберу. Каин сдержит слово и сохранит ваши жизни, когда увидит, что я ушел

к Блейзу. Мне жаль, что я не могу вас взять с собой. — И с этими словами я вытащил из колоды нужную мне карту и опустил ее как можно ниже, чтобы не заметили с подходящего корабля.

Под холодной, очень холодной поверхностью карты фигура зашевелилась и ожила.

— Кто? — спросил Блейз.

— Корвин. Как дела?

— Мы выиграли сражение, но потеряли очень много людей. Сейчас отдыхаем перед очередным марш-броском. А у тебя что нового?

— Мы проиграли, хотя уничтожили по меньшей мере половину флота Каина. Он как раз собирается захватить мой корабль, так что помоги мне исчезнуть. — Блейз протянул мне руку, я дотронулся до нее и в ту же секунду очутился с ним рядом. У меня подкосились ноги, и я чуть было не упал, но он поддержал меня за плечи. — Кажется, это начинает входить в привычку, — пробормотал я, и тут только заметил, что у Блейза сочилась кровь из раны на голове, а левая рука была перевязана.

— Пришлось схватиться за другой конец сабли, — пояснил он, проследив направление моего взгляда, — немного щиплет.

Я перевел дыхание, и мы отправились в его

палатку, где он открыл бутыль с вином и дал мне хлеба, сыра и вяленого мяса. К тому же у него сохранился довольно приличный запас сигарет, и я с наслаждением закурил, в то время как врач перевязывал мои раны.

В нашей армии все еще оставалось около ста восьмидесяти тысяч человек. Когда на землю спустились сумерки, я взошел на вершину холма, посмотрел вниз, перед моим внутренним взором промелькнули тысячи солдатских лагерей, в которых я отдыхал на протяжении нескольких столетий. Я подумал о повелителях Амбера, о простых людях, так на них не похожих, и на глаза мои навернулись слезы. Жизнь человеческая была коротка, а они совсем не ценили ее, превращая в прах на полях сражений.

Я вернулся в палатку Блейза, и мы допили с ним бутыль вина.

Всю ночь бушевал ураган. Ветер не утих и на заре, едва пробившей себе дорогу в серой мгле и посеребрившей небо, и продолжался в течение всего дня тяжелейшего перехода. Дождь, да еще холодный, сам по себе фактор деморализующий, а совершать марш, когда на тебя льет, — занятие не из самых приятных. Лично я всегда ненавидел слякоть, но почему-то на протяжении многих

веков мне все время приходилось месить грязь ногами! Мы попытались найти Отражение с более приемлемыми погодными условиями, но не тут-то было. В Амбер нам разрешали войти только насквозь промокшими, под грохотание грома и сверкание молний.

На следующее утро температура резко упала, и, взглянув на замерзшие полотнища знамен, я увидел серое небо, с которого хлопьями валил густой снег. При дыхании у меня изо рта шел пар. Войско было плохо подготовлено к зиме, если, конечно, не считать маленьких волосатых людей, и мы приказали двигаться как можно быстрее, чтобы избежать обмораживаний. Высокие солдаты с красной кожей, привыкшие к теплому климату, очень страдали. В тот день на нас напали тигр, белый медведь и волк. Длина тигра, которого убил Блейз, была чуть больше четырнадцати футов от носа до кончика хвоста.

Мы продвигались, не останавливаясь, и к вечеру началась оттепель. Блейз подгонял людей, стремясь как можно скорее покинуть холодное Отражение. Судя по карте с изображением Амбера, там стояла теплая сухая осень, а мы все ближе и ближе подходили к реальному миру. Снежная буря опять сменилась холодным дождем, затем

пошел теплый, и к полуночи установилась более или менее нормальная погода. Был отдан приказ разбить лагерь и выставить тройные наряды караулов. Наши солдаты валились с ног от усталости, и в случае нападения противник, пожалуй, мог бы взять их голыми руками. Но что нам оставалось делать? Нападение произошло через несколько часов, и по описанию тех, кто уцелел, я понял, что руководил им Джулиан. Знай я об этом заранее, я подавил бы его волю, воспользовавшись картой из колоды. К сожалению, я узнал об этом значительно позже. Наши солдаты явно упали духом, но тем не менее подчинились приказу идти вперед. В холодном Отражении мы потеряли примерно две тысячи человек; число погибших ночью пока еще не было установлено.

Весь следующий день мы непрерывно попадали в засады. Такое огромное войско, как наше, не могло успешно противостоять быстрым рейдам, которые Джулиан совершал на наши фланги. Мы теряли десять человек убитыми, а он — не более одного-двух. К полудню мы спустились в долину, протянувшуюся параллельно морскому берегу. Арденнский лес находился к северу, слева от нас; Амбер — прямо впереди. Легкий прохладный бриз был напоен пряным запахом земли и слад-

кими ароматами трав. Изредка с деревьев падали листья. До Амбера оставалось восемьдесят миль. Пошел дождь, вновь небо затянуло грозовыми облаками, засверкали молнии, но шторм прекратился так же быстро, как и начался, и из-за туч выглянуло солнце. Затем мы почувствовали запах гари. Через некоторое время клубы дыма обволокли нас со всех сторон. Вскоре показались языки пламени, которые бушевали, уничтожая все на своем пути. В задних рядах началась паника. Раздались крики, строй колонн был нарушен и солдаты побежали. На нас падали хлопья пепла, дым ел глаза. Мы пытались убежать от огня, а он подступал к нам все ближе, ослепляя огромными полотнищами пламени, оглушая звуками, подобными раскатам грома. Деревья почернели, листья скрючились, кустарник пылал. Раскаленным воздухом невозможно было дышать. Мы ринулись вперед, не сомневаясь, что нас ждет страшная участь. И мы не ошиблись. Деревья-великаны падали преграждая путь. Приходилось перепрыгивать через стволы, обходить их. Нам удалось найти небольшую тропинку. Жара становилась невыносимой. Олени, волки, лисы, зайцы бежали рядом, не обращая внимания ни на нас, ни на своих естественных врагов. Тучи птиц затмили

небо. Они носились с громкими криками, осыпая нас пометом, но мы уже ни на что не обращали внимания.

Поджечь этот древний лес, не менее священный, чем Арденнский, казалось мне кощунством. Но Эрик был принцем Амбера и скоро станет его королем. Окажись я на его месте, может быть… У меня обгорели брови и волосы. Мое горло превратилось в подобие печной трубы. Интересно, сколько людей останется в нашем войске после столь зверской расправы? Семьдесят миль лесистой долины лежали между нами и Амбером, и тридцать миль по лесу мы уже прошли.

— Блейз! — хрипло выкрикнул я. — Через две-три мили, на развилке дороги, нам необходимо свернуть направо. Это — наш единственный шанс! Похоже, вся Гарнатская долина будет выжжена. Если не доберемся до воды, мы погибли!

Он кивнул. Мы бежали сломя голову, но огонь все-таки опережал нас. С трудом добрались мы до развилки дороги, сбивая пламя с дымящейся одежды, вытирая глаза от копоти, отплевываясь от пепла, стряхивая с волос тлеющие угольки.

— Еще четверть мили, — задыхаясь, сказал я.

Горящие ветви падали на меня, обжигая лицо и руки, тело бил озноб. Трава горела под нога-

ми, но мы неслись, как сумасшедшие, вниз по склону холма, у подножия которого протекал Ойзен. Я никогда не думал, что смогу мчаться с такой скоростью. Мы с разбега бросились в воду, принявшую нас в свои прохладные объятия. Мы с Блейзом старались не терять друг друга из виду, в то время как течение подхватило нас и понесло по извилистому руслу реки. Сплетенные ветви над нашими головами напоминали свод собора. Они с треском ломались и падали, и нам приходилось либо уворачиваться, либо нырять как можно глубже, чтобы уберечься от лишних ожогов. Обуглившиеся деревяшки в реке дымились и шипели, а головы уцелевших воинов напоминали кокосовые орехи. Вода была темна и прохладна, и у меня зуб на зуб не попадал от холода.

Через несколько миль горящий лес закончился, и мы поплыли к морю мимо плоской болотистой равнины. «Идеальное место для засады лучникам Джулиана», — подумал я и высказал свое мнение Блейзу. Он тут же согласился, но резонно заметил, что в нашем положении выбирать не приходится. Возразить мне было нечего. Течение продолжало нести нас к морю, а деревяшки вокруг все еще дымились и шипели. Казалось, прошло несколь-

ко часов (хотя этого просто не могло быть), и мои опасения начали сбываться. На нас посыпался град стрел. Я нырнул и долгое время плыл под водой. Течение помогло, и я преодолел довольно большое расстояние. Когда я вынырнул, вновь полетели стрелы. Один бог знал, какая из них могла оказаться последней в моей жизни, но я не стал испытывать судьбу, набрал полную грудь воздуха и ушел под воду. Рука моя коснулась дна. Я на ощупь пробрался среди подводных камней. Когда легкие мои готовы были разорваться от боли, я выплыл у правого берега, сделал глубокий вдох и тут же нырнул, даже не посмотрев, где нахожусь. Я плыл сколько мог, затем вынырнул. На этот раз мне не повезло. Стрела вонзилась в бицепс. Я тут же опустился на дно, сломал ее у наконечника и вытащил острие, продолжая плыть вперед, подобно лягушке, загребая правой рукой. Я прекрасно понимал, что не успеет моя голова показаться на поверхности, как станет мишенью для стрелков, и поэтому заставил себя держаться до тех пор, пока в ушах не загудело, а перед глазами не заплясали красные искры. Наверное, я пробыл под водой не менее трех минут. Когда я вынырнул, никто в меня больше не стрелял. Отплевываясь и жадно глотая воздух, я

добрался до левого берега, уцепился за камыши и огляделся по сторонам. На низкой равнине деревья почти не росли, и огонь сюда не дошел. Оба берега были пустынными, но в реке я тоже не увидел ни одного человека. Мог ли я оказаться единственным, кто уцелел в этом огненном аду? Невероятно. Ведь нас было все же очень много.

Я чуть не падал от усталости, на мне не осталось ни одного живого места. От купания в ледяной воде меня трясло как в лихорадке. Для того, чтобы выжить, мне следовало как можно скорее выбраться на берег, но тем не менее я решил не рисковать и проплыть еще немного, чтобы окончательно оторваться от своих преследователей. Не помню как, но я нырял и плыл под водой еще четыре раза, после чего почувствовал, что на пятый мне уже не вынырнуть. Поэтому я подплыл к берегу, схватился за какой-то большой камень, отдышался, выбрался из воды и, перекатившись на спину, огляделся по сторонам. Местность была мне не знакома, но вокруг ничего не горело. Справа от меня рос густой кустарник; я дополз до него, забрался внутрь и уснул.

Открыв глаза, я первым делом пожалел о том, что проснулся. У меня болело все тело, к горлу подкатывала тошнота. Несколько часов проле-

жал я в полубессознательном состоянии и в конце концов с трудом дополз до реки и с жадностью напился. Затем я вновь добрался до кустарника и заснул. Очнувшись во второй раз, я все еще чувствовал себя достаточно плохо, но слабость прошла, и мне удалось дойти до реки и обратно. С помощью ледяной карты Блейза я выяснил, что он жив.

— Где ты? — спросил Блейз, когда мы обменялись приветствиями.

— Понятия не имею. Но где бы я ни был, мне крупно повезло. Подожди-ка, по-моему, море близко. Я чувствую его запах и, кажется, слышу плеск волн.

— Ты у реки?

— Да.

— На каком берегу?

— На левом, северном, если встать лицом к морю.

— В таком случае оставайся на месте, — сказал Блейз. — Я кого-нибудь за тобой пришлю. Со мной две тысячи человек, и люди продолжают прибывать, так что Джулиан вряд ли осмелится напасть.

— Хорошо, согласился я, и на этом наш разговор закончился.

Я остался на месте. И заснул. Проснувшись, я услышал, что сквозь кусты кто-то пробирается и, затаив дыхание, осторожно раздвинул ветки. Неподалеку стояли трое высоких солдат с красной кожей. Я пристегнул шпагу, почистил одежду, пригладил рукой волосы, сделал несколько глубоких вдохов, выпрямился и, слегка покачнувшись, вышел на открытое место.

— Я здесь.

Услышав мой голос, двое солдат выхватили кривые сабли и заняли оборонительные позиции. Правда, они быстро меня узнали, заулыбались и, отсалютовав, проводили в лагерь, до которого было не более двух миль. Я прошел их самостоятельно, отказавшись от предложенной помощи. Невесть откуда появившийся Блейз сообщил, что он собрал уже три тысячи человек. Затем он позвал врача и предоставил меня его заботам.

Ночь прошла спокойно, никто на нас не напал, а весь следующий день люди продолжали прибывать группами и поодиночке. В результате наше войско насчитывало теперь пять тысяч солдат. В отдалении виднелся Амбер. Вторая ночь тоже закончилась без происшествий, и на заре мы отправились в путь. К полудню мы прошли пятнадцать миль и двигались вдоль берега моря.

Отрядов Джулиана нигде не было видно. Моя боль от ожогов утихла, бедро почти не болело, но плечо и рука давали о себе знать, так что иногда мне приходилось стискивать зубы, чтобы удержаться от стонов.

До Амбера оставалось сорок миль. Погода стояла ясная, а выжженный лес слева от нас представлял собой пустынное черное пепелище. Огонь уничтожил также почти весь кустарник, но это было нам только на руку — теперь мы могли не бояться засады. К заходу солнца мы прошли еще десять миль и разбили лагерь прямо на морском берегу.

Следующим утром мне неожиданно пришло в голову, что вот-вот должна состояться коронация Эрика, и я напомнил об этом Блейзу. Мы совсем забыли о том, сколько прошло времени, но, в конце концов, подсчитали, что у нас в запасе есть еще несколько дней. До полудня мы шли ускоренным маршем, затем расположились на отдых. Еще двадцать пять миль, и мы окажемся у подножия Колвира. К сумеркам это расстояние сократилось до десяти миль, но мы продолжали идти вперед и разбили лагерь только в полночь. Я чувствовал себя значительно лучше и даже попытался устроить нечто вроде разминочного боя

с тенью, делая выпады шпагой. На следующий день я был почти здоров. Мы дошли до подножия Колвира, где нас встретили все отряды Джулиана и присоединившиеся к нему матросы эскадры Каина. Блейз стоял, как на параде, и командовал, словно Роберт Е. Ли в битве при Чанселлорсвиле. Мы разбили неприятеля наголову. Джулиан, естественно, исчез, а у нас осталось три тысячи солдат. Но мы победили, и той ночью у нас был праздник. И, тем не менее, я высказал свои опасения Блейзу. Три тысячи солдат против Колвира. Не маловато ли? Я потерял флот, а Блейз — более девяноста восьми процентов войска. Радоваться было нечему.

Утром мы начали восхождение. На каждой ступеньке лестницы, ведущей в гору, могли одновременно уместиться не более двух человек, а позднее нам придется идти цепью. Позади осталось сто ярдов подъема, двести, триста… С моря дул ураганный ветер, который не в состоянии был нас защитить. Несколько сот людей погибли. Мы вновь пошли вперед, и хлынул дождь. Ступеньки стали скользкими, подъем делался все круче. Поднявшись на четверть высоты Колвира, мы встретили колонну спускающихся солдат. Последовал короткий обмен ударами, и двое людей

упали в пропасть. Мы выиграли две ступеньки и потеряли одного человека. Так продолжалось более часа, и мы прошли примерно треть пути, а цепочка наших солдат все таяла и таяла. Хорошо хоть, высокие краснокожие воины оказались сильнее гвардейцев Эрика. Бряцало оружие, раздавался короткий вскрик, и человек пролетал мимо нас. Иногда это был краснокожий, иногда — мохнатый, но чаще всего — одетый в форму гвардии Эрика.

Мы добрались до середины лестницы, сражаясь за каждую ступеньку. Когда мы достигнем вершины горы, перед нами окажется широкая Лестница, по отражению которой я спускался в Ребма. Эта Лестница приведет нас к гигантской арке, являющейся восточными воротами Амбера. В нашем авангарде осталось человек пятьдесят. Потом сорок… тридцать… двадцать… дюжина… Восточной лестницей, петляющей зигзагами по склону Колвира, редко кто пользовался. Она была построена скорее для красоты, чем по необходимости. В наши первоначальные планы входило пересечь долину (ныне выжженную), обойти гору и ударить по Амберу с запада. Но лесной пожар и Джулиан спутали нам все карты. Следовательно, оставалось либо атаковать в лоб, либо отступить.

А отступать было некуда.

Три гвардейца Эрика полетели в пропасть, и мы выиграли четыре ступеньки. Затем погиб один из наших солдат, и ступенька была потеряна. С моря дул холодный резкий ветер, у подножия горы начали собираться птицы. Сквозь облака проглянуло солнце: видимо, Эрик решил не управлять погодой во время битвы. Мы поднялись еще на шесть ступенек и потеряли одного человека. Все это было странно, и дико, и печально. Скоро придет очередь Блейза, а затем моя, если он погибнет. Впереди остались шестеро наших воинов. Преодолено еще десять ступенек и воинов осталось пятеро… Мы медленно поднимались на Колвир, а лестница сзади, насколько хватало глаз, была залита кровью. Оправдать себя всегда несложно. Наш пятый солдат убил четверых, прежде чем погиб, и нам удалось немного подняться вверх.

Только вперед! Четвертый воин авангарда сражался, держа в каждой руке по сабле. Он бился за святое дело, и поэтому наносил удары с большим воодушевлением. Ему удалось справиться с тремя гвардейцами. Третий наш воин не обладал такой верой, а может, просто хуже владел оружием, и был убит сразу же. И их осталось двое. Блейз вытащил свою длинную шпагу с золотым

орнаментом, и клинок ее блеснул на солнце.

— Скоро, брат! — сказал он. — Теперь уже скоро! Посмотрим, как они выстоят против принца Амбера!

— Надеюсь, только одного, — заметил я, и он ухмыльнулся.

По моим подсчетам, мы прошли три четверти пути, когда Блейзу пришлось вступить в бой. Он мгновенно убил первого гвардейца, вонзил острие шпаги в горло второго и ударил ею по голове третьего, скидывая его вниз. Дуэль с четвертым продолжалась несколько секунд, но исход ее не вызывал сомнений. Я поднимался вслед за Блейзом, и на всякий случай тоже вытащил шпагу из ножен. Он был великолепен и владел оружием куда лучше, чем я предполагал. Шпага его, словно живая, мелькала в отблесках солнца. Он стремительно продвигался вперед, и гвардейцы падали перед ним — о боже, как они падали! И что бы ни говорили о Блейзе, в тот день он показал себя истинным принцем, достойным сыном Амбера. Я стал думать, долго ли он продержится. В левой руке Блейз держал кинжал, которым пользовался с ярой жестокостью и при малейшей возможности, пока не лишился его, оставив в горле своей одиннадцатой жертвы. Не

было видно конца колонне солдат Эрика. Вероятно, она доходила до самого верха лестницы. Я надеялся, что мне не придется вступить в бой. Почти верил в это. Еще три гвардейца пролетели мимо меня в пропасть, и мы оказались на небольшой лестничной площадке перед очередным поворотом. Блейз расчистил площадку и вновь начал подниматься по ступенькам. Я наблюдал за ним уже полчаса, а воины, выступавшие против него, все падали и падали, как подкошенные. Я слышал шепот восхищения солдат, шедших сзади, и у меня невольно мелькнула сумасшедшая мысль, что Блейзу удастся расправиться со всеми гвардейцами в одиночку. Он использовал каждый трюк, известный в фехтовании. Он выбивал шпаги плащом, делал подножки. Он хватал противника за кисть руки, выворачивал и скидывал в пропасть, не применив оружия.

Мы дошли до следующей лестничной площадки, и я увидел, что на рукаве Блейза, не переставшего улыбаться, выступила кровь. Гвардейцы, стоявшие за теми, с которыми он уже разделался, были бледны, как смерть. Это тоже ему помогало. Возможно, и мое присутствие нагоняло на них страх, действовало на нервы, сковывало движения. Как я позднее узнал, они

слышали о нашей битве на море. Блейз расчистил очередную лестничную площадку. Честно говоря, я не думал, что ему удастся продержаться так долго. Столь феноменального владения шпагой я не видел с тех пор, как Бенедикт в одиночку удерживал проход через Арденнский лес против Лунных Всадников Генеша. Однако Блейз начал уставать, это стало для меня заметно. Если бы можно было подменить его хоть ненадолго, дать ему возможность отдохнуть. Но такой возможности не было. Поэтому я продолжал идти сзади, с ужасом ожидая, что очередной удар окажется для него последним. Он явно слабел. До вершины горы оставалось сто футов.

Внезапно Блейз стал мне близок. Он был моим братом и не отказал мне в помощи, а сейчас, прекрасно понимая, что вряд ли ему удастся продержаться до конца, продолжал сражаться… тем самым давая мне шанс завоевать трон… Он убил еще троих, но с каждым ударом рука, державшая шпагу, двигалась все медленнее. Поединок с четвертым гвардейцем затянулся минут на пять, и я был уверен, что следующий противник окажется для него последним. Я ошибся. Пока Блейз пытался высвободить клинок из тела, я перебросил шпагу из правой руки в левую, выхватил из-за по-

яса кинжал и метнул его. По самую рукоять вошел он в горло пятого гвардейца. Блейз перепрыгнул сразу через две ступеньки и ударом локтя скинул очередного солдата в пропасть, затем сделал прямой выпад, вспоров живот следующему. Я не отставал ни на шаг, готовясь вступить в бой, как только возникнет необходимость, но Блейз пока что не нуждался в моих услугах. С необычайной энергией, как будто к нему пришло второе дыхание, кинулся он вперед и выиграл для нас две ступеньки. Я держал наготове еще один кинжал, который мне передали по цепочке, и бросил его, как только заметил, что Блейз начал уставать. Но в момент броска гвардеец нагнулся, и кинжал ударил его рукояткой по голове. Это, правда, помогло Блейзу столкнуть своего противника с лестницы, но идущий следом солдат решительно бросился в атаку, и хотя шпага Блейза вошла ему в грудь, он потерял равновесие, и они вместе полетели в пропасть. Повинуясь непонятному инстинкту, почти не соображая, что делаю, но тем не менее прекрасно понимая, что мгновенные решения всегда себя оправдывают, я выхватил левой рукой из-за пояса колоду карт, швырнул ее Блейзу, который на секунду как бы завис над бездной (настолько быстро отреагировали мои

мускулы), и крикнул ему во все горло:

— Лови скорее! Лови же, идиот!

У меня не было времени смотреть, что произойдет дальше: пришлось вступить в бой. Но колоду он поймал. Это я успел заметить краешком глаза. И тогда начался последний этап нашего восхождения на Колвир. Скажу только, что нам удалось это сделать, и я остановился, тяжело дыша, на верхней площадке лестницы, и стал ждать, когда вокруг меня соберутся остатки моего войска. Мы построились и кинулись в атаку. Чтобы дойти до гигантской арки, являющейся восточными воротами Амбера, нам потребовался примерно час. Мы миновали ее с боем и вошли в город. Где бы сейчас ни был Эрик, я уверен, он не предполагал, что нам это удастся. Невольно я вспомнил Блейза. Хватило ли у него времени выхватить нужную карту и воспользоваться ею, прежде чем он упал на дно пропасти? Видимо, я никогда этого не узнаю. Мы недооценили противника, очень недооценили. Сейчас его войско намного превосходило наше численностью, и нам оставалось только биться до последнего, потому что о победе нечего было мечтать. Зачем я бросил Блейзу колоду карт? Я знал, что у него не было своей, и действовал подсознательно, повинуясь

инстинкту, который скорее всего приобрел на Отражении Земля. Ведь карты необходимы были мне, чтобы спастись, если меня разобьют.

Наступил вечер, и моя небольшая армия таяла на глазах. Нас окружили со всех сторон, а до дворца было еще далеко. Мы потерпели поражение. Льювилла или Дейдра предоставили бы мне убежище. Зачем я лишил себя возможности к ним обратиться?

Я отразил очередную атаку, убил гвардейца и перестал думать о своем поступке. Солнце зашло, небо потемнело. Нас оставалось всего несколько сотен, и мы не приблизились к дворцу ни на шаг. Затем я увидел Эрика, отдающего какие-то распоряжения громким голосом. Если б только мне удалось подойти к нему ближе! Но это было невозможно. Я сдался бы ему в плен, чтобы сохранить жизни моим людям. Но сдаваться было некому, и никто не предлагал мне условий капитуляции. Эрик не услышал бы меня, закричи я во все горло. Он был слишком далеко.

Короче говоря, они убили всех, кроме меня. А на меня набросили сети и свалили на землю, обстреляв тупыми стрелами без наконечников. Я помню, что получил множество ударов по голове и впал в беспамятство, похожее на кошмарный

сон, от которого никак не удавалось избавиться.

Мы потерпели поражение. Меня разбили наголову.

Пробудился я в подземной темнице Амбера, горько сожалея, что мне не удалось победить, хотя трудный путь я прошел почти до самого конца. Если меня оставили в живых, значит, у Эрика были на то основания. Перед моими глазами возникли видения колодок, огня и щипцов для пыток. Я представил себе, как постепенно начну деградировать, лежа на сырой соломенной подстилке. Долго ли я оставался без сознания? Неизвестно. Я тщательно обыскал маленькую тюремную камеру, пытаясь найти хоть какой-нибудь предмет, с помощью которого можно было бы покончить жизнь самоубийством. Безуспешно. Устроившись поудобнее, я заснул.

Проснулся я в полном одиночестве. Никто меня не пытал, и мне некого было подкупить. Еды тоже никто не принес. Я лежал, завернувшись в плащ, и вспоминал свою жизнь с тех пор, как очнулся в Гринвуде и отказался от укола. Может быть, зря. Я познал отчаяние. Скоро должна была состояться (если уже не состоялась) коронация Эрика, но сон — благо, а я так устал… Впервые за долгое время я получил возможность отдохнуть и забыть о

всех своих неприятностях. Камера была темной, сырой, и в ней пахло гнилью.

Сколько раз я просыпался и вновь засыпал, не помню. Дважды я находил у двери поднос с мясом, хлебом и водой. Каждый раз я съедал все без остатка. В камере было холодно. Я ждал. Затем за мной пришли. Дверь распахнулась, и камера тускло осветилась. Я моргнул с непривычки, и в этот момент меня позвали. В коридоре вы строился отряд стражников, так что сопротивляться было бессмысленно. Я потер рукой щетину на подбородке и пошел туда, куда меня повели. Шли мы долго — сначала коридорами, потом по спиральной лестнице — и в результате очутились во дворце Амбера. Я ни о чем не спрашивал, со мной никто не разговаривал. Меня привели в теплую, чисто убранную комнату и велели раздеться донага. Я разделся. Затем мне указали на ванну с горячей водой, от которой поднимался ароматный пар, и подошедший слуга помыл меня, подстриг и побрил. Когда я вытерся насухо, мне дали чистую одежду — черную с серебряной отделкой. Когда я оделся, на меня накинули плащ — черный с застежкой в форме серебряной розы.

— Теперь вы готовы, — сказал сержант. — Следуйте за мной.

Я последовал за ним, а стражники окружили меня со всех сторон. Через некоторое время мы очутились в мастерских, где кузнец сковал мне руки цепями, которые невозможно было разорвать, а на ноги надел кандалы. Я знал, что ничего не добьюсь, если окажу сопротивление, разве что буду избит до бесчувствия. Поэтому не сопротивлялся. Затем несколько солдат охраны взяли цепи в руки и повели меня по дворцу. Я не глядел по сторонам и не восхищался великолепным убранством залов. Я был пленником. Возможно, в скором времени окажусь либо в могиле, либо на дыбе. Сейчас я был бессилен что-нибудь изменить, быстрый взгляд в окно подсказал мне, что наступил вечер, и я не испытывал ностальгии, шагая по дворцу, где мы играли детьми.

Длинным коридором меня провели в большой банкетный зал. Повсюду были расставлены столы, а за ними сидели люди. Многих я знал. Я увидел знакомые лица, в том числе Флору и придворного музыканта, лорда Рейна (именно я посвятил его в рыцари), с которым не встречался несколько столетий. Заметив, что я на него смотрю, Рейн отвернулся. Меня подвели к большому столу в центре зала и усадили на стул. Стражники встали сзади, приковав мои цепи к кольцам,

недавно вделанным в пол, — видимо, специально для этой цели. Кресло во главе стола пока пустовало. Справа от меня сидела миниатюрная блондинка, которую я не знал, слева — Джулиан. Не обращая на него внимания, я повернулся к незнакомке.

— Добрый вечер. Кажется, нас забыли представить. Меня зовут Корвин. — Она беспомощно посмотрела на своего соседа, рыжеволосого гиганта с кучей веснушек, но тот сделал вид, что оживленно беседует с какой-то дамой. — Если вы мне ответите, ничего страшного не произойдет, — сказал я. — Честное слово, я не заразный.

Она выдавила из себя слабое подобие улыбки.

— Меня зовут Кармель. Здравствуйте, принц Корвин.

— Какое приятное у вас имя, — заметил я. — Скажите, почему такая приличная девушка, как вы, оказалась в этом зале?

Она быстро взяла в руки бокал и сделала глоток воды.

— Корвин, — нарочито громко произнес Джулиан, — мне кажется, леди возмущена твоими наглыми приставаниями.

— Правда? Откуда тебе знать? По-моему, она с тобой и словом не обмолвилась.

Джулиан не покраснел. Он стал белым, как мел.

— Достаточно. Немедленно замолчи.

И тогда я потянулся и намеренно громко забренчал цепями. Во-первых, это произвело желаемый эффект, а во-вторых, я узнал, сколько свободного пространства находится в моем распоряжении. Недостаточно, конечно. Эрик, как всегда, был бдителен.

— Подсядь поближе, братец, и прошепчи мне свои возражения на ушко, — сказал я.

Но он почему то остался на месте. Так как меня усадили за стол последним, я не сомневался, что главные события должны произойти с минуты на минуту. Я не ошибся. Зазвучали фанфары, и в зале появился Эрик. Все встали. Кроме меня. Стражникам пришлось изо всех сил натянуть цепи, и я поневоле принял вертикальное положение. Эрик улыбнулся и спустился с небольшой лесенки. На нем была тяжелая горностаевая мантия, почти полностью скрывавшая его традиционный костюм. Он встал во главе стола рядом с креслом, слуга остановился сзади, и виночерпии тут же принялись разливать вино.

Когда бокалы были наполнены, Эрик громко воскликнул:

— Выпьем за здравие тех, кто всегда будет жить в Амбере, вечном городе!

И все подняли бокалы. Кроме меня.

— Возьми бокал, — сказал Джулиан.

— Подай его мне.

Он не шелохнулся, лишь сверкнул глазами. Тогда я быстро взял бокал в руки. Между мной и Эриком сидели человек двести гостей, но мой голос разнесся по всему залу. И Эрик не отрывал от меня взгляда, пока я произносил свой тост:

— За Эрика, который сидит в самом конце стола!

Никто со мной не чокнулся, и Джулиан первым выплеснул вино на пол. Остальные последовали его примеру, но я успел выпить почти до дна, прежде чем бокал выбили из моих рук. Эрик уселся в кресло, придворные заняли свои места, а стражники отпустили державшие меня цепи, и я упал на стул. Лакеи принялись разносить всевозможные блюда, а так как я был голоден, то ел больше других и с огромным удовольствием. Музыка не умолкала ни на секунду, и трапеза продолжалась по меньшей мере два часа. За все это время никто не сказал мне ни единого слова, и сам я тоже ни с кем не разговаривал. Но мое присутствие ощущалось всеми, и поэтому за

нашим столом было куда менее оживленно, чем за остальными.

Каин сидел по правую руку Эрика. Джулиан явно был не в фаворе. Рэндом и Дейдра отсутствовали. В зале находилось много дворян, которых я знал и даже считал своими друзьями, но ни один из них не кивнул в ответ, случайно встретившись со мной взглядом. Я понял, что осталось выполнить небольшую формальность, и Эрик станет королем Амбера. Так оно и произошло. Когда обед закончился, никто не стал произносить длинных речей. Эрик поднялся с кресла, музыка стихла, прозвучали фанфары, и процессия дворян прошествовала в тронный зал дворца. Я знал, зачем.

Эрик остановился рядом с троном, и все склонили перед ним головы. Кроме меня, естественно, но стражники вновь натянули цепи, и на этот раз я был поставлен на колени.

Сегодняшний день был днем его коронации.

В тронном зале стояла мертвая тишина. Затем Каин внес подушку, на которой лежала корона. Корона Амбера. Он преклонил колени, вытянул руки и застыл в этом положении. Рывком цепей меня подняли на ноги и потащили вперед. Мгновенно поняв, чего добивается Эрик, я начал бешено сопротивляться, но пинками и ударами

меня вновь поставили на колени у самых ступенек трона. Зазвучала нежная музыка — это были «Зеленые Рукава»— и голос Джулиана за моей спиной громко произнес:

— Состоится коронация принца Амбера! — Затем он прошептал мне на ухо: Возьми корону и протяни ее Эрику. Он коронует сам себя.

Я посмотрел на серебряную корону Амбера, лежавшую на алой подушке, которую держал Каин. На конце каждого из семи ее пиков сверкал драгоценный камень. Обруч был усыпан изумрудами, а по его бокам горели два рубина. Я не шевельнулся, думая о тех временах, когда корона эта украшала голову нашего отца.

— Нет, — сказал я, и меня ударили по лицу.

— Возьми ее и протяни Эрику, — повторил Джулиан.

Я попытался кинуться на него, но цепи были надежно натянуты. Мне снова дали пощечину. Я смотрел на острые высокие пики и согласно кивнул.

— Хорошо. — Потянувшись к короне, я взял ее в руки, быстро надел себе на голову и воскликнул: Короную принца Корвина, который отныне становится королем Амбера!

Корону немедленно сняли и положили на по-

душку. Меня несколько раз сильно ударили по спине. По всему залу прокатился шепоток.

— Протяни ее Эрику, — вновь повторил Джулиан.

— Хорошо, — ответил я, чувствуя, как по моей спине течет что-то мокрое и липкое, и швырнул корону изо всех сил, надеясь выбить Эрику глаз.

— Он поймал ее правой рукой и улыбнулся, словно добился, чего хотел.

— Спасибо, — произнес он. — А сейчас я обращаюсь ко всем присутствующим и тем, кто слышит меня на Отражениях. В этот день я принимаю корону и трон. В моей руке — скипетр королевства Амбер. Я завоевал трон в честной борьбе и занимаю его по праву!

— Лжец! — крикнул я, но мне тут же зажали рот.

— Я короную себя и отныне буду называться Эриком Первым, королем Амбера!

— Да здравствует король! — три раза прокричали придворные.

Эрик наклонился и прошептал мне на ухо:

— Никогда в жизни не видел ты зрелища более прекрасного, чем сегодня… Эй, стража! Я повелеваю выжечь Корвину глаза! Пусть последним его воспоминанием будет праздничное великолепие

этого дня! А затем бросьте его в самую далекую темницу, самое глубокое подземелье Амбера, чтобы память о нем стерлась и имя его было забыто!

Я плюнул Эрику в лицо, и меня опять избили. Я сопротивлялся изо всех сил, но меня выволокли из тронного зала. Никто не смотрел в мою сторону, и последнее, что я запомнил, это была фигура Эрика, который восседал на троне и милостиво улыбался столпившимся вокруг придворным. Его приказание было исполнено, и, благодаря богу, я потерял сознание, прежде чем они успели закончить…

Я не имею ни малейшего представления, сколько времени прошло с тех пор, как я очнулся в абсолютной тьме от страшной, ни с чем несравнимой головной боли. Возможно, именно тогда я изрек свое проклятье, а может, несколько раньше, когда глаз моих коснулось раскаленное железо. Не помню. Но я знал, что никогда Эрик не будет спокойно восседать на троне, потому что проклятье принца Амбера, произнесенное в отчаянии и ярости, всегда сбывается.

Во тьме подземелья я царапал ногтями соломенную подстилку, но слезы отказывались течь, и это было самое страшное. Спустя много-много часов (только я и ты, боже, знаем, как долго я

мучился) ко мне вновь пришел сон. Я пробудился, но боль меня не оставила. Я встал. Измерил шагами камеру. Четыре шага в ширину, пять в длину. Дыра в полу вместо уборной, соломенный тюфяк в углу. Щель под дверью, за которой стоял поднос с затхлым куском хлеба и бутылкой воды. Я поел и попил, но сил у меня не прибавилось. Голова по-прежнему сильно болела, а в душе не было покоя. Я старался спать как можно больше, никто не приходил меня навестить. Я просыпался, на ощупь находил поднос с едой, если его оставляли, и съедал все без остатка. И вновь старался забыться во сне. Когда я проснулся в восьмой раз, боль из моих глазниц ушла. Я ненавидел своего брата, который стал королем Амбера. Лучше бы он убил меня. Я попытался представить, что говорят во дворце по поводу моего приговора, но ничего путного в голову не приходило. Что ж, когда Амбер окажется во тьме, Эрик горько пожалеет о том, что он со мной сделал. Я знал, что так будет, и это хоть немного меня утешало.

Так началась моя жизнь во тьме, и я не мог измерить ее течение. Думаю, и зрячий не отличил бы день от ночи в этом мрачном подземелье. Время шло своим чередом, не поддаваясь никакому учету, и иногда меня бил озноб и охватывал

страх, потому что я не мог понять, провел я в своей камере много недель, часов, месяцев или лет. Я старался вообще не думать о времени. Я спал, ходил (досконально изучив камеру) и размышлял о своей прошлой жизни. Иногда я сидел, скрестив ноги, и дышал ровно и глубоко, стараясь опустошить мозг от мыслей. Это помогало — ни о чем не думать. Эрик был далеко не дурак. Я не потерял своей силы, но теперь не мог ею воспользоваться. Слепому не нужна была власть над Отражениями. Борода моя отросла до груди, волосы свисали ниже плеч. Первое время я умирал от голода, но затем аппетит пропал. Когда я вставал слишком резко, у меня начинала кружиться голова. Мне снились кошмары, в которых я был все еще зрячим, и тем горше были пробуждения. Постепенно я начал забывать события, приведшие к моей слепоте. Мне начало казаться, что они произошли не со мной, а с каким-то другим человеком. Может, так оно и было. Я очень сильно похудел. Я пытался представить, каким бледным и изможденным сейчас выгляжу. Несколько раз мне хотелось заплакать, но я был лишен даже этой возможности — слезные железы не функционировали. Когда я думал, что человека можно довести до такого состояния, мне становилось страшно. Однажды

я услышал, как в дверь тихо поскреблись, но не обратил на это внимания. Звук повторился, и вновь я промолчал. Затем послышался тихий голос, зовущий меня по имени.

— Кто это? — спросил я.

— Это я, Рейн. Как ваши дела?

Я расхохотался.

— Прекрасно! Лучше не придумаешь! Бифштексы, шампанское, танцовщицы чуть не каждую ночь. Боже! Ну и вопросы ты задаешь!

— Простите, — прошептал он. — Честное слово, я ничем не могу вам помочь. — И в голосе его прозвучала неподдельная боль.

— Знаю, — ответил я.

— Если бы только мог, я бы все для вас сделал.

— Тоже знаю.

— Я кое-что нам принес. Возьмите. — Маленькое окошко в нижнем углу двери скрипнуло, открываясь.

— Что это? — спросил я.

— Чистая одежда. И три буханки свежего хлеба, головка сыра немного говядины, две бутылки вина, блок сигарет и несколько коробков спичек.

Голос мой охрип от волнения, в горле пересохло.

— Спасибо, Рейн. Ты — хороший человек. Как

тебе удалось ко мне пройти?

— Я знаком со стражником, который сегодня дежурит. Он будет молчать. Он слишком многим мне обязан.

— Смотри, как бы ему не пришло в голову заплатить тебе все долги сразу, написав донос. Я, конечно, очень тебе благодарен, но больше не приходи. Естественно, я уничтожу улики, которые могут тебя выдать.

— Мне жаль, что все кончилось так печально, Корвин.

— Мне тоже. Спасибо, что подумал обо мне, несмотря на повеление Эрика забыть мое имя.

— Это было несложно, — сказал он.

— Сколько времени я здесь пробыл?

— Четыре месяца и десять дней.

— Что нового в Амбере?

— Эрик правит государством. Других новостей нет.

— Где Джулиан?

— В Арденнском лесу, командует войском.

— Почему?

— С некоторых пор какие-то загадочные существа стали проникать к нам из других Отражений.

— Понятно. А Каин?

— Развлекается в Амбере. В основном пьет вино и ухаживает за женщинами.

— Жерар?

— Назначен адмиралом флота.

Я вздохнул с облегчением. Честно говоря, я боялся, что Жерар попадет в немилость после того, как он увел эскадру на юг, освобождая мне путь.

— О Рэндоме ничего не слышно?

— Он — пленник, но находится под домашним арестом.

— Что? Рэндома взяли в плен?

— Да. Он прошел Лабиринт в Ребма и переместился в Тронный зал Амбера. Прежде чем его схватили, он успел ранить Эрика из арбалета.

— И его не казнили?

— Ходят слухи, что Рэндом женат на дворянке из Ребма. А Эрик в данный момент не хочет осложнять отношений между королевствами, одно из которых является зеркальным отражением другого. У Муари сильное войско; поговаривают, Эрик намеревается на ней жениться и сделать своей королевой. Интересные слухи, хотя, конечно, глупо им верить.

— Да, — согласился я.

— Вы ведь очень ей нравились, правда?

— Может быть. Откуда ты знаешь?

— Я присутствовал в Тронном зале, когда Рэндому произносили приговор, и мне удалось с ним поговорить. Миледи Виала, его жена, попросила разрешения жить вместе с мужем под домашним арестом. Эрик до сих пор не решил, что ответить.

Я с удивлением подумал о слепой женщине, которую никогда не видел.

— Как давно это произошло? — спросил я.

— Мм-мм… Рэндом появился в Амбере тридцать четыре дня назад. Виала подала прошение неделей позже.

— Она, должно быть, странная женщина, если действительно любит Рэндома.

— И я так думаю, — согласился Рейн. — Более неподходящую пару трудно себе представить.

— Если увидишь Рэндома, передай ему привет и вырази мое сочувствие.

— Хорошо.

— А где мои сестры?

— Дейдра и Льювилла остались в Ребма. Леди Флоримель осыпана милостями и стала одной из первых придворных дам. Я не знаю, где сейчас Фиона.

— О Блейзе я тебя не спрашиваю. Уверен, что он погиб.

— Наверное, — сказал Рейн. — Хотя тело его так

и не было обнаружено.

— О Бенедикте ничего не слышно?

— Нет.

— А о Бранде?

— Ни слуху, ни духу.

— Что ж, будем считать, я достаточно подробно расспросил тебя о своей семье. И хватит об этом. Ты сочинил какие-нибудь новые баллады?

— Нет, — ответил Рейн. — Работаю сейчас над «Осадой Амбера». Не знаю, станет ли мое произведение популярным, но запретят его в любом случае.

Я протянул руку через маленькое окошко в углу двери.

— Хочу пожать тебе руку, — сказал я, и тут же почувствовал прикосновение его пальцев. — Спасибо тебе за все, но больше не приходи. Глупо так рисковать.

Он сжал мою руку, что-то пробормотал и ушел. Я нащупал пакет с едой, вскрыл его и до отвала наелся мясом — самой сытной пищей, которая там была, — и хлебом. Оказывается, я совсем забыл, что есть можно вкусно. Затем меня стало клонить ко сну, и я задремал. Проснувшись, откупорил бутылку вина. В моем ослабленном состоянии потребовалось совсем немного, чтобы

захмелеть. Я закурил сигарету, уселся на соломенный тюфяк, облокотился о стену и расслабился.

Я помнил Рейна еще совсем ребенком. В те времена я был взрослым молодым человеком, а он — кандидатом в королевские шуты. Придворные издевались над тощим неглупым пареньком, кто как мог. Кстати, я тоже не был исключением. Я сочинял музыку, писал стихи, а он достал где-то лютню и научился на ней играть. Вскоре мы начали петь в два голоса, и я к нему привязался. Потом мы попробовали сочинять вместе, и хотя у него плохо получалось, я старался лишний раз похвалить его, испытывая в глубине души раскаяние, что издевался над ним раньше. К тому же я научил Рейна владеть шпагой, и ни ему, ни мне не пришлось пожалеть об этом. Спустя несколько лет он стал придворным музыкантом Амбера. Рейн считался моим пажом, и когда начались войны против темных сил из Отражения Вейрмонкен, я пожаловал ему грамоту на дворянство, и мы сражались с ним бок о бок. Я посвятил его в рыцари на поле битвы при Джонс Фоллз — и он это заслужил. Рейн продолжал сочинять стихи и музыку и вскоре превзошел меня, своего учителя. Он всегда носил малиновую одежду, а слова его были — чистое золото. Я любил его, как друга,

одного из немногих в Амбере. Правда, я никогда не думал, что он рискнет принести мне передачу. Никто другой не осмелился бы меня навестить. Я сделал глоток вина за его здоровье и закурил вторую сигарету. Рейн был хорошим человеком. Мне пришло в голову, что Эрик рано или поздно лишит его звания придворного музыканта.

Окурки, а затем и пустую бутылку я выкинул в дыру для уборной. Неожиданная проверка могла уличить меня в том, что я «развлекаюсь», и тем самым я сильно подвел бы Рейна. Я съел все, что он принес, и впервые за время заточения почувствовал себя сытым. Последнюю бутылку вина я приберег на тот случай, если мне захочется напиться и хоть ненадолго обо всем позабыть. Это произошло довольно скоро, и, отоспавшись, я вновь вернулся к своим думам. Я надеялся, что Эрик не знает всех скрытых сил, которыми обладали члены нашей семьи. Просто не может знать. Да, конечно, он был королем Амбера. Но не таким, как отец, обладавший колоссальными знаниями и умевший применять их на деле. А значит, у меня имелся один шанс из миллиона, ничтожный, но драгоценный, мысль о котором не давала мне сойти с ума в минуты самого страшного отчаяния. Хотя, возможно, какое-то

время я был безумен. И сейчас, очутившись в царстве Хаоса, я не могу вспомнить многих дней своего пребывания в темнице. Чем они были заполнены — тайна, и я не собираюсь обращаться к психиатру, который сорвет с нее покровы. К тому же, милые мои врачи, вряд ли кто-нибудь из вас способен лечить членов нашей семьи.

Я то лежал на соломенном тюфяке, то мерил шагами камеру. Меня окружала тьма. Я стал очень чуток к звукам. Слышал шуршание крысиных лапок по соломе, отдаленные стоны узников, эхо шагов стражника, оставляющего поднос у двери. По звукам я научился с точностью определять расстояние и направление. Видимо, я стал также более восприимчив к запахам, хоть и старался не обращать на них внимания. Я мог бы поклясться, что в тошнотворном воздухе камеры долгое время держался запах гниющей плоти. Интересно, что произойдет, если я умру? Сколько бутылок с водой и кусков хлеба уберут, прежде чем стражнику придет в голову проверить, жив ли его узник? Ответ на этот вопрос мог оказаться для меня крайне важен. Запах смерти и разложения держался в камере не менее недели.

Как я ни сдерживался, как ни боролся с искушением, в конце концов у меня осталась одна

пачка сигарет. Я открыл ее и закурил. Рейн принес мне большой блок «Салема», и я выкурил одиннадцать пачек. Двести двадцать сигарет. Я знал, что выкуриваю сигарету за семь минут (когда-то давно я засекал время по часам). Значит, я потратил на курение одну тысячу пятьсот сорок минут, или двадцать пять часов сорок минут. Я был уверен, что перерыв между сигаретами составлял по меньшей мере час, даже полтора. Пусть будет полтора часа. На сон у меня уходило от шести до восьми часов в сутки. Следовательно, шестнадцать-восемнадцать часов я бодрствовал, и таким образом выкуривал за день десять или двенадцать сигарет. Нетрудно было подсчитать, что Рейн посетил меня примерно три недели назад. Он говорил, что я сижу в тюрьме четыре месяца и десять дней. Значит, уже пять месяцев. Я берег последнюю пачку «Салема», как мать ребенка. Когда сигареты закончились, мое настроение резко ухудшилось. И вновь прошло много времени.

Очень часто я думал об Эрике. Справлялся ли он с обязанностями монарха? Какие задачи перед собой ставил? С какими трудностями сталкивался? Почему ни разу не спустился в темницу, чтобы помучить меня? Забудут ли обо мне в Амбере,

согласно королевскому повелению? Никогда, решил я. Куда подевались все мои братья? Почему ни один из них не установил со мной связь? Ведь это было так просто: достать из колоды карту и вызволить меня из беды. Однако никто этого не сделал. Иногда я вспоминал Муари, последнюю женщину, которую любил. Чем она занимается? Вспоминает ли обо мне? Наверное, нет. Может, она стала любовницей Эрика или вышла за него замуж. Просила ли она, чтобы меня освободили? Наверное, тоже нет. А где мои сестры? Впрочем, к чему вспоминать о них. Все они ведьмы.

Я уже был слепым и раньше, в восемнадцатом веке, произошло это на Отражении Земля после сильной вспышки пороха. Слепота моя продолжалась около месяца, и зрение постепенно ко мне вернулось. Эрик же лишил меня глаз навечно. Я часто просыпался в холодном поту от собственного крика, весь дрожа, потому что мне мерещился железный прут, на мгновение застывший прямо перед глазами затем прикоснувшийся к ним!.. Я застонал, вскочил с тюфяка и начал ходить по камере.

Нет ничего страшнее чувства беспомощности, а я был бессилен что-либо изменить. Как ребенок в утробе матери. Я продал бы душу дьяволу, лишь

бы вновь стать сильным и здоровым. Я продал бы ее и за меньшее: возможность вернуть зрение хотя бы на час и остаться наедине с Эриком, пока я буду драться с ним на дуэли. Я лег ни тюфяк и заснул. Когда я проснулся, у двери стоял поднос с хлебом и водой. Я поел и вновь принялся мерить шагами камеру. Ногти на моих руках и ногах отросли до безобразия. Борода спускалась ниже пояса, волосы падали на лицо. Тело было грязным и вонючим и все время чесалось. Может быть, по мне ползали вши. Я никогда не думал, что принца Амбера можно довести до такого состояния, и поэтому задыхался от бессильной ярости. С детских лет я привык считать нас высшими существами: идеально чистыми, хладнокровными, несокрушимыми, совсем такими, как на картах. Я ошибался.

Впрочем, подобно многим людям, мы были изобретательны. Я рассказывал сам себе различные истории, представлял всевозможные ситуации, вспоминал самые приятные минуты своей жизни и их было немало. Я мечтал оказаться на воле, где дул ветер, шли дожди и снег, грело солнце. На Отражении Земля у меня был собственный небольшой самолет, и я всегда наслаждался чувством полета. Передо мной

распахивалось голубое небо, а внизу лежали миниатюрные города или чистое пространство океана. Я думал о женщинах, которых любил, веселых вечеринках, полях сражений. Но рано или поздно мысли мои вновь возвращались к Амберу. В одну из таких минут мои слезные железы неожиданно начали функционировать, и я заплакал.

Прошло много дней, о которых я ничего не помню. Но однажды, проснувшись, я услышал скрип ключа в замке. Рейн приходил ко мне так давно, что я забыл и вкус вина, и запах сигарет. Я потерял представление о времени. В коридоре стояло двое людей. Я понял это, прислушиваясь к их шагам, прежде чем дверь распахнулась и Джулиан произнес мое имя. Я ответил не сразу, и он повторил:

— Корвин? Подойди ко мне.

Неповиновение ни к чему бы не привело, поэтому я встал, подошел к двери и остановился, почувствовав, что Джулиан рядом.

— Что тебе надо? — спросил я.

— Пойдем со мной. — И он взял меня за руку.

Мы шли по коридору, и Джулиан молчал, а я скорее умер бы, чем заговорил первым. Судя по эху шагов, сначала мы очутились в большом зале,

потом поднялись по лестнице и в конце концов попали во дворец. Меня привели в какое-то помещение и усадили на стул. Парикмахер залязгал ножницами, подрезая мне волосы, затем спросил (я не узнал его голоса), желаю я подстричь или побрить бороду.

— Побрить, — ответил я.

Затем маникюрша принялась усердно работать над моими ногтями. Меня помыли, а после ванной помогли облачиться в чистую одежду, которая висела на мне, как на вешалке. Я совсем забыл, что сильно похудел. Вскоре меня отвели в другое помещение, где звучала музыка, вкусно пахло и слышался веселый смех. Я понял, что нахожусь в Банкетном зале дворца. Когда Джулиан усадил меня за стол, шум голосов несколько утих. Прозвучали фанфары, и меня заставили подняться на ноги. Я услышал тост, который громко произнес Каин:

— За Эрика Первого, короля Амбера! Да здравствует король!

Я не стал пить, но, казалось, этого никто не заметил. Я старался наесться до отвала, потому что так вкусно меня не кормили ровно год. Из застольных бесед я понял, что сегодня — годовщина коронации Эрика. Со мной никто не

разговаривал, я ни к кому не обращался: Корвин присутствовал, но Корвина не существовало. Таким образом Эрик хотел меня унизить, а заодно напомнить братьям, что он не пощадит тех, кто осмелится посягнуть на его власть. К тому же им было приказано забыть мое имя. Банкет продолжался далеко за полночь. Кто-то все время подливал мне вина в бокал (и на том спасибо), а я сидел, чуть развалясь, и слушал музыку. Когда столы убрали, меня усадили в уголок, чтобы я не мешал людям танцевать. Я напился, как сапожник, и наутро был втащен в камеру чуть ли не волоком. К великому моему сожалению, я напился не до такой степени, чтобы меня вытошнило на пол или на чей-нибудь шикарный костюм.

Так закончился первый год моей тьмы.

Я не стану докучать вам ненужными повторами. Второй и третий годы моего заточения ничем не отличались от первого и завершались банкетами в честь Эрика. В течение второго года Рейн приходил дважды. Он приносил мне полные корзинки продуктов и сообщал вороха новостей. В третий год он спускался в подземелье шесть раз, почти каждые два месяца. Я говорил ему, что рисковать глупо, съедал все, что он приносил, и жадно выслушивал новости. Дела в Амбере

шли неважно. Непонятные существа из других Отражений бесчинствовали в реальном мире. Их уничтожали. Эрик не мог понять, что происходит. Я не рассказал Рейну о своем проклятье, но в душе порадовался, что оно сбывается.

Рэндом все еще был пленником. Его жена добилась своего и жила вместе с ним. Положение остальных моих братьев и сестер оставалось неизменным.

Пошел четвертый год моего заключения, когда это произошло. Это! На радостях я откупорил последнюю бутылку вина и распечатал последнюю пачку сигарет, которые держал про запас. Я курил сигареты, пил вино и наслаждался мыслью о том что победил Эрика. Узнай он о случившемся, мне пришел бы конец. Но я был уверен, что он ни о чем не подозревает. Поэтому я пил, курил, веселился и в свете того, что произошло, строил планы. Да, да, именно в свете! Справа от себя я видел небольшое яркое пятно! А теперь вспоминайте: я проснулся на больничной койке и узнал, что поправился слишком быстро. Вам ясно? С точки зрения медицины переломы у меня срастаются практически мгновенно. Впрочем, как у всех членов нашей семьи. Я заболел чумой и выздоровел. Я вынес все тяготы похода

на Москву… Никто не регенерирует так быстро, как я. Когда-то мне говорил об этом Наполеон. И генерал Макартур. Регенерация нервных тканей заняла у меня больше времени. Ничего удивительного. Это прекрасное яркое пятно справа означало только одно: ко мне вернулось зрение. Спустя некоторое время я понял, что свет проникал сквозь зарешеченное окошко и двери моей камеры. Прошло более трех лет, и я использовал тот самый шанс из миллиона, о котором говорил раньше. Эрик не обладал такими способностями, поэтому вряд ли мог предположить, что я вновь стану зрячим. Но я знал, что мои нервные клетки регенерируют. Во время франко-прусской войны я сломал позвоночник, и меня парализовало. Через два года я бегал, позабыв о болезни. И я с самого начала надеялся, что сумею вырастить новые глаза, хотя они и были выжжены каленым железом. Моя безумная надежда сбылась. Зрение ко мне вернулось.

Сколько времени осталось до четвертой годовщины коронации Эрика? Сердце сильно забилось в моей груди. Как только кто-нибудь заметит, что я зрячий, мне немедленно выжгут глаза. Следовательно, необходимо бежать из тюрьмы, пока год не закончился. Но как? Раньше я не

задумывался о побеге. Какой смысл бежать из камеры, не зная, куда идти дальше? Я был слеп, а на постороннюю помощь рассчитывать не приходилось. Но сейчас… Тяжелая деревянная дверь была обшита медными полосами. В ней имелись два отверстия: крохотное зарешеченное окошко для наблюдений, примерно на пятифутовой высоте, и небольшие воротца в нижнем углу, сквозь которые подавался поднос с пищей. Кроме слабого света, проникавшего сквозь зарешеченное окошко, я ничего не видел. Во-первых, зрение еще не вернулось ко мне полностью, а во-вторых, насколько я знал, в подземных темницах Амбера всегда царила непроницаемая тьма.

Я закурил сигарету и стал ходить из угла в угол, думая о побеге. В моем распоряжении были моя одежда, тюфяк и сколько угодно затхлой сырой соломы, разбросанной по полу. У меня оставались также несколько коробков спичек, но мысль о поджоге я отверг. Я сомневался, и не без основания, что в случае пожара меня кинутся спасать. Кроме того, я являлся счастливым обладателем ложки, украденной на последнем банкете. Я хотел стянуть нож, но Джулиан поймал меня на месте преступления. К счастью, он не видел, что незадолго до этого я засунул в сапог ложку.

Мог ли я совершить побег с помощью ложки? Я часто слышал рассказы об узниках, которые умудрялись прокопать подземный ход чуть ли не пряжкой от пояса. Но у меня не было ни пояса, ни времени на подвиги в духе графа Монте-Кристо. Если я не сумею убежать в течение нескольких месяцев, мне придется расстаться с моими новыми глазами.

Я вновь подошел к двери. Цельнодубовая панель, обтянутая четырьмя медными полосами. Одна полоса сверху, другая — снизу, над воротцами, и две — перпендикулярно, по обе стороны квадратного зарешеченного окошка. Я знал, что дверь открывается наружу и замок находится с левой стороны. Память услужливо подсказала, что помимо замка существует еще тяжелый засов, и что толщина панели — два дюйма. Налегая на дверь плечом, я точно определил место, где находится замок, придвинул тюфяк, чтобы удобнее было стоять на коленях, и ручкой ложки очертил квадрат, который мне следовало прорубить. Я работал до тех пор, пока рука не стала свинцовой от усталости, наверное, несколько часов. Затем провел пальцами по деревянной поверхности. Я добился немногого, но ведь это было только началом. Взяв ложку в левую руку, я продолжал

трудиться. Все время я жил надеждой, что скоро явится Рейн. Я не сомневался, что мне удастся уговорить его отдать кинжал. Однако он все не появлялся, и я продолжал потихоньку снимать стружку с двери. Я работал день за днем, не покладая рук, и вскоре вгрызся в дерево примерно на полдюйма. Каждый раз, когда раздавались шаги стражника, я убирал тюфяк на прежнее место и ложился спиной к двери. Как только стражник уходил, я возобновлял работу. Но вскоре, как ни обидно, мне пришлось сделать перерыв, и довольно продолжительный. Дело в том, что руки мои, хоть я и заворачивал их в тряпки, на которые рвал одежду, покрылись водяными пузырями. Пузыри полопались, и в конце концов я стер ладони и пальцы в кровь. Пришлось отложить ложку в сторону, а свободное время посвятить составлению планов на будущее.

Проделав отверстие в двери и отрыв замок, я подниму засов. Шум от его падения, естественно, привлечет внимание стражника. Но я успею выйти из камеры. Он, естественно, вооружен. Мне придется с ним драться. Зная, что я ослеп, стражник не станет меня бояться. А может, и станет, если слышал, как мы с Блейзом сражались на лестнице, ведущей в Амбер. Стражника придется

убить, и тогда я буду вооружен. Я схватил себя левой рукой за правый бицепс и напряг мускулы. О боже! Я совсем высох! Как бы то ни было, во мне текла королевская кровь, и я чувствовал, что даже в ослабленном состоянии сумею справиться с обычным человеком. Может быть, я обманывал себя, но вскоре мне придется проверить свои силы на деле.

Если этот план удастся и в моих руках окажется шпага, ничто меня не остановит. Я доберусь до Лабиринта, пройду его и перемещусь на любое Отражение. Я залечу свои раны и не стану спешить. Пусть пройдет сто лет, но я нападу на Амбер не раньше, чем буду уверен в победе. В конце концов, формально я был королем Амбера. Разве я не короновал себя в присутствии всех прежде, чем Эрик? Это послужит мне оправданием, когда я отправлюсь на войну за трон. Если бы только можно было управлять Отражениями, не выходя из Амбера! Тогда мне не пришлось бы проходить Лабиринт. Но мой Амбер — центр Вселенной, и уйти из него не просто.

Руки мои зажили примерно через месяц: от грубой работы на них образовались жесткие мозоли. Я ощупал то, что удалось уже выдолбить. Углубление составляло примерно половину тол-

щины двери. Я взялся за ложку, но в это время раздались шаги стражника. Быстро оттащив тюфяк, я улегся на него спиной к двери. Воротца скрипнули, раздался стук подноса об пол, и шаги стали удаляться. Я заранее знал, что мне принесли: кружку воды, ломоть заплесневелого хлеба и, если повезло, кусок сыра. Я решил перекусить чуть позже и вновь принялся за работу. Затем я услышал смешок. Он раздался совсем рядом, за моей спиной. Я повернулся, хотя и так было ясно, что в моей камере кто-то появился. Он стоял у левой стены и хихикал.

— Кто здесь? — спросил я, и голос мой прозвучал как-то странно. Впрочем, это были первые слова, которые я произнес за долгое-долгое время.

— Узник, — произнес незнакомец, — хочет удрать. — И он опять захихикал.

— Как вы сюда попали?

— Взял и пришел.

— Но как? Откуда?

Я зажег спичку, и стало больно глазам. Я поднял ее повыше. Передо мной стоял горбун меньше пяти футов ростом. Почти карлик. Борода и волосы у него были почти такими же длинными, как у меня. Из-под волос, закрывающих все лицо, торчал большой крючковатый нос и блестели

черные глаза.

— Дворкин! — воскликнул я.

Он опять захихикал.

— Верно. А тебя как зовут?

— Неужели вы не узнали меня, Дворкин? — Я зажег еще одну спичку и поднес к своему лицу. — Посмотрите внимательно. Не обращайте внимания на бороду и волосы. Прибавьте сотню фунтов к моему весу. Вы ведь рисовали меня со всевозможными подробностями для нескольких колод игральных карт.

— Корвин, — сказал он после недолгого раздумья. — Я тебя помню. Конечно, помню.

— Я думал, вас давно нет в живых.

— А я жив. Видишь? — И он сделал пируэт. — Как поживает твой отец? Ты давно его видел? Это он засадил тебя в тюрьму?

— Оберон исчез, — ответил я. — В Амбере правит Эрик, и я — его пленник.

— Значит, я главнее тебя, — заявил Дворкин, — потому что я — пленник Оберона.

— Вот как? Разве вас арестовали?

Я услышал, как он заплакал, и лишь несколько минут спустя произнес:

— Да. Оберон мне не доверял.

— Почему?

— Я сказал ему, что нашел способ уничтожить Амбер, и объяснил, как это сделать. А он взял и засадил меня в темницу.

— Некрасиво с его стороны, — посочувствовал я.

— Знаю, — согласился он. — Но король выделил мне прекрасные комнаты и создал все условия для работы. Правда, через некоторое время он перестал меня навещать. Сначала он приводил с собой людей, которые показывали мне какие-то чернильные кляксы и просили сочинить о них разные истории. Было страшно интересно, но однажды я сочинил историю, которая мне самому не понравилась, и человек превратился в лягушку. Оберон ужасно разозлился, когда я отказался превратить его обратно, и перестал ко мне приходить. Я так давно никого не видел и ни с кем не разговаривал, что сейчас соглашусь превратить лягушку в человека, если только король пожелает. Однажды…

— Как вы попали в мою камеру? — прервал я его излияния.

— Ты уже спрашивал. Взял и пришел.

— Но как? Сквозь стену?

— Конечно, нет. Сквозь отражение стены.

— Этого не может быть. В Амбере нет Отра-

жений.

— Видишь ли… я сжульничал, — признался он.

— Как?

— Нарисовал новую карту. Мне ужасно хотелось посмотреть, что новенького… Ох ты! Только что вспомнил! Оставил ее дома, и теперь не смогу вернуться. У тебя не найдется что-нибудь перекусить? И то, чем рисуют? И то, на чем рисуют?

— Возьмите кусок хлеба, — предложил я, протягивая свой скудный паек. — И заодно немного сыра.

— Спасибо тебе, Корвин. — И он накинулся на еду, как будто голодал целую вечность, а затем выпил всю мою воду. — А теперь, если ты дашь мне перо и лист пергамента, я вернусь домой. Хочу прочитать одну книгу. Приятно было побеседовать. Жаль, что Эрик тебя упрятал. Когда-нибудь я тебя навещу, и мы опять поболтаем. Если увидишь отца, передай, пожалуйста, чтобы он не сердился за…

— У меня нет ни пера, ни пергамента, — сказал я.

— О господи! — воскликнул он. — Какое невежество!

— Знаю. Эрик никогда не был образованным человеком.

— Ну хорошо. — Дворкин вздохнул. — А что у тебя есть? Моя комната нравится мне больше твоей. По крайней мере, там светлее.

— Мы с вами разделили обед, — на всякий случай напомнил я, — и сейчас мне хочется попросить вас об одной услуге. Если вы исполните мою просьбу, обещаю, что постараюсь помирить вас с отцом.

— Чего ты хочешь?

— На протяжении многих лет я был горячим поклонником вашего таланта, — ответил я, — и мне всегда хотелось иметь картину, написанную вашей рукой. Помните ли вы маяк на острове Кабра?

— Конечно. Я много раз бывал там и прекрасно знаю его хранителя, Жупена. Мы с ним частенько играли в шахматы.

— Больше всего на свете я мечтаю увидеть набросок этой серой башни в вашем магическом исполнении. Всю жизнь мечтал.

— Твою просьбу легко выполнить. И место ты выбрал приятное, ничего не скажешь. Я действительно делал когда-то такие наброски острова, но как-то никогда не удавалось к ним вернуться. Слишком много было другой работы. Если хочешь, я тебе их подарю.

— Нет. Я хочу иметь картину, которая постоянно находилась бы перед моими глазами и заодно скрашивала существование узников, которых посадят в эту камеру после меня.

— Я тебя понимаю. Но на чем же мне рисовать?

— У меня есть стило, — ответил я (ручка ложки здорово стерлась и заострилась), — а рисовать вы можете на противоположной стене. Мне хочется наслаждаться искусством, когда я прилягу отдохнуть.

Он долго обдумывал мои слова, потом неуверенно произнес:

— Здесь очень плохое освещение.

— В нашем распоряжении несколько коробков спичек. Я буду зажигать их по одной и держать перед вами. Если не хватит спичек, можно будет спалить немного соломы.

— Работать в таких ужасных условиях… — ворчливо произнес он, но я его перебил.

— Знаю, — сказал я. — И прошу прощенья, о великий Дворкин, но других условий мне — увы! — не создать. Зато картина, нарисованная рукой гения, скрасит мое жалкое существование и согреет меня в минуту скорби.

Он опять захихикал.

— Хорошо. Но ты обещаешь посветить мне потом, чтобы я мог сделать необходимый рисунок и вернуться домой?

— Обещаю. — Я сунул руку в карман. У меня оставались три полных коробка спичек и один только начатый. Я дал Дворкину ложку и подвел его к стене. — Появилось ли у вас чувство инструмента?

— Да. Ведь это — заостренная ложка, верно?

— Верно. Я зажгу спичку, как только вы скажете, что готовы. Вам придется рисовать быстро, потому что запас спичек ограничен. Половину спичек я израсходую на картину маяка, а вторую половину — на ваш рисунок.

— Ладно, — согласился он. Я зажег спичку, и Дворкин тут же провел первую линию по серой сырой стене.

Прежде всего он очертил большой прямоугольник, являющийся рамой картины, Несколько четких, уверенных штрихов, и передо мной начали вырисовываться очертания маяка. Уму непостижимо. Этот старый, немного придурковатый человек не потерял своей волшебной силы. Когда спичка догорала до середины, я плевал на большой и указательный пальцы левой руки, брался за сгоревший конец и ждал, пока она дого-

рит, прежде чем зажечь новую. Первый коробок спичек закончился, но Дворкин уже нарисовал башню и сейчас работал над морем и небом. Я вдохновлял его, одобрительно бормоча всякую чушь.

— Замечательно, просто замечательно! — воскликнул я, когда картина была готова. Но он заставил меня истратить еще одну спичку, потому что забыл подписаться.

— А теперь давай восхищаться моим шедевром вместе, — заявил он.

— Если вы хотите вернуться домой, вам придется смириться, что я буду восхищаться им за нас обоих, — сказал я. — На обсуждение картины спичек не хватит.

Он немного поворчал, но тем не менее подошел к другой стене и принялся рисовать. На серой поверхности появился рисунок небольшого кабинета: стол, череп на столе, стеллажи, заваленные книгами до самого потолка.

— Ловко получается, — одобрительно пробормотал он.

Я достал четвертый, начатый коробок, и мне пришлось истратить еще шесть спичек, пока он исправлял какие-то детали и подписывался. Когда я зажег следующую спичку (у меня остались

всего две), Дворкин пристально уставился на рисунок, сделал шаг вперед и исчез. От неожиданности я обжегся и выронил спичку на пол. Она упала на сырую солому и, зашипев, погасла. Я стоял, весь дрожа, полный неизъяснимых чувств, и внезапно вновь услышал его голос. Дворкин вернулся.

— Послушай, — сказал он, — совсем забыл тебя спросить. Как ты будешь любоваться моей картиной, если здесь ничего не видно?

— Я хорошо вижу в темноте. Мы с ней старые друзья.

— О, понимаю! Спасибо, что объяснил. А теперь посвети мне, и я вернусь домой.

— Хорошо, — согласился я, беря в руки предпоследнюю спичку. — Но если вам захочется навестить меня еще раз, приходите со своим освещением. Спички кончились.

— Ладно. — Я зажег спичку, и Дворкин, окинув свой рисунок критическим взглядом, подошел к нему и вновь исчез. Я быстро повернулся и посмотрел на маяк Кабры, прежде чем спичка погасла.

Да, картина жила своей жизнью, и в ней чувствовалась та самая волшебная сила. Смогу ли я воспользоваться ею? Ведь у меня осталась всего

одна спичка. Конечно, нет. Я находился не в том состоянии, чтобы быстро сконцентрироваться. Мысль о том, что я могу остаться в заточении, когда путь на свободу открыт, чуть не свела меня с ума. Необходимо было добыть огонь, хотя бы ненадолго.

Тюфяк!

Льняная ткань, набитая все той же соломой, но наверняка более сухой, чем на полу. Лен тоже горит неплохо. Я расчистил пол до камня, убрав всю мокрую солому. Потом стал искать ложку, чтобы вспороть тюфяк, и, не удержавшись, выругался. Дворкин унес ее с собой. Я принялся раздирать тюфяк руками, и через некоторое время раздался треск рвущейся ткани. Я достал солому из середины, сложил ее небольшой кучкой, а рядом на всякий случай положил кусок материи. Мне не хотелось сжигать ее без надобности. Чем меньше дыма, тем лучше. Вдруг его заметит стражник? Правда, это было маловероятно, потому что паек мне уже принесли, а кормили здесь, один раз в день. Я зажег последнюю спичку и первым делом поднес ее к пустому коробку, когда он разгорелся, положил его на солому. Мой небольшой костер начал затухать. Солома оказалась более сырой, чем я предполагал, хоть я и достал ее из середины

тюфяка. Слава богу, я не успел еще выбросить пустые коробки из-под спичек, и с их помощью огонь вновь начал разгораться. Я взял в левую руку кусок льняной ткани и выпрямился, глядя на картину. Постепенно язычки пламени начали подниматься вверх, освещая противоположную стену. Я смотрел на серую башню, пытаясь вспомнить, когда видел ее в последний раз. Мне показалось, я слышу крик чайки. Свежий, напоенный морскими ароматами ветерок пахнул мне в лицо. Я бросил кусок льняной ткани в огонь, и пламя утихло на секунду, потом разгорелось вновь. Все это время я смотрел на картину, не отрываясь. Рука великого Дворкина сохранила свою волшебную силу, потому что вскоре маяк начал казаться мне таким же реальным, как моя камера. Затем он стал единственной реальностью, а камера лишь отражением за моей спиной. Я услышал плеск волн, почувствовал, как меня пригревает послеполуденное солнце. Я сделал шаг вперед, но не наступил на свой костер. Я стоял на небольшом песчаном пляже скалистого острова Кабра. Впереди высилось большое серое здание маяка, освещавшего по ночам водный путь кораблям Амбера. Амбер находился в сорока трех милях от острова, за моим левым плечом.

Я больше не был узником.

Я поднялся по каменной лестнице, ведущей к зданию маяка, и остановился перед высокой, тяжелой и водонепроницаемой дверью. Позади меня, ярдах в трехстах, виднелась небольшая бухта, в которой стояли весельная лодка и небольшой парусник с кабинкой. Какое-то время я не мог оторвать взгляда от этой картины, показавшейся мне фантастической после долгого заключения. Я с трудом удержал рыдания, готовые вырваться из моей груди. Отвернувшись от бухты, я постучал в дверь. Мне пришлось стучать еще два раза, прежде чем я услышал внутри какую-то возню, и дверь распахнулась, заскрипев ржавыми петлями. Жупен, хранитель маяка, оглядел меня с головы до ног налитыми кровью глазами. От него пахло виски. Он был меньше пяти с половиной футов ростом и так сгорбился, что невольно напоминал мне Дворкина. Его борода пепельно-серого цвета с желтыми пятнами у пересохших губ свисала ниже пояса и казалась еще длиннее моей. Пористую кожу, напоминавшую корку апельсина, солнце сожгло до такой степени, что она походила цветом на красное дерево. Как большинство людей, которые плохо слышат, он заговорил громким голосом:

— Кто вы? Что вам угодно?

Меня вполне устраивало, что я стал неузнаваем.

— Путешественник с юга, который недавно потерпел кораблекрушение, — ответил я. — Много дней носило меня по волнам на обломке судна и лишь сегодня прибило к этому острову. Все утро я лежал на берегу, а когда пришел в сознание, едва нашел в себе силы добраться до маяка.

Жупен шагнул вперед, взял меня за руку и обнял за плечи.

— Входи, входи скорее! — воскликнул он. — Обопрись о меня, не бойся. Все обойдется. Пойдем со мной.

Он привел меня в свою комнату, на удивление захламленную старыми книгами, морскими картами и всевозможными навигационными приборами. Жупен не очень твердо держался на ногах, поэтому я старался не слишком сильно на него наваливаться, одновременно всем своим видом показывая, как я ослаб. Я даже прислонился к дверному косяку, словно не в силах был идти дальше. Он подвел меня к небольшой койке, предложил прилечь и ушел, чтобы запереть дверь и приготовить обед. Я снял сапоги и вновь их надел, посмотрев на свои грязные ноги. Чело-

век, проведший несколько дней в море, не мог быть таким грязным, а мне совсем не хотелось, чтобы Жупен с первой минуты уличил меня во лжи. Я натянул на себя одеяло и с наслаждением откинулся на подушки.

Жупен вернулся довольно быстро. В руках он держал деревянный поднос с кружкой воды, кружкой пива, большим куском жареной говядины и половиной каравая. Локтем он спихнул с маленького столика какие-то бумаги и ногой пододвинул его к кровати. Поставив поднос на столик, он велел мне угощаться. Я не заставил себя упрашивать. Я глотал пищу, почти не разжевывая, и ничего не мог с собой поделать. Я съел все до крошки и выпил обе кружки до дна. Затем я понял, что смертельно устал. Увидев, что у меня смыкаются веки, Жупен понимающе кивнул и пожелал мне хорошо выспаться. Я заснул мгновенно.

Проснулся глубокой ночью, чувствуя, что впервые за много недель отдохнул по-настоящему. Я встал, направился к входной двери и вышел. Было прохладно, и на кристально чистом небе горели, казалось, миллионы звезд. Огонь маяка на вершине башни то вспыхивал, то гас, бросая отсветы мне в спину. Я спустился к морю.

Мне необходимо было привести себя в порядок, поэтому я выкупался (хоть вода и показалась мне ледяной), выстирал одежду и тщательно ее выжал. Примерно через час я вернулся на маяк, развесил одежду по спинкам стульев, чтобы высохла к утру, забрался под одеяло и заснул.

Наутро, когда я проснулся, Жупен уже был на ногах. Он приготовил обильный завтрак, с которым я расправился точно так же, как со вчерашним ужином. Одолжив бритву, зеркало и ножницы, я кое-как побрился и подстригся, а затем вновь отправился купаться, после чего надел чистую, просоленную морской водой одежду и почувствовал себя человеком. Когда я вернулся на маяк, Жупен внимательно посмотрел на меня и проворчал:

— Что-то ты кажешься мне знакомым, парень, — Я пожал плечами, и он требовательно произнес: — Расскажи о кораблекрушении.

Я удовлетворил его просьбу. Чего только я не плел! Какие ужасные подробности не вспоминал! Вплоть до сломавшейся грот-мачты, с треском рухнувшей на палубу. Он потрепал меня по плечу, налил рюмку виски, угостил сигарой и держал спичку, пока я прикуривал.

— Отдыхай спокойно и ни о чем не думай. Я

свезу тебя на берег, когда захочешь, или посигналю какому-то кораблю, если он окажется тебе знаком.

Я воспользовался его гостеприимством. Мне необходимо было остаться на острове хотя бы ненадолго. Жупен кормил меня, поил и даже подарил рубашку, принадлежавшую его другу, который утонул в море. Я жил на маяке в течение трех месяцев и постепенно набирался сил. Я помогал Жупену, чем мог. Следил за маяком, убирал комнаты в доме (даже выкрасил две из них и заменил оконные переплеты). Очень часто мы вместе смотрели на море, в особенности когда бушевал шторм.

Жупен абсолютно не интересовался политикой. Ему было безразлично, кто правит в Амбере. По его мнению, все мы были разгильдяями. Он обслуживал маяк, вкусно ел, пил хорошее вино, составлял морские карты и плевать хотел на то, что происходило в городе. Он нравился мне все больше и больше, а так как я тоже неплохо разбирался в морских картах, мы проводили долгие вечера, внося в них исправления. Когда-то давно я совершил морское путешествие к северу от Амбера и по памяти составил для Жупена новую карту, основанную на моих личных наблюдени-

ях. Это доставило ему огромное удовольствие.

— Кори (так я ему представился), мне бы хотелось когда-нибудь уйти в плавание вместе с тобой. Я сначала не понял, что ты был капитаном.

— Кто знает, что готовит нам будущее, — сказал я. — Ведь ты тоже когда-то был капитаном.

— Откуда ты знаешь?

Честно говоря, я об этом вспомнил, но не стал, естественно, болтать лишнего, а просто махнул рукой в сторону книг и навигационных приборов.

— Нетрудно догадаться, глядя на эту коллекцию. К тому же ты любишь составлять морские карты. И разговариваешь, как человек, привыкший командовать.

Он улыбнулся.

— Да. Ты прав. В течение ста лет я командовал кораблем. Но это было так давно… Давай выпьем.

Я сделал маленький глоток и отставил рюмку в сторону. За три месяца я прибавил в весе фунтов сорок и сейчас боялся, что Жупен меня узнает и, может быть, выдаст Эрику. Правда, мы сильно подружились, и я не думал, что он так поступит, но рисковать мне все же не хотелось. Очень ча-

сто, обслуживая маяк, я размышлял. Не пора ли мне покинуть остров? Пора, решил я, добавляя в лампу несколько капель жира. Пришло время отправиться в путь, на Отражения. Однажды, гуляя по берегу, я почувствовал давление на мозг, мягкое, вопросительное. В ту же секунду я замер, закрыл глаза и заставил себя ни о чем не думать. Минут через пять давление исчезло. Я продолжил прогулку и неожиданно заметил, что хожу по ограниченному пространству, словно все еще нахожусь в камере. Я улыбнулся.

Кто-то достал из колоды мою карту и попытался со мной связаться. Эрик? Может, ему стало наконец известно, что я бежал, и он решил выяснить, где я нахожусь? Навряд ли. Я чувствовал, что он боится контактов со мной после того, как я подавил его волю. Тогда кто? Джулиан? Жерар? Каин? Кем бы он ни был, я знал, что мне удалось закрыться, и моя судьба осталась ему не известна. Я не собирался поддерживать отношений со своими братьями и сестрами. Может быть, я не узнаю важных новостей и не получу дружеской помощи, но лучше остаться одному и в неведении, чем рисковать жизнью. Внезапно меня стал бить озноб. Я много думал в тот день и решил, что пришла пора трогаться в путь. Находясь так близ-

ко от Амбера, я был слишком уязвим. Чувствовал я себя совсем неплохо, и Отражения манили меня. Пребывание у Жупена внесло покой в мою душу. Тяжело будет расставаться с человеком, к которому я успел привязаться за эти три месяца. И все же однажды вечером после традиционной партии в шахматы я объявил ему о своем намерении покинуть остров.

Он налил виски, поднял рюмку и сказал:

— Счастливого пути, Корвин. Надеюсь, мы еще увидимся.

Я ни о чем не спросил, услышав свое настоящее имя, и он улыбнулся, понимая, что я оценил его тактичность.

— Ты хороший человек, Жупен, — сказал я. — И если мне удастся задуманное, я о тебе не забуду.

Он покачал головой.

— Мне ничего не нужно. Я люблю свою работу. Радуюсь, обслуживая этот дурацкий маяк. И если тебе удастся задуманное — нет, нет, ради бога, я не хочу знать, что именно, — заходи изредка на огонек сыграть со мной партию в шахматы.

— Обязательно, — пообещал я.

— Можешь взять «Бабочку». (Так назывался его небольшой парусник).

— Спасибо.

— Прежде чем ты покинешь остров, — сказал он, — я советую тебе взять подзорную трубу, взобраться на башню и посмотреть на Гарнатскую долину.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Сам увидишь.

— Хорошо. Сделаю.

Потом мы пили виски и болтали о всяких пустяках и в конце концов стали устраиваться на ночлег. Мне будет недоставать старика Жупена. За исключением Рейна, он был единственным другом, которого я нашел по возвращении в Амбер. Засыпая, я думал о Гарнатской долине, пылавшей огнем четыре года назад. Что могло измениться за это время? Мне снились оборотни и шабаш ведьм. Я спал, а над моей головой поднималась полная луна.

Я проснулся на рассвете. Жупен еще спал, и я обрадовался, потому что не люблю долгих прощаний. К тому же вчера у меня возникло предчувствие, что я вижу его в последний раз в жизни. Прихватив с собой подзорную трубу, я взобрался на башню, подошел к окну небольшой комнаты и стал смотреть на долину. Над лесом висел туман. Это был холодный, серый туман, казалось,

прилипший к верхушкам низкорослых черных деревьев. Корявые ветви переплелись вместе, словно пальцы паралитика. Среди них сновали черные тени, напоминающие очертаниями летучих мышей. Чья-то злая воля чувствовалась в великом лесу, и внезапно я понял, чья именно. Это была моя злая воля. Своим проклятьем я переродил Гарнатскую долину, сделал ее символом ненависти к Эрику и всем тем, кто не воспротивился исполнению его зверского приговора. Мне стало неприятно, хотя я знал, что вижу часть самого себя.

Я открыл новый путь в реальный мир. Гарнатский лес стал тропинкой сквозь мрачные и суровые Отражения, по которым шествовало зло. Я вспомнил, что Рейн говорил мне о загадочных существах, беспокоивших Эрика. Хорошо, конечно, если борьба с ними займет все его свободное время. Но, складывая подзорную трубу, я никак не мог отделаться от ощущения, что поступил неправильно. Правда, произнося проклятье, я не знал еще, что когда-нибудь увижу солнечный свет. Но сейчас зрение ко мне вернулось, и я понял, что выпустил из бутылки джинна, которого нелегко будет загнать обратно. Даже невооруженным глазом были видны какие-то странные

силуэты, двигавшиеся в этом лесу. Я сделал то, чего никто и никогда не делал со времен правления Оберона: открыл путь в Амбер. Путь для темных сил. Придет день, когда король Амбера (кто бы им ни был) должен будет закрыть этот путь. Я вновь посмотрел на Гарнатскую долину — символ моей боли, моего гнева, моей ненависти. Если когда-нибудь я выиграю битву за Амбер, мне придется исправить свою ошибку, а это всегда непросто. Я вздохнул. Что ж, быть по сему. А тем временем пусть Эрик разбирается, что к чему. Я не стану переживать, если у него прибавится головных болей.

Быстро перекусив, я снарядил «Бабочку», натянул паруса, оттолкнулся от берега и сел к штурвалу. Жупен обычно вставал очень рано, но, может быть, он тоже не любил долгих прощаний. Я держал курс на землю, почти такую же прекрасную, как Амбер. В давние-давние времена она исчезла, поглощенная Хаосом, но где-то должно было остаться ее Отражение. Я найду его, как нашел когда-то, вновь сделаю своим, и за моей спиной будет стоять непобедимое войско. Затем я приготовлю еще один сюрприз. Пока я не знал, что у меня получится, но, тем не менее, обещал себе, что день моего возвращения в бессмерт-

ный город ознаменуется залпами ружейных выстрелов.

Я начал управлять Отражениями, и белая птица моей судьбы прилетела, усевшись на правое плечо, а я написал записку, привязал к ноге птицы и послал ее в путь. В записке было сказано: «Я иду». И стояла моя подпись.

Я не успокоюсь, пока не отомщу, а когда трон окажется моим, берегитесь, милый принц и те, кто осмелился встать на моем пути. Солнце висело над моим левым плечом, а ветер надувал паруса и уносил меня вдаль. Я выругался, потом засмеялся. Я бежал из тюрьмы и вынужден скрываться, но я обрел свободу. И у меня появился шанс, о котором я мечтал. Черная птица моей судьбы прилетела, усевшись на левое плечо, а я написал записку, привязал ее к ноге птицы и послал ее на запад. В записке было сказано:

«Эрик, я вернусь».

И стояла подпись: «Корвин, повелитель Амбера».

Демон-ветер нес меня к востоку от солнца.

Ружья Авалона

Сойдя на берег, я сказал: «Прощай, Бабочка!». Парусник медленно развернулся и поплыл обратно. Я знал, что он вернется в бухточку Кабры, потому что маяк находился неподалеку от Отражения, на котором я высадился. Обернувшись, я посмотрел на темную линию деревьев, понимая, что предстоит долгий путь. В молчаливом лесу дарила приятная предрассветная прохлада.

До обычного веса мне еще не хватало фунтов пятьдесят, и изредка у меня рябило в глазах, но постепенно я обретал прежнюю форму. Сумасшедший Дворкин помог мне бежать из темницы Амбера, пьянчужка Жупен окончательно поставил меня на ноги, и теперь я хотел найти подобие Отражения, которого больше не существовало. Избрав тропинку, я продолжал идти вперед. Через некоторое время остановился у высокого дерева, которое и должно было стоять на этом самом месте, засунул руку в большое дупло, вытащил свою серебряную шпагу и пристегнул к поясу. То, что она осталась в Амбере, не имело ровным счетом никакого значения.

Сейчас она была здесь, потому что лес находился на Отражении.

Я шел несколько часов, оставляя невидимое солнце позади за левым плечом. Затем, немного передохнув, двинулся дальше. Радовали взор опавшие листья, камни, пни, зеленеющие деревья, трава. Я с наслаждением впитывал в себя запахи земли, прислушивался к жужжащим, звенящим и чирикающим звукам. Боже! Как я восторгался своими глазами! Чувства, которые я испытывал после четырех лет полной тьмы, невозможно было передать словами. А само ощущение свободы! Полы моего старенького рваного плаща трепетали от порывов ветра. Должно быть, мне сейчас можно было дать пятьдесят: Истощенный, с морщинистым лицом… Вряд ли кто-нибудь узнал бы меня. Я шел, меняя Отражение за Отражением, но так и не попал, куда хотел. Наверное, я стал излишне сентиментальным. Вот что произошло…

На обочине дороги я увидел шесть трупов. Они лежали в самых разнообразных позах и кровь давно перестала течь из отсеченных конечностей. Тут же находился оставшийся в живых человек. Он полусидел, опираясь на покрытый мхом ствол гигант гигантского дуба, держа шпагу

поперек колен. Его серые глаза были полуоткрыты и подернуты поволокой, костлявые пальцы судорожно сжаты, громадная рваная рана в боку сильно кровоточила. Доспехов на нем, в отличие от некоторых мертвецов, не было. Дышал он тяжело и, насупив мохнатые брови, не отрывал взгляда от ворон, которые выклевывали у трупов глаза. Меня он, казалось, не заметил. Я поднял капюшон плаща и опустил голову, пряча лицо. Потом сделал несколько шагов вперед. Когда-то я знал этого человека, а может, такого же, как он, — с тех пор прошло много лет.

Когда я приблизился, он чуть поднял шпагу, направив острие мне в грудь.

— Я — Друг, — сказал я. — Хотите глоток воды?

Мгновение поколебавшись, он кивнул. Я протянул ему открытую фляжку, он выпил, закашлялся и вновь приложился к горлышку.

— Благодарю, сэр, — произнес он, отдышавшись. — Жаль, у вас нет ничего покрепче. Черт бы побрал эту царапину!

— Есть и покрепче. А вам можно?

Вместо ответа он протянул руку, и я дал ему другую фляжку. После первого глотка водки, которой меня снабдил Жупен, он закашлялся секунд на двадцать, не меньше, а затем слабо улыбнулся

и доверительно подмигнул мне.

— Сразу полегчало. Не возражаете, если я смочу этой штукой бок? Жаль, конечно, хорошего напитка, но…

— Забирайте все, если надо. Но ведь у вас дрожат руки. Хотите, помогу?

Он кивнул, и я расстегнул его кожаную куртку, не обращая внимания на многочисленные царапины на руках, груди и плечах. Затем срезал кинжалом рубашку, прилипшую к ране, тянувшейся по всему животу и доходившей до верхней части бедра. Стянув ее края руками, я вытер кровь шейным платком.

— Начали, — сказал я. — Сожмите зубы и отвернитесь.

Когда я стал лить водку на открытую рану, тело его судорожно дернулось, потом задрожало мелкой дрожью. Но он так и не вскрикнул, в чем я был почему-то уверен. Сложив платок в несколько раз, я положил его на рану и туго перевязал полосой, оторванной от полы плаща.

— Хотите еще выпить? — спросил я.

— Воды. И мне необходимо хоть немного поспать.

Он сделал несколько глотков, и голова его склонилась на грудь. Я соорудил ему некое подобие

подушки, накрыл плащами мертвецов, сел рядом и стал наблюдать за красивыми черными птичками.

Он не узнал меня. И неудивительно. Если бы я ему открылся, он, возможно, вспомнил бы меня — ведь мы были знакомы, хотя никогда не встречались.

Я отправился в далекое путешествие на поиски Отражения, которое когда-то хорошо знал. Правда, оно было уничтожено, но я мог воссоздать его, поскольку Амбер отбрасывает бесконечное количество Отражений и любой человек королевской крови может управлять ими, как ему заблагорассудится. В моих жилах текла королевская кровь. Если вам больше нравится, можете называть Отражения параллельными мирами, тенями, альтернативными вселенными или плодом воображения расстроенного мозга. Лично я — впрочем, как и все мои братья и сестры — называю их Отражениями. Таким образом, можно сказать, что каждый из нас выбирает нужную ему вероятность и создает собственный мир. Но хватит об этом.

На паруснике, а затем пешком я отправился в Авалон. Я жил там много веков назад. Это долгая, сложная, удивительная и болезненно-мучитель-

ная история, и, может, я расскажу ее как-нибудь, если останусь в живых и успею закончить свое повествование. Я подходил все ближе и ближе к Авалону, когда увидел раненого рыцаря и шесть трупов. Конечно, я мог пройти мимо и на другом участке дороги встретиться с рыцарем, убившим шестерых бандитов и не получившим ни одной царапины, или, наоборот, с шестью целыми и невредимыми бандитами, которые весело смеялись бы, стоя над трупом рыцаря. Впрочем, многие скажут, что это не имеет значения, так как я перечисляю лишь вероятности, каждая из которых существует на одном из Отражений.

Окажись на моем месте любой из членов нашей семьи — пожалуй, за исключением Жерара и Бенедикта, — он прошел бы, ни на секунду не задумавшись, мимо, не остановясь. А я в последнее время стал самым настоящим мямлей. Раньше я таким не был. Возможно, пребывание на Отражении Земля смягчило мой характер, а может, длительное заключение в темнице Амбера заставило по-иному относиться к человеческим страданиям. Не знаю. Знаю только, что не смог остаться равнодушным, встретив тяжело раненного человека, двойник которого был когда-то моим другом. Но если б я прошептал

ему на ухо свое имя, то скорее всего услышал бы в ответ проклятия и наверняка приобрел бы смертельного врага. Что ж, долги надо отдавать. Я помогу ему, чем смогу, и пойду своей дорогой. Вряд ли я задержусь здесь надолго, и мне будет приятно оставить по себе добрую память. Через несколько часов он проснулся.

— Привет, — сказал я, вынимая пробку из фляжки с водой. — Хотите пить?

Он протянул руку и, напившись, облегченно вздохнул.

— Спасибо. А теперь прошу простить меня за плохие манеры, ведь я не успел представиться. Но…

— Я знаю вас, — перебил я. — А меня зовут Кори.

Он вопросительно поднял брови, словно на языке у него вертелся вопрос: «Кто? Кори?», но промолчал, понимающе кивнув.

— Очень рад, сэр Кори, — обратился он ко мне как к равному. — Примите мою глубокую благодарность за все, что вы сделали.

— Лучшая благодарность для меня то, что вам стало легче, — не ударил я в грязь лицом. — Хотите перекусить?

— Да, если можно.

— Могу предложить вяленое мясо, хлеб, правда, черствый, и сыр.

Он не заставил себя долго упрашивать.

— А вы не составите мне компанию, сэр Кори?

— Я пообедал, пока вы спали. — Я многозначительно посмотрел на мертвых бандитов. Он улыбнулся. — Неужели вы справились с ними в одиночку? — спросил я. Он кивнул. — Великолепно! Так что же мне с вами делать?

Он попытался заглянуть мне в глаза, но у него ничего не вышло.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Куда вы направлялись?

— Мои друзья живут примерно в пяти лигах к северу. Встреча с бандитами лишила меня возможности добраться до них. Сильно сомневаюсь, что найдется на свете человек, который смог бы взвалить меня на спину и пронести пять лиг. Это и дьяволу не под силу! Если бы я выпрямился во весь рост, вы бы поняли, что я имею в виду, сэр Кори.

Я молча встал и одним ударом шпаги срубил молодое деревце примерно двух дюймов толщины. Затем очистил с него ветки и укоротил до нужной длины. Сделав то же самое со вторым деревцем, я соорудил некое подобие носилок,

используя ремни и плащи мертвецов. Когда я закончил работать, он заметил:

— Удары вашей шпаги смертельны, сэр Кори. К тому же она, кажется, серебряная.

— Вы в состоянии совершить небольшое путешествие? — спросил я.

Грубо говоря, пять лиг — примерно пятнадцать миль.

— А что будет с покойниками?

— Может, вы хотите предать их земле, согласно христианскому обычаю? Черт с ними! Природа позаботится о том, что ей принадлежит. Нам пора уходить. Трупы уже начали смердеть.

— Хорошо бы хоть чем-нибудь их прикрыть. Они честно бились и заслуживают уважения.

Я вздохнул.

— Будь по-вашему, если это вас так беспокоит. Лопаты у меня нет, так что придется завалить их камнями. Не обессудьте, но могила будет общей.

— Конечно, — сказал он. — И спасибо вам большое.

Я уложил шесть тел одно подле другого. Раненый рыцарь что-то забормотал себе под нос — похоже, молитву. Камней повсюду валялось великое множество, поэтому я работал быстро, выбирая самые большие, чтобы долго не возить-

ся. В этом и заключалась моя ошибка. Один из камней весил фунтов четыреста, однако я не стал катить его, а просто поднял и поставил на место. Я услышал изумленный возглас: рыцарь прекрасно понял, сколько весит этот камень. Я выругался про себя. Потом сказал:

— Вот черт, чуть не надорвался!

Я стал выбирать камни поменьше и, завалив тела, выпрямился.

— Все. Теперь вы готовы?

— Да.

Я поднял его и положил на носилки. Когда укладывал, он изо всех сил стиснул зубы.

— В какую сторону идти? — спросил я.

— В обратную. Сначала надо свернуть налево и дойти до развилки. Потом направо. А как же вы меня…

Не говоря ни слова, я взял носилки, как мать берет спеленутого ребенка, и пошел по дороге.

— Кори! — воскликнул он.

— Что?

— Вы один их самых сильных людей, которых я когда-либо встречал, и, по-моему, я должен вас знать.

Чуть помедлив, я небрежно заметил:

— Стараюсь все время поддерживать форму.

Живу на свежем воздухе, занимаюсь физическим трудом…

— И голос ваш кажется мне знакомым…

Он приподнялся, пытаясь рассмотреть мое лицо, и я решил переменить тему разговора.

— Куда мы идем?

— В крепость, которая принадлежит Ганелону.

— Этому сутяге! — воскликнул я, чуть не выронив носилки.

— Хоть я и не понимаю значения произнесенного вами слова, — заявил он, — но ваш тон говорит о том, что оно оскорбительно. Если это действительно так, я вынужден требовать сатисфакции…

— Минутку, — перебил я. — У меня такое ощущение, что мы говорим о разных людях с одинаковым именем. Приношу вам свои извинения.

Сквозь ткань носилок я почувствовал, как напрягшееся тело расслабилось и обмякло.

— Несомненно, так оно и есть.

Вскоре я свернул налево. Он заснул, даже захрапел, и тогда я ускорил шаг, потом перешел на бег. Мне в голову пришла мысль о том, что у шестерых бандитов, чуть было не отправивших рыцаря на тот свет, есть товарищи, которые могут устроить засаду и напасть на меня. Когда мой подопечный

заворочался и вздохнул, я вновь перешел с бега на обычный шаг. К этому времени я уже миновал развилку и свернул направо.

— Кажется, я вздремнул, — извиняющимся тоном проговорил рыцарь.

— И храпели, — добавил я.

— Сколько мы прошли?

— Около двух лиг.

— И вы не устали?

— Немного, — признался я. — Но отдыха мне пока не требуется.

— О боже! — воскликнул он. — Признаться, я рад, что мы с вами не враги. Послушайте, а вы уверены, что вы не дьявол?

— Конечно, дьявол, — ответил я. — Разве вы не чувствуете запах серы? И мое левое копыто сейчас отвалится от усталости.

Он и в самом деле несколько раз потянул носом воздух, прежде чем усмехнуться шутке. Вообще-то, по моим подсчетам, мы прошли уже больше четырех лиг. Я надеялся, что он опять заснет, и все расстояния у него в голове перепутаются. Руки мои налились свинцовой тяжестью.

— Почему бандиты напали на вас? — спросил я.

— Они были Хранителями Круга. Одержимыми.

И давно перестали походить на людей. Нам надо молиться богу, сэр Кори, чтобы души их нашли покой.

— Хранителями Круга? Какого Круга?

— Черного Круга, места беззакония, в котором обитают мерзкие твари. — Он глубоко вздохнул. — Источника всех несчастий на нашей земле.

— Эта земля не кажется мне такой уж несчастной, — заметил я.

— У Ганелона сильное княжество, и он может дать отпор любому врагу. Но Круг расширяется, и я чувствую, что недалек день решительной битвы.

— Ваши речи возбудили мое любопытство.

— Сэр Кори, если до сих пор вы ничего не знали, постарайтесь забыть то, что я рассказал. Обойдите Черный Круг стороной и идите своей дорогой. И хотя я дорого дал бы, чтобы вы сражались в наших рядах, не смею ни о чем вас просить, потому что никто не может предугадать, чем закончится битва.

Дорога стала подниматься в гору, и внезапно сквозь просвет в деревьях я увидел знакомую до боли картину. От неожиданности я застыл на месте.

— В чем дело? — спросил рыцарь, повернув голову. Присмотревшись, он облегченно вздохнул. — Оказывается, мы шли гораздо быстрее, чем я думал. Это — замок Ганелона.

Невольно я стал думать о Ганелоне, хотя это не доставило мне удовольствия. Он был предателем и убийцей, которого я выставил из Авалона и бросил на другом Отражении и в другом времени, поступив с ним так же, как со мной мой брат Эрик. Жаль, если Ганелон окажется именно здесь. Это, правда, маловероятно, но возможно. Он был обычным смертным, а я отправил его в изгнание более шести веков назад, но по времени этого Отражения могло пройти всего несколько лет. Время — одна из функций Отражений, и даже Дворкин не знал всех его особенностей. А может, как раз и знал, знание это свело его с ума. Как бы то ни было, я не верил, что речь шла о моем бывшем помощнике, товарище и старом недруге, потому что он никогда не стал бы сопротивляться беззаконию. Напротив, творил бы его, управляя самыми мерзкими из всех тварей.

Я подумал о человеке, которого нес на руках. Он тоже жил в Авалоне более шестисот лет назад. Время совпадало. Мне совсем не хотелось встречаться с Ганелоном и быть узнанным. Он ничего

не знал об Отражениях и считал меня черным магом, который пощадил его, но обрек на жалкое существование. И кто знает: предложи я ему выбор, он мог бы предпочесть смерть изгнанию. Тем не менее раненый рыцарь нуждался в уходе, крыше над головой и поэтому я продолжал идти вперед.

Все же интересно. Он вспомнил меня, хотя, конечно, не узнал. Может, ему пришлось иметь дело с моим двойником, который правил в этой стране, так похожей на Авалон? И как меня примут, когда поймут, кто я такой?

Солнце начало заходить. Подул прохладный ветерок. Мой подопечный храпел вовсю, и я вновь перешел на бег. Мне вовсе не улыбалось встретиться ночью в лесу с неизвестными тварями из какого-то Круга. Я бежал, наступая на удлиняющиеся тени, и старался не думать о погоне, засаде и прочих неприятных вещах. Мысли в голове окончательно перепутались, появилось странное предчувствие, и внезапно я услышал за спиной мягкий топот. Я положил носилки на землю, повернулся и вытащил шпагу из ножен.

Две кошки. По виду — сиамские, но каждая — величиной с тигра. Твердый взгляд ярко-желтых глаз без зрачков. Когда я встал к ним лицом, они

уселись и уставились на меня, не мигая. Нас разделяло шагов тридцать. Кошка, сидевшая слева, открыла пасть, и я поднял шпагу. «Интересно, зарычит она или замурлыкает?»— почему-то подумал я. Но кошка заговорила:

— Человек. Смертный.

— И все еще живой, — сказала вторая голосом первой.

— Убьем его, — заявила первая.

— А что делать с тем, кто его охраняет? Вид этой шпаги мне не нравится.

— Он смертный?

— Подойдите и узнаете, — спокойно ответил я.

— Он тощий и старый.

— Но он нес тяжелую ношу быстро и не отдыхая. Давай зайдем с двух сторон.

Как только кошки поднялись, я бросился вперед, и правая тут же прыгнула на меня. Шпага раскололa ей череп, прошла до лопаток. Я быстро повернулся, и в это время вторая кошка проскользнула к носилкам. Я рубанул сплеча. Удар пришелся по спине, и клинок вошел в тело, как в масло, разрубив кошку пополам. Раздался дикий визг, напоминающий многократно усиленный скрип мела по доске. Мохнатое тело вспыхнуло ярким пламенем. Первая кошка тоже сгорела. Но

та, которую я разрубил, была еще жива. Она посмотрела на меня, встретилась со мной взглядом сверкающих глаз.

— Я умираю последней смертью, — сказала она, — а значит, я знаю тебя, Открыватель Пути. Почему ты убиваешь нас?

И голова ее загорелась.

Я отвернулся, вытер клинок о траву и вложил шпагу в ножны. Потом поднял носилки и, обуреваемый вопросами, пошел вперед. Кажется, ситуация стала проясняться. До сих пор я часто вижу во сне охваченную пламенем голову кошки и просыпаюсь в холодном поту, а ночь кажется мне темной, полной видений, которые я никак не могу различить.

Замок Ганелона окружал глубокий ров. Мост с четырьмя башенками по углам был поднят и прикреплен к толстой крепостной стене, за которой высились другие башни. Казалось, они достигали неба и щекотали животы низко плывущих облаков, затмевающих ранние звезды и отбрасывающих тени на высокий холм, на котором стоял замок. Ветер донес неясный шум голосов. Я остановился напротив моста, опустил носилки, сложил ладони рупором и крикнул:

— Э-гей! Ганелон! Два путника заплутали в

ночи!

Послышалось звяканье металла о камень, и я почувствовал, что меня рассматривают. Я тоже поднял голову и прищурился, стараясь хоть что-нибудь разглядеть, но ничего не увидел. Все-таки зрение еще не вернулось ко мне полностью.

— Кто там? — раздался громкий гулкий голос.

— Тяжело раненный Ланс, которого я, Кори из Кабры, принес в замок.

Я услышал, как часовой передал мои слова по цепочке. Спустя некоторое время пришел ответ:

— Отойдите в сторону! Сейчас мы опустим мост! Вы можете войти!

Послышался тягучий скрип, и деревянная конструкция легла на землю рядом со мной. Я поднял носилки и пересек ров. Вот и все, что я хотел рассказать о том, как принес сэра Ланселота дю Лака в замок Ганелона, которому верил, как брату. Иными словами, не верил вовсе.

Я оказался в толпе и, присмотревшись, понял, что окружен солдатами. Враждебности они, однако, не проявляли, скорее наоборот, на лицах у многих было участливое выражение. Меня провели в большой двор, освещенный множеством факелов. Повсюду лежали спальные мешки. Пахло потом, дымом, лошадьми и готовящейся

пищей. Похоже, здесь расположилась на ночлег небольшая действующая армия. Люди подходили к нам, о чем-то спрашивали, но я не успел ничего ответить, потому что сквозь толпу протолкались двое стражников, вооруженных до зубов, и один из них обратился ко мне, слегка дотронувшись до плеча:

— Пойдемте с нами.

Они встали у меня по бокам, и солдаты расступились, давая нам дорогу. Сзади послышался скрип поднимающегося моста. Мы вошли в замок, сложенный из черного камня. Миновав большой зал и комнату, похожую на приемную, мы стали подниматься по лестнице и на втором этаже остановились перед тяжелой дубовой дверью. Стражник постучал.

— Войдите, — произнес голос, который, к великому моему сожалению, был мне знаком.

Мы вошли. Ганелон сидел за большим столом у широкого окна, выходящего во двор. На нем были черные брюки поверх черных сапог, черная рубашка и черная кожаная куртка. На широком поясе висел кинжал с рукоятью в форме копыта. Короткая шпага лежала на столе. У Ганелона были рыжие с проседью волосы и борода. Его черные, как эбеновое дерево, глаза блестели. Он

посмотрел на меня, потом перевел взгляд на двух стражников, которые внесли в комнату носилки.

— Положите его на мою кровать, — сказал он и добавил, не поворачивая головы: — Родерик, займись им.

Родерик, его врач, был старичком, который, как мне показалось, не мог причинить пациенту особого вреда. Это меня утешило. В конце концов, я не для того тащил Ланса пятнадцать миль, чтобы он истек кровью.

Затем Ганелон вновь обратился ко мне:

— Где вы его нашли?

— В пяти лигах к югу.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Кори, ответил я.

Он пристально посмотрел на меня и чуть улыбнулся в густые усы. Губы у него были тонкими и напоминали извивающихся червей.

— На чьей вы стороне? — спросил он.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

Я слегка наклонился, чтобы спина моя выглядела согбенной. Говорил я медленно, тихо и слегка заикаясь. Моя борода была длиннее, чем у Ганелона, а набившаяся в нее дорожная пыль создавала впечатление седины. Я не сомневался, что выгляжу как пожилой человек.

— Я спрашиваю, почему вы ему помогли?

— Человек человеку — брат.

— Вы иностранец?

Я кивнул.

— Что ж, вы — мой гость. Оставайтесь в моем замке, сколько пожелаете.

— Спасибо. Но, наверное, я уйду завтра.

— Как вам будет угодно. А сейчас давайте выпьем по бокалу вина, и вы расскажете, при каких обстоятельствах нашли Ланса.

Ганелон слушал, не перебивая, не отрывая от меня взгляда. Я всегда считал глупым выражение «сверлить глазами», но в этот вечер изменил свое мнение. Он не просто сверлил, он пронзал меня глазами, словно кинжалами. Интересно, какие выводы он сделал, о чем догадался? Внезапно я почувствовал, как на меня наваливается усталость. Язык мой стал заплетаться. Нервное напряжение, бокал вина, теплая комната сказались на мне не лучшим образом, и неожиданно у меня создалось впечатление, что я стою в углу и наблюдаю за самим собой. Видимо, длительные нагрузки были мне пока еще не под силу. Я заметил, что руки мои дрожат.

— Простите, — услышал я собственный голос. — Мне необходимо немного отдохнуть…

— Ну конечно, — сказал Ганелон. — Поговорим завтра. А сейчас идите спать и спите спокойно.

Он позвал охранника и приказал отвести меня в свободную комнату. Должно быть, я все время спотыкался, потому что ясно помню, как меня поддерживали за локоть. В ту ночь я спал, как убитый, без сновидений. И проспал четырнадцать часов кряду. Когда я проснулся, у меня ломило все тело. На высоком столике стояла лохань с водой, а рядом лежали мыло и полотенце, предусмотрительно оставленные в комнате. Я тщательно помылся. Мне никак не удавалось избавиться от ощущения, что горло мое забито пылью, а глаза — песком. Я сел в кресло и задумался. В прежние времена я мог бы пронести Ланса пять лиг и глазом не моргнув. В прежние времена я сражался целый день на горе Колвир, а затем вошел в Амбер. Но прежние времена прошли. Внезапно я понял, что выгляжу со стороны самой настоящей развалиной. С этим нельзя было смириться. Силы возвращались ко мне слишком медленно, и я должен был набрать вес, причем как можно скорее. Неделя-другая жизни на свежем воздухе, физические нагрузки помогут мне обрести прежнюю форму. Как будто Ганелон меня не узнал. Вот и прекрасно. Воспользуюсь его

гостеприимством. Приняв это решение, я вышел из комнаты и отправился на поиски кухни, где съел обильный завтрак. Правда, уже наступило время ленча, но я предпочитаю называть вещи своими именами. Мне сильно хотелось курить, и я с досадой подумал о том, что мои запасы табака иссякли. Видно, судьбе было угодно, чтобы я встал на ноги как можно скорее.

Стоял прохладный ясный день. Я вышел из замка и долгое время наблюдал за солдатами, проводившими военные учения. В дальнем конце двора стояли мишени, прикрепленные к мешкам соломы. Лучники, надевшие кольца на большие пальцы рук, упражнялись в стрельбе, пуская стрелы в восточном стиле, держась за тетиву не тремя (к чему я привык), а двумя пальцами. Я стал думать об этом Отражении, на котором очутился случайно. Шпажисты использовали обе стороны и острие оружия, демонстрируя разнообразные приемы ведения боя. Всего во дворе упражнялись человек восемьсот, а остальные, видимо, располагались в замке. Они отличались один от другого телосложением, цветом волос и глаз и говорили на разных языках, в основном авалонском-амберийском. Пока я стоял, размышляя, один из учебных боев закончился. Солдат поднял руку,

опустил шпагу, вытер пот со лба и сделал шаг назад. Его противник, казалось, вообще не устал. Мне предоставился шанс заняться физическими упражнениями, которые я сам себе прописал. Я подошел к солдату, улыбнулся и сказал:

— Я — Кори из Кабры. Мне понравилось, как вы фехтуете. — Обернувшись, я обратился к победителю, темноволосому гиганту, который, ухмыляясь, смотрел на своего отдыхающего товарища. — Не возражаете, если я поупражняюсь с вами, пока ваш друг отдыхает?

Продолжая ухмыляться, он покачал головой и указал пальцем на свои рот и ухо. Я попытался заговорить с ним на других языках, но безуспешно. Тогда я прибегнул к языку жестов, и он быстро понял, чего я хочу. Побежденный солдат протянул мне шпагу, и по его глазам я понял, что он очень ею гордится. Шпага была короткой и значительно тяжелее, чем Грейсвандир. (Так называется моя шпага. С ней связана целая история, и, может, я расскажу ее, а может, нет, прежде чем вы узнаете, почему я оказался сейчас в Царстве Хаоса. Но если я еще раз упомяну Грейсвандир, вы, по крайней мере, поймете, о чем идет речь.) Я несколько раз взмахнул шпагой, чтобы привыкнуть к ней, отбросил плащ в сторону и встал и позицию. Атака

последовала мгновенно. Я отпарировал и перешел в наступление. Он отклонил корпус в сторону и сделал прямой выпад. Я отбил. Через пять минут я понял, что он прекрасный фехтовальщик. Естественно, не такой хороший, как я. Дважды он просил меня прервать поединок и повторить неизвестные ему приемы. Схватывал новшества он на лету. Минут через пятнадцать он начал улыбаться, наверняка считая, что долго я не продержусь. Видимо, четверти часа ему вполне хватало, чтобы сломить любого противника, если тот, конечно, не сдавался раньше. Через двадцать минут на лице его появилось недоуменное выражение. Я не был похож на человека, который может так долго выстоять. Но ведь ни один смертный не подозревает об истинной силе принца Амбера. Он уже весь взмок, но продолжал нападать. Мой брат Рэндом явно не выглядит атлетом, но однажды мы с ним устроили поединок на шпагах и бились в течение двадцати шести часов, чтобы выяснить, кто сдастся первым. (Если вам интересно, первым сдался я. На следующий день у меня было назначено свидание, и я не хотел приходить на него выжатым, как лимон.) Хотя для теперешнего представления силенок у меня было маловато, я знал, что спокойно могу

измотать своего противника. В конце концов, он был обычным человеком.

Через полчаса дыхание его участилось, атаки замедлились. Еще немного, и он сообразил бы, что я валяю дурака, и поэтому я поднял руку, опустил шпагу и сделал шаг назад. Он тут же бросился меня обнимать. Я не понял, что он сказал, но его удовольствие было очевидным. Я тоже был доволен. Правда, я сильно расстроился, почувствовав, что устал. К тому же у меня закружилась голова. Тем не менее тренировка была мне необходима. Я поклялся, что загоняю себя до полусмерти, наемся до отвала, высплюсь и на следующий день начну все сначала. Поэтому я подошел к лучникам, одолжил лук и выпустил сотню стрел в «трехпалом стиле». Процент попадания был у меня не самым низким, некоторое время я наблюдал за битвой всадников, вооруженных копьями, булавами и щитами, затем подошел к группе людей, отрабатывающих приемы ведения боя без оружия. Я вошел в круг, победил трех солдат одного за другим и почувствовал, что больше ни на что не способен. Я тяжело дышал, с меня ручьем тек пот. Присев на скамейку, стоявшую в тени, я стал думать о Лансе, о Ганелоне и об ужине. Минут через десять я с трудом поднялся, пошел в

свою комнату и принял ванну. К этому времени я был голоден как волк, и поэтому отправился на поиски обеда и последних новостей. Я не успел сделать и двух шагов по коридору, как стражник — тот самый, который вчера вечером поддерживал меня за локоть — подошел ко мне и сказал:

— Милорд Ганелон просит вас отобедать с ним в его покоях после того, как зазвенит колокол.

Я поблагодарил его, заверил, что приду, вернулся к себе и растянулся на постели. Колокол зазвонил через несколько минут. Я встал и вышел из комнаты. Мускулы у меня разболелись не на шутку, я был весь в синяках и царапинах. Что ж, тем труднее будет меня узнать. На мой стук дверь открыл мальчик, который тут же подбежал к другому пареньку и стал помогать ему накрывать на стол, стоявший у камина. Ганелон сидел на стуле с высокой спинкой. На нем были зеленая рубашка, зеленые брюки, зеленые сапоги и зеленый пояс.

— Сэр Кори, мне доложили о том, как вы провели сегодняшний день, — сказал он, крепко пожав мне руку. — Теперь я перестал удивляться, что вы пронесли Ланса пять лиг. Глядя на вас, не скажешь, что вы настоящий мужчина… только поймите меня правильно, не обижайтесь, по-

жалуйста.

Я усмехнулся.

— Я не обижаюсь.

Он усадил меня за стол и протянул бокал белого вина, слишком сладкого, на мой вкус.

— Вы кажетесь мне таким немощным, хотя несли Ланса на руках, не отдыхая, убили двух мерзких тварей и сложили надгробие из больших камней. Ланс мне рассказал…

— Как он себя чувствует? — спросил я.

— Пришлось приставить к нему охрану, чтобы лежал смирно. Представьте себе, эта гора мускулов решила пойти прогуляться! Клянусь богом, он не встанет с постели раньше чем через неделю!

— Значит, ему лучше.

Ганелон кивнул.

— За его здоровье.

— За это я выпью с удовольствием.

Мы выпили.

Помолчав, он сказал:

— Если бы в моей армии было больше таких людей, как вы и Ланс, дело приняло бы другой оборот.

— О чем вы говорите?

— О Черном Круге. Неужели вы ничего не знаете?

— Нет. Ланс лишь упомянул о его существовании.

Один из мальчиков поджаривал огромный кусок говядины на малом огне. Поворачивая вертел, он поливал мясо вином, и когда до меня доходил вкусный запах, в моем животе начинало бурчать, а Ганелон ухмылялся в усы. Второй мальчик отправился на кухню за хлебом.

Долгое время Ганелон молчал. Он пил уже второй бокал вина, а я никак не мог справиться с первым.

— Вы когда-нибудь слышали об Авалоне? — неожиданно спросил он.

— Да, — ответил я. — Давным-давно читал мне стихи один странствующий бард, и я их запомнил: «На берегу реки благословенной сидели мы, и, вспомнив Авалон, заплакали. В руках остались сломанные шпаги, щиты развесили мы по деревьям. Разрушены серебряные башни, утоплены в потоках крови. Так сколько миль до Авалона? И все, и ни одной. Разрушены серебряные башни».

— Авалон разрушен?.. — спросил он.

— Лично я считаю, что бард был сумасшедшим. Сам я не знаю никакого Авалона.

Наступило молчание. Ганелон отвернулся и заговорил лишь через несколько минут. Голос

его неуловимо изменился.

— Авалон существует. Я жил там много лет назад. Трудно поверить, что он разрушен.

— А почему вы сейчас живете здесь? — спросил я.

— Меня изгнал из Авалона злой колдун, повелитель Амбера — Корвин. Он отправил меня в эту страну сквозь тьму и безумие, обрек на мучительные страдания и верную смерть. Боже, как я страдал! Сколько раз был близок к смерти! Я все время пытался найти дорогу домой, но никто не знал, как попасть в Авалон. Я говорил с волшебниками и даже с одной пленной тварью из Круга, прежде чем мы убили ее. Безуспешно. Как сказал бард, Авалон «и вблизи, и вдали» — перефразировал он мои стихи. — Вы не помните имени этого барда?

— К сожалению, нет.

— А где находится Кабра?

— Далеко на востоке. Это — островное королевство.

— Можно ли навербовать там солдат? Я хорошо заплачу.

Я покачал головой.

— Кабра — маленький остров с небольшим отрядом, который поддерживает порядок. Я уже не

говорю о том, что путешествие в оба конца — по суше и по морю — займет несколько месяцев. У нас нет ни войска, ни наемников, и наш народ не отличается воинственностью.

— Глядя на вас, этого не скажешь. — Он бросил на меня быстрый взгляд.

Я сделал глоток вина.

— Я работал военным инструктором и обучал королевскую стражу.

— Не откажетесь поработать у меня в той же должности?

— Я останусь на несколько недель и помогу, чем могу.

Ганелон кивнул, чуть раздвинув губы в мимолетной улыбке.

— Вы принесли мне печальную весть. Но если чудесный Авалон разрушен, значит, тот, кто отправил меня в изгнание, погиб. — Он залпом осушил бокал. — Оказывается, демоны тоже смертны. Это меня утешает. Значит, и у нас есть шанс победить.

— Прошу прощенья, — сказал я, решив сыграть ва-банк, чтобы отвести от себя подозрения. — Если вы говорите о Корвине из Амбера, то он не погиб.

Бокал выпал у него из рук и разбился.

— *Вы знаете Корвина?!* — воскликнул он.

— Нет, но я знаю о нем. Несколько лет назад я встретил одного из его братьев, человека по имени Бранд. Он рассказал мне об Амбере и о битве, в которой Корвин и Блейз сражались во главе огромного войска против узурпатора Эрика, захватившего власть. Блейз упал с горы Колвир, а Корвина взяли в плен. После коронации Эрика Корвину выжгли глаза, а затем бросили в самую мрачную темницу Амбера, где он, вероятно, и сидит, если, конечно, не умер.

Лицо Ганелона стало белым, как мел.

— Имена, которые вы назвали… Бранд, Блейз, Эрик, — повторил он. — В те дни, которые уже никогда не вернутся, Корвин рассказывал об этих людях. Скажите, вы давно разговаривали с Брандом?

— Года четыре назад.

— Корвин заслужил лучшей доли.

— Несмотря на то, что он поступил с вами так безжалостно?

— Что мне вам ответить? — Ганелон вздохнул. — Я много размышлял и не могу сказать, что у него не было причин отправить меня в изгнание. Он был человеком веселым и сильным, сильнее, чем вы или Ланс. Я не любил Корвина,

но моя ненависть к нему тоже угасла. Лучше бы Эрик его убил.

Второй мальчик вернулся с корзинкой хлеба. Поваренок, готовивший мясо, снял его с вертела и положил на блюдо в центре стола.

Ганелон кивнул.

— Приступим, — сказал он, придвигаясь к столу.

Я не заставил себя упрашивать. Во время еды мы почти не разговаривали.

Насытившись, я запил обильную еду бокалом все того же сладкого вина и начал зевать. После третьего зевка Ганелон не выдержал.

— Черт побери, Кори! Прекратите! Это заразительно! — С трудом удержавшись от зевка, он встал со стула. — Пойдемте, подышим свежим воздухом.

Мы поднялись на крепостную стену и стали неторопливо прогуливаться. При виде нас часовые вытягивались, отдавали честь, и Ганелон отвечал каждому. У невысокой зубчатой башенки мы решили отдохнуть и уселись на каменную стену, вдыхая вечерний воздух и глядя, как звезды одна за другой появляются на быстро темнеющем небе. Сидеть на каменной стене было холодно. Мне показалось, что где-то далеко-далеко шумит

морской прибой. Снизу до нас донесся крик ночной птицы. Ганелон вытащил из-за пояса кисет, достал трубку, набил ее табаком и закурил. Его лицо, на мгновение освещенное светом спички, можно было бы назвать сатанинским, если бы не опущенные углы губ и печаль в глазах. Считается, что у дьявола злобная усмешка, у Ганелона же она была угрюмой. Запахло табачным дымом. Прошло несколько минут, прежде чем мой спутник нарушил молчание.

— Я помню Авалон. — Голос у него был тихим, но внятным. — Я там родился и вырос в самой обычной семье, но особой добродетелью никогда не отличался. Я получил наследство, промотал его и сам не заметил, как стал обычным разбойником с большой дороги. Сначала я грабил путников в одиночку, потом вступил в шайку и, когда понял, что умнее и сильнее других бандитов, стал их предводителем. За голову каждого из нас была назначена цена. За мою — самая большая.

Вспоминая свое прошлое, он заговорил быстрее, чеканя каждое слово:

— Да, я помню Авалон. Помню его серебряные башни, отбрасывающие длинные тени, и прохладные воды, в которых звезды сверкали по ночам, как костры. Я помню траву и деревья, веч-

но зеленые, словно весной. Молодость, любовь, красота — все это я познал в Авалоне. Гордые иноходцы, благородный металл, мягкие губы, густой эль. Честь…

Он покачал головой.

— Когда началась война, правитель пообещал полное прощение всем разбойникам, которые выступят вместе с ним против восставших. Этим правителем был Корвин. Я присоединился к нему, стал офицером, а позже — членом его штаба. Мы выиграли много сражений, подавили восстание. Затем Корвин вернулся во дворец, а я стал его генералом. Хорошие были годы. Правда, изредка происходили столкновения на границах, но мы всегда выходили победителями. Корвин доверял мне, зная, что я не подведу. Но однажды он пожаловал герцогство мелкопоместному дворянчику, на дочери которого решил жениться. Этого герцогства добивался я, и Корвин неоднократно намекал, что когда-нибудь оно будет моим. Я был в бешенстве, и когда меня отправили на южную границу, где положение всегда было напряженным, я его предал. Армия моя была разбита, и враг вошел в государство. Тогда Корвин сам взялся за оружие. Захватчики прорвались большими силами, и я надеялся, что они одержат победу,

но Корвин, благодаря своей лисьей хитрости, разбил их наголову. Я бежал, но был схвачен и приведен во дворец. Я проклял Корвина, плюнул ему в лицо. Я отказался преклонить перед ним колени. Я ненавидел землю, по которой он ходил. Впрочем, перед лицом неизбежной смерти любой осужденный должен вести себя как мужчина. Корвин сказал, что помилует меня, учитывая мои прошлые заслуги, а я крикнул, что он может засунуть свое помилование псу под хвост. Неожиданно я понял, что надо мной издеваются. Корвин приказал освободить меня и подошел ко мне почти вплотную. Я знал, что он необычайно силен, но все равно попытался оказать сопротивление. Безуспешно. Он ударил меня всего один раз, и я упал без сознания. Очнулся я, крепко привязанный к луке седла. Корвин о чем-то спрашивал, но я не стал отвечать ни на один из его вопросов. Мы скакали мимо удивительных, странных земель — некоторые из них не привидятся в кошмарном сне, — и тогда я понял, что Корвин обладает волшебной силой. Когда мы остановились, он объявил, что эта страна — место моей ссылки, а затем повернул коня и ускакал прочь.

Ганелон умолк, трубка его погасла; он разжег ее вновь и продолжил свой рассказ:

— Я часто оказывался на краю гибели, терпел побои, спасался от диких зверей, получал множество синяков и царапин. Корвин бросил меня в самой ужасной части государства. Но однажды мне повезло. Вооруженный рыцарь в доспехах приказал мне убраться с дороги. Мне было все равно: продолжать жить, как я жил, или умереть, поэтому я обозвал его вислоухим сыном шлюхи и послал к дьяволу. Он бросился на меня, но я схватил его за копье, вышиб из седла и прикончил его собственным кинжалом. Таким образом я добыл себе коня и оружие. Затем я решил отомстить своим обидчикам и взялся за старое ремесло: стал разбойником с большой дороги. Я вновь набрал шайку, которая росла не по дням, а по часам и вскоре насчитывала несколько сот человек. Как правило, мы занимали какой-нибудь небольшой городок и грабили его. Местные охранники тряслись от страха при одном упоминании моего имени. Хорошая была жизнь, но, конечно, ее нельзя сравнить с той, в Авалоне. Мы были грозой придорожных гостиниц, а путешественники накладывали полные штаны, заслышав стук копыт наших коней. Против нас высылали большие отряды солдат, но мы либо избегали столкновений, либо нападали на них из засады и уничтожали

полностью. Затем появился Черный Круг.

Ганелон еще яростнее запыхтел трубкой и уставился вдаль невидящими глазами.

— Он появился далеко на западе. Мне говорили, что сначала на земле возникла большая, словно жабья, проплешина, в центре которой лежал мертвый ребенок. Несчастную девочку обнаружил отец, скончавшийся через несколько дней в страшных муках. Это место немедленно было объявлено проклятым. Прошло всего несколько месяцев, и оно сильно разрослось, образовав круг диаметром в пол-лиги. Трава в круге не погибла, но почернела и сверкала, как металлическая, а деревья искривились, и листья их тоже почернели. Стволы скрипели и раскачивались даже в безветренную погоду, а в ветвях танцевали и прыгали летучие мыши. В сумерках внутри круга начинали двигаться странные тени и загорались огни небольших костров. Он продолжал расширяться, и жители окрестных деревень поспешили покинуть давно обжитые места. Но некоторые из них все же решили остаться. Говорят, они заключили договор с темными силами. А Круг продолжал расти, и людей в нем оставалось все больше и больше. Я разговаривал с ними, убивал их, и у меня сложилось впечатление, что они омертвели. В

их голосах не слышалось интонаций, лица стали похожими на маски. Эти нелюди выходили из Круга группами, грабя, убивая безжалостно и беспощадно, оскверняя храмы, сжигая все на своем пути, занимаясь мерзкими непристойностями. Но они никогда не крали предметов из серебра. Через несколько месяцев к ним присоединились другие твари, вроде тех кошек, которых вы убили. Затем рост Круга замедлился, почти прекратился, как будто он достиг предела. Но зато из него полезла всякая нечисть, уничтожавшая окрестности. Когда страна была опустошена, Круг увеличился до ее размеров. И вновь начался его рост. Старый король Утер, который долго за мной гонялся, позабыл о моей шайке и все силы бросил на охрану и патрулирование Круга. Честно говоря, мне тоже не улыбалось в один прекрасный день проснуться в объятиях какого-нибудь вампира, и я решил отправиться на разведку. Со мной вызвались идти пятьдесят пять добровольцев — малодушным мне приказывать не хотелось. Мы пересекли границу Круга, углубились в него и вскоре увидели нелюдей, которые сжигали живьем козла на каменном алтаре. Мы перебили всех, кроме одного, а этого последнего привязали к алтарю и допросили на месте. Он сказал, что

Круг будет расширяться, пока не поглотит всю землю до океана, а затем сольется с Кругом на другой стороне планеты. Он предложил нам объединить усилия, если мы хотим сохранить наши шкуры. Затем один из моих людей не выдержал и заколол его. Он умер, в этом я могу поклясться — достаточно мертвецов я повидал на своем веку. Его теплая кровь стекала на каменный алтарь, и неожиданно он рассмеялся. Громче этого смеха я еще не слыхал. Мертвое недышащее тело уселось на землю, вспыхнуло ярким пламенем и стало меняться, превращаясь в козлиное, только очень больших размеров, а из уст козла раздался голос: «Бегите, смертные! Но вам никогда не удастся покинуть Круг!» И можете мне поверить, мы побежали. Небо почернело от летучих мышей и прочей нечисти, которую я даже не берусь описать. Сзади слышался стук копыт. Мы неслись во весь опор, отражая нападение кошек, — с ними вы уже познакомились, — летучих змей и страшных скачущих и прыгающих тварей. У самой границы Круга один из патрулей Утера увидел нас и бросился на помощь. Из пятидесяти пяти людей, поехавших со мной, вернулись шестнадцать. А патруль потерял тридцать солдат. Когда они увидели, кто я, меня тут же отвели во дворец.

Тот самый, в котором мы сейчас находимся — когда-то здесь жил Утер. Я рассказал ему все без утайки, и он поступил так же, как в свое время Корвин: предложил мне и моим людям полное прощение, если мы поможем ему в борьбе с Хранителями Круга. Я, конечно, согласился, ведь мне было ясно, что Круг необходимо уничтожить. В ту ночь я заболел и три дня лежал без сознания в горячечном бреду. Я ослаб, как мальчишка, и мои товарищи чувствовали себя не лучше. Трое умерли. Затем я вернулся к своим людям и передал им предложение короля Утера. Никто не отказался. Патрули были усилены, но мы ничего не добились. Все последующие годы Круг продолжал увеличиваться в размерах, а стычки с его Хранителями происходили повсеместно. Утер доверял мне и сделал своим генералом, совсем как Корвин. Постепенно стычки переросли в сражения, и мы проиграли несколько битв. Часть наших патрулей была захвачена в плен. Однажды ночью на нас напала огромная орда нечисти. Никогда еще не приходилось нам сражаться с таким большим войском. Утер, вопреки моему совету, — ведь он был стар и немощен, — решил принять участие в битве и погиб. Страна лишилась своего короля. Я хотел, чтобы трон занял Ланселот, мой помощ-

ник, человек честный и благородный… Странно… Я знал в Авалоне одного Ланселота, как две капли воды похожего на этого, но когда мы встретились, он сказал, что видит меня впервые… Очень странно… Как бы то ни было, Ланселот наотрез отказался занять место короля Утера, и тогда меня сделали правителем. Мне ненавистно положение, в которое я попал, но у меня нет выхода. Вот уже три года, как я сдерживаю натиск Круга. Внутренний голос твердит мне, что я должен бежать отсюда как можно дальше. В конце концов, что я должен этим проклятым людишкам? Какое мне дело, будет Круг расширяться или нет? Я могу переплыть море, поселиться в тихом, спокойном месте, куда Круг не дойдет, пока я жив, и забыть обо всех этих ужасах. Черт побери! Я не желаю брать на себя ответственность за судьбы мира! Но мне пришлось это сделать!

— Почему? — спросил я, и голос мой прозвучал необычно для меня самого.

Ответа не последовало.

Он выколотил трубку. Набил ее. Зажег. Попыхтел.

Молчание затянулось.

— Трудно сказать, — задумчиво произнес он спустя несколько минут. — Я бы убил человека

ударом ножа в спину за пару сапог, чтобы не отморозить себе ноги. Однажды я так и сделал, так что знаю, о чем говорю. Но сейчас… Опасность грозит всем нам, и я единственный, кто может с ней справиться. Проклятье! В один прекрасный день все мы погибнем! Но я не могу бежать! Я буду сопротивляться, пока хватит сил!

Тело мое онемело от холода, но свежий ночной ветерок прогнал сон, и мысль работала ясно.

— Разве Ланс не может вас заменить?

— Конечно, может. Он — прекрасный воин. Но есть и другая причина, по которой я должен здесь остаться. Мне кажется, что козел-оборотень, кем бы он ни был, немного меня боится. Он сказал, что я никогда не выйду живым из Круга, а я остался жив. Я тяжело болел, но поправился. И он знает, что я сражаюсь с Хранителями и прочей нечистью. Мы выиграли ту битву, в которой погиб Утер, и я встретился с оборотнем еще раз, правда в другом обличье. Он узнал меня. И, может, благодаря тому, что я остаюсь, Круг не расширяется так быстро, как раньше.

— В каком обличье?

— Он походил на человека, но у него были козлиные рога и маленькие красные глазки. Он сидел на пегом коне. Некоторое время мы бились

друг с другом, но, на мое счастье, волна сражения нас разъединила. Он здорово меня теснил. Когда мы скрестили шпаги, я вновь услышал его голос, который никогда не забуду. Он сказал, что я глупец и что мне нечего даже надеяться на победу. Но наутро поле битвы осталось за нами, и мы убили множество тварей, а остальных загнали обратно в Круг. Всадник на пегом коне скрылся, и больше я ни разу его не видел. С тех пор на нас не нападали большими силами, но если я исчезну, другая армия тварей — а она существует — ринется из Круга на наши земли, уничтожая все на своем пути. Оборотень мгновенно узнает, что я уехал, так же как он узнал, что Ланс везет мне данные о расположении войск в Круге. А теперь он наверняка знает о вас и задумывается, кто вы такой. О вашей силе нельзя не задуматься. Нет, я останусь и буду биться до последнего. Это мой долг. И не спрашивайте, почему. Я только надеюсь, что, когда придет мой час, я пойму, зачем появился этот Черный Круг.

Внезапно над моей головой раздался какой-то шум. Я быстро отклонил корпус в сторону, чтобы избежать сам не знаю какой опасности. Оказалось, это была всего-навсего птица. Белая птица. Она опустилась на мое левое плечо и замерла,

издавая тихие звуки. К ноге птицы была привязана записка. Я отвязал ее, прочитал, смял. Затем начал изучать горизонты, не видимые моему собеседнику.

— В чем дело, Кори? — вскричал Ганелон.

Записка, которую я послал сам себе, написанная моей рукой и принесенная птицей моей судьбы, могла попасть только в то место, где я должен был остаться надолго. Я никогда не думал, что мне придется здесь остаться. Но я не мог спорить со своей судьбой.

— В чем дело? — повторил Ганелон. — Что у вас в руке? Письмо?

Я протянул ему записку. У меня просто не было другого выхода, ведь Ганелон видел, что я прочел ее. В записке было сказано: «Я иду». И стояла моя подпись. Ганелон раскурил трубку и при ее свете прочитал написанные мною две строчки.

— Он жив? И придет сюда?! — воскликнул он.

— Видимо, да.

— Странно… — пробормотал он. — Не понимаю…

— Похоже, он обещает вам помощь, — сказал я, незаметно отпуская птицу, которая два раза вскрикнула, сделала круг над башней и исчезла.

Ганелон покачал головой.

— И все же не понимаю.

— Зачем смотреть дареному коню в зубы? — спросил я. — Если он придет, вы только выиграете.

— Верно, согласился он. Может, ему удастся уничтожить Круг.

— А может, это шутка, причем жестокая.

— Он опять покачал головой.

— Вряд ли. Это не в его духе. Интересно, чего он хочет?

— Может быть, завтра все прояснится, — сказал я. — Утро вечера мудренее.

— Мне только и остается, что лечь спать. — Ганелон подавил зевок.

Мы встали, спустились с крепостной стены и пожелали друг другу спокойной ночи. Я пошел к себе в комнату, лег в постель и уснул, едва коснувшись головой подушки.

Утро. Ломит все тело. Болят мускулы. Кто-то оставил в моей комнате новый коричневый плащ. Слава богу, не черный. Мне совсем не хотелось, чтобы Ганелон вспомнил цвет моих одежд, когда я обрету прежнюю форму. В целях конспирации я не стал даже сбривать бороду. Разговаривая с ним, я старательно изменял голос, а Грейсвандир упрятал далеко под кровать. Всю

следующую неделю я занимался самоистязанием, упражняясь каждый день до изнеможения. Боль в мускулах почти прошла, я прибавил в весе фунтов пятнадцать и постепенно стал чувствовать себя здоровым человеком.

…Страна, в которую я попал, называлась Лорен, и ее звали точно так же. Если бы я любил привирать, то обязательно сочинил бы стихи о том, как мы встретились в долине за замком, где она собирала цветы, а я прогуливался, дыша свежим воздухом. Или другую подобную чушь. Таких женщин, как она, вежливо называют «походными подругами». Я встретил ее вечером, когда руки мои, казалось, отваливались от усталости после упражнений с булавой и саблей. Лорен стояла в сторонке, поджидая очередного солдата, назначившего ей свидание. В этот день я впервые обратил на нее внимание. Она улыбнулась, я ответил ей улыбкой, подмигнул и пошел отдыхать. На следующее утро я опять ее видел и, проходя мимо, сказал: «Привет». Вот и все. Но она все время попадалась мне на глаза. В конце второй недели, когда у меня ничего больше не болело, а весил я сто восемьдесят фунтов, мне захотелось провести с ней вечер. Я, конечно, уже знал, кто она такая, и меня это нисколько не беспокоило.

Но той ночью мы не занимались тем, ради чего встретились. Не получилось. Сначала мы просто разговаривали, а затем произошло непредвиденное. В ее волосах цвета ржавчины проглядывала седина. Тем не менее я был уверен, что ей нет и тридцати. Ярко-голубые глаза. Чуть вздернутый подбородок. Белые ровные зубы, улыбающийся рот. Говорила она, немного гнусавя, волосы у нее были слишком длинными. Обильная косметика скрывала следы усталости на лице, кричащее платье туго обтягивало начинающую полнеть фигуру. Но Лорен мне нравилась, хотя я не могу сказать, что испытывал к ней в тот вечер какие-либо чувства. Ведь я пригласил ее совсем для другого. Нам пришлось пойти ко мне, больше было некуда. Теперь я стал капитаном и, пользуясь привилегиями своего ранга, заказал обед в комнату и попросил лишнюю бутылку вина.

— Люди вас боятся, — сказала она. — Говорят, вы никогда не устаете.

— Устаю, — признался я. — Можешь мне поверить.

— Ну, конечно! — Она встряхнула кудряшками и многозначительно улыбнулась. — Все мы устаем, верно?

— Верно.

— Сколько вам лет?

— А тебе?

— Джентльмен никогда не задает подобных вопросов.

— Леди тоже.

— Когда вы впервые здесь появились, мы решили, что вам за пятьдесят.

— А сейчас?

— Никто не знает. Сорок пять? Сорок?

— Нет, — ответил я.

— И я думаю, что меньше. Это ваша борода всех обманула.

— Бороды часто лгут.

— С каждым днем вы выглядите все лучше и лучше. Сильнее…

— С каждым днем я чувствую себя все лучше и лучше.

— Сэр Кори из Кабры, — сказала Лорен. — Какая она, Кабра? Где находится? Вы возьмете меня с собой на Кабру, если я очень попрошу?

— Могу соврать, что возьму.

— Соврите. Все равно мне будет приятно.

— Хорошо. Я возьму тебя на Кабру, этот отвратительный остров.

— Вы действительно такой необыкновенный, как говорят?

— Боюсь, что нет. А ты?

— Наверное, тоже нет. Мне раздеваться?

— Не надо. Сначала поболтаем. Выпей бокал вина.

— Большое спасибо. За ваше здоровье.

— И за твое.

— Где вы научились так здорово драться на шпагах?

— У меня были прекрасные учителя.

— …И вы пронесли Ланса целых пять лиг, убили двух тварей…

— Каждый новый рассказчик преувеличивает. Эдак я стану настоящим героем.

— Но я наблюдала за вами. Вы очень сильный и ловкий. Недаром Ганелон заключил с вами договор, правда не знаю какой. Ганелон своего не упустит. У меня было много друзей, и я всегда смотрела, как они фехтуют. Вы могли бы изрезать их на мелкие кусочки. Люди говорят, вы хороший учитель. Они вас любят, хотя и боятся.

— Почему боятся? Потому что я сильный? Но сильных людей много. Или потому, что я хорошо фехтую?

— Все считают, что вы — сверхъестественное существо.

Я рассмеялся.

— Не беспокойся, я всего лишь второй шпажист в мире. Прости, может быть, третий. Но я учусь.

— Кто лучший?

— Возможно, Эрик из Амбера.

— Кто он?

— Сверхъестественное существо.

— И он лучший?

— Нет.

— Тогда кто же?

— Бенедикт из Амбера.

— А он тоже сверхъестественное существо?

— Да, если жив.

— Странный вы какой-то, — сказала она. — Не могу понять, почему. Скажите, а *вы* — сверхъестественное существо?

— Хочешь еще вина?

— Я опьянею.

— Вот и прекрасно.

Я наполнил бокалы.

— Мы все погибнем, — сказала она.

— Рано или поздно.

— Я имею в виду Черный Круг. Он нас уничтожит.

— Почему ты так думаешь?

— Мы слишком слабы.

— В таком случае, зачем ты здесь остаешься?

— Мне некуда идти. Я ведь просила вас взять меня в Кабру.

— И ты согласилась провести со мной ночь в надежде, что я исполню твою просьбу?

— Нет. Я хотела узнать, кто вы такой.

— Я — атлет, нарушивший режим тренировки. Ты родилась в этих краях?

— Да. В лесной деревушке.

— Почему ты занимаешься своим ремеслом?

— Что здесь такого? Это лучше, чем каждый день торчать по колено в навозе.

— Разве у тебя никогда не было постоянного мужчины?

— Был. Он умер. Это он… обнаружил Круг.

— Мне очень жаль. Прости.

— А мне нет. Он всегда напивался, если ему удавалось занять денег или что-нибудь украсть, а потом приходил домой и избивал меня. Я рада, что встретила Ганелона.

— Значит, ты уверена, что Круг невозможно уничтожить?

— Да.

— Может быть, ты права. Хотя лично я так не думаю.

Она пожала плечами.

— Хотите остаться и воевать с темными си-

лами?

— Да.

— Впервые слышу прямой ответ на этот вопрос. Наши ребята ни в чем не уверены. Интересно. Я хотела бы посмотреть на ваш поединок с козлом-оборотнем.

— Почему?

— Потому что он их предводитель, и если вы его убьете, у нас появится шанс. Вдруг вам удастся убить его?

— Мне придется его убить.

— По какой-нибудь особой причине?

— Да.

— Личного характера?

— Да.

— Желаю удачи.

— Спасибо.

Лорен допила вино, и я тут же наполнил ее бокал.

— Я знаю, что он — сверхъестественное существо, — сказала она.

— Давай переменим тему разговора.

— Ладно. Но могу я попросить вас об одном одолжении?

— О каком?

— Наденьте завтра доспехи, возьмите копье,

сядьте на хорошего коня и задайте взбучку кавалерийскому офицеру по имени Гарольд.

— Зачем?

— Он избил меня на прошлой неделе, совсем как мой муж Джарл. Вы сможете его проучить?

— Да.

— И выполните мою просьбу?

— Почему бы и нет? Считай, я его проучил.

— Я люблю вас, — сказала она.

— Глупости.

— Ну и пусть. Вы мне очень нравитесь.

— Это другое дело. Я…

Холодный ветерок пробежал по моей спине, позвоночник онемел. Я напрягся и начал сопротивляться, стараясь полностью отключиться, выкинуть все мысли из головы. Кто-то меня искал. Один из членов нашей семьи воспользовался моей картой и пытался со мной связаться. Ошибиться я не мог. Если это Эрик, то он оказался куда храбрее, чем я думал: ведь при последнем контакте я чуть не сжег его мозг. От Рэндома вестей ждать не приходилось, разве что его выпустили из тюрьмы, в чем я сильно сомневался. Джулиан и Каин могли убираться ко всем чертям. Блейз скорее всего погиб. Бенедикт тоже. Оставались Жерар, Бранд и наши сестры, а кроме Жерара, я

ни с кем не хотел разговаривать. Поэтому я сопротивлялся и довольно успешно. Минут через пять меня оставили в покое. Я дрожал, как осиновый лист, и по спине ручьями тек пот. Лорен бросила на меня странный взгляд.

— Что случилось? — спросила она. — Вроде бы вы не пьяный и я тоже.

— Припадок. У меня часто бывают припадки. После болезни, которую подцепил на островах.

— Я видела лицо, — сказала Лорен. — Может, на полу, а может просто перед глазами. Это было лицо старика. Воротник его камзола был зеленым, борода седой, и он очень похож на вас.

Вот тут я не выдержал и влепил ей пощечину.

— Ты лжешь! Ты не могла…

— Я говорю правду! Не бейте меня! Я не понимаю, в чем дело! Кто это был?

— Думаю, мой отец. О боги, как-то странно…

— Но что случилось? — повторила она.

— Я ведь уже ответил. Иногда у меня бывают припадки, и людям кажется, что они видят лицо моего отца на стене замка или на полу. Ты не беспокойся. Это не заразно.

— Глупости, — сказала она. — Вы лжете.

— Сам знаю, что лгу. Забудь, что ты видела.

— Почему?

— Потому что я тебе нравлюсь. Разве ты забыла? И потому, что завтра я собирался проучить Гарольда.

— Это верно.

Внезапно меня опять затрясло, и она быстро накинула на меня одеяло и протянула бокал с вином. Я выпил с удовольствием. Лорен прильнула ко мне, положив голову на мое плечо, а я обнял ее за талию. За окном завывал ветер и слышался дробный стук капель дождя. Начинался шторм. В какое-то мгновение мне показалось, что кто-то постучал в ставни. Лорен всхлипнула.

— Какая страшная ночь, — сказала она.

— Ты права. Закрой дверь на засов.

Пока она орудовала у двери, я передвинул кресло, чтобы сидеть лицом к окну. Затем вытащил Грейсвандир из-под кровати, отложил ножны в сторону и загасил все свечи, кроме одной, стоявшей на столике справа от меня. Усевшись поудобнее, я положил шпагу на колени.

Лорен села рядом со мной.

— Что будем делать? — спросила она.

— Ждать.

— Чего?

— Сам не знаю. В такую ночь всякое может случиться.

Она вздрогнула и прижалась ко мне.

— Я думаю, тебе лучше уйти, — сказал я.

— Знаю. Но мне страшно. Вы ведь сможете защитить меня, если я останусь?

Я покачал головой.

— Не уверен, сумею ли защитить самого себя.

Она дотронулась до Грейсвандир.

— Какая прекрасная шпага. Никогда такой не видела.

— Другой такой и нет.

При каждом моем движении отблески света играли на клинке, и он то казался забрызганным оранжевой нечеловеческой кровью, то становился холодным и белым, как снег или грудь женщины. Я подумал о Лорен, которая видела моего отца, когда со мной пытались войти в контакт. Выдумать она не могла: описание было слишком точным.

— Какая ты странная, — сказал я.

Свеча мигнула четыре или пять раз, прежде чем она заговорила.

— Я немного ясновидящая. Моя мать знала больше, чем я, а бабушка была колдуньей. Мне до нее далеко. Я ведь почти ничего не умею и много лет ничем таким не занималась. К тому же я всегда теряю больше, чем получаю.

Она вздохнула.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Я наколдовала себе мужа, и мне страшно вспомнить, каким он оказался. Если бы я не произнесла тогда заклинаний, все было бы по-другому. Потом мне захотелось иметь красивую дочку и…

Лорен умолкла на полуслове. Она плакала.

— В чем дело? Не понимаю.

— Я думала, вы знаете, — сказала она.

— Что именно?

— Моя маленькая девочка стала первой жертвой Круга. Я думала, вы знаете, — повторила она.

— Прости, я не хотел…

— Лучше бы у меня не было этой силы. Я никогда больше ею не пользовалась, но она не оставляет меня в покое. Я вижу вещие сны, предзнаменования и, зная все наперед, ничего не могу изменить. Как бы я хотела, чтобы она покинула меня и ушла к другому!

— Так не бывает, Лорен. Ты хочешь невозможного.

— Вы уверены?

— Да. Таких, как ты, много.

— Вы ведь тоже обладаете какой-то силой?

— Да.

— Значит, чувствуете, что там, за окном, кто-то есть?

— Да.

— И я чувствую. Как вы думаете, что ему надо?

— Он ищет меня.

— Зачем?

— Чтобы испытать мою силу. Он не может не задумываться, какую опасность я для него представляю.

— Рогатый?

— Вряд ли.

— Почему?

— Если я действительно тот, кого он должен бояться, с его стороны будет глупо искать меня в стане врагов. Скорее он пошлет одного из своих слуг. Может, дух моего отца пытался меня предупредить… трудно сказать. Если его слуга поймет, кто я такой, рогатый успеет подготовиться к битве. Если его слуга меня убьет, рогатому не о чем будет беспокоиться. Если я убью его слугу, рогатому станет известна моя сила. В любом случае он останется в выигрыше. Зачем же ему рисковать собственной шкурой?

Мы ждали, глядя на причудливые тени в углах, а фитиль догорающей свечи отсчитывал минуты.

Лорен первая нарушила молчание.

— Вы сказали, слуга рогатого может понять, кто вы такой. Кто вы такой?

— Человек из дальних стран, который случайно здесь оказался.

— И рогатый вас знает?

— Думаю, да.

Она отпрянула от меня.

— Не бойся, — сказал я. — Я не причиню тебе вреда.

— Я боюсь, и ты причинишь мне вред! — воскликнула она. — Я вижу! Но я хочу тебя. Почему я хочу тебя?

— Не знаю, — ответил я.

— Там кто-то есть! — Голос ее стал истеричным, сорвался на крик. — Близко, совсем близко! Слушай! Слушай!

— Заткнись! — резко сказал я, почувствовав холод и покалывание в области шеи — Пойди спрячься под кровать.

— Я боюсь темноты.

— Уходи немедленно, или я применю силу. Ты мешаешь.

Она молча повиновалась. Несмотря на ураган, я услышал свист рассекаемого воздуха и скрежет карниза, на который опустилось что-то тяжелое.

Я увидел горящий взгляд красных глаз и быстро отвернулся. Существо осматривало меня с головы до ног. Рост его превышал шесть футов, по обеим сторонам черепа росли большие ветвистые рога. Обнаженное тело пепельно-серого цвета было бесполым. Распростертые крылья сливались с ночной мглой. В правой руке демон держал короткую шпагу из тяжелого черного металла, клинок которой был испещрен рунами. Левой рукой он вцепился в решетку окна.

— Входи, если хочешь, но потом пеняй на себя, — громко сказал я и направил острие Грейсвандир ему в грудь.

Демон фыркнул. Он фырчал и хихикал, неподвижно стоя на карнизе, а затем вновь попытался встретиться со мной взглядом. Если бы мы посмотрели друг другу в глаза, он узнал бы меня, как та кошка, которую я убил, направляясь в замок Ганелона. Демон заговорил, и голос его звучал как фагот, только не играющий, а произносящий слова.

— Ты — не он. Ты слабее и старше. Но… эта шпага… Она может принадлежать ему. Кто ты?

— А ты?

— Я — Страйгаллдвир. Не шути с этим именем, или я пожру твои печень и сердце.

— Не шутить с этим именем? Я и выговорить-то его не могу, язык можно сломать. А от моего цирроза у тебя будет несварение желудка. Убирайся.

— Кто ты? — повторил демон.

— *Мисли, гамми, гра-адилл, Страйгаллдвир*, — сказал я, и он подпрыгнул, как будто в зад ему всадили заряд дроби.

— Ты хочешь изгнать меня таким простым заклинанием? Я не из каких-то там низших существ.

— Однако по тебе не видно, чтобы ты был от этого заклинания в особом восторге.

— Кто ты? — вновь спросил он.

— Не твое дело, Чарли, Птичка, птичка, лети к себе домой…

— Четыре раза должен я спросить и четыре раза не получить ответа, прежде чем мне позволено будет войти и убить тебя. Кто ты?

— Нет, — ответил я, поднимаясь с кресла. — Входи и гори ярким пламенем!

Тогда он сломал решетку окна, и ветер, ворвавшийся вместе с ним в комнату, загасил свечу.

Я бросился вперед. Грейсвандир скрестилась с его рунной шпагой, посыпались искры. Я сделал шаг в сторону. Мои глаза привыкли к темноте, и я видел не хуже Страйгаллдвира. Мы кружили по

комнате, и ледяной ветер кружил вместе с нами, а холодные капли дождя изредка падали мне на лицо. Когда я первый раз ранил демона, он не произнес ни слова, хотя крошечные огоньки заплясали по краям раны через всю грудь. Затем я рассек ему мускулы предплечья, и на этот раз он закричал, осыпая меня проклятьями:

— Сегодня я высосу мозг из твоих костей! Я высушу их, натяну на них струны! И когда я стану играть, твоя душа познает вечные муки!

— Как красиво ты горишь, — сказал я.

На мгновение он замешкался, и я тут же воспользовался предоставленной мне возможностью. Отбив черный клинок в сторону, я сделал прямой выпад. Шпага пронзила тело насквозь и вышла под левой лопаткой. Демон взвыл, но остался на ногах. Грейсвандир вырвало из моей руки. Он стоял, глядя на шпагу, торчавшую у него из груди, и на пламя, пожиравшее его плоть, а затем сделал шаг вперед. Я подхватил небольшой стул и, держа его на вытянутых руках, попятился.

— Я не храню сердце там, где оно находится у людей, — воскликнул Страйгаллдвир, кидаясь на меня.

Но я отпарировал удар стулом и его ножкой

выбил демону правый глаз. Затем я схватил его за кисть правой руки, резко вывернул и что было сил ударил по локтю ребром ладони. Раздался треск ломающихся костей, и рунная шпага отлетела в сторону. Демон не остался в долгу и тоже ударил меня по голове левой рукой. Я упал, а он кинулся за шпагой, но я схватил его за лодыжку, дернул, и Страйгаллдвир растянулся на полу. Я навалился на него, обхватив шею руками. Он попытался выцарапать мне глаза, но я отвернул голову и прижал подбородок к груди. Руки мои медленно, но верно сдавливали его горло. Он снова стал искать моего взгляда, и на этот раз я не отвел глаз. Он узнал меня и вздрогнул, увидев, что я это понял.

— Вы! — с трудом произнесли его синеющие губы, но руки мои уже сомкнулись, и красные глаза демона остекленели.

Я поднялся, наступил на труп и рывком вытащил Грейсвандир из раны. Как только шпага оказалась в моей руке, серое тело вспыхнуло ярким пламенем и продолжало гореть до тех пор, пока на полу не осталось ничего, кроме грязного пятна.

Потом ко мне подошла Лорен, и я обнял ее за плечи, а она попросила меня проводить ее домой

и остаться с ней спать. Я выполнил ее просьбу, но и ту ночь у нас ничего не было. Мы просто лежали, и она плакала мне в плечо, пока не уснула. Вот так я встретил Лорен…

Ланс, Ганелон и я остановили коней на высоком холме. Полуденное солнце пригревало нам спины. Мы смотрели вниз, и то, что я видел, подтверждало все мои подозрения. Искореженный лес был точно таким же, как в Гарнатской долине к югу от Амбера.

«О, отец мой, что я натворил!»— воскликнул я в душе, глядя на Черный Круг, простиравшийся до горизонта. Не поднимая забрала, я смотрел на выжженную пустынную местность. Пахло гнилью. Я не поднимал забрала уже две недели, а шлем надел на следующее утро после битвы с демоном, прежде чем исполнил данное мною обещание и задал взбучку Гарольду. Меня считали чудаком, но чин капитана давал мне право на эксцентричность. Я весил уже четырнадцать стонов и чувствовал себя прежним Корвином. Если мне удастся помочь людям на этом Отражении, значит не все потеряно, и, может быть, я смогу исправить свою ошибку.

— Значит, вот он какой, Черный Круг, — сказал я. — А где армия рогатого?

— Думаю, дальше к северу, — ответил Ланс. — Но увидим мы ее не раньше, чем наступит ночь.

Мы скакали уже в течение двух дней. Сегодня утром солдаты одного из патрулей сообщили нам, что войско противника проводит какие-то учения, а с рассветом исчезает в искореженном лесу.

— Далеко нам ехать? — поинтересовался я.

— Лиги три-четыре.

— Может, сначала перекусим?

— Конечно, — ответил Ганелон. — Я тоже проголодался, а время у нас есть.

Мы спешились и принялись уплетать вяленое мясо, запивая водой из фляжек.

— Никак не пойму смысла той записки, — задумчиво произнес Ганелон, удовлетворенно рыгнув, погладив себя по животу и закурив трубку. — Поможет он нам или нет? И если поможет, почему он до сих пор не появился? День решающей битвы близок.

— Забудьте о нем, — посоветовал я. — Наверное, он просто пошутил.

— Не могу забыть, черт побери! Тут дело нечисто!

— О чем ты говоришь? — спросил Ланс, и я понял, что Ганелон ничего ему не рассказал.

— Мой старый повелитель, милорд Корвин, прислал с почтовой птицей записку, в которой сказано, что он идет. Вот я и гадаю, в чем тут дело.

— Корвин?! — вскричал Ланс, и я затаил дыхание. — Корвин из Амбера?

— Да. И еще из Авалона.

— Забудь о его письме.

— Почему?

— Это человек без чести и совести. Его обещания ничего не стоят.

— Ты его знаешь?

— Я знаю о нем. Он правил Лорен задолго до того, как я появился на свет. Разве ты не слышал легенды о демонах-повелителях? Корвин разорил страну, а затем, испугавшись восстания, отрекся от короны и позорно бежал.

Это было неправдой! Или нет? Амбер отбрасывает бесконечное количество отражений, и Авалон тоже их отбрасывал, благодаря моему в нем присутствию. А значит, несовершенные отражения Корвина неуклюже копировали мои поступки и образ жизни в тех странах, куда моя нога никогда не ступала.

— Я никогда не верил легендам, — сказал Ганелон. — Неужели Лорен правил тот самый

человек, которого я знал? Интересно.

— Вряд ли, — вмешался я в разговор, чтобы мое молчание не вызвало подозрений. — Если с тех пор прошло так много времени, он либо стал дряхлым старцем, либо умер.

— Корвин был волшебником, — заметил Ланс.

— Тот, кого я знал, вне всякого сомнения, был волшебником. — Ганелон вздохнул. — Он изгнал меня из своего королевства, а вернуться я не смог. Нет такой дороги, которая вела бы в Авалон.

— Тебя изгнали? — спросил Ланс. Ты никогда мне об этом не рассказывал. Как это произошло?

— Не твое дело, — отрезал Ганелон, и Ланс умолк.

Я вытащил кисет и трубку — позавчера я, наконец, обзавелся глиняной трубкой, — и Ланс последовал моему примеру. Некоторое время мы сидели и молча курили.

— Как бы то ни было, он поступил правильно, — пробормотал Ганелон, нарушив за тянувшуюся паузу. — И давайте забудем о Корвине и его письме.

Забыть мы, конечно, не забыли. Но на эту тему больше не разговаривали. Погода стояла прекрасная, и если бы Черный Круг не маячил перед нашими глазами, можно было бы греться

на солнышке и ни о чем не думать. Внезапно я почувствовал близость к двум своим спутникам. Мне захотелось сказать им что-нибудь очень хорошее, но в голову лезли какие-то дурацкие мысли. Ганелон вывел меня из затруднительного положения, заговорив о деле.

— Вы продолжаете настаивать, чтобы мы напали первыми? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Предпочитаю вести войну на чужой территории.

— Беда в том, что это действительно чужая территория, — сказал он. — Мы даже не знаем, какими силами располагает противник внутри Круга.

— Если убьем рогатого, сопротивление будет сломлено.

— Возможно. Но не обязательно. Не знаю, как вам, а мне это не под силу. Разве что повезет. Рогатый слишком хитер, а я уже не тот, что был, хотя часто обманываю сам себя и говорю, что я такой же сильный и ловкий, как раньше. Почему я должен за все отвечать? Видит бог, я этого не хотел!

— Я знаю, — сказали мы с Лансом в один голос.

— А как ты считаешь, Ланс? — обратился к нему Ганелон. — Прислушаемся к совету нашего друга? Нападем первыми?

Я решил, что он пожмет плечами и промолчит, но Ланс ответил, не задумываясь:

— Да. В ту ночь, когда погиб король Утер, мы чуть не проиграли сражение. И если они как следует подготовятся, второй раз нам не удастся победить. Я это чувствую. И считаю, что нам надо хорошенько все разведать и напасть.

— Хорошо, — сказал Ганелон. — Честно говоря, мне тоже надоело ждать. Если только твое мнение не изменится, когда мы вернемся домой, считай, я согласен.

Мы отправились на разведку. Весь день мы скакали к северу, не останавливаясь, затем укрылись в холмах и стали наблюдать за Кругом. Мы видели богослужение (как они его понимали), боевые учения солдат. Я насчитал примерно четыре тысячи человек. У нас было две тысячи пятьсот. Помимо Хранителей Круга, в их армии были разнообразные летающие, прыгающие и ползающие твари, издававшие странные звуки. К счастью, нервы у нас были крепкими.

Лично мне нужно было только одно: встретиться с их предводителем хотя бы на несколько минут. От нашей встречи зависел исход битвы. Но я не мог сказать этого своим спутникам. В том, что Круг появился, была доля моей вины. Я

его сотворил, сделал возможным беззаконие, а следовательно, обязан был бороться с ним, пока хватит сил. Я боялся, что сил у меня не хватит. Ослепленный яростью, ужасом и болью, я допустил ошибку, последствия которой не могли не сказаться на всех существующих Отражениях. Проклятье принца Амбера всегда сбывается.

Мы наблюдали за Черным Кругом всю ночь, а на рассвете поскакали домой. Решение было принято: атаковать! На обратном пути никто на нас не напал, и мы довольно быстро добрались до замка Ганелона, где занялись обсуждением дальнейших планов. Войско наше находилось в полной боевой готовности, и мы решили выступить не позже чем через две недели…

Мы с Лорен лежали в постели, и я рассказал ей все без утайки. Я чувствовал, что она должна знать правду о предстоящем сражении. Если бы только она согласилась, я в ту же ночь увел бы ее на другое Отражение. Но Лорен не согласилась.

— Я останусь с тобой, — сказала она.

— Будь по-твоему.

Я не сказал ей, что исход битвы будет зависеть от моей встречи с рогатым, но у меня было ощущение, что она это знает и безоговорочно мне верит. Я бы на ее месте поостерегся, но, в конце

концов, вера — личное дело каждого.

— Всякое может случиться. — Я посмотрел ей в глаза.

— Да, — согласилась Лорен, и я увидел, что она все понимает не хуже меня.

Мы перестали разговаривать и занялись более насущными делами, а потом заснули.

Ей приснился сон. Наутро она сказала:

— Мне приснился сон.

— Какой? — спросил я.

— Я видела сражение, а потом тебя и рогатого. Вы дрались не на жизнь, а на смерть.

— Кто победил?

— Не знаю. Но пока ты спал, я кое-что сделала. Надеюсь, это тебе поможет.

— И совершенно напрасно. Уверяю тебя, я могу сам о себе позаботиться.

— Потом мне приснилась моя собственная смерть.

— Разреши мне увести тебя туда, где ты будешь в полной безопасности.

— Нет. Мое место здесь.

— Я не заявляю на тебя никаких прав, — сказал я, — но могу спасти от того, что тебе приснилось. Можешь поверить, это в моей власти.

— Я тебе верю. Но я останусь.

— Ты просто упрямая дура.

— Позволь мне остаться.

— Как хочешь… Послушай, я могу увезти тебя на Кабру…

— Нет.

— Ты упрямая дура.

— Я люблю тебя.

— Глупости. Я тебе нравлюсь. Забыла?

— У тебя все будет хорошо, — сказала она.

— Иди к черту.

Она тихо заплакала, а я принялся ее утешать. Теперь вы знаете, какой была Лорен.

Однажды утром я стал вспоминать свое прошлое. Вспомнил своих братьев и сестер и стал тасовать их в уме, как колоду карт, которые лежат вперемешку. Вспомнил госпиталь, в котором очнулся, битву за Амбер. Лабиринт Ребма, Муари, с которой мне было так хорошо и которая, быть может, принадлежит сейчас Эрику. Вспомнил Блейза и Рэндома, Дейдру, Каина и Жерара. Многое вспомнилось этим утром. Как вы, наверное, догадались, это было утро перед битвой. Мы несколько дней находились на марше, успешно отражая атаки небольших отрядов противника, а когда подошли к Черному Кругу, расположились лагерем на холмах, выставили часовых и легли

спать. Наш сон никто не потревожил. Утром я открыл глаза, недоумевая спросонок, почему мои братья и сестры не думают обо *мне*, как я о *них*. Это была очень печальная мысль.

В небольшом овражке, где никто не мог меня видеть, я снял шлем, налил в него мыльную воду и побрился. Затем надел свою старую драненькую одежду — черную с серебряной отделкой. Я вновь был тверд, как камень, черен, как земля, и жесток, как дьявол. Сегодняшний день будет моим днем. Я опустил забрало, одернул кольчугу, затянул пояс и пристегнул Грейсвандир. Свой плащ я заколол у шеи застежкой в форме серебряной розы, и тут меня обнаружил посыльный, сообщивший, что приготовления закончены. Я поцеловал Лорен, которая настояла на том, что будет меня провожать, вскочил на мерина по кличке Чемпион и отправился в лагерь.

Увидев меня, Ганелон и Ланс в один голос сказали: «Мы готовы». Я подозвал офицеров. Отдал последние распоряжения. Отсалютовав, они ускакали.

— Теперь скоро, — сказал Ланс, закуривая трубку.

— Как ваша рука?

— В полном порядке. После тренировочного

боя, который мы вчера провели, я чувствую себя абсолютно здоровым.

Я поднял забрало и тоже закурил.

— Да вы сбрили бороду! — воскликнул Ланс. — Честно говоря, никогда не мог представить вас без бороды.

— Так удобнее носить шлем.

— Желаю удачи всем нам, — торжественно произнес Ганелон. Не знаю, существуют ли на свете боги, но если они есть, пусть окажутся сегодня на нашей стороне.

— Бог один, сказал Ланс. — И я молюсь, чтобы он не оставил нас.

— Аминь. — Ганелон запыхтел трубкой.

— Мы победим! — убежденно заявил Ланс.

— Да, — согласился я, глядя на солнце, позолотившее горизонт на востоке, и слушая беззаботное пение птиц. — Все предвещает нам победу.

Докурив, мы выколотили трубки, и каждый спрятал свою за пояс. Затем в последний раз проверили доспехи, подтянули где надо ремни, и Ганелон провозгласил:

— Пора!

Офицеры вернулись ко мне с донесениями. Отряды были готовы. Мы подъехали к границе Круга. Внутри него царила мертвая тишина.

— Я все еще думаю о Корвине, — сказал Ганелон. — Где-то он сейчас?

— Корвин с нами, — ответил я, и Ганелон как-то странно на меня посмотрел, увидел серебряную розу и резко кивнул.

— Ланс, — обратился он к своему другу и помощнику, — отдавай приказ.

И Ланс выхватил шпагу из ножен.

— Вперед! — скомандовал он.

Ему ответило громкое эхо.

Наш авангард составлял отряд из пятисот всадников. Мы углубились в Круг на полмили, прежде чем увидели черную кавалерию, которая неслась нам навстречу. Мы сломали их строй за пять минут и продолжали скакать вперед во весь опор. Затем мы услышали гром. Засверкали молнии, пошел дождь. Разыгралась буря.

Неровный строй копьеносцев, стоически ожидающих нападения, преградил нам путь. Мы почувствовали ловушку, но не остановились. И черная кавалерия ударила по нашим флангам. Закипела битва. Прошло минут двадцать… Мы сдерживали их натиск, поджидая подхода основных сил. Затем двести наших воинов продолжили свой путь…

Люди. Мы убивали людей, а они убивали нас,

эти существа с серыми лицами, двигающиеся, словно роботы. Марионетки. Мне же необходимо было уничтожить их предводителя… Интересно, какова пропускная способность пути, который я им открыл? Я этого не знал. Скоро… Бешеная скачка привела нас на вершину холма, и далеко внизу я увидел темную цитадель. Я поднял шпагу. Мы начали спускаться, и тут на нас напали. Они шипели, рычали и били крыльями. Значит, людей у него не осталось. Грейсвандир стала похожа на язык пламени, молнию, своего рода электрический стул. Я уничтожал мерзких тварей по мере их приближения, и, умирая, они сгорали. Справа от меня Ланс прорубал дорогу, что-то бормоча себе под нос. Не иначе как молился за тех, кого убивал. Слева скакал Ганелон, и за хвостом его лошади струилась огненная река. Сверкали молнии, цитадель росла прямо на глазах.

В нашем авангарде осталось не более ста человек. Когда мы подъехали к воротам, нас встретил отряд из людей и зверей. Мы атаковали. Они превосходили нас численностью, но я не жалел, что мы так далеко оторвались от своей пехоты. Я знал, что время не ждет.

— Я должен пробиться! — закричал я. — Рогатый в цитадели!

— Он мой! — прокричал мне в ответ Ланс.

— Лично я вам не конкурент! — воскликнул Ганелон, рубя шпагой направо и налево. Но я с вами. Крестите, когда сможете!

Мы убивали, убивали и убивали, но вскоре противник начал одерживать верх. Звери, похожие на людей, и люди, похожие на зверей, окружали нас со всех сторон. Мы отчаянно защищались, и в это время подтянулась наша основательно потрепанная пехота. Бой закипел с новой силой. Мы вновь бросились в атаку (в нашем авангарде осталось человек сорок-пятьдесят), ворвались в ворота и очутились во дворе, где на нас напали обороняющиеся. Двенадцать всадников, которым удалось пробиться к входу в высокую черную башню, были встречены ее стражами.

— Вперед! — вскричал Ганелон, спешившись и кидаясь в бой.

— Вперед! — вскричал Ланс, и я подумал, что они имеют в виду либо меня, либо друг друга.

Я решил отнести этот призыв на свой счет, отделился от сражающихся и побежал вверх по лестнице. Я не сомневался, что найду рогатого в верхнем помещении башни. Мне придется вызвать его на дуэль и победить, потому что именно я был виновен в том, что он появился на

этом Отражении. Может, у меня не хватит сил, но попытка не пытка. К тому же никто, кроме меня, не знал, кто он такой. На верхней площадке лестницы я остановился перед тяжелой деревянной дверью, запертой изнутри на засов. Я отступил на шаг, ударил ногой что было сил, и дверь рухнула с громким треском. Он стоял у окна, человек, одетый в легкие доспехи, с козлиной головой на широченных плечах. Я переступил через порог. Когда дверь упала, он повернулся и теперь смотрел на меня в упор, пытаясь заглянуть в глаза сквозь прорезь шлема.

— Смертный, ты зашел слишком далеко, — сказал он. — Ведь ты смертный?

— Спроси у Страйгаллдвира, — ответил я.

— Ты тот, кто убил его, — бесстрастно произнес он. — Скажи, он узнал тебя?

— Может быть.

На лестнице послышались шаги, и я быстро отступил влево. В комнату ворвался Ганелон.

— Стой! — крикнул я.

Он вздрогнул, остановился, как вкопанный, и медленно повернулся ко мне.

— Это оборотень. Кто он такой?

— Грех, который я совершил, прокляв то, что любил всем сердцем. Отойди в сторону и не ме-

шай. Он мой.

— Я не помешаю. — Ганелон остался стоять на месте.

— Ты сказал правду? — спросил рогатый.

— Сейчас узнаешь, — ответил я и бросился на него.

Но он не скрестил со мной шпаги. Его поступок посчитал бы глупостью любой, даже самый неумелый фехтовальщик. Он бросил в меня свою шпагу, сверкнувшую, подобно молнии. Когда она летела, громыхнул гром. За окном разбушевалась буря. Я уклонился, шпага вонзилась в пол и тут же вспыхнула ярким пламенем. За окном сверкнула молния. Ослепленный, я замешкался, и в это мгновение оборотень кинулся на меня. Он прижал мои руки к бокам; рога ударили по забралу шлема раз, другой… Но я напряг мускулы, и захват постепенно начал слабеть. Я бросил Грейсвандир, рванулся, высвободился из железных объятий, и в этот момент глаза наши встретились.

— Повелитель Амбера, почему ты убиваешь нас? — спросил он. — Ведь это ты открыл нам путь.

— Я сожалею о своем безрассудном поступке и надеюсь исправить ошибку.

— Слишком поздно. К тому же отсюда ли надо

начинать?

И он вновь ударил меня рогами. Реакция у него была просто фантастической. Я не успел защититься и отлетел к стене. А затем он поднял руку, сделал знак, и внезапно я увидел придворных Хаоса на марше — видение, от которого волосы дыбом встали на моей голове и холодом сковало душу. Что я натворил?!

— Вот видишь? — сказал оборотень. — Ты открыл путь. Так помоги нам сейчас, и мы вернем тебе то, что ты считаешь своим по праву.

Какое-то мгновение я колебался. Возможно, он выполнит свое обещание, если я помогу. А что дальше? Мне придется все время быть начеку. Союзники на короткое время, мы будем рады перегрызть друг другу глотки, как только каждый добьется своего… И все же, если в моих руках окажется вечный город…

— Значит, договорились? — прозвучал резкий блеющий голос.

Я подумал об Отражениях и об Отражениях Отражений… Не торопясь, расстегнул застежки шлема… И швырнул его в оборотня, который, казалось, не сомневался в моем согласии. По-моему, Ганелон в это мгновение шагнул вперед. Я стремительно кинулся на рогатого и прижал его

к противоположной стене.

— Нет! — сказал я.

Его руки, похожие на человеческие, сомкнулись на моей шее в ту самую секунду, когда я сдавил ему горло. Сжав пальцы, я резко перекрутил ладони. Думаю, он сделал то же самое. Я услышал хруст — так ломается сухая хворостина. Помню, мне стало любопытно, чья шея сломана. Моя страшно болела…

Я отрыл глаза и увидел небо. Я лежал на одеяле, постеленном на земле.

— Боюсь, он останется жить, — услышал я голос и, медленно повернув голову, увидел Ганелона.

Он сидел на краешке одеяла рядом с Лорен.

— Как дела? — спросил я.

— Мы победили. Вы были правы: когда погиб оборотень, Хранители упали без сознания, а животные и прочая нечисть сгорели.

— Хорошо.

— А я сижу и размышляю, почему я перестал вас ненавидеть.

— И к какому выводу ты пришел?

— Трудно сказать. Может быть, потому, что мы очень похожи друг на друга. Хотя нет… не знаю.

Я улыбнулся Лорен.

— Твои предсказания не сбылись. Сражение

закончилось, а ты все еще жива.

— Смертям дан ход. — Она не ответила на улыбку.

— Что ты имеешь в виду?

— В памяти людей живы рассказы о том, как король Корвин казнил моего деда — сначала публично избил плетьми, а затем четвертовал — за то, что он восстал против его тирании.

— Я здесь ни при чем. Это было одно из моих Отражений.

Лорен покачала головой.

— Корвин из Амбера, я такая, какая есть. — И с этими словами она встала, повернулась и ушла.

— Вы так и не ответили, кем был оборотень, — напомнил мне Ганелон, не обращая на ее уход ни малейшего внимания.

— Слугой Хаоса. Прокляв Амбер, я распахнул дверь в реальный мир темным силам. Пользуясь предоставленной возможностью, они пытаются захватить все Отражения и постепенно добраться до Амбера, следуя по пути наименьшего сопротивления. Таким образом на Лорен появился Черный Круг. Но я его уничтожил, так что можешь спать спокойно. Я закрыл им путь на это Отражение.

— И вы за этим сюда пришли?

— Нет. Честно говоря, я шел в Авалон, когда увидел Ланса. Не мог же я бросить его в беде. А потом мне пришлось расхлебывать кашу, которую я сам заварил.

— Авалон? Значит, вы солгали, что он разрушен?

Я покачал головой.

— Нет. Наш Авалон пал, но на Отражениях существует другой, похожий на него.

— Возьмите меня с собой.

— Ты сошел с ума!

— Хочу хоть одним глазком взглянуть на те места, где родился и вырос, чего бы это ни стоило.

— Я не собираюсь там оставаться. Мне необходимо попасть в Авалон, чтобы раздобыть себе розовый порошок для чистки ювелирных изделий. Однажды я совершенно случайно поджег его в Амбере. Произошел взрыв. Я использую порошок, как порох, вооружу солдат ружьями, осажу Амбер и займу трон, который принадлежит мне по праву.

— А как быть с темными силами, которые, как вы говорите, пытаются захватить все Отражения?

— Дойдет и до них очередь. А если я проиграю битву, ими займется Эрик.

— Вы сказали, что он ослепил вас и бросил в темницу.

— Да. Я вырастил новые глаза. Потом сбежал.

— Вы — демон.

— Мне так часто это говорили, что я больше не спорю.

— Вы возьмете меня с собой?

— Если хочешь. Но ты увидишь не тот Авалон, где родился и вырос.

— В Амбер!

— Да ты действительно сумасшедший!

— Нет. Я всегда мечтал попасть в этот сказочный город. Поброжу по Авалону, а дальше что? Не просиживать же штаны на одном месте. Разве я был плохим генералом?

— Нет.

— Тогда научите меня пользоваться этими штуковинами, которые называются «ружья», и я помогу вам в великой битве. Не так уж долго мне осталось жить на свете. Возьмите меня с собой.

— Может статься, кости твои побелеют под горой Колвир рядом с моими.

— Исход какой битвы известен заранее? Я готов рискнуть.

— Как хочешь. Я не возражаю.

— Спасибо, милорд.

Мы разбили лагерь, переночевали, а на следующее утро пустились в путь. Вернувшись в замок, я первым делом отправился на поиски Лорен и сразу узнал, что накануне она сбежала со своим бывшим любовником, армейским офицером по имени Мелкин. Хотя я понимал ее состояние, мне было неприятно, что она не дала мне возможности объясниться и поверила слухам. Я решил догнать их. С трудом ворочая головой на не гнущейся шее, я оседлал Чемпиона и поскакал следом. Мне не в чем было упрекнуть Лорен. В замке меня тоже не чествовали как победителя. Слишком свежи были в памяти людей рассказы о том Корвине, который правил этой страной. На меня смотрели как на дьявола. Солдаты, которых я обучал, с которыми сражался бок о бок, бросали на меня косые взгляды и тут же опускали глаза или отворачивались. Должно быть, они испытали сильное облегчение — все, кроме Ганелона, — когда я стал собираться в дорогу. Ганелон же, думаю, боялся, что я не вернусь за ним, как обещал. Он хотел поехать со мной, но я не позволил. Мне необходимо было самому во всем разобраться. К своему удивлению, я понял, что Лорен стала мне далеко не безразлична, а ее поступок причинил мне боль. Прежде чем уйти, она должна была по

крайней мере меня выслушать. Я расскажу ей о себе, и если она все-таки выберет бравого, но смертного капитана, благословлю их и не буду мешать. Если же она отдаст предпочтение мне… я понял, что хочу удержать Лорен, чего бы это ни стоило. Прекрасный Авалон подождет. Никуда не денется. Сначала я устрою свои личные дела, а там видно будет.

Я скакал по дороге, птицы пели песни, порхая с ветки на ветку. Стоял ясный, погожий день — на голубом небе сверкало солнце, деревья шелестели зеленой листвой, а я радовался, что мне удалось избавить землю от беды, которую я на нее накликал. Зло? Какого черта! Я причинил больше зла, чем кто-либо другой, но не потерял совести и сейчас наслаждался столь редкими для меня минутами счастья. Когда Амбер будет моим, совесть не помешает мне порадоваться еще сильней! Ха! Мой путь лежал на север по лесистой долине. Изредка я спешивался, чтобы не потерять свежие следы двух всадников. К вечеру у меня устали глаза и, приметив ярдах в ста от дороги небольшой овражек, я устроился на ночлег. Наверное, оттого, что шея моя разболелась не на шутку, мне снился рогатый и наш с ним поединок. «Помоги мне сейчас, и мы вернем тебе то, что ты считаешь

своим по праву», — говорил он, и в этот момент я проснулся от собственной громкой ругани. Предрассветное небо уже побледнело, я оседлал коня и двинулся дальше. Ночь была морозной и трава сверкала от инея. Плащ, на котором я спал, стал мокрым.

К полудню солнышко стало пригревать, а след двух всадников выглядел совсем свежим. Я нагонял их. Когда я увидел ее, соскочил с коня и подбежал к тому месту, где она лежала, — под кустом диких роз, на котором не было цветов и который оцарапал колючками ее щеку и обнаженное плечо. Она умерла не так давно, потому что тело было еще теплым, а из раны в груди, куда вонзился клинок, текла кровь. Камней вокруг не оказалось, и я положил ее в могилу, которую вырыла Грейсвандир. Пусть отдохнет. Он снял с нее браслеты, кольца и драгоценные гребни — все ее богатство. Мне пришлось закрыть ей глаза, прежде чем я покрыл ее своим плащом, и тут рука моя дрогнула, а зрение затуманилось. Я вскочил на коня и очень скоро догнал его, скачущего во весь опор, как будто за ним гнался сам Дьявол, что было не так уж далеко от истины. Я не сказал ни единого слова, когда вышиб его из седла, и не взялся за шпагу, когда он вытащил

свою из ножен. Его сломанное пополам тело я зашвырнул на высокий дуб и, оглянувшись, увидел над деревом черную тучу птиц. Я надел на нее браслеты, кольца и драгоценные гребни, а потом забросал могилу.

Вы ведь знали, какая была Лорен. То, что она пережила, и то, к чему стремилась, закончилось смертью. Вот и весь сказ о том, как мы встретились и как расстались, Лорен и я, в стране Лорен, и такова моя жизнь, потому что принц Амбера — частичка Вселенной и в какой-то мере виновен во всех мерзостях, которые в ней творятся. Поэтому я и говорю «Ха!», когда речь заходит о моей совести. В зеркалах многих суждений мои руки обагрены кровью. Я являюсь частью Зла, которое царит в реальном мире и на Отражениях. Иногда мне кажется, что я — то самое Зло, которое необходимо, чтобы бороться с другим Злом. Я уничтожаю мелкиных, которые попадаются на моем пути, и в тот Великий День, о котором говорят все пророки, но в который они не очень верят, в тот день, когда мир будет избавлен от Зла, я тоже кану во тьму, осыпаемый проклятьями. Возможно, это будет скорее, чем я думаю. А пока… Пока это время еще не наступило, я не умою рук своих и не буду бездействовать. Пришпорив коня,

я поскакал в замок Ганелона, который все знал, но никогда не сможет этого осмыслить.

Я и Ганелон пробирались чуть заметными таинственными тропами в Авалон; вскачь по аллеям снов и кошмаров; вскачь, когда палящее солнце обжигало спины; вскачь по жарким белым островам ночи. И палящее солнце стало золотым, а острова ночи рассыпались осколками бриллиантов, а луна поплыла по небу, словно лебедь. День принес зеленое дыхание весны, мы переплыли бурную реку, горы покрылись инеем от мороза. Ровно в полночь выпустил я стрелу своей Судьбы, и она загорелась в небе и унеслась, как метеор, на север. Единственный дракон, который нам встретился, был хром на обе ноги. При нашем приближении он быстро заковылял в сторону, пыхтя, сопя и сминая маргаритки. Птицы с ярким оперением летели, подобно стрелам судьбы, указывая нам путь, а хрустальные голоса озер отзывались эхом, когда мы проезжали мимо. Я громко запел, и через некоторое время Ганелон стал подпевать. Пошла вторая неделя нашего путешествия, и небо, земля и ветер говорили мне, что Авалон близко.

Мы разбили лагерь у глухого лесного озера, когда солнце зашло за гору и день угасал… Ганелон

принялся распаковывать седельные сумки, а я решил искупаться. Вода была холодной, освежающей, и я долгое время плескался, не желая выходить на берег. Затем мне показалось, что я слышу какие-то крики, и хоть мне не было дела до того, что происходит в этом загадочном лесу, я быстро вышел из воды, оделся и поспешил в лагерь. По пути вновь услышал крик и мольбу о пощаде. Я вышел на небольшую полянку. Седельные сумки были разобраны, костер сложен, но не разожжен. Ганелон сидел на корточках у высокого дуба, на котором висел светловолосый худощавый паренек. Я отметил себе на будущее, что очень трудно сказать что-либо о человеке или получить ясное представление о чертах его лица, когда он висит вверх ногами в нескольких футах над землей. Руки его были связаны сзади, и он висел, раскачиваясь, на большом суку, привязанный веревкой за правую лодыжку. Он отвечал на вопросы Ганелона короткими фразами, лицо его было мокрым от пота, по подбородку текла слюна, на щеке проступило красное пятно от пощечины, а на рубашке еще не засохли капельки крови.

Я решил не вмешиваться и остановился неподалеку. Ганелон никогда не стал бы мучить мальчишку без особой на то причины, и поэтому

жалости к нему я не испытывал. Я не одобрял подобных методов допроса, но не сомневался, что полученная информация будет представлять интерес. К тому же мне хотелось понять, зачем и почему Ганелон поступил подобным образом, ведь, что там ни говори, он стал моим соратником. А если паренек несколько минут повисит головой вниз, особого вреда ему не причиним. Когда тело перестало раскачиваться, Ганелон подтолкнул его острием шпаги. На груди появилось очередное красное пятно, а паренек закричал. Он был очень молод. Ганелон держал шпагу в нескольких дюймах от горла своей жертвы и отдернул клинок в самый последний момент, ухмыльнувшись, когда мальчишка извернулся, как уж, и взмолился.

— Пожалуйста, не надо!

— Говори! — Сурово приказал Ганелон. — Говори, что было дальше!

— Я все сказал! Я больше ничего не знаю!

— Почему?

— Они промчались мимо!

— И ты не поскакал вслед?

— У меня не было коня.

— Почему ты не пошел пешком?

— Меня контузило!

— Контузило? Ты просто дезертировал. Ты — трус!

— Нет! — вскричал паренек.

Ганелон вновь поднес шпагу к его горлу и опять отдернул клинок в самый последний момент.

— Да! — завопил мальчишка. — Я струсил!

— И удрал?

— Да! Я побежал в другую сторону и спрятался в лесу!

— И ты не знаешь, чем все закончилось?

— Нет!

— Ты лжешь!

Ганелон поднял шпагу.

— Я клянусь! — вскричал паренек. — Пожалуйста…

Я решил вмешаться и сделал шаг вперед.

— Ганелон, — сказал я.

Он взглянул на меня, ухмыльнулся и опустил шпагу. Мальчишка посмотрел на меня умоляющими глазами.

— Кто он такой? — спросил я.

— Ха! — ответил Ганелон и ударил свою жертву шпагой плашмя по весьма интимному месту, с удовлетворением слушая очередной вопль. — Вор, дезертир и к тому же врун ужасный.

— Что ж, отвяжи его. Я тоже хочу послушать.

Ганелон повернулся, взмахнул шпагой и одним ударом перерубил веревку. Мальчишка упал на землю и принялся рыдать.

— Я поймал его, когда он воровал еду из седельных сумок, и решил допросить, чтобы узнать, где мы с вами находимся, — сказал Ганелон. — Он оказался здесь прямехонько из Авалона. Бежал оттуда так, что пятки сверкали.

— Почему?

— Его взяли в солдаты. Два дня назад, во время битвы, он струсил и дезертировал.

Мальчишка попробовал было возразить, но Ганелон ткнул его носком сапога.

— Молчать! Сейчас говорю я, и говорю то, что ты сам мне рассказал!

Бывший солдат отполз в сторону, как краб, и посмотрел на меня расширенными от ужаса глазами.

— Что за битва? — спросил я. — Кто с кем сражался?

Ганелон угрюмо улыбнулся.

— Вы услышите историю, вам знакомую. Авалон бросил все свои силы в бой с армией неестественных существ, которые долгие годы разоряли страну.

— Вот как? — Я посмотрел на мальчишку, и он

опустил голову, но я успел заметить, что лицо его исказилось от страха.

— …женщины, — говорил Ганелон. — Прекрасные и неприступные фурии. Вооруженные до зубов и одетые в доспехи. С длинными светлыми волосами и леденящим взором. Верхом на белых огнедышащих скакунах, которые питаются человеческой плотью, они выезжают из пещер, образовавшихся несколько лет назад после землетрясения. Совершая набеги по ночам, они берут в плен молодых мужчин и убивают всех остальных. Уж больно эта картина напоминает мне Черный Круг и его Хранителей.

— Но после смерти рогатого многие Хранители остались живы, — возразил я. — И ни один из них не показался мне лишенным души. Скорее я бы сказал, что они частично потеряли память. Мне непонятно только, почему авалонцы не завалили камнями все выходы из пещер.

— Они пытались это сделать, но безуспешно. Завалы таинственно исчезали, а женщин становилось все больше и больше.

Я посмотрел на паренька, и он кивнул в знак согласия. Лицо его было пепельно-серым.

— Отряды генерала, которого здесь называют Протектором, — продолжал Ганелон, — все ча-

ще вступали в бой с этими ведьмами, а сам он провел ночь с их предводительницей, Линтрой, то ли развлекаясь, то ли пытаясь заключить перемирие. Однако все осталось по-прежнему. После их встречи набеги возобновились, и тогда Протектор решил атаковать всеми силами в надежде раз и навсегда избавить страну от нечисти. А этот, — Ганелон указал на парнишку острием шпаги, — удрал с поля боя, и теперь мы не знаем, чем закончилось сражение.

— Это правда? — спросил я дезертира, который смотрел на шпагу, как зачарованный. Вздрогнув, он на мгновение встретился со мной взглядом и поспешно кивнул.

— Интересно, — сказал я, обращаясь к Ганелону. — Похоже, перед ними стоит задача, которую мы совсем недавно решили. Жаль, конечно, что исход битвы неизвестен.

Ганелон вздохнул и сжал эфес шпаги.

— Ничего не поделаешь. А с дезертиром пора кончать. Он действительно ничего больше не знает.

— Постой, постой. Насколько я понял, он пытался украсть у нас какую-то еду?

— Да.

— Развяжи ему руки. Мы его накормим.

— Но ведь он — вор.

— Не ты ли говорил мне когда-то, что убил человека за пару башмаков?

— Конечно! Но тут не может быть сравнений.

— Почему?

— Мне это удалось.

Я расхохотался. Смех помог мне снять нервное напряжение, но я никак не мог остановиться. Сначала Ганелон насупился, потом на лице его появилось изумленное выражение, и в конце концов он тоже рассмеялся.

Мальчишка смотрел на нас как на сумасшедших.

— Ох ты! — всхлипнул Ганелон, вытирая выступившие от смеха слезы. Он схватил паренька за шиворот, повернул спиной и перерезал стягивающую его руки веревку. — Пойдем, сосунок. Я тебя накормлю.

Мы подошли к седельным сумкам. Мальчишка, ковыляя, шел сзади. Он с жадностью накинулся на еду и громко зачавкал, не отрывая взгляда от Ганелона. Я задумался. В стране, где бушевала война, мне будет трудно добиться желаемого. К тому же меня одолели былые страхи и сомнения при мысли о том, что Отражениям грозит смертельная опасность. Я помог Ганелону разжечь

небольшой костер.

— Что будем делать? — спросил он.

У меня не было выхода. Битвы кипят на всех Отражениях, где существует Авалон. На то они и Отражения. А необходимый мне порошок я мог достать только в Авалоне. Пускаясь в путь, я преследовал определенную цель, и если на этом пути мне все время встречались силы Хаоса, значит, от них зависело, сумею ли я достичь этой цели. Таковы были правила игры, и я не мог жаловаться, потому что сам их придумал.

— Пойдем в Авалон, — ответил я. — И пусть мое желание исполнится!

Паренек испуганно вскрикнул и — возможно, испытывая ко мне чувство признательности за то, что я спас его от шпаги Ганелона, — предупредил:

— Не ходите в Авалон, сэр! Ваше желание не может исполниться! Вас убьют!

Я улыбнулся и кивнул, а Ганелон, ухмыляясь, небрежно произнес:

— Давайте прихватим его с собой. Пусть предстанет перед военным трибуналом за дезертирство!

Он еще не успел договорить, а паренек уже улепетывал со всех ног. Продолжая ухмыляться,

Ганелон выхватил из-за пояса кинжал и отвел руку для броска. Я ударил его по плечу, и кинжал вонзился в землю. Паренек исчез, будто его ветром сдуло, а Ганелон расхохотался.

— Напрасно вы мне помешали, — сказал он, подбирая кинжал.

— Пусть живет.

— Если он вернется сегодня ночью и перережет нам глотки, вы даже не успеете пожалеть о своем решении.

— Не спорю. Но он не вернется, и ты это прекрасно знаешь.

Ганелон пожал плечами, отрезал большой кусок мяса и начал разогревать его над костром.

— По крайней мере, война научила его показывать врагу пятки. Вы правы, мы можем спать спокойно.

Он принялся за еду, и я последовал его примеру.

Глубокой ночью я проснулся и долго лежал, глядя на звезды сквозь завесу листвы. Я думал о мальчишке-дезертире, и у меня возникло такое чувство, что встреча с ним — плохое предзнаменование. Я долго не мог уснуть.

Наутро мы закидали костер землей и отправились в путь. К полудню были уже в горах, а

на следующий день спустились с них и поехали по дороге, на которой виднелись свежие следы кавалеристов и пехотинцев. Однако никого не встретили. На другой день мы увидели несколько ферм и коттеджей, разбросанных в небольшой долине, но решили не останавливаться. Я не хотел быстро менять Отражения, как в той «демонической» скачке, когда изгнал Ганелона из страны. Мне нужно было время, чтобы все обдумать, и наш маршрут вполне меня устраивал. Но сейчас до Авалона рукой подать. К полудню третьего дня над нами раскинулось небо Амбера, и я молча любовался им, проезжая лес, похожий на Арденнский. Правда, в нем не звучал рог Джулиана, не было Моргенштерна и гончих, которые гонялись за мной и Рэндомом несколько лет назад. Слышались лишь птичьи голоса в ветвях огромных дуплистых деревьев, беличьи щелканья, тявканье лис и журчание воды в ручейке. Повсюду были белые, голубые и розовые цветы. В воздухе веяло прохладой, и я совсем было настроился на лирический лад, когда за поворотом дороги увидел свежевырытые могилы. Чуть дальше чернели следы пепелищ, и дорога заканчивалась, уступая место помятому кустарнику, сквозь который, видимо, прошло большое войско. Я отвернулся,

проезжая мимо полусъеденного трупа лошади с вывалившимися внутренностями. Пахло дымом.

Вскоре пейзаж вновь стал мирным, но небо Амбера больше меня не радовало. К вечеру лес значительно поредел, и Ганелон заметил далекие огни костров к юго-востоку от Авалона. Мы свернули на первую же тропинку, ведущую в этом направлении, и пришпорили коней.

— Может, это стоит лагерем армия Протектора? — спросил Ганелон.

— Или того, кто разбил его наголову, — ответил я.

Он покачал головой, и рука его невольно потянулась к эфесу шпаги. Поздно вечером мы сделали привал у звонкого прозрачного ручейка, стекавшего с гор. Я выкупался, подстриг бороду и тщательно почистил одежду. Наше путешествие подходило к концу, и мне хотелось хорошо выглядеть. Ганелон долго на меня смотрел, а потом тоже привел себя в порядок: ополоснул лицо и громко высморкался.

По небу плыла ясная полная луна, и неожиданно я понял, что не вижу перед глазами привычной туманной дымки. На секунду у меня перехватило дыхание, и я начал вглядываться в ранние звезды, края белых облаков, вершины далеких

гор. Потом вновь перевел взгляд на луну. Она оставалась такой же ясной и сверкающей, Зрение вернулось ко мне полностью!

Услыхав мой смех, Ганелон вздрогнул, но не спросил, почему я смеюсь. С трудом сдерживаясь, чтобы не запеть, я вскочил в седло. Тени удлинились, крупные звезды одна за другой загорались на небосводе. Я вдохнул полной грудью, задержал дыхание, выдохнул. Я снова был самим собой.

Ганелон поравнялся со мной и тихо спросил:

— Как вы думаете, они выставили часовых?

— Безусловно.

— И я так думаю. Может, свернем в лес?

— Нет. Зачем вызывать лишние подозрения. Если нас проводят в лагерь под конвоем, меня это не волнует. Мы — путешественники.

— Они захотят выяснить, с какой целью мы путешествуем.

— Хотим наняться на службу. Мы — вольнонаемные солдаты, узнавшие, что в этом государстве идет война.

— Правдоподобно. Остается надеяться, что им не придет в голову отправить нас на тот свет, не допросив.

Я вслушивался в стук копыт наших лошадей. Тропинка, по которой мы ехали, была изви-

листой. Преодолев подъем, мы оказались на вершине небольшого холма. Лагерь был виден, как на ладони. Повсюду горели костры, стояли палатки, сидели и ходили люди, человек двести, насколько я мог судить. Неподалеку пасся табун лошадей.

Ганелон вздохнул.

— По крайней мере, они похожи на обычных людей.

— Да.

— За нами сейчас наверняка наблюдают. Здесь слишком хороший наблюдательный пункт, чтобы не выставить часовых.

— Да.

Позади нас послышался какой-то шум, и резкий голос произнес:

— Не двигайтесь!

Я медленно повернул голову и увидел четырех солдат. Двоих — с арбалетами, двоих — со шпагами наголо. Один из них сделал шаг вперед.

— Слезьте с лошадей! С правой стороны! И никаких резких движений!

Мы спешились и встали поодаль друг от друга, чуть отведя руки в стороны.

— Кто вы? Откуда? — спросил он.

— Наемники из Лорен, — ответил я. — Мы

слышали, что в Авалоне идет война, и ищем человека, который взял бы нас на службу. Мы ехали в лагерь… надеюсь, это ваш лагерь?

— А если я отвечу: «Нет, мы собираемся на него напасть»?

Я пожал плечами.

— В таком случае я спрошу, не хотите ли вы нанять еще двух солдат?

Он сплюнул.

— Протектор не нуждается в таких, как вы. Где находится Лорен?

— На востоке.

— Не встречались ли вам по пути… какие-нибудь препятствия?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — чуть помедлив, ответил он. — Сдайте оружие. Я отправлю вас в лагерь. Вам придется рассказать обо всем необычном, что вы видели на востоке.

— Но мы не видели ничего необычного!

— Неважно. В любом случае вас накормят. Хотя сильно сомневаюсь, что Протектор захочет воспользоваться вашими услугами. Война закончилась. А сейчас — сдайте оружие.

Повинуясь его приказу, из-за деревьев вышли двое солдат. Мы отдали им шпаги, взяли лошадей

под уздцы и пошли вниз по склону холма.

— Стойте! — внезапно воскликнул тот, кто нас допрашивал. Я повернулся и вопросительно посмотрел на него. — Как вас зовут?

— Кори.

— Не двигайтесь! — Он подошел ко мне вплотную и стал вглядываться в мое лицо. Секунд через десять я не выдержал.

— А в чем, собственно, дело?

Вместо ответа он стал рыться в кошельке, пристегнутом к поясу, достал пригоршню монет и поднес к глазам.

— Черт! Слишком темно! Жаль, нельзя посветить!

— Зачем? — спросил я.

— Ваше лицо показалось мне знакомым, и я только сейчас вспомнил, где его видел. На старых монетах. Они все еще имеют хождение. — Он нахмурился и повернулся к одному из лучников. — Правда, похож?

— Да, — согласился тот. — Похож, и даже очень.

— А ты не помнишь, кем он был?

— Откуда мне помнить? Один из бывших, должно быть. Меня тогда и на свете-то не было.

— И я не помню. Впрочем, неважно. Идите,

Кори, — вновь обратился он ко мне. — Отвечайте на вопросы честно, и с вами поступят по справедливости.

Спускаясь с холма, я почему-то представлял себе, что он смотрит мне в спину и чешет в затылке. Солдаты, которых выделили нам в провожатые, оказались неразговорчивыми. Меня это устраивало. Шли мы медленно, и я вспомнил рассказ паренька о сражении, которое неизвестно кто выиграл. Я достиг цели, попал в Авалон, вернее, аналог Авалона. Теперь, чтобы совершить задуманное, мне необходимо было действовать, исходя из обстоятельств.

В лагере приятно пахло дымом, жареным мясом, лошадиным потом, промасленной упряжью. Слышались разговоры, бряцало оружие, горели костры. Люди ели, пили, играли, развлекались и смотрели, как мы проходим мимо, направляясь к трем стареньким палаткам, стоявшим одна подле другой. Мы остановились у первой из них, и сопровождавший нас солдат о чем-то спросил часового, совершавшего обход. Тот отрицательно покачал головой. Они разговаривали несколько минут, а затем наш солдат вернулся, перекинулся парой фраз со своим товарищем, и подошел ко мне.

— Протектор собрал всех офицеров на военный совет, — сказал он. — Мы сейчас стреножим ваших лошадей и отведем их на пастбище. Заберите свои вещи. Вам придется подождать немного нашего капитана.

Мы сняли седельные сумки и насухо вытерли лошадей. Хромой пастух взял Чемпиона и Огнедышащего (коня Ганелона) под уздцы и повел их в табун. Мы уселась на сумки. Кто-то принес нам горячего чаю и одолжил у меня немного табаку. Наши стражники отошли и сторонку и расположились на отдых. Я наблюдал за входом в самую большую палатку, стоявшую в центре, прихлебывал чай и думал о маленьком ночном кафе на Rue de Char et Pain в Брюсселе на Отражении Земля, где я так долго жил. Достав необходимый мне ювелирный порошок, я поеду в Брюссель и заключу сделку с торговцами оружием. Мой заказ будет очень сложным и сдерут за него три шкуры, потому что военному заводу придется строить новые поточные линии. По собственному опыту я знал, что заказать оружие можно помимо «Интерамко». На все про все у меня уйдет три месяца. Я стал обдумывать детали, и время протекло незаметно.

Часа через полтора полог большой палатки

распахнулся, и люди стали выходить, оглядываясь и оживленно беседуя. Двое задержались на пороге. Я слышал их голоса, но не разобрал, о чем идет речь. Ясно было только, что командир, оставшийся в палатке, дает им последние указания. Он даже подошел к выходу, что-то объясняя, и я успел разглядеть, что он был худ и очень высок. Охранявшие нас солдаты все еще сидели в сторонке: один из них сказал мне, что офицер, стоявший справа — капитан, который должен нас допросить. Я все еще пытался получше рассмотреть командира, но окружавшие его офицеры помешали этому. Затем он вышел из палатки. Сначала я подумал, что это — игра света и тени… но нет! Он сделал шаг вперед, и я вздрогнул. У него по локоть не было правой руки. Окровавленные бинты говорили о том, что руку он потерял совсем недавно. Левая его рука неожиданно рубанула воздух, и я почувствовал, что во мне оживают давно забытые воспоминания. У человека, на которого я смотрел, были прямые каштановые волосы, сильный волевой подбородок. Ветерок раздул полы его плаща, и я увидел желтую рубашку и коричневые брюки. Неестественно быстрым движением левой руки он запахнулся, прикрывая обрубок.

Я резко встал, и голова его мгновенно повернулась в мою сторону. Глаза наши встретились, и мы оба замерли, глядя друг на друга. Затем он оттолкнул изумленных офицеров и пошел ко мне. Я услышал, как Ганелон хмыкнул и быстро поднялся. Человек остановился в нескольких шагах от меня, и его карие глаза блеснули. Он редко улыбался, но на этот раз позволил себе слабое подобие улыбки.

— Пойдем со мной, — сказал он и, повернувшись, направился в палатку. Мы пошли следом, оставив седельные сумки на земле.

Он отпустил взглядом двух офицеров, остановился перед входом, пропустил нас вперед и закрыл за собой полог. Я увидел походную постель, маленький столик, скамейки, сундучок. На столике горела масляная лампа, лежали карты местности, стояли бутылка вина и несколько кружек. На сундучке горела еще одна лампа.

Человек сжал мне руку и вновь улыбнулся.

— Корвин, — сказал он. — Все еще живой.

— Бенедикт! — Я улыбнулся в ответ. — И тоже не мертвый. Сколько воды утекло.

— Не говори. Кто твой друг?

— Его зовут Ганелон.

— Ганелон, — повторил Бенедикт, кивая, а

затем подошел к столу и налил три кружки вина. — Твое здоровье, брат!

— Твое здоровье!

Мы выпили.

— Садитесь, — сказал он, указывая на скамейку. — Приветствую вас в Авалоне.

— Спасибо… Протектор.

Он поморщился.

— Этот титул заслужен. Интересно, мог ли их прежний правитель похвастаться тем же самым?

— Поверь мне, мог. Но только в другом Авалоне.

Бенедикт пожал плечами.

— Естественно. И хватит об этом! Где ты был? Что делал? Зачем пришел? Расскажи о себе. Мы так давно не виделись.

Я кивнул. На мое несчастье, фамильный этикет (не говоря о расстановке сил) требовал, чтобы я первым ответил на вопросы. Он был старше меня, и я вмешался — пусть непреднамеренно — в сферу его деятельности. Не могу сказать, что мне не хотелось быть почтительным: Бенедикт был одним из немногих, кто мне нравился и кого я уважал. Но мы действительно слишком давно не виделись, и мне не терпелось расспросить его,

чтобы выведать все интересующие меня подробности. К тому же я не знал, как вести разговор. Мне было неизвестно, кому Бенедикт симпатизирует, на чьей стороне находится. Я не понимал, почему он не живет в Амбере, и боялся оказаться в неловком положении, сморозив какую-нибудь глупость. Разговаривая с ним, мне необходимо было быть предельно осторожным, пока я не выясню, что к чему.

— Не знаешь, с чего начать? — спросил он, внимательно изучая мое лицо. — Мне безразлично, под каким соусом ты себя подашь.

— Не в этом дело. Мне трудно… А, ладно. Начну, как говорится, с самого начала. — Я отпил немного вина. — Так проще, хотя все, что со мной произошло, я вспомнил сравнительно недавно.

— Прошло всего несколько лет после битвы с Лунными Всадниками Генеша, когда ты отбыл в неизвестном направлении, а у нас с Эриком уже возникла первая крупная ссора, — начал я свой рассказ. — Сам понимаешь, спор шел о наследстве. Отец, как всегда, грозил, что отречется от престола, но отказывался назвать своего преемника. Естественно, все мы только и говорили о том, кто из нас является законнорожденным, а кто нет. Конечно, и ты, и Эрик старше меня, но в

то время как Файла, наша с Эриком мать, стала женой Оберона после смерти Климнеи, она…

— Хватит! — вскричал Бенедикт, ударив по столу кулаком с такой силой, что деревянная доска треснула. Лампа подпрыгнула, но каким-то чудом не перевернулась. Полог немедленно откинулся, и в палатку заглянул насмерть перепуганный стражник. Бенедикт бросил на него один только взгляд, и стражника как ветром сдуло. — Я не желаю слушать, кто из нас ублюдок. Это нечистоплотно. Вечные склоки в нашей семье явились одной из причин, по которой я скрылся и живу здесь. Пожалуйста, продолжай, но без ссылок на родословную.

— Гм мм… да, — сказал я, слегка ошарашенный. — Итак, как я уже говорил, мы с Эриком крупно поссорились. И дело не ограничилось одними словами.

— Дуэль?

— О, мы не стали соблюдать формальностей. Просто пришли к выводу, что мы друг другу мешаем, и одновременно выхватили шпаги из ножен. Дрались мы долго, и в конце концов Эрику удалось одержать верх. Забегая вперед, должен тебе сказать, что все это я вспомнил не далее как пять лет назад.

Бенедикт кивнул, словно знал, о чем идет речь.

— Я могу только предполагать, что произошло после того, как я потерял сознание, — продолжал я. — Эрик не стал меня убивать. Очнулся я на Отражении Земля в городе Лондоне. Повсюду свирепствовала чума, и я, естественно, заразился, а выздоровев, потерял представление о том, кто я такой и где нахожусь. У меня начисто отшибло память. Я жил на Земле много веков, воевал, учился в университетах, говорил с мудрецами, консультировался с выдающимися врачами, но так и не нашел ключа к своему прошлому. Мне было совершенно очевидно, что я не похож на других людей, и я совершал поистине героические усилия, чтобы этот факт не стал общеизвестен. Меня бесило, что я могу добиться всего, чего захочу, кроме одного: вернуть себе память. Шли годы, чувство ностальгии овладевало мною все сильнее и сильнее. Затем в результате автомобильной катастрофы я оказался в шоковом состоянии и у меня появились отрывочные воспоминания о прошлой жизни. Это произошло примерно пять лет назад. Ирония судьбы: у меня есть веские основания предполагать, что аварию подстроил Эрик. И с самого начала моей ссылки Флора жила на Земле, не выпуская меня из виду. Но вернусь

к нашему поединку. Эрик, должно быть, удержал руку в последний момент, не желая, чтобы его обвинили в братоубийстве. Затем он бросил меня на Отражении Земля, не сомневаясь, что я там погибну. Таким образом, он всегда мог сказать, что мы поссорились и что в порыве гнева я решил уйти из Амбера по каким-то своим делам. В тот день мы охотились в Арденнском лесу.

— Мне это кажется странным, — заметил Бенедикт. — Ваши отношения ни для кого не были тайной, и вдруг вы отправляетесь на охоту вдвоем.

Я сделал глоток вина и улыбнулся.

— Может, я упрощаю. Наверное, мне тоже хотелось остаться с Эриком наедине.

— Понятно. Значит, не исключено, что роли ваши могли поменяться.

— Трудно сказать. Мне кажется, лично я никогда не зашел бы так далеко. Но ведь я говорю, исходя из своего сегодняшнего опыта. А тогда?.. Утверждать не могу, но, возможно, и я поступил бы так же, как он.

Бенедикт вновь кивнул, и я почувствовал, что его гнев сменился на изумление.

— Как ты понимаешь, я не собираюсь оправдываться или объяснять мотивы своих поступ-

ков, — продолжал я. — Если мои догадки верны, Эрик, разочарованный тем, что я остался жив, решил не выпускать меня из виду. Эту миссию он и возложил на Флору. Затем, насколько я понял, отец отрекся от престола и исчез, а вопрос о его преемнике так и остался открытым…

— Черта с два! — воскликнул Бенедикт. — Никакого отречения не было. Однажды вечером Оберон ушел к себе в спальню, а наутро его там не оказалось. Записки он не оставил. Постель была застлана, и, судя по всему, в ней никто не спал. Сначала нас это не тревожило. Все думали, что он путешествует по Отражениям, быть может, в поисках очередной невесты. Прошло много времени, прежде чем заподозрили неладное и решили считать таинственное исчезновение отца новой формой отречения от престола.

— Я этого не знал. Твои источники информации точнее моих.

Он промолчал, и это меня насторожило. Было очевидно, что Бенедикт поддерживает связь с Амбером. Вдруг он стал сторонником Эрика?

— Ты давно был в Амбере? — рискнул спросить я.

— Лет двадцать назад. Но я поддерживаю связь.

Вот как? Члены нашей семьи, с которыми я разговаривал, не знали (или делали вид, что не знают) о судьбе Бенедикта. И он должен понять, что его слова я не могу воспринимать иначе, как предостережение… или угрозу? Мысли мои понеслись вскачь. Рэндом утверждал, что ничего не слышал о Бенедикте. Бранд исчез. Я знал, что он жив, находится в плену и лишен возможности общаться с кем бы то ни было. Флора не могла быть связной Бенедикта, потому что до недавнего времени находилась на Отражении Земля. Льювилла жила в Ребма. Дейдра тоже. Насколько я помнил, в Амбере ее не очень-то жаловали. Фиона? Джулиан говорил, что она где-то на юге, но не знал, где именно. Оставались Эрик, Джулиан, Жерар и Каин. Исключим Эрика. Он никогда не рассказал бы Бенедикту об исчезновении отца в невыгодном для себя свете. Скорее это мог сделать Джулиан, который, хоть и поддерживал Эрика, метил занять куда более высокое положение. Каин тоже не был лишен амбиций. Один только Жерар всегда производил на меня впечатление человека, который больше думает о судьбе Амбера, чем о власти. Жерар не благоговел перед Эриком и согласился помочь мне и Блейзу, когда мы собирались захватить трон. Да, именно

Жерар, заботясь о благополучии государства, мог информировать Бенедикта обо всех событиях в Амбере. Итак, Джулиан, Каин, Жерар. Джулиан меня ненавидел, Каину я был безразличен, а с Жераром нас связывали общие воспоминания времен вашей юности. Так кто же? Вопрос первостепенной важности, от которого зависела моя судьба, и Бенедикт мне не ответит на него до тех пор, пока не узнает моих планов. Сказав, что поддерживает связь с Амбером, он ясно дал понять, что, во-первых, может в любую минуту со мной расправиться, а во-вторых, что ему обеспечена защита в случае опасности. И он сказал об этом в самом начале разговора, даже не успев меня выслушать. Возможно, лишившись руки, Бенедикт стал осмотрительнее, ведь я никогда не давал ему поводов для недовольства. Значит, мне тоже придется быть предельно осторожным. Жаль, конечно, ведь мы были братьями и не виделись целую вечность — в буквальном смысле слова.

— Получается, все мы действовали преждевременно, — заметил я, вертя кружку с вином в руках.

— Не все, — сказал он.

Я почувствовал, что краснею.

— Извини.

Он коротко кивнул.

— Я тебя слушаю.

— Что ж… видимо, Эрик посчитал, что трон пустует слишком долго, и для начала решил избавиться от беспомощного, но опасного соперника. Однако я остался жив, хоть Эрик и подстроил ту самую автомобильную катастрофу, о которой я тебе говорил.

— Откуда ты знаешь? Или это опять догадки?

— Флора практически созналась, что он имел непосредственное отношение к аварии.

— Любопытно. Что было дальше?

— Травма черепа помогла мне куда лучше, чем Зигмунд Фрейд, к которому я когда-то обращался. Я начал смутно вспоминать свое прошлое, в особенности после встречи с Флорой. Мне удалось убедить ее, что память вернулась ко мне полностью, и Флора разоткровенничалась. Затем появился Рэндом, спасаясь от погони, и я…

— Спасаясь от погони? Кто за ним гнался? Что случилось?

— Какие-то странные существа с одного из Отражений. Я не знаю, в чем там дело.

— Любопытно, — повторил Бенедикт, и я согласно кивнул.

Будучи узником, я часто вспоминал громил,

ворвавшихся в дом Флоры. Мне было непонятно, зачем Рэндом убегал от них и почему обратился за помощью именно ко мне. С момента нашей встречи нам постоянно грозила какая-нибудь опасность. К тому же я был занят своими мыслями, а он не объяснил, с какой целью пришел на Отражение Земля. Тогда это не показалось мне странным, а потом события развивались слишком стремительно — вплоть до того момента, как меня посадили в камеру. Бенедикт был прав. Любопытная история. И над ней стоило серьезно поразмыслить.

— Мне удалось обмануть Рэндома, — продолжал я. — Он поверил, что я хочу захватить трон, в то время как мне нужно было только одно — вернуть память. Мы отправились в Амбер, но волею судеб очутились в Ребма. По пути я рассказал Рэндому все без утайки, и он посоветовал мне пройти Лабиринт. Как только мне представилась эта возможность, я ею воспользовался, а оказавшись в центре Лабиринта и став прежним Корвином, немедленно переместился в Амбер.

Бенедикт улыбнулся.

— Бедный Рэндом, — сказал он.

— Да, несладко ему пришлось. По приговору Муари он должен был жениться на слепой де-

вушке по имени Виала и остаться в Ребма ровно на год. Рэндом согласился, и позже я узнал, что он сдержал слово. Кстати, Дейдра, которая спаслась бегством из Амбера, тоже осталась в Ребма.

Я допил вино, и Бенедикт, увидев, что бутылка пуста, достал из сундука другую. Вино было лучше прежнего — должно быть, из его личных запасов.

— Оказавшись во дворце, я пробрался в библиотеку и обзавелся колодой карт. Я добился того, чего хотел. Затем в комнату неожиданно вошел Эрик, а спустя несколько минут мы уже бились на шпагах. Я ранил его и наверняка убил бы, если б не подоспела стража. Я бежал, связался с Блейзом, и он переместил меня на свое Отражение. Остальное ты наверняка знаешь от своего человека. Мы с Блейзом стали союзниками, объявили Эрику войну и проиграли сражение. Блейз упал с вершины Колвира, но я успел кинуть ему колоду карт, и он ее поймал. Насколько мне известно, тело его не было обнаружено. Я не знаю, погиб он или нет.

— И я не знаю, — сказал Бенедикт.

— Таким образом я попал в плен, и меня заставили присутствовать на коронации Эрика. Я короновал себя раньше, чем этот ублюдок, —

извини, я выругался без всякой задней мысли. Затем он приказал выжечь мне глаза и бросить в самое мрачное подземелье Амбера.

— Да, — сказал Бенедикт. — Это я слышал. Как тебя ослепили?

— Раскалили железный прут и… — Я невольно вздрогнул и еле удержался, чтобы не закрыть глаза рукой. — Слава богу, я потерял сознание и ничего не помню.

— Глазные яблоки были выжжены?

— Да.

— Сколько времени заняла регенерация?

— Прошло около четырех лет, прежде чем я начал видеть, и только на днях зрение вернулось ко мне полностью. В общей сложности — пять лет.

Он облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Хорошо. Ты дал мне надежду. Многие из нас потеряли части тела, но не столь значительные, как руки и глаза.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Я давно потерял счет пальцам и ушным раковинам, которые регенерировали у членов нашей семьи. Думаю, рука тоже отрастет, дай срок. Хорошо еще, что ты одинаково владеешь обеими руками.

Бенедикт улыбнулся. Он то улыбался, то мрачнел, прихлебывая вино маленькими глоточками,

и явно не собирался касаться интересующей меня темы. Я тоже сделал глоток вина и задумался. Мне не хотелось рассказывать Бенедикту о Дворкине. Он был такой козырной картой, которую я приберег на конец игры — мало ли что может случиться? Ни один из нас в полной мере не знал возможностей этого человека. Он, конечно, был сумасшедшим, но от него можно было добиться чего угодно — разумеется, не силой, а хитростью. Даже отец его боялся и посадил в тюрьму после того, как тот сообщил, что нашел способ уничтожить Амбер. Не знаю, было ли это болтовней шизофреника, но если Дворкин сказал правду, отец поступил с ним более чем великодушно. Лично я казнил бы его, не задумываясь. Но Оберон пришел к другому выводу. Дворкин явно говорил о врагах, которых он отпугивал или уничтожал, используя свою волшебную силу. Я помнил его с детских лет как мудрого доброго старичка, обожавшего отца и всю нашу семью. Трудно, конечно, убить человека, если есть надежда на его исцеление. Поэтому отец и заточил Дворкина в подземелье, убежать из которого было невозможно. Тем не менее в один прекрасный день, когда ему стало скучно, он взял и вышел оттуда. Никто, ну просто никто не мог уйти из

Амбера на Отражения по той простой причине, что Амбер реальный мир, который не может меняться, а Дворкин походя нарушил законы Вселенной и очутился в моей камере. Мне удалось обмануть его, и, сам того не зная, он помог мне бежать в Кабру. Я жил там, пока не окреп, а затем отправился путешествовать и волею судеб попал на Лорен. Я думаю, никто так и не понял, как мне удалось бежать. Все члены нашей семьи обладали особыми силами, но только Дворкину удалось их проанализировать и заставить действовать с помощью Лабиринта и Карт. Он часто пытался изложить нам свои теории, но все его рассуждения были настолько абстрактными, утомительными и, наконец, просто скучными, что их почти никто не слушал. Все мы слишком практичны, черт побери! Бранд был единственным, кто интересовался лекциями Дворкина. И еще Фиона слушала Дворкина очень внимательно. И, конечно, отец. Оберон обладал огромными знаниями, но был очень скрытен. Он уделял нам мало времени, и мы почти ничего о нем не знали. Думаю, отец разбирался во всем не хуже Дворкина, но задачи перед ними стояли разные. Дворкин был гениальным художником, создавшим Лабиринт и Карты. Кем был отец, оставалось

тайной. Он не пытался с нами сблизиться, хотя его нельзя было назвать недобрым отцом. Когда Оберон вспоминал, что мы существуем, он делал нам прекрасные подарки. Но воспитание наше он доверил различным придворным, а сам не принимал в нем никакого участия. Мне кажется, отец просто терпел нас, считая неизбежными последствиями своей страсти. Честно говоря, меня всегда немного удивляла малочисленность нашей семьи. За полторы тысячи лет похотливый монарх обзавелся всего шестнадцатью отпрысками, трое из которых погибли. Правда, ни один из нас тоже не может похвастать большим потомством. Как только мы немного подросли и научились путешествовать по Отражениям, отец стал поощрять нас, предлагая выбрать место себе по вкусу и обосноваться там. Поэтому я и очутился в Авалоне, которого больше нет. Где родился Оберон, не знал никто. Я не встречал человека, помнящего времена, когда Оберона не было на свете. Вам это кажется странным? На протяжении многих веков не интересоваться, откуда родом твой отец? Вы правы. Но король Амбера был могуществен, немногословен и умен — качества, которыми все его дети обладали в той или иной степени. Он хотел, чтобы мы жили

счастливо и не представляли угрозы его правлению. Я думаю, отец боялся, что мы узнаем о его прошлом какую-то тайну, которую он тщательно скрывал, и воспользуемся ею в своих целях. И я не верю, что Оберон представлял себе те времена, когда он не будет сидеть на троне… Иногда либо в шутку, либо чтобы подзадорить нас, отец говорил о своем отречении. Но я понимал, что разговоры эти рассчитаны только на одно: посмотреть, как мы на них отреагируем. Король Амбера не мог не знать, в каком положении окажутся дела, если его не станет. Как ни обидно мне было в этом признаться, ни один из нас не был достоин занять его место. Конечно, в нашей несостоятельности можно было упрекнуть отца, но знакомство с Фрейдом научило меня многому, и я понимал, что во всем виноваты мы сами. К тому же сейчас смешно рассуждать, кто должен стать монархом. Если отец не отрекся от престола и был жив, каждый из нас может надеяться в лучшем случае на регентство. Мне бы, например, не хотелось короновать себя, а потом встретиться лицом к лицу с Обероном, вернувшимся в Амбер. Я боялся отца и не стыдился в этом признаться. Только глупец не боится тех сил, которых не понимает. И тем не менее у меня было больше прав на трон,

чем у Эрика (я не придавал значения титулу — какая разница, король или регент?), и я был полон решимости осуществить свой замысел. И именно поэтому о Дворкине, который казался мне чуть ли не всемогущим, никто ничего не должен знать до тех пор, пока я не захочу прибегнуть к его услугам. А если он действительно нашел способ уничтожить Амбер? Ведь тогда исчезнут не только Отражения, но и все сущее на планете. Тем более я не имею права говорить, что Дворкин жив. Нельзя допустить, чтобы в руки моих братьев и сестер попало такое грозное оружие. Как я уже говорил, все члены нашей семьи очень практичны.

Я допил вино, вытащил трубку, прочистил ее и туго набил.

— Вот, собственно, и весь мой рассказ, — сказал я, приподнимаясь и прикуривая от лампы. — Когда зрение ко мне вернулось, я бежал из Амбера. Некоторое время я жил на Лорен, где и встретился с Ганелоном. Затем пришел сюда.

— Для чего?

— Это место напоминает мне Авалон, который я знал.

Я намеренно вскользь упомянул о Ганелоне, надеясь, что теперь Бенедикт не станет меня о нем

расспрашивать. Мне бы не хотелось говорить, что когда-то мы были знакомы, и я думаю, мой спутник тоже понял, что ему надлежит держать язык за зубами.

Как я и предполагал, Бенедикт не обратил на Ганелона ни малейшего внимания. Моего брата интересовало другое.

— Как тебе удалось бежать? — спросил он.

— Мне помогли выйти из камеры, — признался я. — А дальше… во дворце много потайных мест, о которых Эрик ничего не знает.

— Понятно. — Он многозначительно кивнул, ожидая, что сейчас я упомяну тех, кто мне помогал, и зная, что самому таких вопросов задавать не следует.

Я улыбнулся и запыхтел трубкой.

— Хорошо иметь друзей, — заметил он как бы в ответ на мою невысказанную мысль.

— Думаю, у каждого из нас найдутся друзья в Амбере.

— Хочется верить, — коротко сказал он и, на секунду задумавшись, добавил: — Насколько мне известно, ты частично выдолбил двери в камере, нарисовал на стенах какие-то картинки и поджег постель. Верно?

— Да. Видимо, длительное заключение влияет

на психику. Я и сам понимаю, что вел себя более чем странно.

— Я не завидую тебе, брат. Скажи, что ты собираешься делать?

— Честно говоря, еще не решил.

— Может, ты хочешь остаться здесь?

— Сам не знаю. Как обстоят дела в Авалоне?

— Здесь командую я. — Судя по его тону, это был не вызов, а констатация факта. — Думаю, мне удалось избавить Авалон от грозящей ему опасности. Если я прав, сейчас настанут спокойные времена. Цену я, конечно, заплатил высокую, — тут он невольно бросил взгляд на свою культю, — но игра стоила свеч.

И он начал говорить о том, что я уже слышал от мальчишки-дезертира, а потом рассказал о битве. Когда предводительница ведьм погибла, ее солдаты разбежались в разные стороны. Авалонцы бросились вдогонку и почти всех перебили, а пещеры вновь завалили камнями. На всякий случай Бенедикт оставил рядом с ними несколько патрульных отрядов.

Он ни слова не сказал о своей встрече с Линтрой.

— А кто убил их предводительницу? — поинтересовался я.

— Это сделал я, — отчеканил он, и культя его непроизвольно дернулась. — Но заколебался, прежде чем нанести первый удар. Нельзя было медлить.

Я отвел глаза в сторону, и Ганелон последовал моему примеру. Когда я вновь посмотрел на Бенедикта, лицо его было спокойным.

— Мы искали тебя. Ты хоть знаешь об этом, Корвин? — спросил он. — И Бранд, и Жерар с ног сбились, исходив множество Отражений. Ты действительно угадал то, что сказал Эрик, объясняя причину твоего отсутствия. Никто не поверил ему на слово. Много раз мы пытались связаться с тобой, но твоя карта оставалась холодной. Видимо, поврежденный мозг блокирует контакт. Любопытная деталь. Тем не менее мы решили, что ты погиб. Затем к поискам присоединились Джулиан, Каин и Рэндом.

— Вот как? Я польщен.

Он улыбнулся.

— О! — воскликнул я, ругая себя за непонятливость, и тоже улыбнулся.

Они бросились искать не меня, а мой труп, чтобы обвинить Эрика в братоубийстве и либо лишить его власти, либо шантажировать.

— Лично я искал тебя в окрестностях Авало-

на, — продолжал Бенедикт, — и мне так здесь понравилось, что я решил остаться. В те дни государство было в ужасающем состоянии, и я трудился в поте лица, чтобы вернуть ему былую славу. Я сделал это в память о тебе, но мне полюбились эта страна и ее жители. Они привыкли к мысли о том, что я — их Протектор, и, честно говоря, я к ним тоже привык.

Я был одновременно и тронут, и встревожен его словами. Не хотел ли он сказать, что ему пришлось исправлять ошибки неумелого нашкодившего младшего братца? Или он не лукавил, а действительно ощутил мою любовь к Авалону — правда, другому Авалону — и решил как бы выполнить мою последнюю волю? Нет, все-таки я стал излишне сентиментален.

— Приятно слышать, что обо мне не забыли, — сказал я, — а еще приятнее, что ты взял на себя роль защитника этой страны. Мне бы очень хотелось побродить по знакомым местам, которые так живо напоминают мне прежний Авалон. У тебя нет возражений, если я немного погощу?

— И это все, чего ты хочешь?

— Это все, чего я хочу.

— Тогда знай, что воспоминания о твоем отражении, которое правило здесь, отнюдь не из

приятных. Ребенка тут никто не назовет Корвином, и я не брат ему.

— Понимаю, — сказал я. — Меня зовут Кори. Ведь мы можем быть старыми друзьями?

— Все будут очень рады, если мой старый друг останется у меня погостить.

Я улыбнулся и кивнул. Он оскорбил меня еще раз, намекнув, что я виновен в плачевном состоянии этого Отражения Отражения, меня, который — пусть на секунду — ощутил холодный огонь короны Амбера на своем челе. Интересно, как повел бы себя Бенедикт, узнав, что я имею прямое отношение к нашествию женщин-ведьм? Сделал бы он вывод, причем достоверный, что потерял руку по моей вине? Лично я предпочитал оценивать ситуацию в целом: не прикажи Эрик выжечь мне глаза, я не произнес бы проклятья. И все же пусть лучше Бенедикт ничего не знает.

Мне необходимо было выяснить, окажет ли он поддержку Эрику, будет ли на моей стороне или просто не станет вмешиваться, когда я начну действовать. Бенедикт был слишком умен и наверняка сейчас думал о том, что я намерен предпринять. Итак… Кто начнет разговор? Я раскурил трубку, плеснул в кружку вина и выпустил облако дыма. Я вслушивался в звуки, доносящие-

ся из лагеря, в завывания ветра…

Бенедикт выпил.

— Что ты намерен предпринять? — небрежно спросил он.

Я мог бы ответить, что еще не решил, что счастлив, оказавшись на свободе… что мне ничего не надо… И он тут же понял бы, что я вру и не краснею, Бенедикт знал меня как облупленного.

— Ты знаешь, что я намерен предпринять, — ответил я.

— Если ты попросишь меня о помощи, я откажу. Амбер переживает тяжелые времена, и нечего устраивать в нем грызню за власть.

— Эрик — узурпатор.

— Я предпочитаю видеть в нем регента. Любой из нас, попытайся он сейчас захватить трон, будет узурпатором.

— Значит, ты веришь, что отец жив?

— Я знаю, что Оберон жив и попал в беду. Он несколько раз пытался со мной связаться.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Значит, я был не единственным. Расскажи я о нашем с отцом разговоре, меня назвали бы лжецом и обвинили в лицемерии — пять лет назад он практически приказал мне занять трон.

— Ты не поддерживал Эрика, когда он объявил

себя королем. — Я пытливо посмотрел на Бенедикта. — Скажи, ты окажешь ему помощь, если будет сделана попытка скинуть его с престола?

— Я уже говорил, что считаю его регентом. И независимо от моего к нему отношения, я не хочу междоусобиц в Амбере.

— Следовательно, ты окажешь ему помощь.

— Я сказал все, что хотел сказать. Ты волен оставаться в Авалоне, сколько пожелаешь, но я не позволю использовать его как плацдарм для нападения на Амбер. Это ясно?

— Вполне.

— Вот и отлично. А раз мы так хорошо поняли друг друга, ответь мне: ты все еще намерен здесь остаться?

— Не знаю. Твое желание избежать междоусобиц дает гарантии только Эрику?

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что во время спокойствия ты можешь принять решение вернуть меня в Амбер силой. Но если со мной попытаются сделать то, что уже один раз сделали, я натворю таких бед, перед которыми любые междоусобицы покажутся тебе веселым пикником.

Бенедикт покраснел и опустил глаза.

— Я не хотел сказать, что предам тебя, Корвин.

Неужели ты думаешь, у меня нет сердца? Я не допущу, чтобы по моей вине ты попал в тюрьму или ослеп… если не хуже. И я с радостью приму тебя как гостя, но только оставь, пожалуйста, и свое тщеславие, и свой страх на границе моего государства.

— В таком случае я остаюсь, — сказал я. — У меня нет армии, и я не собираюсь набирать ее в Авалоне.

— Я рад.

— Спасибо, Бенедикт. Хоть и не ожидал тебя здесь увидеть, я тоже рад нашей встрече.

Он снова покраснел и кивнул.

— Неужели я первый из наших, с кем ты встретился после побега?

— Да. И меня интересует, как поживают наши братья и сестры. Что новенького?

— Никто не умер.

Оба мы усмехнулись, и я понял, что Бенедикт не собирается со мной откровенничать. Он вообще не любил сплетен и слухов и предпочитал больше молчать. Что ж, его право.

— Я останусь в районе пещер еще на неделю, — сообщил он после непродолжительного молчания. — Хочу убедиться, что все в порядке.

— Разве это не очевидно?

— Надеюсь, да, но я не хочу рисковать. Неделя — не срок, а я должен быть уверен, что с ведьмами покончено.

— Осмотрительность… — пробормотал я.

— …и если ты не жаждешь жить походной жизнью, отправляйся прямо в Авалон. Неподалеку от города у меня есть небольшое поместье. Надеюсь, оно тебе понравится.

— Спасибо, Бенедикт.

— Утром я набросаю тебе карту местности и дам письмо управляющему, а когда покончу с делами, приеду и тоже как следует отдохну.

— Вот и отлично.

— Тогда подыщи себе в лагере место для ночлега и ложись спать. Смотри, не пропусти завтрак.

— Постараюсь. Ты не возражаешь, если мы устроимся на ночь там, где оставили седельные сумки?

— О чем ты говоришь! — воскликнул он, и мы допили вино.

Выходя из палатки, я высоко поднял полог и сжал большой кусок полотна в руке. Бенедикт пожелал нам спокойной ночи и вернулся к столу, не заметив образовавшегося сбоку отверстия. Я соорудил постель справа от седельных сумок и постепенно стал их подтаскивать, роясь в вещах.

Ганелон с любопытством на меня посмотрел. Я кивнул и указал глазами на палатку. Он задумался, кивнул в ответ и тоже постелил правее. Я прикинул расстояние на глазок, подошел к своему спутнику и громко спросил:

— Не возражаешь, если мы поменяемся местами? Мне здесь больше нравится. — Для полной ясности я ему подмигнул.

— Мне безразлично, — так же громко ответил Ганелон и пожал плечами.

Многие костры погасли и солдаты улеглись спать. Часовые не обращали на нас внимания, в лагере было тихо, на небе — ни облачка, лишь мириады звезд. Запах дыма и влажной земли приятно щекотал мне ноздри, напоминая об иных временах. Я очень устал. Но вместо того, чтобы закрыть слипающиеся глаза, я положил под голову жесткую седельную сумку, набил трубку и закурил. Мне дважды пришлось переменить позу — Бенедикт все время ходил по палатке и на какое-то время вообще исчез из поля зрения. Очевидно, он копался в сундучке, потому что свет дальней лампы заколебался. Затем Бенедикт подошел к столу, освободил его от посуды, отошел куда-то, вернулся и сел на старое место. Я изогнул шею, стараясь не терять из виду

его левую руку. Он листал небольшую книжку или… Карты? Я не сомневался в том и дорого бы дал, чтобы узнать, какую карту он вытащил из колоды и положил перед собой. Дорого бы дал и за Грейсвандир — на тот случай, если в палатке появится человек, вошедший не через полог, в котором я сделал такое удобное отверстие. Я почувствовал зуд в ладонях и подошвах ног, как бывает у меня перед битвой. Но в палатке никто не появился. Бенедикт сидел не шевелясь минут пятнадцать, а затем собрал карты в колоду, запер ее в сундучок и погасил свет.

Часовые продолжали обход. Ганелон храпел. Я выколотил трубку, повернулся на бок и устроился поудобнее. «Завтра, — сказал я сам себе. — Если завтра я проснусь живым, все будет в порядке».

Я лежал на животе на берегу ручья, подперев голову руками, сосал пустой стебелек и смотрел, как крутится мельничное колесо. От брызг и пены в воздухе стоял туман, в котором сверкала маленькая радуга, и до меня изредка долетали капли воды. Мерное плескание, шум колеса заглушали все звуки в лесу. На мельнице сегодня никто не работал, и я испытывал наслаждение, глядя на нее, — много веков не видел я ничего подобного. Смотреть на колесо и слушать плеск

воды было так приятно, что я чуть не впал в гипнотическое состояние. Мы жили в поместье Бенедикта третий день, и Ганелон ушел в город на поиски развлечений. Я остался, потому что был там позавчера и узнал все, что мне было нужно. Пришла пора действовать. Из лагеря Бенедикта мы уехали беспрепятственно после того, как он угостил нас завтраком и дал обещанные карту местности и письмо к управляющему. Мы отправились в путь с восходом солнца, а к полудню уже прибыли в небольшой уютный домик, где нас любезно приняли и показали отведенные нам комнаты. Мы быстро привели себя в порядок, ушли в город и остались там до вечера. Бенедикт должен был вернуться в конце недели. Мне необходимо спешить, чтобы закончить дела до его возвращения и успеть вовремя унести ноги. Страна, в которую я попал, удивительно напоминала мне прежний Авалон, и если бы не засевшая в голове мысль, превратившаяся в навязчивую идею, я наслаждался бы покоем и чувством свободы. Но я ничего не мог с собой поделать. Стоило мне ненадолго отвлечься, и я вновь ловил себя на том, что строю всевозможные планы. Мне предстояло совершить небольшое путешествие. Если выйдет так, как я задумал, и никто о нем не узнает, я

решу сразу две проблемы. Правда, мне не удастся уложиться за ночь, но я проинструктировал Ганелона на тот случай, если мое отсутствие будет замечено. Колесо равномерно скрипело, голова моя кивала в такт. Я попытался как можно отчетливее представить то место, куда собирался сегодня отправиться, — цвет и фактуру песка, чуть заметный запах соли в воздухе, облака на небе… Затем я уснул и увидел сон, не имеющий ни малейшего отношения к тому, о чем я думал.

Мне приснилось, что я вижу огромное колесо рулетки, на котором были мы все: я, мои братья, сестры и другие люди, которых я знаю или когда-то знал, и что каждый из нас подпрыгивал в отведенной для него лунке. Все мы требовали, чтобы колесо немедленно остановили, и вскрикивали, опускаясь сверху вниз. Колесо начало замедлять свой бег, поднимая меня все выше и выше, и я увидел белобрысого паренька. Он висел передо мной головой вниз, грозя и умоляя, но голос его почти не был слышен в общей какофонии звуков. Лицо мальчишки потемнело, исказилось, налилось кровью так, что стало страшно, и я рубанул по веревке, которой он был привязан за лодыжку, глядя, как тело его падает и исчезает из виду. Колесо почти остановилось, и я увидел Ло-

рен. Она отчаянно жестикулировала, звала меня, выкрикивала мое имя. Я наклонился и увидел ее ясно-ясно. Во мне проснулось желание обладать этой женщиной, помочь ей как можно скорее. Но колесо продолжало вращаться, и она скрылась.

— Корвин!

Я решил не обращать внимания на ее крики. Когда я окажусь наверху, то постараюсь заклинить эту проклятую штуковину, даже если падение грозит мне гибелью. Я приготовился к прыжку. Еще немного…

— Корвин!

На какое-то мгновение рулетка потеряла свои очертания, и ее колесо, мелькавшее у меня перед глазами, превратилось в мельничное. Голос, звучавший у меня в ушах, растворился в шуме воды. Я несколько раз моргнул и пригладил волосы. На землю посыпались одуванчики, а за моей спиной кто-то захихикал. Я быстро повернул голову. Она стояла в дюжине шагов от меня — высокая стройная девушка, черноглазая, с коротко подстриженными каштановыми волосами. Она была в куртке для фехтования, в правой руке держала рапиру, а в левой — маску. Незнакомка смотрела на меня и смеялась. У нее были ровные белые зубы, довольно крупные веснушки на маленьком

носу и высоких скулах. В ней чувствовалась жизненная сила, которая привлекает больше, чем женственность. Особенно такого умудренного опытом старца, как я.

— En garde, Корвин! — сказала она, отсалютовав.

— Какого дьявола! Кто ты такая? — спросил я и неожиданно увидел, что рядом со мной лежит такой же фехтовальный костюм, как у нее.

— Я не скажу ни слова, пока не закончится наш поединок, — ответила она, надев маску и становясь в позицию.

Я нехотя поднялся на ноги. Мне было ясно, что проще удовлетворить ее просьбу, чем спорить. Пусть позабавится. Меня лишь тревожило, что она знает мое имя; и чем больше я на нее смотрел, тем больше ее лицо казалось мне знакомым.

— Будь по-твоему, — сказал я, натянул жакет, поднял рапиру, надел маску и сделал несколько шагов вперед.

Она пошла навстречу, и рапиры наши скрестились. Я позволил ей начать атаку. Она сделала вид, что собирается нанести прямой удар, а потом неожиданно нанесла его. Неплохо! Ответ мой был в два раза быстрее, но она парировала. Я начал медленно отступать, выманивая ее на себя.

Она засмеялась и кинулась в атаку. Фехтовала она просто великолепно и, зная это, старалась показать все, на что была способна. Мне совсем не понравилось, когда ей дважды чуть не удалось пробить мою защиту одним и тем же ударом, а когда на третий раз я встретил ее рапиру батманом снизу, она не по-женски (хоть и не грубо) выругалась, как бы признавая мое превосходство, и тут же вновь атаковала. Я никогда не любил фехтовать с женщинами, независимо от их мастерства, но сейчас понял, что получаю огромное удовольствие. Ее изящество, грациозность и агрессивный стиль боя сказали мне многое о характере этой девушки. Сначала я думал, что мне удастся быстро измотать ее, заставить признать себя побежденной, а потом как следует расспросить. Сейчас же я понял, что не хочу заканчивать поединок. По-видимому, она не знала, что такое усталость, и это тоже наводило на размышления. Я потерял счет времени, передвигаясь взад и вперед по берегу ручья. Сталь звенела. В конце концов она опустила рапиру, сделала шаг назад, стукнула каблучками сапог, соединив ноги, и отсалютовала недрогнувшей рукой.

— Спасибо. — Дышала она все-таки тяжело.

Я отсалютовал в ответ, снял маску, расстегнул

застежки жакета и совсем не заметил, как она подошла ко мне и неожиданно чмокнула в щеку. Ей даже не пришлось становиться на цыпочки. Не давая мне опомниться, девушка взяла меня за руку и повела за собой.

— Я принесла корзинку для пикника, — сообщила она.

— Прекрасно. Я голоден, как волк. И любопытен, как…

— Я отвечу на любой твой вопрос, — весело заявила она.

— В таком случае, как тебя зовут?

— Дара. Мне дали это имя в честь моей бабушки. — Она бросила на меня многозначительный взгляд, словно я должен был понимать, о чем идет речь, и, не желая ее разочаровывать, я кивнул.

— Дара, — повторил я. — Скажи, почему ты решила, что я — Корвин?

— Но ведь ты — Корвин! Я тебя сразу узнала!

— Откуда?

— Вот она где! — Девушка отпустила мою руку, наклонилась и подняла корзинку, стоявшую на выступающих корнях дерева. — Надеюсь, муравьи туда не забрались. — Она подошла ближе к берегу, выбрала место в тени и расстелила на земле полотенце.

Я повесил фехтовальный костюм на ближайший куст.

— Как ты умудрилась притащить на себе столько вещей? — спросил я.

— Моя лошадь привязана за поворотом ручья. — Она мотнула головой и принялась распаковывать корзинку.

— Почему?

— Я хотела подойти к тебе незаметно. Если б ты услышал стук копыт, сразу бы проснулся.

— Логично.

Она сделала вид, что глубоко задумалась, но не выдержала и захихикала.

— А в первый раз ты меня не заметил. Я…

— В первый раз? — переспросил я. Ей ведь очень хотелось, чтобы я задал этот вопрос.

— Да. Я чуть было на тебя не наехала. Ты так сладко спал. Я тебя сразу узнала и вернулась домой за корзинкой для пикника и фехтовальными костюмами.

— Понятно.

— А теперь садись к столу. И открой бутылку с вином, если не трудно.

Она поставила бутылку рядом со мной, развернула большую салфетку и достала два хрустальных бокала.

— Это — любимые бокалы Бенедикта, — заметил я, усаживаясь и откупоривая бутылку.

— Да. Наливай осторожнее. Чокаться мы не будем.

— Согласен.

Я наполнил бокалы, и она тут же произнесла тост.

— За встречу друзей!

— Каких друзей?

— Нас с тобой.

— Мы никогда не встречались.

— Не будь занудой, — сказала она и выпила.

— Что ж, за встречу друзей!

Потом мы дружно принялись за еду. Она так упоенно играла роль загадочной женщины, что мне невольно захотелось ей подыграть.

— Где же мы все-таки встречались? — задумчиво спросил я. — При дворе великого царя? Или в гареме…

— Или в Амбере, — ответила она. — Ты…

— В Амбере?! — Я вовремя вспомнил, что держу любимый бокал Бенедикта, и высказал обуревавшие меня чувства. — Скажи мне, кто ты?

— Ты был таким красивым, уверенным в себе, тобой восхищались все девушки. А я стояла в сторонке, серенькая, маленькая мышка, и

поклонялась тебе издали… Серенькая, маленькая, невзрачная Дара, гадкий утенок — спешу заметить, превратившийся в белого лебедя, — влюбленная по уши, с разбитым сердцем…

— И с… — я сказал непристойность, а девушка рассмеялась.

— Разве мы не там познакомились? — невинно спросила она.

— Нет. — Я взял бутерброд с говядиной. — Кажется, впервые я увидел тебя в публичном доме. У меня болела спина, я был в стельку пьян…

— Ты не забыл, любимый! — вскричала она. — Но там я только подрабатывала. Днем приходилось объезжать диких лошадей, чтобы не умереть с голоду.

— Сдаюсь, — сказал я и налил себе полный бокал вина.

Больше всего меня раздражало, что эта девушка действительно казалась мне знакомой. Но ведь и по поведению, и по внешнему виду ей нельзя было дать больше семнадцати. Мы не могли с ней встречаться.

— Фехтовать тебя научил Бенедикт? — спросил я.

— Да.

— Кто он тебе?

— Конечно, любовник. Он одарил меня мехами, осыпал бриллиантами и между делом научил фехтовать. — Она вновь засмеялась.

Я продолжал изучать ее лицо. Да, это было возможно…

— Печально мне, — сказал я.

— Почему?

— Бенедикт не дал мне пирожок.

— Пирожок?

— За сообразительность. А сейчас — поздно. Ведь ты его дочка, верно?

Она покраснела.

— Нет. Но ты почти угадал.

— Внучка?

— Э-э-э… не совсем.

— Прости, не понимаю.

— Он любит, когда я называю его дедушкой. На самом деле Бенедикт мой прадед, отец моей бабушки.

— Вот оно что. А с кем ты живешь в поместье, когда Бенедикт уезжает?

— Одна.

— Где же твои мать и бабушка?

— Они погибли.

— То есть как?

— Умерли насильственной смертью. Их уби-

ли, когда Бенедикт находился в Амбере, и с тех пор он ни разу там не был. Я думаю, он не хочет оставлять меня без присмотра, хоть и понимает, что в обиду я себя не дам. Ты тоже мог в этом убедиться.

Я кивнул. Теперь мне стало ясно, почему Бенедикт решил стать Протектором Авалона. Он не мог жить с Дарой в Амбере. Более того, он не имел права говорить о ее существовании никому из нас, включая меня, — слишком велика была вероятность, что его начнут шантажировать. А следовательно…

— Я думаю, Бенедикт, уезжая, запретил тебе появляться в поместье, — сказал я. — Он будет недоволен, что ты не послушалась.

— Ты такой же, как он! Я уже не ребенок!

— Разве я сказал, что ты ребенок? Но ведь Бенедикт уверен, что ты живешь там, куда он тебя отвез. Верно?

Она ничего не ответила, и наш своеобразный пикник продолжался в неловком молчании. Я решил переменить тему разговора.

— И все-таки, откуда ты меня знаешь?

Она дожевала бутерброд, отпила немного вина и усмехнулась.

— Я видела твой портрет.

— Какой портрет?

— На гадальной карте. Когда я была маленькой, мы с дедом часто играли в карты. Я знаю всех своих родственников — тебя, Эрика, мужчин со шпагами, женщин в красивых платьях. Поэтому…

— У тебя есть своя колода?

— Нет. — Она тяжело вздохнула. — Дед не разрешает мне трогать карты, хотя у него много колод.

— Вот как? А где они лежат?

Она посмотрела на меня, прищурившись. Черт побери! Неужели я разучился блефовать?

— Одну колоду он всегда носит с собой. Где остальные, я не знаю. Зачем тебе? Если ты захочешь увидеть портреты своих братьев и сестер, разве он тебе откажет?

— Вряд ли я обращусь к нему с такой просьбой, — сказал я. — Ты хоть понимаешь истинное значение карт?

— Мне никогда не разрешали долго на них смотреть. Я догадываюсь, что карты нарисовали с определенной целью, но не знаю, с какой. Скажи, они действительно особенные?

— Да.

— Так я и думала. Дед над ними прямо трясется.

А у тебя есть своя колода?

— Да. Но я дал ее взаймы.

— Понятно. А сейчас она тебе понадобилась для дел зловещих и покрытых мраком тайны.

Я пожал плечами.

— А сейчас она мне понадобилась для дел обыденных и скучных.

— Для каких это?

Я покачал головой.

— Если Бенедикт не объявил тебе, как пользоваться картами, не жди, что я открою их секрет.

Она надула губы.

— Ты его просто боишься.

— Я очень уважаю Бенедикта и люблю, как брата.

Она засмеялась.

— Разве он владеет шпагой лучше, чем ты?

Я отвернулся. Должно быть, Дара только что вернулась домой и не слышала последних известий. Все горожане знали, что Бенедикт лишился руки. Но я не стану тем человеком, который первым сообщит ей об этом.

— Понимай, как знаешь, — ответил я. Кстати, где ты живешь, когда Бенедикт уезжает по делам?

— В небольшой деревушке высоко в горах. Дед

часто оставляет меня со своими друзьями — семьей Текисов. Ты не знаешь, кто такие Текисы?

— Нет.

— У этой деревушки нет названия, поэтому я так и называю ее — деревушка. И люди в ней живут какие-то странные. Они как бы… молятся на нас. Смотрят на меня как на святую и ничего не говорят, даже когда я спрашиваю. Путь до деревушки близкий, но небо там чужое, горы чужие все чужое! — а вернуться домой невозможно. Я много раз пыталась удрать и терялась в горах. А потом меня находил дед, и сразу идти становилось легко, и я узнавала знакомые места. Текисы исполняют все его приказания, ловят каждое его слово, будто он Господь Бог.

— Для них он Бог.

— Ты ведь сказал, что не знаешь Текисов.

— Да, но я знаю Бенедикта.

— Скажи, в чем тут дело? Почему дед никогда и нигде не заблудится, а я вечно не могу найти дороги?

Я покачал головой.

— Это ты скажи, как тебе удалось вернуться на этот раз.

Дара допила вино, протянула мне пустой бокал. Она сидела, не шевелясь, склонив голову на пра-

вое плечо, нахмурив брови. Ее отсутствующий взгляд был устремлен вдаль.

— Сама не знаю. — Она машинально поднесла бокал к губам и сделала глоток. Затем взяла в левую руку нож и начала рассеянно вертеть его. — Не пойму, как это получилось. Я была злая. Злая, как черт. Он опять отправил меня в деревушку, как нашкодившую девчонку. Я сказала, что пойду на войну и буду драться с ним бок о бок, но он усадил меня на коня и отвез в горы. Я не знаю, какой дорогой мы ехали, а ведь я родилась и выросла в Авалоне, и мне знакомы здесь каждая тропинка, каждый кустик. Я изъездила сотни лиг во всех направлениях, а тут и оглянуться не успела, как оказалась у Текисов. В последний раз я была у них несколько лет назад и сейчас, став старше, поклялась, что вернусь домой самостоятельно.

Все так же машинально она стала ковырять землю ножом.

— Я дождалась полуночи и попыталась определить направление по звездам. У меня возникло такое ощущение, что я сплю наяву. Звезды были другими. Я не увидела ни одного знакомого созвездия. Тогда я вернулась в дом. Мне было немного страшно, и я не знала, что делать. Весь

следующий день я приставала к Текисам с вопросами, а когда они перестали отвечать, стала расспрашивать деревенских жителей. Это было похоже на дурной сон. Либо они были непроходимо глупы, либо не хотели ничего говорить, либо намеренно меня обманывали. Они просто не понимали, о чем идет речь и куда я хочу попасть. В эту ночь я опять вышла посмотреть на звезды, думая, что ошиблась. Ошибки не было.

Дара разгладила землю ножом, начала чертить какие-то линии. Казалось, она не замечает, что делает.

— В течение нескольких дней я пыталась найти дорогу домой. Сначала я решила, что вернусь по следам лошадей. Но следы исчезли. Тогда я сделала единственное, что пришло мне в голову: каждое утро уезжала в каком-нибудь направлении, а к полудню возвращалась в деревушку. Я вновь изъездила сотни лиг, но так и не увидела ни одного знакомого места. Это сводило меня с ума. Я стала плохо спать ночами, но мое решение вернуться в Авалон оставалось непреклонным. Дед должен был понять, что только маленькие дети послушно стоят в углу и ждут, когда их простят. Я же вышла из этого возраста. Прошла неделя. Я стала спать еще хуже, меня замучили

кошмары. Тебе когда-нибудь снилось, что ты бежишь, бежишь и никуда не можешь прибежать? Именно такие ощущения я и испытывала, но только снилась мне горящая паутина. Правда, это была не паутина, без паука, и она не горела. А я все ходила и ходила вокруг паутины и внутри нее, но в то же время не двигалась, а стояла на месте. Я понимаю, что говорю глупости, но мне не передать своих ощущений словами. И мне хотелось идти по этой паутине, не останавливаясь. Утром я просыпалась разбитой, как будто всю ночь занималась тяжелым физическим трудом. Кошмары эти снились мне много дней подряд, и с каждым разом становились все реальнее. Сегодня я проснулась рано, отчетливо помня свой сон, и неожиданно поняла, что смогу вернуться домой. В какой-то полудреме я оседлала коня и поскакала, не останавливаясь и не обращая внимания на дорогу. Я думала только об Авалоне — местность становилась все более знакомой, и неожиданно я оказалась там, где хотела. Деревушка, Текисы, чужие звезды, горы исчезли, как дым. Я бы не смогла сейчас вернуться. Разве это не странно? Ты можешь объяснить, что со мной произошло?

Я поднялся, обошел полотенце с остатками завтрака и сел рядом с Дарой.

— Ты помнишь, как выглядела горящая паутина, которая не была паутиной и не горела? — спросил я.

— Примерно помню.

— Дай мне нож.

Она протянула его рукояткой вперед, и я принялся менять рисунок, который она машинально чертила на земле. Одни линии я стер, другие продолжил и, закончив работу, отложил нож в сторону и посмотрел на девушку. Долгое время она молчала, затем произнесла тихим голосом.

— Да, это она. Но откуда ты знаешь? Как ты узнал мой сон?

— Все, что ты видела, — ответил я, — заключено в твоих генах. Как и почему — я не знаю. Но твой сон доказывает, что ты — истинная дочь Амбера. Ты вернулась домой, путешествуя по Отражениям. Приснился тебе Великий Лабиринт Амбера. Пользуясь его силами, те, у кого в жилах течет королевская кровь, получают власть над Отражениями. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Очень смутно. А по правде говоря, ничего не понимаю. Я слышала, как дед проклинал Отражения, но никогда не задумывалась, что он имеет в виду.

— Тогда ты не можешь знать, где находится

Амбер.

— Да. На этот вопрос дед всегда отвечал уклончиво. Он много рассказывал о великом городе и о нашей семье, но я даже не знаю, в каком направлении идти, чтобы попасть в Амбер.

— В любом, — ответил я. — Это не имеет значения. Нужно только…

— Да, конечно! — воскликнула она, не дав мне договорить. — Совсем забыла, но Бранд говорил то же самое. Я думала, он шутит.

— Бранд! Он здесь был?

— Очень давно. Бранд часто навещал нас, когда я была маленькой. Помню, тогда я влюбилась в него без памяти и надоедала ему самым бессовестным образом. Он знал множество забавных историй, учил меня разным играм…

— Когда ты видела его в последний раз?

— Лет восемь-девять назад.

— Кроме Бранда, ты знаешь каких-нибудь родственников?

— Конечно. Совсем недавно у нас гостили Джулиан и Жерар.

Мне стало не по себе. Слишком уж о многом умолчал Бенедикт. Лучше бы он солгал, тогда, по крайней мере, было бы на что злиться. Но на мою беду Бенедикт был слишком честен. Да, придется

мне попотеть, когда я отправлюсь за камушками. Затем надо будет провернуть еще одно дельце… Времени у меня оставалось меньше, чем я думал. Проклятье!

— А раньше ты была с ними знакома?

— Нет. — Она тяжело вздохнула. — Дед запретил мне говорить, что я его правнучка. И отказался объяснить, почему. Надоело!

— Можешь не сомневаться, у него были на то веские причины.

— Понимаю. И все равно обидно, ведь я всю жизнь мечтала познакомиться со своими родственниками. А ты знаешь, почему он не позволил мне сказать правду?

— Для Амбера настали тяжелые времена. Обстановка сейчас неспокойная и вряд ли улучшится в ближайшее время. Если о правнучке Бенедикта ничего не будут знать, ее никто не тронет. Он заботится о тебе, пытается оградить от крупных неприятностей.

Девушка презрительно фыркнула.

— Я не нуждаюсь в его заботах! Я могу сама о себе позаботиться!

— Да, фехтуешь ты неплохо. К несчастью, жизнь — штука сложная и состоит не только из дуэлей по правилам.

— Не надо меня учить! Я не маленькая! Но…

— Никаких «но»! На месте Бенедикта я поступил бы точно так же. Помимо тебя он защищает свои собственные интересы. Удивительно, что он открылся Бранду. Погоди, когда дед узнает, что мы знакомы, он до потолка подпрыгнет от ярости!

Она вздрогнула и изумленно на меня посмотрела.

— Почему? Ты не причинишь нам вреда. Мы… родственники…

— Откуда ты знаешь, что я думаю, зачем пришел? Какого черта! Может быть, и ты, и твой дед сейчас находитесь в полной моей власти!

— Ты… шутишь… Это ведь шутка, правда?

— Не знаю. Если бы я задумал что-нибудь нехорошее, зачем бы я стал тебя предупреждать?

— Да… конечно.

— Сейчас ты услышишь от меня то, что Бенедикт должен был сказать тебе давным-давно. Никогда не доверяй родственникам. Они хуже любых случайных знакомых. По крайней мере, с первым встречным ты можешь чувствовать себя в относительной безопасности.

— Ты говоришь серьезно?

— Да.

— Но ведь ты мой родственник. Значит, тебя я тоже должна бояться?

Я улыбнулся.

— Ну что ты! Я — образец добродетели; человек честный, благородный и очень добрый. Верь мне во всем.

— Я верю, — простодушно сказала она, и я засмеялся. — Но я действительно тебе верю! Я знаю, ты не причинишь нам вреда!

— Расскажи мне о Джулиане и Жераре. — Я переменил тему разговора, испытывая некоторую неловкость. Впрочем, я всегда чувствую себя не в своей тарелке, когда люди начинают очень уж мне доверять. — Зачем они пришли к Бенедикту?

Она пытливо посмотрела на меня, словно стремясь прочесть мои мысли, и после непродолжительного молчания сказала:

— Ты прав, я слишком много болтаю. Совсем забыла об осторожности. Теперь твоя очередь отвечать на вопросы.

— Прекрасно! Скоро тебе ни один родственник не будет страшен! Что ты хочешь знать?

— Где находится деревушка? И Амбер? Что между ними общего? Почему в Амбер можно попасть независимо от того, в каком направлении ты

идешь? О каких Отражениях ты говорил?

Я поднялся на ноги, посмотрел на Дару сверху вниз и протянул ей руку. Девушка робко взяла ее, встала и испуганно на меня посмотрела. В эту минуту она выглядела совсем юной.

— Куда ты?

— Пойдем. — Я подвел ее к тому месту, где спал, и повернул лицом к мельничному колесу. Она попыталась что-то сказать, но я остановил ее жестом. — Смотри. Смотри и ни о чем не думай.

Мы смотрели на шумящую, пенящуюся воду, и я привел свои мысли в порядок. Затем взял девушку за локоть и повел в лес. Мы шли среди деревьев, по небу поплыли облака и тени удлинились. Птичьи голоса зазвучали громче, парило. Листья поменяли форму, листва стала гуще. Появилось желтое солнце, за поворотом дороги росли виноградные лозы. Птичьи голоса окончательно охрипли. Тропинка, посыпанная галькой, поднималась в гору. Где-то далеко слышался гул, от которого дрожала земля. Мы вышли на открытое место под бирюзовым небом и вспугнули бурую ящерицу, гревшуюся на большом камне.

— Куда это мы попали? — спросила Дара. — Никогда не была здесь раньше.

Я ничего не ответил — слишком был занят тем,

что менял Отражения. Мы вновь очутились в лесу, на сей раз тропическом, росшем на высоком холме. Повсюду были гигантские папоротники, птичий гам сменился жужжанием, шипением, тявканьем. Гул усилился, земля дрожала сильнее. Дара схватила меня за руку. Она больше не задавала вопросов и буквально пожирала глазами окружающий пейзаж, стараясь ничего не упустить из виду. Большие желтые цветы кивали головками, роняя капли росы с лепестков. Жара стояла такая, что мы взмокли от пота. Гул перешел в мощный рев, мы вышли из леса и остановились на краю пропасти. Рев превратился в грохот, подобный раскатам грома. Водопад обрушивался с высоты в тысячу футов и бил по реке, как молот по наковальне. Внизу кружили водовороты, вздымались брызги, летела пена. На другом берегу, в полумиле, окутанное туманной дымкой и расцвеченное радугой, похожее на остров, сплюснутый ударом титана, медленно вращалось, сверкая и переливаясь, гигантское мельничное колесо. Огромные птицы с распростертыми крыльями парили высоко в небе, напоминая кресты. Мы стояли довольно долго, глядя на величественную картину, открывшуюся нашему взору. Разговаривать было невозможно, и

меня это вполне устраивало. Затем Дара оторвала взгляд от мельничного колеса и вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул, повернулся и пошел в сторону леса. Мы довольно быстро вернулись туда, откуда пришли. Возвращались мы той же дорогой, и, пока шли, Дара не произнесла ни слова. Вероятно, она поняла, что я — виновник происходящих вокруг перемен, и не хотела мне мешать. Заговорила она, когда мы очутились на берегу ручья, напротив маленького мельничного колеса, которое неспешно вращалось.

— Значит, между деревушкой и тем местом, где мы были, нет разницы?

— Да. И то и другое — Отражения.

— Амбер тоже?

— Нет. Амбер отбрасывает Отражения, которым нет числа. То место, где мы были, — Отражение, деревушка — Отражение, и сейчас мы находимся в Отражении. Любой мир, который ты можешь себе представить, существует и называется Отражением.

— И ты, и дедушка, и все остальные ходят по этим Отражениям и выбирают то, которое понравится?

— Да.

— И мне удалось убежать из деревушки таким

же образом?

— Да.

Она поняла все, что я сказал, — это у нее на лице было написано. Густые черные брови ее сдвинулись, тонкие ноздри раздулись.

— Тогда… и я так могу… ходить, где угодно, делать что захочется!

— Это в твоих силах.

Она кинулась мне на шею, расцеловала, а затем закружилась, как девчонка, разметав волосы по изящной шее.

— Значит, я могу все!

— Возможности наши не безграничны, опасности…

— Это жизнь! Скажи, как мне научиться управлять Отражениями?

— Ключ к пониманию — Великий Лабиринт Амбера, выложенный огненным узором на полу большой комнаты в подземельях дворца. Ты должна выдержать испытание — дойти до центра Лабиринта, не останавливаясь и никуда не сворачивая, иначе погибнешь. Только тогда ты получишь власть над Отражениями и сможешь сознательно управлять ими.

Дара подбежала к полотенцу с остатками завтрака и склонилась над рисунком, который я

начертил на земле.

— Я должна попасть в Амбер и пройти Лабиринт! — воскликнула она, когда я подошел и встал рядом с ней.

— Безусловно. И рано или поздно Бенедикт тебе в этом поможет.

— Сейчас! Немедленно! Почему он никогда ничего мне не говорил?

— Потому что ситуация сложная, и ни тебе, ни Бенедикту нельзя показываться в Амбере. Слишком опасно. Придется подождать.

— Это нечестно! — Она резко повернулась и посмотрела мне в глаза.

— Конечно, нечестно, — согласился я. — Такова жизнь. Я здесь ни при чем.

Последняя моя фраза прозвучала не совсем искренне. Неудивительно, если учесть, что в сложившейся ситуации виноват был именно я.

— Лучше бы ты ничего мне не говорил, раз уж мне не суждено получить то, чего я хочу.

— Ну-ну, не надо так мрачно. Положение в Амбере нормализуется, причем в ближайшее время.

— А как я об этом узнаю?

— Тебе скажет Бенедикт.

— Как бы не так! Ты, кажется, мог убедиться,

что он не считает нужным просвещать меня!

— А зачем? Чтобы ты лишний раз поволновалась? Ты только что сказала, что лучше бы я ничего тебе не говорил. Поверь, Бенедикт тебя любит и заботится о твоем благополучии. Придет время, и он займется твоим воспитанием.

— А если нет? Ты мне поможешь?

— Сделаю все, что в моих силах.

— А как мне тебя найти?

Я улыбнулся. Я не искал себе выгод, начиная этот разговор. То, что Дара решила мне довериться, получилось само собой. И совсем необязательно выкладывать ей все начистоту. Кое-что, правда, объяснить придется, чтобы она была у меня в долгу. Позже Дара может мне пригодиться…

— Портреты на картах, — сказал я, — нарисованы отнюдь не из сентиментальных побуждений. С их помощью мы можем общаться друг с другом. Достань из колоды мою карту, сосредоточься, постарайся выкинуть все мысли из головы. Представь себе, что я стою перед тобой, и начинай говорить. Я отвечу.

— Когда я играла с картами, дед никогда не разрешал мне смотреть на них подолгу.

— Естественно.

— А почему они обладают такими свойствами?

— Об этом поговорим как-нибудь в другой раз. Но услуга за услугу. Ты не забыла? Я рассказал тебе об Амбере и Отражениях, а ты ответь мне на вопрос о Жераре и Джулиане.

— Хорошо, — сказала она. — Однажды утром, пять-шесть месяцев назад, дедушка подрезал деревья в саду — он всегда делает это сам, и я ему помогала. Он стоял на стремянке, орудуя секатором, и внезапно замер, как бы к чему-то прислушиваясь. Затем я услышала, как он разговаривает — не бормочет себе под нос, а именно разговаривает. Сначала я подумала, что он обратился ко мне с просьбой, а я не расслышала. Я спросила, в чем дело, но он не обратил на меня внимания. Теперь я понимаю, что он беседовал с человеком, который связался с ним по карте, скорее всего Джулианом. Тогда же мне было невдомек, почему дед бросил все дела и сказал, что ему необходимо отлучиться на день-другой. Он предупредил меня, что в его отсутствие могут приехать Джулиан и Жерар и что я должна представиться им как осиротевшая дочь старого преданного слуги Бенедикта, которую он взял на воспитание. Дед уехал, ведя на поводу двух лошадей. Он был вооружен до зубов. Вернулся он

глубокой ночью, вместе с Жераром и Джулианом. Жерар находился в полубредовом состоянии, левая его нога была сломана, левый бок — в синяках и царапинах. Джулиан тоже выглядел изрядно потрепанным. Они гостили у нас примерно месяц — меня поразило, как быстро Жерар выздоровел, — а затем взяли двух лошадей и уехали. Больше я их не видела.

— Они не говорили, что с ними случилось?

— Сказали мимоходом, что попали в какую-то переделку. Со мной на эту тему не разговаривали.

— Где это произошло, не знаешь?

— На Черной дороге. Я ясно слышала, как они несколько раз упоминали Черную дорогу.

— Где она находится?

— Понятия не имею.

— Что о ней говорили?

— Ничего особенного. Проклинали на все лады.

Я взглянул на остатки нашего завтрака, увидел, что в бутылке осталось вино, наклонился и наполнил бокалы.

— За встречу друзей! — сказал я и улыбнулся.

— За встречу друзей! — согласилась Дара.

Мы выпили. Она принялась упаковывать кор-

зинку, и я стал помогать ей, вспомнив о том, что время не ждет. Мне не терпелось отправиться в путь.

— Когда можно с тобой связаться? — спросила Дара. — Долго мне ждать?

— Не очень. Дай мне три месяца, и я тебе помогу.

— Где ты будешь через три месяца?

— Надеюсь, в Амбере.

— А к нам ты надолго приехал?

— На несколько дней. Но сегодня мне предстоит отправиться по неотложным делам. Вернусь только завтра.

— Жаль, что ты не можешь остаться.

— Мне тоже жаль. Я бы с удовольствием остался, в особенности после того, как мы познакомились.

Она покраснела и опустила голову, сделав вид, что корзинка упакована недостаточно тщательно. Я снял с куста фехтовальные костюмы.

— Домой вернемся вместе? — спросила она.

— Нет. Я — на конюшни. Мне надо ехать.

— Все равно нам по пути. Моя лошадь привязана за поворотом ручья. — Я кивнул и пошел вслед за ней по тропинке, огибающей берег. — Мне кажется, о нашей встрече никто не должен знать,

тем более дед, — сказала она. — Как ты думаешь?

— Умница.

Журчание и клекот воды в ручейке, впадающем в реку, текущую к морю, затихали, затихали и наконец затихли. Слышался лишь все ослабевающий скрип мельничного колеса.

Как правило, принцип «медленно, но верно» применим ко всем случаям жизни. Если же какой-нибудь процесс необходимо ускорить, действовать надо с крайней осторожностью. Итак, я ехал медленно, но верно и с крайней осторожностью. Незачем было понапрасну утомлять Чемпиона. Резкие смены Отражений плохо действуют даже на людей, а животные, которые никогда не лгут сами себе, переносят их очень тяжело и могут взбеситься. Я пересек небольшой деревянный мост через ручей. Мне нужно было добраться до реки, минуя город, а затем уже берегом доехать до моря. Стоял полдень. Покачивались ветви деревьев. У меня на поясе висела Грейсвандир. Я держал путь на запад и вскоре оказался на холмистой местности. Я не стал управлять Отражениями, пока не поднялся на самый высокий холм, с которого как на ладони открывался вид на город, так похожий на мой Авалон. Недоставало лишь нескольких серебря-

ных башен, да река протекала под другим углом. Из труб гостиниц и домов шел дым, легкий ветерок гнал его на север. Люди — верхом, пешие, на телегах, в экипажах — двигались по узким улочкам, заходили в лавки, отели, виллы и выходили из них; стайки птиц опускались, поднимались и щебетали рядом со стреноженными лошадьми; яркие плакаты и знамена трепетали на ветру; жара стояла такая, что воздух дрожал. Звуки голосов, звяканье, стуки, скрипы сливались в единый шум, но даже если б я был слепым, запахи подсказали бы мне, что город близко. Я смотрел на него сверху вниз, и чувство тоски овладевало мною при воспоминании о давно позабытом Отражении с тем же названием, где можно было обрести покой и где я был счастлив. Впрочем, я прожил долгую жизнь и прекрасно понимал, что переживаниями горю не поможешь, а сожалеть о том, что свершилось, глупо. Те сладостные дни миновали, и дело с концом, а сейчас меня ждал Амбер. Я пришпорил коня и поскакал на юг, твердо зная, что буду сражаться до победного конца. Я никогда не забуду тебя, Амбер…

Солнце огненной точкой сверкало над головой, свистел ветер. Небо пожелтело, стало похожим на огромную знойную пустыню, раскинувшуюся от

горизонта до горизонта. Холмы превратились в невысокие горы; камни, разбросанные в долине, поражали разнообразием форм и расцветок. Разыгралась песчаная буря, и я замотал лицо шейным платком. Чемпион заржал, зафыркал, но продолжал мчаться вперед. Песок, камни, ветер, оранжевое небо, стая облаков, летящая к солнцу… Тени удлинились, ветер стих… лишь стук копыт да свист неровного дыхания… Полумрак, солнце столкнулось с облаками… И все вокруг затряслось от грома… Голубая прохлада, воздух, насыщенный электричеством… И снова гром… Занавес дождя справа… стеклянный занавес… Синие изломы в облаках… Уверенная поступь коня и одноцветный мир, как театр… Гром, как набат, белые молнии, дождь превратился в ливень… Двести метров… Сто пятьдесят… Хватит! Бурлит, кипит, пенится ливень… Сырой запах земли… Ржание Чемпиона… На галопе… Струйки воды текут, тонут в земле… Пятна грязи пускают пузыри… Ручейков становится все больше…

Высокий холм впереди, и Чемпион перепрыгивает лужи, мышцы его напрягаются и расслабляются, копыта топчут гладь воды, выбивают искры из камней, мы взбираемся на холм все выше и выше, и плеск волн сзади превращается

в рев бурного потока… Все выше и выше, чтобы остановиться и выжать полы плаща… Внизу бушует серое море, и волны бьются о скалу, на которой мы стоим…

А теперь в глубь страны, туда, где вечер, где поля засеяны клевером; а сзади — удаляющийся шум прибоя… В погоню за падающими звездами… Небо темнеет на востоке, предвещая ночь и безмолвие… Расчистить небо, чтоб ярче горели звезды, оставить тонкий ажур облачков… Красноглазые твари несутся, воя, по нашему следу… Отражение… Зеленоглазые… Отражение… Желтоглазые… Исчезли. Лишь черные лики скал в снежных юбках окружают со всех сторон… Замерзший снег, сухой, как пыль, летит в ночи — игрушка ветра… Снег, похожий на порошок, на муку… Вспомнились итальянские Альпы, катание на лыжах… Волны снега бьются о каменные утесы… Белый огонь ночью… Мои ноги, закоченевшие в промокших сапогах… Чемпион испуганно фыркает, осторожно переставляет ноги и мотает головой, словно не верит тому, что видит. За поворотом — другое Отражение, покатый склон холма, теплый ветер, тающий снег… Труден, извилист путь к теплу… Тянулась ночь, и шел рассвет, бледнели звезды…

Там, где час назад бился о скалы снег, лежала равнина с чахлыми кустами. И вороны, пожирающие падаль, с криками протеста взлетали, когда мы проезжали мимо… Чуть помедленнее, и равнина покрылась травой, по которой волнами прокатывался ветерок… Кашель охотящейся пантеры… Спасающаяся бегством тень, похожая на оленью… И вновь ярко светят звезды. Ноги немного согрелись… Чемпион захрапел, встал на дыбы и понес, спасаясь от невидимой опасности… Не скоро он успокоился, не скоро перестал дрожать… Сосульки свисали с вершин деревьев… Туман фосфоресцировал, поднимаясь от земли… Мотыльки кружили в белых пятнах света… Земля поднималась и опускалась, словно горы переминались с ноги на ногу… Звезды раздвоились… И две луны, как одна гантель… По равнине и в воздухе мечутся странные тени… Земля потикала и остановилась, как часы, у которых кончился завод… Тихо… Спокойно… Звезды и луна соединились со своими душами…

На запад, туда, где течет река, а дорога ведет вдоль берега к самому морю… Стук копыт, меняются Отражения… Ночной воздух свеж и прохладен… Сверкают башни на серых стенах… Сладко дышится, все плывет перед глазами…

Отражения… Мы словно кентавр, мой конь и я, со взмокшим от пота телом… Мы тяжело дышим, мы задыхаемся… И, как платком, покрыта шея тучей грозовою, и страшен лик, коль мы победно раздуваем ноздри… Глотая землю… Весело смеемся, река близко, слева лес… Скачем среди деревьев… Гладкие стволы, лианы, капли росы… Паутина, озаренная лунным светом, в ней кто-то бьется… Упругий торф… Светящийся мох на поваленных стволах… Поляна… Шепчет высокая трава… Вновь лес… Река совсем близко… Звуки… Звуки… Стеклянное звяканье воды… Ближе, еще ближе, совсем рядом… Небо изогнулось, подтянув брюхо… Чистый свежий воздух… Вот она течет, слева от нас… Неспешно, неторопливо, мы приближаемся… Пить… Поплескаться на отмели, и Чемпион, опустив голову, пьет, не может оторваться, и пар вырывается из его ноздрей… И я стою в сапогах по колено в воде… Она капает с волос, течет по спине и рукам… Чемпион поднимает голову и смотрит, как я смеюсь…

Вниз по течению, медленному, спокойному… Вдоль берега по дороге прямой, широкой… Лес стал гуще, затем поредел… Спокойно, уверенно, неторопливо… Проблеск зари на востоке… Вниз по склону холма. Деревьев почти не видно… Ка-

менистая равнина и вновь ночное небо…

Наконец-то запах моря — появился и тут же исчез… Стук копыт, только вперед… Предрассветный холодок… И вновь морской соленый запах… Каменистый берег, леса нет и в помине… Крутой, обрывистый, открытый ветрам, мрачный склон. Спускаемся… Мелькают каменистые стены… Камни срываются и исчезают в бурном потоке, не слышно всплесков… Углубить ущелье, расширить дорогу… Вниз, вниз… Еще немного… А теперь — окрасить восток бледной зарей, сделать спуск не таким крутым… Чуть добавить запаха соли в воздухе… Глина, песок… Свернуть вниз. Занимается день… Спокойнее, мягче, ослабить стремена… Бриз и свет, бриз и свет… За валунами… Натянуть поводья…

Передо мной лежал морской берег с дюнами. Юго-восточный ветер вздымал тучи песка, сквозь которые трудно было разглядеть далекие очертания сурового моря. Розовая заря окрасила седые гребни волн, разбивавшихся о скалы. Между мною и дюнами высотой в несколько сот футов на этом злосчастном берегу лежало плоскогорье. Дьявольская ночь закончилась, и оно ожило с рассветом, играя причудливыми тенями на крупном зернистом песке среди булыжников. Да, я

попал туда, куда хотел. Я спешился и стал ждать. Солнце поднималось медленно, а мне необходим был жесткий белый свет. Это было то самое место, которое я видел, находясь в ссылке на Отражении Земля, много десятков лет назад. Правда, здесь не было ни бульдозеров, ни ям, ни чернорабочих, ни тайной полиции оранжевого города. Не было и рентгеновских установок, колючей проволоки, вооруженной охраны. Впрочем, это Отражение никогда не знало сэра Эрнста Оппенгеймера, Корпорацию Бриллиантовых копей Юго-Западной Африки и правительства, которое дало компании разрешение на раскопки. Передо мной расстилалась пустыня Намиб, расположенная примерно в четырехстах милях к северо-западу от Кейптауна, — полоса дюн и скал от двух до двенадцати миль в ширину, протянувшаяся вдоль этого богом забытого места на тридцать миль. И совсем не как в копях, алмазы валялись здесь прямо под ногами, напоминая птичий помет на песке. Естественно, я прихватил с собой небольшие грабельки и решето. Распаковав седельную сумку, я приготовил завтрак. День обещал быть жарким и пыльным.

Работая в дюнах, я думал о Дойле — ювелире из Авалона, маленьком, лысом, с пушистыми

бакенбардами. Ювелирный порошок? Зачем мне ювелирный порошок, да еще в таком количестве, которого хватит целой армии ювелиров, их внукам и правнукам? Я пожал плечами. Не все ли равно зачем, если я плачу наличными? Да, конечно, но если выяснилось, что порошок можно выгодно использовать в другом деле, надо быть дураком… Иными словами, он не может выполнить мой заказ в течение недели? Маленькие пухлые щечки задрожали от сладчайшей улыбки. Недели? О нет! Никогда! Это просто смешно, не может быть и речи… Понятно. Что ж, большое спасибо. Возможно, его конкурент сможет мне помочь, а заодно примет в оплату алмазы, которые я должен получить со дня на день… Алмазы? Я сказал алмазы? Секундочку. Ведь он всегда интересовался именно алмазами… Да, конечно, в настоящий момент у него нет нужного количества, но… Многозначительный жест… он безусловно поторопился, категорически заявив, что не сможет достать этого полировочного материала. Формула изготовления проста, ингредиенты в изобилии, выход будет найден. Значит, в течение недели. А теперь об алмазах…

Когда я покинул лавку Дойля, выход был найден. Многие считают, что порох взрывается.

Это, конечно, не так. Порох быстро сгорает, наращивая давление газа, который выбрасывает пулю из патрона после того, как курок ударяет в капсюль. В результате происходит выстрел. С присущим всей нашей семье даром предвидения я много лет экспериментировал со всевозможными взрывчатыми и горючими веществами. Моему разочарованию, когда я узнал, что порох в Амбере не воспламеняется, а капсюли не желают взрываться, не было границ. Утешал меня лишь тот факт, что мои родные и близкие при всем желании тоже не могли воспользоваться огнестрельным оружием. Важное открытие я сделал много лет спустя. Как-то раз я сидел в своей комнате во дворце Амбера и полировал золотой браслет, который купил Дейдре в подарок. Грязную тряпку я бросил в горящий камин. Слава богу, порошка в ней было немного…

Я стал обладателем готового детонатора, который при смешении с инертным веществом мог гореть, как порох. Естественно, я ни с кем не поделился столь ценной информацией, справедливо полагая, что она пригодится мне в будущем. К сожалению, вскоре я подрался на дуэли с Эриком и в результате забыл не только о ювелирном порошке, но и о том, как меня зовут. Затем мне

пришлось стать союзником Блейза, который готовился к нападению на Амбер. Думаю, Блейз просто не хотел выпускать меня из виду и поэтому согласился объединить наши силы. Предоставь я в его распоряжение оружие, он был бы неуязвим, а мне пришлось бы туго, потому что ему были преданы большая часть солдат и офицеров.

О, если б только я обрел память месяцем раньше! Я не копался бы сейчас в пыли и грязи, мне не пришлось бы испытывать унижения и оскорбления, подвергаться пыткам, заживо гнить в темнице! Я сидел бы сейчас на троне Амбера!

Я сплюнул, потому что засмеялся и песок чуть не попал мне в горло. Какого черта! Я сам виноват во всех «если». Зачем гадать, что было бы, когда мне есть о чем поразмыслить. Вот так-то, Эрик… Я никогда не забуду тот день, Эрик. Меня сковали цепями и заставили опуститься на колени перед троном. Я короновал сам себя, чтобы поиздеваться над тобой, и был жестоко избит. Затем я швырнул в тебя корону, но ты поймал ее на лету и улыбнулся. Хорошо, что ты ее поймал и она не согнулась от удара. Такая красивая вещь… Серебряный обруч с семью высокими пиками, усыпанный бесценными изумрудами, с двумя большими рубинами по бокам… В день корона-

ции ты был самоуверенным, сытым, довольным. Я помню слова, которые ты прошептал мне на ухо, когда замерло эхо от возгласа «Да здравствует король!», трижды разнесшееся по залу: «Никогда в жизни не видел ты зрелища более прекрасного, чем сегодня…» И я помню, как ты громко добавил: «Эй, стража! Я повелеваю выжечь Корвину глаза! Пусть последним его воспоминанием будет праздничное великолепие этого дня! А затем бросьте его в самую далекую темницу, самое глубокое подземелье Амбера, чтобы память о нем стерлась и имя его было забыто!»

«Ты восседаешь на троне Амбера, Эрик, — сказал я вслух. — Но я не забыт и не забыл, и у меня есть глаза!» «Наслаждайся королевской властью, Эрик, — подумал я. — Стены Амбера высоки и прочны. Оставайся в них. Окружи себя стальным кольцом шпаг. Подобно страусу, спрячь голову под крыло. Но не будет тебе покоя, пока я жив, а я сказал, что вернусь. И я вернусь, Эрик. Я добуду ружья, взломаю все двери, уничтожу твоих защитников. И тогда мы останемся один на один, как в тот день, когда мы дрались на шпагах, а стражники подоспели и спасли тебя от верной гибели. Тогда я ранил тебя, Эрик. Сейчас мне нужна вся твоя кровь до единой капли».

Я обнаружил еще один крупный алмаз, шестнадцатый по счету, и положил его в кошелек…

Глядя на заходящее солнце, я думал о Бенедикте, Джулиане и Жераре. Какие у них могли быть общие интересы? От Джулиана я не ждал ничего хорошего, а Жерара не боялся. Бенедикт наверняка разговаривал именно с ним, когда я ночевал в лагере, и в ту ночь ничего дурного со мной не произошло. Тем не менее альянс трех братьев внушал мне опасения. Если меня кто и ненавидел больше, чем Эрик, так это Джулиан. Узнай он, где я нахожусь, мне грозили бы крупные неприятности, а я не был к ним готов. Бенедикт тоже мог меня выдать, не испытывая при этом угрызения совести. Он ведь понимал, что любые мои действия приведут к волнениям в Амбере. И я не мог сердиться на человека, который считал, что благополучие государства — прежде всего. В отличие от Джулиана, Бенедикт свято следовал своим принципам, и мне было жаль, что я не нашел с ним общего языка. Оставалось надеяться, что битву за Амбер я выиграю быстро и с минимальными потерями с обеих сторон. Мне не хотелось портить отношений с Бенедиктом, в особенности после того, как я познакомился с Дарой. К тому же он мог вернуться в любую мину-

ту, и я боялся попасть в ловушку. Мне совсем не хотелось очутиться ни в тюрьме, ни в могиле. А значит, я не мог позволить себе роскоши как следует отдохнуть. Мне необходимо было спешить.

Я завидовал Ганелону, который сейчас наверняка находился в одном из питейных заведений или в публичном доме, или просто бродил по зеленым лугам и холмам. Все эти дни мой спутник пил, дрался, кутил с женщинами и чувствовал себя как дома. Впрочем, он действительно попал к себе домой. Может, оставить его в Авалоне? Нет, нельзя. Когда я уйду, Джулиан устроит ему допрос с пристрастием, и Ганелон станет изгоем в своей стране. Он вынужден будет заняться старым ремеслом, и вряд ли, ему повезет в третий раз. Я сдержу слово, возьму его с собой в Амбер — если, конечно, он сам не передумает. А если передумает… Я немного ему завидовал, хоть и понимал, что он будет объявлен вне закона. Мне ведь тоже не хотелось уезжать, и я представлял себе, как брожу по окрестностям Авалона, распускаю парус на плывущей по реке лодке, совершаю верховые прогулки с Дарой…

Мысли о Даре не давали мне покоя. С ее появлением — в моей жизни что-то изменилось, но я никак не мог понять, что именно. Мы, амберий-

цы, несмотря на ненависть, которую отдельные члены нашей семьи испытывают друг к другу, непрестанно думаем о своих родственниках, всегда готовы выслушать последние новости, касающиеся любого из нас, и обожаем посплетничать, хотя часто дорого за это платим. Иногда мне кажется, что мы походим на компанию болтливых старушек в каком-нибудь санатории, которые только тем и занимаются, что перемывают друг другу косточки.

Дара понятия не имела о наших семейных делах, но ведь о себе она тоже ничего не знала. О, со временем эта девушка все поймет и, как только о ее существовании станет известно, получит блестящее воспитание. После того, как я рассказал о силах, присущих ей от рождения, она не успокоится, пока не попадет в Амбер. Я чувствовал себя змеем-искусителем, заставившим ее отведать запретный плод. Но рано или поздно она все равно узнала бы правду, а чем раньше Дара научится остерегаться своих родственников, тем спокойней ей будет жить на свете! Впрочем, не исключено, что ее мать и бабушка тоже ничего о себе не знали… И к чему это привело? Обе умерли насильственной смертью! Неужели рука Эрика достигала самых далеких Отражений?

Бенедикт, если того требовали обстоятельства, становился куда более жестоким, хитрым и коварным, чем любой из нас. Он готов пойти на все, вплоть до братоубийства, чтобы защитить близкого ему человека. Скрывая Дару от посторонних глаз, ничего ей не объясняя, он, видимо, считал, что действует в ее интересах. Бенедикт будет вне себя, если узнает о нашем с ней разговоре, и это была еще одна из причин, по которой мне хотелось покинуть Авалон как можно скорее. Просвещая Дару, я не преследовал корыстных целей. Мне просто хотелось уберечь девушку от опасности, а Бенедикт, с моей точки зрения, был не прав, оставляя ее в полном неведении. За время моего отсутствия Даре будет над чем подумать, и, когда я вернусь, она засыплет меня вопросами. Я постараюсь внушить ей, что вести себя надо крайне осторожно, и подскажу, чего следует опасаться.

Я стиснул зубы. Дикость какая-то! Когда я буду править в Амбере, все переменится. Должно перемениться… Почему никто не нашел средство, с помощью которого можно было бы изменить природу человеческую? Потеряв память, оказавшись в ином мире, я все равно остался прежним Корвином. Впрочем, именно поэтому я и не от-

чаивался.

Спустившись к реке в укромном месте, я смыл с себя пыль и пот, думая о Черной дороге, на которой потерпели фиаско мои братья. Информация для размышления. Купался я недалеко от берега, одним глазом поглядывая на Грейсвандир. Каждый из нас способен идти сквозь Отражения по свежему следу. Но меня никто не потревожил, хотя на обратном пути мне пришлось использовать Грейсвандир против хищных зверей, куда менее страшных, чем мои братья. Впрочем, этого следовало ожидать, потому что я торопился изо всех сил и Отражения мелькали, как в калейдоскопе…

Задолго до рассвета я въехал в конюшни, расположенные неподалеку от дома моего брата. Чемпион никак не мог успокоиться, и мне пришлось его задабривать — гладить и чистить скребком. Когда я налил ему воды и насыпал овса, из противоположного стойла донеслось ржание — меня приветствовал Огнедышащий, конь Ганелона. Я вышел из конюшен и помылся у колонки, размышляя, удастся ли мне хоть немного поспать. Отдых был мне необходим — несколько часов сна, и я полностью восстановил бы свои силы. Вот только не хотелось мне, во избежание

неприятностей, ложиться в доме Бенедикта. Правда, я неоднократно утверждал, что предпочитаю умереть в постели, но, во-первых, я имел в виду смерть в старческом возрасте, а во-вторых, надеялся, что на меня наступит слон в тот момент, когда я буду заниматься любовью с молоденькой девушкой. К винному погребу Бенедикта я, однако, относился не с таким предубеждением, как к постели, и, почувствовав необходимость выпить чего-нибудь покрепче, отправился в дом, прошел в гостиную и, не зажигая света, открыл дверцу бара. Налил виски, выпил, налил еще и подошел к окну. Вид из него открывался великолепный недаром Бенедикт построил дом на вершине холма.

— Под белой луной дорога лежит, — процитировал я, удивляясь звукам собственного голоса. — Сияет луна одиноко…

— Лежит, Корвин. Сияет, мой мальчик. Верно подмечено, — произнес Ганелон.

— Я и не знал, что ты здесь, сказал я, не поворачивая головы.

— Это потому, что я сижу тихо, как мышь.

— Ясно. Сколько ты выпил?

— Самую малость. Но если вы, как добрый товарищ, поднесете стаканчик…

Я повернулся.

— А сам ты не можешь себе налить?

— Мне трудно двигаться.

— Хорошо.

Я налил виски в хрустальный стакан до краев и подошел к креслу, в котором сидел Ганелон. Он медленно поднял стакан к губам, кивнул в знак благодарности и сделал глоток.

— Ах! Вот теперь полегчало.

— Ты дрался, — уверенно заявил я.

— Это точно, и не раз.

— Будь мужчиной, возьми себя в руки, и мне не придется тебе сочувствовать.

— Но я победил!

— Боже великий! Где трупы?

— О, те драки не в счет! Это девчонка меня отделала.

— Значит, ты не выкинул денег на ветер.

— Я говорю о девчонке другого сорта. Боюсь, я поставил нас в неловкое положение.

— Нас?

— Я же не знал, что она — хозяйка дома. Настроение у меня было прекрасное, и я решил, что вреда не будет, коли я позабавлюсь с молоденькой аппетитной служанкой…

— С Дарой? — спросил я, внутренне содрогаясь.

— Вот-вот. Я шлепнул ее по попочке, поцеловал разок-другой… — Он застонал. — Она оторвала меня от земли, как пушинку, подняла на вытянутых руках над головой, сообщила, что она — хозяйка дома, а потом отпустила… Я вешу восемнадцать стонов, а лететь было далеко. — Он отпил из стакана, и я усмехнулся. — Она тоже смеялась, — обиженно произнес Ганелон, — а потом помогла мне подняться и ласково спросила, как я себя чувствую. Я, конечно, попросил прощенья… Ваш брат, должно быть, настоящий мужчина. Я никогда не встречал такой сильной девушки. — Он покачал головой и выпил виски. — Мне было очень страшно. И не очень приятно.

— Дара приняла твои извинения?

— Да, конечно. Она отнеслась ко мне очень снисходительно, заверила, что никому ничего не скажет, и посоветовала обо всем забыть.

— В таком случае почему ты не спишь? Время позднее.

— Я ждал вас. Мне необходимо было с вами увидеться.

— Твое желание исполнилось.

Он медленно встал с кресла.

— Пойдемте подышим свежим воздухом.

— Неплохо придумано.

По пути Ганелон прихватил бутылку виски и лишний стакан, что тоже было неплохо придумано. Мы вышли из дома, прошли садом и уселись на скамейку у ветвистого дуба. Я набил трубку.

— У вашего брата неплохой вкус. В вине он тоже разбирается, — сказал Ганелон, наполняя стаканы и делая глоток. — Так вот, после того, как я попросил у девушки прощенья, мы довольно долго разговаривали. Узнав, что я ваш спутник, она тут же принялась меня расспрашивать о вас, о вашей семье, об Амбере и об Отражениях.

— Ты ей что-нибудь сказал? — спросил я, зажигая спичку.

— Я не мог ей ничего сказать при всем желании. Я знаю меньше, чем она.

— Хорошо.

— Видимо, Бенедикт не слишком с ней откровенничает. Я его понимаю. Будьте осторожны с этой девушкой. Она слишком любопытна.

Я кивнул и раскурил трубку.

— У нее есть на то основания. Но я рад, что ты не проболтался, хоть и был пьян. Спасибо, что предупредил.

Он пожал плечами и вновь приложился к стакану.

— Хорошая взбучка всегда отрезвляет. К тому

же, заботясь о вашем благополучии, я думаю о себе.

— Ты прав. Скажи, этот вариант Авалона тебя устраивает?

— Вариант? Это — мой Авалон! Сейчас тут живут другие люди, вот и все. Сегодня я был на Поле Колючек, где уговорил шайку Джека Хелнса бросить разбой и поступить к вам на службу. Я сразу узнал знакомые места.

— Поле Колючек, — задумчиво произнес я.

— Да, я попал домой. И когда я состарюсь, мне бы хотелось вернуться сюда, если я не погибну в битве за Амбер.

— Ты по-прежнему намерен разделить мою судьбу?

— Я мечтаю увидеть Амбер с тех пор, как вы о нем рассказали.

— Честно говоря, я забыл, когда мы говорили об Амбере.

— В ту ночь оба мы были пьяны в стельку, и время текло незаметно. Вы рассказывали мне о зеленых и золотых шпилях, о проспектах и улицах, о террасах, садах и фонтанах. В глазах ваших стояли слезы… Я даже не заметил, как за окном забрезжил рассвет. Боже? Мне кажется, я могу нарисовать план города! Я должен побывать в

нем, прежде чем умру!

— Я не помню той ночи, — медленно произнес я. — Должно быть, я действительно был очень пьян.

Ганелон ухмыльнулся.

— А ведь нас не забыли, Корвин. Правда, авалонцы считают, что мы давно умерли, и, рассказывая всевозможные истории, привирают, как хотят, но это неудивительно. Столько лет прошло!

Я промолчал и запыхтел трубкой.

— Можно задать вам один вопрос? — спросил Ганелон.

— Валяй.

— Если вы объявите Амберу войну. Бенедикт станет вашим врагом?

— Я тоже не отказался бы услышать ответ на этот вопрос. Думаю, да. Я надеюсь победить, прежде чем он успеет прийти Эрику на помощь. Бенедикт может оказаться в Амбере в мгновение ока, но ведь ему придется явиться туда во главе войска, потому что в одиночку даже мой грозный брат не в силах будет что-либо изменить. Нет. Он постарается не допустить гражданской войны и поддержит всякого, кто сумеет сохранить целостность государства. И поэтому, когда я скину Эрика с трона, он согласится стать моим союзником

ради прекращения междоусобиц. Но до тех пор Бенедикт останется моим врагом и, если узнает о моих планах, сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать их осуществлению.

— Именно это я и хотел услышать, — сказал Ганелон. — А если вы победите, он не возненавидит вас на всю жизнь?

— Вряд ли. Политика политикой, а с Бенедиктом мы вместе росли и воспитывались. К тому же мы всегда лучше относились друг к другу, чем каждый из нас к Эрику.

— Понятно. Я ведь спросил не из простого любопытства. На войну мы идем вместе, а Авалоном правит ваш брат. Вот я и подумал, как он отнесется к тому, что когда-нибудь я захочу вернуться и остаться здесь навсегда. Вдруг он захочет мне отомстить?

— Очень в этом сомневаюсь. Бенедикт — человек благородный.

— Тогда у меня еще один вопрос. Не хочу хвастаться, но я опытный военный, и, если мы захватим Амбер, ваш брат в этом убедится. Как вы думаете, можно попросить его назначить меня начальником гарнизона? Я прекрасно знаю эти места. Я готов показать ему Поле колючек и объяснить, как выиграл битву. Черт побери! Я буду

служить Бенедикту так же верно, как вам! — Он покраснел и засмеялся. — Я его не подведу.

Я усмехнулся и пригубил виски.

— Идея, конечно, неплоха. Боюсь только, что ты всегда будешь у него на подозрении. Он наверняка подумает, что я приставил к нему шпиона.

— К черту политику! Я не это имел в виду. Я простой солдат и люблю Авалон всем сердцем!

— Я тебе верю. Поверит ли Бенедикт?

— Зачем ему отказываться от хорошего генерала? Ведь он калека, и я мог бы…

Я невольно рассмеялся и тут же зажал себе рот ладонью — ночью звуки разносятся далеко. К тому же мне не хотелось обижать Ганелона.

— Прости меня, — сказал я. — Прости, пожалуйста. Ты не понимаешь. Ты действительно не понимаешь, с кем мы разговаривали той ночью в палатке. Он мог показаться тебе простым смертным, да еще без руки. Это не так. Поверь, я боюсь Бенедикта. Второго такого, как он, не существует ни на Отражениях, ни в реальном мире. Бенедикт — военный инструктор Амбера. Ты способен представить себе, что такое тысячелетие? Несколько тысячелетий? Ты способен понять человека, который каждый день своей жизни в течение всех этих лет часть времени

уделяет оружию, тактике, стратегии? Ты жестоко ошибаешься, если видишь в нем правителя крохотного государства, который стоит во главе небольшого гарнизона, а в свободное время подстригает деревья в саду. О военной науке Бенедикт знает все. Он часто путешествовал с Отражения на Отражение, наблюдая вариацию за вариацией одной и той же битвы только для того, чтобы проверить свою теорию на практике. Он командовал армиями настолько грандиозными, что солдаты маршировали перед ним много дней подряд, и не было конца их колоннам. Потеря руки причинила ему некоторое неудобство, но лично я не хотел бы драться с ним ни на дуэли, ни врукопашную. Это просто счастье, что Бенедикт не претендует на власть, потому что в противном случае он сидел бы сейчас на троне в Амбере. И можешь мне поверить, я тут же оставил бы все свои планы и первый признал бы его законным монархом. Я боюсь Бенедикта и не стесняюсь в этом признаться.

В горле у меня пересохло, и я выпил виски. Ганелон молчал довольно долго, потом вздохнул.

— Всего этого я, конечно, не знал. Я буду счастлив, если ваш брат разрешит мне хотя бы вернуться на родину и прожить здесь остаток дней.

— Он не будет возражать. Я знаю.

— Дара сказала, что Бенедикт прислал письмо. Он пишет, что решил сократить пребывание в лагере и скорее всего приедет домой завтра.

— Проклятье! — воскликнул я, вскакивая со скамейки. — Надо спешить. Надеюсь, у Дойля все готово. Я не хочу встречаться с Бенедиктом!

— Камушки у вас?

— Да.

— Можно взглянуть?

Я протянул ему кошелек. Ганелон вынул несколько алмазов, положил на ладонь левой руки и принялся рассматривать.

— И вовсе они не такие красивые, — сказал он. Может, света мало? Подождите-ка, что-то сверкнуло! Хотя нет…

— Они ведь не отшлифованы. У тебя в руках целое состояние…

— Удивительно. Он бросил алмазы в кошелек. — Удивительно, как легко вам это досталось.

— Не так уж легко.

— Все равно несправедливо. Ведь вы разбогатели за один день.

Он протянул мне кошелек.

— Когда мы расстанемся, я оставлю тебе не меньшее состояние. И если Бенедикт откажется

от твоих услуг, ты, по крайней мере, ни в чем не будешь нуждаться.

— После того, как вы мне о нем рассказали, я больше чем когда-либо хочу служить под его началом.

— Посмотрим. Может, я что-нибудь придумаю.

— Спасибо, Корвин. Когда мы уезжаем?

— Завтра утром. Завтрашний день будет тяжелым, так что ложись спать, а через несколько часов я тебя разбужу. Возьмем у Бенедикта телегу, впряжем в нее Чемпиона и Огнедышащего — несладко им придется, беднягам, — и отправимся в город. Затем навестим Дойля, заберем товар и незаметно исчезнем. Чем больше мы выиграем времени, тем труднее Бенедикту будет выследить нас на Отражениях. Если мне удастся опередить его на полдня, голову даю на отсечение, что он нас не найдет.

— С чего вы взяли, что он станет нас выслеживать?

— Бенедикт мне не доверяет и правильно делает. Он прекрасно понимает, что я появился в Авалоне не случайно и что осуществление моих планов грозит благополучию Амбера. Естественно, он должен узнать, что мне здесь нужно. Как только Бенедикт обнаружит, что мы уехали, а

значит, добились того, чего хотели, он немедленно кинется в погоню.

Ганелон зевнул, потянулся, допил виски.

— Ладно, давайте спать. Вы мне столько наговорили о Бенедикте, что я уже ничему не удивляюсь. Даже тому неприятному происшествию, о котором я чуть было не забыл вам сообщить.

— Что ты имеешь в виду?

Ганелон встал и взял со скамейки бутылку.

— Эта тропинка, — он мотнул головой, — ведет через сад к забору. За забором начинается лес, а шагов через двести — слева в низинке — небольшая роща. Среди молодых деревьев, закиданная землей, ветвями и листьями, находится свежевырытая могила. Я наткнулся на нее вечером, когда вышел прогуляться и остановился по нужде.

— Почему ты решил, что это могила?

Он ухмыльнулся.

— Когда в яме лежат трупы, ее принято называть могилой. Кстати, она неглубокая. Я немного поковырял землю палкой и увидел четырех покойников — троих мужчин и одну женщину.

— Давно они там лежат?

— Не очень. Думаю, несколько дней.

— Ты все оставил как было?

— Естественно, я не круглый дурак, Корвин.

— Прости. Твое известие меня встревожило. Ничего не понимаю.

— А по-моему, все ясно. Они недооценили Бенедикта.

— Может быть. А как они выглядят? И как их убили?

— Люди как люди, средних лет. Одного прикончили ударом ножа в живот, остальным перерезали горло.

— Странно. Только этого нам не хватало. Хорошо, что мы завтра уезжаем.

— Согласен. Пойдемте спать.

— Ты иди, а я немного посижу.

— Лучше бы вы легли. Сами сказали, что день завтра будет тяжелый. И не волнуйтесь понапрасну.

— Ладно.

— Спокойной ночи.

— Я тебя разбужу.

Я смотрел, как Ганелон идет к дому по тропинке. Он, конечно, был прав, но я не последовал его совету. Тщательно обдумывая детали своего плана, я пытался найти какие-либо просчеты. Их не было. Я допил виски, поставил стакан на скамейку, встал и пошел к забору, оставляя за собой шлейф из табачного дыма. В спину мне светила

луна, до рассвета оставалось несколько часов. Я твердо решил не возвращаться в дом Бенедикта и теперь хотел найти укромное место и немного вздремнуть. Через двести шагов я, естественно, увидел слева в низинке невысокую рощу. Тщательный осмотр подтвердил, что тут недавно копали землю, но у меня не возникло желания вытаскивать тела и изучать их при лунном свете, — я предпочел поверить Ганелону на слово. Я и сам не знал, что меня сюда привело. Болезненное любопытство, должно быть, ведь спать рядом с трупами я не собирался. Я вернулся в сад, свернул с тропинки и сразу же увидел небольшую поляну, окруженную густым кустарником. Я расстелил плащ на высокой мягкой траве, вдыхая ее аромат, уселся поудобнее, снял сапоги, поставил босые ноги на землю и с облегчением вздохнул.

«Недолго мне осталось ждать, — подумал я. — Отражения — алмазы — ружья — Амбер. Я иду. Всего год назад я заживо гнил в подземелье, тысячи раз пересекая ту грань, которая отделяет безумие от отчаяния, а сумасшествие от здравого смысла. Теперь же я свободен, крепок духом, у меня четкие планы на будущее. Я стал силой, с которой нельзя не считаться, силой, куда более грозной, чем пять лет назад. И на этот раз мне

не с кем делить ни успех, ни горечь поражения». Эта мысль была мне приятна. Радуясь ощущению мягкой травы под ногами, теплоте, разливающейся по телу после нескольких глотков доброго виски, я выколотил трубку, почистил ее, положил в кисет, потянулся, зевнул и приготовился ко сну. Внезапно я заметил какое-то движение вдалеке и, приподнявшись на локте, стал напряженно вглядываться в темноту. Мне не пришлось долго ждать. По тропинке, часто останавливаясь, медленно шел человек. Он исчез за деревом, под которым мы с Ганелоном сидели на скамейке, и довольно долго не появлялся, затем вышел из-за ствола, сделал несколько шагов, замер на месте и решительно направился в мою сторону, продираясь сквозь кустарник. В лунном свете отчетливо были видны знакомые мне черты лица.

— Насколько я понимаю, твои апартаменты тебя не устраивают, милорд Корвин, сказала Дара.

— Ошибаешься. Ночь столь прекрасна, что я не удержался от соблазна поспать на природе.

— А что соблазнило тебя прошлой ночью? Помнится, дождь хлестал как из ведра. — Она села на краешек плаща. — Ты тоже здесь спал?

— Прошлой ночью я вообще не спал. Меня не было в Авалоне.

— А где ты был?

— Просеивал песок на морском берегу.

— Какая скука!

— Не спорю.

— После того, как мы побывали на другом Отражении, я все время думаю о том, что ты мне рассказал.

— Неудивительно.

— И тоже почти не сплю. И видела, как ты вернулся, подслушала твой разговор с Ганелоном и знала, что ты остался один.

— Ты не ошиблась.

— Я должна попасть в Амбер. И пройти Лабиринт.

— Бесспорно.

— Сейчас, Корвин! Сейчас!

— Ты еще молода, Дара. У тебя все впереди.

— К черту, Корвин! Я ждала всю жизнь сама не знаю чего! Неужели ты мне не поможешь?

— Нет.

— Почему? Проведи меня по Отражениям в Амбер, покажи Лабиринт…

— Если повезет, нас убьют не сразу, а для начала посадят в сугубо смежные камеры.

— Глупости! Ты — принц и волен поступать, как тебе заблагорассудится!

Я рассмеялся.

— Я преступник, объявленный вне закона, моя дорогая. Если я вернусь в Амбер, в лучшем случае меня немедленно казнят. О худшем я даже не хочу думать. Скорее всего, Эрик не повторит ошибки и покончит со мной сразу же. А заодно с любым моим спутником или спутницей.

— Оберон никогда так не поступил бы.

— Если б его спровоцировали, он сделал бы то же самое. Но я не буду спорить. В Амбере правит не Оберон, а Эрик, который называет себя монархом.

— С каких это пор?

Он короновал себя пять лет назад по времени Амбера.

— А почему Эрик хочет тебя убить?

— Потому что он не хочет, чтобы я убил его.

— А ты его убьешь?

— Да. В недалеком будущем.

Она посмотрела мне в глаза.

— Зачем?

— Эрик — узурпатор. Трон Амбера мой по праву. Эрик подверг меня унижениям, оскорблениям, пыткам, посадил в тюрьму. Он и представить себе не мог, что я выйду на свободу и вновь брошу ему вызов. Кстати, я тоже на это не надеялся. Эрик до-

пустил большую ошибку, позволив себе роскошь наслаждаться моим жалким положением. Если мне повезет, я такой ошибки не сделаю.

— Но ведь он твой брат!

— Поверь, мы с ним знаем это лучше, чем кто-либо другой.

— Когда ты… осуществишь свои планы?

— Я уже говорил: постарайся достать колоду карт и свяжись со мной через три месяца. Если не сможешь, я сам найду тебя, как только завоюю трон Амбера. Обещаю, что ты пройдешь Лабиринт не позже, чем через год.

— Но ведь ты можешь проиграть!

— Тогда тебе придется набраться терпения. Ты не попадешь в Амбер, пока Эрик не будет твердо уверен, что ему ничего не грозит, а Бенедикт не решится представить тебя двору, тем самым признав Эрика законным монархом. Видишь ли, Бенедикт так долго не был в Амбере, что многие считают его погибшим. Когда он объявится, ему придется занять определенную позицию за или против Эрика. Если он будет за, спокойное правление Эрику обеспечено, если против — в стране разразится гражданская война. Бенедикт не желает быть ответственным ни за то, ни за другое. Становиться королем он тоже не хочет.

Только полным невмешательством во внутренние дела государства может Бенедикт обеспечить существующее равновесие сил. Если он, не дай бог, появится с тобой в Амбере, сохраняя строгий нейтралитет (а Бенедикту и это сойдет с рук), Эрик найдет способ сломить его волю. Твое благополучие — прекрасный повод для шантажа.

— Значит, мне не удастся попасть в Амбер без твоей помощи!

— Не преувеличивай. Все, что я тебе сказал, лишь предположения, основанные на догадках. Я слишком долго был оторван от дел и ничего не могу утверждать наверняка.

— Ты должен победить! — воскликнула она и тут же нахмурилась. Скажи, если ты завоюешь трон, дед тебя поддержит?

— Сомневаюсь. Но в этом случае ситуация изменится. К тому же я не ищу поддержки Бенедикта. Мне достаточно знать, что он жив и не станет вмешиваться в мои дела. А он не станет в них вмешиваться, если я буду действовать быстро, с умом и добьюсь успеха. Ему, конечно, не понравится моя осведомленность о его семейной жизни, но он успокоится, когда поймет, что я не желаю тебе зла.

— А почему ты не используешь меня в своих

интересах? По-моему, это нелогично.

— Да, — согласился я. — Но, во-первых, ты мне очень нравишься, а во-вторых, давай переменим тему разговора.

Она рассмеялась.

— Я тебя приворожила.

— Вот-вот. Кончиком рапиры.

Внезапно лицо ее стало серьезным.

— Твой человек, Ганелон, сказал тебе, что дед приезжает завтра?

— Да.

— Это может помешать твоим планам?

— Надеюсь, Бенедикт меня не застанет.

— Что он сделает?

— Перво-наперво, выскажет все, что о тебе думает. Можешь не сомневаться, неприятностей ты не оберешься. Затем ему захочется узнать, каким образом тебе удалось вернуться домой и о чем мы с тобой беседовали.

— Что мне ответить?

Опиши ему свое путешествие из деревушки, ничего не скрывая. Это заставит его задуматься. А со мной ты была крайне осторожна и сказала не больше, чем Жерару или Джулиану. Женская интуиция тебя не подвела. Если Бенедикт спросит, где я, скажи, что мы с Ганелоном одолжили у

него фургон, поехали в город и вернемся поздно.

— Вы действительно поедите в город?

— Да, ненадолго. Но мы не вернемся. Мне необходимо выиграть время на тот случай, если Бенедикт решит кинуться за нами в погоню. Следы на Отражении сохраняются до определенного момента, потом исчезают.

— Я постараюсь его задержать — ради тебя. Скажи, неужели ты уехал бы, не попрощавшись?

— Кто знал, что тебе не спится? Я хотел поговорить с тобой утром.

— Хорошо, что я никак не могла заснуть. Как ты собираешься завоевать Амбер?

Я покачал головой.

— Нет, дорогая моя Дара. Все принцы, которые составляют коварные планы, должны держать их в тайне. Не обессудь.

— У меня такое ощущение, что в Амбере все интригуют и никто никому не верит. Как странно.

— Почему? Мир держится на конфликтах. Они существуют повсюду, потому что все Отражения созданы по образу и подобию Амбера.

— Это трудно понять…

— Когда-нибудь поймешь. Потерпи.

— Хорошо. Тогда ответь мне на другой вопрос. Раз уж я умею изменять Отражения, несмотря на

то, что не прошла Лабиринт, объясни, как мне научиться четко управлять ими? Я хочу потренироваться.

— Нет! Вселенная — не игрушка! Даже для тех, кто прошел Лабиринт, Отражения опасны, а непосвященным они сулят верную гибель. Тебе повезло, но не вздумай повторить свою попытку. И скажи спасибо, что я ничего тебе не объяснил.

— Что ж, прости. Видно, придется мне подождать.

— Придется. Не обиделась?

— Нет, что ты… — Она засмеялась. — Нельзя так нельзя. Тебе виднее. Я очень рада, что ты обо мне заботишься.

Я хмыкнул, а Дара протянула руку и провела пальцами по моей щеке. Я удивленно поднял голову и увидел, как лицо ее медленно приближается. Она больше не улыбалась, губы ее были чуть раздвинуты, а глаза полузакрыты. Мы поцеловались, и я почувствовал, как руки ее скользнули по моей шее, обхватили за плечи; мои руки невольно сомкнулись вокруг ее талии… и тут мое удивление потонуло в сладострастном ощущении теплоты и вполне понятном возбуждении.

Если Бенедикт когда-нибудь узнает, он будет

не просто зол…

Фургон монотонно скрипел, обжигающее раскаленное солнце клонилось к западу. Сзади среди ящиков храпел Ганелон. Я искренне ему завидовал, потому что третий день не знал ни сна, ни отдыха. Мы проехали около пятнадцати миль, двигаясь к северо-востоку от Авалона. Дойль не выполнил моего заказа полностью, и пришлось нам с Ганелоном уговорить его закрыть лавку и лично проследить за скорейшим выпуском продукции. Это отняло у нас несколько бесценных часов. Тогда я был слишком взвинчен, чтобы спать, а сейчас не мог отдохнуть потому, что мы начали свой путь по Отражениям. Превозмогая усталость, я поменял день на вечер и закрыл солнце легкими облачками. Мы ехали по сухой глинистой дороге с глубокой колеей. Глина была уродливого желтого цвета, и комки ее трещали, раскалываясь под колесами. По обеим сторонам дороги росли невысокие изогнутые деревья с толстыми мохнатыми стволами и жухлая коричневая трава. Я щедро заплатил Дойлю за порошок и купил у него браслет с условием, что он будет доставлен Даре на следующий день. Алмазы лежали в моем кошельке, пристегнутом к поясу рядом с Грейсвандир. Чемпион и Огнедышащий

шли неторопливым уверенным шагом. Я был на пути к достижению своей цели.

Интересно, вернулся ли Бенедикт домой? Долго ли он будет в неведении по поводу того, куда я пропал? Опасность еще не миновала. Я оставлял отчетливый след, по которому Бенедикт мог идти с закрытыми глазами. К сожалению, у меня не было другого выхода. На лошадях, запряженных в фургон, быстро не поедешь, да и сам я был не в том состоянии, чтобы гнать, как на скачках. Прекрасно понимая, что усталость притупила мои чувства, я управлял Отражениями медленно и тщательно. Мне очень хотелось надеяться, что постепенно я воздвигну между собой и Бенедиктом барьер из Отражений, который он не сможет преодолеть. Через две мили я вновь поменял вечер на полдень — темнота меня не устраивала. Жара стояла невыносимая, хоть я и оставил солнце за облаками. Затем мне удалось разыскать небольшой ветерок, от которого веяло прохладой. Правда, он мог принести с собой дождь, но мне уже было все равно. Не до жиру, быть бы живу.

Голова клонилась на грудь, глаза закрывались сами собой. Меня так и подмывало разбудить Ганелона, передать ему вожжи и завалиться спать. Но я удержался от соблазна. Пока что мы

были слишком близко от Авалона не только по расстоянию, но и по Отражениям. Я мечтал выбраться на хорошую дорогу, меня тошнило при одном виде омерзительной желтой глины, надо было следить за облаками, держать курс строго на… Я вздрогнул, протер глаза и сделал несколько глубоких вдохов. В голове все перепуталось. Размеренный стук копыт, монотонное поскрипывание фургона действовали как наркотик, а от тряски и покачивания я давно перестал ощущать свое тело. Один раз поводья выскользнули из рук, но, к счастью, лошади были опытные и знали, что от них требуется. Преодолев легкий подъем, мы покатили вниз. Время вновь приближалось к полудню, небо покрылось грозовыми тучами. Я попытался разогнать их — сильный ливень превратил бы глину в сплошное месиво, — и через несколько миль и крутых поворотов мне это отчасти удалось. Я оставил небо в покое и сконцентрировался на дороге. Мы подъехали к полуразвалившемуся мосту через реку с высохшим руслом. На другом ее берегу дорога была не такой желтой. По мере нашего продвижения она становилась шире, тверже, исчезли ухабы и на обочинах появилась зеленая трава. Затем пошел дождь. Я боролся с ним, как мог, стараясь оставить

и удобную дорогу, и зеленую травку в неприкосновенности. Голова разболелась не на шутку, но через четверть мили дождь прекратился и показалось солнышко. Фургон продолжал скрипеть, спускаясь в тенистую долину мимо высоких красивых деревьев. Еще один мост… Я клевал носом все чаще и на всякий случай намотал поводья на руку. Машинально, почти не думая, я что-то менял, выбирал направление. Справа от меня в лесу птицы радостно оповестили мир о том, что наступило утро. Воздух был свеж и прохладен. Капли росы на листьях сверкали в лучах восходящего солнца… Но мое тело обмануть не удалось, и я с облегчением вздохнул, услышав, как Ганелон заворочался и сердито выругался. Если б он не проснулся, мне пришлось бы разбудить его. Что ж, будем надеяться, мы ушли достаточно далеко. Я натянул поводья, поставил фургон на тормоз — мы находились на пологом склоне холма — и достал бутылку с водой.

— Эй! — воскликнул Ганелон, появляясь из-за ящиков. — Оставьте и мне глоточек!

Я протянул бутылку.

— Заменишь меня. Я должен отдохнуть.

Он булькал с полминуты и, оторвавшись от горлышка, крякнул от удовольствия.

— Сейчас. Вот только отлучусь на минутку. Терпеть нету сил.

Он спрыгнул на дорогу, отошел на обочину, а я лег на его место, вытянулся и положил под голову плащ. Через несколько секунд я услышал, как он карабкается на козлы. Фургон качнуло. Ганелон отпустил тормоз, прищелкнул языком, встряхнул вожжами.

— Уже утро? — громко спросил он.

— Да.

— Господи! Значит, я дрых весь день и всю ночь!

— Нет. Ты находишься на другом Отражении и спал всего шесть-семь часов.

— Не понимаю. Ну да ладно, поверю вам на слово. Где мы находимся?

— Милях в двадцати к северо-востоку от Авалона и в двенадцати от дома Бенедикта. Это по расстоянию. Но мы поменяли несколько Отражений.

— Что мне делать?

— Поезжай по дороге, никуда не сворачивая. Нам необходимо уехать как можно дальше.

— Бенедикт может нас догнать?

— Думаю, да. По крайней мере, я боюсь делать привал, хотя лошадям надо отдохнуть.

— Когда вас разбудить?

— Никогда.

Ганелон замолчал, а я улегся поудобнее и стал вспоминать Дару. Я вспоминал ее весь день. То, что произошло между нами, не входило в мои планы и было для меня полной неожиданностью. Я даже не думал о ней как о женщине, пока она не очутилась в моих объятиях и не доказала, что является ею. Мгновением позже включились нервы моего спинного мозга, отключая разум и приводя жизнь к ее основе, — так, по крайней мере, сказал бы мой друг Фрейд. Я не мог грешить на то, что был пьян: во-первых, выпил я немного, а во-вторых, алкоголь на меня почти не действует. К тому же зачем упрекать себя? Затем, что я чувствовал себя виноватым. Не потому, что мы были дальними родственниками, и не потому, что я воспользовался ее неопытностью. Она знала, чего хотела, когда пришла ко мне в сад. Обстоятельства вынуждали меня придирчиво оценивать свои поступки. Да, мне хотелось большего, чем просто стать с ней друзьями. Когда я повел Дару на другое Отражение, надеялся, что она начнет относиться ко мне так же доверчиво, как к Бенедикту. Я хотел, чтобы она была моей союзницей, оставаясь в стане врага, и даже предполагал ее

использовать, если меня попытаются удержать в Авалоне. Но не хотел, чтобы она считала меня подонком, переспавшим с ней из корыстных побуждений. И виноватым я чувствовал себя только потому, что в этом была доля истины. Интересно, откуда такая щепетильность? В прошлом я совершал поступки во сто крат аморальнее, с точки зрения обычного человека, и никогда не мучился угрызениями совести. Я заворочался, безуспешно пытаясь отогнать назойливую мысль, сверлившую мозг. Да, я влюбился. Это чувство нельзя было сравнить с тем, которое я испытывал к Лорен, — оба мы были ветеранами любви и понимали, на что идем, — или чувственной Муари, жаждущей ласки в Ребма, где я прошел Лабиринт во второй раз. Я не мог разобраться в своих ощущениях. Они были нелогичны, ведь я знал Дару всего несколько дней. Тем не менее… Много веков я не испытывал ничего подобного. Любить ее? Только не сейчас. Когда-нибудь потом. А еще лучше — никогда. Она была не для меня. Она была ребенком. Все, что ей захочется сделать, я уже сделал, все, что ей захочется испытать, я испытал. Я забыл то, что будет для нее прекрасным, чарующим, восхитительным. Она не для меня. Она ребенок. Мне нельзя в нее влюбляться.

Мне надо…

Ганелон что-то напевал себе под нос, монотонно и фальшиво. Фургон трясло, он скрипел, поднимаясь в гору. Солнечный луч качнулся, пробежал по моему лицу. Был полдень. Чувствовал я себя преотвратительно. Выпив почти полную бутылку воды, я вылил остатки на ладонь и потер лицо, пригладил волосы и принялся разглядывать окрестности. Невысокие деревья шелестели зелеными листьями, на небольших полянах росла трава. Мы все еще ехали по бурой твердой и относительно гладкой дороге. Небо было чистым, лишь иногда на солнце набегали небольшие облачка, и тогда тени удлинялись. Дул легкий ветерок.

— Воскресли из мертвых? Поздравляю! — весело сказал Ганелон, когда я выбрался из фургона и уселся рядом с ним на козлы. — Лошади устали, Корвин. Я тоже не прочь поразмяться и к тому же чертовски проголодался. Что скажете?

— Давай перекусим, — согласился я. — Сворачивай на полянку слева и сделаем небольшой привал.

— Мне бы хотелось проехать немного дальше.

— Это почему?

— Мне надо вам кое-что показать.

— Что ж…

Примерно через полмили дорога круто свернула к северу. Мы оказались у подножия холма, преодолели подъем и увидели второй холм, выше первого.

— Ну? — коротко спросил я.

— Может, с того холма будет видно?

Я пожал плечами.

— Хорошо.

Лошади с трудом шли в гору, и я соскочил на землю и стал толкать фургон сзади. Когда мы добрались до вершины, я перепачкался, взмок от пота, но окончательно проснулся. Ганелон бросил поводья, установил тормоз, взобрался на крышу фургона и посмотрел вдаль, прикрыв глаза рукой.

— Поднимитесь ко мне, Корвин, — негромко сказал он.

Я присоединился к нему и проследил за направлением его руки. Примерно в трех четвертях мили, футов на двести ниже того места, где мы стояли, тянулась черная лента дороги. Она изгибалась, поворачивала, но ширина ее в несколько сот футов оставалась неизменной. На ней росли черные деревья. Черная трава колыхалась — как будто черная вода медленно текла в черной

речке.

— Что это? — спросил я.

— Это я вас хотел спросить. Сначала я подумал, что вы ее наколдовали, меняя Отражения.

Я покачал головой.

— Я, конечно, туго соображал, но вряд ли забыл бы, сотворив нечто подобное. Откуда ты знал, что мы ее здесь увидим?

— Мы несколько раз проезжали неподалеку, пока вы спали. Мне эта дорога совсем не нравится. Она вызывает во мне неприятные ощущения. Вам она ничего не напоминает?

— Да, конечно. К великому моему сожалению.

Он кивнул.

— В точности, как Черный Круг на Лорен. Поразительное сходство.

— Черная дорога, — пробормотал я.

— Что вы сказали?

— Черная дорога. Мне было неясно, когда о ней говорила Дара, но сейчас, кажется, я начинаю понимать. Ничего хорошего нас здесь не ждет.

— Еще одно проклятое место?

— Да.

Ганелон грязно выругался.

— Значит, жди неприятностей? — спросил он.

— Все может быть.

Мы слезли с крыши фургона.

— Давайте накормим лошадей, а заодно позаботимся о собственных желудках, — предложил Ганелон.

— Только не здесь.

Мы устроили привал у подножия холма и отдыхали около часа, разговаривая об Авалоне. О Черной дороге не было сказано ни слова, хотя она не выходила у меня из головы. Впрочем, чтобы сказать что-то определенное, надо было получше ее рассмотреть. Мы основательно перекусили, вновь забрались на козлы, и я взялся за поводья. Отдохнувшие лошади весело зацокали копытами. Ганелон сидел слева от меня и болтал без умолку. Я только теперь понял, как дорог был его сердцу Авалон. Он успел побывать на местах своих бывших стоянок, где его шайка скрывалась после разбоя, обошел поля сражений, где выиграл битвы. Я был тронут. Плохое и хорошее так удивительно сочетались в этом человеке, что ему следовало родиться амберийцем. Миля уходила за милей. Черная дорога приближалась, и внезапно я почувствовал сильное давление на мозг. Я прервал Ганелона на полуслове и резко сказал:

— Возьми вожжи.

— Что случилось?

— Потом. Возьми вожжи. Скорее!

— Мне погонять?

— Нет. Едем как ехали. И, ради бога, заткнись хоть на минуту.

Я закрыл глаза, положил голову на скрещенные руки, опустошил мозг и воздвиг стены вокруг этой пустоты. Никого нет дома. Перерыв на обед. Прием окончен. Сдается внаем. Занято. Частная собственность. Осторожно, злая собака. Скользко, если мокро. Полностью разрушен, восстановление невозможно…

Давление прошло, возобновилось с новой силой, вновь прошло, вновь возобновилось. Каждый раз я блокировал попытку контакта. Затем меня оставили в покое.

— Порядок, — сказал я и, облегченно вздохнув, принялся тереть глаза.

— В чем дело?

— Кто-то пытался со мной связаться способом, тебе не понятным. Голову даю на отсечение, это был Бенедикт. Он наверняка все разнюхал и теперь бросится за нами в погоню. Дай мне вожжи.

— Он нас догонит?

— Думаю, нет. Мы отъехали достаточно далеко, и как только у меня перестанет рябить в глазах, я займусь Отражениями.

Я взял вожжи. Мы все ближе и ближе подъезжали к Черной дороге. Через некоторое время мы оказались рядом с ней.

— Знакомая картина, нарушил молчание Ганелон. — Повсюду струйки тумана, и если смотреть пристально, кажется, что краешком глаза видишь какое-то движение.

Я закусил губу. Меня бил озноб. Я пробовал найти такое Отражение, где Черной дороги не было бы, но у меня ничего не получалось. Когда пытаешься уйти на Отражения из Амбера, возникает такое ощущение, что ты уперся лбом в каменную стену. Чувство, которое появилось у меня сейчас, было другим: я испытывал сопротивление, преодолеть которое казалось невозможным. Мы шли по Отражениям. Солнце поползло с запада на восток, наступил полдень (мне не хотелось находиться рядом с этой черной гадостью в темноте), небо посветлело, деревья стали выше, на горизонте сверкали пики гор. Неужели Черная дорога пролегла по всем Отражениям? Не я ли был виноват в том, что она появилась? К черту!

Мы ехали вдоль Черной дороги довольно долго. Вскоре до нее осталось сто футов. Пятьдесят… Я натянул поводья. Вытащил трубку, набил ее, закурил и выпустил облако дыма. Чемпиону

и Огнедышащему явно не понравился черный пейзаж. Они ржали и пытались свернуть в сторону. Черная дорога пересекла наш путь. На ее обочине росла густая высокая черная трава. Вдалеке виднелись огромные черные валуны. Непроницаемым туман лежал в низинах, струйками поднимался от земли. Темное небо казалось каким-то грязным. На Черной дороге царила мертвая тишина, будто она, словно зверь, замерла, подстерегая добычу. Затем раздался пронзительный крик. Женский голос звал на помощь. Уловка, старая как мир? Он донесся из-за холмов справа и показался мне неправдоподобным. Впрочем, кто знает? Я мог ошибаться. Бросив поводья, я соскочил с фургона и выхватил Грейсвандир из ножен.

— Пойду посмотрю, в чем дело.

— Возвращайся скорее.

Я перепрыгнул через придорожную канаву, продрался сквозь густой кустарник, преодолел довольно крутой подъем и очутился на вершине холма. Крик повторился, послышались какие-то непонятные звуки: я увидел внизу Черную дорогу, на которой футах в ста пятидесяти от обочины разыгрывалась странная сцена. Если б не огонь костра, можно было бы подумать, что

передо мной мелькают кадры черно-белого кино. Женщина в белом с черными распущенными волосами, ниспадающими до талии, была привязана к черному дереву, и у ее ступней дымились черные головешки. С полдюжины мужчин, волосатых альбиносов, либо голых, либо срывающих остатки одежд, приплясывали, бормоча и ухмыляясь, тыкали в женщину палками, раздували костер и все время хватали себя между ног. Ее длинное белое платье, изодранное в лохмотья и обнажившее пышную фигуру, начало тлеть, а лица я разглядеть не мог из-за дыма. В мгновение ока я спустился с холма, одним прыжком перемахнул через высокую черную траву, побежал вперед и бросился на волосатых уродов, снеся первому голову с плеч и проткнув шпагой второго. Остальные повернулись ко мне, угрожающе махая палками и что-то крича. Грейсвандир засверкала, как молния, и в несколько секунд с бандитами было покончено. Трупы валялись на черной земле, и жидкость, вытекавшая из них, тоже была черной. Я резко повернулся, расшвырял костер ногой, подошел к женщине и, взмахнув шпагой, перерезал стягивающую ее веревку. Рыдая, она упала в мои объятия. Только тогда я заметил ее лицо, вернее, его отсутствие. На ней

была маска, овальная и гладкая, с отверстиями для глаз.

Я отвел женщину подальше от горящих ветвей, и она прижалась ко мне всем телом, тяжело дыша. Подождав для приличия несколько секунд, я попытался осторожно высвободиться из ее объятий, но безуспешно. Для женщины она была на удивление сильна.

— Успокойтесь, не надо, все будет в порядке, — пробормотал я стандартные в таких случаях слова, но она не ответила, лишь прижалась еще сильнее и начала ласкать — грубо, искусно, вызывая вполне определенное возбуждение, которое меня в первый момент озадачило. С каждой секундой она становилась все желаннее. Я вдруг понял, что провожу рукой по ее волосам, глажу податливое тело.

— Успокойтесь, — повторил я. — Кто вы? Почему вас хотели сжечь? Как вы сюда попали?

И вновь я не получил ответа. Она перестала плакать, но дышала тяжело — правда, совсем по другой причине.

— Зачем вы надели маску? — И попытался снять ее, но женщина резко откинула голову.

Впрочем, я не придал этому никакого значения. Понимая рассудком, что возникающая

страсть нелепа, я был так же беспомощен, как боги эпикурейцев, и хотел одного — обладать этой женщиной, причем немедленно. Затем мне показалось, что Ганелон громко меня зовет, и я хотел было повернуться, но она удержала меня. Я был просто поражен ее силой.

— Дитя Амбера, раздался голос, знакомый и незнакомый в одно и то же время. Мы твои должники, и сейчас ты будешь весь наш.

Словно издалека я слышал крики Ганелона, обрушившего на мою голову поток отборной матерной ругани. Я напряг мускулы и почувствовал, как ослабевает и разжимается кольцо ее рук. Затем я сорвал с нее маску. Когда я освободился, женщина коротко, зло вскрикнула, а после того, как маска оказалась в моей руке, сказала всего четыре слова, оказавшиеся ее последними:

— Амбер должен быть разрушен!

Под маской лица не было, одна пустота. Сама она — оно — исчезла. Белое платье упало на землю. Повернувшись, я увидел, что Ганелон лежит на обочине Черной дороги, и ноги его неестественно вывернуты. Он рубил шпагой направо и налево, но я не понял, что случилось, и быстро побежал к нему. Высокая черная трава, которую я перепрыгнул, бросившись на крик о

помощи, крепко обвила лодыжки и бедра моего спутника. Правда, ему удалось частично освободить правую ногу, но трава кидалась, как зверь, пытаясь поймать руку со шпагой. Я пустил в ход Грейсвандир, встал позади Ганелона и тут только заметил, что все еще держу маску. Я бросил ее на черную землю, и она задымилась. Я взял Ганелона под мышки и оттащил от обочины. Трава сопротивлялась, не желая уступать, но я оказался сильнее. Он с трудом встал, опираясь на меня, и воскликнул, хлопая себя по бедрам:

— Мои ноги! Они как мертвые?

Я помог ему добраться до фургона, и Ганелон уцепился за его борт.

— Щекотно, — заявил он, топая ногами. Кажется, я начинаю что-то чувствовать… О-о-оо!

В конце концов он с трудом взобрался на козлы и я сел рядом. Ганелон вздохнул.

— Вроде бы полегчало, — сказал он. По-моему, онемение проходит. Эта дрянь высосала из меня все силы. А у вас что случилось?

— Ты оказался прав. Это проклятое место.

— Что будем делать?

Я взял вожжи в руки и отпустил тормоз.

— Поедем, никуда не сворачивая. Мне надо кое-что выяснить. Держи шпагу наготове.

Он буркнул что-то нечленораздельное и положил шпагу на колени. Лошадям моя идея пришлась не по нутру, так что пришлось легонько стегнуть их кнутом. Мы въехали на Черную дорогу, и мне показалось, что я сижу в кинозале и смотрю картину о второй мировой войне. Реалистичный, страшный, пугающий фильм о недалеком прошлом. Даже скрип фургона и стук копыт звучали глухо, доносились как бы издалека. У меня звенело в ушах. Трава заволновалась, когда мы проезжали мимо, хотя я выбрал такое место на обочине, где она не росла. Клубившийся туман не имел запаха, но тем не менее в низинах трудно было дышать. У первого же валуна я начал менять Отражения и свернул направо. Черный пейзаж остался неизменным. Это меня взбесило. Я вызвал в памяти Лабиринт и удержал его перед своим мысленным взором. Лабиринт горел, полыхал огнем. Я вновь поменял Отражения.

В ту же секунду что-то лопнуло у меня в голове. Страшная боль пронзила мозг, словно его проткнули раскаленным железным прутом. Вот тогда я разозлился по-настоящему и напряг все силы, стараясь добиться перемен, превратить Черную дорогу в ничто. Предметы потеряли очертания. Туман сгустился. Я встряхнул вожжами, и

лошади перешли на бег. В голове у меня загудело, она разбухла от боли и, казалось, сейчас взорвется. Но взорвалась не моя голова, а Вселенная. Земля затряслась, пошла трещинами. Окружающий нас мир забился в эпилептическом припадке и рассыпался, словно головоломка. Я увидел зеленую ветвь, висевшую в пустоте рядом с лужицей воды; проблеск лица за окном; звезды… Отовсюду раздавались звериные крики, человеческие голоса, грохот машин. Мне показалось, что Ганелон выругался, но я не был в этом уверен. От нестерпимой боли я потерял сознание, но из упрямства и злости твердо решил бороться, пока хватит сил. Я сконцентрировался на Лабиринте — так утопающий хватается за соломинку, а умирающий взывает к богу — и ударил по Черной дороге всей силой воли, чтобы и памяти о ней не осталось.

Внезапно у меня перестала болеть голова. Лошади неслись во весь опор по зеленому полю. Ганелон перехватил вожжи, но я уже натянул их, крича на испуганных животных. Фургон остановился. Мы пересекли Черную дорогу. Я повернулся. Воздух сзади дрожал и колебался, непрестанно менялись очертания мира. И лишь там, где мы проехали, четко видна была тропинка, поросшая зеленей травой.

— Когда вы отправляли меня в ссылку, дорога была лучше, — заметил Ганелон.

— Спору нет, — согласился я и принялся успокаивать лошадей, разговаривая с ними ласковым тоном и понукая, чтобы свернуть с поля на дорогу.

Солнышко ласково пригревало, на щедрой темной земле росли высокие травы. Впереди показался лес, и, въехав в него, мы почувствовали одурманивающий запах хвои. В ветвях прыгали белки, переговаривались птицы. Я был очень доволен, что мне все-таки удалось попасть на другое Отражение, именно то, которое было нужно. Наша дорога круто свернула чуть ли не в обратном направлении, стала петлять, и вновь мы увидели справа черную дорогу, зловещую и незыблемую. Видимо, она действительно пересекала все Отражения. Головная боль у меня окончательно прошла, сердце перестало колотиться как бешеное. Мы поднялись в гору, и с вершины ее перед нами открылся прекрасный вид на высокие холмы, зеленые луга, перелески, напоминавшие мне о путешествии по Пенсильвании, которое я совершил много лет назад. Я с наслаждением потянулся и посмотрел на Ганелона.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Он оглянулся. — Послушайте, Корвин, у меня очень хорошее зрение…

— Зачем ты мне это говоришь?

— Там, вдалеке, я вижу всадника, который быстро к нам приближается.

Я быстро встал и повернулся. Он был очень далеко, по ту сторону Черной дороги, но кто еще мог нестись во весь опор по нашему следу? Я выругался и схватил вожжи.

— Готовься еще к одной бешеной скачке, — сказал я Ганелону.

— Это Бенедикт?

— Думаю, да. Слишком много времени мы потеряли на Черной дороге. Когда Бенедикт один, он может мчаться по Отражениям со скоростью ветра.

— Вы считаете, нам удастся уйти от погони?

— Там видно будет. Скоро выясним.

Я прикрикнул на лошадей и взмахнул кнутом. Разыгралась буря. Фургон накренился, едва не опрокинувшись. Скала справа от нас закрыла небо. Мы объехали ее, темнота сгустилась, пошел сухой снег, жалящий наши лица и руки. Мы катились вниз, и снегопад сменился метелью, слепившей глаза. Ветер визжал в ушах, фургон подскакивал на выбоинах, его заносило. Вокруг

нас стояли сугробы; вместе с дыханием изо рта вырывался пар; ледяные сосульки свисали с ветвей деревьев.

Мгновенное помутнение чувств… Достаточно… Мы продолжали нестись вперед, и ветер визжал и стонал, заметая дорогу снегом. Поворот… Буран прекратился, на безоблачном небе светило солнце, согревая землю, все еще покрытую снегом и льдом… И, проехав сквозь туман, мы очутились на безжизненном каменистом плато… А затем свернули направо и вновь увидели солнечный свет, зеленую долину, нагромождение голубых камней… И Черную дорогу вдалеке.

Жара стояла невыносимая, от земли поднимались испарения. Кипящие ручьи пузырились, влажным воздухом невозможно было дышать. Мелкие лужицы блестели, словно бронзовые монеты. Лошади неслись, обезумев от страха, а вдоль дороги стали бить гейзеры. Горячие струи воды пролетали мимо нас, разливаясь по земле широкими реками. Небо было цвета меди, а солнце похоже на печеное яблоко. Зловонный ветер пыхтел, как собака, у которой несло падалью из пасти. Земля задрожала, и где-то вдалеке взорвалась вершина холма, плюясь в небо огненными струями. Взрывная волна чуть не сбросила нас

с козел. Фургон кидало в разные стороны. Земля продолжала дрожать, ураганный ветер свистел в ушах. Мы свернули с дороги, и я погнал лошадей по каменистой равнине. Повсюду возвышались горы, очертания которых плясали в раскаленном воздухе.

Ганелон дотронулся до моей руки и что-то сказал, но слов разобрать было невозможно. На всякий случай я оглянулся, но увидел лишь завесу из пыли, гари и пепла. Я пожал плечами и сконцентрировал все свое внимание на ближайшем холме, у подножия которого небо потемнело. Перед нами все отчетливее вырисовывался вход в огромную пещеру. Я щелкнул кнутом и погнал лошадей. Мы въехали в огромный грот с высокими сводами. Из трещин в потолке пробивался слабый свет, повсюду свисали сталактиты, с которых капала странная голубая вода, собиравшаяся в небольшие озерца. Земля все еще дрожала, а моя временная глухота прошла, в чем я убедился, услышав слабые удары капель о гигантский сталагмит. Мост из известняка рухнул, как только мы проехали по нему над бездонной пропастью. И вновь пещера уводила вглубь, а мелкие (и не очень мелкие) камни сыпались на нас со сводчатого потолка. Зеленые и красные

лишайники сверкали в трещинах стен, расцвеченных прожилками минералов; кристаллы горного хрусталя и каменные цветы придавали этому месту особую неземную красоту. Мы миновали анфиладу пещер и начали подниматься по извилистой каменной галерее.

— Когда мы мчались к холму, — сказал Ганелон, и голос его звучал приглушенно, — мне показалось, что на горе появился всадник.

Пещера закончилась большим светлым гротом.

— Если это был Бенедикт, я ему не завидую, — громко крикнул я, и вслед за эхом моего голоса сзади послышался грохот обвала.

Подъем становился все круче, и наконец впереди забрезжил солнечный свет и показался кусочек голубого неба. Копыта звонко стучали, мимо нас пролетели несколько птичек, земля перестала дрожать. Наш фургон, плавно покачиваясь, выехал из пещер, прогрохотал по поросшим мхом камням, потом плавно покатился по дорожке, посыпанной гравием, ведущей к подножию холма, на котором росли гигантские деревья. Я прищелкнул языком и тряхнул вожжами.

— Лошади очень устали, — сказал Ганелон.

— Знаю. Скоро отдохнут.

Гравий шуршал под колесами, деревья источали нежный аромат.

— Вы видели? Там, справа?

— Что?.. — Я вздрогнул и повернул голову. — А, вот ты о чем.

Проклятущая Черная дорога тянулась примерно в миле от нас.

— Интересно, сколько Отражений она пересекает? — пробормотал я себе под нос.

— Все, какие есть, — ответил Ганелон.

Я медленно покачал головой.

— Надеюсь, ты ошибаешься.

Мы спускались по склону холма, и над нами раскинулось голубое небо и светило солнце, путешествующее, как ему и было положено, с востока на запад.

— Честно говоря, я боялся, что, выехав из пещер, мы попадем из огня да в полымя, — признался Ганелон.

— Я не хотел загонять лошадей, поэтому выбрал Отражение, на котором они могут хоть немного отдохнуть. Если за нами гонится Бенедикт, он достаточно утомил коня, пытаясь нас догнать. Думаю, он не бросится очертя голову на те Отражения, где мы только что были.

Дорога свернула вправо.

— А может, его конь приучен ко всем этим переменам, — буркнул Ганелон.

— Все может быть, — машинально ответил я, думая о Даре и о том, что она сейчас делает.

Мы продолжали спускаться к подножию холма, и я потихоньку производил необходимые изменения. Наша дорога по-прежнему сворачивала вправо, медленно, но верно приближаясь к Черной дороге.

— Черт! — выругался я, чувствуя, как моя злость превращается в ненависть. — Эта черная гадость настойчивей страхового агента! Ну ничего, придет время, я займусь ею всерьез!

Ганелон промолчал. Впрочем, он не мог говорить, потому что уже с полминуты не отрывался от горлышка бутылки с водой. Увидев, что я на него смотрю, он протянул мне бутылку, и я вволю напился.

Спуск закончился. Дорога, петляя, как заяц, уходила вглубь лесистой равнины. Это меня устраивало. Во-первых, лошади смогут отдохнуть, а во-вторых, если за нами действительно гонятся, выследить нас будет нелегко. Примерно часом позже я решил, что опасность миновала. Мы остановились, чтобы перекусить, и почти

закончили есть, когда Ганелон, не отрывавший взгляда от далекой вершины холма, вскочил на ноги, прикрывая глаза ладонью от солнца.

— Нет! — воскликнул я, быстро поднимаясь. — Этого не может быть!

Одинокий всадник выехал из пещеры. На мгновение он остановился, потом пришпорил коня и поскакал по нашему следу.

— Что будем делать? — спросил Ганелон.

— Уберемся отсюда как можно скорее. Постараюсь, по крайней мере, отсрочить неизбежное. Мне надо подумать.

Мы поехали вперед, не торопясь, но мысли в моем мозгу мелькали с сумасшедшей скоростью. Неужели же нет способа как-то его остановить? Ничего мне в голову не приходило. Стоял прекрасный полдень, и окружающий пейзаж портила лишь Черная дорога, к которой мы неуклонно приближались. Мне не хотелось портить его еще и пролитой кровью, в особенности если она окажется моей. Несмотря на то, что у Бенедикта не было правой руки, я все равно боялся скрестить с ним шпаги. От Ганелона ждать помощи не приходилось мой старший брат прихлопнет его, как муху, и не заметит. В очередной раз повернув направо, я поменял Отражения и вскоре почув-

ствовал запах дыма.

— Он нас догоняет! — вскрикнул Ганелон. — Я только что… Смотрите, дым! Пожар! Лес горит!

Я рассмеялся и посмотрел через плечо. Холмы затянуло дымом, оранжевое пламя плясало по траве, слышался треск горящих ветвей. Наши лошади по собственной инициативе ускорили бег.

— Корвин! Это… вы?

— Да! Если б склон был крутым и на нем не росли деревья, я пустил бы по нему лавину!

На какое-то мгновение небо почернело от птиц. Мы ехали совсем близко от Черной дороги. Огнедышащий поднял голову и заржал. На его удилах застыли клочья пены. Он попытался встать на дыбы. Чемпион испуганно захрипел и кинулся вправо. Несколько драгоценных минут ушло у меня на то, чтобы успокоить лошадей и пустить их галопом.

— Он скачет за нами! — воскликнул Ганелон.

Я выругался и хлестнул лошадей. Мы ехали параллельно Черной дороге, никуда не сворачивая, и, оглянувшись, я увидел, что весь холм объят пламенем, а всадник несется по горящему склону во весь опор. Господи! На каком Отражении Бенедикт откопал такого коня? Я решительно натянул поводья, и постепенно лошади замедлили бег,

остановившись футах в сорока от Черной дороги. В конце концов, какая разница, где драться? И кто знает, может быть подсознательно у меня возникла болезненная тяга к этому черному миру, так сильно контрастирующему с тем, в котором я жил. Я протянул вожжи Ганелону и соскочил на землю.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Нам не удалось уйти от погони, и если Бенедикт прорвется сквозь огонь, он будет здесь через несколько минут. Бежать нет смысла.

Ганелон закрутил вожжи вокруг рожка козел и взялся за шпагу.

— Нет, — сказал я. — Ты никак не сможешь повлиять на исход поединка. Отгони фургон назад и жди. Если все закончится благополучно, мы продолжим путь. Если со мной что-нибудь случится, немедленно сдавайся Бенедикту. Ему нужен только я, и он единственный, кто может отвести тебя в Авалон. По крайней мере, ты окажешься на родине.

Ганелон нерешительно на меня посмотрел.

— Слушай, что тебе говорят, — сказал я. — Не медли.

Мой спутник опустил глаза и взял вожжи в руки.

— Желаю удачи! — воскликнул он и легонько хлестнул лошадей.

Я сделал несколько шагов в сторону и очутился рядом с полянкой, на которой росли молодые деревца. Затем я вынул Грейсвандир из ножен, бросил взгляд на Черную дорогу и стал ждать. Всадник, окутанный дымом, появился у самой границы огня. Сомнений не оставалось: это был Бенедикт. Закутав лицо шарфом и прикрывая обрубком руки глаза, он несся по склону холма, словно грешник, спасающийся из преисподней. Скоро я услышу стук копыт. Из учтивости мне, конечно, следовало спрятать шпагу в ножны, но я боялся, что не успею ее вытащить. Я попытался представить, какое оружие Бенедикт выберет для поединка. Впрочем, это не имело значения, потому что он одинаково хорошо владел всеми видами оружия. Ведь это Бенедикт научил меня фехтовать…

Может быть, все же вложить шпагу в ножны будет не только учтиво, но и разумно? Вдруг он захочет сначала поговорить? Я понимал, что сам напрашиваюсь на неприятность, но ничего не мог с собой поделать. Мне было страшно. Я вытер мокрую от пота ладонь о плащ в тот момент, когда Бенедикт показался за поворотом. Думаю,

мы увидели друг друга одновременно, и он тут же ослабил поводья, переходя с галопа на рысь. Однако останавливаться он явно не собирался. У меня возникло такое ощущение, что свершается великое таинство. Окружающий мир стал нереален. Казалось, время остановилось, и я ждал целую вечность, глядя на человека, который был моим братом. В грязной одежде, с лицом, почерневшим от копоти, он приближался ко мне, нелепо задрав обрубок правой руки к небу. Огромный черный конь с красной гривой и красным хвостом бешено вращал глазами. На губах его застыли клочья пены, и дышал он так тяжело, что больно было смотреть. Шпага Бенедикта висела на перевязи за спиной. Управляя конем с помощью ног, он свернул с дороги, не отрывая от меня горящего взгляда. Левая рука его взметнулась над правым плечом. Шпага со свистом вылетела из ножен, очертила сверкающий полукруг и замерла, нацеленная для смертельного удара. Сталь клинка блестела, как осколок зеркала. В эту минуту Бенедикт был настолько величествен, что я даже растрогался. Его шпагу, напоминающую формой косу, я видел раньше. Только тогда мы стояли плечом к плечу и отражали нападение врагов, которых, как я считал, победить было невозмож-

но. В ту ночь Бенедикт доказал, что я ошибаюсь. Теперь это грозное оружие он направил против меня, и неожиданно я почувствовал, что могу умереть, — ощущение, которое я испытывал впервые в жизни.

Мое оцепенение прошло, и я отступил, встав за молодые деревца. Конь Бенедикта остановился, захрипел и повернулся боком, выбрасывая из-под копыт комья торфа. Из ноздрей его шел пар. Рука Бенедикта мелькнула с молниеносной быстротой, подобно языку жабы; перерубленное деревце примерно в три дюйма толщиной постояло на месте и медленно упало на траву. Каблуки от сапог со стуком коснулись земли, и вот уже Бенедикт шел ко мне, небрежно помахивая шпагой направо и налево, а молодые деревца падали, освобождая ему путь. Если б только он не был таким уверенным в себе, если б только он не был Бенедиктом…

— Бенедикт, — произнес я самым обычным тоном. — Она уже взрослая и вправе принимать любые решения самостоятельно.

Он и бровью не повел. Клинок звенел, проносясь по воздуху, тупо вгрызался в дерево, замедлял движение на долю секунды и вновь звенел с прежней силой. Я поднял Грейсвандир, направив

острие ему в грудь.

— Ни шагу дальше! Я не хочу с тобой драться!

Он встал в позицию и произнес только одно слово:

— Убийца!

Затем неуловимым движением он отбил мою шпагу далеко в сторону. Я блокировал прямой удар и сделал выпад, который Бенедикт небрежно отпарировал, продолжая наступать.

— Не понимаю, — сказал я, отражая атаку. — Я давно никого не убивал. Тем более в Авалоне.

Очередное перерубленное деревце начало падать, и Бенедикт чуть было меня не достал. Я успел отскочить в последнюю секунду.

— Убийца! — повторил он.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Лжец!

Я уперся ногами в землю и перестал отступать. Черт побери! Какая бессмыслица — умирать из-за проступка, которого ты не совершал! Я стал фехтовать быстрее, пытаясь найти незащищенное для атаки место. Такого места не существовало.

— По крайней мере, скажи, в чем дело! — вскричал я. — Прошу тебя.

Но Бенедикт, видимо, сказал все, что хотел. Он продолжал идти вперед, и я вновь вынужден

был отступить. Фехтовать с Бенедиктом было все равно, что драться с горной лавиной. Я подумал, что он сошел с ума, но легче от этого мне не стало. Если б на его месте оказался кто-нибудь другой, потеря рассудка рано или поздно заставила бы его допустить ошибку. Но рефлексы моего брата вырабатывались на протяжении многих веков, и я был искренне убежден, что движения Бенедикта останутся столь же уверенными и отточенными, даже если ему вырежут мозжечок.

Мое внимание было настолько поглощено поединком, что я не заметил, как в него вмешался Ганелон. Издав боевой клич, он накинулся на Бенедикта сзади и прижал его руку со шпагой к туловищу. Пожелай я убить Бенедикта в этот момент, у меня ничего не получилось бы, поскольку Ганелон недооценил силу и ловкость моего брата. В мгновение ока он отклонился вправо, прикрываясь Ганелоном как щитом, и ударил его обрубком правой руки в висок. Подхватив обмякшее тело, он что было силы швырнул его в мою сторону. Я еле успел отскочить, а Бенедикт уже подобрал с земли оброненную шпагу и снова кинулся в наступление. Краешком глаза я увидел, что Ганелон неподвижно лежит шагах в десяти от меня. И вновь я лишь парировал атаки,

продолжая отступать. Про запас я держал одну маленькую хитрость, хотя мне прискорбно было думать, что если она не удастся, тогда Амбер лишится своего законного владыки.

К сожалению, фехтовать с левшой всегда труднее. И тут мне не повезло, потому что я должен был кое-что проверить, а излишне рисковать не хотел. Впрочем, выхода у меня не было. Сделав шаг назад и очутившись вне пределов досягаемости его шпаги, я отклонил корпус и бросился в атаку. Это был до тонкости рассчитанный маневр, но результат получился совершенно неожиданным (я до сих пор убежден, что мне просто повезло), потому что мне удалось пробить его защиту и задеть мочку уха. Я попытался развить успех, но к Бенедикту было не подступиться. Он даже не обратил внимания на эту пустяковую царапину, хотя кровь капала ему на плечо. Впрочем, мне тоже не стоило отвлекаться по пустякам. Я сделал то, что должен был сделать и чего боялся. Я чуть-чуть открылся, зная, что он мгновенно воспользуется моей оплошностью и нанесет прямой укол в сердце. Я не ошибся. Мне до сих пор не хочется вспоминать, как близок я был тогда к смерти. И вновь я начал отступать, выбираясь на открытое место. Я только защищался, не проводя

ни одной атаки делая вид, что ничего не могу придумать. Затем я опять открылся точно так же, как в первый раз, и опять остановил Бенедикта в самый последний момент, а он стал теснить меня с удвоенной силой, прижимая к обочине Черной дороги.

Тут я наконец перестал отступать, уперся ногами в землю и постепенно стал менять положение тела, стремясь очутиться именно там, где задумал. Мне придется сдерживать его атаки, несколько мгновений, чтобы он встал… Это были очень неприятные мгновения, но я бился отчаянно, так как терять мне было нечего. Затем я опять открылся. Я знал, что меня ждет тот же прямой укол в сердце, и поэтому приготовился заранее. Не дожидаясь конца атаки, я слегка ударил по его шпаге, отбивая ее в сторону, спружинил ноги и прыгнул назад, оказавшись на Черной дороге. В ту же секунду я вытянул Грейсвандир на всю длину руки, почти касаясь плеча Бенедикта. Он сделал то, на что я надеялся. Пренебрежительно отбив мою шпагу, он шагнул вперед… И вступил на полянку черной травы, которую я перепрыгнул. Сначала я даже не осмелился посмотреть вниз. Я стоял и дрался, не отступая ни на шаг, предоставив и флоре возможность осуществить

мой замысел.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Бенедикт понял, что с ним происходит нечто непонятное. Он попытался передвинуть ноги, и на лице его появилось сначала изумленное, потом беспокойное выражение. Трава выполнила свою миссию. Правда, я сомневался, что ей удастся долго удержать Бенедикта, и поэтому отбежал в сторону и снова через нее перепрыгнул, теперь уже в обратном направлении. Бенедикт попытался повернуться, но ноги его до самых колен были как в тисках, и он покачнулся, с трудом удержав равновесие.

Я остановился за его спиной. Один выпад — и мой брат стал бы покойником, но, естественно, сейчас в этом не было необходимости. Он перекинул руку со шпагой через плечо и постепенно начал высвобождать левую ногу, напряженно следя за каждым моим движением. Я сделал шаг вправо и ударил его клинком Грейсвандир плашмя по шее. Бенедикт застыл на месте, слегка оглушенный, и тогда я подошел к нему вплотную и стукнул костяшками пальцев по почке, а когда он согнулся — снова по шее, на этот раз кулаком. Бенедикт упал как подкошенный, а я вытащил шпагу из его руки и отбросил далеко в сторо-

ну. Кровь продолжала течь из мочки уха моего потерявшего сознание брата, создавая впечатление какой-то экзотической серьги. Я отложил Грейсвандир, схватил Бенедикта под мышки и оттащил от Черной дороги. Трава сопротивлялась изо всех сил, но я напряг мускулы и одержал верх. Очнувшийся Ганелон, хромая, подошел ко мне и уставился на Бенедикта.

— Это — воин! — воскликнул он. — Да, это — воин! Что вы собираетесь с ним делать?

Я поднял Бенедикта на руки.

— Отнести к фургону. А ты подбери, пожалуйста, наши шпаги.

— Хорошо.

Я пошел по дороге и, поравнявшись с фургоном, бережно положил Бенедикта под высокое дерево, росшее на обочине. Слава богу, он так и не пришел в сознание и тем самым избавил меня от липших хлопот. Когда Ганелон вернулся, я вложил шпаги в ножны, а потом попросил его развязать несколько коробок и принести мне веревку. Он отправился выполнять мое поручение, а я быстро обыскал Бенедикта и нашел то, что искал. Мы крепко привязали Бенедикта к стволу дерева, стреножили черного коня у ближайшего куста и повесили на тот же куст шпагу,

напоминавшую косу. Затем я забрался на козлы, и Ганелон сел рядом.

— Вы решили оставить его здесь? — спросил он.

— Временно.

Я встряхнул вожжами, и мы плавно покатили по дороге. Ганелон не утерпел и оглянулся.

— Ваш брат все еще без сознания, — сообщил он и, помолчав, добавил — Никто не мог так запросто меня бросить. Одной левой.

— Именно поэтому я приказал тебе ждать меня у фургона, а не лезть в драку.

— А что с ним теперь будет?

— Я позабочусь о Бенедикте.

— Значит, за него можно не беспокоиться?

Я кивнул.

— Хорошо.

Примерно через две мили я остановил лошадей и спрыгнул на землю.

— Не удивляйся, что бы ни случилось, — сказал я Ганелону.

— Я постараюсь, чтобы Бенедикту оказали помощь.

Я сошел с дороги, встал в тени деревьев и вытащил колоду карт, которую, естественно, Бенедикт всегда носил с собой. Быстро просмотрев ее, я вы-

брал карту Жерара, а остальные положил обратно в деревянный ящичек с инкрустацией слоновой костью на крышке и обитый изнутри шелком. Бенедикт бережно относился к вещам. Я держал перед собой карту Жерара и смотрел на нее. Через некоторое время она стала теплой на ощупь, изображение зашевелилось. Я почувствовал присутствие Жерара. Он был в Амбере и шел по одной из улиц, которую я сразу узнал. Он был очень на меня похож, только подбородок чуть больше выдавался вперед, а тело казалось необычайно мощным. Я заметил, что Жерар отпустил бороду. Он резко остановился и уставился на меня.

— Корвин!

— Да, Жерар. Ты прекрасно выглядишь.

— Твои глаза! Ты видишь.

— Да, я вижу.

— Где ты?

— Приходи в гости, узнаешь.

— Он прищурился.

— Никак не могу, Корвин. Извини, но сегодня я занят.

— Речь идет о Бенедикте. Насколько я знаю, только ты можешь ему помочь.

— Бенедикту?! У него что-нибудь случилось?

— Да.

— Тогда почему он сам ко мне не обратился?

— У него нет такой возможности.

— Что ты имеешь в виду?

— Слишком долго объяснять. Поверь, Бенедикту необходима твоя помощь.

Он закусил нижнюю губу.

— А сам ты не можешь ее оказать?

— Нет.

— А я смогу?

— Безусловно.

Он взялся за эфес шпаги.

— Мне бы не хотелось думать, что ты решил заманить меня в ловушку, Корвин.

— Я говорю правду. Если б я хотел тебя обмануть, то придумал бы историю куда более убедительную.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо.

— Жду тебя, — сказал я и протянул руку.

Он кивнул. Сделал шаг вперед. Хлопнул меня по плечу. Улыбнулся.

— Корвин. Я рад, что у тебя есть глаза.

Я отвернулся.

— Спасибо.

— Кто это в фургоне?

— Друг. Его зовут Ганелон.

— А где Бенедикт? Что случилось?

Я махнул рукой.

— Примерно в двух милях отсюда, у самой обочины. Он крепко привязан к дереву.

— Тогда почему ты здесь?

— Скрываюсь от погони.

— Кто за тобой гонится?

— Бенедикт. Это я связал Бенедикта, а его коня стреножил рядом.

Жерар нахмурился.

— Не понимаю.

Я покачал головой.

— Произошло какое-то недоразумение. Бенедикт не пожелал меня выслушать, и мы скрестили шпаги. Мне удалось оглушить его и привязать к дереву. Я не мог поступить иначе, потому что, придя в сознание, он тут же накинулся бы на меня еще раз. Но в беспомощном состоянии его тоже нельзя оставить, поэтому я позвал тебя. Пожалуйста, освободи Бенедикта и отведи его домой.

— А что ты собираешься делать?

— Убраться отсюда как можно скорее и скрыться на Отражениях. Ты окажешь нам обоим большую услугу, если уговоришь Бенедикта прекратить преследование. Я не хочу с ним драться.

— Понятно. Может, все-таки расскажешь мне,

что случилось?

— Сам не пойму. Он назвал меня убийцей. Даю тебе мое честное слово, что за время пребывания в Авалоне я никого не убивал. Пожалуйста, передай это Бенедикту. У меня нет причин тебе лгать, и я клянусь, что говорю правду. Есть еще одно обстоятельство, из-за которого он мог меня возненавидеть. Если Бенедикт упомянет о нем, скажи, чтобы он серьезно поговорил с Дарой. Она ему все объяснит.

— Что именно?

Я пожал плечами.

— Если Бенедикт заведет этот разговор, ты все узнаешь. Если нет, позабудь о том, что я тебе сказал.

— Значит, с Дарой?

— Да.

— Хорошо, я выполню твою просьбу… Послушай, как тебе удалось бежать из Амбера?

Я улыбнулся.

— Праздное любопытство? Или ты готовишься к худшему?

Он ухмыльнулся.

— Хотелось бы знать, на всякий случай.

— Увы, брат мой! Мир не подготовлен к этому знанию. Если б я кому сказал, то только тебе, но

ты ничего ее выиграешь, а мне оно может пригодиться в будущем.

— Иными словами, ты нашел способ появляться в Амбере и исчезать из него, когда тебе вздумается. Что ты намерен предпринять, Корвин?

— А ты как думаешь?

— Ответ, естественно, напрашивается сам собой. Не знаю, что и сказать. Я в растерянности.

— Почему?

Он указал в сторону Черной дороги.

— Она доходит уже до подножия Колвира. Разнообразные твари используют ее для нападения на Амбер. Мы защищаемся и всегда побеждаем, но они атакуют все чаще, все яростнее. Сейчас не время думать о троне, Корвин.

— Наоборот. Самое время о нем подумать.

— Ты говоришь о себе, а я — о благополучии Амбера.

— Эрик справляется со своими обязанностями?

— Безусловно. Я же сказал, что мы всегда побеждаем.

— Я не о том. Он пытался выяснить причину возникновения Черной дороги?

— Я сам прошел по ней довольно большое расстояние.

— И?..

— Мне не удалось дойти до конца. Ты ведь знаешь, что чем дальше от Амбера, тем непонятнее становятся Отражения.

— Да.

— … а потом ты теряешь над ними контроль и постепенно сходишь с ума?

— Да.

— За этими Отражениями лежит Царство Хаоса. Я убежден, что дорога ведет туда, Корвин.

— Значит, мои опасения подтверждаются, — сказал я.

— Вот почему, независимо от того, склоняюсь я на твою сторону или нет, мне хочется, чтобы ты отказался от осуществления своих планов. Безопасность государства — прежде всего.

— Понятно. Будем считать, что наш разговор окончен.

— Какое решение ты принял?

— Ты ведь не знал моих планов, поэтому нет смысла говорить, что они остались неизменными. И тем не менее они остались неизменными.

— Я не уверен, что хочу пожелать тебе удачи, но счастья желаю от всей души. Я рад, что ты снова видишь. — Он крепко пожал мне руку. — А теперь пойду к Бенедикту. Я правильно тебя понял? С ним все в порядке?

— Безусловно. Я лишь оглушил его. Не забудь передать то, о чем я тебя просил.

— Не забуду.

— И отведи его в Авалон.

— Постараюсь.

— Что ж, до свидания, Жерар.

— До свидания, Корвин.

Он повернулся и пошел по дороге. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, затем положил его карту в колоду, взобрался на козлы и вновь поехал по дороге, ведущей в Антверпен.

Я стоял на вершине холма, поросшего кустарником, и смотрел на дом. Настроение у меня было скверное. Я и сам не знал, что ожидал увидеть. Пожарище? Машину у подъезда? Счастливое семейство, отдыхающее на веранде, меблированной красным деревом? Вооруженную охрану? Крыша дома прохудилась в нескольких местах и требовала срочного ремонта. Лужайка заросла. Странно еще, что в доме было выбито всего одно окно, да и то сзади. Итак, на первый взгляд, дом выглядел брошенным. Я задумался. Расстелив на земле куртку, я уселся на нее и закурил. Других домов поблизости не было.

За алмазы я получил около семисот тысяч долларов, и на заключение сделки ушло полторы

недели. Из Антверпена мы переехали в Брюссель и несколько вечеров провели в *Rue de Char et Pain*, где и встретились с нужным мне человеком. Выслушав мой заказ, Артур крайне удивился. Бывший офицер ВВС, невысокий, худой, с аккуратно подстриженными усиками, он прервал меня в самом начале разговора и, поминутно качая головой, засыпал вопросами о доставке. Когда речь клиента звучала невразумительно, Артур всегда волновался. Больше всего на свете его беспокоило, что неприятности с оружием могут произойти во время или сразу после доставки. Он почему-то считал, что это подрывает авторитет, и обычно бывал куда услужливее других, когда речь шла о транспортировке. Мои планы его взволновали по той простой причине, что у меня их вообще не было. Дело в том, что для соглашений подобного рода требуется сертификат, подтверждающий, что государство *«X»* действительно заказало военную технику и имеет право на ее экспорт из страны-изготовителя. Документ этот придает соглашению официальный характер, даже если всем ясно, что оружие отправится в государство *«Y»*, как только пересечет границу. Так уж повелось, что за определенную плату можно заручиться поддержкой представителя

посольства государства *«X»* — желательно того, у кого есть родственники или друзья в Министерстве обороны, готовые подписать сертификат. Он стоит очень дорого, но я уверен, что Артур в одну секунду назвал бы и сумму, и людей, к которым надо обратиться.

— И все-таки, как вы собираетесь переправить груз? — в который раз задавал он вопрос, звучавший в разных вариантах. — Как вы доставите его к месту назначения?

— Пусть это вас не беспокоит. Я обо всем позабочусь.

Артур опять покачал головой.

— Не мелочитесь, полковник. На этом не следует экономить, — (Для него я был полковником — сам не знаю, почему — со времени нашей первой встречи, лет двенадцать назад). Нет, не следует. Сэкономив несколько долларов, вы рискуете потерять все и нажить кучу неприятностей. Послушайте, что я скажу: есть у меня на примете молодой представитель африканской республики, который очень недорого берет…

— Нет. Мне нужно только оружие.

Во время нашей беседы Ганелон молча сидел и дул пиво. Рыжая борода и разбойничье выражение на лице моего спутника выглядели

впечатляюще. Он ни слова не понимал по-английски, но строго следовал моим инструкциям и изредка обращался ко мне на языке тари. Чистое мальчишество. Бедный старый Артур был прекрасным лингвистом, и ему очень хотелось выяснить, для кого предназначается оружие. Когда я болтал с Ганелоном о всяких пустяках, Артур из кожи лез вон, пытаясь определить, на каком языке мы разговариваем. В конце концов он начал многозначительно кивать, как будто ему это удалось, а затем вытянул шею и сказал:

— Я читаю газеты, полковник. И не сомневаюсь, что эти ребята могут дать вам гарантии. Все же…

— Нет, — перебил я. — Поверьте, когда я получу от вас автоматические ружья, они просто исчезнут с лица земли.

— Вы шутите. Даже я не знаю, где выполнят ваш заказ.

— Это не имеет значения.

— Хорошо, что вы уверены в себе. Но упрямство… — Он пожал плечами. — Впрочем, дело ваше.

Когда я объяснил, какие мне нужны патроны, Артур решил, что я окончательно свихнулся. Он уставился на меня, забыв покачать головой. Прошло минут десять, прежде чем мне удалось

уговорить его хотя бы взглянуть на расчеты. За это время он пришел в себя и качал головой из всех сил, невнятно бормоча о серебряных пулях и невзрывающихся капсюлях. Наш спор разрешил самый неподкупный судья — наличные. Убедившись, что я непреклонен, Артур обрисовал мне ситуацию. Заказать и получить ружья несложно, купить грузовики — не проблема, но изготовление нужных мне патронов и капсюлей будет стоить бешеных денег. И вообще он не уверен, что военный завод согласится выполнить подобный заказ. Когда я сказал, что готов заплатить любую сумму, он расстроился еще больше. Если я могу позволить себе роскошь экспериментировать с патронами, которые не стреляют, и капсюлями, которые не детонируют, почему бы мне не приобрести сертификат?..

— Нет, — ответил я, — и еще раз нет. Кажется, мы уже договорились, — напомнил я ему.

Он вздохнул и дернул себя за ус. Затем кивнул. Конечно, конечно. Будет так, как я решил.

Цену он заломил баснословную. Естественно. Если я не сошел с ума — значит, мне подвернулось выгодное дельце. Хоть его и заинтересовал мой заказ, он больше ни о чем не спрашивал, видимо, боясь быть замешанным в какую-нибудь

неприглядную историю. Более того, как только ему удалось договориться с военным заводом (как выяснилось, в Швейцарии), он тут же свел меня с его представителем, получил комиссионные и был таков.

Мы с Ганелоном прибыли в Швейцарию по фальшивым паспортам. Он стал немцем, а я — португальцем. Мне, собственно, было наплевать на запись в паспорте, лишь бы фальшивка не подвела, но Ганелону я выбрал национальность с определенной целью.

Во-первых, ему легко давался немецкий язык, а во-вторых, в Швейцарии всегда полным-полно немцев-туристов. По моему совету Ганелон говорил, что родился и вырос в Финляндии.

В течение трех недель я следил за тем, как выполняется мой заказ, и остался доволен результатами. Серебро, конечно, стоило очень дорого. Быть может, я перестарался, но, что там ни говори, этот металл слишком часто оказывал мне услуги в Амбере, а деньги никогда не были для меня проблемой. К тому же нет лучше пули — кроме золотой — для короля. И если я убью Эрика, может, кто и крикнет: «Слава павшему величию!» Будьте снисходительны ко мне, братья.

Убедившись, что заказ будет выполнен в срок,

я отправил Ганелона путешествовать, благо он пустился во все тяжкие, вжившись в образ финского туриста.

Он отбыл в Италию с камерой на шее и отсутствующим выражением на лице, а я сел в самолет и полетел домой, в Штаты.

Домой? Да. Я сидел на холме и смотрел на небольшой дом, в котором прожил больше десяти лет. Я возвращался в него, когда попал в ту самую автомобильную катастрофу, после которой начались мои мытарства. Я затянулся сигаретой. Тогда мое жилище не было столь запущенным. Я всегда тщательно за ним следил; и дом, и участок были полностью оплачены. Шесть комнат, гараж на две машины. Семь акров земли — практически весь склон холма. Большую часть времени я проводил в одиночестве. Мне здесь нравилось. Я любил возиться в мастерской, работать в уютном кабинете. Интересно, висит на его стене гравюра Мори или ее украли? Она называлась «Лицом к лицу», и на ней была изображена смертельная схватка двух воинов. Хорошо бы ее увидеть. Впрочем, насколько я знал закон, то, что не разворовали, должно было пойти с молотка для уплаты налогов штату Нью-Йорк. Странно еще, что дом не продали. Я продолжал смотреть

на него, чтобы окончательно в этом убедиться. Спешить мне было некуда.

С Жераром я связался сразу же по прибытии в Бельгию, а с Бенедиктом — не рискнул. Я боялся, что он тут же нападет на меня, а мне не хотелось ни сражаться с ним на шпагах, ни мериться силой.

Жерар оглядел меня с головы до ног.

— Корвин? Да…

— Что с Бенедиктом?

— Я нашел его там, где ты сказал. Он кинулся было тебя преследовать, но мне удалось убедить его, что это бессмысленно. Пользуясь тем, что Бенедикт долго был без сознания, я сказал, что ты уехал давным-давно. Затем мы отправились в Авалон. Я остался на похороны, а сейчас иду в Амбер.

— Какие похороны?

— Ты действительно не знаешь?

— Если б я знал, черт тебя побери, я бы не спрашивал!

— Слуг Бенедикта убили. Он говорит, это сделал ты.

— Нет. Чушь какая-то. Зачем мне убивать его слуг?

— Когда Бенедикт вернулся, в доме никого не

было. Он отправился на поиски и обнаружил три трупа, а тебя и след простыл.

— Понятно… Где он их нашел?

— В небольшой рощице за садовым участком. Могила была совсем неглубокой.

Все верно. Лучше не говорить, что я видел эту могилу.

— Но почему он решил, что их убил именно я?

— Бенедикт в недоумении, Корвин. Он никак не может понять, почему ты не прикончил его, когда тебе представилась такая возможность. И он поражен, что ты позвал меня на помощь.

— Бенедикт несколько раз назвал меня убийцей, но… ты передал ему то, о чем я просил?

— Да. Сначала он отмахнулся от меня, как от мухи, заявив, что ты лжешь. Я сказал, что ты говорил искренне и настаивал на своей невиновности. Это его сильно обеспокоило. Он спросил, верю ли я тебе или нет.

— А ты мне веришь?

— Проклятье, Корвин! Как я могу тебе верить или не верить? Мы так давно не виделись, и вдруг ты… — Он запнулся и, прищурившись, посмотрел мне в глаза. — Тут что-то не так. Почему ты отдал предпочтение мне? Ведь у тебя была полная колода.

— Ты шутишь?

— Я требую ответа на свой вопрос.

— Хорошо. Ты — единственный, кому я доверяю.

— И это все?

— Нет. Бенедикт не хочет, чтобы в Амбере о нем знали. Мне доподлинно известно, что только вы с Джулианом были в курсе его дел. Я не люблю Джулиана и не верю ему. С тебя довольно?

— Почему ты решил, что мы с Джулианом знаем о Бенедикте?

— Потому что вы жили в его доме после того, как Черная дорога изрядно вас потрепала. Я слышал об этом от Дары.

— Да кто такая эта Дара, в конце концов?

— Осиротевшая дочь старого слуги Бенедикта, которую он взял на воспитание. Она гостила у него одновременно с вами.

— И ты послал ей браслет. Ты также говорил о ней, когда вызвал меня к Бенедикту.

— Да, конечно. А в чем, собственно, дело?

— Ни в чем. Я ее не помню. Скажи, почему ты так внезапно уехал? Согласись, Бенедикт имел основание думать, что ты виновен.

— Я и был виновен… но не в убийстве. Как ты считаешь, зачем я приехал в Авалон? Ведь ты ви-

дел в фургоне коробки. Я действительно не хотел встречаться с Бенедиктом, который наверняка поинтересовался бы, что это такое. Черт побери! Если б я просто счел нужным бежать, то не потащил бы за собой груженый фургон!

— Что было в коробках?

— Прекрати. Я не хотел говорить этого Бенедикту, не скажу и тебе. Пусть наведет справки и выяснит, если ему больше нечего делать. Но от меня он не услышит ни слова. Впрочем, теперь это не имеет значения. Главное, что я достал в Авалоне одну вещь, не представляющую там особой ценности, но необходимую мне для дела. Ты удовлетворен ответом?

— Да. По крайней мере, в нем есть смысл.

— Тогда ответь на мой вопрос: ты считаешь, что я их убил?

— Нет. Я тебе верю.

— А Бенедикт?

— Он не нападет на тебя, пока вы не объяснитесь. У него возникли сомнения, в этом я уверен.

— И то ладно. Спасибо тебе, Жерар. Мне пора.

Я поднял руку.

— Подожди, Корвин! Подожди!

— В чем дело?

— Как тебе удалось пересечь Черную дорогу?

Ты уничтожил огромный ее участок в том месте, где проехал. Каким образом?

— Лабиринт, — сказал я. — Если когда-нибудь ты попадешь на Черную дорогу в беду, ударь по ней Лабиринтом изо всех сил. Ты ведь знаешь, как иногда приходится держать его перед мысленным взором, когда Отражения начинают разбегаться в стороны и выходят из-под контроля?

— Да. Но я пытался это сделать, и у меня ничего не вышло. Только голова разболелась. Черная дорога не является Отражением.

— Ты прав и не прав. Я знаю, что она из себя представляет. А ты слишком рано сдался. Я концентрировался на Лабиринте до тех пор, пока голова моя, казалось, вот-вот расколется от боли. Я чуть не потерял сознание, и тогда раскололся окружающий меня мир. Не могу сказать, что ощущение было из приятных, но результат налицо.

— Я запомню, — сказал он. — Ты собираешься объясниться с Бенедиктом?

— Нет. Ничего нового он от меня не услышит. Теперь он немного остыл, так что пусть сам во всем разберется. К тому же мне не хочется рисковать. Поединок с Бенедиктом не входит в мои планы. И я воспротивлюсь всякой попытке войти

со мной в контакт.

— Что будет с Амбером, Корвин? Что будет с Амбером?

Я опустил глаза.

— Не вставай на моем пути, когда я вернусь, Жерар. Поверь, у тебя нет ни одного шанса помешать мне.

— Корвин… Нет, подожди. Прошу тебя, одумайся. Не нападай сейчас на Амбер. Государство в опасности.

— Мне очень жаль, Жерар. За последние пять лет я думал об этом больше, чем вы все вместе взятые.

— Что же, тогда мне тоже жаль.

— Извини, мне пора.

Он кивнул.

— До свидания, Корвин.

— До свидания, Жерар.

…Через несколько часов солнце скрылось за холмом, наступили сумерки. Я встал, отряхнул куртку, надел ее, потушил окурки и выкинул пустую сигаретную пачку. Дом по-прежнему не подавал признаков жизни — за пыльными стеклами не загорелся свет, выбитое окно осталось выбитым. Я медленно пошел вниз по склону холма.

Дом Флоры в Вестчестере был давно продан, чего и следовало ожидать. У нее больше не было необходимости оставаться на Отражении Земля. Она успешно справилась с ролью надсмотрщицы, получила обещанную награду и теперь жила в Амбере. Меня раздражала мысль о том, что Флора все время находилась рядом со мной, а я об этом не знал.

Я долго колебался, обдумывая, не поговорить ли мне с Рэндомом, и пришел к выводу, что это бессмысленно. Я, конечно, с удовольствием выслушал бы последние новости, но они никак не могли повлиять на ход событий. Я был уверен, что могу доверять Рэндому, ведь он здорово мне помог, и хотя его трудно было назвать альтруистом, он сделал для меня больше, чем кто-либо другой. Сейчас Рэндом женился, и в Амбере его не любили, но терпели. Скорее всего, он с радостью примет любое мое предложение; но взвесив все «за» и «против», я решил поговорить с ним при встрече. Я сдержал слово и противился всякой попытке контакта, а надоедали мне по несколько раз на дню в течение первых недель.

Затем меня оставили в покое. Захотелось пожиться моими мыслями, дорогие братики? Слуга покорный!

Я подошел к дому сзади, протер стекло рукавом. Я вел наблюдение с холма вот уже третий день, и мне казалось невероятным, что здесь кто-нибудь живет. Все же… Заглянул внутрь. Беспорядок был жуткий, половины вещей недоставало. Я обошел веранду и подергал за ручку двери. Заперто. Я усмехнулся. Девятый кирпич снизу, четвертый сверху. Ключ никто не нашел. Я вытер его о куртку, открыл дверь и вошел в дом. Все было покрыто толстым слоем пыли. В камине валялись банки из-под кофе, ломаные бутербродницы и засохший кусок сосиски, а также разнообразные дары природы, попавшие через трубу. Я закрыл заслонку. Из входной двери был выломан замок. Я налег на нее плечом и убедился, что она забита изнутри. На стене в прихожей было написано неприличное слово. Я проник на кухню. Там царил хаос. Все, что не украли, грудой лежало на полу. На линолеуме остались глубокие царапины, свидетельствующие, что холодильник и электробатарею тащили волоком. Я попятился, вышел из кухни и направился в мастерскую. Пусто. В спальне я с удивлением увидел кровать и два дорогих кресла. В кабинете меня ждал еще один приятный сюрприз: отсюда почти ничего не вынесли, и письменный стол, как всегда, был

завален всякой всячиной. Закурив сигарету, я подошел к нему и уселся в кресло. Мои книги стояли на полках. Никто не крадет книг, кроме старых друзей.

Я не поверил своим глазам. Вскочив на ноги, подошел почти вплотную к стене, боясь ошибиться. Прекрасная гравюра Йошитоши Мори висела на прежнем месте — опрятная, элегантная, страстная. Неужели никому не пришло в голову, что это — одна из самых дорогих вещей?... Опрятная? Я взглянул на раму, провел по ней пальцем. Слишком опрятная. Единственный предмет в доме, на котором не было ни пыли, ни грязи. Я осмотрел раму тщательнейшим образом и, не обнаружив взрывных устройств, снял ее с крюка и положил на подоконник. Участок стены, на которой она висела, был пыльным и грязным. Я вернулся к столу и сел в кресло. Кому-то хотелось меня напугать, и он своего добился. Этот кто-то забрал гравюру Мори, содержал ее в чистоте и порядке, за что я был ему крайне признателен, а затем, совсем недавно, повесил на старое место. Значит, меня здесь ждали. Но в таком случае зачем об этом предупреждать? Чтобы я скрылся? Чушь какая-то. Если я попал в ловушку, она уже захлопнулась.

Я вытащил пистолет из кармана брюк и засунул его за пояс. Никто не мог знать, что я сюда вернусь. Я и сам этого не знал. Трудно объяснить чувство, которое мною руководило, когда я решил еще раз взглянуть на дом, в котором прожил всего несколько лет. Допустим, неизвестный повесил гравюру Мори на старое место, зная, как она мне дорога, и лишь предполагая, что я за нею вернусь. Что ж, он оказался прав. Но на меня никто не напал, а следовательно, это была не ловушка. Что тогда? Сообщение. Важное сообщение. Какое? Где? И главное, кто?

Самым надежным тайником в доме, если его не обнаружили, был сейф. Посмотрим. Я подошел к противоположной стене, отодвинул деревянную панель, набрал на циферблате код, сделал шаг в сторону и осторожно открыл дверцу старой тростью, валявшейся на полу. Взрыва не произошло. Впрочем, я не сомневался, что его не будет. В сейфе лежали несколько сот долларов, письма, ценные бумаги, расписки. И конверт. Плотный белый конверт, на самом видном месте. На конверте было написано мое имя. В нем были письмо и карта из нашей семейной колоды.

«Брат Корвин, — прочитал я на листке

бумаги, — если ты читаешь это письмо, значит, мы все еще думаем более или менее одинаково, и я могу предугадать твои поступки. Я благодарю тебя за одолженную мне гравюру Мори — насколько я понимаю, одну из двух причин, по которым ты можешь вернуться на это отвратительное Отражение. Мне очень не хочется отдавать ее, так как наши вкусы тоже достаточно схожи, и она уже несколько лет украшает мои покои. Пусть же ее возвращение послужит свидетельством моей доброй воли и просьбой внимательно отнестись к тому, что я хочу тебе сказать. Я буду откровенен, чтобы ты не сомневался в моей искренности, и поэтому не стану извиняться за то, что я с тобой сделал. Я жалею только о том, что не убил тебя сразу, когда мне представилась такая возможность. Тщеславие меня сгубило. Зрение вернулось к тебе, но вряд ли этот факт что-либо изменит в наших с тобой отношениях. Твое послание „Я вернусь“ лежит сейчас на моем письменном столе. Если бы его написал я, то обязательно вернулся бы. Так как мы дей-

ствительно очень похожи, я предвидел, что ты сдержишь слово, и принял соответствующие меры. Ты никогда не был глуп, и я понимаю, что для нападения на Амбер ты собираешь большое войско. Я поплатился за былое тщеславие и готов сейчас поступиться своей гордостью. Я прошу у тебя мира, Корвин, — не ради себя, а ради благополучия государства. Существа из Отражений атакуют Амбер большими силами, и я не могу разобраться, почему так происходит. Против этих сил, самых страшных на моей памяти, вся семья объединилась и принесла мне присягу в верности. Мне бы очень хотелось, чтобы ты стал моим союзником и помог в битве за правое дело. Если ты откажешься, прошу тебя, подожди нападать на Амбер, забудь о своих планах хотя бы на время. Если же ты решишь мне помочь, то я не требую, чтобы ты признал меня законным монархом, — согласись только, что я буду командовать в течение этого кризиса. Тебе будут возданы все почести, приличествующие твоему сану. Нам необходимо поговорить, чтобы ты

понял, насколько серьезна ситуация в Амбере, Так как все мои попытки вызвать тебя не увенчались успехом, вкладываю в конверт свою карту. Пожалуйста, воспользуйся ею. Ты, конечно, можешь подозревать меня в неискренности, но я даю тебе честное слово, что все сказанное мною — правда.

Эрик, Повелитель Амбера»

И перечитал письмо и усмехнулся. Может, он считал, что проклятья не имеют силы? Не выйдет, мой дорогой брат. Это, конечно, очень благородно с твоей стороны — вспомнить обо мне в тяжелый для тебя час (и я верю тебе, можешь не сомневаться, потому что все мы — люди чести), — но встреча наша произойдет согласно моему, а не твоему расписанию. Что же касается Амбера, то я не меньше тебя думаю о нем и сделаю для его процветания все, что сочту нужным. В могилах лежат те, которые, как и ты, считали себя незаменимыми. Но я скажу тебе это не сейчас, а стоя лицом к лицу.

Я сунул письмо и карту в карман куртки, затушил сигарету в грязной пепельнице на столе. Затем снял с кровати в спальне чистую простыню

и завернул в нее моих воинов. Придется им подождать меня в каком-нибудь безопасном месте.

Проходя по дому, я задумался. Зачем же я все-таки сюда пришел? Я вспомнил людей, живших по соседству, своих старых знакомых. Интересно, справлялись ли они обо мне? Этого я, конечно, никогда не узнаю. Наступила ночь, и на чистом небе появились первые звезды. Я запер за собой дверь, положил ключ на старое место и поднялся на холм. Стоя на его вершине, я оглянулся и посмотрел на дом, пустой и одинокий, словно жестянка из-под пива, которую выбросили на обочину дороги за ненадобностью. Повернувшись, я пошел через небольшое поле к дороге, на которой оставил машину. Зря оглянулся.

Мы с Ганелоном отбыли из Швейцарии на двух грузовиках. В Бельгии я загрузил в них автоматические винтовки. Одно ружье весило всего десять фунтов, значит, триста — полторы тонны, так что у нас осталось место для канистр с горючим, запасных частей и провианта. Само собой, нам пришлось срезать угол, меняя Отражения, чтобы не попасться на глаза людям, которые стоят на границе с единственной целью создать автомобильные пробки. В маленьких деревнях, разбросанных среди бурых холмов, навстречу

нам попадались лишь запряженные в телеги кони. Небо стало лимонно-желтым, повсюду летали птицы без оперения. Мы ехали долго и несколько раз натыкались на Черную дорогу. Небо часто меняло цвет, местность была то равнинной, то холмистой.

Грузовик трясло на проселочных дорогах и заносило на шоссе, гладких, как стекло. Мы перевалили через горы, обогнули темно-вишневое море. Над нами бушевали бури, с земли поднимались густые туманы.

Я потратил почти весь день на поиски Отражения (или Отражения Отражения — в данном случае это не играло роли), в котором жили те самые мохнатые существа невысокого роста с клыками и когтями, которыми я когда-то командовал. Их чуткие пальцы были прямо-таки созданы, чтобы нажимать на курки. К тому же бедняги меня боготворили и радовались моему появлению, как дети, хотя всего пять лет назад я повел на верную смерть цвет их нации. Впрочем, с богов не спрашивают. Их любят, чествуют, им поклоняются. Мохнатые существа очень огорчились, узнав, что мне нужно всего несколько сот солдат. Я отказал тысячам и тысячам добровольцев, хотя моральный аспект на этот раз меня не

тревожил. В конце концов, я всегда мог сказать, что преследую благородную цель отомстить за погибших соратников, доказать, что гибель их была не напрасна. Естественно, я так не думал, но мне всегда нравилось упражняться в софистике. А может, мне следовало смотреть на них как на наемников, которые получают плату в виде духовных ценностей. Одни сражаются за деньги, другие — за веру, а результат один. Я готов был заплатить и тем и другим. Впрочем, моим солдатам почти ничего не грозило — они были единственными обладателями огнестрельного оружия. Правда, на их Отражении капсюли все еще не взрывались, и мне пришлось подыскать другое, похожее на Амбер. К сожалению, в соответствии с законом, которому подчиняются все Отражения, оно находилось в непосредственной близости от Амбера, и я нервничал всякий раз, когда моя маленькая армия отправлялась на стрельбище, чтобы попрактиковаться. Вряд ли, конечно, сюда забредет один из моих братьев, но на моей памяти происходили и не такие совпадения.

Через три недели я решил, что мохнатые существа достаточно хорошо подготовлены, и отдал приказ к выступлению. Прохладным солнечным утром мы снялись с лагеря и пошли по Отраже-

ниям: колонны солдат следовали за грузовиками. Моторы их начали работать с перебоями, но, слава богу, пока не отказали. На этот раз я решил атаковать Колвир не с юга, а с севера. Я разбил отряд на батальоны, и каждый солдат знал, что ему делать и какую позицию занять, когда мы подойдем к вечному городу.

Мы сделали привал, плотно позавтракали и продолжали идти вперед, а голубое небо потемнело, совсем как в Амбере. Каменистая равнина закончилась; на черной плодородной земле росла зеленая трава, цвели кусты, покачивали ветвями деревья. Воздух был свеж и прозрачен. К вечеру мы дошли до Арденнского леса и разбили лагерь у деревьев-великанов, выставив тройные караулы. Ганелон, вырядившийся в костюм цвета хаки и нацепивший берет, долго сидел со мной рядом, изучая карты местности, которые я ему чертил. До Колвира оставалось около сорока миль.

Грузовики в конце концов перестали заводиться. Мы столкнули их в овраг, прикрыли ветками и, распределив патроны и продовольствие между солдатами, продолжали путь. Я решил идти через лес, который знал, как свои пять пальцев. Дорога, естественно, становилась длиннее, но безопаснее. За весь день мы не увидели никого,

кроме лис, оленей, зайцев и белок. Вдыхая упоительные ароматы, глядя на изумрудно-зеленые с вкраплениями золота стволы деревьев, я вспоминал более счастливые времена. Перед восходом солнца я взобрался на один из лесных великанов и посмотрел в сторону Колвира. Над некоторыми его пиками бушевала гроза, над другими висел густой туман.

На следующее утро мы столкнулись с одним из патрульных отрядов, и было непонятно, кто кого застал врасплох. Пальба началась сразу же. Я сорвал голос, крича, чтобы прекратили стрелять без толку, но каждому не терпелось опробовать оружие на живой мишени. В патруле было человек двадцать, и никто не остался в живых. С нашей стороны потерь не было, лишь солдат по ошибке ранил другого, а может, тот сам себя ранил — я так и не разобрался в этом инциденте. Шуму мы наделали много, и я приказал двигаться как можно быстрее, так как опасался, что поблизости могут быть другие патрульные отряды.

К вечеру мы покрыли довольно большое расстояние, и сквозь просвет деревьев увидели горы. Над их пиками все еще висели грозовые облака. Мохнатые существа были опьянены первой победой и долго не могли угомониться. Весь

следующий день мы шли, не останавливаясь, успешно избежали столкновения с двумя отрядами и, наконец, чтобы отдохнуть, разбили лагерь на высоте в полмили над уровнем моря. Стоял туман, облака сгустились, предвещая штормовую погоду. В эту ночь я спал плохо. Мне снились Лорен и горящая голова кошки. Мы продолжали двигаться так же быстро, как накануне, и дорога все время шла в гору. Вдалеке гремел гром; воздух был насыщен электричеством. Когда мы преодолевали узкий извилистый перевал, я неожиданно услышал сзади какие-то крики, а затем оружейные залпы. Подбежав к последней колонне, я увидел столпившихся солдат, среди которых был Ганелон. Они смотрели на землю и возбужденно переговаривались. Я подошел к ним и не поверил своим глазам. Никогда еще это чудовище не появлялось так близко от Амбера. Омерзительная тварь примерно двенадцати футов в длину с человеческой головой на львиных плечах дергалась в предсмертных судорогах, прижимая широкие, как у орла, крылья к окровавленным бокам и судорожно подергивая скорпионьим хвостом. Когда то я видел мантикору на острове в Южном море, и при одном воспоминании о ней испытывал чувство гадливости.

— Она разорвала Ролла на куски, она разорвала Ролла на куски, — все время повторял один из солдат.

Останки Ролла лежали шагах в двадцати. Мы прикрыли их брезентовым плащом и завалили камнями. Эта смерть послужила нам хорошим уроком.

Люди молчаливо продолжали путь, настороженно глядя по сторонам.

— Ну и ну, — сказал Ганелон, шагающий теперь рядом со мной, — Интересно, эта мразь обладает человеческим разумом?

— Не знаю.

— У меня возникло какое-то странное чувство, Корвин. Как будто должно произойти что-то страшное. Точнее я не могу выразить словами.

— Понимаю.

— Вы тоже это чувствуете?

— Да.

Он кивнул.

— Может, на нас действует погода? — продолжил я.

Он вновь кивнул, но не так уверенно, как в первый раз. По мере нашего восхождения на гору небо темнело все больше, а гром гремел, не умолкая. Поднялся сильный ветер, засверкали

молнии. Тяжелые массы облаков опустились на горные вершины. Над ними виднелись черные силуэты, похожие на птиц. Ближе к вечеру на нас напала еще одна мантикора, а за ней — стая птиц с клювами, острыми, как лезвия бритв. Мы прикончили всех, не потеряв ни одного человека, но с каждым часом моя тревога росла. Тучи сгущались, ветер усиливался. Стало совсем темно, хотя солнце еще не село. В воздухе стоял такой туман, что нечем было дышать. Сапоги скользили по мокрым камням. Через четыре мили, оказавшись на высоте в несколько тысяч футов над уровнем моря, мы разбили лагерь на каменистом склоне горы и выставили часовых. Не видно было ни зги, лишь сверкали молнии. Гром гремел, как оркестр, играющий похоронный марш. Температура воздуха резко упала. Если б не отсутствие дров, я рискнул бы и разрешил разжечь костры. Мы сидели на холодных камнях, закутавшись в плащи, и ждали неизвестно чего. Мантикоры напали на нас через несколько часов — бесшумно и стремительно. Мы потеряли шесть человек и уничтожили шестнадцать тварей. Я даже не знаю, сколько удалось удрать. Перевязывая раны солдат, я проклинал Эрика, недоумевая, из какого Отражения он выкопал этих страшных

созданий.

Туманным серым утром (больше похожим на вечерние сумерки) мы двинулись в путь к Колвиру и, пройдя пять миль, повернули на запад. Я шел одним из трех маршрутов, которыми можно было попасть в Амбер — наиболее удачным, с моей точки зрения. Под непрерывные раскаты грома мы добрались, наконец, до большого плато, от которого начиналась дорога в Гарнатскую долину. Когда я в последний раз ее видел, она представляла собой мрачную картину, а сейчас и вовсе производила ужасающее впечатление. Черная дорога тянулась по ней, доходя до основания Колвира. По всей длине, куда бы я ни посмотрел, кипела битва. Всадники сшибались, кони падали, отряды пехоты наступали, сталкивались, откатывались назад. Черные птицы, как хлопья пепла, сталкивались над их головами. На таком большом расстоянии я не мог рассмотреть, кто с кем сражается. На какое-то мгновение мне пришло в голову, что Блейз остался жив и напал на Амбер. Я быстро понял, что ошибаюсь. Отряды нападавших шли с запада, по Черной дороге. И теперь я отчетливо видел, что их сопровождали черные птицы и какие-то звери с человеческими головами. Может, это были мантикоры.

Молнии попадали в них, и они горели, падали, взрывались. Но ни одна молния не ударила в защищавшихся, и я вспомнил, что Эрик умеет заправлять Драгоценным Камнем Правосудия. Когда-то его носил отец, создавая в Амбере погоду себе по вкусу, а пять лет назад с помощью того же камня Эрик разбил нас с Блейзом наголову. Значит, темные силы оказались куда страшнее, чем я предполагал. Я думал, между ними и Амбером происходят мелкие стычки, небольшие сражения, но никак не ожидал увидеть чудовищную битву у подножия Колвира. Черная дорога буквально кишела нечистью.

Ганелон подошел ко мне и остановился рядом. Некоторое время мы молчали.

— Что будем делать, Корвин? — спросил он наконец.

— Нам надо спешить, ответил я. — Сегодня ночью я хочу попасть в Амбер.

После некоторого отдыха мы вновь пустились в путь. Дорога уходила вниз, идти стало легче. Буря, так и не принесшая дождя, свирепствовала, молнии сверкали еще ярче, гром гремел оглушительнее. В полдень я объявил последний привал — мы находились всего в пяти милях от северных границ Амбера. Нам приходилось кричать друг

другу чуть ли не в ухо — иначе не было слышно, и поэтому я не смог обратиться к солдатам с речью. Пришлось передать по цепочке несколько напутственных слов и объявить, что цель близка. Пока мои воины отдыхали, я взял пару бутербродов и отправился на разведку. Примерно через милю, преодолев небольшой подъем, я остановился и стал смотреть вниз.

На склонах гор тоже кипела битва. Я спрятался за большой камень, чтобы меня не увидели, и стал вести наблюдение. Амберийцы сражались с превосходящими силами противника. Этим, видимо, и объяснялось наше везение — ведь мы подошли к Амберу незамеченными. Было ясно, что к атакующим непрерывно прибывают подкрепления, причем не теми тремя маршрутами, которые вели в Амбер. Они летели с запада, как осенние листья, обрываемые ветром. Теперь я видел, что это были не птицы, а крылатые, похожие на драконов, двуногие создания, больше всего напоминавшие геральдических зверей на штандартах древней Земли.

Многочисленные лучники Амбера поражали драконов и их седоков на лету. Молнии сверкали, и чудовища загорались в воздухе. Но они прибывали нескончаемым потоком, опускались на

землю и вступали в бой. Я внимательно огляделся по сторонам, и в центре самого большого отряда амберийцев, сражавшихся у подножия горы, увидел пульсирующий свет Драгоценного Камня Правосудия. Да, сомнений не оставалось. Он висел на груди у Эрика. Я пополз вперед, продолжая наблюдать. Командир большого отряда одним ударом отрубил голову дракону, схватил левой рукой седока, отшвырнул его футов на тридцать и тут же повернулся, выкрикивая какой-то приказ. Это был Жерар. Он явно пытался обойти нападавших и нанести удар с фланга. На противоположном склоне горы другой отряд амберийцев проводил точно такой же маневр. Еще один мой брат? Судя по тому, что искусственно вызванная буря бушевала уже много часов, сражение началось давно. И оно разгоралось — как в долине, так и на склонах гор, — а с запада продолжали прибывать войска темных сил.

Я колебался, не зная, что предпринять. Совершенно очевидно, я не мог напасть на Эрика в тот момент, когда государству грозило полное уничтожение. Разумнее всего было подождать, пока битва закончится, потому что впоследствии Эрик не сможет оказать мне серьезного сопротивления. Я глядел на поле боя, и в душу мою

закрадывались сомнения. Похоже, исход сражения был предрешен. Амберийцы не могли его выиграть, тем более что к врагу все время подходили подкрепления. Нападающие были сильны и многочисленны, а я не знал, располагает ли Эрик резервами. Если же он окажется побежденным, мне придется отвоевывать Амбер, который лишится большинства своих защитников. Я ни секунды не сомневался, что моя небольшая армия может практически мгновенно уничтожить как драконов, так и прочих тварей. Достаточно послать (с помощью карты) по небольшому отряду каждому из моих братьев, и темным силам придется несладко. Они ведь наверняка не предполагали, что их будут расстреливать в упор из огнестрельного оружия. Я вновь посмотрел на поле боя и вновь убедился, что дела у амберийцев идут хуже некуда. Итак, что произойдет в результате моего вмешательства? Эрик не посмеет что-либо со мной сделать, и не только потому, что я спасу его от поражения, но и потому, что многие испытывали ко мне чувство симпатии, памятуя о выжженных глазах. Он, конечно, обрадуется победе, но положению его не позавидуешь. Я окажусь в Амбере, окруженный непобедимой личной охраной. Общественное мнение будет це-

ликом на моей стороне. Интригующая ситуация. И куда более гладкий путь к достижению цели, чем тот, который я избрал и который неизбежно привел бы меня к убийству принца Амбера.

Да будет так. Я почувствовал, что улыбаюсь. Скоро я стану героем. Должен, однако, сказать хоть несколько слов в свою защиту. Если бы мне предстоял выбор между Амбером, где правит Эрик, и Амбером уничтоженным, я, не колеблясь, принял бы точно такое же решение: атаковать врага, напавшего на государство. Я никогда не смог бы ненавидеть тебя так сильно, Эрик, если бы не любил Амбер еще сильнее.

Я осторожно отполз назад, встал и побежал к нашему лагерю, и тень моя плясала в свете молний. Мохнатые существа отдыхали, а Ганелон стоял поодаль и что-то кричал невесть откуда появившемуся всаднику. Когда я направился к ним, лошадь, которую я сразу узнал, повинуясь твердой руке, пошла мне навстречу.

— Какого черта ты здесь делаешь? — вскричал я.

Дара спешилась и посмотрела на меня улыбаясь.

— Мне необходимо в Амбер, — ответила она.

— Как ты сюда попала?

— Вслед за дедом. По Отражениям куда труднее идти самой, чем за кем-то. Я это поняла.

— Бенедикт здесь?

Она кивнула.

— Там, в долине. Он командует войсками. С ним Джулиан.

Ганелон подошел и остановился рядом.

— Она говорит, что следовала за нами несколько дней, — крикнул он.

— Это правда? — спросил я.

— Да. — Она вновь кивнула, продолжая улыбаться.

— Но зачем?

— Я должна пройти Лабиринт! Ведь ты идешь в Амбер?

— Естественно. К сожалению, по дороге мне встретилось небольшое препятствие, которое называется война!

— Что ты собираешься делать?

— Выиграть ее!

— Вот и прекрасно. Я подожду.

Несколько долгих секунд я ругался всеми известными мне нецензурными словами, одновременно обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем спросил:

— Где ты была, когда Бенедикт вернулся?

Она перестала улыбаться.

— Сама не знаю. После того, как ты уехал, я отправилась прогуляться верхом и вернулась поздно вечером. На следующий день я опять поехала кататься и, когда стемнело, решила переночевать в лесу. Я часто так делала. Утром, возвращаясь домой, я увидела с вершины холма, что дед проезжает внизу. Я поскакала следом и почти сразу поняла, что мы двигаемся по Отражениям. Мне трудно сказать, сколько времени это заняло, потому что ночь сменялась днем, а утро вечером, и в голове у меня все перепуталось. Затем дед встретился с Джулианом в лесу, изображение которого я видела на одной из карт, и они вместе отправились на север, туда, где сейчас идет битва. — Она махнула рукой в сторону долины. — Вспомнив твои слова, я не посмела самостоятельно вернуться домой по Отражениям, и несколько дней жила в лесу, не зная, что мне делать. Затем я увидела твой отряд, поднимавшийся в гору. Я сразу тебя узнала, но побоялась подойти — ведь до Амбера было еще далеко, и ты мог отправить меня обратно в Авалон, а я этого не хотела.

— Я не верю, что ты говоришь мне всю правду. — Я посмотрел ей в глаза. — Но у меня нет

времени тобой заниматься. Мы сейчас уходим, а ты останешься здесь. Так безопаснее. Я приставлю к тебе двух телохранителей.

— Они мне не нужны!

— Я не спрашиваю, что тебе нужно, а что нет. Будет так, как я сказал. Я пошлю за тобой, когда сражение закончится.

Я резко повернулся, подозвал двух солдат и приказал им остаться охранять Дару. Лица их не озарились радостью.

— Чем это вооружены твои люди? — спросила она.

— Оставим разговоры на потом. Я занят.

Отдав необходимые распоряжения, я построил отряд в колонны.

— Немного же у тебя солдат, — заметила Дара.

— Вполне достаточно. Увидимся позже.

Мы пошли вперед — тем путем, который я только что разведал. Гром прекратился, наступила тишина — тревожная, неприятная, Сумерки сгустились, плотный туман окутывал все вокруг, как сырое одеяло, дышать было нечем. По моему знаку отряд остановился, а мы с Ганелоном преодолели небольшой подъем и забрались на мой прежний наблюдательный пункт. Всадники на драконах покрыли весь склон горы и теснили

амберийцев, прижимая их к пропасти. Я поискал глазами Эрика, но ни его, ни пульсирующего света Драгоценного Камня Правосудия видно не было. Жерар тоже куда-то исчез.

— Кто из них враг? — спросил Ганелон.

— Всадники на драконах. Веди сюда отряд. — Я поднял ружье к плечу. — Скажи, чтобы убивали и наездников, и зверей.

Ганелон удалился, а я прицелился в снижающегося дракона и выстрелил. Он вспыхнул, камнем рухнул вниз и, ударившись о землю, покатился по склону холма, теряя перья. Скоро я зажег уже три костра, а затем продвинулся немного вперед, занял удобную позицию и открыл стрельбу. Хитрые твари быстро смекнули, что их уничтожают с тыла и, развернувшись, побежали в мою сторону. Скорость их бега была просто фантастической. Я расстрелял все патроны, вставил новую обойму, и в это время подоспел мой первый стрелковый батальон. Мы устроили самый настоящий заградительный огонь и кинулись в атаку. Поняв, что у них нет ни одного шанса на успех, драконы начали удирать со всех ног, но не могли взлететь без хорошего разбега, и мы расстреливали их в упор. Горели они красиво.

Скала, окутанная туманом, возвышалась слева

от нас, вершину ее скрывали облака. Создавалось впечатление, что мы стоим перед сказочным замком и огромной башней. Ветер рассеивал дым; склон горы покраснел от крови. Мы продолжали наступать, стреляя, и амберийцы, сообразив, что им пришли на помощь, тоже перешли в наступление, шаг за шагом удаляясь от пропасти, к которой их теснил враг. В первых рядах сражался мой брат, Каин. На мгновение глаза наши встретились, и он очертя голову бросился в атаку, увлекая за собой остальных. Честно говоря, они нам здорово помешали, потому что в результате их действий угол обстрела сильно уменьшился. К сожалению, с этим ничего нельзя было сделать. Мы подошли ближе, не тратя даром ни одного патрона, и противник обратился в бегство. Я начал спускаться к подножию горы, по направлению к большой группе людей — видимо, личной охране Эрика. Наверное, его тяжело ранили — иначе невозможно было объяснить, почему прекратилась гроза. Краешком глаза я увидел, как сзади на меня надвигается огромная тень. Отпрыгнув в сторону, я перекатился по земле и поднял ружье. Однако мой палец не нажал на курок, Дара галопом пронеслась мимо меня, повернула голову и засмеялась.

— Черт тебя побери! — закричал я. — Немедленно вернись! Ты погибнешь!

— Увидимся в Амбере! — закричала она в ответ и, пришпорив коня, поскакала по тропинке.

Я был в бешенстве, но помешать ей не мог. От души выругавшись, поднялся, отряхнулся и продолжал свой путь. Меня окликали по имени, головы поворачивались в моем направлении. Я ни на кого не обращал внимания. Люди расступились, давая мне пройти.

Думаю, мы с Жераром увидели друг друга одновременно. Он стоял в середине толпы на коленях и, когда я приблизился, молча поднялся на ноги. Лицо его осталось бесстрастным. Моя догадка подтвердилась — на земле лежал Эрик. Я подошел к ним вплотную, кивнул Жерару и наклонился, испытывая какое-то странное волнение. Из глубоких ран на груди Эрика текла кровь, заливая Драгоценный Камень Правосудия, висевший на цепочке и продолжавший пульсировать мягким светом. Глаза Эрика были закрыты, дыхание прерывистое. Я опустился на колени, не в силах оторвать взгляда от пепельно-серого лица, и попытался забыть о своей ненависти, чтобы хоть как-то понять человека, который был моим братом и которому осталось жить считанные ми-

нуты. Я познал чувство жалости, когда подумал, чего он лишается вместе с жизнью, и захотел сказать что-нибудь хорошее; но в голову ничего не приходило, кроме напыщенной фразы: «Он погиб, сражаясь за Амбер». Все же лучше, чем ничего. Веки его задрожали, глаза открылись. Он смотрел на меня отсутствующим взглядом, и в первую секунду я решил, что Эрик меня не видит. Я ошибся.

— Корвин, — прошептал он, тяжело дыша. — Я знал, что это будешь ты. Они избавили тебя от ненужных хлопот, верно?

Я промолчал. Он заранее знал мой ответ.

— Когда-нибудь наступит твой черед, — продолжал Эрик. — Тогда мы окажемся в равных условиях. — Он усмехнулся шутке и, видимо, зря, потому что сразу же зашелся кровавым кашлем. Когда приступ закончился, он вновь поглядел на меня. — Я чувствовал твое проклятье каждый день, каждый час каждую минуту. Тебе даже не пришлось умереть, чтобы оно сбылось — Он умолк, словно прочитав мои мысли, слабо усмехнулся. — Не бойся. Я не потрачу на тебя своего предсмертного проклятья. Я приберег его для врагов Амбера.

И когда Эрик прошептал свое проклятье, я за-

дрожал, услышав, что он шепчет. И вновь мой умирающий брат посмотрел на меня и дотронулся до цепочки на шее.

— Камень… — с трудом произнес он. — Возьми его в центр Лабиринта, поднеси к одному глазу. Сконцентрируйся… и смотри в него, как в окно… Попытайся… спроецировать себя… внутрь. Ты не исчезнешь, но поймешь… как им пользоваться.

— Как?.. — невольно вырвалось у меня, но я тут же прикусил язык. Он ведь уже объяснил, что надо сделать. Зачем же лишать человека драгоценных секунд жизни, задавая дурацкие вопросы.

Но Эрик понял, что я имел в виду.

— Записки Дворкина… под камином… в моей…

Он зашелся во втором приступе кашля, и кровь хлынула у него из носа и ушей. Внезапно он сел, набрав полную грудь воздуха, и глаза его бешено засверкали.

— Попробуй найти себе оправдание, как это удалось мне, ублюдок! — вскричал он и, бездыханный, упал мне на руки.

Несколько секунд я держал его тело, затем бережно опустил на землю. Я закрыл ему глаза, почти машинально сложил его руки на груди поверх потухшего Камня Правосудия, который

мне не хотелось сейчас забирать. Потом я встал и накрыл Эрика плащом. Повернувшись, я увидел, что взгляды всех присутствующих устремлены в мою сторону. Множество знакомых и незнакомых лиц… людей, которые смотрели, как однажды вечером меня, закованного в цепи, привели и усадили за праздничный стол…

Нет. Сейчас не время вспоминать прошлое. Надо выкинуть эту дурь из головы… Стрельба прекратилась, и Ганелон сыпал приказами, пытаясь навести в отряде хоть какой-то боевой порядок. Я пошел вперед. Мимо амберийцев, живых и мертвых, мимо Ганелона и мохнатых существ. Я взобрался на вершину горы и посмотрел вниз. В долине кипела битва: ряды кавалерии накатывались один на другой, словно волны бушующего моря, пехотинцы копошились, как муравьи в муравейнике. Я достал колоду, вытащил карту Бенедикта и через несколько мгновений увидел его самого, все на том же черном коне с красной гривой и красным хвостом.

Мой старший брат был в самой гуще сражения, и, невольно любуясь его отточенными молниеносными движениями, я молчал, не желая ему мешать.

— Жди, — коротко бросил он, почувствовав

контакт.

Двумя ударами шпаги он сразил и своего противника, и его лошадь и стал постепенно отъезжать в сторону. Я заметил, что Бенедикт пользуется удлиненными поводьями с петлей на конце, накинутой на культю правой руки. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем ему удалось выбраться в более или менее безопасное место. Остановившись, он посмотрел на меня, явно пытаясь разглядеть, что происходит за моей спиной.

— Да, я на высотах, — сказал я в ответ на его невысказанную мысль. — Мы победили. Эрик пал в сражении.

Он продолжал молча на меня смотреть. На лице его не дрогнул ни один мускул.

— Мы победили потому, — пояснил я, — что мой отряд был вооружен автоматическими винтовками. Мне наконец удалось найти вещество, которое заменяет порох в Амбере.

Бенедикт прищурился и кивнул. Он сразу понял, что это было за вещество и откуда оно взялось.

— Нам многое надо обсудить, — заметил я, — но первым делом необходимо уничтожить врага. Если ты не прервешь контакта, я пошлю тебе

несколько сот солдат с ружьями.

Он улыбнулся и произнес одно слово:

— Поспеши.

Я громко позвал Ганелона, который тут же откликнулся. Оказывается, он стоял всего в нескольких шагах позади меня. Я приказал ему построить наш отряд в цепь и привести сюда. Он кивнул и побежал по склону горы, на ходу отдавая распоряжения.

— Бенедикт, — нарушил я затянувшееся молчание. — Дара здесь. Ты не заметил, но она шла за тобой по Отражениям от самого Авалона. Я хочу…

Губы его раздвинулись в недоброй усмешке.

— Да кто такая эта Дара, в конце концов?! — крикнул он. — Ты все время о ней говоришь, а я никогда о ней не слышал! Скажи мне! Я требую ответа!

Я слабо улыбнулся и покачал головой.

— Притворяться бессмысленно, Бенедикт. Я все знаю. Не бойся, я никому не сказал, что она твоя праправнучка.

Рот его невольно открылся, а глаза расширились от изумления.

— Корвин… Либо ты сошел с ума, либо жестоко ошибаешься. У меня нет никакой праправнучки.

И никто не мог идти за мной по Отражениям по той простой причине, что Джулиан срочно вызвал меня в Амбер, и я, естественно, воспользовался его картой.

Ну конечно. Почему я сразу не поймал Дару на вранье? Единственным оправданием мне служило то, что я был слишком занят мыслями о предстоящем сражении. Действительно, с какой стати Бенедикту тратить время попусту, когда в его распоряжении находился куда более надежный и, главное, быстрый способ передвижения?

— Проклятье! — воскликнул я. — Она уже в Амбере! Я позову Каина и Жерара, чтобы они помогли тебе в пересылке отряда. Ганелона тоже возьми, пусть командует под твоим началом.

Оглянувшись, я увидел, что Жерар разговаривает с несколькими придворными. Я крикнул, и, почувствовав в моем голосе отчаяние, он резко поднял голову и сразу же побежал вверх по склону горы.

— Корвин! Что случилось?! — вскричал Бенедикт.

— Не знаю! Но боюсь, что произойдет непоправимое!

Я сунул карту Бенедикта подбежавшему Жерару.

— Проследи за отправкой отряда. Рэндом во дворце?

— Да.

— На свободе или под арестом?

— На свободе, но к нему приставлена охрана. Эрик не доверяет… не доверял ему.

Я повернулся.

— Ганелон, — приказал я, — делай то, что скажет Жерар. Он отправит тебя в долину. Проследи, чтобы наши ребята выполняли все распоряжения Бенедикта. Я ухожу в Амбер.

— Хорошо, — спокойно сказал он и пошел вместе с Жераром к солдатам, уже построенным в цепь.

Я вытащил из колоды карту Рэндома. В эту минуту наконец-то начал накрапывать обычный мелкий дождь. Изображение на карте ожило, зашевелилось.

— Привет, Рэндом, — поздоровался я. — Узнаешь?

— Где ты?

— В горах. Половину сражения мы выиграли, и я только что послал Бенедикту людей, чтобы уничтожить врага в долине. Мне нужна твоя помощь. Я должен попасть во дворец.

— Не знаю, Корвин… Эрик…

— Эрик мертв.

— Кто его преемник?

— А ты как думаешь? Не медли, брат! Мне нужно во дворец!

Он кивнул и протянул руку. Я сделал шаг вперед. Мы стояли на балконе с белыми мраморными перилами. Небольшой сад внизу не радовал глаз обилием цветов.

Я покачнулся, и он схватил меня за руку.

— Ты ранен?!

Я только сейчас почувствовал, как сильно устал. Несколько ночей я провел без сна, а последующие события развивались так стремительно…

— Нет, — сказал я, глядя на свою окровавленную рубашку. — Это — кровь Эрика.

Он провел рукой по соломенным волосам и поджал губы.

— Значит, ты все-таки убил его…

— Нет. Когда мы встретились, он был при смерти. А сейчас пойдем со мной! Это очень важно! Нам надо успеть!

— Куда? Зачем?

— В Лабиринт. Не могу ответить — зачем, знаю только, что это действительно очень важно. Пойдем!

Мы вышли из комнаты, направляясь к бли-

жайшей лестнице. Два стражника, стоявшие на верхней ее площадке, вытянулись по стойке смирно и не сделали попытки остановить нас.

— Я рад, что у тебя есть глаза, — сказал Рэндом. — Значит, меня не обманули. А видишь ты так же хорошо?

— Да. Я слышал, ты все еще женат?

— Верно.

Мы спустились на первый этаж и повернули направо. Поведение стражников, стоящих на нижней площадке лестницы, ничем не отличалось от поведения тех, кто был наверху.

— Верно, — повторил он, следуя за мной к центру дворца. — Тебя это удивляет, не правда ли?

— Честно говоря, да. Я был уверен, что ты постараешься избавиться от нее ровно через год, как только закончится срок твоего пребывания в Ребма.

— Я тоже так думал. Но я полюбил ее. Полюбил по-настоящему.

— В жизни всякое бывает.

Мы миновали мраморную гостиную и очутились в длинном узком коридоре. Полумрак, пыль кругом… Я невольно вздрогнул, вспомнив, в каком состоянии находился, когда был здесь в последний раз.

— И она меня любит, — не умолкал Рэндом. — Никто меня так не любил, как Виала.

— Я рад за тебя.

Мы подошли к большой двери, почему-то открытой, за которой широкая спиральная лестница уходила далеко вниз, и быстро начали спускаться по ступенькам.

— А я — нет, — возразил он, стараясь не отставать. — Мне совсем не хотелось влюбляться. Ты же знаешь — мы были пленниками. Разве это жизнь для женщины?

— Зато теперь — худшее позади. Тебя ведь арестовали за то, что ты решил отомстить за меня и попытался убить Эрика?

— Да. Виала захотела разделить мою участь.

— Я никогда этого не забуду, Рэндом.

Мы уже не шли, а бежали, и фонари, расположенные в сорока футах один от другого, освещали нам путь. Бесконечные ступеньки… Лестничные пролеты… Мы находились в гигантской пещере естественного происхождения, которую никто и никогда не исследовал. Я невольно подумал об узниках, томящихся в мрачных подземельях, и пообещал себе, что выпущу их на свободу или назначу им не такое суровое наказание. Минута уходила за минутой; далеко внизу виднелись

слабые отсветы факелов.

— Есть на свете девушка, — сказал я, — по имени Дара. У меня были веские основания верить, что она — праправнучка Бенедикта, и не только потому, что я услышал об этом из ее собственных уст. Я объяснил ей в нескольких словах, что такое реальный мир, Отражения и Лабиринт, и она загорелась желанием немедленно попасть в Амбер, чтобы пройти испытание, которое прошли мы все. Видишь ли, до некоторой степени Дара умеет управлять Отражениями. Когда я видел ее в последний раз, она загоняла коня, стремясь как можно скорее попасть в Амбер. Но Бенедикт поклялся, что у него нет никакой праправнучки. Я не хочу подпускать Дару к Лабиринту на пушечный выстрел. Я должен допросить ее.

— Странно, — задумчиво произнес Рэндом. — Очень странно. Ты прав. Надо выяснить, в чем тут дело. Думаешь, она уже в Лабиринте?

— Если нет, ждать придется недолго.

Наконец мы спустились в полутемный зал пещеры, и я пошел к боковому туннелю. В это время Рэндом воскликнул:

— Корвин! Подожди!

Резко остановившись, я оглянулся, увидел, что он остался на нижней ступеньке лестницы, и

быстро подошел к нему. Мне не пришлось задавать лишних вопросов. Рэндом склонился над высоким бородатым мужчиной, распростертым на полу.

— Убит. Только что. Прекрасный удар шпаги. Очень тонкий клинок.

— Пойдем!

Мы побежали по туннелю, в самый его конец. Седьмая дверь направо… Я выхватил Грейсвандир из ножен, увидев, что эта громадная, каменная, обитая металлом дверь распахнута настежь. Рэндом не отставал от меня ни на шаг. Мы очутились в большой комнате, похожей на танцевальный зал. Черный гладкий пол блестел, как стекло. На полу был выложен узор, который назывался Лабиринтом. Холодный огонь дрожал, сверкал и переливался, непрерывно меняя очертания. Его ажурный рисунок почти целиком состоял из кривых линий. Мы остановились на пороге, затаив дыхание. По Лабиринту кто-то шел. Как всегда, у меня по телу побежали холодные мурашки. Дара? Невозможно было различить фигуру, над которой поднимались фонтаны искр. Но кем бы ни был человек, уже прошедший Великую Дугу и приближавшийся к серии сложных поворотов, в жилах его текла королевская кровь, потому что

любого другого Лабиринт давно уничтожил бы. Огненная фигура того, кому осталось пройти Последнюю Вуаль, непрерывно меняла очертания. Какие-то странные необъяснимые чувства нахлынули на меня, сонмы образов промелькнули перед моим внутренним взором. Потом Рэндом судорожно вздохнул, и я словно очнулся от летаргического сна.

Оно казалось то громадным, заполнившим собой всю комнату, то крохотным и совсем незаметным. На мгновение оно стало хрупкой девушкой — может быть, Дарой — со сверкающими распущенными волосами, но волосы превратились в большие изогнутые рога на квадратной голове, и слышался лишь стук копыт, когда их кривоногий обладатель преодолевал поворот за поворотом. Затем оно превратилось в… огромную кошку… безликую женщину… крылатое существо изумительной красоты… Горсть пепла…

— Дара! — закричал я. — Это ты?!

Мне ответило эхо. Тот, кто был в Лабиринте, тратил остатки сил, срывая Последнюю Вуаль. Мышцы мои невольно напряглись, словно я чем-то мог ему помочь.

И наконец оно появилось. Да, это была Дара. Высокая и прекрасная. Величественная и ужас-

ная в одно и то же время. Мне показалось, что мозг мой разрывается на части. Руки ее были подняты в страстном порыве, с губ лился нечеловеческий смех. Я хотел отвернуться, но не смог пошевелиться. Неужели, я действительно обнимал, целовал, ласкал… это? Я не мог понять, что со мной происходит. Затем Дара поглядела на меня.

— Милорд Корвин, теперь ты владыка Амбера?

Сам не знаю, как я нашел в себе силы ей ответить.

— В определенной степени.

— Хорошо! Тогда посмотри на меня! Это судьба твоя!

— Кто ты? Что ты?

— Этого ты никогда не узнаешь. Слишком поздно. Ты опоздал.

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Амбер будет разрушен.

И Дара исчезла.

— Какого черта! — воскликнул Рэндом. — Кто она такая?

Я покачал головой.

— Не знаю. Но должен узнать во что бы то ни стало, потому что теперь нет для меня ничего важнее на свете.

Он сжал мою руку.

— Корвин… Оно… она… говорила искренне. Думаешь, Амбер можно разрушить?

Я кивнул.

— Да.

— Что ты собираешься делать?

Я вложил Грейсвандир в ножны и отвернулся.

— Укреплять мощь государства. Теперь у меня есть все, о чем я мечтал, и я не собираюсь ждать, когда на нас нападут темные силы. Нет, я постараюсь найти и уничтожить врага, прежде чем он сможет причинить вред Амберу.

— Где ты собираешься его искать?

Мы покинули помещение Лабиринта и зашагали по туннелю.

— Там, где начинается Черная дорога.

Мы пересекли пещеру, подошли к спиральной лестнице, на нижней площадке которой лежал мертвец, и, окруженные полумраком, стали подниматься по широким ступенькам.

Знак единорога

Рэндом распахнул дверь в маленькую гостиную, я вошел вслед за ним, отыскал подходящее место и положил тело на пол. Рэндом пристально смотрел на меня:

— Ну, и чего ты от меня хочешь?

— Разверни и посмотри, — сказал я.

Он встал на колени, откинул плащ, небрежно глянул и снова набросил его на труп.

— Покойник, — отметил он очевидный факт, — ну и что из этого?

— Ты плохо смотрел. Оттяни веко. Открой рот и взгляни на зубы. Пощупай наросты на тыльных сторонах рук. Пересчитай фаланги пальцев. Потом сам скажешь мне, в чем тут дело.

Рэндом проделал все, что я просил. Осмотрев руки, он на мгновение замер и кивнул:

— Да, припоминаю.

— Припоминай вслух.

— Тогда, в доме Флоры…

— Тогда я увидел их впервые, — перебил я его. — Но нужен-то им был ты. Я так и не понял, зачем.

— Все верно. Я не успел рассказать тебе. Просто времени не было. Странно… Откуда этот свалился?

Я медлил, не зная, вытягивать ли из Рэндома его историю или сначала рассказать ему свою. Но дело не терпело отлагательств, да и своя рубашка всегда ближе к телу. Я вздохнул и опустился в кресло.

— Только что мы лишились еще одного брата. Убит Каин. Я чуть-чуть опоздал. Эта тварь уже добралась до него. Конечно, я хотел взять его живым, но он дрался как черт. У меня не оставалось выбора.

Рэндом тихо присвистнул и опустился в кресло напротив меня.

— Понятно, — почти беззвучно прошептал он.

Я внимательно посмотрел ему в лицо. Кажется, в уголках его глаз притаилась улыбка, которая могла стать явной, если первым улыбнусь я. Вполне вероятно…

— Нет! — решительно возразил я. — Будь это моих рук дело, я бы все устроил так, чтобы самому остаться в стороне. Я рассказал тебе все, как было.

— Верю, верю, — поспешил ответить он. — Где Каин?

— Под дерном, возле Рощи Единорога.

— Это подозрительно. Для других, по крайней мере.

Я кивнул.

— Знаю, пока что придется помалкивать. Труп я спрятал, Не могу же я притащить его во дворец и отвечать на вопросы, пока мне неизвестно, что здесь происходит. Но ты-то хорошо это знаешь.

— Ладно. Не знаю, правда, насколько это важно, но все, что я знаю, в твоем распоряжении. Только ты мне тоже расскажешь обо всем, что тебе известно, ладно? Как это произошло?

— Это случилось сразу после обеда. Я поел в гавани с Жераром. Потом Бенедикт через свою Карту доставил меня наверх. В своей комнате я обнаружил записку, которую, очевидно, просунули под дверь. В ней предложили встретиться в Роще Единорога. Записка была подписана — «Каин».

— Она у тебя?

— Да, — я вынул ее из кармана и протянул Рэндому. — Вот, возьми.

Он внимательно изучил записку и покачал головой:

— Не уверен. Почерк вроде бы его… В особенности если он писал второпях. И все же вряд ли…

Я пожал плечами, забрал записку, сложил ее

вдвое и сунул в карман.

— Как бы то ни было, я попробовал связаться с ним через его Карту, чтобы не ездить зря, но он не отвечал. И я решил, что он не хочет показывать, где находится. Видно, подумал я, это для него почему-то очень важно. Я взял коня и поскакал вниз.

— Ты говорил кому-нибудь, куда едешь?

— Ни единой живой душе. Я решил дать коню размяться и скакал очень быстро. Я не видел, как это произошло. На опушке с перерезанным горлом валялся Каин, а в кустах неподалеку что-то мелькнуло. Я догнал этого парня, бросился на него, завязалась драка, и мне пришлось его прикончить. На разговоры у нас не было времени.

— Ты уверен, что это его рук дело?

— Тут не ошибешься. Его след вел от Каина, на одежде была свежая кровь.

— Может, это его кровь?

— Сам посмотри. Ран нет, я сломал ему шею. Конечно, я не забыл, где я видел таких раньше, вот и притащил его к тебе. А пока ты еще не начал рассказывать, вот тебе еще кое-что. На десерт.

Я вытащил вторую записку и передал ее Рэндому.

— Обнаружил ее у этого гада. Наверняка, он

забрал ее у Каина.

Рэндом прочел записку и отдал ее мне.

— Это от тебя Каину с просьбой о встрече в том же месте. Дела, что и говорить.

— Да, говорить нечего. И почерк похож на мой. По крайней мере, с первого взгляда.

— Я вот думаю, что было бы, если бы первым туда приехал ты?

— Скорее всего, ничего. Они хотят выставить меня убийцей, а для этого я им нужен живым. Все дело было подстроено так, чтобы он оказался на месте встречи раньше меня. Приедь я раньше, все убийство сорвалось бы.

Рэндом кивнул:

— Для того чтобы все так точно рассчитать, нужно было находиться на месте действия, во дворце. У тебя есть подозрения?

Я взял сигарету, закурил, а потом сказал:

— Я только что вернулся и не в курсе дел. Ты же все время был здесь. Поэтому скажи, кто сейчас больше других ненавидит меня?

— Сложный вопрос, Корвин, — заявил Рэндом. — Каждый что-то против тебя имеет. Я бы выбрал Джулиана, но тут это отпадает.

— Почему?

— Они с Каином много лет были в прекрасных

отношениях. Жаль, ты не видел их вместе. Друг без друга и шагу ступить не могли, всюду вместе. А если и разлучались, то ненадолго. Водой, не разольешь. Джулиан ничуть не изменился, такой же холодный, мелочный и злобный. Но если он кого-то и любил, то это Каина. Нет, он не пожертвовал бы им, даже для того, чтобы дотянуться до тебя. В конце концов, если уж ему стало невтерпеж, он мог найти кучу других способов.

Я вздохнул.

— Кто следующий?

— Не знаю, честное слово, не знаю.

— Хорошо. И что будет дальше, как ты думаешь?

— Ты попался, Корвин. Что бы ты ни утверждал, все подумают, что это сделал ты.

Я кивнул в сторону трупа. Рэндом отрицательно покачал головой.

— Подумаешь, притащил из Отражения какого-то болвана, чтобы все свалить на него.

— Понимаю, — кивнул головой я. — Странно, что я возвратился в Амбер в самое выгодное для себя время.

— Это точно, лучше не придумаешь. Тут тебе повезло.

— Да. И все-таки: ни для кого не секрет, зачем я

сюда явился. Очень скоро на моих солдат начнут посматривать косо. Чужаки. Вооружены странно, к тому же расквартированы в самом городе! Пока меня избавляла от неприятностей внешняя угроза. К тому же меня подозревают в грязных делишках, совершенных еще до возвращения, — например, в убийстве слуг Бенедикта. А теперь еще и это…

— Да, — вздохнул Рэндом. — Все это так. Когда вы с Блейзом несколько лет назад атаковали Амбер, Жерар развернул часть своего флота так, чтобы не оказаться у вас на пути. А Каин со своими кораблями напал на вас и разбил. Я думаю, что после его смерти всем флотом будет командовать Жерар.

— А кто же еще с этим справится?

— И тем не менее…

— Согласен. И тем не менее. Коли бы для укрепления своих позиций мне понадобилось отправить на тот свет кого-нибудь, то по логике вещей это был бы Каин. Это чистая правда, черт бы ее побрал!

— Ну и что ты собираешься делать?

— Рассказать всем, что случилось, и попытаться узнать, кто за этим стоит. Можешь предложить что-нибудь получше?

— Я думал, как бы тебе обеспечить алиби, но что-то не получается.

Я покачал головой.

— Мы слишком близки. Поэтому как бы ты ни старался, эффект будет прямо противоположным.

— А может, признать, что это твоя работа?

— Я думал об этом. Но о самозащите тут говорить не приходится. Глотки перерезают из-за угла. Пришлось бы склеивать доказательства, придумать, будто он замышлял какую-то гадость, и объявить, что я сделал это на благо Амбера. Мне это противно. На таких условиях я категорически отказываюсь признаться в том, чего не совершал. Да и возьми я вину на себя, запашок от всего этого останется препротивный.

— Да и репутация опасного противника тоже.

— Такая репутация мне как раз и не нужна. Я такими делами не собираюсь заниматься. Это исключено.

— Тогда мы закруглились. Почти…

— Что значит почти?

Прищурив глаза, Рэндом тщательно изучал пальцы своей левой руки.

— Как тебе сказать… мне сейчас кое-что пришло в голову. А что если убрать со сцены еще

кого-нибудь. По-моему, пришло время переложить вину на чужие плечи.

Я поразмышлял об этом, докурил сигарету и произнес:

— Неплохо. Но в данный момент у меня нет лишних братьев. Даже Джулиан не лишний. Да его и не проведешь.

— Необязательно выбирать кого-нибудь из семьи, — ответил Рэндом. — Вокруг полно амберских дворян, у которых есть причина для мести. Например, сэр Реджинальд.

— Хватит, Рэндом! Это тоже исключено.

— Ну, тогда серые клеточки в моем мозгу истощились.

— Надеюсь, те, что заведуют памятью, остались?

— Ну что ж…

Рэндом вздохнул, потянулся, затем встал, перешагнул через труп и подошел и окну. Открыв портьеру, он долго смотрел вдаль.

— Ну что ж, у меня есть, что рассказать.

И Рэндом начал вспоминать вслух:

— Хотя для многих — главное в жизни секс, но ведь, кроме него, есть еще и любимое дело, которому отдают все свободное время. Для меня, Корвин, это игра на ударных, полеты и карты.

Меняй их, как угодно, местами, они для меня одинаково важны. Ну, может быть, чуть больше я люблю летать — без моторов, на воздушных шарах, планерах, но это уже от настроения зависит, сам знаешь. Спросишь меня в другой раз, и я могу ответить по-другому. Все зависит от того, чего тебе в этот момент больше всего хочется. Ну вот, несколько лет назад я был в Амбере. И ничем особо не занимался. Отец еще не исчез, и когда я заметил, что он вот-вот опять начнет ворчать, то решил, что пора прогуляться. Куда-нибудь подальше. Я давно понял, что могучая сила его обожания и любви ко мне пропорциональна расстоянию между нами. На прощание он подарил мне изогнутую рукоятку для плетки. Наверное, в знак доказательства своей любви. Мне она очень пригодилась. Я решил, что в укромном уголке одного из Отражений смогу предаться всем своим маленьким удовольствиям сразу. Ехать мне пришлось долго, не буду надоедать тебе деталями, скажу только, что место, куда я отправился, расположено достаточно далеко от Амбера. На сей раз я не искал Отражения, где можно было бы стать какой-нибудь шишкой. Это быстро надоедает или утомляет — в зависимости от того, какую меру ответственности взвалива-

ешь на себя. Я хотел побывать безответственным ничтожеством и вволю повеселиться. Тексорами был открытый настежь портовый город — знойные дни, долгие ночи, много хорошей музыки, карточная игра утром, вечером и вообще круглый день. Дуэли каждое утро, а в промежутках — драки и увечья для тех, кто только и думает о том, чтобы подраться. У меня был маленький красный планер, и я чуть ли не каждый день летал. Отличная была жизнь! Ночь напролет я барабанил в подвальчике у реки, где стены потели не меньше посетителей, и дым плавал вокруг фонарей, словно струи молока. Закончу играть, иду развлекаться. Обычно это была женщина или карты на весь остаток ночи. Чертов Эрик! Опять вспомнил… ты знаешь, он однажды заявил, что я передергиваю карты! Карты — это единственная вещь, где я никогда не мухлевал. Игра — дело серьезное. Просто я хороший игрок, да и везет мне. В отличие от Эрика. Он был лучшим почти во всем, и даже сам себе не мог признаться, что все-таки кое в чем другие посильнее его. Если ты все время побеждаешь его, значит ты жульничаешь. Однажды вечером он чуть в драку не полез из-за этого. Могло плохо кончиться, но Жерар и Каин замяли дело. Надо отдать должное Каину. В

тот раз он встал на мою сторону. Бедняга… Какая мерзкая смерть, а? Глотка… Ну ладно, торчу я в Тексорами, занимаюсь музыкой и девочками, выигрываю в карты и ношусь по небу. Пальмы и цветущая по ночам желтофиоль. Добрые портовые запахи — пряности, кофе, деготь и все такое прочее… Дворяне, купцы и крестьяне — то же самое, что повсюду. Моряки и всякие там путешественники появляются и исчезают. Люди, вроде меня, ни во что особенно не суются. По-настоящему. С остальными я почти не общался. Изредка что-то вроде поздравительных открыток через Карты и все. Я почти не думал об Амбере. Но все изменилось в одну ночь. У меня на руках был большой шлем, и парень напротив меня никак не мог решить, блефую я или нет. В этот момент со мной заговорил бубновый валет. Да, с этого все и началось. Я и правда был, как пьяный. Мы только что сыграли парочку горяченьких партий, и я еще не остыл. Да и физически я очень устал: весь день летал, ночью не выспался. Потом я решил, что такое могло произойти из-за нашего семейного карточного фокуса. Кто то, видимо, вызывал меня, а у меня в руках были обычные игральные карты. Само собой, обычно мы обходились без помощи Карт, если только сами не вызывали

кого-нибудь. Должно быть, мое подсознание, которое в это время вырвалось у меня на свободу, ухватилось за привычный реквизит, хотя позже у меня появились причины сомневаться, не знаю уж, что там было на самом деле. Валет сказал: «Рэндом». Потом его лицо затуманилось и он добавил: «Помоги мне». К этому времени я начал смутно догадываться, кто это. Связь была очень слабой. Затем лицо возникло снова, и я понял, что не ошибся. Это был Бранд. Выглядел он просто ужасно. Мне показалось, что он был к чему-то прикован или привязан. «Помоги мне», — вновь произнес он.

— Я слушаю, — ответил я. — Что случилось?

— …в плену, — сказал он и еще что-то добавил. Я не смог разобрать что.

— Где, — спросил я.

Он покачал головой.

— Не могу помочь тебе. Нет карт, да и я слишком слаб. Тебе придется идти в обход, длинным путем.

Я не спросил, как он смог вызвать меня без моей Карты. Важно было узнать, где он. Я спросил, как его найти.

— Смотри внимательно, — ответил он. — Запоминай каждую мелочь. Скорее всего, я смогу

показать тебе лишь один раз. И прихвати оружие.

И тут я увидел пейзаж за его плечами. Через окно или парапет — я так и не понял. Это было далеко от Амбера. И Отражение сходило с ума. Не хотел бы я забраться туда. Что-то резкое, с меняющимися цветами, огненное. День, но солнца на небе не было. Скалы, скользившие по земле, словно парусные корабли. Бранд был в какой-то башне, которая казалась крохотной неподвижной точкой в этом беспрерывно меняющемся пейзаже. Я запомнил, что вокруг основания башни обвилось что-то сверкающее, словно состоящее из призм, и решил, что это сторож. Существо блестело так, что невозможно было определить его форму и настоящие размеры. Но вдруг все погасло. Мгновенно. И я опять смотрел на валета бубен, и парень напротив меня не знал, то ли обозлиться на меня за то, что я тяну время, то ли принести воды — может, мне просто стало плохо. Я сорвал банк и пошел домой. Растянувшись на постели, я закурил и стал думать. Когда я отбыл из Амбера, Бранд был еще там. Но когда я справлялся о нем, никто понятия не имел, где его черти носят. На него накатил очередной приступ меланхолии, он сорвался с места и уехал. И все.

Никаких вестей ни от него, ни для него. Он не выходил на связь и никому не отвечал. Я постарался обдумать положение со всех сторон. Бранд был умен. Чертовски умен. Может быть, даже умнее всех в семье. Он попал в беду и вызвал меня. Наши герои, Эрик и Жерар, возможно, с радостью пустились бы на поиски приключений. Каин мог бы пойти из любопытства. Джулиан, чтобы показать отцу, что он лучше всех нас. Да, Бранд мог бы вызвать и самого отца. Это было бы проще всего. Уж отец что-нибудь придумал бы. Но он вызвал меня. Почему? Мне пришло в голову, что это кто-то из нас подстроил нашему Бранду ловушку. Скажем, если отец стал выделять его… ну, дальше сам понимаешь. Устранить угрозу… А связаться с отцом ему не хотелось. Это значило расписаться в собственной слабости. Поэтому я решил не звать никого на помощь, хотя вначале подумывал об этом. Он вызвал меня, вполне возможно, что если я дам об этом знать кому-нибудь в Амбере, то тем самым перережу ему глотку. А какая мне от всего этого выгода? Если, дело касалось трона, и Бранд на самом деле попал в фавор к отцу, то совсем не помешает оставить у него приятные о себе впечатления. А если нет… Всякое может случиться… Да и любопытно мне

было, как это он сумел связаться со мной и ухитрился обойтись без Карт. Скорее всего я решил спасти его в одиночку именно из любопытства. Я стряхнул пыль со своих Карт и снова попытался вызвать его. Сам понимаешь, ответа не было. Я хорошенько выспался, а утром попробовал еще раз. Опять — никаких результатов. Ну и ладно, дальше ждать не имело смысла. Я почистил меч, хорошенько поел и получше оделся. Еще я прихватил черные очки-поляроиды. Я не знал, как они там будут действовать, но страж был слишком яркий. Излишняя предосторожность никогда не повредит. На всякий случай я взял и пистолет. У меня было предчувствие, что толку от него там не будет. Так оно и вышло. Но пока не попробуешь, не узнаешь.

Попрощался я только со своим приятелем, ударником, да и то потому, что перед отъездом отдал ему свою установку. Я знал, что у него она будет в полном порядке. Затем я направился в ангар, подготовил свой планер, взлетел и поймал восходящий поток. Мне нравилось так путешествовать.

Не знаю, летал ли ты когда-нибудь через Отражения? Я летел над морем до тех пор, пока земля не превратилась в тонкую полоску на севере.

Потом воды подо мной стали кобальтово-синими, вздыбились и начали трясти белыми сверкающими бородами. Я повернул и понесся в темнеющем небе к земле над самыми волнами. Когда я повернул к устью реки, Тексорами исчез, и на его месте тянулись обширные болота. Я летел вдоль реки, пересекая все новые ее излучины. Пристани, дороги, транспорт — все исчезло. Деревья были очень высокими. На западе собрались розовато-жемчужные с желтым отливом тучи. Солнце из оранжевого стало красным, почти желтым. Качаешь головой? Солнцем я расплачивался за города. Когда я тороплюсь, то избегаю людей, иду путем стихий. На такой высоте все искусственное отвлекает. Оттенки и свойства становятся для меня всем. Это я и имел в виду, когда говорил, что лететь через Отражения — совсем не то, что путешествовать по земле. Так вот, я мчался на запад до тех пор, пока леса не перешли в степи. Их зелень быстро потускнела, покрылась бурыми, рыжеватыми, желтыми пятнами, потом стала светлой и какой-то рыхлой. Расплатой за это прекрасное путешествие стала гроза. Я летел до тех пор, пока рядом со мной не стали сверкать молнии, а порывы ветра не сделались слишком сильными для маленького планера. Тут я быстро сбавил

скорость. Подо мной появилась зелень. Я вновь превратил землю внизу в пустыню, застывшую и холмистую. И все же, когда я вырвался из грозы, желтое солнце светило мне прямо в спину. Затем оно съежилось, облачные пряди проносились по его диску, постепенно стирая его. Прямой путь завел меня слишком далеко от Амбера. Давненько я не забирался так далеко. Солнце исчезло, но было светло, как и прежде. Светло и жутко, словно все стороны света исчезли. Глаза обманывали меня, искажая перспективу. Я спустился ниже, ограничив поле зрения. Вскоре показались большие скалы, и я принялся искать знакомые очертания. Постепенно они появились.

Сделать так, чтобы все текло и перемешивалось, тут было легче, но физически очень неприятно. Управлять планером стало еще сложнее. Я спустился ниже, и чуть не врезался в скалу. Наконец, все окуталось дымом, и пламя заплясало почти так, как в той местности, которую мне показал Бранд. Оно беспорядочно появлялось тут и там из расщелин, ям, зияющих пещер. Цвета стали необычными. Это я тоже видел и запомнил. Затем и скалы пришли в движение. Они плыли, словно лодки без руля. Туда, откуда появляются радуги. К этому времени воздушные потоки словно сошли

с ума: один восходил вверх за другим, словно фонтаны. Я боролся с ними, как мог, но было ясно, что в этом Отражении на такой высоте мне долго не удержаться. Я поднялся немного выше, забыв на время обо всем, и попытался выпрямить планер. Когда я снова посмотрел вниз, мне показалось, что я на гонках черных айсбергов. Скалы мчались, сталкивались, пятились, снова ударялись друг о друга, вертелись на месте, делали крутые виражи, проскальзывали одна мимо другой. Тут меня начало швырять вниз и вверх, и я увидел, что распорка не выдержала. Я в последний раз усилием воли подвинул Отражение и снова взглянул вниз. Вдалеке показалась башня. У ее основания что-то сверкало ярче льда и алюминия. Благодаря этому последнему усилию я и добрался до места. Стоило мне об этом подумать, как ветры словно сорвались с цепи. Лопнули сразу несколько тросов, и я начал снижаться со скоростью щепки в водопаде. Мне удалось приподнять нос планера, и он понесся над самой землей, словно дикий зверь. Я вовремя увидел, куда мы направляемся, и в последний момент выпрыгнул из него. Один из бродячих монолитов стер мой бедный планер в порошок. Это опечалило меня куда больше, чем все мои шишки, синяки и царапины вместе

взятые Но горевать было некогда, потому что мне тут же пришлось взять ноги в руки, так как на меня несся целый холм. Мы оба свернули и, к счастью, в разные стороны. Я понятия не имел, что движет скалами, и вначале не увидел в их суете никакой закономерности. Почва под ногами была то просто теплой, то почти раскаленной. Вместе с дымом и языками пламени из многочисленных отверстий вырывались зловонные газы. Я торопился к башне, поневоле то и дело петляя. Я шел долго. Не знаю сколько, так как часов у меня не было. Постепенно я стал замечать закономерность в этом передвигающемся хаосе. Во-первых, большие скалы двигались быстрее, чем маленькие. Во-вторых, они вращались одна вокруг другой, та вокруг третьей и так далее, без конца. Большие скалы вертелись вокруг маленьких и ни на секунду не останавливались. Вполне возможно, что первичным двигателем была какая-то пылинка или даже молекула. Не знаю, где она находилась, — ни времени, ни желания искать центр этой карусели у меня не было, Но все это я намотал на ус и ухитрился заранее предсказать несколько столкновений. И вот к черной башне Чайльд Рэндом идет… с мечом в одной руке и с пистолетом в другой.

Очки болтались у меня на шее. В этом дыму, да еще при сумасшедшем свете я не собирался надевать их до тех пор, пока не станет совсем туго. Не знаю, почему, но скалы не приближались к башне. Издалека казалось, что она построена на холме, но когда я подошел поближе, то понял, что скалы вырыли перед ней громадный ров. С моей стороны не было видно, стоит ли башня на острове или это полуостров, Я проскочил сквозь дым, миновал груды камней, лавируя между языками пламени, которые вырывались из трещин и ям, и наконец взобрался вверх по склону. Не доходя до вершины, я на несколько секунд остановился, перевел дух и надел очки. Приготовившись таким образом к встрече, выскочил на площадку и припал к земле. Да, очки пригодились. Я увидел, что зверь ждет меня. Ох, и страшен же он был! Особенно потому, что чудовище это отличалось какой-то странной красотой. Змеиное туловище величиной с бочку, голова, словно молот-гвоздодер, сужавшаяся к морде. Светло-зеленые глаза. И весь прозрачный, как стекло, а на туловище очень тонкие, еле заметные линии — что-то вроде чешуи. То, что текло в его венах, тоже было прозрачным. Все внутренние органы были как на ладони, матовые или словно затуманенные,

мутные. Наблюдая, что происходит у него внутри, можно было забыться. На голове и вокруг шеи зверя росла густая грива из стеклянной щетины. Увидев меня, чудовище подняло голову и скользнуло вперед, словно поток ожившей воды. Это была Река без русла и берегов. Но когда я увидел, что у него в желудке, то на миг оцепенел. Это был полупереваренный человек. Я поднял пистолет, прицелился зверюге в глаз и нажал на курок. Но пистолет не сработал. Я отшвырнул его, вскочил и прыгнул вправо, целясь мечом ему в глаз. Сам знаешь, как трудно убить любую рептилию. Я тут же решил попытаться ослепить чудовище, а потом отсечь ему язык. После этого мне было бы нетрудно хорошенько поработать мечом, пока чудище не останется без головы. Я надеялся, что зверь окажется вялым, ведь он недавно кого-то слопал. Если чудовище и было в это время неповоротливей, чем обычно, то, слава богу, что я не навестил его раньше. Оно молниеносно отдернуло голову, увернувшись от меча. Я потерял равновесие, и зверь ударил меня головой. Его морда скользнула по моей груди, и мне показалось, что меня долбанули здоровенной кувалдой. Я полетел вверх тормашками. Шлепнувшись на землю, я откатился подальше и остановился у

самого края насыпи. Пока я поднимался, чудовище развернулось, подползло поближе и снова взмахнуло головой, которая оказалось футах в пятнадцати надо мной.

Что и говорить, Жерар тут же бросился бы в атаку. Этот здоровенный чертяка шагнул бы вперед и своим громадным мечом разрубил бы зверя пополам. Потом страшилище, извиваясь в агонии, придавило бы его, и все кончилось бы для Жерара парой синяков или кровотечением из носа. Бенедикт бы не промахнулся. К этому времени оба глаза лежали бы у него в карманах, и он играл бы в футбол головой чудовища, одновременно составляя в уме примечания к Клаузевицу. Но они — настоящие герои! Я не просто стоял, направив меч острием вверх и вцепившись обеими руками в рукоять. Я уперся локтями в бедра и как можно дальше откинул голову. Больше всего мне хотелось бы дать деру и на этом закруглиться. Но я знал, что если я попытаюсь выкинуть такой фокус, то голова зверюги опустится и раздавит меня в лепешку. Из башни меня заметили. Оттуда доносились крики, но я не мог себе позволить оглянуться, чтобы узнать, что там происходит. Я, не отрываясь, следил за каждым движением чудища, ругая его при этом на чем свет стоит. Бей,

говорил я, и закончим это дело, каков бы ни был конец. Когда же оно ударило, я, чтоб не упасть, переступил с ноги на ногу, изогнулся и направил острие в цель. От удара левая сторона моего тела частично онемела. Мне показалось, что меня на добрый фут вогнало в землю, но я каким то чудом все же устоял на ногах. Ничего страшного не произошло. Как я рассчитывал, так и вышло! Вот только чудовище не захотело играть свою роль и биться в агонии. Вместо этого оно снова начало подниматься надо мной. И прихватило с собой мой меч. Рукоятка торчала в левой глазнице, острие вышло наружу через затылок и само казалось щетиной в гриве. Я почувствовал, что моя атака захлебнулась. В эту минуту из отверстия у основания башни выскочили люди. Они был неплохо вооружены и выглядели премерзко. И понял, что в этой драке они мне не помощники. Ну ладно. Я знаю, когда пора пасовать. Оставалось надеяться, что когда-нибудь мне придет карта получше.

— Бранд! — крикнул я. — Это я, Рэндом! Не могу к тебе пробиться! Прости!

Я повернулся, подбежал к краю насыпи и спрыгнул вниз, туда, где плясали скалы. На лету я спросил себя, удачно ли я выбрал время для

спуска. Как часто бывает, ответ был: и да, и нет. В других обстоятельствах я никогда бы не решился на подобный прыжок. Приземлился я живым, но на этом хорошие новости для меня кончились. Меня оглушило, и я долго считал, что сломал лодыжку. Но залеживаться не приходилось, сверху раздалось шуршание и стук падающих камней. Я надел очки, поднял голову и увидел, что зверюга решила преследовать меня, соблюдая принцип — око за око. Извиваясь, она ползла по склону, словно призрак. Голова чудовища в том месте, где я проткнул его, успела потемнеть и казалась матовой.

Я сел. Потом встал на колени, пощупал лодыжку и понял, что нога для меня плохая помощница. Вокруг не было ничего, что могло бы сойти за костыль. Ну что ж, придется ползти. Подальше отсюда. А что еще оставалось делать? Ползти, пока можно. Спасла меня скала. Она была небольшая, величиной с фургон, и двигалась довольно медленно. Когда я заметил ее, меня осенило: вот и транспорт, только надо взобраться на нее. Может быть, на ней будет не так опасно. Быстрым огромным скалам доставалось куда больше. Наблюдая за соседними валунами, я рассчитал их траекторию и скорость, пытаясь понять, как

движется вся система, готовя себя к прыжку на скалу и к путешествию на ней. Я слышал, как приближается зверь, слышал крики стражников на краю утеса. «Интересно, ставит ли кто-нибудь на меня? — промелькнуло у меня в голове. — А если ставит, то какая ставка?»

Когда пришло время, я был готов и без труда проскочил первую большую скалу, подождал, пока не промчится мимо другая. Пришлось рискнуть и перебежать дорогу третьей, иначе я бы не успел. Я оказался в нужном месте и в нужное время и схватился за выступы, которые присмотрел заранее. Футов двадцать валун тащил меня за собой, пока я не оторвался от земли, вполз на неуютную вершину и взглянул назад. Еще чуть-чуть и было бы поздно. Даже теперь я еще не был в полной безопасности. Зверюга тащилась за мной, следя здоровым глазом за вертящимися громадинами. Сверху донесся вопль разочарования. Стражники посыпались вниз по склону, что-то крича. Должно быть, подбадривая чудище. Я начал массировать лодыжку и постарался расслабиться, а зверюга проскочила позади первой скалы, которая как раз закончила очередной оборот.

Смогу ли я уйти в Отражение, прежде чем она

до меня доберется? Сомнительно. Правда, вокруг все непрерывно двигалось и менялось. Зверюга проскользнула мимо второй скалы. И вот она подбирается все ближе, ближе… Отражение, где ты? Скорей! Стражники были уже у подножия холма. Чудовище ждало, когда придет время проскочить последний спутник моего валуна. На следующем повороте… Взметнув свое туловище вверх, оно легко могло сдернуть меня с моего насеста. Скользя и кружась, я вцепился в самую ткань Отражения, погрузился в него, изменяя его структуру… возможное становилось вероятным, вероятное — реальным. Я почувствовал незаметнейшее изменение вокруг и понял, что это уже существует. Само собой, она появилась там, где нужно. Слепое на один глаз чудовище не могло ее увидеть. Огромная скала, мчавшаяся, словно потерявший управление грузовик. Конечно, расплющить зверюгу между двумя скалами было бы куда элегантнее, но у меня не было времени на тонкости. Я просто раздавил ее и оставил биться среди этих гранитных танков. Но через несколько мгновений произошло необъяснимое. Раздавленное, изуродованное тело внезапно оторвалось от земли и, извиваясь, поднялось в небо. Чудище летело под ударами ветра, уменьшаясь,

пока не исчезло.

Мой валун медленно, но безостановочно, уносил меня прочь. Все вокруг плыло. Тут стражники из башни посовещались и решили пуститься в погоню. Они отошли от подножия холма и были уже на равнине. Но это меня не особенно беспокоило. Прокачусь на своем каменном жеребце до границы Отражения и оставлю их на много миров позади. Короче говоря, у меня был единственный шанс — убежать от них. А что я мог сделать? Ведь застать их врасплох, безусловно, будет сложнее, чем зверюгу. И, в конце концов, они у себя дома, целы, невредимы и настороже. Я снял очки и вновь потрогал лодыжку. На секунду привстал, она очень болела, но все же выдерживала мой вес. Я снова улегся и стал обдумывать все, что произошло. Я потерял свой меч и был в дрянной форме. При таком раскладе сил мудрее всего было бы убраться отсюда, да побыстрее, что я и делал. Я много узнал об этом мире, в следующий раз у меня будет больше шансов на успех. Ладно…

Небо надо мной стало ярче, краски и оттенки уже не менялись, как им вздумается. Вскоре за тучами возникло сияющее пятно. Великолепно! Когда тучи рассеются, в небе снова будет сиять солнце. Мельком оглянувшись, я с изумлением

увидел, что стражники меня все еще преследуют. Очевидно, я не очень внимательно разделался с их двойниками в этом секторе Отражения. Если ты торопишься, то никогда не следует думать, что все предусмотрел. Итак… Я совершил еще один скачок. Валун постепенно изменил курс, изменил форму. Его спутники исчезли. Он двигался по прямой в направлении, которое должно было стать западом. Несомненно, это был уже иной мир. Но когда я опять оглянулся, крепкие парни все еще были позади. Правда, потом я немного оторвался от них, но отряд по-прежнему тянулся за мной. Ну что же, случается и такое. Либо я все еще не успокоился после всего, что со мной произошло, и сплоховал, прихватив их с собой, либо сохранил константу вместо того, чтобы подавить переменную. То есть, во время сдвига подсознательно потребовал, чтобы элемент погони сохранился. Я присмотрелся и определил, что меня преследовали другие типы, но гнались они все-таки за мной. Я опять потер лодыжку. Солнце стало ярким, оранжевым. Северный ветер поднял тучу пыли и песка. Она взметнулась сзади меня, и банда исчезла из вида. Я мчался на запад, где появилась линия гор. Время было в фазе искажения. Лодыжка болела немножко меньше.

Я немного отдохнул. Мой конь был довольно удобным. Незачем нестись сломя голову, если все идет великолепно. Я вытянулся, заложил руки за голову и стал смотреть на приближающиеся горы, думая о Бранде и о башне. Я не сомневался, что попал куда надо. Все было точно таким же, как в картине, которую он мне показал. Я решил как можно дальше пройти напрямик сквозь Отражения, набрать собственное войско, вернуться и всыпать им по первое число. Вот так-то будет лучше. Через некоторое время я потянулся, перевернулся на живот и посмотрел назад. Черт возьми, они еще были здесь! И даже ближе, чем раньше! Тут я, конечно, рассвирепел. Хватит удирать, черт возьми! Сами напросились, теперь пусть пеняют на себя! Я встал. Лодыжка почти не болела, только слегка отекла. Подняв руки, я искал нужные Отражения и нашел их. Скала медленно по дуге сворачивала направо. Вираж становился все круче. Я описал параболу и, постепенно набирая скорость, двинулся навстречу преследователям. Мелькнула мысль, что неплохо было бы устроить позади себя хорошенькую грозу. Жаль, время не позволяло. Стражников было не меньше двадцати пяти. Когда я ринулся на них, они благоразумно рассыпались в разные сторо-

ны. Правда, удалось это не всем. Я сделал крутой вираж и мгновенно развернулся. Вид нескольких трупов, поднимающихся в воздух, потряс меня. С них капала кровь. Два покойника уже парили высоко надо мной. Я налетел на стражников еще раз, но тут оказалось, что несколько этих парней успели на ходу вскочить на мою скалу. Первый из них взобрался на вершину и кинулся на меня с мечом. Я перехватил его руки, вырвал из них меч и сбросил его вниз. Вот тут-то я и узнал о шпорах на их руках. Он успел полоснуть меня ими. И тут в меня снизу полетели какие-то странные метательные снаряды. На вершину выбралось еще два типа, и было похоже, что еще несколько стражников не прочь прокатиться на моем каменном коне. Что же, даже Бенедикту иногда приходилось отступать. По крайней мере, уцелевшие будут долго помнить меня. Я оставил в покое Отражения, отсек правую руку одному из врагов, пнул его в живот, упал на колени, уклонившись от страшного удара второго, и полоснул его по ногам. Он тоже полетел вниз. Наверх карабкалось еще пятеро. Мы вновь плавно плыли на запад. Позади, на песчаной равнине с десяток оставшихся в живых готовились к новой атаке. В небе над ними было полно парящих трупов, из

которых капала кровь. Со следующим стражником я справился довольно легко, поймав его в тот самый момент, когда он перелезал через край. Оставалось четверо. Но пока я возился с этим, трое остальных выскочили на вершину камня. Я бросился на ближайшего и разделался с ним, но в это время двое других навалились на меня. Мне удалось отбросить их, но в это время на вершину выбрался еще один и кинулся им на помощь. Воины они были неважные, но на скале становилось тесновато, и вокруг меня так и мелькали острия и клинки. Я непрерывно парировал удары и двигался, стараясь, чтобы один из них оказался на пути второго и помешал ему. Отчасти мне это удалось. Когда я понял, что лучшей позиции мне не дождаться, я бросился вперед и получил пару царапин — пришлось немного открыться, но зато я раскроил одному из них череп. Падая, он зацепил второго, и оба клубком рухнули вниз. К сожалению, мой второй меч застрял в теле стражника, и этот неотесанный эгоист, падая со скалы, прихватил его с собой. Да, видно, в этот день мне было суждено терять мечи. Интересно, записано ли это в моем гороскопе? Может, следовало заглянуть туда, прежде чем отправляться в путь? Тут мне пришлось пошевеливаться, чтобы

увернуться от удара последнего стражника. Поворачиваясь, я поскользнулся в луже крови и упал на край площадки. Свались я вниз, и скала проехала бы прямо по мне, оставив за собой очень плоского Рэндома, смахивающего на экзотический коврик. Как восхищались бы и изумлялись им будущие путники! Я вцепился руками в скалу, пытаясь удержаться. Но стражник занес надо мной меч, чтобы покончить со мной так же, как я расправился с его приятелем. Но я вцепился ему в лодыжку и таким образом избежал рокового удара. И провались я сквозь землю, если в этот самый момент кто-то не попробовал вызвать меня через Карту.

— Некогда! — заорал я. — Перезвоните позже!

Тут я наконец остановился, а стражник, гремя оружием, упал и полетел мимо меня вниз. Я хотел было поймать его, пока он сам не успел стать ковриком, но чуть-чуть опоздал. Мне очень хотелось расспросить его кое о чем. Но, к сожалению, не удалось. Правда, настроения это мне не испортило. Я снова вскарабкался на вершину и уселся там, ведя наблюдение и размышляя о последних событиях.

Погоня осталась далеко позади. Пока что можно было не бояться того, что меня снова возьмут

на абордаж. Что ж, отлично! Я снова направился к горам. Мною же созданное солнце начинало припекать. С меня лились пот, кровь, раны болели, очень хотелось пить. Я решил, что пора хлынуть хорошему дождю. Остальным я займусь потом. Я начал подготовку. Появились тучи. Они сгущались, темнели… в какой-то момент я задремал. В бессвязных снах мне привиделось, будто кто-то опять пытается вызвать меня. Затем — сладостная тьма. Я очнулся от дождя, внезапного и сильного. Было темно, и я никак не мог понять, из-за грозы это или уже вечер. Может быть, гроза началась в сумерки. Жара спала и, расстелив плащ, я улегся на него и открыл рот. Время от времени я выжимал из плаща воду. В конце концов я утолил жажду и вновь почувствовал себя неплохо. Скала казалась такой скользкой, что я боялся пошевелиться. Приближались горы. Преследователей в темноте не было видно. Если они еще не оставили меня, то им пришлось очень не сладко. Когда путешествуешь по незнакомым Отражениям, предсказать что-либо невозможно. Я немного разозлился на себя за то, что заснул, но решил простить себя, поскольку ничего дурного из-за этого не произошло. Завернувшись в свой насквозь промокший плащ, я нащупал сигареты.

Оказалось, что уцелело почти полпачки. С восьмой попытки я добыл из глубины Отражения огонек. А потом просто сидел, курил и мок под дождем. Мне было хорошо, и несколько часов я не менял позы и не шевелился. Когда гроза наконец кончилась, и ночное небо прояснилось, я увидел, что оно полно незнакомых созвездий. Ночь была прекрасна, как бывают ночи в пустыне. Много позже я заметил, что скала, сбрасывая скорость, плавно пошла в гору. Что-то происходило с физическими законами, которые управляли этим миром. Склон был не настолько крут, чтобы так замедлить ход скалы. Мне не хотелось возиться с Отражением, чтобы не сбиться с пути. Я стремился как можно скорее оказаться в знакомых местах, где можно было поменьше полагаться на интуицию и побольше знать о природных явлениях. Поэтому я позволил скале остановиться, слез и пошел в гору пешком. По дороге я играл с Отражением в игру, которой мы научились в детстве. Проходя мимо чего-нибудь — чахлого деревца, большого камня — я менял небо так, чтобы с одной стороны от них оно было не таким, как с другой. Постепенно я восстановил знакомые созвездия. Я знал, что спущусь совсем не с той горы, на которую поднимался. Мои раны

все еще тупо ныли и пульсировали, но лодыжка болеть перестала и только слегка ныла и была припухшей.

Я отлично отдохнул и знал, что смогу идти еще долго. Казалось, все снова было в полном порядке. Подъем был длинным и постепенно становился все круче. Но в конце концов я вышел на тропинку, и идти стало легче. Я без отдыха взбирался все выше и выше, нигде не останавливался, мне хотелось до утра пройти через горы и оставить их позади. Небо снова стало знакомым. Моя одежда тоже изменилась вместе с Отражением. Теперь на мне были хлопчатобумажные брюки и куртка, а мокрый плащ превратился в сухое серапе. Неподалеку кричала сова, далеко внизу и сзади раздавались завывания койота. Эти знакомые звуки вызвали во мне ощущение спокойствия и безмятежности, стерли все следы отчаяния, оставшиеся после моего бегства. Примерно через час я не удержался от искушения чуть-чуть поиграть с Отражением. Почему бы где-нибудь в горах не бродить заблудившейся лошади? Естественно, я ее нашел. Минут через десять мы подружились, я вскочил на нее без седла и теперь поднимался в гору более удобным способом. Холодный ветер покрыл изморозью нашу тропинку, взошла луна,

и иней ожил, засверкал. Короче, я ехал всю ночь, перебрался через перевал и задолго до рассвета начал спуск. Гора надо мной казалась еще огромнее, что меня вполне устраивало. На этой стороне хребет порос зеленью. Его пересекали аккуратные дороги. Изредка встречалось чье-то жилье. Все шло, как я желал. Ранним утром я находился в предгорьях. Моя хлопчатобумажная пара превратилась в брюки цвета хаки и яркую рубашку. Впереди меня через спину лошади была перекинута легкая спортивная куртка. Высоко в небе реактивный лайнер дырявил небо от горизонта до горизонта. Надо мной пели птицы, день был солнечный и теплый. В этот момент я услышал, как кто-то произнес мое имя, и вновь почувствовал, что меня вызывают через Карту. Я остановился и ответил:

— Да.

— Ты где, Рэндом? — спросил Джулиан.

— От Амбера далековато. А что?

— Кто-нибудь еще с тобой говорил?

— Давненько ни о ком не слышал. Кто-то пытался связаться вчера со мной, но мне было не до разговоров.

— Это был я. Есть кое-какие новости, о которых тебе не мешало бы знать.

— Где ты?

— В Амбере. Тут в последнее время много чего произошло.

— А точнее?

— Слишком долго нет отца. Никто не знает, где он.

— Ну и что? Не в первый раз.

— На этот раз он не оставил никаких указаний и никому не передал власть. Раньше такого не бывало.

— Ты прав. А сколько это «слишком долго»?

— Больше года. Ты что, не знал об этом?

— Знал, что он исчез. Жерар как-то говорил.

— Значит, он пропал еще до вашего разговора.

— Понимаю. И что вы думаете делать?

— В том-то все и дело. Пока мы просто жили одним днем: возникнет проблема — решаем. Жерар и Каин по приказу отца и раньше ведали флотом. Все решения по этому вопросу они принимают сами. Я вновь командую патрулями в Арденне. Но центральной власти нет: некому решать споры, принимать политические решения, выступать от имени всего Амбера.

— Значит, нужен регент. Что, кинем на картах?

— Не так все просто. Мы считаем, что отец

погиб.

— Погиб? Почему? Как?

— Мы пробовали вызывать его через Карты. Вот уже полгода, как мы занимаемся этим каждый день. Никакого результата. Что ты думаешь по этому поводу?

— Вполне возможно, что он погиб, — сказал я. — Если бы он был жив, то наверняка ухитрился бы сообщить о себе. Но все же не исключено, что он попал в беду. Например, к кому-то в плен.

— Решетки для Карт не помеха. Для них вообще нет никаких преград. Их ничем не остановишь. Как только мы установили бы контакт, он тут же попросил бы о помощи.

— С этим трудно спорить, — ответил я, но подумал при этом о Бранде. — А может, он специально не хочет идти на контакт?

— Почему?

— Понятия не имею, но это не исключено. Сам знаешь, что он никого не посвящает в свои дела.

— Нет! — возразил Джулиан. — Это ерунда. Он бы обязательно оставил какие-нибудь указания.

— Ладно. Как бы то ни было, что ты предлагаешь?

— Кто-то должен занять трон, — ответил он.

Я с самого начала разговора понял, откуда дует

ветер, и только ждал, когда он сам перейдет к делу.

— Кто же? — заинтересовался я.

— Лучше всего на эту роль подходит Эрик. Фактически он царствует уже несколько месяцев. Осталось лишь выполнить кое-какие формальности.

— Он не хочет быть просто регентом?

— Не хочет.

— Ясно... Да, действительно, много чего у вас случилось, пока меня не было. А почему бы не выбрать Бенедикта?

— Ему, кажется, неплохо и в том Отражении, где он проживает.

— А что он сам об этом думает?

— Он не совсем с этим согласен, но мы считаем, что сопротивления с его стороны не будет. Поднялся бы слишком большой шум.

— Ясно. А Блейз?

— Они с Эриком крупно поспорили по этому поводу, но Блейз не командует войсками. Месяца три назад он уехал из Амбера. Позже он, конечно, может устроить заварушку. Но мы об этом знаем и помним постоянно.

— А Жерар с Каином?

— Они пойдут за Эриком. А ты?

— А девочки?

— Никаких проблем. Они принимают это безропотно.

— О Корвине, видимо…

— Никаких новостей. Он погиб, это всем известно. Его гробница за века покрылась пылью и заросла плющом. А если он и жив, то значит навсегда порвал с Амбером. Тут ничего не изменилось. А теперь хотелось бы знать, что ты думаешь об этом.

Я усмехнулся.

— Я в таком положении, что мое мнение вряд ли можно считать важным.

— И все-таки нужно знать и его.

Я кивнул.

— Я всегда умел определить, откуда дует ветер. И плевать против него не люблю.

Джулиан довольно улыбнулся.

— Вот и прекрасно.

— Когда коронация? Я думаю, меня пригласят?

— Конечно, конечно. Но день, еще не назначен, надо уладить кое-какие мелочи. Католиков звать не будем. Как только станет известен день, с тобой свяжутся.

— Спасибо, Джулиан.

— До встречи, Рэндом.

Перед тем, как продолжить спуск, я долго сидел в неподвижности. Мне было не по себе. Интересно, когда Эрик задумал это? Интриги в Амбере обычно зарождались очень быстро, но мне казалось, что эта ситуация готовилась тщательно и давно. Естественно, что, исходя из положения дел, я стал подозревать: не он ли подложил Бранду свинью? Потом у меня появилась мысль, что Эрик вполне мог приложить руку и к исчезновению отца. Конечно, это не так просто, ловушка должна была быть очень надежной, но чем больше я думал, тем больше мне казалось, что Эрик замешан в этой истории. Я даже вспомнил старые слухи, что и твое исчезновение, Корвин, не обошлось без него. Но так сразу я ничего не мог сообразить. Что ж, если это в наших интересах, почему бы не поплыть по течению, решил я. Не будем портить отношений с братом Эриком. И все же… Всегда надо выслушать обе стороны. Я ломал голову в поисках того, кто мог бы изложить мне эту историю в другом аспекте, с иной точки зрения. Раздумывая об этом, я оглянулся и взглянул наверх, чтобы посмотреть, далеко ли я отъехал от перевала. Что-то привлекло мое внимание. На перевале я увидел всадников. Очевидно, они ехали по той же дороге, что и я. Они были еще

далеко, но было видно, что их не меньше десятка. Подозрительно — столько народу вдруг решило прогуляться именно в это время и именно в этом месте. Когда я заметил, что они спускаются вниз тем же путем, что и я, по моей спине поползли мурашки. Что, если… а вдруг, это те же мерзавцы? Интуиция подсказывала мне, что это именно они. Одному против такой толпы мне не устоять. Даже с двумя я расправился бы шутя. Но на этот раз их слишком много. Но дело даже не в этом, а в том, что если это они, значит, не только мы можем делать с Отражениями все, что захотим, значит, еще кто-то может показывать фокус, который я всю жизнь считал монополией нашей семьи. Плюс ко всему они охраняли Бранда, следовательно, от них трудно было ожидать благосклонности к нам. По крайней мере сейчас. При мысли, что враги могли овладеть нашим главным оружием, меня прошиб холодный пот. Конечно, на таком расстоянии невозможно было разглядеть, они ли это. Да и почему это должны быть именно они, — подумалось мне. Но если хочешь быть победителем в игре на выживание, надо учитывать любую возможность. Может, Эрик разыскал или создал какую-то особую расу, и они служат ему? Или он каким-то образом выучил их? Вместе

с тобой и Эриком, Бранд был одним из самых законных претендентов на трон... Да, я ничего не имею против тебя, черт побери! Сам знаешь, в чем дело! Просто я рассказываю, о чем думал в тот момент, вот и все. Так вот, если бы Бранд мог предъявить претензии на трон, с ним было бы очень нелегко справиться. Ты был не в счет, и если вести речь о законности, он оставался главным соперником Эрика. Когда я мысленно связал это с его судьбой и с тем, что эти ребята могли пересекать Отражения, Эрик мне совсем разонравился. Эти мысли были куда страшнее самих всадников, хотя я не мог сказать, что их появление привело меня в восторг. Я пришел к выводу, что пора поскорее переговорить с кем-нибудь в Амбере и отправиться через Карту домой. Порядок. Я сразу решил, что лучше всего связаться с Жераром. Он достаточно откровенен и нейтрален. Почти всегда честен. И из слов Джулиана я понял, что на все это дело ему наплевать. То есть он не собирается активно сопротивляться Эрику, не хочет поднимать шум. Но это не означает, что Жерар на его стороне. Вполне возможно, что консервативность и нежелание рисковать у старины Жерара просто в крови. Приняв решение, я полез за Картами и чуть не взвыл. Карт не было!

Я перерыл все карманы одежды, которая была на мне. Когда я улетал из Тексорами, они были со мной. Во вчерашней заварушке я мог легко потерять, выронить их. Меня дубасили с утра до вечера и швыряли, как попало. Да и вообще, в этот день у меня все пропадало. Я смачно выругался и ткнул пятками под ребра свою лошадь. Теперь придется быстро ехать и еще быстрее думать. Для начала было бы прекрасно попасть в какое-нибудь местечко полюднее, где примитивному убийце будет не так легко развернуться… Я несся по склону холма, направляясь к одной из дорог, и усиленно работал с тканью Отражения, на сей раз очень осторожно используя свое искусство. В этот момент мне больше всего хотелось окончательно разделаться со своими преследователями и поскорее оказаться в безопасности. Окружающий меня мир замерцал, в последний раз подпрыгнул и превратился в Калифорнию, которую я искал. Я услышал скрежетание и грохот. Мой последний штрих. Оглянувшись, я увидел, что часть утеса сорвалась и, словно в замедленной съемке, поползла прямо на всадников. Чуть позже я спешился и пешком направился к дороге. Моя одежда стала еще лучше и новее. Я не знал, какое стояло время года, и меня очень интересовало, какая погода

сейчас в Нью-Йорке. Вскоре появился автобус, которого я поджидал. Я остановил его, уселся у окна и, покуривая, стал разглядывать пейзаж. Вскоре я задремал. Проснулся я лишь вечером, когда мы прибыли на конечную остановку. Страшно хотелось есть, и я решил перекусить, а затем направиться на такси в аэропорт. На свои бывшие тексорамские зелененькие я взял три «чизберга» и пару пива.

Пока меня обслуживали, пока я ел, прошло минут двадцать. Выйдя из закусочной, я увидел, что на стоянке стоят несколько свободных машин. Но перед тем, как сесть в машину, я решил заглянуть в туалет. И тут, в самый ответственный момент, двери шести кабинок за моей спиной распахнулись и те, кто там прятался, набросились на меня. Шпоры на жилистых руках, громадные челюсти, горящие глаза — ошибки быть не могло. Они не просто нагнали меня, их одежда теперь ничем не отличалась от одежды любого местного. У меня исчезли последние сомнения в том, что они имели власть над Отражениями. К счастью, один из них опередил остальных. К тому же по моему сложению они вряд ли могли догадаться о моей силе. Увернувшись от острых шпор, дарованных ему природой, я схватил набросившегося на меня

первым за руки, поднял над головой и швырнул в остальных. Затем дал деру, высадив при этом дверь туалета. Я даже ширинку не застегнул до тех пор, пока не влетел в такси и не приказал шоферу нестись так, чтобы у него резина дымилась. Все, с меня хватит. Мне нужно было не просто очутиться в безопасности. Я хотел найти Колоду Карт и рассказать об этих ребятах кому-нибудь из нашего семейства. Если это люди Эрика, то об этом должны узнать и другие, если же нет, то рассказать о них надо и Эрику. Раз они могут без труда перемещаться по Отражениям, то, может быть, это умеют и другие? Откуда бы они ни взялись, но в один прекрасный день оттуда могла возникнуть угроза и для самого Амбера. А вдруг… нет, представим себе, что никто из домашних не связан с ними. Что, если отец и Бранд стали жертвами врага, о котором мы и не подозревали? Тогда, значит, затевалось что-то крупное и опасное для всех нас, и я оказался в самой гуще событий. Я им позарез нужен. У меня разыгралось воображение. Может быть, они заготовили для меня какую-нибудь ловушку? Может, те, кого я видел, тут не одни? Мне пришлось обуздать свои эмоции. Не спеши, сказал я себе, будем действовать по обстоятельствам. Больше нам ничего не

остается. Отделим чувства от мыслей, по крайней мере, попробуем это сделать. Это — Отражение сестрицы Флоры. Она живет на другом краю континента, в месте, которое называется Уэстчестер. Добраться до телефона, узнать номер и позвонить ей. Сказать, что дело не терпит отлагательств, и попросить убежища. Она не сможет отказать, хотя и на дух меня не выносит. Потом — в самолет и поскорее к ней. По дороге можно думать, сколько хочешь, а сейчас — спокойнее, спокойнее. Я позвонил из аэропорта, трубку поднял ты, Корвин. Эта неожиданность пустила по ветру все мои уравнения — чтобы ты ни с того ни с сего объявился именно в этом месте, в это время, в разгар такой заварухи! Когда ты предложил мне защиту, я обеими руками ухватился за твое предложение, и не только потому, что защита мне совсем не помешала бы. Возможно, я и сам бы справился с оставшейся шестеркой. Дело было не в этом. Я решил, что это твои люди! Я вообразил, что все это время ты ждал своего часа. Теперь, подумал я, ты готов. Это объясняет все. Ты управился с Брандом, а теперь с помощью своих марионеток собираешься вернуться и поймать Эрика на месте преступления. Я хотел быть на твоей стороне, и потому, что ненавидел Эрика, и потому, что знал,

как тщательно ты готовишься к любой операции. Ты всегда добиваешься того, чего хочешь. Чтобы проверить твою реакцию, я ввернул, что меня преследуют какие-то типы из Отражения. Ты, правда, ничего не сказал, но что это доказывает? Я решил, что либо ты осторожничаешь, либо не знаешь, где я был. Возможность того, что я лезу прямо в ловушку, была не исключена, но у меня и так было хлопот полон рот, да и не настолько я важная птица, чтобы тебе понадобилось избавляться от меня. Особенно, если я предложу тебе свою поддержку, что я сделаю с большой охотой. Я сел в самолет и провалиться мне на этом месте, если чуть позже не влезла та же шестерка и не полетела вместе со мной. «Это что, почетный эскорт Корвина?»— подумал я. Ну их, эти предположения… В аэропорту я снова стряхнул их и помчался к Флоре. Затем я повел себя так, будто ни о чем не догадываюсь, чтобы увидеть, как поведешь себя ты. Когда же ты помог мне разделаться с этими типами, я просто обалдел. Ты и правда ничего не знаешь, или решил пожертвовать несколькими солдатами, чтобы я ни о чем не догадался? Ладно, решил я, мне ничего неизвестно, пока я твой союзник, а там увидим, что у тебя на уме. Когда ты разыграл комедию, чтобы

скрыть потерю памяти, я все принял за чистую монету. А когда узнал правду, было уже слишком поздно. Мы были на пути в Ребма, и ты ничего не понял из моего рассказа. После коронации Эрика я ничего не собирался ему рассказывать. Я был его пленником и не желал ему ничего хорошего. Мне даже пришло в голову, что когда-нибудь эти сведения могут мне пригодиться. Дать мне, например, свободу, если угроза осуществится. Что касается Бранда, то кто бы мне поверил? А если бы и поверили, никто кроме меня не знал дорогу в это Отражение. Как ты думаешь, освободил бы меня Эрик по этой причине? Да он рассмеялся бы и сказал, чтобы я выдумал что-нибудь поумнее. От Бранда больше не было никаких вестей. Ни для меня, ни для других. Все говорило о том, что он погиб. Вот и вся история. Думай сам, что все это значит…

Я внимательно смотрел на Рэндома и вспоминал о том, как великолепно он играл в карты. По его лицу невозможно было понять, лжет он или говорит правду, полностью ли или частично. С таким же успехом я мог бы рассматривать бубнового валета, через который с ним, по его словам, связался Бранд. Разве такое можно выдумать? В рассказе Рэндома было достаточно таких деталей,

которые придавали ему правдоподобие.

— Как говорили Эдип, Гамлет, Лир и все прочие: «Жаль, что я не знал об этом раньше», — сказал я.

— Раньше в этом не было необходимости, — ответил Рэндом.

— Твоя правда, — согласился я. — Жаль только, что твой рассказ не только ничего не объясняет, но еще больше запутывает дело. Вот уж не думал, что это возможно! Итак, к подножию Колвира ведет Черная дорога. Она проходит через Отражения, и по ней в Амбер прет всякая чертовщина. Мы не знаем, какие силы стоят за этим, но, очевидно, что в этом есть и моя вина, потому что все это связано с моим проклятием. Да, я проклял вас! Но проклятие проклятием, а все сводится в конце концов к чему-то осязаемому, реальному, с чем можно бороться. Чем мы и займемся. Но всю неделю меня мучает один вопрос: при чем тут Дара? Кто она на самом деле? Или что она? Почему она так рвалась в Лабиринт? Как ей удалось пройти его? И эта ее последняя угроза. «Амбер погибнет», — заявила она. И все это произошло одновременно с нападением с Черной дороги. Это не совпадение, а части одного плана, все указывает на то, что в Амбере завелся предатель.

Смерть Каина, записки… Либо кто-то здесь помогает внешнему врагу, либо сам стоит за этим. А теперь через большерукого парня все это связывается с исчезновением Бранда. — Я толкнул труп ногой. — Очень похоже, что смерть или исчезновение отца — тоже часть того же плана. Если это так, то мы имеем дело с огромным заговором, все детали которого, одна за другой, придумывались годами, а может и сотнями лет.

Рэндом пошарил в буфете, стоявшем в углу, извлек бутылку и два кубка. Затем он наполнил их, подал один кубок мне и вернулся в свое кресло. Мы молча выпили за тщетные усилия.

— Ну что ж, — начал он, — заговоры у нас — любимое развлечение, а времени у всех было предостаточно. Мы оба молоды и не помним братьев Озрика и Финндо, которые отдали жизнь за Амбер. Однако, после разговоров с Бенедиктом у меня создалось впечатление, что…

— Точно, — продолжил я, — что они так серьезно задумались о троне, что их геройская смерть за Амбер стала необходимой. Об этом я тоже слышал. Правда это или нет, мы никогда не узнаем. Не сомневаюсь, что нечто подобное уже пытались провернуть. Почти все мы способны на такое. Но кто именно? Пока мы этого не узна-

ем, мы в невыгодном положении. Любой удар, нанесенный нами по внешнему врагу, скорее всего отсечет лишь одну голову дракона. Давай, выкладывай свою идею.

— Корвин, — сказал Рэндом, — честно говоря, под это можно подвести каждого, и меня в том числе: жизнь на положении пленника и все такое прочее. В самом деле, это же прекрасное прикрытие! Я бы получил колоссальное удовольствие от того, что, притворяясь беспомощным, дергал бы за веревочки, заставляя плясать остальных под свою дудку. Как и любой другой. У каждого из нас есть свои мотивы, свои амбиции. И за все эти годы у нас было достаточно времени и возможностей, чтобы заложить фундамент какой-либо интриги. Нет! Искать виновника таким способом — дело бесполезное. В эту категорию попадают все. Давай-ка лучше подумаем, что, кроме мотивов и возможностей, должно отличать такую личность. По-моему, нужно подумать о том, какими методами он действует.

— Хорошо, начинай.

— Кто-то из нас знает об Отражениях больше остальных. У него есть союзники, которых он приобрел где-то далеко. Все это он направил против Амбера. Идем дальше. По внешнему виду

человека не догадаешься, что он знает об Отражениях. Но давай подумаем, где он всему этому научился, пока Дворкин был еще жив и охотно давал уроки?

Я уставился в свой кубок. Очень может быть, что Дворкин и сейчас жив! Он помог мне спастись из подземелий Амбера. Я никому не рассказывал об этом. И не собирался рассказывать. Во-первых, Дворкин был сумасшедший — за это отец и упек его в тюрьму. Во-вторых, властвовал над силами, которых я не понимал, и поэтому мог быть очень опасен. Но с другой стороны, для того, чтобы расположить его к себе, понадобилось лишь немного лести и воспоминаний. Я подозревал, что будь Дворкин здесь, я бы управился с ним без труда. Все это я намотал себе на ус. Кто знает, может, и это когда-нибудь пригодится? В настоящее время я не видел причин изменять свое решение. К чему?

— Бранд и вправду все время околачивался возле Дворкина, — я, наконец понял, к чему клонит Рэндом. — Его всегда интересовали подобные вещи.

— Вот именно, — откликнулся Рэндом, — совершенно ясно, что он знал больше всех нас, если уж ухитрился связаться со мной без Карты.

— Ты считаешь, что Бранд заключил сделку

с врагами, открыл им дорогу, а потом, когда он больше был не нужен, они избавились от него?

— Совсем не обязательно. Хотя вполне возможно. Я думал о другом. Я не скрываю, что он мне нравился. Сдается, что он знал достаточно и догадался, что с Картами, Лабиринтом и Отражениями вокруг Амбера творится что-то неладное. А затем он допустил ошибку. Скорее всего он недооценил предателя и решил сойтись с ним один на один, не обращаясь к отцу или Дворкину. Что же дальше? Враг оказался сильнее и заключил его в ту самую башню. Либо он слишком уважал Бранда и не захотел убивать его без надобности, либо рассчитывал позже как-то использовать его в своих целях.

— Звучит вполне правдоподобно, — заявил я, но мне захотелось добавить: «И хорошо сочетается с твоим рассказом». И полюбоваться его непроницаемым выражением лица, однако одно воспоминание удерживало меня. Когда я был у Блейза, еще до нашей атаки на Амбер, я дурачился с Картами и неожиданно, на мгновение, поймал Бранда. Он успел передать, что находится в плену, и контакт прервался. Это действительно хорошо сочеталось с рассказом Рэндома. Поэтому я сказал другое:

— Если он может указать виновного, значит, надо возвратить его домой, и пусть показывает.

— Я надеялся, что ты это скажешь, — подвел итог разговору Рэндом, — Я привык доводить такие дела до конца.

Я встал, взял бутылку, снова наполнил кубки, отхлебнул вина и закурил новую сигарету.

— Но перед тем, как мы займемся Брандом, надо решить, как помягче сообщить о смерти Каина. Да, кстати, где Флора?

— В городе, наверно. Утром была тут. Я ее разыщу.

— Сделай милость. Насколько я знаю, никто, кроме нас и Флоры, не видел этих типов, а она познакомилась с ними, когда они вломились в ее уэстчестерский дом. Надо, чтобы она была под рукой, на случай, если придется подтвердить, что это за мерзавцы. И мне необходимо кое о чем ее расспросить.

Рэндом допил вино и встал.

— Ладно, сейчас займусь. Куда ее привести?

— Ко мне. Если меня не будет, подождите.

Он кивнул. Я встал вместе с ним и вышел в зал.

— У тебя есть ключ от этой комнаты? — спросил я. — Возьми-ка его и запри комнату, чтобы никто

сюда раньше времени не сунулся.

Рэндом запер дверь и отдал мне ключ. Я проводил его до первой лестничной площадки и направился к себе. Из своего сейфа я вынул Камень Правосудия — рубиновый кулон, дававший отцу и Эрику власть над погодой вокруг Амбера. Перед смертью Эрик объяснил мне, как настроить его на себя. Но до сих пор у меня не было времени. Сейчас его тоже не было, но, беседуя с Рэндомом, я решил, что придется его найти. Я отыскал записки Дворкина под камнем у камина Эрика. Об этом он мне тоже сказал, умирая. Мне очень хотелось знать, где сам Эрик наткнулся на них, потому что они были неполными. Я вытащил заметки из сейфа и еще раз просмотрел их. Все совпадало со словами Эрика. Но, кроме того, говорилось, что Камень можно использовать не только в метеорологических целях. Управление погодой было почти случайной, хотя и впечатляющей демонстрацией возможностей Карт, Лабиринта и физической целостности самого Амбера, не говоря уже об Отражениях. К сожалению, детали отсутствовали. Но чем больше я напрягал память, тем больше находил намеков на это. Отец редко использовал Камень, и хотя утверждал, что он служит для управления погодой, далеко не всегда

после появления рубина, она менялось. Он часто брал Камень с собой, отправляясь в свои странствия. Поэтому я вполне готов был поверить, что дело тут не только в погоде. Эрик, видимо, рассуждал так же, но и он не смог разнюхать, для чего еще служит Камень. Когда мы с Блейзом атаковали Амбер, он воспользовался лишь известными силами Самоцвета. То же самое сделал он и на прошлой неделе, когда на город напали твари с Черной дороги. В обоих случаях Камень хорошо послужил Эрику, хотя этого оказалось недостаточно для спасения его жизни. Посему я решил, что пора мне научиться пользоваться Самоцветом, и чем скорее, тем лучше. Любое, даже самое незначительное преимущество может оказаться решающим, К тому же все увидят, что я ношу Самоцвет, а это тоже не помешает. Особенно сейчас.

Я снова спрятал записки в сейф, положил рубин в карман и стал спускаться вниз по лестнице. Я проходил по залам и, как всегда, у меня возникло такое чувство, будто я никогда не покидал их. Здесь мой дом, то, что я люблю больше всего. Я вернулся домой, чтобы предъявить свои права на корону, вырвать ее из лап Эрика и покрыть себя славой. Чтобы царствовать. И вдруг все

пошло через пень-колоду. Вскоре я понял, что Эрик допустил ошибку. Если он и в самом деле расправился с отцом, то не имел права на корону. Похоже, он слишком поторопился. В любом случае коронация еще более раздула его и без того непомерное самомнение. Я жаждал власти и знал, что могу захватить ее. Но было бы не менее безответственно сделать это сейчас, когда мои войска расквартированы в Амбере, когда меня подозревают в убийстве Каина, когда я внезапно распознал признаки фантастического заговора, когда еще оставалась вероятность того, что отец жив. Несколько раз мне казалось, что мы устанавливали контакт, и в одном из таких случаев, много лет назад, он назвал меня своим наследником. Но в ход было пущено столько лжи и обмана, что я получил травму головы, в результате чуть не лишился памяти. Все это было в прошлом, а теперь я хорошо знал, чего хочу. В мозгу человека творятся престранные вещи. Я даже своему разуму и то не доверял. Может быть, все это мне привиделось. С тех пор много воды утекло. Такова цена жизни в Амбере, подумал я, даже себе не доверяешь. Интересно, что сказал бы по этому поводу Фрейд? Правда, он не мог вылечить мою амнезию, но кое-какие догадки насчет моего отца

и наших с ним отношений были очень близки к истине, хотя в то время я этого не понимал. Жаль, что нельзя было еще раз поговорить с ним. Я прошел через мраморную столовую в темный узкий коридор. Кивнув стражнику, вернулся к двери, вышел на платформу, пересек ее и начал спуск. Бесконечная винтовая лестница, ведущая в недра Колвира. Ступени. Иногда огни. За ними тьма. Казалось, что на полпути все изменялось: я уже действовал не по собственной воле, меня вынуждала двигаться какая-то непонятная сила. Она гнала меня, словно барана. Каждое движение вело к следующему. Когда все это началось? Может быть, много лет назад, и я лишь сейчас заметил и осознал это? Может быть, все мы жертвы, но никто не может сказать, почему и до какой степени? Какая ниша для патологических мыслей? Зигмунд, где ты? Я всегда хотел стать королем больше всего на свете. Я и сейчас хочу стать королем. Но чем больше я узнаю, тем больше мне кажется, что я не более чем королевская пешка в шахматной партии Амбера. До меня дошло, что это чувство возникло у меня давно. Оно росло, и все это мне очень не нравилось. Но никому из живущих сейчас и живших до меня не удавалось избежать ошибок, утешал я сам себя. Если моя

интуиция не подвела меня, то с каждым звонком мой Павлов, тот, что экспериментировал со мной, все ближе и ближе подходил к моим клыкам. Скоро, теперь уже совсем скоро, я знал, что ждать оставалось недолго. Я подпущу его совсем близко. А потом уж мне придется позаботиться о том, чтобы ему не удалось уйти или снова возвратиться. Поворот, еще поворот, ниже и ниже, тут и там огни, мои мысли словно нитки в клубке, сматываются и разматываются, я ни в чем не уверен. Где-то внизу металл скрежещет о камень. Ножны стражника. Он встает. Колеблющийся свет поднятого фонаря.

— Лорд Корвин…

— Здравствуй, Джейми.

Спустившись на дно, я взял с полки фонарь, зажег его, повернулся и направился к туннелю, толкая перед собой тьму. Шаг за шагом. Наконец-то туннель. Вверх по нему и считать боковые проходы. Мне нужен седьмой. Эхо, тени. Плесень и пыль. Ну вот и проход. Повернуть. Теперь уже близко. Наконец-то огромная, темная, обитая железом дверь. Я отпер ее и толкнул изо всех сил. Она скрипела, не поддавалась и наконец распахнулась внутрь. За дверью справа я поставил на пол фонарь, больше он не был нужен: сам

Лабиринт давал достаточно света. Несколько секунд я разглядывал Лабиринт, сияющую массу кривых линий, проследить за которыми было невозможно. Вот он, огромный, замурованный в блестящий, черный пол. Он дал мне власть над Отражениями, он почти полностью восстановил мою память. Но он же в один миг уничтожит меня, если я попробую пройти его не так, как надо. Поэтому я испытывал к Лабиринту благодарность, смешанную с изрядной толикой страха. Это была старая таинственная фамильная реликвия, которая хранилась там, где ей и следовало быть. В подземелье. Я подошел к тому углу, где начинался узор, собрал в комок волю, расслабился и ступил левой ногой в Лабиринт. Не останавливаясь, я шагнул вперед и почувствовал, как пошел ток, голубые искры очертили мои сапоги. Еще шаг. Теперь я услышал явственное потрескивание и почувствовал сопротивление, пока еще легкое. Я быстро прошел первый вираж, стараясь как можно быстрее дойти до Первой Вуали. Когда я добрался до нее, мои волосы шевелились, а искры становились все длинней и ярче. Сопротивление усилилось. Каждый шаг давался трудней, чем предыдущий. Треск становился громче, ток сильнее. Мои волосы встали дыбом, искры так и

летели с меня. Не отрываясь, я смотрел на огненную линию передо мной и пробивался дальше. Внезапно давление исчезло. Я пошатнулся, но продолжил путь. Первая Вуаль осталась позади, и меня охватило чувство облегчения. Я вспомнил, как в последний раз проходил Лабиринт в подземном городе Ребма. После этого ко мне стала возвращаться память. Да. Я шел дальше, искры снова стали больше, токи возросли, все тело стало пощипывать. Вторая Вуаль… Углы… здесь требовалось максимальное напряжение сил. Казалось, все твое существо переходило в чистую энергию. Это было неистовое, беспомощное ощущение. В этот момент для меня не существовало ничего, кроме необходимости пройти Лабиринт. Я всегда был здесь, пробиваясь вперед, никогда не покидал его, всегда буду в нем, вечная борьба моей воли против сил Лабиринта. Время исчезло. Осталось лишь напряжение. Искры дошли мне до пояса. Я вошел в Большой Вираж и с трудом прошел его. На каждом шагу я умирал и вновь возрождался, сгорая в пламени творения, замерзал в холоде энтропии. Вираж кончился. Дальше, дальше. Поворот. Еще три виража, прямая, несколько дуг. Головокружение. Ощущение, словно я исчезаю и снова возникаю, вибрируя

между небытием и существованием. Поворот… поворот, поворот, еще поворот… короткая, крутая дуга… прямая, ведущая к последней Вуали. К этому времени я, должно быть, задыхался, с меня лил пот, но потом я ничего не помнил. Я едва передвигал ноги, искры были уже по плечи. Они ослепили меня, и я больше не видел Лабиринта. Шаг, еще шаг… вот она. Я протащил правую ногу вперед. Вот как чувствовал себя Бенедикт, когда черная трава спутала ему ноги! Перед тем, как я стукнул его по затылку. Я чувствовал себя так, будто меня с ног до головы обработали дубинкой. Левая нога вперед… так медленно, что трудно было понять, движется ли она на самом деле. Мои руки — голубые вспышки, ноги — огненные столбы. Еще шаг, еще, еще. Я чувствовал себя медленно оживающей статуей, тающим снеговиком, прогибающейся балкой… еще два шага… три… я двигался, словно покрытый льдом, но все же управлял своими движениями. Времени у меня была целая вечность, воля моя была несгибаемой. Она поможет… если что. Вуаль осталась позади. За ней была короткая дуга. Три шага во тьму и — спокойствие. Эти шаги оказались самыми трудными.

Когда я вышел из Лабиринта, первая мысль

была: обеденный перерыв у Иосифа! Вторая: опять прошел! И третья: все, это в последний раз! Я позволил себе несколько раз глубоко вздохнуть и немного встряхнуться. Затем я вытащил из кармана Самоцвет, поднял его за цепочку и поднес к глазам. Конечно, внутри он красный с дымчатым отливом, сияющий. Казалось, что, пока я находился в Лабиринте. Камень впитывал в себя свет и блеск. Я все еще смотрел на него, повторяя про себя команды, сравнивая их с теми, что я уже знал. Человек, который прошел Лабиринт, может перенестись, куда угодно. Нужно лишь мысленно представить себе это место. И еще нужно очень хорошо хотеть этого и иметь волю. Если все пройдет нормально… то я все же могу угодить в коварный капкан. На какой-то момент мне стало страшно. Но Эрику это удалось. Не оказался же он в сердцевине Самоцвета, где-то в Отражении. Дворкин, написавший эти заметки, был великим человеком, и я верил ему. Собравшись с мыслями, я еще внимательнее всмотрелся в глубь Камня. Внутри него было искривленное отражение Лабиринта, окруженное огоньками — мигающими, крохотными язычками пламени, другими виражами и тропинками. Я решился и сосредоточил волю. Краснота и замедленное

движение. Словно я погружался в вязкий океан. Дрейф… во тьме, все красные огоньки так далеко впереди… скорость медленно нарастала. Далекие, прерывистые вспышки. Кажется, еще быстрее. Ориентироваться не по чему. Я был точкой сознания неизвестных размеров. Я чувствовал движение, видел фигуру, в которой двигался, теперь уже быстрее. Краснота почти исчезла, казалось, меня ничто не окружало. Сопротивление исчезло, я несся все быстрее и быстрее. Все это произошло в одно мгновение. Я несся к цели с огромной скоростью. Маленький, кривой Лабиринт рос, становился трехмерным отражением нашего Лабиринта. Он увеличивался у меня на глазах, освещенный языками разноцветного пламени, подобно странной галактике, буйствующей в вечной ночи и в ореоле сияющей бледным огнем пыли, с протуберанцами из бесчисленных точек. Лабиринт рос или я уменьшался, он приближался ко мне или я к нему, мы были близко, совсем рядом, он заполнил собой все, сверху донизу, справа налево, и моя скорость все возрастала. Сияние захватило, ошеломило меня. Я увидел протуберанец и понял, что это вход. Я был слишком близко к Лабиринту, фактически заблудился в нем и уже не мог различить его общую

форму. Но то, что я видел — изгибы, мерцания, переплетения — окружало меня со всех сторон. Мне показалось, что трех измерений не хватит, чтобы объяснить невероятную сложность простирающегося Лабиринта. Я отбросил сравнение с галактикой, мой мозг кинулся в другую крайность. Я думал об субатомном гильбертовском пространстве с бесконечным числом измерений. Но это была метафора, вызванная отчаянием. По правде говоря, я просто ничего не понимал. А кто мог понять? Во мне росло чувство, то ли инстинктивное, то ли возникшее под влиянием нашего Лабиринта, что я должен пройти и через это переплетение и овладеть той новой властью, которую искал.

Я не ошибся. На той же огромной скорости я влетел в Лабиринт — меня вертело, несло по горящим проходам, я пролетел по нематериальным облакам блеска и света. Я не ощущал сопротивления, как в нашем Лабиринте. Казалось, что первоначального импульса хватит, чтобы пролететь его насквозь. Вихревая прогулка по Млечному пути? Утопленник, которого несет по коралловым каньонам? Воробей, страдающий бессонницей, который вечером 4 июля пролетает над парком? Такие смутные мысли возникают

у меня в голове, когда я вспоминаю об этом. Я влетаю, все, конец, вспышка ярко-красного цвета, и я смотрю на самого себя, стоящего у Лабиринта и держащего в руке кулон с Камнем. Я смотрю на подвеску, Лабиринт внутри нее, внутри меня, я внутри него, краснота отступает, гаснет, исчезает. Потом только я, подвеска и Лабиринт — и больше ничего. Связи между объективным и субъективным восстановлены, только все на октаву выше, иначе я никак не могу это выразить. Потому что теперь я обладаю какой-то эмпатией! Я словно приобрел еще одно чувство, еще один способ выражения. Странное и приятное ощущение.

Горя желанием проверить себя, я снова собрался и приказал Лабиринту перенести меня в другое место. Я стоял в круглой комнате на вершине самой высокой башни в Амбере. Я пересек ее и вышел на крохотный балкончик. Контраст с только что закончившимся путешествием был разителен. Несколько долгих мгновений я стоял, не шевелясь, и смотрел. Море переливалось разными оттенками, часть неба была затянута тучами. Приближался вечер. В тучах мягкие, яркие тона чередовались с резкими тенями. Ветер дул с берега в море, и я не чувствовал запаха соли.

Высоко над водой черными точками парили

птицы. Подо мной расстилались дворцовые постройки и террасы города, простирающиеся во всем своем вечном изяществе до подножия Колвира. Крошечные люди толпились на улицах. Их движения были неразличимы. Я почувствовал себя очень одиноким. Я прикоснулся к Камню и приказал разразиться грозе.

Когда я вернулся к себе, Рэндом и Флора уже поджидали меня. Рэндом взглянул на Камень, а потом на меня. Я кивнул. Повернувшись к Флоре, я слегка поклонился:

— Сестренка, сколько лет, сколько зим!

Было похоже, что Флора слегка напугана. Неплохо, неплохо… Но она улыбнулась и взялась за мою руку.

— Братец, — проворковала она, — я вижу, ты сдержал свое слово.

Волосы ее были бледно-золотые. Флора подрезала их, но оставила челку. Я никак не мог понять, нравится ли мне ее прическа или нет. Волосы у Флоры были просто чудесными. В прекрасных голубых глазах пряталась бездна тщеславия, благодаря чему она все видела так, как ей хотелось. Иногда казалось, что она непроходимо глупа, но иногда я не знал, что и думать, настолько поражала меня ее проницательность.

— Извини, что я пялю на тебя глаза, но при нашей последней встрече я не успел толком тебя рассмотреть.

— Я очень рада, что твои дела уладились. Все это было так… знаешь, я ничего не могла сделать.

— Знаю….. — проронил я, вспоминая ее мелодичный смех, который раздавался из темноты в одну из годовщин события. — Знаю.

Я подошел к окну и распахнул его, понимая, что дождь в комнату не попадет. Обожаю запах грозы.

— Рэндом, ты ничего не узнал насчет почтальона? — спросил я.

— Ничего толком, но расспросил кое-кого. В нужное время в нужном месте никого не замечали.

— Ясно. Спасибо. Увидимся позже.

— Ладно. Я весь вечер буду дома.

Я кивнул, повернулся спиной к окну и оперся на подоконник, наблюдая за Флорой. Рэндом тихо притворил за собой дверь. С полминуты я слушал дождь.

— Что ты собираешься делать? — наконец спросила она.

— С тобой? Делать?

— Теперь ты в состоянии расплатиться со ста-

рыми долгами. Видимо, начнешь с меня?

— Возможно. Но тут все взаимосвязано. И твой должок тоже.

— Ты о чем?

— Расскажи мне то, что мне необходимо знать, а там посмотрим. Меня называли прекрасным человеком.

— Что же тебе надо?

— Все, Флора. Начиная с того, каким образом ты оказалась пастушкой в Отражении Земля. Все, что относится к делу. Что было оговорено, что подразумевалось. Все, без утайки.

Она вздохнула.

— С чего же начать… да… Дело было в Париже на празднике у некоего месье Фоко, года за три до начала якобинского террора…

— Стоп! — прервал я. — Что ты там делала?

Я прожила в этой зоне Отражения примерно пять земных лет. Я странствовала в поисках чего-нибудь новенького, что пришлось бы мне по вкусу. В этом месте и в этом времени я оказалась так же, как это делает любой из нас. Я делала, что хотела, прислушиваясь только к голосу интуиции.

— Странное совпадение.

— Не особенно, если вспомнить, какое было вре-

мя и как много мы путешествуем. Если хочешь, это был мой Авалон, моя замена Амберу, мой дом вдали от дома. Называй, как хочешь. И вот, в этот октябрьский вечер я оказалась на празднике. И вдруг появляешься ты с маленькой рыжеволосой девушкой. Кажется, ее звали Жаклин.

Эти слова вызвали из глубины моей памяти воспоминания, давным-давно угасшие. Жаклин я помнил намного лучше, чем вечеринку у Фоко, но смутно вспоминал и праздник.

— Продолжай.

— Я уже сказала, что я была на вечеринке. Ты прибыл позже. Конечно, я сразу обратила на тебя внимание. Но если прожить достаточно долго и много путешествовать, время от времени встречаешь людей, как две капли воды похожих на старых знакомых. Именно об этом я и подумала, как только улеглось мое первое волнение. Наверняка, двойник. Прошло столько времени, и никто даже не слышал о тебе. И все же у каждого из нас есть свои тайны и все основания хранить их. Поэтому я устроила так, чтобы нас представили, а затем убила чертову уйму времени, чтобы оттащить тебя на достаточное время от этой рыжеволосой девчонки. Ты утверждал, что тебя зовут Фенневаль, Кордел Фенневаль. Я засомне-

валась. Никак не могла понять, то ли это в самом деле двойник, то ли это твои штучки. Правда, была и третья возможность, ты мог так долго прожить в каком-нибудь соседнем Отражении, что у тебя появились свои отражения. Я бы так и ушла в недоумении, не похвались мне Жаклин твоей силой. Женщины обычно об этом не говорят, но по выражению ее лица я поняла, что твои подвиги поразили ее до глубины души. Я вызвала ее на откровенность, и мне стало ясно, что на такое способен только ты. Двойник отпадал: либо это был ты сам, либо твое отражение. А это означало, что если даже Кордель и не сам Корвин, то он доказательство того, что ты сейчас находишься в этом районе Отражения Земля, или не так давно побывал здесь. Первая за долгие годы ниточка к тебе. Я не могла упустить ее, я устроила за тобой слежку, навела справки о твоем прошлом. Чем больше людей я расспрашивала, тем загадочнее становилось дело. Во всем этом было столько неясного, что несколько месяцев я ни на что не могла решиться. Все прояснилось следующим летом, когда я снова побывала в Амбере. Я упомянула об этой странной встрече в разговоре с Эриком и…

— Ну и что?

— Как тебе сказать… он был осведомлен… о том, что это возможно.

Флора замолчала и начала перекладывать с места на место свои перчатки, лежащие на стуле рядом с ней.

— Ах, так! — воскликнул я. — Ну и что же он сообщил тебе?

— Что это, вероятно, ты сам. Эрик сказал, что с тобой произошел… несчастный случай.

— Да ну?!

— Не совсем так, — призналась она. — Не несчастный случай. Он сообщил, что ранил тебя на дуэли. Эрик был уверен, что ты умираешь, и не хотел, чтобы его обвинили в убийстве. Он отнес тебя в Отражение Земля и оставил там. Прошло уже много лет. Он считал, что ты мертв и что соперничество между вами, наконец, закончилось. Естественно, мои новости обеспокоили его. Он заставил меня поклясться, что я сохраню все в тайне, и отослал меня обратно, чтобы я держала тебя под наблюдением. Мое возвращение никому не показалось подозрительным, потому что я всем рассказывала о том, как мне там нравится.

— Флора, просто так ты бы не поклялась молчать. Что он тебе обещал?

— Эрик обещал, что не забудет меня, если ко-

гда-нибудь станет королем Амбера.

— Однако, ты рисковала. Ты слишком много знала о нем: и где находится его соперник, и что попал он туда не без помощи Эрика.

— Ты прав. Но все уравновешивалось: начни я болтать об этом, пришлось бы признать себя сообщницей.

Я кивнул, соглашаясь.

— Возможно, хоть и рискованно. Ты считала, что, если у него появятся шансы на трон, он оставит меня в живых?

— Мы никогда не говорили об этом. Никогда.

— И ты никогда об этом не задумывалась?

— Потом задумалась и решила, что он скорее всего ничего не предпримет. В конце концов становилось все яснее, что ты потерял память. Зачем тебя убивать, если ты и так не опасен?

— Вот ты и следила за тем, чтобы я продолжал оставаться таким же безопасным?

— Да.

— И что бы ты сделала, если бы ко мне вернулась память?

Флора взглянула на меня и потупила глаза:

— Сообщила бы Эрику.

— А он бы что сделал?

— Не знаю.

Я рассмеялся, и она залилась краской. Я уже и не помнил, когда Флора в последний раз краснела.

— Не будем застревать на очевидном, — продолжил я. — Выходит, ты оставалась на Земле и следила за мной. Что произошло потом?

— Ничего особенного. Ты жил, а я не теряла тебя из вида.

— Все остальные знали, где ты?

— Да. Я не скрывала, что живу там. Все они даже иногда навещали меня.

— Включая и Рэндома?

Она презрительно скривила губы.

— Да, и не раз.

— Что означает твоя усмешка?

— Слишком поздно притворяться, что я люблю его. Знаешь, я просто не выношу его приятелей: всякие уголовники, джазисты… Когда он бывал у меня, приходилось принимать его, как члена семьи, но он мне страшно действовал на нервы, приволакивая их с собой, когда ему вздумается. То импровизированные концерты, то покер на всю ночь… Затем в доме обычно с неделю стояла вонь. Я всегда радовалась, когда он исчезал. Извини, я знаю, что он тебе нравится, но ты сам хотел услышать правду.

— Выходит, он тебя шокировал, нежное созда-

ние. Ну, ладно, перейдем к моему кратковременному пребыванию у тебя в гостях. Тогда еще Рэндом свалился на нас, как снег на голову. За ним гналось с полдюжины мерзавцев, которых мы пустили в расход в твоей гостиной.

— Как же, прекрасно помню!

— Ты помнишь тварей, которых мы убили?

— Да.

— Хорошо помнишь? Узнала бы, если бы увидела?

— Да, наверняка.

— Прекрасно! Ты видела кого-нибудь из них до этого случая?

— Нет.

— После этого?

— Нет.

— Слышала когда-нибудь о них?

— Не припоминаю. А что?

Я покачал головой.

— Еще не время. И не забывай, вопросы задаю я. А теперь вспомни катастрофу, после которой я очутился в Гринвуде. Или даже еще более ранние события. Что случилось и как ты узнала об этом? При каких обстоятельствах? Какую роль ты играла во всем этом?

— Да. Я знала, что ты об этом спросишь. На

следующий день после того, как это произошло, со мной связался Эрик. Он был в Амбере и вызвал меня через мою Карту, — она взглянула на меня, явно пытаясь оценить впечатление, которое производит на меня ее рассказ, и угадать мою реакцию. Мое лицо ничего не выражало. — Он сказал мне, что накануне вечером ты попал в автомобильную катастрофу и находишься в больнице. Еще он сообщил, что перевел тебя в частную клинику, где я смогу оказать влияние на врачей, которые тебя лечат.

— Другими словами, он хотел, чтобы я оставался растением.

— Он хотел, чтобы тебя держали на успокаивающих средствах.

— Говорил он, что сам подстроил мне эту аварию?

— Эрик не говорил, что приказал кому-то прострелить тебе шину, но он был в курсе, что причиной катастрофы стало именно это. А откуда бы ему знать, если это не его рук дело? Когда я затем узнала, что Эрик метит на трон, то подумала, что в конце концов он решил окончательно устранить тебя. Когда дельце не выгорело, то он, конечно, решил, что если ты не будешь путаться под ногами до его коронации, то это даст почти

такие же результаты.

— Я не знал, что мне прострелили шину, — заметил я.

Ее лицо разочарованно вытянулось, но она быстро овладела собой.

— Ты же сам говорил мне, что это не случайность, что кто-то пытался убить тебя. Я считала, что детали тебе известны.

Впервые за долгое время я почувствовал, что вступил на скользкую почву. Мои сомнения еще до конца не развеялись и, скорее всего, вряд ли полностью пройдут. Я мало что помнил о днях перед аварией. Лабиринт помог мне вспомнить всю мою жизнь до того момента, но травма, вероятно, уничтожила воспоминания о некоторых событиях, непосредственно предшествующих катастрофе. Вполне обычное явление. Скорее всего, не обычное функциональное расстройство, а повреждение тканей. Я был так счастлив, когда вспомнил остальное, что не особенно горевал об этом. Что касается аварии, то я и в самом деле помнил выстрелы. Их было два. Кажется, я мельком даже заметил фигуру с винтовкой, но было уже поздно. Впрочем, возможно, все это лишь мои фантазии. Но нет, вряд ли. Что-то такое вертелось у меня в голове еще тогда, когда я направлялся

в Уэстчестер. Но даже теперь, когда власть в Амбере находилась в моих руках, мне не хотелось признавать этот единственный мой недостаток. Когда-то я обвел Флору вокруг пальца, вообще ничего не помня. Теперь я решил применить ту же тактику.

— У меня не было времени вылезать из машины и смотреть, куда они угодили. Я услышал выстрел и потерял управление. Я считал, что дело в шине, но не был уверен в этом. Я и речь-то завел об этом лишь потому, что мне интересно знать, откуда тебе известно о шине?

— Я же тебе говорила — от Эрика!

— Мне не понравилось, как ты это сказала. Мне сдается, что ты уже знала обо всем, когда он связался с тобой.

Флора отрицательно покачала головой.

— В таком случае извини, я, возможно, неправильно выразилась. Такое случается, когда говоришь о событиях, которые миновали. Но я решительно отрицаю то, на что ты намекаешь. Я к этому делу не имела ни малейшего отношения и ничего не знала до того, как все случилось.

— Эрик все равно уже ни о чем рассказать не может. Так что пока оставим это. На время, — добавил я, чтобы заставить ее еще больше думать

только о защите, отвлечь ее внимание от любого слова или выражения лица, по которому она могла бы догадаться, что в моих воспоминаниях все еще есть небольшой пробел. — Ты не узнала, кто стрелял?

— Нет. Скорее всего, какой-нибудь наемный убийца. Я нечего об этом не знаю.

— Тебе известно, сколько времени я пробыл без сознания, пока меня не обнаружили и не доставили в больницу?

Она отрицательно покачала головой. Что-то беспокоило меня, но я никак не мог понять, что именно.

— Эрик не говорил, когда меня доставили в госпиталь?

— Нет.

— Почему, когда я был у тебя, ты пыталась вернуться в Амбер, а не вызвала Эрика по Карте?

— Он не отвечал.

— Могла бы связаться с ним через кого-нибудь другого. Флора, мне кажется, что ты лжешь.

Почему бы не попытаться проследить за ее реакцией?

— Зачем мне лгать? — спросила она. — Другие тоже не отвечали. Все были заняты. Я ответила на твой вопрос? — она внимательно смотрела

на меня.

Я поднял руку и указал на нее. За окном позади меня сверкнула молния. Меня слегка тряхнуло током и защипало. Громовой раскат также получился впечатляющим.

— Твоя вина в том, что ты кое о чем умалчиваешь.

Попытка — не пытка! Она закрыла лицо руками и расплакалась.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? Я ответила на все вопросы, чего тебе еще надо? Я не знаю, куда ты ехал, не знаю, кто в тебя стрелял и когда это было. Я рассказала все, что знала, черт бы тебя побрал!

Либо она не лжет, либо такими средствами ее не пробьешь, решил я, в любом случае я теряю время даром, больше я тут ничего не добьюсь. И вообще, пора поговорить о другом, пока она не задумалась о том, на кой черт мне вообще сдалась эта авария. Если здесь было что-то упущено, то сперва надо узнать, что именно. Вот так то!

— Пойдем со мной, — произнес я.

— Куда?

— Хочу тебе кое-что показать. Потом расскажу — зачем.

Она встала и пошла за мной. Я привел ее в зал,

где лежало тело, и рассказал о Каине. Флора совершенно бесстрастно взглянула на труп и кивнула.

— Да, — протянула она и добавила: — Если бы я даже не знала об этом, то для тебя подтвердила бы с радостью.

Я пробормотал что-то неопределенное. Семейная преданность всегда как то трогает. Я не знал, поверила ли она моему рассказу. Но в данных обстоятельствах это не играло роли. Я ничего не сказал ей о Бранде, и она, по-видимому, не знала о нем ничего нового. В конце разговора она только заметила:

— Тебе идет Самоцвет. А корону ты носишь?

— Об этом слишком рано говорить.

— Если я могу тебе чем-нибудь помочь…

— Знаю. Я это знаю.

Моя гробница — тихое местечко. Она одиноко стоит милях в двух от вершины Колвира на скалистом склоне, в месте, с трех сторон защищенном от непогоды. Вокруг, на нанесенной снизу почве, растут низкорослые деревца, кусты, травы и мощные стебли горного плюща. Это длинное низкое здание с двумя скамьями у входа, почти полностью покрытое плющом, который, к счастью, совершенно скрыл напыщенную надпись над моим именем. Само собой, большую часть

времени гробница пустует. Однако этим вечером мы пришли сюда с Ганелоном, запасшись добрым вином, несколькими кусками хлеба и холодным мясом.

Ганелон спрыгнул с коня, подошел к гробнице, раздвинул плющ и, прочтя при лунном свете выбитые на стене слова, воскликнул, обращаясь ко мне:

— Так ты не шутил?!

— Какие шутки, — заметил я, спешившись и взяв лошадей под уздцы. — Серьезно. Моя гробница.

Привязав лошадей к кусту, я снял мешки с провизией и отнес их на ближайшую скамью. Когда я открыл бутыль и налил по большому кубку темного вина, ко мне присоединился Ганелон.

— Все равно ничего не понимаю, — удивился он, принимая кубок.

— Что тут понимать? Я умер — вот меня тут и похоронили. Это мой конотаф, ложная гробница. Их строят, если тело не найдено. Я сам узнал о ней совсем недавно. Ее построили несколько веков назад, когда все решили, что я уже не вернусь.

— Жуть какая, — промолвил Ганелон. — А что там внутри?

— Ничего, хотя они не забыли оставить нишу

и гроб на случай, если мои останки все-таки найдутся. Так надежнее.

Ганелон сделал себе бутерброд.

— Кто же до этого додумался? — спросил он.

— Рэндом считает, что Бранд или Эрик, но точно никто не помнит. Но тогда все решили, что мысль хорошая.

Ганелон хмыкнул, зловещая улыбка была абсолютно к месту на его покрытом морщинами и шрамами лице, окаймленном рыжей бородой.

— И что же с ней теперь будет?

Я пожал плечами.

— Кое-кто считает, что зданию нечего пропадать зря и не прочь уложить меня на мое законное место. А пока что здесь очень приятно выпить и закусить. Я еще не засвидетельствовал ей свое глубокое почтение.

Я сложил два бутерброда и проглотил их. В первый раз со дня моего возвращения я мог полностью расслабиться. Кто знает, когда такая возможность представится в следующий раз. За последнюю неделю у меня не было случая обстоятельно потолковать с Ганелоном, а он был одним из немногих, кому я доверял. Мне хотелось рассказать ему все — это было необходимо.

Мне нужно было поговорить с человеком, ко-

торый мог взглянуть на все со стороны. Что я и сделал. Луна прошла большой путь по небу, а в моей гробнице прибавилось осколков от разбитой бутылки из-под вина.

— Ну, и как восприняли это остальные? — спросил Ганелон.

— Как и следовало ожидать. Не сомневаюсь, что Джулиан не поверил ни одному моему слову, хотя утверждает, что верит. Он знает, как я к нему отношусь, но бросить мне вызов не в силах. Бенедикт, кажется, тоже не поверил, но его куда труднее понять. Он выжидает. Надеюсь, что за неимением доказательств обратного он примет мои слова на веру. Что касается Жерара, боюсь, что для него это была последняя капля. По-моему, он потерял ко мне всякое доверие. Но все же завтра утром он вернется в Амбер и будет сопровождать меня в рощу, чтобы забрать тело Каина. Если бы не он?.. Конечно, это не развлекательная прогулка, но я рад, что со мной будет кто-то из членов семьи. Дейдра — та просто в восторге. Наверняка, тоже не верит, ну и бог с ней. Она всегда на моей стороне, а Каина она терпеть не могла. Она довольна, что я укрепляю свои позиции. Не знаю, поверила ли мне Льювилла. Сдается, ей вообще наплевать, что мы там творим друг с дру-

гом. Что касается Фионы, то ее все это, по-моему, забавляет. Но она всегда держалась особняком, на все поглядывала свысока. Никак не поймешь, что у нее на уме.

— Ты им рассказал о Бранде?

— Пока нет. Сообщил о Каине и передал, что жду всех их в Амбере завтра к вечеру. Тогда и поговорим о нем. Хочу проверить одну догадку.

— Ты разговаривал со всеми через Карты?

— Да.

— Хотел бы я тебя кое о чем спросить. Помнишь Отражение, куда мы ездили за оружием? Там у них были телефоны…

— Ну и что?

— Пока мы там были, я кое-что узнал о методах подслушивания разговоров. Как ты считаешь, можно ли подслушать Карты?

Я чуть было не расхохотался, но тут же до меня дошло, чем пахнет дело, и мне стало не до смеха.

— Понятия не имею, — наконец, ответил я. — Дело Дворкина по-прежнему загадка. Никогда об этом не задумывался и сам не пробовал. Но все может быть…

— А сколько всего существует Колод? Ты не знаешь?

— Так, по паре на каждого члена, семьи и в

библиотеке было с дюжину запасных. Не знаю, есть ли еще другие.

— Если кто-то подслушивает, то он наверняка немало узнал.

— Да. Отцова Колода, Колода Бранда, моя первая Колода, та, которую потерял Рэндом… Черт! Где они сейчас — никто не знает! Ума не приложу, что делать. Наверное, придется провести инвентаризацию и слегка поэкспериментировать. Спасибо за идею!

Он кивнул, и какое-то время мы молча потягивали вино. Потом Ганелон снова спросил:

— Что ты собираешься делать, Корвин?

— Ты о чем?

— Обо всем. С кем мы будем драться сначала, с кем потом?

— Как только в Амбере станет спокойнее, я собираюсь проследить, где начинается Черная дорога. Но сейчас это не столь важно. И хочу скорее вернуть Бранда, если он жив. Если нет, то мне надо знать, что с ним случилось.

— Дадут ли тебе время враги? Может быть, как раз в этот момент они готовят новое нападение?

— Вероятно, ты прав. Я тоже думал об этом. Но по-моему, время у нас есть. Мы их разбили и совсем недавно. Им необходимо снова собраться с

силами, сколотить новую армию, оценить ситуацию с учетом нашего нового оружия. Я собираюсь построить вдоль дороги заставы, которые будут вовремя предупреждать нас о каждом их передвижении. Бенедикт согласен заняться этим.

— Хотел бы я знать, сколько у нас времени.

Я налил ему еще один стаканчик — другого ответа у меня пока не было.

— В Авалоне таких сложностей никогда не было. Я имею в виду наш Авалон.

— Это точно, — согласился я. — Золотые денечки были. По крайней мере, теперь кажется, что тогда было проще.

Ганелон кивнул. Я предложил ему сигарету, но он отказался и раскурил свою трубку. При свете пламени Ганелон внимательно рассмотрел Камень Правосудия, все еще висевший на моей шее.

— Как ты говоришь, эта штука может управлять погодой? — обратился он ко мне.

— Может.

— Откуда ты знаешь?

— Пробовал, получалось.

— И что ты сотворил?

— Грозу сегодня вечером. Моя работа.

— Хотел бы я знать…

— Ну-ну…

— Да так, просто думаю, что бы я сделал, если бы обладал такой властью. Как бы я ею распорядился.

— Первое, что мне пришло в голову — поразить эту дрянь молнией, — произнес я, похлопав по стене гробницы. — Трахнуть по ней несколько раз, чтобы от нее один щебень остался. А то, возможно, кто-нибудь еще сомневается в моих чувствах и моей власти!

— Ну и что же тебя остановило?

— Подумал немного и решил, черт возьми, что она еще может пригодиться, и очень скоро! А так оно и будет, если у меня не хватит сообразительности, твердости и просто везения. В этом случае мне не хотелось бы, чтобы мои косточки лежали здесь. И тут до меня дошло, что местечко-то прекрасное: высоко, чисто, природа вокруг первобытная. Ничего вокруг, кроме скал и неба. Звезды, облака, солнце, луна, ветер, дождь… Такой компании любой покойник позавидует! Не желаю лежать рядом с теми, кого не считаю своими друзьями. А друзей не так-то много.

— Корвин, ты что, в меланхолию ударился или уже набрался? Или то и другое? Да еще и злишься… не идет это тебе.

— Да кто ты такой, чтобы указывать мне, что мне идет, а что нет? — я почувствовал, как он напрягся, а потом снова расслабился.

— Не знаю, — ответил он, наконец. — Говорю, что вижу.

— Как дела в войсках? — спросил я.

— По-моему, они никак не могут понять, что к чему, Корвин. Они пришли, чтобы сражаться за святое дело на горных склонах рая и думают, что стрельбы на прошлой неделе были по этому поводу. Ну, тут они счастливы, мы победили. Но вот теперь, в городе, они сбиты с толку. Кое-кого они считали врагами, а теперь они друзья. Ребята просто ничего не понимают. То, что их готовят к бою, они знают, но, когда драться и с кем, понятия не имеют. Их держат в казармах без увольнительных, чтобы они не поняли, как злы на них регулярные войска и горожане. Но до них это быстро дойдет. Я давно хотел поговорить с тобой обо всем, но ты был так занят…

Некоторое время я молча курил. Потом проговорил:

— Да, наверное, надо с ними поговорить. Но завтра я занят, а с этим тянуть нельзя. Их надо перевести в лагерь в Арденнском лесу до завтра. Когда вернемся, покажу тебе это место на карте.

Объяснишь им, что их располагают поближе к Черной дороге, что в любую минуту может быть новое нападение. Будь бдителен и им объясни все, как следует, тем более, что это чистейшая правда. Муштруй их, чтобы они не потеряли форму. При первой же возможности я приеду и поговорю с ними.

— Но тогда у тебя не останется своих войск в Амбере!

— Ты прав, но риск может оправдаться. Мы продемонстрируем свою уверенность и проявим уважение к горожанам, Да, пожалуй, это будет сильный ход. А если нет… — я пожал плечами.

Налив вина, я швырнул в гробницу очередную пустую бутылку.

— Да, кстати, — небрежно сказал я, извини меня.

— За что?

— И только сейчас заметил, что я ударился в меланхолию, накачался и зол. Мне это не идет.

Он усмехнулся, и мы чокнулись.

— Знаю, — буркнул он. — Знаю.

Мы сидели, пока не зашла луна и последняя бутылка не была погребена среди своих сотоварищей. Мы разговаривали о былом, но потом одновременно смолкли. Я смотрел на звезды

над Амбером. Хорошо, что мы приехали сюда, но город звал меня обратно. Угадав мои мысли, Ганелон встал, потянулся и направился за конями. Я облегчился возле гробницы и пошел за ним следом.

Роща Единорога находится в Арденне, на юго-западе от Колвира, вблизи выступа, с которого начинается спуск в Гарнатскую долину. В последние годы Гарнат был проклят и выжжен в битвах с захватчиками, но земли вокруг него остались нетронутыми. Роща, где отец много веков назад якобы встретил Единорога и где произошли странные события, в результате которых он объявил это животное покровителем Амбера и ввел его в свой герб, была, насколько мы знали, в двадцати-тридцати шагах от скалистого гребня. С него открывался вид на Гарнат через море: неправильной формы прогалина, где из скалы бил небольшой ключ, образуя чистый пруд.

Вода в пруду, переливаясь через край, текла крохотным ручейком к Гарнату и дальше вниз. Сюда на следующее утро и прискакали мы с Жераром, выехав так рано, что, когда солнце зажгло искорки в океане, а потом выплеснуло в небо весь свой запас огня, мы находились уже на полдороге от Колвира. Жерар натянул поводья, спешился и

знаком показал, чтобы я сделал то же. Я оставил Звезду и вьючную лошадь рядом с его огромным пегим жеребцом. Шагов через десять мы спустились в котловину, наполовину наполненную гравием. Жерар остановился, поджидая меня.

— В чем дело? — спросил я.

Жерар повернулся ко мне. Глаза его сузились, челюсти были плотно сжаты. Он расстегнул плащ, сложил его и бросил наземь. Снял портупею и положил ее на плащ.

— Снимай меч и плащ, — проронил Жерар, — они только помешают.

До меня стало доходить, что произойдет, и я решил не упираться. Свернув плащ, я положил Камень Правосудия и вновь повернулся к Жерару, произнеся лишь одно слово:

— Почему?

— Много времени прошло, и ты мог забыть, — ответил он.

Жерар медленно двинулся на меня. Я выставил руки вперед и отступил. Он не пытался ударить меня: я всегда был быстрее. Мы оба пригнулись. Жерар делал левой рукой медленные движения, точно хотел схватить меня. Его правая рука защищала корпус. Если бы место для схватки с Жераром выбрал я, мы бы встретились не здесь.

Он, конечно же, знал это. Да и вообще, если уж биться с Жераром, то не голыми руками. Любое оружие, требующее скорости и стратегического мышления, дало бы мне возможность время от времени задевать его, не давая передышки и не подпуская к себе. В конце концов, Жерар устал бы, и я смог бы наступать решительнее. Конечно, он понимал это, поэтому и заманил меня в такую ловушку. Но я знал Жерара и понял, что выбора у меня нет. Я пару раз отбросил его руку в сторону. Жерар двигался быстро, с каждым шагом приближаясь ко мне. Наконец я рискнул, увернулся и ударил. Быстрый сильный удар левой, пришедшийся чуть выше пояса, мог бы вдребезги разбить толстую доску. У простого смертного от него порвались бы все кишки, но, к несчастью, время не ослабило Жерара. Что-то буркнув, он заблокировал мою правую руку и снизу перехватил левую, а потом попытался сделать плечевой захват, из которого невозможно было вырваться. Но я увернулся и ринулся вперед, захватив его левое плечо, обвил ногой его правую ногу ниже колена и бросил его на землю. Но Жерар не разжал рук, и я упал на него. Падая, я отпустил Жерара и, когда мы свалились на землю, двинул его локтем в висок. Угол удара был неудачным,

и он ухитрился скрепить руки где-то у меня на затылке. Мне опять удалось вывернуться, но он все еще удерживал мою руку. В какой-то момент у меня появилась возможность беспрепятственно ударить его ногой в пах, но я сдержал себя. Не подумайте, что совесть не позволяла мне бить ниже пояса. Просто я понимал, что, ударь я его, Жерар в ответ сломает мне плечо. Поэтому, оцарапав предплечье о камешки, я ухитрился просунуть руку ему за голову, а другой рукой вцепился в левую ляжку Жерара. В тот же миг, я откинулся назад, пытаясь упереться ногами в землю и сразу же выпрямить их. Я хотел оторвать Жерара от земли и снова бросить, для уверенности ударив его плечом в живот. Но Жерар развел ноги и перевернулся через левый бок, перебросив меня через себя. Я отпустил его и, пролетев через него, освободил свою руку. И затем поспешно повернулся и попытался найти точку опоры. Но с Жераром такие штучки не проходят. К тому времени он уже оперся на руки. Одним мощным усилием он вырвался и вскочил. Я тоже выпрямился и отпрыгнул назад. Он тут же бросился на меня, и я понял, что, если я и дальше буду цеплять его за руки, он меня так уделает, что чертям станет страшно. Надо было рисковать. Наблюдая за

его ногами, я улучил момент и нырнул под его вытянутые руки как раз тогда, когда он перенес тяжесть тела на одну ногу, оторвав другую от земли. Мне удалось схватить его за лодыжку и завести ее за спину, подняв на четыре фута в воздух. Жерар грохнулся на левый бок лицом вниз. Он с трудом поднялся, но я ударом в челюсть вновь сбил его с ног. Жерар потряс головой и, защищаясь руками, опять вскочил. Я хотел садануть его в живот и отскочить, но он повернулся, и я угодил в бедро. Жерар удержался на ногах и снова надвинулся на меня. Я кружил вокруг него, целясь в лицо. Еще два раза я успевал ударить его в живот и отпрыгнуть. Жерар улыбался. Он понимал, что я опасаюсь подойти к нему близко. Я еще раз достал его ударом в живот. Он опустил руки, и я ребром ладони ударил его по шее, чуть выше ключицы. Но в этот момент он выбросил руки вперед, обхватив меня за талию. Я ударил его ребром ладони в челюсть, но он еще сильнее сжал меня и поднял в воздух. Огромные руки здоровенного жеребца по имени Жерар, казалось, раздавили мои почки. Я нащупал большими пальцами его сонную артерию и нажал на нее. Но он поднял меня еще выше над головой. Моя хватка ослабела, руки соскользнули, и он изо всех сил ударил меня

спиной оземь, точно крестьянин, бьющий белье о камни. Из моих глаз посыпались искры, мир стал нереальным, задрожал. Жерар рывком поставил меня на ноги, и я увидел его кулак… Восход был изумительный, но какой-то странный… будто его развернули градусов на девяносто… Внезапно у меня закружилась голова, да так, что я позабыл о дорожках боли, пробегавших у меня по спине. Большой город, куда они вели, находился где-то в районе моего подбородка. Я висел высоко и воздухе, слегка повернув голову. Земля была далеко, очень далеко внизу. Я почувствовал, что мое плечо и бедро зажаты мощными тисками. Повернувшись, чтобы посмотреть на них, я убедился, что это руки. Еще больше вывернув шею, я убедился, что это руки Жерара. Он держал меня над головой на вытянутых руках, стоя на самом краю тропинки. Далеко внизу виднелся Гарнат и конец Черной дороги. Разожми он пальцы — часть меня присоединится к птичьему помету, которым был выпачкан утес, а остальное будет напоминать выброшенную на берег медузу, которых я не раз наблюдал в прошлом.

— Да, да, смотри вниз, Корвин, — почувствовав, что я зашевелился, он поднял глаза и встретился со мной взглядом. — Мне стоит лишь разжать

руки…

— Слушаю тебя, — тихо ответил я, стараясь придумать способ захватить его с собой, если он решится выполнить то, что задумал.

— Я не больно умен, — произнес он, — но мне пришла в голову одна мысль. Ужасная мысль. Надо было что-то сделать, но я ничего другого не придумал. А пришло мне в голову, что тебя не было в Амбере черт знает сколько времени. Откуда мне знать, что эта история насчет потери памяти — правда? Ты вернулся, ты ведаешь всем, но ты еще не правишь. Меня обеспокоило убийство слуг Бенедикта, а сейчас меня беспокоит смерть Каина. И Эрик тоже недавно погиб, а Бенедикт искалечен. Вроде бы ты здесь ни при чем, но мне пришло в голову, что и это возможно, если ты тайком вступил в союз с нашими врагами с Черной дороги.

— Ты ошибаешься, — возразил я.

— Для того, о чем я говорю, это не имеет значения, Ты слушай дальше. Пусть будет, что будет. Если за свое долгое отсутствие ты подстроил все это и, возможно, даже устранил отца и Бранда, то, по-моему, ты сегодня способен уничтожить всю семью, чтобы заполучить трон.

— Зачем мне тогда было отдавать себя в лапы

Эрика? Специально, чтобы меня ослепили и упекли в подземелье?

— Слушай дальше! — повторил он. — Ты вполне мог наделать ошибок и оказаться там не по своей воле. Сейчас это не имеет значения. Может быть, ты ни в чем не виноват, как утверждаешь сам, или по уши увяз в интригах. Посмотри вниз, Корвин, и все. Посмотри вниз на Черную дорогу. Если это твоих рук дело, то в конце пути — твоя смерть. Я еще раз показал тебе свою силу, чтобы ты не забывал о ней. Я могу убить тебя, Корвин. Даже меч не спасет, если я хоть раз доберусь до тебя, я могу всегда уничтожить тебя голыми руками. А я доберусь, чтобы сдержать свое обещание. И я обещаю, что, если ты виновен, то я убью тебя в тот самый момент, когда узнаю об этом. Знай также, что жизнь моя в безопасности, Корвин. С этого момента она переплетена с твоей.

— Как это понимать?

— Все остальные видят и слышат нас через мою Карту. Ты не сможешь устранить меня потому, что тогда твои намерения станут ясны всей семье. Если я умру, не сдержав своего обещания, его исполнят другие.

— Понятно, — прохрипел я. — А если тебя убьет кто-нибудь другой? Меня тоже уберут, а на бар-

рикадах останутся только Джулиан, Бенедикт, Рэндом и девочки. Просто замечательно — для врага. Кто же это придумал на самом деле?

— Я! Я один! — крикнул Жерар, и я почувствовал, что его пальцы сжались, руки напряглись и слегка согнулись. — Не пытайся мутить воду! Твои вечные штучки! — крикнул он. — Пока ты не вернулся, все шло великолепно! Черт тебя возьми, Корвин, это твоих рук дело?

И он швырнул меня в пропасть. Я успел только крикнуть:

— Я не виновен, Жерар!

Жерар поймал меня, чуть не вывихнув мне плечо, и вытащил из бездны на дорогу. Он поставил меня на ноги и тут же вернулся на усыпанную гравием площадку, где мы боролись. Я последовал за ним. Мы собрали вещи. Застегивая свою широкую портупею, Жерар взглянул на меня и отвел глаза:

— Не будем об этом больше говорить.

— Ладно, — буркнул я.

Я повернулся и направился к коням. Мы вскочили в седла и поехали дальше по тропинке. Роща была наполнена тихой весенней музыкой. Поднявшееся выше солнце натянуло между деревьями гирлянды света. На земле еще лежала роса,

и дерн, которым я прикрыл могилу Каина, был влажен. Я взял лопату, привезенную с собой, и отрыл могилу. Не произнося ни слова, Жерар помог уложить тело на кусок парусины. Мы завернули труп и зашили сверток большими и свободными стежками.

— Корвин! Смотри!

Прошептав эти слова, Жерар сжал мой локоть. Я проследил за его взглядом и замер на месте. Не шевелясь, мы разглядывали видение. Мягкая, сияющая белизна окутывала его, словно вместо шерсти и гривы Единорог был покрыт пухом. Крошечные раздвоенные копыта и тонкий витой рог на узкой голове отливали золотом. Он стоял на скале, пощипывая лишайник. Единорог поднял голову и посмотрел на нас. Его глаза были необыкновенно яркими — изумрудно-зелеными. Несколько мгновений мы стояли неподвижно. Потом он сделал быстрое, нервное движение передними ногами, словно захватывал воздух, трижды ударил копытами по камню и, затуманившись, бесшумно, точно снежинка, исчез. Может быть, ушел в лес, растущий справа от нас. Я поднялся и подошел к камню. Жерар последовал за мной. Тут, во мху, я обнаружил крошечные следы от копыт.

— Выходит, нам не привиделось, — прошептал Жерар.

Я кивнул.

— Мы и вправду что-то видели. Он раньше тебе не попадался?

— Нет. А тебе?

Я отрицательно покачал головой.

— Джулиан говорил, что как-то видел его издали, — сообщил Жерар. — Он утверждает, что его псы не погнались за ним.

— Какой красавец… Хвост длинный, шелковистый, копыта сияют…

— Да. Недаром отец всегда считал появление Единорога доброй приметой.

— В странное время он появился. Столько лет прошло.

Я снова кивнул.

— Может есть какой-нибудь обычай? Он же наш покровитель и все такое… вероятно мы должны что-то сделать?

— Отец об этом ничего не говорил. Может, и есть, — промолвил я и похлопал по скале, на которой стояло животное. — Если ты предвещаешь изменение наших судеб, если ты благосклонен к нам, то спасибо тебе Единорог. И даже если нет — спасибо тебе за свет, который ты принес нам в

темные времена.

Затем мы напились из родника, положили нашу зловещую ношу на третью лошадь и вели за собой наших коней до тех пор, пока не вышли из рощи. В ней было очень тихо, лишь журчала вода.

Вечны ритуалы жизни, вечно рождаются люди на груди у надежды, а пламя да горький дым не так уж и часто встречаются на пути. Так, в приступе вдохновения, изложил я суть того, чему научился за свою долгую жизнь. В ответ Рэндом кивнул и дружески выругался. Мы сидели в библиотеке, я на краю большого стола, Рэндом — в кресле, справа от меня.

Жерар стоял на другом конце комнаты, рассматривая висевшее на стене оружие. А, может быть, смотрел на гравюру Рейна с изображением Единорога. Как бы то ни было, но он, как и мы, не замечал Джулиана, который ссутулился в мягком кресле рядом со шкафами в самом центре комнаты, вытянув и скрестив ноги, сложив на груди руки. Джулиан, не отрываясь, любовался своими чешуйчатыми сапогами. Фиона и Флора переговаривались у камина. Зеленые глаза Фионы неотрывно смотрели в голубизну Флориных глаз. Фиона, ростом не более пяти

футов двух дюймов, с волосами, горящими ярче пламени, еще теплившегося в очаге, как всегда напоминала картину, от которой, отложив кисти, только что отошел художник. Он смотрит на нее, улыбаясь, и в его голове постепенно возникают неясные вопросы. Ямочки на ее шее, где рука художника оставила след на ключице, всегда казались мне доказательством того, что картина принадлежит кисти большого мастера, особенно когда Фиона поднимала голову, с насмешливым или презрительным видом посматривая на нас, великанов. В этот момент она слегка улыбнулась, несомненно почувствовав мой взгляд. Иногда она казалась мне ясновидящей. Это ее свойство было хорошо знакомо мне, но всякий раз в такой ситуации я неизбежно приходил в замешательство. Льювилла, сидя в углу, спиной к остальным, притворялась, что читает книгу. Ее зеленые локоны были коротко подстрижены и на два дюйма не доходили до темного воротника.

Я никогда не мог понять, почему она ушла в себя. Враждебность? Застенчивость человека, понимающего свою отчужденность? Или просто осторожность? Вполне вероятно, что все вместе. В Амбере она бывала редко. Собравшись все вместе, мы представляли собой не семью, не группу

единомышленников, а разобщенных людей, у каждого из которых были свои планы и своя жизнь. Нас разъединили распри, и мне хотелось, чтобы мы почувствовали себя чем-то единым, обрели желание сотрудничать друг с другом.

— Привет, Корвин! — услышал я, и рядом увидел Дейдру, протягивающую мне руку. Я взял ее ладонь и поднял наши руки. Она шагнула вперед, подойдя ко мне вплотную, точно в первой фигуре старинного танца, и приблизила ко мне лицо. На мгновение головка и плечи Дейдры, словно в раме, оказались на фоне решетчатого окна. Слева от нее на стене висел великолепный гобелен. Конечно, все было заранее спланировано и отрепетировано. Тем не менее, впечатляюще. В левой руке Дейдра держала мою Карту. Она улыбнулась. При ее появлении все остальные взглянули в нашу сторону, и Дейдра, медленно повернувшись, выстрелила в них своей улыбкой. Мона Лиза с пулеметом.

— Корвин, — прощебетала она, легко поцеловав меня и отступив назад, — я, кажется, слишком рано?

— Это невозможно, — произнес я, поворачиваясь к Рэндому. Он уже поднялся, на несколько секунд предвосхитив мой жест.

— Принести тебе выпить, сестренка? — кивнул он в сторону буфета, беря ее за руку.

— О, благодарю!

Он увел ее и налил вина. По крайней мере на время ее обычное столкновение с Флорой было предотвращено. Мне показалось, что старые разногласия, столь памятные мне, все еще не стерлись. Что ж, я лишился ее общества, но сохранил мир в семье, а это для меня в данный момент было важнее всего. Рэндом может прекрасно провернуть такое дело, если захочет. Я постучал по столу пальцами, скрестил ноги, снова вытянул их, подумал, не закурить ли… Он появился внезапно. Жерар в дальнем конце комнаты повернулся, что-то сказал и протянул руку. Через мгновение он сжимал левую, единственную руку Бенедикта, последнего члена нашей группы.

Так… Бенедикт предпочел прибыть через карту Жерара, а не через мою, тем самым выразив свое отношение ко мне. Указывало ли это на существование союза против меня? По крайней мере, расчет был на то, что я задумаюсь над этим фактом. Не по наущению ли Бенедикта Жерар решил поразмяться сегодня утром? Вполне вероятно. В этот момент Джулиан встал, пересек комнату, что-то сказал Бенедикту и пожал ему

руку. Движение привлекло внимание Льювиллы. Она повернулась, закрыла книгу и отложила ее в сторону. Потом, улыбнувшись, подошла к ним, поздоровалась с Бенедиктом, кивнула Джулиану, что-то сказала Жерару. Импровизированная конференция становилась все оживленнее. Так, так… Четверо против троих и двое колеблющихся… Я ждал, глядя на стоящих на другом конце комнаты. Все были здесь. Можно было начинать. И все же… Соблазн был так велик! Я знал, что все мы были в напряжении, как будто в комнате внезапно возникло два магнитных полюса. Интересно, каким же образом расположатся кусочки металла? Флора быстро взглянула на меня. Я не был уверен в том, что за ночь она не передумала. Конечно, если ничего не случилось. Нет, я был уверен, что угадал следующий ход. Я не ошибся. Я услышал, как она буркнула что-то насчет жажды и стакана вина, повернулась и направилась ко мне, точно ожидая, что Фиона последует за ней. Когда все осталось на своих местах, она заколебалась, внезапно ощутив себя в фокусе всеобщего внимания, но, приняв решение, подошла ко мне.

— Корвин, — попросила она, — налей мне, пожалуйста, вина.

Не поворачивая головы и не отрывая взгляда

от живой картины передо мной, я бросил через плечо:

— Рэндом, будь добр, налей Флоре вина!

— Пожалуйста! — ответил он, и я услышал бульканье.

Флора кивнула, не улыбнувшись, и прошла мимо меня направо. Четыре на четыре, моя дорогая Фиона, пылающая лучами пламени в центре комнаты. Она прекрасно все понимала и была в полном восторге! Фиона тут же повернулась к зальному зеркалу в темной, покрытой изощренной резьбой раме, которое висело между двумя стеллажами, и начала поправлять выбившийся локон. Она сделала шаг, и среди красно-золотых узоров ковра у ее левой ноги что-то сверкнуло зеленью и серебром.

Мне захотелось одновременно и выругаться, и улыбнуться. Вот стерва, опять она с нами играет! Но это у нее всегда великолепно получалось… Ничего не изменилось. Я шагнул вперед, не улыбнувшись и не выругавшись. Этого она и ожидала. Но Джулиан тоже шагнул к ней, немного опередив меня. Он стоял чуть ближе и, вероятно, увидел вспышку на долю секунды раньше меня. Джулиан осторожно нагнулся и поднял лежащую на ковре драгоценность.

— Твой браслет, сестричка, — любезно произнес он. — Кажется, эта глупая вещичка покинула твою кисть. Позволь мне.

Она протянула руку и улыбнулась ему из-под опущенных ресниц. Джулиан застегнул браслет с изумрудами. Покончив с этим, он обвил ее ручку двумя своими и повернулся к союзникам. Те искоса посматривали на него, притворяясь, что заняты своими делами.

— Мне кажется, тебя позабавит анекдот, который мы сейчас послушаем, — улыбнулся Джулиан.

Она улыбнулась ему еще любезней и высвободила свою руку.

— Благодарю тебя, Джулиан. Уверена, что когда мне его расскажут, я буду очень смеяться. Боюсь, что, как всегда — последней, — Фиона повернулась, взяла меня под руку и проворковала — Но сейчас мне больше всего хочется опрокинуть бокальчик вина.

Я отвел ее в свой угол освежиться. Пять на четыре. Джулиан, который не любил выдавать своих чувств, принял решение секундой позже и присоединился к нам. Он налил себе бокал, отхлебнул вина и секунд десять-пятнадцать внимательно смотрел на меня, после чего произнес:

— Кажется, мы все в сборе. Когда же ты собираешься поведать нам, что у тебя на уме?

Я повысил голос и сказал, глядя в другой конец комнаты:

— Время пришло. Устраивайтесь поудобнее!

Все подошли поближе, подтащили кресла, уселись и подлили себе вина. Через минуту воцарилась тишина.

— Спасибо, — сказал я. — Мне хотелось бы многое рассказать вам и, может быть, я даже кое-что расскажу. Что именно, зависит от того, как вы воспримете мою информацию с самого начала, поэтому начнем. Рэндом, расскажи всем то, что вчера рассказал мне.

— Согласен, — проронил он.

Я сел за стол, а Рэндом занял мое место, откинувшись на спинку кресла. Я вновь услышал историю о том, как Бранд связался с Рэндомом, и как Рэндом попытался его выручить. Это была краткая версия, без размышлений и выводов. Со вчерашнего дня она не вылезала у меня из головы. И, несмотря на пропуски в рассказе, я знал, что остальные мысленно дополняют их. Именно поэтому я и хотел, чтобы первым говорил Рэндом. Решение было принято мной накануне. Попытайся я просто высказать свои подозрения,

все почти наверняка решат, что это уловка и что я просто отвлекаю от себя внимание. После этого они немедленно захлопнут передо мной створки своих раковин. Я словно чувствовал эти металлические щелчки, один за другим, представляя такой ход событий. Ну, а сейчас, хотя они и считают, что Рэндом скажет им только то, что я захочу, они все же выслушают. Ну а потом все будут прикидывать без конца врет он или нет, будут играть идеями, пытаясь понять, зачем я их собрал. На какое-то время они примут на веру рассказ Рэндома при условии, что позже он будет подтвержден новыми фактами. И будут ждать, где мы возьмем эти факты. Меня самого это чрезвычайно интересовало. Ожидая и размышляя, я наблюдал за всеми. Бесплодное, но неизбежное занятие. Не только подозрительность — просто любопытство требовало, чтобы я искал на лицах улики, чувства, знаки. Для меня не было более знакомых лиц. По крайней мере, я считал, что знаю их лучше любых других. И конечно же, эти лица мне ничего не сказали. Может быть, правда, что лучше всего судить о человеке по первому впечатлению. Что только тогда и смотришь на него по-настоящему, а потом уже мысленно просто проигрываешь внутри себя кассету

с записями своего первого впечатления. Мой мозг достаточно ленив, чтобы в это поверить. Он при первой же возможности использует свои способности к абстрактному мышлению, чтобы избежать лишней работы. Поэтому он притворяется, что ничего нового никогда не происходит. На сей раз я заставил его работать, но и это не помогло. Джулиан сохранял обычное выражение лица: слегка скучающее, почти довольное. Жерар казался то удивленным, то разгневанным, то задумчивым. Бенедикт был мрачен и подозрителен. Льювилла — как всегда, печальна и непроницаема. Дейдра выглядела встревоженной. Лицо Флоры выражало молчаливое согласие, а Фиона изучала прочих, не исключая и меня. Составляла свой собственный каталог реакций. Единственное, что можно было сказать, — рассказ Рэндома произвел впечатление. Никто не выдавал себя, но я видел, как исчезла скука, улеглись старые подозрения и появились новые. Мои родственники были заинтересованы, почти зачарованы. Сначала были одиночные вопросы, потом они посыпались дождем.

— Подождите, — наконец прервал их я, — дайте Рэндому закончить. Пусть расскажет все. На некоторые вопросы он ответит сам, а остальные

задавайте потом.

Кивки, недовольное ворчание, и Рэндом довел рассказ до конца. То есть, до нашего сражения со звероподобными людьми в доме Флоры. Он заявил, что Каина убили их собратья, что подтвердила и Флора. Затем, когда все снова стали задавать вопросы, я внимательно следил за их лицами. Если они касались сути истории Рэндома — бога ради! Но я не желал размышлений на тему о возможности того, что за всем этим стоит кто-то из нас. Как только все это выплывет наружу, тут же начнутся разговоры обо мне, и они станут наводить тень на ясный день. Это может привести к обмену резкостями, и тогда встреча примет нежелательный характер. Лучше сначала постараться найти доказательства и, избежав взаимных упреков и обвинений, загнать виновного в угол, заодно укрепив свои позиции. Итак, я наблюдал и ждал. Почувствовав, что решающий момент близок, я остановил часы.

— Если бы мы знали все, то не понадобились бы споры и домыслы, — заявил я. — Возможно, мы сможем получить ответы на свои вопросы прямо сейчас. Поэтому я и собрал вас.

Прямо в точку. Они были у меня в руках: внимательные и готовые действовать. Может, даже

и вправду стремящиеся что-то сделать.

— Я предлагаю попытаться найти Бранда и доставить его домой, прямо сейчас.

— Каким образом? — поинтересовался Бенедикт.

— Через Карты.

— Это уже было, — вспомнил Джулиан. — Так до него не добраться. Он не отвечает.

— Я не о том. Я просил вас принести с собой полные Колоды Карт. Надеюсь, они с вами?

Все дружно закивали головами в знак согласия.

— Отлично, — продолжал я. — Давайте вынем Карты и найдем Карту Бранда. Я предлагаю одновременно попытаться связаться с ним нам всем..

— Любопытная мысль, — произнес Джулиан.

— Да, — согласился Бенедикт, доставая свою Колоду и тасуя Карты. — По крайней мере, стоит попробовать. Может, энергия и возрастет.

Я нашел Карту Бранда и подождал, пока другие сделают то же самое.

— Давайте действовать согласованно. Все готовы? — спросил я.

Восемь утвердительных ответов.

— Тогда начали! Раз, два, три!

Я вгляделся в свою Карту. Бранд был похож

лицом на меня, но меньше ростом и изящнее. Волосы у него были огненные, как у Фионы. Он был одет в зеленый костюм для верховой езды и скакал на белом коне. Когда это было? — подумал я. Мечтатель, мистик, поэт, всегда печальный или восторженный, циничный или безгранично доверчивый, Бранд, казалось, не знал умеренности в чувствах. Не то чтобы он был психопатом, нет, слишком сложным был его характер, и все же, со множеством оговорок, это слово объясняло, к чему он шел. Должен признать, что иногда Бранд был так очарователен, тактичен и предан, что я ставил его выше всех своих сородичей. Но временами он бывал так злобен, жесток и едок, что я старался избегать его, опасаясь, что сорвусь и искалечу брата. Последний раз, когда я видел Бранда, незадолго до нашей ссоры с Эриком и моей ссылки, он был как раз в таком настроении… С такими мыслями и чувствами я вглядывался в Карту Бранда, мысленно искал его, напрягал свою волю чтобы открыть пространство, которое Бранд должен был заполнить. Остальные были заняты тем же, перебирая свои воспоминания. Карта медленно изменялась, появилась иллюзия глубины. Я почувствовал, что все стало расплываться: знакомое ощущение, указывающее на то,

что контакт установлен. Карта в моих руках стала холодной, все поплыло. И внезапно изображение стало четким, устойчивым, живым.

Бранд, похоже, находился в камере. Позади него высилась каменная стена, на полу валялась солома. Он был закован в цепь, пропущенную через огромный болт с кольцом, вбитым в стену над его головой. Цепь была длинная и позволяла ему передвигаться. Сейчас Бранд, используя эту возможность, лежал в углу, растянувшись на куче тряпья и соломы. Его волосы и борода очень отросли, и я никогда не видел его таким худым. Бранд был одет в грязные лохмотья. Казалось, он спал. Я вспомнил свою тюрьму — вонь, холод, отвратительную еду, сырость, одиночество, безумие, которое приходило и снова покидало меня. По крайней мере, его глаза были целы, потому что они засверкали, когда несколько голосов произнесли его имя. Я увидел их: зеленые, пустые, ничего не выражающие. Наркотики? Или он считает, что у него галлюцинации? Но внезапно Бранд воспрял духом. Он вскочил и протянул руку.

— Братья! — воскликнул он. — Сестры!

— Я иду к тебе!

Крик потряс комнату. Жерар вскочил на ноги,

опрокинув свое кресло, одним прыжком пересек комнату и сорвал со стены огромный боевой топор. Он накинул петлю орудия близкого боя на кисть руки, в которой держал Карту. На мгновение Жерар замер, вглядываясь в нее, затем вытянул вперед свою свободную руку и внезапно оказался там, в камере, прижимая к себе Бранда, который именно в этот момент потерял сознание. Изображение заколебалось, контакт прервался. Выругавшись, я стал лихорадочно ворошить Колоду в поисках Карты Жерара. Остальные делали то же самое. Найдя ее, я сосредоточился в поисках контакта. Все медленно растаяло, изменилось и вновь обрело форму. Есть! Жерар, туго натянув цепь, приложил ее к стене и рубил топором. Цепь оказалась прочной и пока выдерживала его мощнейшие удары. Несколько звеньев были расплющены и испещрены глубокими зарубками. Но к этому времени прошло уже минуты две. Звон и удары топора привлекли внимание тюремщиков. Слева донесся шум, скрежет, звуки открывающихся засовов, скрип петель. Хотя все это происходило вне поля моего зрения, не приходилось сомневаться, что дверь камеры открывается. Бранд стоял, а Жерар продолжал перерубать цепь!

— Жерар! Дверь! — крикнул я.

— Слышу! — воскликнул он, обернув цепь вокруг руки и дернув ее. Но цепь не поддавалась.

Один из рогоруких воинов бросился на него с поднятым мечом. Жерар отбросил цепь и взмахнул топором. Стражник упал, но на его место встал другой, третий, четвертый обходил его сбоку. Остальные также были неподалеку. В этот момент я увидел резкое движение, и на живой картине возник Рэндом. Он стоял на коленях, сжимая правой рукой руку Бранда, а другой держал перед собой кресло, словно щит. Ножки кресла были направлены на стражников. Рэндом вскочил и ринулся на атакующих, врезаясь в них, точно таран. Стражники отступили. Рэндом поднял кресло и размахнулся. Один из стражников лежал мертвый на полу, другой отползал в сторону, сжимая обрубок правой руки. Рэндом схватил кинжал и погрузил его в ближайшее брюхо, затем раздробил два черепа креслом и отогнал последнего стражника. Самое жуткое было в том, что, пока шла заварушка, мертвец поднялся с пола и стал медленно подниматься в воздух, истекая кровью. Получивший удар в живот, рухнул на колени, сжимая руками кинжал. Тем временем Жерар схватил цепь обеими

руками, уперся ногой в стену и рванул. Его плечи напряглись, на спине вздулись мускулы, но цепь не поддавалась. Десять секунд, пятнадцать… Цепь со звоном лопнула. Жерар чуть не упал, но удержался на ногах, выбросив руку в сторону. Он оглянулся, очевидно на Рэндома, которого в этот момент я не видел. Видимо, все было в порядке, потому что он нагнулся и поднял Бранда, вновь потерявшего сознание. Держа его на руках, Жерар повернулся и из-под обмякшего тела протянул к нам руку. Рядом с ним возник Рэндом, уже без кресла, и тоже подал нам знак. Все мы потянулись к ним, и через секунду они уже были с нами. Раздался приветственный крик, и все кинулись к Бранду, чтобы увидеть нашего брата, которого столько лет не было с нами и которого только что удалось вырвать из лап загадочных тюремщиков. Наконец-то можно было надеяться, что мы получим ответы на наши вопросы. Но он был так слаб, так худ, так бледен…

— Назад! — рявкнул Жерар. — Дайте положить его на кушетку. Потом будете смотреть, сколько вам…

Наступила мертвая тишина. Все подались назад и окаменели. Потому что Бранд был в крови, и кровь капала с ножа, торчащего в его правом

боку, ближе к спине. Несколько секунд назад ножа там не было. Кто-то только что попытался распороть ему почки, и вполне возможно, что попытка оказалась успешной. Мы с Рэндомом предположили, что за всем этим стоит кто-то из нас, но это нисколько не обрадовало меня. Я попытался зафиксировать в уме место, которое занимал каждый из нас в момент удара.

Потом чары рассеялись. Жерар отнес Бранда на диван, все отступили, поняв не только то, что произошло, но и что из этого следует. Жерар уложил Бранда на кушетку лицом вниз и сорвал его грязную рубашку.

— Принесите чистой воды, его надо обмыть! — приказал он. — И полотенце. Быстро! Физиологический раствор, глюкозу, что-нибудь, из чего можно соорудить капельницу. Тащите всю аптеку!

Дейдра и Флора бросились к двери.

— Мои комнаты ближе всего, — подсказал Рэндом — Там есть аптека. А установка для внутривенного вливания стоит в лаборатории на третьем этаже. Я помогу вам.

Они вышли. Любой из нас какое-то время изучал международную медицину и в Амбере, и в Отражениях. Но то, что знали там, не всегда

годилось для Амбера. Например, большинство антибиотиков из Отражений в Амбере не действовали. С другой стороны, иммунологические процессы у нас протекали не так, как у людей, которых мы изучали: для нас было очень сложно чем-нибудь заразиться, и даже если это и случалось, мы справлялись с болезнями намного быстрее. К тому же, мы обладаем мощными регенерационными способностями. Все это понятно. Оригинал всегда лучше своего отражения. Мы, амбериты, знали об этом с раннего возраста, поэтому каждый из нас начинал изучать медицину еще с молодости. И что бы там ни говорили о том, что человек сам себе лучший врач, все это восходит к нашему недоверию ко всему и ко всем, а особенно к тем, кто может держать нашу жизнь в своих руках. Не могу утверждать, что это недоверие не имеет оснований. Все это частично поможет понять, почему я не бросился на помощь Бранду, оттолкнув Жерара, хотя всего пару поколений назад окончил медицинский колледж на Отражении Земля. Кроме того, Жерар теперь не подпускал к Бранду никого. Джулиан и Фиона шагнули было вперед, очевидно подумав об одном и том же, но левая рука Жерара преградила им путь, словно шлагбаум на железнодорожном

переезде.

— Нет уж, — заявил он. — Я уверен, что это не моих рук дело, а о других я так не думаю. Кто бы это ни был, второй попытки он не получит.

Если бы такую рану получил любой здоровый член нашей семьи, он обязательно выжил бы, если б продержался первых полчаса. Но Бранд находился в таком состоянии… ни за что нельзя было ручаться. Когда Рэндом и девочки вернулись с лекарствами и приборами, Жерар вымыл Бранда, зашил рану и перевязал его. Он подключил аппарат для внутривенного вливания. Рэндом отыскал молоток и зубило. Жерар сбил наручники, укрыл Бранда простыней и одеялом и вновь пощупал пульс.

— Ну, что? — поинтересовался я.

— Пульс слабый, — ответил он, пододвинул кресло к дивану и уселся. — Принесите мне меч и бокальчик вина. Я еще ничего не пил, да и проголодался. Не осталось ли там чего-нибудь?

Льювилла направилась к буфету, а Рэндом притащил меч, висевший на вешалке за дверью.

— Ты что, собрался переселиться сюда? — спросил Рэндом, протягивая Жерару оружие.

— Совершенно верно.

— Может, перенести Бранда в другую постель,

поудобнее?

— Ему и здесь хорошо. Я сам решу, когда его можно будет переложить. А пока разожгите-ка огонь в камине. И погасите свечи.

Рэндом кивнул.

— Сейчас, — ответил он и взял кинжал, вытащенный из тела Бранда, — тонкий стилет, длиной в семь дюймов, Рэндом положил оружие на ладонь: — Кому-нибудь это знакомо?

— Нет, — ответил Бенедикт.

— Нет, — сказал Джулиан.

— Нет, — ответил я.

Женщины покачали головами.

Рэндом внимательно рассматривал кинжал.

— Его легко спрятать в рукаве, сапоге или в корсете… да, для этого нужна недюжинная смелость.

— Отчаяние, — подсказал я.

— И тонкий расчет. Предвидение того, что все бросятся к Бранду. Почти вдохновение.

— Может быть, это кто-то из стражников еще в камере? — предположил Джулиан.

— Нет, — откликнулся Жерар. — Ни один из них не подходил к нему так близко.

— Хороший баланс. Этот кинжал можно метать, — вставила свое замечание Дейдра.

— Ты права, — согласился Рэндом, держа кинжал на кончиках пальцев. — Но ни у кого из стражников не было такой возможности. Я все время находился между Брандом и ними, в этом я уверен.

Возвратилась Льювилла и принесла поднос, на котором лежали куски мяса, полкаравая хлеба, бутыль вина и кубок. Я освободил маленький столик и придвинул его к креслу Жерара. Ставя поднос на столик, Льювилла спросила:

— Но почему? Выходит, кто-то из нас? Зачем это?

Я вздохнул:

— А как ты думаешь, кто его засадил в тюрьму?

— Кто-то из нас?

— Ну, а кто же еще? Если ему известно что-то, мешающее кому-то… по той же причине его и держали в тюрьме.

Она нахмурилась:

— Но это же бессмысленно. Почему его просто не убили?

Я в недоумении пожал плечами:

— Вероятно, для чего-то он был еще нужен. На этот вопрос может ответить лишь один человек. Найдешь его — спросишь.

— Его или ее, — поправил Джулиан. — Сестра, с чего ты стала вдруг такой наивной?

Льювилла в упор посмотрела ему в глаза. Ее глаза были как два айсберга, отражающие ледяную бесконечность.

— Насколько я помню, — заметила она, — когда они оказались в комнате, ты встал с кресла, повернул налево, обогнул стол и оказался чуть правее Жерара. Ты наклонился далеко вперед. Кажется, твои руки были опущены, и их никто не видел.

— Насколько я помню, — парировал Джулиан, — ты сама стояла слева от Жерара, совсем рядом. И также наклонилась вперед.

— Тогда я должна была нанести удар левой рукой, а я правша.

— Может быть, поэтому он еще жив.

— Джулиан, почему ты так стремишься доказать, что виновен кто-то другой?

— Ну, хватит! — прикрикнул я на них. — Довольно! Все это бессмысленно! Виновен только один из нас и так его на чистую воду не выведешь!

— Его или ее, — настаивал Джулиан.

Жерар встал, навис над всеми и свирепо уставился на нас.

— Прекратите беспокоить больного! — рявкнул он. — Рэндом, мне казалось, ты хотел разжечь огонь!

— Минутку, — ответил Рэндом и направился к камину.

— Перейдем в нижнюю гостиную, — предложил я. — Жерар, я поставлю у дверей двух солдат.

— Нет уж! — возразил сердито Жерар. — Пускай уж тот, кому захочется попробовать, войдет сюда. Утром я принесу вам его голову.

Я кивнул.

— Ну что ж, если тебе что-нибудь понадобится, позвонишь или вызовешь нас по Картам. Утром расскажем тебе все, что нам удастся выяснить.

Жерар, уселся, что-то пробурчал и принялся за еду. Рэндом разжег огонь и потушил часть свечей. Одеяло Бранда вздымалось и опадало медленно, но регулярно. Мы тихо вышли из комнаты, оставив их наедине с огнем, потрескиванием дров, пробирками и склянками.

Иногда мне снится, что я вновь в своей старой камере в подземельях Амбера и снова слепой. И тогда в ужасе я просыпаюсь. Не то чтобы мне раньше не приходилось сидеть в тюрьмах.

Меня сажали не раз и на разные сроки. Но одиночество, слепота, отсутствие всяких надежд

— все это оставило глубокий след в моей душе. Когда я бодрствую, то мне обычно удается загнать эти воспоминания подальше, но ночью они изредка вырываются на свободу и начинают свою вакханалию: раз-два-три раз-два-три… Вид Бранда в его камере снова пробудил их, меня била дрожь, хотя ночь была теплая. Воспоминания, которые я обычно гнал от себя, сегодня полностью завладели мной. Теперь, когда мои родственники сидели в гостиной, стены которой были увешаны щитами, я никак не мог избавиться от мысли, что один или несколько из них расправились с Брандом точно так же, как Эрик расправился со мной. Хотя в этом не было ничего удивительного, мне становилось не по себе, когда я думал о том, что преступник находится в одной комнате со мной, а я не имею ни малейшего понятия, кто он. Единственным утешением было то, что, по моим наблюдениям остальным тоже приходилось несладко. Включая и виновника. Теорема была доказана. Я понял, что всех их до сих пор не покидала надежда, что виновен во всем кто-то чужой, не из нашей семьи. Теперь эта надежда исчезла, как утренний туман.

С одной стороны, сейчас мне придется быть еще осторожнее в разговоре с ними. С другой — как

раз подходящее время для того, чтобы выкачать из них новую информацию, пока все они не в своей тарелке. Их желание помочь устранить угрозу могло оказаться весьма полезным. Даже виновнику придется вести себя так же, как остальным. Кто знает, может, от напряжения он себя нечаянно чем-нибудь выдаст?

— Ну, что еще интересного у тебя на сегодня? — поинтересовался Джулиан, сцепив руки за спиной и растянувшись в моем любимом кресле.

— Пока ничего, — ответил я.

— Жаль, — произнес Джулиан. — А я-то надеялся, что ты предложишь тем же способом поискать отца. А вдруг нам повезет? Найдем и его. И кто-нибудь наверняка его уберет. А после этого поиграем в «русскую рулетку» твоим новым способом. Победитель получает все.

— Ты плохо обдумал свои слова, — заметил я.

— Ничего подобного, я обдумал каждое слово, — заявил он. — Мы тратим так много времени на то, чтобы забить друг другу баки, что я решил для развлечения высказать то, что думаю. Может быть, кто-нибудь это заметит.

— Теперь ты знаешь, что мы заметили. И еще все заметили, что теперешний Джулиан ничуть не лучше прежнего.

— Выбирай, кто тебе больше нравится. Нам очень интересно, знаешь ли ты, что делать дальше.

— Знаю. В настоящее время я намерен получить ответы на некоторые вопросы: они имеют отношение к тому, что мучает нас. Начнем с Бранда и его судьбы, — повернувшись к Бенедикту, который сидел, пристально уставившись на огонь, я сказал: — Бенедикт, ты как-то в Авалоне упомянул, что Бранд был среди тех, кто искал меня после моего исчезновения.

— Это правда, — не стал возражать Бенедикт.

— Мы все искали тебя, — добавил Джулиан.

— Это было потом, — уточнил я. — Вначале этим занимались Бранд, Жерар и ты сам, Бенедикт. Ты ведь так мне говорил?

— Да, но позже и остальные пытались тебя найти. Это я тоже говорил.

Я кивнул.

— Бранд в это время ни о чем необычном не упоминал?

— Необычном? Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Я ищу какую-нибудь связь с тем, что произошло с ним и со мной.

— Тогда ты ищешь не там, где надо. Он вернулся и сказал, что никого не нашел. После этого он

много веков жил в Амбере и никто его не трогал.

— Это я знаю. Но из рассказа Рэндома я понял, что он окончательно исчез где-то за месяц до моего выздоровления и возвращения. Здесь что-то не то. Скажи, может быть, он говорил о чем-то странном не сразу после возвращения, а перед своим исчезновением? Или между? Хотя бы что-то. Говорите, если что-нибудь знаете.

Наступило молчание. Все переглянулись. Во взглядах было не столько беспокойство или подозрительность, сколько любопытство. Наконец, высказалась Льювилла:

— Я не знаю… вероятно, это не имеет значения…

Все взоры устремились на нее. Она заговорила, медленно завязывая и развязывая концы пояса.

— Это произошло между возвращением Бранда и его исчезновением. Мне и вправду это показалось странным. Когда-то давно Бранд приехал в Ребма…

— Когда это «давно»? — спросил я.

Она сморщила лоб.

— Пятьдесят, может быть, шестьдесят или семьдесят лет назад. Точно не помню…

Я постарался вспомнить примерный коэффициент преобразования, выведенный мною в дни

долгого заключения. День в Амбере длится чуть больше двух с половиной дней Отражения Земля, где я жил в ссылке. Когда это было возможно, я подгонял амберское время под свое собственное, на случай, если выявится какое-нибудь интересное совпадение. Итак, Бранд приезжал в Ребма, когда для меня шел девятнадцатый век.

— Как бы там ни было, — продолжала Льювилла, — Бранд приехал навестить меня. Пробыл несколько недель, — она взглянула на Рэндома. — Он расспрашивал о Мартине.

Рэндом прищурился и наклонил голову:

— Он не говорил, зачем?

— Специально не говорил, но намекал, что где-то встретил Мартина, и у меня сложилось впечатление, что он не прочь снова встретиться с ним. Только после его исчезновения до меня дошло, что приезжал он только за тем, чтобы разузнать о Мартине. Сами знаете, как Бранд умел все выпытывать, не подавая виду, что это для него важно. Только потом, когда я переговорила с другими, у которых он также побывал, я поняла, что к чему. Но зачем это ему понадобилось — так и не знаю.

— В высшей степени интересно, — протянул Рэндом, — мне пришло на ум кое-что, чему я

никогда не придавал значения. Однажды он долго расспрашивал меня о моем сыне. Вполне вероятно, что это было в то же самое время. Но он никогда не говорил, что встречал его или хотел бы с ним увидеться, Он начал прохаживаться насчет бастардов. Когда я оскорбился, Бранд извинился и засыпал меня более приличными вопросами о мальчике. Я подумал, что он делает это из вежливости, чтобы загладить обиду но, как сказала Льювилла, он умел вытягивать из людей сведения. Почему ты никогда не рассказывала мне об этом?

Она мило улыбнулась:

— А зачем мне это?

Рэндом медленно кивнул, его лицо оставалось бесстрастным.

— Мне кажется, что после отъезда Бранд знал не больше, чем когда приехал.

— Странно, — сказал я. — Бранд разговаривал о Мартине еще с кем-нибудь?

— Не припоминаю, — промолвил Джулиан.

— Я тоже, — произнес Бенедикт.

Остальные отрицательно покачали головами.

— Оставим пока это, но возьмем на заметку, — проговорил я. — Мне необходимо знать еще кое-что. Джулиан, насколько мне известно, вы с

Жераром как-то пытались пройти по Черной дороге. При этом Жерар был ранен. Кажется, после этого вы жили у Бенедикта, пока Жерар не выздоровел. Я хотел бы знать об этой экспедиции.

— Сдается мне, ты уже знаешь о ней, — ответил Джулиан. — Ты только что рассказал все, что произошло.

— Как ты узнал об этом, Корвин? — осведомился Бенедикт.

— В Авалоне.

— От кого?

— От Дары.

Он вскочил на ноги, подошел ко мне, остановился и свирепо уставился на меня сверху вниз.

— Ты снова пытаешься начать разговоры об этой девчонке?

Я вздохнул.

— Ну сколько можно об этом говорить? Я тебе давно рассказал все, что знаю. Хочешь верь, хочешь не верь, но все это рассказала мне она.

— Что ж, значит, ты мне не все рассказал. Этой части истории я не припомню!

— Правда это или нет? Насчет Джулиана и Жерара?

— Правда! — буркнул он.

— Тогда забудем пока об источнике информа-

ции. Расскажи о том, что там случилось.

— Согласен, — вздохнул Бенедикт. — Теперь можно говорить откровенно. Того, кто вынуждал нас помалкивать, больше нет среди нас. Это, естественно, об Эрике. Он не знал, где я, как и все остальные. Все амберские новости я узнавал от Жерара. Возле Авалона… нет, сперва другое. Эрику все меньше и меньше нравилась Черная дорога, и он, наконец, решил послать разведчиков, которые прошли бы по ней через Отражение до самого ее начала. Он выбрал Джулиана и Жерара. Возле Авалона на них напал очень большой отряд тварей. Жерар по Карте вызвал меня, и я пришел к ним на помощь. Враг был уничтожен. Поскольку в битве Жерар сломал руку, да и Джулиана изрядно потрепали, то я забрал их к себе. В это время я нарушил молчание и связался с Эриком, чтобы дать ему знать, где они и что с ними. Он приказал им после выздоровления вернуться в Амбер. Они жили у меня, пока не поправились, а после выздоровления возвратились домой.

— И это все?

— Все.

Но это было не все. Дара рассказала мне кое-что еще. Я совершенно четко помнил, что она упомянула и о другом посетителе. В тот день у

ручья, когда крохотная радуга играла в тумане над водопадом, а мельничное колесо вращалось и вращалось, выбрасывая мечты и перемалывая их, когда мы фехтовали, разговаривали, бродили по Отражению и, пройдя через первобытный лес, оказались на берегу могучего потока, где вращалось колесо, которое могло бы молоть зерно из житницы богов, в день, когда мы завтракали на траве, флиртовали, сплетничали, она говорила о многом. Несомненно, не все можно было брать на веру, но насчет путешествия Джулиана и Жерара она не солгала. Теперь я не мог отвергнуть возможность и того, что она говорила правду и о другом. Она утверждала, что Бранд посещал Бенедикта в Авалоне. Она даже сказала «часто». Итак, Бенедикт не скрывал, что не доверяет мне. Он понимал, что я знаю больше, чем он рассказывает. И, умалчивая, как бы говорил: «Это не твое дело». Если бы я был на его месте, я поступил бы точно так же, черт меня подери! Но надо быть идиотом, чтобы рассказать сейчас ему о том, что мне известно. Потому что существовали и другие возможности. Может быть, он собирается рассказать мне о визитах Бранда позже, наедине. Возможно, он не желает говорить об этом при всех, особенно при том, кто пытался прикончить Бранда. Или…

конечно, не исключена возможность того, что за всем этим стоит сам Бенедикт. В этом случае, мне было даже страшно подумать о последствиях. Я служил под командованием Наполеона, Ли, Макартура и научился ценить тактиков и стратегов. Бенедикт был и тем и другим, и я не знал никого, кто бы мог с ним в этом сравниться. Недавняя потеря правой руки нисколько не унизила его в моих глазах, да, кстати говоря, и не уменьшила его искусства в единоборстве. Если бы не мои недавние злоключения, то после нашей стычки он без труда превратил бы меня и отбивную. Нет, мне очень не хотелось, чтобы это был Бенедикт, и я не собирался вытягивать из него то, что в настоящий момент он считает нужным скрывать. Оставалось только надеяться, что он просто приберегает это на потом. Поэтому я удовлетворился его ответом и решил перейти к другим делам.

— Флора, — обратился я к сестре, — когда я был у тебя в первый раз после аварии, ты сказала кое-что, чего я до сих пор не могу понять. После этого у меня было много времени для воспоминаний, и, припомнив твою загадочную фразу, я задумался. Но к сожалению, так ничего и не понял. Не объяснишь ли, что ты имела в виду, когда сказала, что в Отражениях столько кошмарного, что никто из

нас и представить себе не может?

— Ты веришь, не припоминаю, чтобы я это говорила. Но, возможно, это было, если врезалось тебе в память. Но ты должен понимать, что я имела в виду: Амбер воздействует на соседние Отражения, словно магнит, притягивая к себе разные существа, чем ближе к Амберу, тем легче путь даже для созданий из Отражений Хотя между Отражениями тоже происходит обмен, но вблизи Амбера этот эффект проявляется сильнее и становится односторонним. Мы всегда были настороже, чтобы к нам не проскользнули какие-нибудь неприятные твари. Так вот, в последние годы, перед твоим выздоровлением, их стало вблизи Амбера больше обычного. Почти все они были опасны. Многие из них были из соседних Отражений. Мы их знали. Но через некоторое время стала появляться всякая дрянь. В конце концов обнаружились совершенно незнакомые твари. Мы не нашли никаких причин этого нашествия, хотя искали их повсюду. Никаких катастроф, которые могли бы пригнать их к нам. Другими словами, происходили совершенно невероятные переходы через Отражение.

— Все это началось еще при отце?

— Да. Как я уже сказала, за несколько лет до

твоего выздоровления.

— Понятно. Вы не задумывались над тем, что такое состояние дел и исчезновение отца, возможно, связаны между собой?

— Наверняка, — ответил Джулиан. — Я до сих пор считаю, что это и есть причина его исчезновения. Отец уехал, чтобы выяснить, в чем дело, и поправить положение.

— Это только догадки, — произнес Бенедикт. — Ты же знаешь отца. Он никогда ничего не объяснял. Но вообще-то это предположение правдоподобно. Насколько мне известно, он много раз говорил о том, что озабочен этой… если хочешь, миграцией чудовищ.

Я вытащил свои Карты из футляра. С недавних пор у меня вошло в привычку всегда носить Колоду с собой. Я поднял Карту Жерара и всмотрелся в нее. Остальные молчали, наблюдая за мной. Через несколько секунд контакт восстановился. Жерар все еще сидел в кресле, положив меч на колени, и продолжал есть. Ощутив мое присутствие, он проглотил кусок и сказал:

— Да, Корвин. Что тебе нужно?

— Как Бранд?

— Спит, пульс немного лучше, дыхание такое же ровное. Еще рано…

— Знаю и понимаю. Я, в основном, хочу проверить твою память. Перед исчезновением отца у тебя не возникло впечатление, что причиной его отъезда могло быть нашествие на Амбер из Отражений тварей? Может быть, какие-нибудь слова или поступки?

— Обычно это называется наводящим вопросом, — заметил ехидно Джулиан.

Жерар вытер рот.

— Может быть, может быть. Отец казался обеспокоенным, чем-то озабоченным и часто упоминал про чудовищ. Он никогда не говорил, что это главная его забота. Или о том, что его беспокоит что-либо другое.

— Например?

Жерар покачал головой.

— Не знаю. Что угодно. Я… хотя да… да! Возможно, тебе не помешает узнать об этом, важно это или нет. Вскоре после исчезновения отца я попытался узнать, не я ли был последним, кто видел его перед отъездом. В этом я был почти уверен. Весь вечер я пробыл во дворце и уже хотел возвращаться на флагманский корабль. Примерно за час до этого отец ушел к себе, а я засиделся в караульной, дулся в шашки с капитаном Тобеном. На следующее утро мы отплывали,

и я решил прихватить с собой книгу. Я поднялся сюда, в библиотеку. Отец сидел за столом, вот здесь, — кивком головы указал Жерар место. — Он перелистывал какие-то старые книги и еще не переоделся. Когда я вошел, он кивнул мне. Я сказал, что хотел лишь взять книгу. «Тогда ты пришел, куда следует», — ответил он и продолжал читать. Я нашел книгу, пожелал ему спокойной ночи, он ответил: «Счастливого плавания», и я ушел. Жерар снова опустил глаза. — Сейчас я уверен, что в ту ночь на нем висел Камень Правосудия. Я видел его на отце так же ясно, как вижу его на тебе. И я уверен, что раньше, тем же вечером, Камня на нем не было. После этого я долго считал, что он взял Самоцвет с собой, ничто в его комнате не указывало на то, что позже он переоделся. Я ни разу не видел Камень до того, как вы с Блейзом были разбиты под Амбером. В тот день его надевал Эрик. Когда я стал расспрашивать его, он заявил, что нашел Самоцвет в комнате отца. У меня не было никаких доказательств того, что Эрик лжет, и пришлось удовлетвориться его ответом. Но он никогда не был мне по душе, я постоянно сомневался, так ли это. После того, как я услышал твой вопрос и увидел на тебе Камень, сомнения вновь вернулись ко мне. Вот я и решил, что ты

должен знать об этом.

— Спасибо, — вымолвил я. В моей голове вертелся еще один вопрос, но в данный момент я решил не задавать его. И задал другой:

— Как ты считаешь, не нужны ли Бранду одеяла или еще что-нибудь в этом роде?

Жерар поднял свой бокал, точно за мое здоровье, и отхлебнул вина.

— Ладно. Продолжай в том же духе, — произнес я и провел рукой по его Карте. — Кажется, Бранду лучше. Жерар не помнит, чтобы отец говорил что-нибудь, что позволило бы непосредственно связать появление чудовищ с его отъездом. Интересно, что скажет Бранд, когда придет в себя.

— Если он придет в себя, — бросил Джулиан.

— Думаю, что он очнется. Нам всем не раз крепко доставалось, и если мы во что-то и верим, так это в собственную живучесть. Я считаю, что к утру он сможет говорить.

— Что ты собираешься сделать с виновником, если Бранд назовет его? — поинтересовался Джулиан.

— Ну, прежде всего, допросить его.

— Тогда я хотел бы допрашивать его сам. У меня возникло такое чувство, что на сей раз ты, возможно, прав, Корвин, и что тот, кто ранил его,

вероятно, виновен и в том, что мы периодически находимся в осаде, и в исчезновении отца, и в смерти Каина. Поэтому перед тем, как мы перережем его горло, я с наслаждением допрошу его. Считайте меня добровольцем и на окончание работы, связанной с ним.

— Что ж, мы не забудем твоей просьбы.

— Корвин, я не сбрасываю тебя со счетов.

— Я в этом не сомневался.

— Я хочу кое-что сказать, — проговорил Бенедикт, заглушив ответ Джулиана. — Меня беспокоит как сила, так и очевидная цель наших противников. Я несколько раз сталкивался с ними, и они жаждут крови. Если на минуту поверить рассказу Корвина о Даре, то ее последние слова выражают их намерение: Амбер будет разрушен. Не побежден, не покорен, не проучен. Разрушен! Ладно, Джулиан, ты бы не отказался поцарствовать здесь, а?

Джулиан улыбнулся:

— Может быть, на следующий год, но не сегодня, спасибо.

— Я хочу сказать, что могу представить себе, что ты или любой из нас набирает наемников или ищет союзников для того, чтобы захватить власть. Но я не могу представить, чтобы ты ис-

пользовал такие вот могущественные силы, которые могут потом выйти из-под контроля. Силы, целью которых является не завоевание, а разрушение. Я не могу представить себе, чтобы ты, я, Корвин, любой из нас пытались разрушить Амбер или имели дело с теми, кто хочет этого. Поэтому версия Корвина о том, что кто-то из нас предатель, мне не нравится.

Волей-неволей пришлось утвердительно кивнуть. Я и сам знал, что это было самое слабое место в моих рассуждениях. Но все же, здесь было столько неизвестного… я мог бы предложить кучу объяснений, но догадками ничего не докажешь. За меня это сделал Рэндом.

— Может быть, — сказал он, — кто-то из нас, заключив договор, недооценил своих союзников, а теперь ему приходится не слаще остальных. Он, может, и не прочь дать задний ход, но поздно.

— Мы можем предоставить ему возможность предать своих союзников сейчас, — произнесла Фиона, — если нам удастся убедить Джулиана не перерезать ему глотку, и если остальные пообещают то же самое. В этом случае он, может быть, признается. При условии, что догадка Рэндома верна. Он больше не будет претендовать на трон, но совершенно очевидно, что он так и так

его не получит. Он останется в живых и сможет избавить Амбер от крупных неприятностей. Кто-нибудь желает дать гарантию виновнику на этих условиях?

— Да, — ответил я, — если он сознается, я сохраню ему жизнь, при условии, что он проведет ее в ссылке.

— Я с этим согласен, — поддержал меня Бенедикт.

— Я тоже, — сказал Рэндом.

— С одним условием, — добавил Джулиан. — Я согласен, если он лично не виновен в смерти Каина. В противном случае — нет. Мне понадобятся веские доказательства.

— Пожизненная ссылка, — протянула Фиона. — Хорошо. Я согласна. Не возражаю.

— И я, — присоединилась к ней Флора.

— Я тоже, — сказала Льювилла.

— Скорее всего, Жерар тоже не будет против, — предположил я.

— Но вот Бранд… Я сомневаюсь, что ему захочется присоединиться к нашему решению.

— Давайте спросим Жерара, — заявил Бенедикт. — Если Бранд выкарабкается и станет возражать, виновный будет знать, что ему нужно будет избегать только одного врага, В конце кон-

цов между собой они всегда могут разобраться.

— Идет, — я заглушил в себе дурные предчувствия и снова связался с Жераром.

Жерар тоже согласился. Все мы встали и поклялись в этом именем Единорога Амбера. В клятве Джулиана было дополнительное условие. Мы поклялись также отправить в ссылку любого из нас, кто нарушит свое обещание. Я сомневался, что это что-нибудь нам даст, но всегда приятно наблюдать единодушие в семье. Затем каждый подчеркнуто заявил, что останется во дворце на ночь. Все хотели показать, что не страшатся того, что утром может рассказать Бранд, и не собираются покидать город. Даже если ночью Бранд не выживет, об этом не забудут. Поскольку я не имел больше вопросов, и никто не вскочил и не покаялся в грехах, о которых упоминалось в этой клятве, то я просто сидел в кресле и слушал. Разговор распался на отдельные беседы и диалоги. Одной из основных тем были попытки восстановить немую сцену в библиотеке, расставить всех по местам. Неизменно оказывалось, что нанести удар мог каждый, кроме говорящего. Я курил и помалкивал. Дейдра высказала интересное предположение, что Жерар мог сам нанести удар, когда все толпились вокруг, и что его подвиги

были вызваны не стремлением спасти Бранда, а желанием заставить его замолчать. А в таком случае у Бранда оставалось мало шансов дотянуть до утра. Остроумно, но в это я просто не мог поверить. Другие также не соглашались с ней. По крайней мере, желающих подняться наверх и вышвырнуть Жерара из библиотеки не нашлось. Через некоторое время подошла Фиона и села рядом:

— Надеюсь, из моего предположения что-нибудь получится. Больше ничего в голову не приходит.

— Может, и получится.

— Я вижу, ты добавил к своему гардеробу любопытное украшение, — промолвила она, поднимая двумя пальцами Самоцвет и внимательно рассматривая его.

Затем Фиона подняла на меня глаза:

— Он у тебя действует?

— Немного.

— Выходит, ты знаешь, как его настраивать. Кажется, он связан с Лабиринтом?

— Да. Перед самой смертью Эрик рассказал, как это делается.

— Понятно.

Она выпустила Камень, откинулась на спинку

кресла, посмотрела в огонь:

— И он ни о чем не предупреждал тебя?

— Нет.

— Интересно, умышленно он промолчал или просто так получилось?

— Нет, он в это время умирал, и до всего прочего ему дела не было. Это значительно сократило нашу беседу.

— Знаю. Меня интересует другое. Почему он не рассказал тебе всего, что знал о камне. То ли ненависть к тебе перевесила желание, чтобы королевство не теряло магического кристалла. То ли он не знал об опасности, которая грозит работающему с Самоцветом.

— А ты что знаешь об этом?

— Корвин, вспомни, как умирал Эрик. Когда это случилось, меня не было в Амбере, но на похороны я пришла рано. При мне его подготавливали, брили, одевали. И я видела его раны. Я уверена, что ни одна из них сама по себе не была смертельной. Он был трижды ранен в грудь, но только один удар мог бы дойти до сердца.

— Одного вполне достаточно, если…

— Подожди, — прервала она меня. — Как ни сложно это было, но я все-таки попыталась проверить угол проникновения тонкой стеклянной

палочкой. Хотела сделать разрез, но Каин не позволил, И все равно я считаю, что сердце и артерии задеты не были. Если желаешь проверить, еще не поздно сделать вскрытие. Я уверена, что раны и усталость сыграли свою роль, но, по-моему, главной причиной его смерти был Самоцвет.

— Что?!

— Я помню слова Дворкина, я ведь училась у него. А эти слова помогли мне потом кое-что заметить. Дворкин намекал на то, что Самоцвет дает своему хозяину необычайные возможности, но в то же время высасывает его жизненную силу. Чем дольше ты носишь его, тем больше он отбирает у тебя сил. Не знаю, как именно. Позже я обратила внимание на то, что отец очень редко носит Камень и всегда очень быстро его снимает.

Мои мысли вернулись к Эрику в тот день, когда он умирал на склонах Колвира, и вокруг кипела битва. Я вспомнил, каким он показался мне тогда: бледное лицо, затрудненное дыхание, на груди кровь… И Самоцвет на цепочке пульсировал, подобно сердцу, в складках его мокрого одеяния. Никогда прежде и никогда потом я не наблюдал подобного зрелища. Я вспомнил, что пульсация Камня становилась все слабее и слабее. И когда Эрик умер, и я сложил его руки на Камне, пульса-

ция прекратилась.

— Ты знаешь что-нибудь о том, как действует Самоцвет? — обратился я к Фионе.

Она покачала головой.

— Дворкин считал это государственной тайной. Я знаю то, что всем известно: власть над погодой. Если судить по некоторым словам отца, он повышает восприятие. Может быть, даже переводит его на более высокий уровень. Дворкин говорил об этом, в основном, как об убедительном примере того, что Лабиринт присутствует во всем, что дает ему власть. Он приводил это и как пример принципа сохранения: все необычные возможности имеют свою цену. Чем больше власть, тем дороже она обходится. Карты — мелочь, но даже после них ощущаешь легкую усталость. А когда пересекаешь Отражение — а это значит, используешь заложенный в нас образ Лабиринта — то еще больше утомляешься. Пройти сам Лабиринт физически невероятно тяжело. Но Камень, говорил Дворкин, еще более высокая ступень того же явления, и тот, кто использует его, платит намного дороже.

Так. Что ж, если это правда, то я получил еще одно косвенное доказательство о характере моего покойного и наименее любимого братца. Если,

зная об этом, он все же ради защиты Амбера надел Самоцвет и носил его слишком долго, то, выходит, он был героем. В то же время, передавая мне Камень и ни о чем не предупредив меня, он попытался последний раз отомстить мне даже уже после своей смерти. Однако Эрик сказал, что исключил меня из своего проклятия, чтобы оно полностью пало на наших врагов. Конечно, это означало только то, что он ненавидел их чуточку больше, чем меня, и старался разумно расходовать свои возможности на благо Амбера. Я вспомнил о том, что заметки Дворкина, которые я нашел в тайнике, указанном Эриком, оказались неполными. Возможно ли, что Эрик умышленно уничтожил ту часть, в которой были предупреждения об опасности, чтобы облечь на гибель своего преемника? Это казалось мне маловероятным. Он не знал, что я возвращусь, что битва закончится его гибелью и что я и в самом деле стану его преемником. Власть вполне могла перейти к одному из любимцев, и уж, конечно, Эрик не стал бы ставить ему такие ловушки. Нет, либо Эрик не знал об этом свойстве Камня и сам получил неполные инструкции, либо кто-то добрался до бумаг раньше меня и уничтожил некоторые из них, стараясь преподнести мне

опасный для жизни сюрприз. И это снова могло быть рукой истинного врага.

— Тебе не известно, до каких пор им можно пользоваться безболезненно? — спросил я.

— Нет, — ответила Фиона. — Могу положиться на свою память и сделать несколько выводов из ее опыта. Может, пригодятся. Во-первых, я не припоминаю, чтобы когда-нибудь отец долго носил Камень. И второе — я поняла это из слов отца. Когда-то он заметил: если люди превращаются в статуи, то либо ты попал не туда, куда хотел, либо «здорово влип». Я долго выпытывала у него, что означает эта фраза. В конце концов, у меня создалось впечатление, что, если ты носишь Самоцвет слишком долго, у тебя появляется другое ощущение времени. Очевидно, начинается ускорение обмена веществ, и в результате этого тебе кажется, что мир вокруг тебя движется медленнее. Это может нанести человеку большой вред. Вот и все, что я знаю. Да и то это скорее мои догадки, а не объективный закон. А ты его носишь давно?

— Порядочно, — ответил я, мысленно измеряя свой пульс и оглядываясь, словно проверяя, не замедлилось ли время вокруг меня.

Все вроде бы нормально, хотя мне действительно нездоровилось, Но раньше я приписывал это

объятиям Жерара. Однако я не собирался срывать с себя цепь с Камнем, как только выслушал дружеский совет — пусть даже его дала мне умница Фиона. Что это было — извращение, упрямство? Нет, независимость. Именно независимость, да еще чисто формальное недоверие. Как бы то ни было, я надел Камень всего несколько часов назад, вечером. Подожду.

— Понимаю, он тебе нужен не для украшения, — посочувствовала Фиона. — Я просто хотела посоветовать тебе долго не носить его, пока не выяснишь всего досконально.

— Благодарю, Фи, скоро я его сниму. Я благодарен тебе за то, что ты сообщила мне об этом. Кстати, а что случилось с Дворкиным?

Она постучала пальцем по виску:

— Рехнулся в конце концов, бедняжка. Мне хочется думать, что отец нашел для него какое-нибудь надежное местечко в Отражениях.

— Понятно, — произнес я. — Что ж, будем думать так. Бедняга.

Джулиан встал, закончив разговор с Льювиллой. Он потянулся, кивнул ей и подошел к нам.

— Корвин, у тебя больше нет к нам вопросов?

— Пока нет.

Он усмехнулся:

— И ты больше ничего не хочешь нам сказать?

— В настоящее время нет.

— Будут еще эксперименты, опыты, загадки?

— Нет.

— Великолепно! Тогда я пошел спать. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Он поклонился Фионе, махнул рукой Бенедикту и Рэндому, проходя мимо Флоры и Дейдры, кивнул им. По дороге он остановился, повернулся к нам и усмехнулся:

— Теперь можете посплетничать и обо мне, — и вышел.

— Что ж, давайте поговорим, — подхватила Фиона. — Думаю, что это его рук дело.

— Почему? — спросил я.

— Давай пройдемся по всему списку. Может быть, я не объективна, но я доверяю своей интуиции. По-моему, Бенедикт вне подозрений. Если бы он хотел захватить трон, то он бы давно сделал это военным путем. У него было столько времени, что он вполне мог подготовить успешную атаку, даже на отца. Все мы знаем, как он силен в бою. Ты, с другой стороны, наделал таких ляпов, которых никогда не допустил бы, будь ты злоумышленником. Поэтому я верю твоей

истории насчет амнезии и всего прочего. Никто не позволил бы ослепить себя в стратегических целях. Жерар почти доказал свою невиновность. Я готова думать, что он остался наверху не столько из желания защитить Бранда, сколько именно для этого. В любом случае это выяснится очень скоро. За Рэндомом все эти годы неустанно следили, у него просто не было возможности что-то предпринять. Из нас, слабого пола, у Флоры не хватит мозгов, у Дейдры — смелости, у Льювиллы нет никаких мотивов. Она счастлива где угодно, но только не здесь. А я, конечно, не виновна ни в чем, кроме злых умыслов. Остается Джулиан. Способен ли он на это? Да! Он хочет власти? Конечно! У него были время и возможности? Снова, да! Это он.

— А зачем ему было убивать Каина? Они ведь были большими приятелями.

Она презрительно скривила губы.

— У Джулиана нет друзей. У него ледяное сердце, которое оттаивает только при мысли о самом себе. Да, последние годы казалось, что он сблизился с Каином больше, чем с остальными, Но даже это… даже это могло быть спланировано заранее. Он мог разыграть дружбу, пока в нее все не поверили, чтобы не попасть под подозрение. Я

считаю, что Джулиан на это способен. Ему неизвестно, что такое сильная привязанность.

Я покачал головой и ответил:

— Не знаю… он сдружился с Каином в мое отсутствие, поэтому я знаю об их дружбе только от других. И все-таки: если Джулиан искал себе близкого человека, похожего на себя самого, я могу понять это. Они были во многом похожи. Я думаю, они дружили по-настоящему. Невозможно годами обманывать друг друга, если только другой не глуп, как пробка, а Каин не был дураком. И… ты сама сказала, что твои доводы интуитивны, субъективны и все такое. Мои — тоже. Не нравится мне думать о том, что кто-то может быть таким гадом, что подстроит этакое своему единственному другу. Вот поэтому я считаю, что в твои доводы вкралась небольшая ошибка.

Она вздохнула:

— Корвин, ты ведь не вчера родился, а несешь такую ерунду! Долгое пребывание в том странном мире, кажется, изменило тебя. Раньше бы ты смог увидеть очевидное, как вижу это я.

— Вероятно, я и вправду изменился. Мне это больше не кажется очевидным. А, может, это ты изменилась, Фиона? Та малышка, которую я знал раньше, не была такой циничной. Раньше для

тебя все тоже было не столь очевидным.

Она мило улыбнулась.

— Никогда не говори женщине, что она изменилась, Корвин. Если только она не изменилась к лучшему. Когда-то ты и это знал. Но, может быть, ты всего лишь одно из отражений Корвина, посланное сюда страдать и запугивать? Неужели настоящий Корвин где-то посмеивается над нами?

— Я здесь и не посмеиваюсь.

Она расхохоталась.

— Так оно и есть, я только что решила, что ты — это не ты! Слушайте все! — крикнула она, поднимаясь. — Я только что обнаружила, что это не настоящий Корвин! Наверняка, это одно из его отражений! Только что оно заявило, что верит в дружбу, душевное благородство и прочую ерунду, о которых поется в душещипательных романсах! Совершенно очевидно, что я права!

Все удивленно уставились на нас. Фиона опять расхохоталась и внезапно села. Я услышал, как Флора прошептала: «Наклюкалась», — и вернулась к беседе с Дейдрой. Рэндом сказал: «Если отражение, то пусть себе и будет отражением», — и продолжил спор с Бенедиктом и Льювиллой.

— Ну, убедился? — спросила Фиона.

— В чем?

— Ты нереален, — ответила она, похлопывая меня по колену. — Да и я тоже, если уж на то пошло. Какой дрянной был день, мой Корвин!

— Согласен. У меня у самого на душе кошки скребут. Я считал, что придумал, как освободить Бранда. Да и не только считал — мысль была правильной. Только ему от этого какая польза?

— Ты недооцениваешь собственные заслуги. В том, что случилось, твоей вины нет.

— Спасибо.

— Кажется, Джулиан подал отличную идею, — заметила она. — Что-то меня в сон потянуло.

Я встал вместе с ней и проводил ее до дверей.

— Я в полном порядке, — успокоила она меня. — Не волнуйся.

— Ты в этом уверена?

Фиона легонько кивнула.

— Если что, я здесь. Увидимся утром.

— Надеюсь, — ответила Фиона. — Теперь можете поболтать и обо мне.

Она подмигнула мне и вышла. Я повернулся и увидел приближающихся Бенедикта и Льювиллу.

— Баиньки? — поинтересовался я.

Бенедикт кивнул.

— А почему бы и нет? — сказала Льювилла и поцеловала меня в щеку.

— Это еще за что?

— Да за всякое разное. Доброй ночи!

— Доброй ночи!

Рэндом присел у очага, помешивая угли кочергой. Дейдра повернулась к нему и сказала:

— Для нас больше дров не подбрасывай. Мы с Флорой тоже идем спать.

— Ну и ладно.

Рэндом отставил кочергу и встал.

— Спокойной ночи! — произнес он вслед сестрам.

Дейдра улыбнулась мне сонно, Флора — нервно. Я тоже пожелал им спокойной ночи и проводил до дверей.

— Узнал что-нибудь новенькое? — спросил Рэндом.

Я пожал плечами:

— А ты?

— Собственные мнения, догадки. Никаких новых фактов. Мы пробовали решить, кто следующий в списке.

— Ну и…!

— Бенедикт считает, что у тебя с ним равные шансы. Ты или он. Конечно, если это не твоих

рук дело. А еще он думает, что твоему приятелю Ганелону следует быть осторожней.

— Ганелону… да, это мысль. Мне бы следовало самому подумать об этом. Насчет равных шансов он тоже прав. У него, пожалуй, шансов даже чуть больше: они ведь знают, что, после провала их спектакля, я настороже.

— Ну, знаешь ли, если нам известно, то Бенедикт тоже настороже. Он ухитрился довести это до сведения каждого. Сдается мне, он сам не прочь, чтобы они попробовали.

Я усмехнулся:

— Да, шансы и в самом деле равны.

— Бенедикт тоже так сказал. Разумеется, он знал, что я все тебе передам.

— Хотелось бы мне, чтобы он снова начал разговаривать со мной. Что ж… ничего не поделаешь. Ну их всех к черту! Пошли спать.

Рэндом кивнул:

— Сначала загляни под кровать.

Мы вышли из комнаты и направились к лестнице.

— Жаль, что ты не догадался вместе с ружьями прихватить немного кофе, — заметил он. — Я бы с удовольствием выпил чашечку.

— А бессонницы у тебя не бывает?

— Нет, по вечерам я обожаю выпить чашечку-другую кофе.

— Мне страшно хочется кофе по утрам. Ничего, уладим это дело, привезем и кофе.

— Утешил, нечего сказать. Но идея неплохая. Да, кстати, какая муха укусила Фиону?

— Она считает, что все это — дело рук Джулиана.

— Что ж, возможно, она и близка к истине.

— А Каин?

— Предположим, что мы имеем дело не с одним человеком. Скажем, их было двое. Джулиан и Каин, к примеру. В конце концов, они рассорились, Каин проиграл. Джулиан решил избавиться от него и использовал его смерть для того, чтобы одним махом ослабить и твои позиции. Нет хуже врагов, чем бывшие друзья.

— Все это без толку. У меня голова кругом идет, когда я начинаю рассматривать варианты. Либо нам придется ждать, когда случится что-нибудь еще, либо ускорить события. Скорее всего, второе, но не сегодня…

— Эй, куда ты так торопишься, подожди!

— Извини, сам не знаю, что со мной, — я остановился на лестничной площадке. — Наверное, финишный рывок.

— Нервная энергия, — заметил Рэндом, вновь поравнявшись со мной. Мы продолжали подниматься. Я с трудом заставлял себя сбавить темп, борясь с желанием идти быстрее.

— Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Рэндом!

Он поднялся по лестнице еще выше, а я пошел по коридору к своим апартаментам. К этому времени мои нервы совсем разболтались. Вероятно, поэтому я и выронил ключи. Но тут же поймал их на лету. Мне почудилось, что они падали медленнее, чем обычно. Я вставил ключ в замок и повернул его. В комнате было темно, но я решил не зажигать свечу или масляную лампу. Я давным-давно привык к темноте. Я запер дверь и закрыл ее на задвижку. Коридор тоже был слабо освещен, но к этому времени мои глаза уже почти освоились с темнотой. Я повернулся. Сквозь шторы проникал звездный свет. Я пересек комнату, расстегивая на ходу воротник. Он поджидал меня в спальне, слева от входа. Он выбрал идеальную позицию и ничем не выдавал себя. И я ступил прямо в капкан. У него было отличное положение, кинжал он держал наготове, на его стороне было преимущество полнейшей неожиданности. По всем правилам я должен был умереть — не в

своей постели, а рядом с ней. Переступив порог, я уловил краешком глаза движение, понял, что в комнате кто-то есть и что это должно означать. Поднимая руку, чтобы отвести удар, я уже понимал, что опоздал. Но прежде, чем клинок впился в меня, мне бросилась в глаза странная вещь: убийца двигался слишком медленно. Он должен был действовать молниеносно, вложив в удар все напряжение, накопившееся за время ожидания. Тогда я не успел бы понять, что происходит, и все кончилось бы. И некому было бы понимать. И у меня не хватило бы времени повернуться и выбросить руку. Красная дымка затуманила мои глаза, и я почувствовал, как моя ладонь ударила его по выброшенной вперед руке. В тот же миг сталь коснулась моего живота и вонзилась в него. Мне показалось, что в красноте возникли неясные очертания Космического Лабиринта, по которому я прошел сегодня утром. Я перегнулся пополам и упал. Я уже не мог думать, но на какое-то мгновение оставался в сознании. Лабиринт стал четче, приблизился. Я хотел спастись бегством, но мой конь… мое тело… споткнулось. И конь сбросил меня…

В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен пролить немного своей крови.

К сожалению, снова подошла моя очередь, и на сей раз, похоже, крови было не так уж и мало. Я лежал на правом боку, держась обеими руками за живот. Я был весь мокрый, и время от времени что-то стекало по моему животу. Слева чуть выше пояса я напоминал небрежно вскрытый конверт. Таковы были мои первые ощущения, когда сознание вновь возвратилось ко мне. И первой моей мыслью было: «Чего он ждет?». Очевидно, убийца решил не наносить решающий удар. Но почему? Я открыл глаза. По всей вероятности, я находился без сознания довольно долго, и они привыкли к темноте. Я повернул голову. В комнате никого не было. Но произошло что-то странное, и я никак не мог сообразить, что именно. Я закрыл глаза и опять уронил голову. Что-то было не в порядке, но с другой стороны — все нормально. Матрас! Я лежал на своей кровати! Сомнительно, чтобы я смог забраться на нее без посторонней помощи. Но пырнуть меня ножом, а потом уложить в постель — что за бред? Моя постель… она была одновременно и не моя. Я сжал веки и заскрипел зубами. Ничего не понятно. Я чувствовал, что сознание мое затуманено, что кровь скапливается внутри, а потом стекает вниз. Но усилием воли попытался заставить себя мыслить четко. Это бы-

ло нелегким делом. Моя кровать. Просыпаясь, вы всегда знаете, что лежите в собственной постели. Даже когда сознание еще не включилось. Так оно и было со мной, но все же… Я подавил желание чихнуть, потому что почувствовал, что просто разорвусь пополам. Пришлось сжать ноздри и начать дышать через рот, коротко и отрывисто. Я не знал, что со мной. На вкус, на запах, на ощупь я чувствовал вокруг себя пыль. Свербить в носу перестало, я открыл глаза и вдруг понял, где я. Было совершенно непонятно, как я очутился здесь и почему, но я снова был в доме, который никогда больше не ожидал увидеть. Я оперся на правую руку и приподнялся. Спальня в моем доме. Старом доме, который принадлежал мне давным-давно, когда я еще был Карлом Кори. Меня вернули в Отражение Земля, в тот мир, где я провел годы ссылки. В комнате было полно пыли. Кровать не заправлялась с тех самых пор, как я спал на ней в последний раз, а с тех пор прошло уже больше пяти лет. Я знал, в каком состоянии находится дом, потому что заглядывал сюда всего несколько недель назад. Я еще немного приподнялся, с трудом перекинул ноги через край кровати, соскользнул на пол. Потом вновь скорчился и сел. Было очень больно.

Хотя никто мне больше не угрожал, я знал, что этого мало. Мне была необходима помощь. Я даже не представлял, надолго ли мне хватит сил, чтобы снова не потерять сознание. Поэтому мне нужно было встать и выйти из дома. Телефон, конечно, отключен. Домов близко нет. Придется спуститься к дороге. Я мрачно вспомнил, что построил здесь дом именно потому, что по этой дороге ездили редко. Я люблю одиночество, по крайней мере, иногда. Правой рукой я подтащил к себе подушку и стащил с нее наволочку, вывернул наизнанку и попробовал сложить ее. Ничего не получилось. Тогда я скомкал ее, сунул под рубашку и прижал к ране. Потом долго сидел в неподвижности, держа наволочку на животе. Все это потребовало огромных усилий. Я обнаружил, что боль не позволяет мне глубоко вздохнуть. Через некоторое время я подтянул к себе вторую подушку, положил ее на колени и подождал, пока она сама не вывалится из наволочки. Я собирался махать этой наволочкой проезжающим автомобилям, потому что как всегда, был одет в черное. Но когда я попытался засунуть ее за пояс, мое внимание привлекло странное поведение самой подушки. Она еще не долетела до пола. Я выпустил ее, ее ничего не держало, подушка падала,

но очень медленно, точно во сне. Я вспомнил, как падали ключи, которые я выронил у порога моей комнаты. Я вспомнил о своем нечаянном рывке на лестнице, так удивившем Рэндома, и слова Фионы про Камень, все еще висевший у меня на шее. Он пульсировал теперь в такт биению крови у меня в боку. Видимо, он спас мне жизнь, пока, по крайней мере. Да, если Фиона не ошиблась, так оно и было. Когда убийца нанес мне удар, Самоцвет помог мне выиграть мгновение, которого мне хватило, чтобы повернуться и выбросить руку. Может быть, он и перенес меня сюда. Но обо всем этом я подумаю в другой раз, если у меня будет время на этот другой раз. А сейчас, если Фиона не ошиблась, Самоцвет надо снять. Да и мне пора было пошевеливаться. Я засунул вторую наволочку за пояс и попробовал встать, держась за край кровати. Пустой номер! Слишком больно, и голова кружилась. Я вновь опустился на пол, с трудом сохраняя сознание, немного отдохнул и затем медленно пополз. Ползком, ползком… Главный вход, как я вспомнил, был забит наглухо. Что ж, выберемся через заднюю дверь. Я добрался до дверей спальни и остановился, опершись на косяк. Передохнув, я снял с шеи Самоцвет и обмотал его вокруг кисти. Нужно было где-то спрятать

его, но мой кабинет с сейфом находился слишком далеко. Кроме того, за мной оставался кровавый след. Любой, кто обнаружит его, наверняка заинтересуется содержимым сейфа и без труда вскроет его. А у меня не было ни времени, ни сил… Я выбрался из спальни и добрался до задней двери. Для того, чтобы открыть ее, мне пришлось подняться и напрячь все силы. Я сделал это, предварительно отдохнув, и в этом была моя ошибка. Я очнулся, лежа на пороге. Ночь была холодная, тучи закрывали почти все небо. Сильный ветер шумел в ветвях над двориком. На моей руке я почувствовал капли дождя. Я приподнялся на руках и выполз наружу. Снегу оказалось дюйма на два. Ледяной воздух помог мне прийти в себя. Почти с паническим ужасом я понял, насколько туманен был мой разум во время путешествия из спальни. В любую секунду я мог потерять сознание.

Не медля ни секунды, я пополз к дальнему углу дома. По пути туда я отклонился от курса, подполз к куче компоста, разрыл ее, опустил Самоцвет в ямку и закрыл ее пучком сухой травы, вырванным из кучи. Забросав тайник снегом, я пополз дальше. За углом ветра не было. Я полз вниз по пологому склону, по дороге еще не раз отдыхая. Только что мимо проехала машина, и я видел, как

исчезли вдали ее задние фары. Других машин не было видно. Я пополз снова. Кристаллики льда обжигали лицо, колени промокли насквозь и горели от холода. Двор моего дома сначала постепенно, а затем резко, спускался к дороге. Ярдах в ста правее была впадина, где водители обычно тормозили. Мне казалось, что, если кто-нибудь проедет оттуда, то я буду находиться в свете фар на несколько мгновений дольше — одна из мелких зацепок, за которые всегда хватается разум, когда дело плохо. Аспирин для чувств. Трижды остановившись для отдыха, я спустился на обочину, подполз к большому валуну с номером моего дома, уселся на него, прислонился спиной к насыпи и, вытащив вторую наволочку, положил ее к себе на колени. Я ждал, чувствуя, как затуманивается сознание. Кажется, я несколько раз выключался и вновь приходил в себя. Всякий раз, поймав себя на этом, я пытался навести в мыслях хоть какой то порядок, обдумать все происходящее, найти какой-то выход, придумать, как спасти свою жизнь. Однако это требовало непомерно больших усилий. Думать было слишком трудно, и я мог только реагировать на происходящее. Но все же в момент какого-то просветления мне пришло в голову, что Карты еще со мной. Я

мог связаться с кем нибудь в Амбере, чтобы он доставил меня туда. Но с кем? Я был не так уж слаб, чтобы не понять, что могу связаться как раз с тем, кто виновен в моем нынешнем положении. Что же лучше рискнуть так, или искать свой шанс здесь? Но все же, Рэндом или Жерар… Мне показалось, что я слышу шум мотора. Далекий, слабый. Ветер и биение пульса в ушах мешали слушать. Я повернул голову, сосредоточился. Вот оно… опять! Да, это была машина. Я приготовился размахивать наволочкой. Но мои мысли даже сейчас разбегались. И одна из них была о том, что, возможно, я не смогу заставить себя сконцентрироваться до такой степени, чтобы суметь работать с Картами. Звук усилился. Я поднял наволочку. Через несколько секунд дорога вдали справа от меня осветилась. Вскоре на вершине холма показался автомобиль. Он спустился вниз, и я вновь потерял его из виду. Потом он снова поднялся и помчался ко мне. Снежинки сверкали в свете фар. Когда он приблизился к впадине, я стал размахивать наволочкой. Автомобиль подъехал ближе, и я попал в свет фар. Водитель не мог не заметить меня, но он промчался мимо. Седан последней модели. За рулем мужчина, сзади женщина. Она оглянулась и посмотрела на

меня, но водитель даже не притормозил. Через несколько минут появилась другая машина, не такая новая. За рулем сидела женщина, пассажиров не было видно. Она притормозила, но лишь на секунду. Вероятно, я ей не понравился. Женщина прибавила газу и исчезла. Я сидел на валуне, отдыхал. Принцу Амбера не пристало вспоминать о братстве между людьми и осуждать мораль других. По крайней мере, всерьез, а смеяться мне не позволяла боль. У меня не было сил ни думать, ни даже двигаться. А это означало, что моя власть над Отражениями не могла мне принести никакой пользы. Если бы я мог, то в первую очередь отыскал бы себе местечко потеплее… Я подумал, смогу ли я подняться на холм к куче компоста. До этой минуты мне не приходило в голову воспользоваться Самоцветом и изменить погоду. Вполне возможно, я и для этого был слишком слаб. Вполне возможно, что это усилие убьет меня. И все-таки… Я покачал головой. Я плыл, почти засылал. Нельзя спать! Что это? Еще машины? Возможно. Я попытался поднять наволочку, но уронил ее, затем наклонился вперед, чтобы поднять, и на секунду положил на голову руку, после чего прислонился к камню и прилег на него. Дейдра… я позову свою дорогую

сестренку. Кто же мне еще поможет, если не она? Сейчас выну Карты и найду ее. Через минуту… Не будь она моей сестрой… Надо отдохнуть. Я плут, но не дурак. Возможно, иногда, когда я отдыхаю, я даже кое о чем жалею. Кое о чем… Было бы только потеплее… но если вот так согнуться, то не так уж плохо… Что это, мотор? Я хотел поднять голову с камня, но не смог. И, какая разница, увидят меня или не увидят, решил я. Я ощутил на веках свет и услышал шум мотора. Теперь он не удалялся и не приближался. Постоянный шум. Я услышал крик, потом щелчок… пауза… лязганье… дверь открылась и закрылась. Я почувствовал, что могу открыть глаза, но не хотел делать этого. Я боялся, что увижу только темную и пустую дорогу, что звуки снова растворятся в биении крови и в шуме ветра. Лучше не рисковать и беречь то, что у меня есть…

— Эй! Что случилось? Вам плохо?

Шаги… значит, не галлюцинация.

Я открыл глаза, заставил себя выпрямиться.

— Кори? Боже мой, это вы?

Я выдавил из себя улыбку, кивнул и чуть не свалился с валуна на землю.

— А, Билл… как поживаете?

— Что случилось?

— Я ранен. Вероятно, тяжело. Мне нужен врач.

— Вы сможете идти с моей помощью? Или вас донести?

— Попробуем дойти, — прошептал я.

Он помог мне встать, и я оперся о его плечо. Мы направились к машине. Я помню только первые шаги. Когда прекрасная колесница, летевшая низко над землей, стала не такой уж прекрасной и снова взлетела выше, я попытался поднять руку и обнаружил, что ее что-то держит. Я остановился, чтобы подумать, что означает приклеенная к ней резиновая трубка, и решил, что буду жить. Я вдохнул больничные запахи и обратился к своим внутренним часам. Я считал, что если уж протянул до сих пор, то просто обязан перед самим собой продолжать жить. Мне было тепло и хорошо, если так можно сказать после всех моих недавних приключений. Придя к этому выводу, я закрыл глаза, опустил голову и опять заснул. Позже, когда я очнулся снова, то чувствовал себя гораздо лучше. Сестра, заметившая, что я проснулся, сказала, что меня привезли часов семь тому назад, и что скоро меня навестит врач. Она принесла мне стакан воды и сообщила, что снег уже не идет. Ей страшно хотелось узнать, что со мной произошло. Я решил, что пора начи-

нать придумывать свою историю. Значит, так… Я возвращался после длительного пребывания за границей. Надо что-нибудь попроще. Чем проще, тем лучше. Добравшись домой на попутках, вошел и застал в доме какого-то бродягу. Он ударил меня ножом, и я выполз наружу в поисках помощи. Все. Когда я выложил все это врачу, то сперва не понял, поверил ли он. Доктор был грузный человек с давно обвисшими щеками. Его звали Рейли, Морис Рейли. Я закончил рассказ, а он лишь кивнул и спросил:

— Вы не запомнили его?

Я покачал головой.

— Было темно.

— Он ограбил вас?

— Не знаю.

— У вас был с собой бумажник?

Я решил, что тут надо ответить утвердительно.

— Так, когда вас доставили сюда, при вас его не было. Видимо, он прихватил ваши денежки с собой.

— Должно быть, так, — не стал возражать я.

— Вы меня совсем не помните?

— Нет, а что, мы встречались?

— Когда вас привезли, мне почудилось, что мы знакомы. Вначале этим все и ограничилось.

— Ну? — поинтересовался я.

— Во что вы были одеты? Какая-то военная форма?

— Там это был последний крик моды. Так вы говорите, что вроде бы где-то видели меня?

— Да, — подтвердил он. — А где это «там»? Откуда вы приехали? Где были?

— Я много путешествую. Вы мне собирались что-то сказать?

— Да. Клиника у нас маленькая, и несколько лет назад один проныра-торговец уговорил директоров приобрести компьютер для записи и хранения историй болезней. Если бы население в округе росло и клиника расширялась, то игра бы стоила свеч. Но ничего подобного не произошло, а компьютер стоит недешево. Из-за него наши клерки совсем обленились. Старые истории, даже для отделения неотложной помощи, не выбрасываются, как раньше. Места хватает. Когда мистер Рот назвал ваше имя, я как всегда в таких случаях стал проверять, нет ли ваших старых историй болезней. Кое-что обнаружил и вспомнил, где видел вас. В ту ночь, семь лет назад, когда вы угодили в автокатастрофу, я дежурил в отделении неотложной помощи. Я вспомнил, что делал вам операцию и был уверен, что вы не выживете.

Но вы меня удивили. Нет даже шрамов, которые просто не могли не остаться. Все великолепно зажило.

— Спасибо, вашими заботами…

— Сколько вам лет? Это для истории болезни.

— Тридцать шесть, — ответил я. Самая безопасная цифра.

Он сделал запись в папке, которую держал на коленях.

— Знаете, если уж я принялся за воспоминания, то готов поклясться, что семь лет назад вы выглядели точно так же.

— Здоровый образ жизни.

— Вы знаете свою группу крови?

— Она у меня очень редкая. Но, на практике, можно считать, что вторая. Резус положительный. Мне можно вливать любую, только мою никому не вливайте.

Он понимающе кивнул.

— Вы понимаете, что ваш случай требует специального исследования?

— Догадываюсь.

— Я просто думал, не беспокоит ли вас это.

— Спасибо. Значит, в ту ночь вы дежурили и залатали меня? Интересно. Вы помните еще что-нибудь?

— Что вы имеете в виду?

— Обстоятельства, при которых я тогда поступил к вам. У меня провал памяти. Не помню ни катастрофы, ни что было потом. Память вернулась уже после того, как меня перевели в Гринвуд. Не припомните, как меня привезли?

Как раз в тот момент, когда я решил, что у него одно и то же выражение лица на все случаи жизни, Рейли поморщился.

— Мы высылали машину, — ответил он.

— Почему? Кто сообщил о катастрофе? Как?

— Понимаю. Скорую вызвала полиция. Если память мне не изменяет, кто-то видел, как все произошло, и сообщил в участок. Они по радио связались с бывшей поблизости патрульной машиной и те помчались к озеру, удостоверились, что сообщение не ложное, оказали вам первую помощь и вызвали нас. Вот и все.

— А кто звонил в полицию, неизвестно?

Рейли покачал головой.

— Такие вещи в историю болезни не записывают. Разве ваша страховая компания не рассматривала дело? Вы не обращались за страховкой? Может быть, они знают.

— Сразу после выздоровления мне пришлось покинуть Штаты. Я не обращался за страховкой.

Но ведь должен быть полицейский рапорт?

— Конечно, но я понятия не имею, сколько времени они сохраняются, — усмехнулся он. — Конечно, если тот торговец заехал и к ним, но… по-моему, дело начинать уже поздно. Мне кажется, что срок обращения за страховкой ограничен законом. Ваш друг Рот скажет вам точней.

— Я не о страховке. А просто захотелось узнать, что же произошло. Все эти годы я частенько об этом думал. Видите ли, я все еще страдаю ретроградной амнезией.

— Вы никогда еще не говорили с психиатром об этом? — спросил он, и что-то в его тоне мне не понравилось. И тут же сработала моя интуиция. Уж не ухитрилась ли Флора официально объявить меня сумасшедшим, прежде чем меня перевели в Гринвуд? Было ли это зафиксировано в моей истории болезни? Прошло много времени, а я ничего не знал о законах, действующих в таких случаях. Однако, если с тех пор дело обстояло именно так, то откуда им было знать, не признал ли меня другой суд юридически нормальным? Благоразумие заставило меня наклониться вперед и взглянуть на руку врача. Подсознательно я помнил, что, проверяя мой пульс, он смотрел на часы с календарем. Да, так оно и есть. Я при-

щурился. Ага, день и месяц: двадцать восьмое ноября. С помощью моего коэффициента — два с половиной к одному — я быстренько высчитал год. Как он и сказал, прошло семь лет.

— Нет, никогда, — ответил я. — Я считал, что повреждение органическое, а не функциональное, и просто списал этот период, как потерянное время.

— Понятно, — проронил он. — Вы очень легко бросаетесь такими фразами. Иногда так говорят люди, которые когда-то лечились.

— Я знаю — много читал об этом.

Он вздохнул и встал:

— Послушайте. Я позвоню мистеру Роту и сообщу, что вы очнулись. Вероятно, так будет лучше.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что ваш друг — адвокат. Может быть, вы захотите что-нибудь обсудить с ним, прежде чем встретитесь с полицией.

Он открыл папку, в которой записал мой возраст, поднял авторучку, наморщил лоб и спросил:

— А, кстати, какое сегодня число?

Мне позарез нужны были Карты. Мои вещи наверняка лежали в шкафу, рядом со столиком, у кровати, но, чтобы дотянуться до них, надо было

повернуться, а я не хотел беспокоить швы. Да и не так уж это срочно. Восьмичасовой сон в Амбере — это почти двадцать часов здесь, так что пока все благополучно отдыхают. Но мне необходимо было связаться с Рэндомом, чтобы он что-то придумал относительно моего отсутствия утром. Ладно, это подождет.

В такое время мне не хотелось навлекать на себя подозрения. Кроме того, нужно срочно узнать, что скажет Бранд. Узнать и действовать соответствующим образом. Я быстренько прикинул все за и против. Чем меньше я буду прохлаждаться в Отражении, тем меньше времени я потеряю в Амбере. Придется тщательно рассчитать время, чтобы не влипнуть в какую-нибудь историю здесь. Я надеялся, что Билл приедет быстро. Очень хотелось знать, как же все-таки обстоят дела здесь. Билл родился в здешних местах, учился в Буффало, вернулся, женился, стал партнером семейной фирмы вот и вся его история. Он знал меня, как отставного армейского офицера, который иногда путешествует по каким-то своим непонятным делам. Мы оба были членами местного клуба. Там я с ним и познакомился. Мы были знакомы больше года и ни разу не сказали друг другу больше нескольких слов. Но в один пре-

красный вечер я случайно оказался у стойки бара рядом с ним и выяснилось, что он помешан на военной истории, особенно на наполеоновских войнах.

Когда мы пришли в себя, бар закрывался. С того дня и до тех пор, пока я не угодил в заварушку, мы были близкими друзьями Время от времени я вспоминал его. Когда я последний раз проходил через это Отражение, то не навестил Билла лишь потому, что он наверняка засыпал бы меня вопросами о том, что со мной случилось. У меня и так было дел по горло, мне не хотелось ему врать, не мог я при этом получать удовольствие от встречи со старым другом. Пару раз я даже подумывал о том, чтобы возвратиться и повидать его, когда в Амбере все успокоится. К сожалению, до спокойствия в Амбере было далеко, и об этом я жалел больше всего. Он приехал через час, невысокий, плотный, румяный, улыбнулся и кивнул мне. Седины у него на висках чуть прибавилось. Я сел, откинувшись на подушки, попробовал несколько раз вздохнуть и решил, что слишком поторопился.

— Прошлой ночью ты меня до смерти напугал, Карл, — он покачал головой. — Я думал, что это призрак.

Я кивнул:

— Еще чуть-чуть и я бы им стал. Спасибо тебе. Как жизнь?

Билл вздохнул.

— Дел по горло, сам знаешь. Все по-прежнему, только работы больше.

— А Элис?

— У нее все в порядке. У нас два новых внука — двойняшки Билла младшего. Подожди минутку.

Он вытащил свой бумажник и нашел фотографию.

— Вот, смотри.

Я внимательно посмотрел на снимок и отметил сходство с дедом.

— Трудно поверить, — сказал я.

— А ты выглядишь ничуть не хуже, чем прежде.

Я хмыкнул и похлопал себя по животу.

— Ну, я не это имел в виду, — объяснил он. — Где ты был?

— Бог мой, где я только не был! — воскликнул я. — Объездил столько стран, что даже счет потерял.

Выражение его лица не изменилось, он продолжал смотреть мне в глаза.

— Карл, во что ты влип? — спросил он.

— Я в полном порядке, — улыбнулся я. — Если ты боишься, что я не поладил с законом, то успокойся. Все мои неприятности остались в другой стране, куда мне скоро придется вернуться.

Лицо Билла приняло обычное выражение. Глаза за стеклами очков блеснули.

— Ты там вроде военного советника?

Я кивнул.

— Нельзя узнать, где это?

Я отрицательно покачал головой:

— Не обижайся, Билл.

— Да, я все понимаю. Доктор Рейли передал мне твой рассказ о вчерашнем. Между нами, это связано с твоей работой?

Я вновь кивнул.

— Тогда дело немного проясняется, — заметил он. — Не то чтобы очень, но нам этого хватит. Не буду спрашивать тебя, чьих это рук дело или кто в этом замешан. Я всегда считал тебя джентльменом и разумным человеком, поэтому, когда ты внезапно исчез, мне это показалось немного странным, и я начал копаться в том, что с тобой случилось. Было страшно неудобно, я чувствовал, что суюсь не в свое дело, но твое гражданское состояние было просто загадочным. Я хотел узнать, что же с тобой произошло. Главным образом,

потому что беспокоился за тебя. Надеюсь, ты не обидишься.

— Обижусь? Не так много на свете людей, которые беспокоятся за меня. Я благодарен тебе и очень хочу знать, что же ты раскопал. Ты знаешь, у меня так и не нашлось времени это выяснить. Так что давай, выкладывай.

Он открыл портфель и вытащил папку. Раскрыв ее на коленях, он вынул несколько листков желтой бумаги, исписанных аккуратным почерком, взял один из них, посмотрел на него и начал:

— После того, как ты сбежал из больницы в Олбани и попал в катастрофу, Брендон, видимо, сошел со сцены и…

— Стоп! — прервал я, поднимая руку и пытаясь сесть.

— Что такое? — спросил Билл.

— Ты все перепутал. Сначала была авария, и Гринвуд находится не в Олбани.

— Знаю. Я говорю о Портеровской психбольнице, где ты пробыл два дня и сбежал. В тот же день ты попал в аварию и угодил сюда. Тут появилась твоя сестра Эвелин. Она перевела тебя в Гринвуд, где ты провел две недели и снова исчез по собственному желанию. Все верно?

— Частично. Я уже говорил доктору, что память

отказала мне за пару дней до аварии. Я начинаю что-то припоминать насчет больницы в Олбани, но очень смутно. Что-нибудь еще тебе об этом известно?

— Конечно. Вполне возможно, что это имеет отношение к твоей потере памяти. Тебя доставили туда со справкой о невменяемости.

— Кто ее подписал?

— Твой брат, Брендон Кори, лечащий врач — Хилари Б. Рэнд, — прочел он. — Что-нибудь проясняется?

— Вполне возможно, — протянул я. — Давай дальше.

— Так вот, на основе этого был выписан полицейский ордер. Тебя признали недееспособным, взяли под стражу и перевели в психбольницу. Что касается твоей памяти…

— Ну-ну?

— Я не очень разбираюсь в психиатрии и в том, какое влияние все это может оказывать на память. Короче, в Портеровской больнице тебя лечили электрошоком. На третий день, как я уже говорил, ты сбежал. Очевидно, ты где-то нашел свою машину и, направляясь сюда, угодил в аварию.

— Все сходится, — заявил я, — все сходится.

Когда он начал свой рассказ, у меня на мгновение мелькнула дикая мысль, что я попал в другое Отражение, где все очень похоже на прежнее мое Отражение Земля, но не все совпадает. Но теперь я понимал, что это не так. Это была подсознательная реакция на его рассказ.

— Теперь об этом ордере, — продолжал Билл. — Он был выдан на основании лжесвидетельства, но в то время суду это было неизвестно. Настоящий доктор Рэнд в то время находился в Англии. Когда я потом связался с ним, выяснилось, что он никогда не слышал о тебе. Но пока его не было, его офис был ограблен. Что самое странное, его второе имя начинается не с буквы Б. И он никогда не слышал о Брендоне Кори.

— Что случилось с Брендоном?

— Просто исчез. После того, как ты сбежал из Портера, с ним несколько раз пытались связаться, но безуспешно. Потом ты угодил в аварию, тебя доставили сюда, лечили. В это же самое время в дирекцию госпиталя обратилась женщина по имени Эвелин Флаумель. Она назвалась твоей сестрой, сообщила, что ты находишься под опекой, и что твоя семья хочет, чтобы тебя перевели в Гринвуд. В отсутствие Брендона, которого суд назначил твоим опекуном, она оставалась тво-

ей единственной близкой родственницей, и ее пожелание выполнили. Так ты попал в Гринвуд. Через пару недель ты сбежал и оттуда, и на этом моя летопись заканчивается, милорд.

— И каково сейчас мое юридическое положение? — осведомился я.

— Ты снова дееспособен. После нашей встречи с доктором Рэндом, он явился в суд и дал обо всем свидетельские показания. Ордер аннулирован.

— Тогда почему здешний врач вел себя так, словно я псих?

— О, черт, вот это мысль! Вот об этом я и не подумал! В их деле, вероятно, записано, что ты клиент психбольницы. На обратном пути я переговорю с ним. У меня с собой копии старого судебного распоряжения. Если понадобится, покажу ему.

— Сколько времени прошло с того дня, как я смылся из Гринвуда, и до того, как дело в суде уладилось?

— Месяц. Прошло несколько недель, прежде чем я заставил себя сунуть нос не в свое дело.

— Не могу передать, как я рад, что ты в него сунулся. Кое-что из того, что ты мне рассказал, чрезвычайно важно.

— Приятно иногда помочь другу, — ответил Билл, закрывая папку и засовывая ее в порт-

фель. — Да, еще одно… Когда все кончится, ну, то, чем ты сейчас занят… если можно, расскажи мне всю историю.

— Билл, я не обещаю этого.

— Это понятно, просто так, на всякий случай. Имей это в виду. Кстати, что ты собираешься делать с домом?

— С моим? Он все еще принадлежит мне?

— Да, но, по всей вероятности, в этом году его продадут в счет неуплаты налогов, если ты не займешься этим делом.

— Удивляюсь, что его до сих пор не продали.

— Ты же предоставил банку право оплачивать твои счета.

— Я никогда об этом не думал. Считал, что это распространяется лишь на всякие мелочи. Услуги и все такое прочее.

— Ну, так вот, на твоем счету почти ничего не осталось, — сообщил мне Билл. — Я только на днях разговаривал с Макнелли. Если ты ничего не предпримешь, то на следующий год дом продадут с торгов.

— Сейчас он мне не нужен. Пусть делают с ним все, что хотят.

— Тогда ты мог бы продать его и реализовать все, что можно.

— Не успею. Мне скоро уезжать.

— Я могу заняться этим. Деньги перешлю, если захочешь.

— Идет. Я подпишу все, что требуется. Из этих денег оплати мой больничный счет, а остальное оставь себе.

— Да как я могу!

Я пожал плечами:

— Ну, как желаешь, но обязательно возьми свою плату и не стесняйся.

— Я положу остаток на твой счет.

— Хорошо. Спасибо! Да, кстати, пока я не забыл, посмотри-ка в ящике стола, нет ли там колоды карт? Я не могу дотянуться до них, а чуть позже они мне понадобятся.

— Сейчас.

Билл протянул руку и открыл ящик.

— Большой коричневый конверт. И очень пухлый. Наверное, они положили сюда все, что нашли в твоих карманах.

— Вскрой его.

— Ага, вот и колода, — он заглянул внутрь, — ух ты, прелесть какая! Можно посмотреть?

— Я…

Что я мог сказать? Билл развернул колоду.

— Просто чудо, — прошептал он. — Какие-то

особенные… старинные, вероятно.

— Старинные.

— Холодные, как лед… Никогда ничего подобного не встречал. Слушай, да это же ты! Разодет, точно рыцарь! Для чего они?

— Для одной сложной игры.

— А каким образом ты на них изображен, если они старинные?

— А я и не говорил, что это я. Ты сам это сказал!

— И правда. Какой-нибудь предок?

— Что-то вроде этого.

— Ого, какая красотка! Да и рыженькая ничего!

— Билл…

Он сложил колоду, положил ее в конверт и протянул мне.

— И единорог красивый, — добавил он. — Кажется, мне не следовало на них смотреть?

— Да нет, все нормально.

Билл вздохнул и откинулся на спинку стула, сцепив руки на затылке.

— Ничего не могу с собой поделать. Карл, в тебе есть что-то очень странное, кроме этой секретной работенки. А меня всегда влекли тайны. И я никогда не был так близок к настоящей загадке.

— Это потому, что ты только что увидел холодную колоду карт?

— Нет, это просто еще один штрих. Признаю, что то, чем ты занимался все эти годы, — не моего ума дело. Но есть один недавний случай, который я не в силах понять.

— Какой именно?

— После того, как я отвез тебя сюда, а Элис — домой, я вернулся к твоему дому, надеясь получить хоть какое-нибудь понятие о том, что произошло. Снег к тому времени прекратился, хотя потом пошел опять. Я четко видел твой след. Он шел вокруг дома и вниз ко двору.

Я кивнул.

— Но следа, ведущего в дом, не было. Непонятно, как ты туда попал. И, если уж на то пошло, то не было и других следов. Следов уходящего преступника.

Я усмехнулся.

— Ты что, думаешь, я сам себя ранил?

— Нет, конечно! В доме даже оружия не было. Я прошел по кровавому следу в спальню, к твоей постели. Конечно, у меня был лишь фонарь, но то, что я увидел — это что-то жутковатое. Такое впечатление, что ты откуда-то появился на постели, весь в крови, затем поднялся и выбрался наружу.

— Ну это, конечно, невозможно.

— И все же, почему нет следов?

— Может быть, их замел ветер.

— А твой след оставил? — он пожал плечами. — Нет, не в этом дело. Если ты когда-нибудь захочешь рассказать мне обо всем, не забудь и об этом, ладно?

— Не забуду.

— Да. И все же… У меня старческое предвидение, что я тебя больше не увижу. Очень странное чувство. Словно второстепенный персонаж мелодрамы, которого убирают со сцены, даже не дав ему узнать, чем кончится пьеса.

— Могу понять твои чувства. У меня самого такая роль, что иногда хочется придушить автора. Но не забывай, что правдивые истории редко оправдывают ожидания. Обычно это грязные шутки и, когда знаешь подоплеку, все сводится к самым подленьким мотивам. Догадки и иллюзии обычно куда интереснее.

Билл улыбнулся:

— Ты говоришь, как и раньше. И все же, я знавал моменты, когда ты впадал в добродетель. И не раз…

— Как это мы перекинулись со следов на мою персону? — заинтересовался я. — Я как раз хотел

сказать, что вспомнил. Я пошел из дома по той же тропинке, по которой добирался до него. Очевидно, на обратном пути я стер след, ведущий в дом.

— Неплохо, — одобрил Билл. — А преступник тоже ушел тем же путем?

— Вероятно, так оно и было.

— Очень неплохо, — признал он. — Умеешь ты заставить человека сомневаться. И все же преобладают улики, указывающие на то, что тут какая-то тайна.

— Тайна? Да нет. Возможно, странность. Все дело в том, с какой стороны на это смотреть.

— Или какое слово употребить. Ты читал полицейский рапорт о твоей аварии?

— Нет, а ты?

— Читал. Что, если в нем еще больше странного? Тогда ты признаешь, что я был прав, говоря о тайне?

— Что ж, идет.

— И ответишь на один вопрос?

— Ну, не знаю.

— Очень простой вопрос. Да или нет. И больше ничего.

— Ну ладно, по рукам. Что же было в рапорте?

— Когда полиция получила сообщение об аварии, на место происшествия отправилась

ближайшая патрульная машина. Там они обнаружили странно одетого человека, который оказывал тебе первую медицинскую помощь. Он заявил, что вытащил тебя из разбитой машины, упавшей в озеро. В это можно было поверить, потому что он был тоже насквозь мокрым. Среднего роста, телосложение хрупкое, волосы рыжие. На нем был зеленый костюм. Один полицейский сказал потом, что он вышел из фильма о Робин Гуде. Неизвестный отказался себя назвать, следовать за ними и давать какие-либо показания. Когда полицейские начали настаивать, он свистнул, и, откуда ни возьмись, появился красивый белый конь. Неизвестный вскочил на него и ускакал прочь. Больше они его не видели.

Я расхохотался. Было очень больно, но я не мог удержаться от смеха.

— Будь я проклят! — громко воскликнул я. — Все начинает вставать на свои места.

Билл удивленно уставился на меня, не говоря ни слова, а потом спросил:

— В самом деле?

— Похоже на то. Ради того, что я сегодня узнал, стоило получить удар ножом и вернуться.

— Какая-то странная последовательность событий, — заметил Билл, потирая подбородок.

— Согласен, странная, но я начинаю видеть последовательность там, где раньше ее не было. Одно это уже окупает все.

— И все это из-за парня на белом коне?

— Отчасти, отчасти… Билл. Скоро я вновь исчезну отсюда.

— Пока ты никуда не уедешь.

— Все равно. Я об этих бумагах. Лучше я подпишу их прямо сейчас, если не возражаешь.

— Хорошо. Я пришлю их к вечеру. Но не наделай глупостей.

— Поверь, с каждой секундой я становлюсь все осторожнее, — успокоил его я.

— Надеюсь, — ответил Билл, захлопывая свой блокнот. — Ну ладно, отдыхай. С доктором я все улажу. Бумаги сегодня будут у тебя, но ближе к вечеру.

— Еще раз большое тебе спасибо.

Я пожал ему руку.

— Кстати, — произнес он, — ты обещал ответить на мой вопрос.

— И правда, обещал. Что за вопрос?

— Ты ЧЕЛОВЕК? — спросил Билл, все еще сжимая мою руку. Его лицо было таким же, как всегда.

Я хотел улыбнуться, но передумал.

— Ну, не знаю. Хотелось бы думать, что да… Но я… конечно, человек! Что за глупый… а, черт возьми! Ты ведь серьезно спрашиваешь, Билл? Я обещал ответить честно… — Я закусил губы, секунду подумал, затем ответил — Я думаю, нет.

— Я тоже так думаю, — промолвил он и улыбнулся. — Для меня это не имеет никакого значения. Я просто подумал, что это может иметь значение для тебя — знать, что кому-то это известно, и что этот кто-то относится к тебе так же, как и раньше.

— Я этого тоже не забуду, — вырвалось у меня.

— Ну, до встречи!

— До встречи!

Полицейский только что ушел. День кончился. Я лежал, мне стало лучше, и оттого, что мне стало лучше, я мог спокойно думать о случившемся. Я лежал и размышлял о полной опасностей жизни в Амбере. Обоих нас — и Бранда и меня — уложили излюбленным семейным оружием. Я не знал, кому из нас пришлось хуже, но, наверное, ему. Нож мог достать до почек Бранда, а состояние у него было и до этого неважным. До того, как клерк Билла принес мне бумаги, я дважды прошелся, спотыкаясь, туда и обратно по комнате. Поскольку все на мне заживало в несколько

раз быстрее, чем у жителей этого Отражения, я знал, что должен начать вставать и ходить через полтора-два дня. Эксперимент показал, что я не ошибался. Правда, рана болела, в первый раз сильно кружилась голова, но во второй — уже слабее. Ну что ж, это уже кое-что. Поэтому я пребывал в хорошем настроении. Несколько раз я разворачивал Карты веером, раскладывая свои личные пасьянсы, читая по знакомым лицам не вполне ясные судьбы, и каждый раз сдерживал себя, подавляя желание связаться с Рэндомом, рассказать ему о случившемся, узнать о происходящем в Амбере. Еще рано, твердил я себе. Они еще спят, каждый час для них — это два с половиной твоих часа. Каждые два с половиной твоих часа здесь равны семи-восьми для простого здешнего смертного. Жди. Думай. Набирайся сил. И посему после обеда, когда небо снова начало темнеть, я уже был весь измочален. Я рассказал молодому накрахмаленному полисмену все, что считал нужным. Понятия не имею, поверил ли он мне, но он был вежлив, тактичен и скоро ушел. Через несколько минут после его ухода все зашевелилось. Итак, я лежал, чувствуя себя лучше, и ожидал, что вот-вот зайдет доктор О'Рейли, чтобы проверить, не рехнулся ли я за время его

отсутствия. Лежал и оценивал все, что рассказал мне Билл, как сочетаются новые факты с тем, о чем я уже знал или догадывался, хотя и смутно… Контакт! Меня опередили. Кто-то в Амбере любил вставать пораньше.

— Корвин!

Рэндом: он был обеспокоен.

— Корвин! Вставай! Открой дверь! Бранд очнулся и зовет тебя!

— Ты стучал в дверь? Пытался меня разбудить?

— А как же!

— Ты один?

— Да.

— Хорошо. Меня нет в комнате. Ты нашел меня в Отражении.

— Ничего не понимаю…

— Я тоже. Я ранен, но неопасно. Потом тебе все расскажу. Так что с Брандом?

— Он только что очнулся с коликами в боку и сказал Жерару, что должен немедленно поговорить с тобой. Жерар позвонил слуге и послал его за тобой. Слуга не смог разбудить тебя и пришел ко мне. Я только что отослал его к Жерару и передал, что сейчас приведу тебя сам.

— Понятно, — произнес я, медленно потягиваясь и усаживаясь на кровати. — Иди куда-нибудь,

где тебя никто не увидит. Я перейду к тебе. Мне понадобится халат или что-то в этом роде. Я не совсем одет.

— Тогда я вернусь в свою комнату.

— Хорошо, давай.

— Через минуту встретимся.

Тишина. Я осторожно свесил ноги, сел на край постели и собрал Карты. Я чувствовал, что в Амбере не должны знать о моем ранении. Даже в нормальные времена не стоит демонстрировать свою уязвимость. Я глубоко вздохнул и встал, держась за спинку кровати. Моя тренировка пригодилась. Я задышал нормально и отпустил спинку. Не так уж больно, если двигаться медленно, не утомляться и ограничиваться лишь необходимыми движениями, чтобы они ничего не заметили. Нужно продержаться до тех пор, пока мои силы и в самом деле не восстановятся. И именно в этот момент я услышал шаги, и в дверях появилась доброжелательная сестричка, свеженькая, симметричная, крутобедрая и чуть ли не хрустящая. От снежинки она отличалась лишь тем, что была похожа на других сестер как две капли воды. Между снежинками различий больше.

— Ложитесь в постель, мистер Кори! Вам нельзя

вставать!

— Мадам, — поклонился я осторожно, — мне просто необходимо встать. Мне надо пройтись.

— Могли позвонить, я бы утку принесла, — прощебетала она, входя в комнату и надвигаясь на меня.

В этот момент я снова почувствовал вызов Рэндома и устало покачал головой. Интересно, как она сообщит об этом? Заметит ли она мое призматическое изображение после того, как я исчезну? Еще одна страничка в растущей книге легенд, которые я постоянно оставляю после себя.

— Моя дорогая и нежная, — обратился я к ней, — в конце концов, наши отношения с самого начала были чистой физиологией. У тебя были другие… много других… Адью, мой одуванчик!

Я поклонился, послал ей воздушный поцелуй и шагнул в Амбер, оставив ее хватающейся за радугу. Сам я ухватился за плечо Рэндома и пошатнулся.

— Корвин! Что за чертовщина?

— Если, как говорится, за победу надо платить кровью, то я только что выиграл небольшое сражение. Дай мне какую-нибудь одежонку, пожалуйста.

Рэндом набросил мне на плечи длинный тяже-

лый плащ, и я наощупь застегнул его на шее.

— Полный порядок, — заметил я. — Пошли к Бранду.

Он повел меня через зал к лестнице. Я всем телом наваливался на него на ходу.

— Рана опасная? — спросил Рэндом.

— Нож, — ответил я, прижимая рану рукой. — Кто-то ударил меня прошлой ночью в моей спальне.

— Кто?

— Ну, явно не ты, потому что мы только что расстались. А Жерар находился в библиотеке с Брандом. Вычти нас троих и начинай гадать. Больше мне сказать нечего.

— Джулиан, — предположил Рэндом.

— Да, против него многое. Только вечером Фиона выложила против него кучу улик, да и не секрет, что я не хожу в его любимчиках.

— Корвин, его нет, смылся ночью. Слуга, приходивший ко мне, сообщил, что Джулиан уехал. Ну, каково? — Мы добрались до лестницы. Одной рукой я держался за брата, другой — за перила. На первой же площадке пришлось остановиться, чтобы немного передохнуть.

— Не знаю, — ответил я. — Иногда не знаешь, что хуже: использовать презумпцию невинов-

ности слишком часто или вообще отказаться от нее. Но, сдается мне, что если бы он думал, что убрал меня, то он бы остался здесь и разыграл бы изумление, услышав эту новость. На черта ему понадобилось уезжать? Это и в самом деле выглядит подозрительным. Я склонен думать, что Джулиан уехал потому, что опасался Бранда. Того, что он скажет, когда очнется утром.

— Но ты же остался жив, Корвин! Ты ускользнул от убийцы, кто бы он ни был, и он не был уверен, что прикончил тебя. На его месте я был бы уже за тридевять земель.

— Тут ты прав, — признал я, и мы снова зашагали вниз по лестнице. — Да, вполне возможно, что так оно и есть. Ладно, пока это несущественно. Но никто не должен знать о моем ранении.

Он кивнул.

— Как скажешь. Будем говорить об этом только в туалете, предварительно спустив воду.

— От твоих шуточек, Рэндом, ноют не только раны. Вот тебе задачка: как этот тип проник в мою комнату?

— Окна?

— Закрываются изнутри. И сейчас закрыты. На двери новый замок с секретом.

— Тогда все ясно. Это мог сделать только кто-то

из нашей семьи.

— Ну-ну, продолжай.

— Кто-то настолько ненавидит тебя, что смог заставить себя ради этого пройти через Лабиринт. Он спустился вниз, прошел его, перенесся в твою комнату и напал на тебя.

— Все было бы очень хорошо, но есть один маленький недостаток в твоих рассуждениях. Все мы разошлись почти одновременно. Покушение произошло не ночью, а сразу же после того, как я вошел в комнату. Ни у кого из нас не было времени спуститься в подземелье, не говоря уже о том, чтобы пройти Лабиринт. Убийца ждал меня. Поэтому, если это был кто-то из нас, то он попал в спальню иным путем.

— Значит, он просто открыл твой замок со всеми его секретами.

— Вполне вероятно. Может, одному из нас отдохнуть, например мне, — пошутил я. Мы прошли площадку и продолжали спускаться. — Отдохнем на углу, чтобы я смог войти в библиотеку без твоей помощи, братец.

— Ну, конечно.

Так мы и сделали. Я собрался, с ног до головы завернулся в плащ, подошел к двери и постучал.

— Минутку.

Голос Жерара.

Шаги, приближающиеся к двери.

— Кто там?

— Корвин. Со мной Рэндом.

Я услышал, как он спросил: «Рэндом тебе тоже нужен?» И тихий ответ: «Нет». Дверь отворилась.

— Только ты, Корвин, — сказал Жерар.

Я кивнул и вошел в библиотеку.

— Сними плащ, Корвин! — приказал Жерар.

— Это лишнее, — возразил Бранд. Я взглянул в его сторону и увидел, что он сидит на постели, опираясь на подушки, и улыбается.

— Извини, но я не так доверчив, как Бранд, — возразил Жерар. — И не желаю, чтобы все мои усилия пропали даром. Давай заглянем, нет ли у него чего-нибудь под плащом.

— Я же сказал, это лишнее, — повторил упрямо Бранд. — Это не он пырнул меня.

Жерар быстро повернулся к нему:

— Откуда ты знаешь?

— Все очень просто, Жерар. Я не знаю, кто это сделал, не будь ослом. Если бы я опасался Корвина, я не позвал бы его сюда.

— Когда я притащил тебя сюда, ты был без сознания. Ты не мог знать, чья это работа.

— Ты уверен?

— Ну… а почему ты не сказал мне?

— У меня есть для этого достаточно серьезные основания. А теперь я хочу поговорить с Корвином наедине.

Жерар опустил голову.

— Я все-таки надеюсь, что ты не бредишь, — буркнул он. — Я буду неподалеку, — добавил он и закрыл за собой дверь.

Я подошел к Бранду. Он протянул руку и стиснул мою в крепком пожатии.

— Рад, что ты добрался домой, — проговорил он.

— Взаимно, — проронил я и взял кресло Жерара, прилагая все усилия, чтобы не рухнуть в него.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— С одной стороны — отвратительно. Но с другой — лучше, чем когда-либо за последние годы. Все относительно.

— Как почти все на свете.

— Но не Амбер.

Я вздохнул:

— Ну, ладно, не будем углубляться в подробности. Что с тобой случилось, черт возьми?!

Он напряженно вглядывался в меня, словно что-то искал. Что? Наверное, то, что я знал. Вернее, то, чего я не знал. Негативное оценивать

труднее, поэтому его мозг, должно быть, работал на полную мощность с того самого момента, когда он пришел в себя. Я знал Бранда и был уверен, что то, чего я не знаю, интересует его гораздо больше, чем то, что мне известно. Добровольно он ничего не расскажет. Теперь ему необходимо было знать, как завести разговор, чтобы получить нужную ему информацию, не показав, что она интересует его. Притом делать это он собирался, не тратя лишней энергии. Таков его характер. И, конечно же, я сразу понял — ему что-то нужно. Если только… в последние годы я все настойчивее пытался убедить себя, что люди в самом деле меняются, что время не просто подчеркивает то, что уже есть в человеке, что человек делает, видит, думает, чувствует, все это вызывает в нем качественные изменения. И дает хоть небольшое утешение во времена, когда все остальное летит ко всем чертям. Не говоря уже о том, как это оживляет мою светскую философию. А Бранд, каковы бы ни были его мотивы, кажется спас мою жизнь и память. Что ж, прекрасно! Я решил на сей раз придерживаться презумпции невиновности, но не подставлять ему спину. Небольшая уступка, отход от простой психологии нравов, которая обычно управляет дебютами наших игр.

— Никогда в жизни не происходит так, как нам это кажется, Корвин, — начал он. — Сегодня друг, завтра враг и…

— Стоп! — прервал его я. — Карты на стол! Я благодарен Брендону Кори за то, что он сделал для меня. А фокус, которым мы нашли тебя и вернули в Амбер — моя идея.

Он кивнул.

— Полагаю, что для рецидива братских чувств после столь длительного перерыва имеются веские основания?

— Я также могу предположить, что у тебя были серьезные причины помочь мне.

Он вновь улыбнулся, поднял руку и опустил ее.

— Тогда мы либо в расчете, либо в долгу друг у друга. Смотря как на это взглянуть. По-видимому, сейчас мы нужны друг другу, и будет полезно видеть себя в самом выгодном свете.

— Не виляй, Бранд, Не дави на психику. Я весь день стараюсь стать идеалистом, а ты мне портишь все дело. Ты вытащил меня из постели, чтобы что-то сказать. Я тебя слушаю.

— Все тот же старина Корвин, — усмехнулся он и отвел глаза. — Тот же или другой? Как ты сам считаешь, изменила ли тебя жизнь в Отражении? Познание того, кто ты? Существование, в котором

ты был лишь частицей чего-то другого, целого?

— Возможно. Не знаю… А вообще, наверное, да. По крайней мере, семейные интриги выводят меня из себя гораздо быстрее.

— Итак, ты теперь откровенен и честен в речах и делах. Ну, это гораздо скучнее. Зато ново, а это уже кое-что. Все будут выведены из равновесия… А ты сможешь снова стать самим собой в самый неожиданный для остальных момент. Что ж, это может оказаться полезным. Ну, ладно, ладно! Не паникуй, на этом мое выступление заканчивается. Обмен комплиментами завершен. Я обнажу основы, обуздаю чудовище, чье имя безрассудство, и извлеку из мрака черной тайны прекрасную жемчужину знания. Но для начала дай что-нибудь закурить, если есть. Столько лет прошло, что я бы хотел отпраздновать свое возвращение воскурением какой-нибудь вонючей травки.

Я хотел было сказать, что у меня нет курева. Но вспомнил, что оставил пачку в столе. Мне совершенно не хотелось напрягаться, но я все же сказал:

— Подожди минутку.

Стараясь, чтобы мои движения выглядели естественными, а не напряженными, я встал и

пересек комнату. Пытаясь представить дело так, как будто я совершенно естественно кладу руку на крышку стола и роюсь в ящике, я всей тяжестью оперся на нее. Телом и плащом я старался замаскировать свои движения.

Я нашел начатую пачку и вернулся к дивану, остановившись у очага, чтобы прикурить две сигареты, Бранд не спешил брать свою.

— У тебя дрожат руки. В чем дело?

— Вчера вечером слишком долго веселились, — ответил я, снова усаживаясь в кресло.

— Ах да, я и не подумал об этом. Да, вчера наверняка была вечеринка! Ну, конечно. Все в одной комнате… Неожиданно удалось отыскать меня и вернуть домой… Продиктованный отчаянием поступок со стороны одной нервной и очень виновной личности… Успех лишь частичный: я ранен и нем, но надолго ли. И потом…

— Ты заявил, что знаешь виновного. Это не шутка?

— Нет, не шутка.

— Кто это?

— Всему свое время, дорогой братец. И свое место. Последовательность и порядок, время и акценты — в этом деле они очень важны. Позволь мне насладиться этой драмой на безопасном

удалении от нее. Я так и вижу себя, пронзенного кинжалом, и всех вас, собравшихся вокруг. Ах, чего бы я только не дал, чтобы увидеть эту сцену воочию! Ты не мог бы описать выражение каждого лица?

— Боюсь, что в это время лица меня меньше всего беспокоили.

Бранд вздохнул и выпустил облачко дыма.

— Ах, как здорово! Это неважно, лица я и так вижу. Сам знаешь, у меня живое воображение. Шок, страдание, озадаченность — все это постепенно переходит в подозрительность и страх. Потом, сказали мне, все разошлись, а добрый Жерар остался паинькой при раненом братце, — он замолчал, уставившись на дым. На какое-то время насмешливая нотка исчезла из его голоса. — Ты знаешь, он единственный решительный и приличный человек из всех нас.

— Я высокого мнения о нем, — подтвердил я.

— Он хорошо ухаживал за мной. Жерар всегда присматривал за остальными, — внезапно он усмехнулся. — Честно говоря, никак не могу понять, почему его беспокоит наше благополучие. Но, как я полагаю, потом вы все собрались, чтобы обсудить положение. Вот еще одна вечеринка, и как я жалею, что меня там не было! Все эти

эмоции, подозрения, лживые, отскакивающие друг от друга слова, и никто не хочет распрощаться первым. Через некоторое время наверняка началась свара. Каждый хочет показать, что он ни в чем не виноват, не упуская возможности очернить других. Попытка запугать виновного. Возможно, несколько камешков, брошенных в козлов отпущения. Но в целом никаких результатов. Я прав?

Я кивнул, должным образом оценив работу его ума, и понял, что он будет рассказывать все, как ему захочется.

— Сам знаешь, что прав, — проронил я.

Он внимательно взглянул на меня и продолжал:

— Но, наконец, все разошлись, чтобы провести бессонную неспокойную ночь или встретиться с сообщником и завязать интригу. Ночь была полна скрытого смятения. И приятно сознавать, что вы думали о моем благополучии. Некоторые, естественно, желали мне добра, другие — прямо противоположного. И среди всего этого я собирался с силами — нет, я процветал! — не желая подводить своих сторонников. Жерар долго вводил меня в ход новейшей истории. Когда я счел, что с меня достаточно, я послал за тобой.

— Ты кажется, не заметил, что я уже здесь. Что ты хотел мне сказать или сообщить?

— Терпение, брат, терпение, подумай о годах, которые ты провел на Отражении, даже не вспоминая… всего этого, — он взмахнул рукой с зажатой сигаретой. — Подумай, сколько времени ты ждал, сам того не зная, пока я не нашел тебя и не постарался облегчить твою планиду! Неужели по сравнению с этим столь важны несколько мгновений!

— Мне сказали, что ты разыскивал меня, и это несколько удивило меня. Ведь в последний раз мы расстались не в самых лучших отношениях.

Он кивнул.

— Не могу отрицать этого. Но, в конце концов, я всегда забываю о подобных мелочах.

Я тоже кивнул.

— Я никак не мог решить, что именно рассказать тебе и чему ты поверишь, — продолжал Бранд. — Я сомневался, что ты благосклонно отнесешься, если я скажу тебе, что за небольшим исключением мои действия были продиктованы почти чистейшим альтруизмом.

Я фыркнул.

— Ей богу, это правда! — воскликнул Бранд. — Чтобы твои подозрения улеглись, добавлю, что

у меня просто не было выбора. Всегда трудно начинать рассказ: с чего ни начни, что-то было и до этого. Видишь ли, мы подумывали о том, чтобы захватить трон. Это было вскоре после исчезновения отца. По-моему, оно в какой-то мере дало толчок всему происшедшему. Отец подозревал, что Эрик убил тебя, однако, никаких улик не было. Но мы использовали эти подозрения — вовремя брошенное слово, жест… Годы шли, никто и никакими средствами не мог связаться с тобой, и вероятность того, что ты в самом деле мертв, все возрастала. Отцу все меньше и меньше нравился Эрик. И однажды вечером, после спора, начавшегося с сущего пустяка, отец заявил, что даже отцеубийство никому не поможет захватить трон. При этом он смотрел на Эрика. В этот момент за столом были почти все. Эрик вспыхнул, словно вечерняя заря, и долго не мог забыть об этом. Но затем отец пошел куда дальше, чем мы рассчитывали или желали. То ли он просто дал выход своим чувствам, то ли был вполне серьезным. Он заявил нам, что почти решил сделать тебя своим наследником, и посему принял то, что произошло с тобой, очень близко к сердцу. Если бы он не был уверен, что ты погиб, то никогда бы не сказал этого. Через несколько месяцев мы

воздвигли твою гробницу, чтобы твоя мнимая смерть обрела форму, и позаботились, чтобы никто не забыл, как отец относится к Эрику. Мы все считали, что после тебя Эрик — главное препятствие к трону.

— Мы? Кто это «мы»?

— Терпение, Корвин! Последовательность и порядок, время и акценты! Ударение, упор… Слушай дальше.

Он взял вторую сигарету, прикурил ее, рассек воздух ее горящим концом.

— На следующей стадии стало необходимым, чтобы отец покинул Амбер. Это была самая важная и опасная часть всего замысла, и тут мы поссорились. Мне не нравилась идея союза с силами, которых я до конца не понимал. Особенно такого союза, который давал им определенную власть — позволять им использовать нас. Это всегда неразумно, каковы бы ни были обстоятельства. Я был против этого, но большинство думало по-другому, — он улыбнулся. — Двое против одного. Да, нас было трое. Что ж, решение было принято. Мы начали действовать. Была расставлена ловушка, и отец устремился на приманку…

— Он еще жив? — спросил я его.

— Не знаю. Потом все пошло не так, как мы

предполагали. После отъезда отца нашим следующим ходом было усиление собственных позиций. Нужно было выждать некоторое время, прежде чем объявить отца мертвым. У меня хватало забот. Но нам нужна была помощь еще одного человека. — Каина или Джулиана — безразлично, кого именно. Видишь ли, Блейз уже отправился в Отражение и собрал там сильную армию…

— Блейз? Он был одним из вас?

— Совершенно верно. Мы собрались возвести его на трон, конечно, с кое-какими условиями. Фактически, это был бы триумвират. Так вот, он отправился собирать армию. Мы надеялись на бескровный переворот, но на случай, если слов для победы окажется недостаточно, должны были быть и другие аргументы. Если бы Джулиан сдал нам наземные дороги или Каин уступил нам море, мы могли бы быстро подвести войска и одержать победу силой оружия, если уж возникнет такая необходимость. К сожалению, я ошибся в выборе. По моему мнению, Каин был более продажен, чем Джулиан. Поэтому я стал деликатно прощупывать его. Сначала он был вроде бы не против, но потом либо передумал, либо с самого начала мастерски обманывал меня. Естественно, я предпочитаю первый вариант. Как бы то ни

было, он в какой-то момент пришел к выводу, что ему выгоднее поддерживать другого претендента на трон. То бишь Эрика.

Конечно, надежды Эрика на трон, если учесть отношение к нему отца, казались нереальными, но отец исчез, и наш замечательный ход предоставил Эрику возможность выступить в роли защитника трона. К несчастью для нас, такое положение, по существу, оставляло его всего в одной ступеньке от трона. И тут еще Джулиан последовал за Каином и вместе со всеми войсками принес присягу Эрику, защитнику отечества. Так образовалось второе трио. Эрик всенародно поклялся защищать трон, и распределение сил стало ясным. Я в это время находился в весьма неудобном положении. Вся их враждебность обрушилась на меня, поскольку они не знали, кто были мои союзники. Но они не могли бросить меня в тюрьму или подвергнуть пыткам, потому что меня немедленно вырвали бы из их лап с помощью Карт. И они хорошо понимали, что, попытайся они убрать меня, неизвестные им враги нанесут ответный удар. Поэтому на какое-то время все зашло в тупик. Они знали, что я не могу открыто выступить против них, потому что нахожусь под постоянным их наблюдением.

Поэтому мы избрали более хитроумный путь. Я опять был против и опять проиграл, два к одному. Мы собрались использовать те же силы, которые помогли нам избавиться от отца, для того, чтобы подорвать престиж Эрика. Если он с такой легкостью взял на себя защиту Амбера, то нужно было только доказать, что это ему не по силам. Потом на сцену выходит Блейз, быстренько расправляется с врагами, сам занимает место защитника трона при еще большей поддержке народа. После того, как пройдет некоторое время, он взвалит на себя бремя власти, вернее, позволит взвалить. И все для блага Амбера!

— Вопрос, — прервал его я. — А Бенедикт? Я знаю, что он был в ссоре с остальными и сидел у себя в Авалоне. Но если бы что-то всерьез угрожало Амберу…

— Ты прав, — сказал Бранд, — и по этой причине частью нашего плана было занять Бенедикта его собственными делами.

Я вспомнил об Авалоне, изнуренном набегами адских дев. Я вспомнил о культе на месте правой руки Бенедикта. Я открыл рот, чтобы кое-что сказать, но Бранд поднял руку.

— Позволь мне закончить, Корвин. Я понимаю ход твоих мыслей. Я чувствую боль у тебя в серд-

це, она мне близка, потому что такая же боль и в моем сердце. Да, я знаю все это и еще многое, — его глаза горели страстным огнем. Он взял еще одну сигарету и она зажглась сама собой. Он глубоко затянулся и продолжал, выдыхая дым: — Когда было принято это решение, я порвал с ними. Я видел, что риск настолько велик, что в опасности окажется сам Амбер. И порвал с ними…

Несколько секунд Бранд молчал, наблюдая за дымом, затем снова заговорил:

— Но все зашло далеко, и я не мог так просто выйти из игры. Чтобы защитить себя и Амбер, я должен был стать их противником. Переходить на сторону Эрика было слишком поздно: он не защитил бы меня, даже если бы смог. Кроме того, я был уверен, что Эрик потерпит поражение. И тут я решил применить кое-какие свои новые способности. Меня давно удивляли странные отношения между Эриком и Флорой, которая сидела в Отражении Земля и притворялась, что ей там нравится. У меня было подозрение, что у Эрика есть там кое-какие дела и что она — его агент. Конечно, я не мог подобраться к Эрику достаточно близко, чтобы удовлетворить свое любопытство, но я был уверен, что будет не так уж и трудно выведать у Флоры, в чем тут дело. Так

я и сделал. Внезапно все события понеслись с головокружительной быстротой. Мою собственную партию заинтересовало, где я нахожусь. Затем я отыскал тебя и отправил на шокотерапию, чтобы вернуть память. Эрик узнал от Флоры, что на Земле все пошло кувырком. В результате обе стороны вскорости принялись усиленно разыскивать меня. Я решил, что твое возвращение позволит мне пустить по ветру планы всех, а заодно и выбраться из тупика и изменить существующее положение вещей. Право Эрика на трон снова окажется под сомнением, у тебя найдутся собственные союзники, интриги моей партии окажутся бессмысленными. К тому же, я рассчитывал, что ты не забудешь того, что сделал для тебя я. Но ты сбежал из Портеровской больницы и вот тут-то все и началось. Как я потом выяснил, искали тебя все, но по разным причинам. У моих бывших союзников было одно большое преимущество. Они разузнали, что происходит, нашли тебя и первыми оказались на месте. Само собой разумеется, существовал очень простой способ сохранить статус-кво, при котором они остались бы в выгодном положении. После выстрелов Блейза ты вместе с машиной угодил в озеро. Блейз почти сразу умчался, думая, что дело

сделано. Я вытащил тебя и оказалось, что ты еще жив. Я начал оказывать тебе первую помощь. Вспоминаю, какая неблагодарная это была работа: ведь я не знал, насколько эффективным было лечение, очнешься ли ты Корвином или Карлом Кори. Да и потом это не давало мне покоя, ведь я так и не узнал этого. Когда подоспела помощь, я быстренько смотался. Чуть позже мои союзники нашли меня и упекли в башню, откуда вы меня и вытащили. Остальное ты и сам знаешь.

— Не все.

— Тогда скажешь, когда хватит. Я и сам все узнал только потом. Эриковы прихвостни пронюхали о катастрофе, отыскали тебя, перевели в частную клинику, чтобы ты был в полной безопасности, и распорядились держать тебя под наркотиками.

— Зачем Эрику нужно было охранять меня? Неясно. Особенно если учесть, что мое появление спутало ему все карты?

— К этому времени семеро из нас знали, что ты жив. Слишком много. Он просто опоздал. Эрик все еще старался не напоминать остальным слова отца. Случись что с тобой в то время, когда ты находился в его власти, дорога к трону была бы для него закрыта. Если бы Бенедикт когда-нибудь

узнал об этом… Или Жерар… Нет, убить тебя он не мог. После коронации — да, но сейчас ни в коем случае. Когда стало известно, что ты жив, Эрик был вынужден открыть карты. Он назначил дату коронации и решил до нее сделать так, чтобы ты не помешал ему. Крайне поспешное решение, но я не вижу другого выхода из этого положения. Ну, остальное ты все знаешь, поскольку это произошло с тобой.

— Я присоединился к Блейзу как раз тогда, когда он двинулся на Амбер. Не слишком удачно все вышло.

Бранд пожал плечами.

— Могло выйти и лучше, если бы вы победили, и если бы ты как-нибудь справился с Блейзом. Но на самом деле у тебя не было шансов. Ни единого! С этого времени я перестаю понимать мотивы их поступков, но мне кажется, что этот поход был не более, чем ложной атакой.

— Зачем?

— Я уже сказал, что не знаю. Эрик уже был у них в руках и в нем не было необходимости.

Я покачал головой. Слишком много новостей, слишком мало времени, чтобы осмыслить их. Похоже было, что многое из рассказанного Брандом — правда, если отбросить пристрастия рассказ-

чика. И все же...

— Не знаю, — начал я.

— Конечно, не знаешь, — перебил он. — Но если ты спросишь, я тебе скажу.

— Кто был третьим в вашей группе?

— Конечно, та персона, что пырнула меня. Попробуй угадай!

— Не буду. Скажи без загадок.

— Фиона. Она все и задумала.

— Почему ты сразу не сказал мне?

— А ты бы высидел до конца рассказа? Да ты бы бросился сажать ее под стражу, обнаружил, что ее нет, переполошил бы всех остальных, начал бы расследование и потерял бы массу бесценного времени. Ты и сейчас можешь проделать все эти штуки, но зато ты слушал меня достаточно долго, чтобы убедиться, что я знаю, о чем говорю. А теперь я скажу тебе, что важна быстрота, и что ты должен дослушать меня до конца, и как можно скорее, если ты захочешь, чтобы у Амбера вообще остались хоть какие-то шансы теперь, возможно, ты выслушаешь меня, а не пустишься в погоню за сумасшедшей бабой.

— Гнаться за ней не стоит? — спросил я, привстав с кресла.

— Пока — ну ее к чертям! У тебя есть проблема

посложнее. Ты бы сел.

Я так и сделал, но задал еще один вопрос:

— А может, послать за ней в погоню кого-нибудь другого, хотя бы Жерара?

— Она от нас не уйдет. И вполне возможно, что, выслушав меня до конца, ты не станешь гоняться по Отражениям за собственной сестрой. Не исключен и такой вариант, мой братец Корвин.

— Ладно, досказывай. Я тебя слушаю.

Лунный свет… призрачный свет факелов, точно огни в черно-белых фильмах… звезды… редкие прозрачные нити тумана… Я оперся на перила и смотрел на мир… Абсолютная тишина держала в объятиях ночь, спящий город, всю вселенную. Вдали — море. Амбер, Арденн, Гарнат, маяк Кабры, роща Единорога, моя гробница на склоне Колвира… Молчаливые, далеко внизу, но ясно видные. Наверное, так видят мир глаза богов, или души, свободные от тел и плывущие в небе… в середине ночи… Я приехал туда, где даже духи играют в привидения, где предметы, знаки, предзнаменования и одушевленные желания пробираются по ночным проспектам и высоким дворцовым залам небесного Амбера. Тир-на Ногта… Повернувшись спиной к перилам и следам древнего мира, лежащим внизу, я смотрел на ули-

цы и темные террасы, залы владык и кварталы простолюдинов. Луна в Тир-на Ног та светит ярко, серебря стены ваших воображаемых зданий. Я двинулся вперед, опираясь на резную трость, и призраки вокруг зашевелились, появились у окон, у ворот, на балконах… Невидимый, я шел по городу, и это — чистая правда, ибо я сам был призраком для тех, кто населяет Тир-на Ног-та, кто бы они ни были. Тишина и серебристый свет луны… Только приглушенное постукивание моей трости… В центре всегда собирался туман… Дворец, словно белый костер… роса, точно капли ртути на тончайшей шлифовке лепестков и ножках цветов в садах вдоль тротуаров… Луна над головой слепит глаза, подобно полуденному солнцу, затемняя звезды, бледнеющие перед ней. Серебристый свет и тишина… Сияние… Я не собирался в Тир-на Ног-та, ибо его предсказания, если можно так сказать, обманчивы, его сходство с городами и людьми, оставшимися внизу, беспокоит, и часто его пейзажи приводят к помешательству. И все же я здесь… Часть моей сделки со временем… Оставив Бранда выздоравливать под присмотром Жерара, я понял, что мне и самому пора отдохнуть, но так, чтобы о моем ранении ничего не знали. Фиона действительно сбежала.

Ни с ней, ни с Джулианом нельзя было связаться через Карты. Расскажи я Жерару и Бенедикту то, что я узнал от Бранда, они несомненно, настояли бы на том, чтобы мы попытались выследить и схватить ее, их обоих. Я был абсолютно уверен, что эти попытки окажутся бесполезными. Я послал за Рэндомом и Ганелоном и удалился в свои комнаты, сообщив, что намерен весь день отдыхать и спокойно размышлять в преддверии ночи, которую я проведу в Тир-на Ног-та — очень разумный поступок для амберийца в трудную пору. Я не очень-то верил в Тир-на Ног-та, но большинство других относились к нему положительно и серьезно. Поскольку время для такого паломничества было самое что ни на есть подходящее, я считал, что мое дневное затворничество никому не покажется подозрительным. Конечно, придется следующей ночью отправиться в Тир-на Ног-та, но и это было к лучшему. Теперь на то, чтобы рана зажила, у меня были день, ночь и часть завтрашнего дня. Я чувствовал, что это время будет потрачено не зря. Но всегда хочется поделиться новостями. Я поделился с Рэндомом и Ганелоном. Сидя в постели, я рассказал им о планах Бранда, Фионы и Блейза, о клике Эрик-Каин-Джулиан. Я рассказал им все, что узнал от Бранда о моем

возвращении и о том, как его союзники упекли его в башню. Они поняли, почему сбежали оставшиеся в живых члены обеих группировок — Джулиан и Фиона. Несомненно, собирать свои силы. Возможно, они выступят друг против друга, но вероятность этого невелика. По крайней мере, сейчас. Скорее всего, кто-то из них двинется на Амбер, чтобы первым захватить его.

— Придется им встать в очередь и ожидать, как и всем остальным, — заявил тогда Рэндом.

— Не совсем так, — ответил я ему. — Союзники Фионы и твари с Черной дороги — одна и та же сволочь.

— А Круг в Лорен? — спросил Ганелон.

— Того же поля ягода, только Отражение другое. Они прошли долгий и длинный путь.

— Вездесущие гады, — заметил со злостью Рэндом.

Кивнув, я постарался все объяснить. Так я оказался в Тир-на Ног-та. Когда взошла луна и в небесах появилось слабое отражение Амбера — с просвечивающими через него звездами, бледным ореолом, окружившим его башни, и крошечными тенями, мелькавшими на его стенах. Я ждал, ждал вместе с Рэндомом и Ганелоном, ждал на самой вершине Колвира, где в камне вырублены

три грубые ступени. Когда лунный луч коснулся их, постепенно стала проявляться вся лестница, ведущая через огромную пропасть к небу, туда, где над морем висел город-видение. Когда светит полная луна, лестница прочнее всего.

Я ступил на камень… Рэндом держал полную Колоду Карт, моя Колода лежала в кармане куртки. Грейсвандир, выкованная при лунном свете на этом самом камне, сохраняла свою силу и в небесном городе, и я взял ее с собой. Я отдыхал весь день, и у меня был посох, на который я мог опираться. Иллюзия времени и расстояния… Я поднимался в небо, не обращавшее ни малейшего внимания на Корвина, если вы ступили на небесную лестницу, то поднимаетесь не по порядку, со ступеньки на ступеньку. Одна нога здесь, другая там, — и четверть пути осталась позади, хотя мое плечо все еще чувствовало прощальное пожатие Ганелона. Если я пристально вглядывался в лестницу, ее мерцающая непрерывность исчезала, и далеко под собой я видел океан, точно через прозрачную линзу… Я потерял счет времени, хотя после всегда кажется, что путь был недолог… Справа от меня, в глубине, под волнами, появились блистающие изгибающиеся очертания Ребма. Я вспомнил Мойру, подумал о

том, как она там живет.

Что станет с нашим подводным двориком, если Амбер когда-нибудь падет? Останется ли Отражение в своем зеркале целым? Или камни и люди тоже будут разбросаны, как кости в подводных казино-каньонах, над которыми летят наши корабли? Воды-убийцы молчали, оставив Корвина в смущении, которому не помешала даже резкая боль в боку. На вершине лестницы я вошел в призрачный город, как входят в Амбер, по бесчисленным ступенькам, вырубленным на обращенном к морю склоне Колвира. Я оперся на перила, глядя на мир… Черная дорога уходила на юг. Ночью ее не было видно, но какое это имело значение? Я знал, куда она ведет. Вернее, Бранд сказал мне это. Поскольку, как мне казалось, он истощил отпущенный человеку запас лжи, то я считал, что знаю, куда ведет Черная дорога. В бесконечность. От сияющего Амбера и могучего, чистого великолепия ближайшего Отражения, через постепенно темнеющие слои Отражений, расходящиеся во всех направлениях, дальше и дальше, через какие-то уродливые Отражения, и еще дальше, по тем мирам, которые можно увидеть только пьяным, в бреду или болезненном сне, и все дальше, мимо того места, где я вынуж-

ден остановиться… Я вынужден остановиться…

Как выразить простыми словами то, что совсем непросто? Наверное, надо начать с утверждения о том, что ничего не существует, кроме самого человека, или, по крайней мере, как оно есть на самом деле, кроме своего собственного существования и ощущений. Где-нибудь в Отражении я смогу найти все, что воображаю. Как и любой из нас. Честно говоря, это не выходит за пределы человеческого Я. Можно возразить, как это и делаем почти все мы, что мы сами создаем миры, в которые уходим, из субстанции собственной души, что только мы сами существуем реально, что Отражения, по которым мы путешествуем, всего лишь проекции наших собственных желаний. Не знаю, верен ли этот аргумент, но он достаточно весок. Он объясняет многое в отношении нашей семьи к людям, странам и вещам вне Амбера… А именно — мы кукольники, а они — наши куклы, игрушки, конечно, иногда оживающие и даже опасные, но это входит в правила игры. По своему характеру все мы — импресарио, и соответственно обращаемся друг к другу. Хотя вопрос «почему»? приводит сторонников солипсизма в некоторое замешательство, всегда можно избежать этого, объявив неудобный вопрос неправомерным. Как мне ча-

сто приходилось замечать, большинство из нас в своих делах почти чистые прагматики. Почти… И все же в эту стройную картину врывается один тревожный элемент. Но ведь есть место, где Отражения сходят с ума… Если целенаправленно продираться сквозь них, слой за слоем, на каждом шагу, опять-таки преднамеренно, отдавая часть своего разума, то наконец попадаешь в безумную страну, и дальше пути нет. Зачем это делать? В надежде на озарение или на новую игру… Но когда оказываешься там, а все мы были в этой стране, то понимаешь, что дошел до края Отражений или до конца собственного сознания — как мы всегда считали, это синонимы. Но теперь… Теперь я знаю, что это не так.

Теперь, когда я стою в ожидании во Дворе Хаоса и рассказываю вам об этом, я знаю, что это не так. Но я знал это и тогда, той ночью в Тир-на Ног-та, и еще раньше, когда я сражался с человеком-козлом в Черном Кругу в Лорен, знал это на маяке Кабры в тот день, когда я бежал из темниц Амбера, когда смотрел на загубленный Гарнат… Я знал, что это еще не конец, потому что Черная дорога вела дальше. Она проходила сквозь безумие и хаос и продолжала свой бег. Твари, проходившие по ней, откуда-то появлялись, но я их не создавал.

Каким-то образом я помог им пройти, но они появились не из моего варианта действительности. Они создали сами себя или кто-то еще создал их — в данном случае значения не имеет — и это разрывало на части всю уютную метафизику, созданную и свитую нами за века. Они вошли в наш заповедник, они были чужаками в нем, угрожали ему, угрожали нам. Фиона и Бранд вышли за все границы и нашли что-то там, где, по убеждению остальных, ничего не существовало. В каком-то смысле эта новость стоила опасности, которую она несла с собой. Мы были не одни, а Отражения в действительности не наши игрушки. Никогда уже я не смогу смотреть на них по-старому. И все это потому, что Черная дорога вела на юг и уходила за конец мира, и я не смогу пройти ее до конца… Тишина и серебристый свет…

Отхожу от перил, опираясь на посох, прохожу через затянутую туманом, перевитую дымкой, расписанную лунным светом ткань видений в странный город… Призраки… Отражение Отражений… образы вероятностей… То, что может и могло произойти… потерянная возможность… обретенная возможность… Теперь иду по бульвару… Фигуры, лица многих знакомы мне. Что они делают? Трудно сказать… Губы некоторых

шевелятся, на некоторых лицах оживление… Я не слышу слов. Я прохожу мимо них незамеченным. Вот одна из этих фигур… Женщина одна, она кого-то ждет… пальцы развязывают минуты, отбрасывая их в сторону… она смотрит в другую сторону, но я хочу увидеть ее лицо… Знак того, что я увижу или должен увидеть его… Женщина сидит на каменной скамье под сучковатым кривым деревом… Она смотрит на дворец… Мне очень знакома ее фигура… приблизившись, я узнаю Лорен… она продолжает смотреть вдаль, мимо меня, она не слышит, как я говорю, что отомстил за ее смерть. Но в моих силах быть услышанным в Тир-на Ног-та. То, что дает мне силу, висит в ножнах у меня на боку.

Вытащив Грейсвандир, я поднимаю его над головой, и узоры на клинке оживают под лунным светом. Я кладу меч на землю между нами.

— Корвин!

Она быстро поднимает голову и узнает меня. В свете луны ее волосы становятся рыжеватыми.

— Откуда ты взялся, ведь еще рано?

— Ты ждешь меня?

— Конечно. Ты же сказал мне.

— Как ты попала сюда?

— На эту скамью?

— Нет, в этот город?

— В Амбер? Я не понимаю. Ты же сам привел меня. Я…

— Ты счастлива здесь?

— Ты же знаешь, что, пока я с тобой, я счастлива.

Я не забыл ее ровные зубы, веснушки, едва заметные за мягкой вуалью света.

— Что тогда произошло? Это очень важно. Давай на минутку сделаем вид, что я ничего не знаю. Расскажи мне все, что произошло с нами после битвы в Черном Кругу Лорен.

Она поморщилась и встала, отвернувшись.

— Мы поссорились. Ты пошел за мной, прогнал Мелкина, мы объяснились, и я поняла, что ты был прав, и поехала с тобой в Авалон. Там твой брат Бенедикт убедил тебя начать переговоры с Эриком. Вы не помирились, но он рассказал тебе кое-что, из-за чего ты согласился временно прекратить войну. Он поклялся не вредить тебе, а ты поклялся защищать Амбер. Бенедикт был свидетелем обеих клятв. Мы оставались в Авалоне, пока ты не раздобыл свои химикаты. Потом мы поехали в другое место, где ты купил какое-то странное оружие. Мы выиграли битву, но Эрик ранен и лежит в постели, — она повернулась ко

мне. — Ты думаешь нарушить перемирие, Корвин? Скажи мне, я не ошиблась?

Я покачал головой и, хотя знал, что совершаю глупость, протянул к ней руки, чтобы обнять. Я хотел прижать ее к себе, несмотря на то, что кто-то из нас двоих не существовал, не мог существовать, и, когда крошечный промежуток, разделяющий нас, исчезнет, рассказать, что произошло или еще произойдет…

Удар был несильным, но я споткнулся и упал навзничь поперек Грейсвандир. Мой посох отлетел на несколько шагов в сторону и валялся на траве. Встав на колени, я увидел, что ее лицо-волосы-глаза стали бесцветными. Она повернула голову, ища меня, ее губы шептали беззвучные слова-призраки. Я вложил Грейсвандир в ножны, поднялся. Ее взгляд прошел сквозь меня и остановился. Ее лицо прояснилось, она улыбнулась и шагнула вперед. Я отступил в сторону, повернулся и увидел, что она бежит к приближающемуся человеку, что он сжимает ее в объятиях, увидел мельком его лицо, серебристую розу на его одеянии у самой шеи, увидел, как счастливчик-призрак склоняется к ней и целует ее.

Человек, которого я никогда не узнаю, серебряный на фоне молчания. И серебра… Ухожу… Не

оглядываюсь… Пересекаю бульвар…

Голос Рэндома:

— Корвин, все в порядке?

— Да.

— Видел что-нибудь интересное?

— Потом, Рэндом.

— Извини.

И вдруг — сверкающая лестница перед дворцом… Вверх по ней, поворот направо… Теперь не торопись, потихонечку в сад… Цветы-призраки пульсируют на стебельках вокруг меня, кусты-призраки осыпаны цветами, словно застывший фейерверк. Все — без красок. Набросано только самое главное, глаз различает лишь разную силу чистого серебристого свечения. Только сущность. Может быть, Тир-на Ног-та — это особая форма Отражения в реальном мире, управляемая нашим подсознанием, отражение нашей души в небе в полную величину, может, даже лечебное средство? Если все это кусочек души, то, доложу я вам, несмотря на все это серебро, ночь очень темна… и тиха. Иду… мимо фонтанов, скамеек, рощ, хитроумных альковов в лабиринтах живых изгородей… Прохожу по дорожкам, поднимаюсь по ступеням, перехожу мостики… Позади остаются кусты, деревья, редкие статуи, валу-

ны, солнечные часы, или здесь они называются лунными? Держась правой стороны, упорно иду вперед, вскоре передо мной вырастает северный фасад дворца. Теперь налево, мимо дворика с нависшими над ним балконами, всюду призраки — на балкончиках, за ними, внутри… Обхожу дворец вокруг, просто, чтобы увидеть садик. В истинном Амбере при обычном лунном свете они прекрасны. Еще несколько фигур, они беседуют… Все неподвижно, кроме меня. И тут я чувствую, что меня тянет направо. Я поднимаюсь — бесплатными подсказками пренебрегать не стоит — к высокой живой изгороди, внутри которой небольшая поляна. Если она еще не заросла… Давным-давно здесь было… На поляне две фигуры в объятиях друг друга. Я было отворачиваюсь, но тут они разжимают руки. Не мое дело, но… Дейдра… одна из них Дейдра.

Еще до того, как он поворачивается, я знаю, кто с ней. Как жестоко шутят силы, властвующие над этим серебром, этим молчанием, этими сценами…

Назад, назад, прочь от этой изгороди. Поворачиваюсь, спотыкаюсь, падаю, снова встаю… скорее бежать отсюда…

Голос Рэндома:

— Корвин, все в порядке?

— Потом, черт возьми, потом!

— Корвин, скоро рассвет. Я хотел тебе напомнить.

— Считай, что напомнил!

Скорей отсюда, скорей… Время в Тир-на Ног-та — тоже сон. Невелико утешение, но все же лучше, чем ничего. Скорее прочь, скорей. Скорей… К дворцу. Яркая архитектура ума или души, сейчас более четкая, чем в действительности. Судить о совершенстве бессмысленно, но я добежал до дворца. Я должен знать, что там, внутри… Видимо, там моя цель, ибо меня неодолимо влечет туда. На сей раз я не остановился, чтобы снова поднять посох, упавший в сверкающие травы. Я знаю, что я должен идти, что я должен делать. Теперь это очевидно, хотя логика, которой я влеком, — это не логика бодрствующего ума. Быстрее, вверх по ступеням, к заднему порталу… Боль снова впилась мне в бок. Скорей… Через порог, во дворец… Туда, где нет сияния звезд и лунного света… Свет идет ниоткуда, он точно бесцельно плывет с места на место, иногда сливаясь в светлые озерца. Там, где его нет, тени абсолютно черны, занавешивая большие куски комнаты, коридора, ниши и лестницы. Между тенями, сквозь тени… Теперь я

почти бегу… Одноцветность моего дома… Дурное предчувствие настигает меня… Черные пятна теперь кажутся дырами в этой действительности… Я опасаюсь подходить к ним слишком близко… Боюсь провалиться в них и затеряться… Поворот, коридор… наконец-то… Вхожу… Тронный зал… Горы тьмы нагромождены там, где мои глаза должны были увидеть путь, ведущей к трону… Хотя… движение… Я иду вперед, и справа от меня что-то перемещается. Тьма… Перемещается и поднимается. Когда я приближаюсь к подножию трона, в поле моего зрения появляются сапоги, потом ноги в этих сапогах. У меня в руках оказывается Грейсвандир, она сама по себе находит путь к светлому пятну, снова начинает расти, обманывая глаза, меняя форму, сияя. Я ставлю левую ногу на ступень, опираюсь левой рукой о колено. Боль в заживающем боку тревожит, но ее можно терпеть. Я жду, когда чернота, пустота раздвинется, словно занавес, открывающий новые театральные эффекты, которыми меня так щедро осыпала эта ночь. И тьма уходит в сторону, открывая ладонь, руку, плечо. Рука сделана из сверкающего металла, ее плоскости — словно грани драгоценного камня. Кисть и локоть — поразительное сплетение серебряных нитей,

сколотых искрами. Ладонь стилизована, точно у скелета.

Швейцарская игрушка, механическое насекомое, она действует, она смертоносна и по-своему красива… И тьма уходит полностью, открывая его… Бенедикт стоит у трона в небрежной позе, слегка опираясь на него правой механической рукой. Он наклоняется к трону, его губы шевелятся. Тьма уходит в сторону, и я вижу, кто сидит на троне. Дара!!! Она повернулась вправо, она улыбается, кивает Бенедикту, ее губы что-то произносят. Я подхожу ближе и вытягиваю Грейсвандир вперед до тех пор, пока ее острие не останавливается на впадине, чуть ниже её груди. Медленно, очень медленно, она поворачивает голову и встречается со мной взглядом. Она оживает, и на ее лице появляются цвета. Ее губы вновь шевелятся, и на сей раз слова доходят до моих ушей.

— Кто вы и что здесь делаете?

— Нет, это мой вопрос. Ответьте на него, немедленно!

— Я Дара. Дара амберская, королева Амбера Дара. Я занимаю этот трон по праву крови и силы. А кто вы такой?

— Корвин. Тоже амберский. Не шевелиться! Я

спрашивал, почему вы здесь.

— Корвин умер много веков назад. Я видела его гробницу.

— Она пуста.

— Нет, в ней покоится тело.

— Вашу родословную, быстро!

Она скашивает глаза направо, где все еще стоит призрак Бенедикта. В его правой руке появляется клинок. Он кажется почти продолжением руки, но Бенедикт держит его расслабленно, небрежно. Его левая рука теперь покоится на ее плече. Глаза Бенедикта ищут меня за рукоятью Грейсвандир. Он опускает взгляд на клинок и узнает рисунок на нем…

— Я праправнучка Бенедикта и адской девы Линтры, которую он любил, но затем умертвил, — Бенедикт при этих словах вздрагивает, но она продолжает — Я никогда не видела ее. Моя мать и мать моей матери родились в стране, где время течет по иному, чем в Амбере. Я первая по линии моей матери, кто имеет все признаки человека. А вы, лорд Корвин, всего лишь призрак из давно умершего прошлого, хотя и опасный. Я не понимаю, как вы попали сюда, но вам не следовало этого делать. Возвращайтесь в свою могилу. Не тревожьте живых.

Моя рука вздрагивает. Грейсвандир на какие-то полдюйма отклоняется. Но этого достаточно. Я не успеваю увидеть выпад Бенедикта. Его новая рука приводит в действие новую кисть, а та сжимает клинок, который ударяет по Грейсвандиру. Его другая рука перекидывает Дару через ручку трона, мгновением позже подсознательный образ доходит до меня, я отскакиваю, рублю воздух, выпрямляюсь и рефлекторно занимаю боевую стойку. Схватка духов — нелепо и смешно! Это неравный бой. Он не может даже достать меня, а Грейсвандир… Но нет! Он выпускает Дару, перебрасывает меч из одной руки в другую, поворачивается на месте и сводит старую и новую руки. Его левая кисть с поворотом скользит вниз и вперед. Будь мы оба мертвы, то была бы рукопашная. На какое-то мгновение мы сцепляемся. Этого достаточно… Сверкающая механическая рука, словно свитая из лунного света и огня, тьмы и гладких поверхностей, сплошь углы, ни одной кривой линии, пальцы чуть согнуты, на ладони серебрится вытканный отдаленно знакомый узор — эта рука вылетает вперед, вперед, к моей глотке… Она промахивается, ловит меня за плечо и большим пальцем вцепляется в гортань или в ключицу, не пойму точно, во что. Я бью его левой

в живот, но там пустота…

Голос Рэндома:

— Корвин, сейчас встанет солнце! Спускайся скорей!

Я даже не могу ответить. Еще секунда-две, и рука вырвет то, за что она уцепилась. Эта рука… Грейсвандир и эта рука, которая по странности чем-то похожа на мой меч — вот два предмета, которые существуют в моем мире и в этом городе призраков…

— Я вижу тебя, Корвин! Вырывайся и иди на мою Карту!

Я вырываю Грейсвандир из плена, размахиваюсь и по большой стремительной дуге опускаю ее… Победить этим маневром Бенедикта или его призрак мог бы только другой призрак. Мы стоим слишком близко друг к другу, и он не может отразить удар, но его искусно нанесенный контрвыпад оставил бы меня без руки, если бы на этом месте была рука смертного…

Но это рука призрака, и я наношу удар изо всех сил. Удар приходится по смертоносному оружию из лунного света и огня, тьмы и гладких поверхностей, вблизи того места где оно входит в призрак.

Сильно рванув меня, рука отлетает от Бенедик-

та и застывает, цепляясь за мое плечо. Мы оба падаем…

— Вставай! Клянусь Единорогом, вставай, Корвин! Солнце всходит! Сейчас весь город исчезнет!

Пол подо мной то и дело становится прозрачным, туманится. Мельком я вижу освещенные солнцем воды… я вскакиваю, едва увернувшись от призрака, бросившегося за своей потерянной рукой… она цепляется как клещ, и бок снова болит… Внезапно я становлюсь тяжелым, и океан больше не исчезает. Я начинаю проваливаться сквозь пол. Краски возвращаются в мир дрожащими розовыми полосками. Пол исчезает, и открывается бездна, убийца Корвина…

Я падаю.

— Сюда, Корвин, скорее же!

Рэндом стоит на вершине горы, пытаясь дотянуться до меня рукой. Я протягиваю ему свою ладонь.

Из огня не всегда попадаешь в полымя. Мы распутали руки, ноги и встали. Я тут же снова сел на нижнюю ступень и освободил плечо от металлической руки. Крови не было. Но синяки останутся. Я швырнул руку наземь. В лучах восходящего солнца она выглядела угрожающе.

Ганелон и Рэндом стояли рядом.

— Как ты, Корвин?

— В порядке, дайте только отдышаться.

— Я тут поесть принес, — сообщил Рэндом. — Можем здесь и позавтракать.

— Вот это здорово!

Рэндом начал распаковывать провизию. Ганелон пнул руку ногой.

— Что за чертовщина? — осведомился он.

Я покачал головой:

— Отчекрыжил ее у призрака Бенедикта. Не знаю почему, но она зацапала меня.

Ганелон наклонился, подобрал руку и внимательно осмотрел ее со всех сторон.

— Я думал, она куда тяжелей, — удивился он и помахал ею в воздухе. — Такой ручкой человека так можно отделать — мать родная не узнает.

— Ясное дело.

Он согнул и разогнул пальцы:

— Может, настоящему Бенедикту пригодится?

— Возможно, — проронил я, — правда, не знаю, стоит ли предлагать ее ему, но вполне вероятно, что ты прав.

— Как твоя рана?

— После таких приключений могла быть и хуже. После завтрака смогу ехать верхом, если

только не будем нестись сломя голову.

— Отлично! Кстати, Корвин, пока Рэндом возится с едой, я хотел тебя кое о чем спросить. Может, это не к месту…

— Валяй, спрашивай.

— Для начала скажу, что полностью на твоей стороне, иначе меня бы здесь не было. Я буду драться с кем угодно, лишь бы ты занял трон. Но каждый раз, когда речь идет о наследнике трона, каждый начинает злиться и прерывает разговор, а то и просто меняет тему. Как Рэндом, пока ты гостил в облаках. Для меня не очень важно знать, какие у тебя или у других права на трон, но все-таки любопытно, откуда такие раздоры.

Я вздохнул и немного помолчал.

— Что поделаешь? — произнес я через некоторое время. — Если мы сами не можем разобраться в своих делах, то для постороннего они, наверное, вообще темный лес. Бенедикт самый старший из нас. Его матерью была Симнея. Она родила отцу еще двух сыновей — Озрика и Финндо. Потом… как бы поточнее выразиться… в общем, Файла родила Эрика. После этого отцу чем-то не понравился брак с Симнеей, и он аннулировал его. Как говорят в моем старом Отражении — с самого начала. Хитрый фокус, а? Но он же был королем!

— Выходит, все они стали незаконнорожденными?

— Не совсем так. Их положение стало менее ясным. Как я понимаю, Озрика и Финндо это здорово разозлило, но они вскоре скончались. Бенедикт либо разозлился меньше, либо оказался благоразумнее прочих. Он не стал поднимать шума. Потом отец женился на Файле.

— И Эрик стал его законным сыном?

— Стал бы, если бы отец формально признал его. Он обращался с ним так же, как и с остальными, но никогда не заявлял об этом официально, возникли бы осложнения с семьей Симнеи, а в то время их позиции усилились.

— Он обращался с ним, как со своим собственным сыном…

— Да, но позже он официально признал Льювиллу. Она родилась вне брака, но он решил признать отцовство. Как же ненавидели ее за это все дружки Эрика! Ведь его положение стало еще более сомнительным. Ну вот, а потом Файла стала моей матерью, я родился в браке, а потому являюсь первым из тех, у кого есть несомненное право на трон. Если ты переговоришь с остальными, то у них, вероятно, найдутся свои аргументы, но факты остаются фактами, вот так-то. Правда,

Эрик мертв, а Бенедикта трон не интересует, и все это кажется совсем не таким важным, как когда-то… Вот такие дела, Ганелон.

— Кажется, понимаю, — промолвил он. — Тогда еще вопрос…

— Что еще?

— Кто следующий? То есть, случись что с тобой…

Я покачал головой.

— Дальше все еще больше запутывается. Должен был быть Каин, но он мертв. Значит, все перешло бы к детям Клариссы, рыжим. Блейзу, потом к Бранду.

— Кларисса? А что стало с твоей матерью?

— Умерла при родах Дейдры. Отец потом долго не женился, и когда, наконец, решил это сделать, то выбрал себе рыжеволосую девку из далекого южного Отражения. Я ее никогда не любил. Через некоторое время отец стал разделять мои чувства и начал пошаливать на стороне. После того, как в Ребма родилась Льювилла, они было помирились, в результате чего родился Бранд. Когда они разошлись окончательно, отец назло Клариссе признал Льювиллу. По крайней мере, мне так кажется.

— Женщин ты не считаешь претенденткой?

— Нет. Они не подходят для этого, да и сами не рвутся к трону. Но если считать их, то Фиона была бы впереди Блейза, а после него — Льювилла. После Клариссиных деток идут Джулиан, Жерар и Рэндом. Ах, извини, перед Джулианом еще есть Флора. Даты браков тоже надо учитывать, но окончательный порядок никто не оспаривает. Ну, на этом и закончим.

— Ну что ж, закончим, — согласился Ганелон. — Значит, если ты умрешь, то на трон сядет Бранд?

— Как сказать… он сам сознался, что предал нас, и никто не пылает к нему особой любовью. В его нынешнем положении вряд ли кто примет его как короля. Не думаю, чтобы это заставило его отказаться от борьбы.

— Но ведь в таком случае королем станет Джулиан!

Я пожал плечами.

— Если я не люблю Джулиана, то это еще не значит, что он не подходит для трона. Честно говоря, он может оказаться очень энергичным монархом.

— Вот он и пырнул тебя ножом в качестве доказательства, — закричал Рэндом. — Идите есть.

— И все-таки я не думаю, что это был, он, — произнес я, вставая и направляясь к корзинам с

едой. — Во-первых, не понимаю, как он мог бы попасть в мою комнату. Во-вторых, все это уж слишком очевидно. В-третьих, если я в ближайшее время умру, то наследника выберет Бенедикт. Это известно всем. Он старший, он умен и силен. Он, к примеру, может просто заявить: «Идите вы к черту с вашими сварами, я — за Жерара». И на этом все кончится.

— А что, если он решил изменить собственное положение и захочет сам занять трон? — спросил Ганелон.

Мы уселись на землю и разобрали оловянные тарелки, которые Рэндом наполнил едой.

— Если бы он стремился к короне, то давно бы получил ее, — ответил я. — Ребенка от аннулированного брака можно рассматривать с разных точек зрения. Можно наверняка сказать, что Бенедикт выбрал лучшую из них. Озрик и Финндо поторопились и стали на худшую. А Бенедикт оказался умнее — он просто ждал. Вот так… По-моему, это возможно, но маловероятно.

— Тогда при нормальном ходе событий, если с тобой что-нибудь случится, то все опять повиснет в воздухе?

— Совершенно верно.

— Почему же все-таки убили Каина? — спросил

Рэндом и тут же, не забывая о еде, сам ответил на свой вопрос — Для того, чтобы после твоей смерти право на трон сразу же перешло к детям Клариссы. Мне подумалось, что, возможно, Блейз еще жив, а он следующий на очереди. Его тело не обнаружили. Мне кажется, что во время вашего нападения на Амбер Блейз успел связаться с Фионой и вернуться в Отражение, чтобы собрать войско, а тебя бросил умирать в лапах Эрика. По крайней мере, он на это надеялся. Теперь Блейз снова готов к борьбе. Они убивают Каина и пытаются добраться до тебя. Если они в самом деле объединились с этой ордой с Черной дороги, то, возможно, они договорились о новом нападении с этого фланга. В будущем Блейз может просто повторить твой ход: появиться в последний момент, отбить нападение захватчиков и войти в Амбер. Он будет первым претендентом на трон и по праву и по силе. Очень просто. Вот только ты спасся, и Бранд вернулся. Если мы поверим Бранду относительно Фионы, а я не вижу причин не верить, то все это укладывается в их первоначальный план.

Я кивнул.

— Вполне возможно. Именно об этом я и спрашивал Бранда. Он признал, что такая вероятность

существует, но заявил, что ему неизвестно, жив ли Блейз. Лично я не думаю, чтобы он лгал.

— Почему?

— Вероятно, он хочет одновременно отомстить за свое заключение и покушение на его жизнь и убрать единственное препятствие на пути к трону. Он, по-видимому, считает, что план уничтожения Черной дороги, который он разрабатывает, поможет ему избавиться от меня. Разоблачение собственного заговора и разрушение Черной дороги все это выставляет его в самом выгодном свете, особенно после всех страданий, которые на него обрушились. Возможно, после этого у него появится шанс. Или он надеется на него.

— Значит, ты тоже думаешь, что Блейз жив?

— Да, — выпалил я, — так мне кажется, но чисто интуитивно.

— В чем же их сила?

— В знаниях, — ответил я. — Фиона и Блейз учились у Дворкина в то время, как остальные носились по Отражениям, ублажая себя кто как мог. Поэтому они лучше понимают ситуацию, принципы того, чем мы все владеем. Они больше нашего знают об Отражениях и о том, что лежит за ними, а также о Лабиринте и о Картах. Именно

поэтому Бранд смог связаться с тобой.

— Интересная мысль, — пробормотал Рэндом задумчиво. — Тебе не кажется, что они могли избавиться от Дворкина после того, как узнали все, что им требовалось? Случись что с отцом — знания оставались бы только у них.

— Мне это не приходило в голову, — признался я.

И я подумал, не могли ли они выкинуть что-то, что повлияло на его рассудок? Сделало его таким, каким я в последний раз его видел? И если так, знают ли они, что Дворкин, возможно, еще где-то живет, или уверены в его гибели?

— Да, — произнес я вслух, — думаю, что это вполне могло случиться.

Солнце поднималось все выше. Еда подкрепила меня. В утреннем свете Тир-на Ног-та растаял без следа. Мои воспоминания о нем были уже похожи на воспоминания о прошедшем или на отражения в тусклом зеркале. Ганелон притащил мой единственный сувенир, который я принес из призрачного города — металлическую руку. И Рэндом упаковал ее вместе с тарелками.

Днем первые три ступени были похожи не столько на лестницу, сколько на простое нагромождение камней.

— Обратно тем же путем? — кивнул Рэндом в сторону тропы.

— Да, — ответил я, и мы вскочили в седла.

Мы поднимались на вершину по извилистой тропе, шедшей на юг вокруг Колвира. Она была длиннее, но так было легче подниматься в гору. Я старался щадить себя до тех пор, пока рана не перестанет болеть. Мы скакали друг за другом. Рэндом впереди, Ганелон позади. Тропинка плавно поднималась вверх, затем вновь опускалась вниз. Воздух был прохладен, пахло зеленью и мокрой землей, что было необычно для этой голой местности на такой высоте. Я решил, что запахи принесли из лесов у подножия горы случайные потоки воздуха. Мы отпустили поводья. Кони сами спустились в следующую впадину и вышли из нее.

Когда мы приближались к вершине, конь Рэндома заржал и встал на дыбы. Рэндом тут же усмирил его. Я огляделся, но не заметил ничего, что могло бы напугать животное. Поднявшись на вершину, Рэндом замедлил ход, осмотрелся и крикнул:

— Смотрите, каков восход, а?

Не любоваться им было невозможно, но я не стал восторгаться. И удивился, что Рэндом, обыч-

но не сентиментальный, обратил внимание на утреннее солнце. Поднявшись на вершину, я чуть не натянул поводья. Солнце казалось фантастическим золотым шаром. Чудилось, что оно раза в полтора больше обычного. Я нигде еще не встречал такого странного цвета. Солнце творило чудеса с лентой океана, которая виднелась за следующим холмом, а оттенки облаков и неба были просто невероятными. Но я не остановился, потому что эта внезапная яркость была почти болезненной.

— Ты прав! — только и крикнул я, спускаясь вслед за ним в котловину. Ганелон позади нас восхищенно выругался.

Проморгавшись после этого внезапного для нас спектакля, я заметил, что растительность в этой небольшой впадине гуще, чем раньше. Я считал, что здесь растут несколько низкорослых деревьев да немного лишайников. На самом деле деревьев было несколько десятков, они были выше, чем я полагал, и зеленее. Тут и там пробивалась трава, контуры скал смягчал плющ. После моего возвращения я проезжал тут только ночью. Кстати, отсюда, наверное, и исходили запахи, которые мы чувствовали раньше. Когда я проезжал через котловину, мне показалось, что она шире, чем

раньше. К тому времени, как мы пересекли ее и снова стали подниматься, я был уверен в этом.

— Рэндом! — воскликнул я. — Это место изменилось?

— Трудно сказать, — ответил он. — Эрик нечасто выпускал меня на прогулки. Мне кажется, оно чуточку увеличилось.

— Мне тоже. Впадина стала больше и шире.

— Точно. Я думал, что мне просто мерещится.

Когда мы выехали на следующую вершину, солнце уже не слепило, его закрывала листва. Лес впереди был гуще, чем позади, деревья поднимались выше. Мы натянули поводья.

— Что-то я не припоминаю этого, — промолвил Рэндом. — Даже если проезжать ночью, то такую чащу нельзя проскочить, не заметив. Вероятно, мы сбились с пути.

— Не пойму только, как. Ну ладно, мы примерно знаем, где находимся. Мне не хочется возвращаться, поехали лучше вперед. Все равно надо знать, что творится в окрестностях Амбера.

— Это верно.

Рэндом стал спускаться к лесу. Мы последовали за ним.

— На такой высоте я еще не встречал подобных зарослей, — обернувшись, заметил Рэндом.

— И чернозема больше, чем раньше.

— Похоже, ты прав.

При въезде в лес тропа резко свернула влево. Я не видел никаких причин отклоняться от прямого пути. Но мы остались на тропе, и поэтому расстояние показалось еще большим, Через несколько секунд дорожка снова резко метнулась вправо, и перед нами открылся странный вид. Деревья были еще выше, а лес был так густ, что глаза не проникали сквозь чащу. Дорога повернула еще раз, стала шире и пошла прямо. Было видно далеко вперед. Наша лощинка была куда меньше. Рэндом остановился.

— Черт возьми, Корвин, это же идиотизм какой то! Ты, случаем, не шутишь над нами, а?

— Не мог бы, даже если бы захотел. На Колвире у меня никогда ничего с Отражениями не получалось. Считается, что их здесь просто нет. Во всяком случае, это не только мое мнение.

— Я тоже всегда так думал. Амбер отбрасывает Отражение, но сам создан не из него. Не нравится мне все это. Не повернуть ли нам назад?

— Ты знаешь, у меня такое предчувствие, что мы не найдем пути назад. Всему этому есть причины, и я намерен их выяснить.

— Корвин, а если это ловушка?

— Даже если это ловушка.

Он кивнул, и мы поскакали дальше в тени деревьев, которые становились все более величественными. В лесу царила тишина. Дорога была прямой, местность ровной. Бессознательно мы пришпоривали коней. Минут пять прошло в молчании. Потом Рэндом сказал:

— Корвин, это не Отражение.

— Почему ты так думаешь?

— Я все время стараюсь изменить его. Ничего не получается. Ты не пробовал?

— Нет.

— Попробуй.

— Сейчас.

Пусть из-за дерева впереди выступит скала… пурпурный вьюнок перевьет этот куст и украсит его своими колокольчиками… Вот этот кусочек неба должен очиститься, а сейчас на нем появится легкое облачко… Пусть теперь на земле покажется упавшая ветка, усеянная грибами… лужа, заросшая водорослями, лягушка… падающее перо, семя, порхающее в воздухе, изогнутый сук… еще одна тропа вдоль дороги, недавно прорубленная, отчетливо видная, проходящая мимо того места, куда должно упасть перо…

— Бесполезно, — произнес я.

— Если это не Отражение, так что же это такое?

— Естественно, что-то другое.

Рэндом покачал головой и снова проверил, легко ли выходит из его ножен шпага. Я сделал то же самое, и через несколько секунд услышал, как позади меня зазвенел оружием Ганелон. Дорога впереди сужалась и вскоре начала вилять. Нам опять пришлось придержать лошадей. Деревья со всех сторон теснили нас, ветви свисали все ниже. Дорога превращалась в тропинку, она с трудом пробивалась между деревьями, извивалась, в последний раз повернула и исчезла. Рэндом нырнул под ветку, поднял руку и остановился. Мы подъехали к нему. Дороги перед нами не было. Я оглянулся. Позади тоже теснился лес без каких-либо следов тропинки.

— Вносите ваши предложения, — сказал Рэндом. — Мы не знаем, где были и куда едем, не говоря уже о том, где находимся. Я предлагаю послать ко всем чертям любознательность и поскорее убираться отсюда.

— Куда? — поинтересовался Ганелон.

— Что скажешь, Корвин? — обратился ко мне Рэндом.

— О'кей. Мне все это тоже не нравится. И ничего

лучшего я придумать не могу. Валяй!

— Кого вызывать? Жерара?

— Да.

Он нашел Карту Жерара и уставился на нее. Мы же уставились на него. Время текло.

— Кажется, он не отвечает, — объявил наконец Рэндом.

— Попробуй Бенедикта.

— Хорошо.

Сцена повторилась — контакта не было.

— Дейдра, — сказал я, доставая свою Колоду и вынимая из нее Карту сестры.

— Я с тобой. Посмотрим, не выйдет ли чего, если мы попробуем вместе.

Еще раз. Еще!

— Ничего, — огорчился я.

Рэндом покачал головой:

— Ты не заметил в Картах ничего необычного?

— Что-то есть, но никак не пойму, что именно. Они какие-то не такие.

— Мои, кажется, нагрелись. А всегда были холодными.

Я медленно перетасовал Колоду и провел кончиками пальцев по Картам.

— Да, ты прав. Так оно и есть. Но попробуем еще раз. Флору.

— О’кей.

Тот же результат. И с Льювиллой. И с Брандом.

— В чем же дело? — удивился Рэндом.

— Понятия не имею. Не могут же все они не ответить на вызов. И умереть все сразу не могли… Хотя, могли, но это в высшей степени маловероятно. Кажется, что-то неладно с Картами. Но я никогда не слышал, чтобы что-то могло повлиять на них.

— Ну, что ж, изготовитель не давал на них стопроцентной гарантии, — пошутил Рэндом.

— Ты, по-моему, что-то знаешь.

Он усмехнулся.

— Забыть тот день, когда ты стал совершеннолетним и прошел Лабиринт — невозможно. Я помню его так четко, как будто все произошло только в прошлом году. Когда я вышел из Лабиринта, раскрасневшись от возбуждения и гордости, Дворкин дал мне мою первую Колоду и научил пользоваться Картами. Я точно помню, что спросил его, всюду ли они действуют. «Нет, сказал он, но туда, где они негодны, тебе никогда не попасть». Сам знаешь, Дворкин не очень-то жаловал меня.

— И ты не просил его объяснить эти слова?

— Просил, и он ответил: «Вряд ли ты когда-

нибудь достигнешь состояния, в котором они откажутся служить тебе. А теперь пойди погуляй». Что я и сделал. Я просто сгорал от желания поиграть с Картами.

— «Достигнешь состояния»? Может быть, он сказал «места»?

— Нет. На такие вещи у меня прекрасная память.

— Странно… Хотя я и не понимаю, чем это может помочь нам. Попахивает метафизикой.

— Готов спорить, что Бранд знает, в чем дело.

— Полагаю, ты прав, хотя нам-то от этого какая польза?

— Хватит воду в ступе толочь! — вмешался Ганелон. — Если с Отражением и Картами ничего не выходит, то надо определить, где мы находимся, а потом искать подмогу.

Я кивнул, соглашаясь.

— Поскольку мы не в Амбере, то, по-моему, смело можно предположить, что мы в каком-то странном Отражении, совсем рядом с ним: ведь мы даже не заметили, как перешли в него. Мы попали сюда не по собственному желанию. Следовательно, за всем этим кто-то стоит. И этот маневр имеет свою цель. Если этот кто-то собирается напасть, то лучшего момента ему

не дождаться. Если же ему нужно что-то иное, то он сам объявится, поскольку мы ни о чем не догадываемся.

— Ты не собираешься что-то предпринять?

— Я предлагаю подождать. Какой смысл блуждать в чаще?

— Кажется, когда-то ты говорил мне, что Отражения, близкие к Амберу, почти подобны ему, — заметил Ганелон.

— Возможно. И что?

— Тогда, если мы так близко к Амберу, как ты считаешь, нам нужно всего лишь ехать в сторону восхода солнца до тех пор, пока мы не окажемся в том месте этого Отражения, которое соответствует нашему городу.

— Все не так просто. И даже если мы окажемся там, что толку?

— Может быть, в точке максимального совпадения Карты вновь начнут действовать?

Рэндом взглянул на Ганелона, потом на меня.

— Ты знаешь, стоит попробовать, — сказал он. — В конце концов, что мы теряем?

— Попробуем держать путь по солнцу — идея неплоха. Если, конечно, нам ничто не помешает, а способность ориентироваться не совсем еще изменила нам. Но мне кажется, чем дальше мы

едем, тем быстрее исчезает дорога позади нас. Мы не просто перемещаемся в пространстве. При таких обстоятельствах я не тронусь с места, пока не буду уверен, что иного выбора у нас нет. Если кому-нибудь нужно, чтобы мы оказались в каком-то месте, то пускай пошлет приглашение, которое можно понять. А пока подождем.

Они оба согласно кивнули. Рэндом стал было спешиваться, но вдруг замер, одна нога в стремени, другая на земле.

— Сколько лет прошло, — прошептал он. — А я никогда не верил в это…

— Что такое? — тоже шепотом спросил я.

— Появился выбор, — ответил он и вскочил в седло.

Конь Рэндома очень медленно шагнул вперед. Я последовал за ним и через несколько мгновений увидел его. Такой же белоснежный, как и в роще, Единорог стоял, наполовину скрытый зеленым папоротником. Когда мы тронулись с места, он повернулся и через несколько секунд мелькнул впереди, остановившись за стволами огромных деревьев.

— Вижу! — прошептал Ганелон. — Подумать только, значит он и в самом деле существует… Это ведь ваш фамильный герб?

— Да.

— Тогда это добрый знак.

Я ничего не ответил, но двинулся за Единорогом, не теряя его из виду. В том, что мы должны следовать за ним, я уже не сомневался. Он держался так, чтобы что-нибудь все время закрывало его от нас, с невероятной быстротой перебегая от укрытия к укрытию, избегая открытых мест, оставаясь в тени на прогалинах. Мы скакали за ним, забираясь все дальше и дальше в чащу, которая уже совсем не походила на лес, растущий на склонах Колвира. Теперь лес из всех окрестностей Амбера больше всего напоминал Арденн: местность была сравнительно ровной, а деревья становились все величественнее. Миновал час, потом другой, прежде чем мы вышли к маленькому чистому ручью. Единорог повернул к нему. Когда мы ехали по берегу, Рэндом заметил:

— Это место мне кажется знакомым.

— Согласен, — ответил я, — но не совсем. Не могу понять, в чем дело.

— Я тоже.

Вскоре начался подъем, становившийся все круче. Ехать стало труднее, но Единорог замедлил шаг, чтобы кони не отставали.

Почва стала каменистой, деревья не такими

высокими. Ручеек извивался и журчал. Я потерял счет его изгибам, но постепенно мы приблизились к вершине небольшой горы, по склону которой ехали до сих пор. Выбравшись на ровную площадку, мы поскакали к лесу, из которого вытекал ручей. Уголком глаза я заметил справа от себя пропасть и далеко от нас — ледяное море.

— Высоко мы забрались, — пробурчал Ганелон. — Вроде похоже на равнину, но…

— Роща Единорога! — прервал его Рэндом. — Вот на что это похоже! Смотрите!

Он оказался прав. Впереди нас лежала поляна, усеянная валунами. Между ними пробивался родник, исток ручья, вдоль которого мы скакали. Поляна была больше, растительность пышнее. Мой внутренний компас подсказывал мне, что, несмотря на сходство, это совсем другое место. И все же сходство не могло быть случайностью. Единорог вскочил на камень у родника, взглянул на нас и отвернулся. Возможно, он смотрел на океан. Мы подъехали ближе, и тут роща, Единорог, деревья, ручей предстали перед нами с необычайной яркостью и ясностью, словно они излучали какой-то особенный свет, придававший краскам волшебную силу, и трепетали, почти неразличимо колеблясь. Во мне возникло какое-

то странное чувство, видимо, так чувствуют себя, направляясь в ад!

С каждым шагом моего коня что-то исчезало из окружающего нас мира. Неожиданно взаимосвязи предметов изменились, перспектива разрушилась, мое чувство глубины прошло, все в поле зрения стало иным. Я видел только очертания предметов, но площадь, занимаемая ими, изменилась. Всюду были углы, и сравнительные размеры вещей стали просто нелепыми. Конь Рэндома поднялся на дыбы и заржал. Громадный, точно апокалиптическое видение, он мгновенно напомнил мне «Гернику». К своему ужасу я обнаружил, что это явление не обошло и нас троих: кубический пространственный сон преобразил и Рэндома, который все еще боролся со своим конем, и Ганелона, которому пока удавалось справиться с Огнедышащим. Но Звезда побывала не в одной переделке, да и Огнедышащий много повидал на своем веку. Мы приникли к ним и почувствовали странные непонятные движения. Рэндому, наконец, удалось усмирить своего коня, хотя с каждым шагом все вокруг продолжало меняться. Потом пришла очередь света. Небо потемнело, но не так, как ночью. Оно превратилось в плоскую, не отражающую свет поверхность.

Таким же стало пространство между предметами, в мире остался лишь свет, излучаемый самими предметами, но и он постепенно обесцвечивался. Плоскости вещей излучали белое сияние разной интенсивности, но самым ярким из них, огромным, вселяющим ужас, был свет Единорога, который внезапно встал на дыбы и бил копытами по воздуху, заполняя собой почти все вокруг — почти все творение. Я видел его движения, точно в замедленной съемке, и мне стало страшно, что он сотрет нас в порошок, сделай мы еще один шаг. Потом был только свет. Потом полная неподвижность. Потом свет исчез и не осталось ничего, даже тьмы. Провал в реальности, который мог длиться мгновение или вечность… Потом вернулась тьма, за ней свет. Только они поменялись местами. Свет заполнил промежутки, очерчивая пустоты, которые вероятно были предметами. Первым звуком, который я услышал, был ручей. Первым, что я почувствовал, была дрожь Звезды. Потом я различил запах моря. Потом появился Лабиринт или его искаженный негатив… Я наклонился вперед, и свет по краям предметов усилился. Наклонился назад, и свет исчез. Снова вперед, дальше, чем прежде… Свет разливался, вокруг появились различные

оттенки серого. Коленями я мягко подал Звезду вперед. С каждым шагом что-то возвращалось в мир. Поверхности, структуры, краски… Позади я услышал шум: Рэндом и Ганелон двинулись за мной. Лабиринт подо мной не открывал свою тайну, но приобретал нечто, находившее свое место в возникновении мира вокруг нас. Я продолжал спускаться. Снова вернулось ощущение глубины. Море, теперь ясно видимое справа от меня, отделилось от неба, возможно чисто визуально. До этого казалось, что небо и море слиты в какое-то первобытное изначальное море. Воды внизу и воды вверху. Потом это показалось зловещим, но пока явление существовало, я не замечал его. Мы спускались по каменистому склону. Он, вероятно, начинался позади рощи, куда нас привел Единорог. Метрах в ста ниже лежала абсолютно ровная площадка. По виду это была цельная, без трещин, скала неправильной овальной формы длиной метров двести. Склон, по которому мы ехали, поворачивал влево и вновь возвращался, описывая огромную дугу. За дальним краем площадки не было ничего: земля круто обрывалась в это странное море. Я продолжал свой путь, и все три измерения, казалось, снова вступили в свои права. Солнце было таким, как и раньше, громадным

шаром из расплавленного золота. Голубое небо было более темным, чем в Амбере, и абсолютно безоблачным. Точно такого же оттенка голубизну моря не нарушали ни остров, ни парус. Я не видел ни одной птицы и не слышал ни единого звука, кроме тех, что издавали мы и кони. Над этим местом царила невероятная тишина. Когда мое восприятие наконец прояснилось, я понял, что нахожусь на поверхности плоской скалы и передо мной Лабиринт. Сначала я подумал, что он вырезан в скале, но когда мы подъехали ближе, я увидел, что он заключен внутри нее — золотисто-розовые вихри, словно прожилки в экзотическом мраморе, казавшиеся естественными, несмотря на то, что узор явно служил какой-то цели. Я натянул поводья. Остальные поравнялись со мной. Рэндом справа, Ганелон слева. Мы молча рассматривали Лабиринт. Темное, неправильной формы пятно стерло часть узора прямо под нами, от его внешнего края до центра.

— Знаешь, что, — наконец, произнес Рэндом, — это выглядит так, будто кто-то срезал верхушку Колвира на уровне темниц.

— Точно, — проронил я.

— Тогда, если существует подобие, примерно здесь находится наш собственный Лабиринт.

— Точно, — повторил я.

— А это пятно идет с юга, как и Черная дорога.

Я медленно кивнул, все поняв, и догадка превратилась в уверенность.

— Что все это значит? — спросил Рэндом. — Все кажется соответствующим реальному положению дел, но в остальном я ничего не понимаю. Зачем нас притащили сюда и показали эту штуку?

— Это не соответствует реальному положению дел. Это и есть реальное положение, — утвердительно произнес я.

— Когда мы были на Отражении Земля, — повернулся ко мне Ганелон, — там, где ты провел столько лет, я слышал стихотворение о двух дорогах, расходящихся в лесу. Оно кончается так:

Когда б налево я пошел,

Весь мир бы стал другим…

Я тогда подумал о твоих словах, Корвин: «Все дороги ведут в Амбер». Тогда я долго размышлял о том, как изменяет мир выбор, который мы делаем, несмотря на то, что для твоего рода исход кажется неизбежным.

— Ты знаешь? Ты все понял? — удивился я.

Он кивнул и показал вниз:

— Там ведь настоящий Амбер, да?
— Да, — ответил я. — Настоящий!

Рука Оберона

Свет, озаривший пространство, был настолько ярким, что казалось, будто вспыхнуло солнце. И я узнал знакомый узор, который видел до сих пор светящимся в темноте — Лабиринт, Великий Лабиринт Амбера был начертан на овальном уступе под небом-морем. И я знал, что он настоящий, потому что был связан с ним подсознанием, и мой внутренний мир отозвался на эту связь. А это означало, что Лабиринт в Амбере был только парным его Отражением. Значит, и сам Амбер был Отражением, хотя и особенным, но повторением существующего вне его бытия. Потому что один Лабиринт не мог бы перенестись за пределы царства Амбера, Ребма и Тир-на Ног-та. А все это означает, что место, куда мы прибыли, было, по закону первенства и конфигурации, настоящим Амбером. Я повернулся к улыбающемуся Ганелону с его плавившимся в безжалостном свете обликом и нечесаными волосами.

— Как ты узнал все это? — спросил я его.

— Ты же знаешь, Корвин, я очень хорошо угадываю, — ухмыльнулся он в бороду, — и я

вспомнил все, что ты когда-либо рассказывал мне об Амбере. Как его Отражение и Отражение вашей борьбы отзываются в разных мирах. Я часто гадал, думая о Черной дороге, не могло ли что-нибудь отбрасывать такое отражение на сам Амбер. И я представлял себе, что это тайное нечто должно быть чем-то первоосновным и мощным. — Он показал на то, что было перед нами. — Вроде этого.

— Продолжай, — попросил я.

Выражение его лица изменилось, и он пожал плечами.

— Итак, должен существовать слой реальности более глубокий, чем на Амбере, — объяснил он, — где и была сделана черновая работа. Ваш зверь-покровитель привел нас к тому, что кажется и является таким местом, и это пятно выглядит именно как черновая работа. Ты согласен со мной?

Я кивнул:

— Меня скорее ошеломила твоя восприимчивость, чем сам вывод, — заметил я.

— Ты меня в этом убедил, — признался стоящий рядом Рэндом. — Я поражен, что со мной в последнее время бывает редко. Мне тоже кажется, что находящееся там, внизу, и есть основа

нашего мира.

— Со стороны лучше видно, — заметил Ганелон.

Рэндом взглянул на меня и вновь стал разглядывать то, что лежало перед нами.

— Как ты думаешь, все опять изменится, если мы спустимся, чтобы получше разглядеть? — поинтересовался он.

— Есть только один способ выяснить это, — произнес я.

— Тогда по одному вперед… — скомандовал Рэндом. — Я — первый.

— Ладно.

Рэндом направил своего коня направо, затем налево, снова направо, по извилистой тропе, петляющей на подъемах и спусках. Мы двигались в том же порядке, который сохраняли весь день — я следовал за Рэндомом, а последним ехал Ганелон.

— Кажется, теперь все идет, как по плану, — крикнул Рэндом.

— Пока.

— Ниже в скалах вижу отверстие.

Я нагнулся вперед. На одном уровне с овальным плато виднелся вход в пещеру. Он располагался так, что, когда мы были повыше, его не было

видно.

— Мы проедем рядом с ним, — сказал я.

— Надо миновать его осторожно — как можно быстрее и бесшумно, — добавил Рэндом.

Он вынул шпагу. Я вытащил из ножен Грейсвандир, а сзади, отстав от меня на один поворот, обнажил свое оружие Ганелон. Мы не спешили приближаться к отверстию в скале. На расстоянии десяти-пятнадцати футов от него я почувствовал неприятный запах. Было непонятно, откуда его приносит ветер и что может так пахнуть. Кони же, должно быть, разобрались лучше нас, потому что прижали уши к головам, раздули ноздри и, упираясь, тревожно заржали. Они успокоились только, когда пещера осталась далеко позади. Мы ехали спокойно, пока не достигли конца спуска и не направились к поврежденному Лабиринту, Тут-то лошади снова заволновались и отказались приближаться к нему. Рэндом спешился. Он подошел к краю узора, остановился и пригляделся. Через некоторое время, не оборачиваясь, проговорил:

— Из всего, что мы знаем, следует, что повреждение было преднамеренным.

— Кажется, так, — согласился я.

— Также очевидно, что нас привели сюда не

без причины.

— И тут не может быть возражений.

— Тогда не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что цель нашего прихода сюда — определить, как был поврежден Лабиринт и что можно сделать для его ремонта.

— Возможно. И каков же твой вывод?

— Пока никакого.

Он двинулся вдоль периметра геометрической фигуры направо, где начинался эффект кляксы. Я вложил меч в ножны и уже хотел тоже спешиться. Но Ганелон положил руку мне на плечо.

— Да ты что? Я и сам спрыгну, — начал было я.

— Не в этом дело, Корвин, — сказал он, — отсюда видней. Вон, видишь, посередине Лабиринта какой-то дефект, какая-то неправильность. Этого, ясно, здесь не должно быть.

— Где?

Он показал, и я стал вглядываться туда, куда он указывал. Неподалеку от центра, действительно, находился какой-то посторонний предмет. Палка? Камень? Случайно залетевший кусок бумаги? На таком расстоянии было невозможно точно сказать, что это.

— Да, да, вижу, — проронил я.

Мы спешились и направились к Рэндому, ко-

торый к тому времени пригнулся у края узора, изучая обесцвеченностъ.

— Ганелон заметил что-то у центра.

Рэндом кивнул:

— И я тоже. И теперь думаю, как пробраться туда поближе, чтобы как следует разглядеть, что же там делается. Мне как-то не очень хочется проходить весь разрушенный Лабиринт. Интересно, какая опасность ожидает того, кто попытается пройти поврежденный участок. Как ты думаешь?

— Чтобы осилить то, что здесь осталось от Лабиринта, потребуется немало времени, если сопротивление тут такое же, как у нашего домашнего Лабиринта. Нас также учили, что сбиться там с пути равносильно смерти, тут, видимо, случится то же самое. Так что, добравшись до пятна, придется возвращаться и уходить. А что, если будет поздно? А что, если темное пятно — это сигнал, которым я оповещу врагов, что мы здесь. Так что…

— Так что ни один из вас не будет этого делать, — перебил Ганелон. — Я пройду Лабиринт.

Затем, не дожидаясь ответа, разбежавшись, он прыгнул в черный сектор, пронесся через него к центру, остановился, подобрал то, что мы увиде-

ли издалека, повернулся и побежал назад. Спустя несколько секунд он стоял рядом с нами.

— Это была рискованная затея, — буркнул Рэндом.

Он кивнул:

— Но если бы я этого не сделал, вы бы все еще обсуждали, как поступить.

Он протянул нам свой трофей.

— Ну, что вы скажете теперь?

В руках его блестел кинжал, на острие которого был нанизан картонный прямоугольник. Я взял его у Ганелона.

— Похоже на Карту, — заметил Рэндом.

— Да.

Я высвободил Карту и разгладил помятые и разрезанные края. Человек, которого я рассматривал, казался знакомым. Но кто это, вспомнить я не мог. У него были светлые, прямые волосы, чуть резковатые черты лица, легкая улыбка и немного мелковатое телосложение.

Я покачал головой:

— Я его не знаю.

— Дай-ка мне глянуть.

Рэндом взял у меня Карту и, посмотрев, свел брови.

— Нет, — произнес он через некоторое вре-

мя, — я тоже его не знаю. Такое чувство, что я его должен знать. Однако — нет, не знаю.

В это время лошади снова заржали. И для того, чтобы узнать причину их беспокойства, достаточно было только оглянуться. Это мы и сделали в тот момент, когда появился…

— Проклятье! — рявкнул Рэндом.

Я готов был повторить то же самое. Ганелон обнажил меч.

— Кто-нибудь знает, что это такое? — прошептал он.

Такого зверя я не видел никогда в жизни. Вначале показалось, что это громадный змей. Тело его извивалось. Длинный хвост был продолжением тонкого туловища. Однако он передвигался на четырех лапах с двумя сочленениями, с большими ступнями и грозными когтями. Его узкая голова с клювом раскачивалась из стороны в сторону. Он приближался, поворачиваясь к нам то одним, то другим светло-голубым глазом. На его боках были сложены большие крылья, пурпурные и кожистые. На его теле не было ни шерсти, ни волос, ни перьев, а на груди, плечах, спине и длинном хвосте блестела чешуя. От острого клюва-штыка невиданного зверя и до кончика чешуйчатого хвоста было больше трех метров. Когда он дви-

гался, раздавался негромкий звон. И я заметил, что на шее у чудовища висит что-то блестящее.

— Он напоминает мне, — сказал Рэндом, — грифона — геральдического зверя. Только этот лысый и красный.

— Только эта птица не нашей геральдики, — заметил я. И поднял Грейсвандир повыше — чтобы верней ударить чудовище по его птичьей башке, если ему вдруг вздумается напасть на нас.

Зверь мерно переставлял толстые лапы. Из его пасти показался длинный раздвоенный язык, он приподнял свои пурпурные крылья и опять сложил их. Стоило его голове качнуться вправо, и хвост отлетал влево, потом наоборот. Так он приближался к нам, действуя на всех почти гипнотически. Но на нас чудище почему-то не обратило никакого внимания. Его больше занимали наши кони. К ним-то он и направился — туда, где они сгрудились, роя от страха копытами землю. Я попытался преградить ему путь. Он остановился и встал на дыбы. Крылья его поднялись и распростерлись над нами, словно пара обвисших парусов, поймавших порыв свежего ветра. Зверь стоял на задних лапах, громоздясь над нами, и казалось, что места он теперь занимает раза в четыре больше, чем раньше. Затем

он пронзительно и жутко заревел, отчего у меня потом долго еще гудело в ушах. Потом вдруг сложил крылья и резко прыгнул вверх, как бы взлетая. Лошади заржали и ускакали прочь. Для наших мечей зверь теперь был недосягаем. Глядя на него, я наконец понял, что это звенит у него на шее, поблескивая в солнечных лучах. Оказывается, чудовище было на привязи. Длинная цепь, на которую он был посажен, терялась в сумраке пещеры. Я смотрел, как оно пролетает надо мной, шипя и тяжело хлопая крыльями, — цепь тянула его к земле, и вскоре зверь опустился неподалеку от нас. Ясно было, что при таком коротком разбеге он не мог взлететь по-настоящему. И тут наши лошади, Звезда и Огнедышащий, устремились к противоположной стороне отвала. А Яго, конь Рэндома, понесся прямо к Лабиринту. Крылатый зверь повернулся, словно собираясь погнаться за Яго, но вдруг замер, внимательно разглядывая нас. Птице-змей склонил свою голову набок, уставившись на нас круглым голубым глазом, затем открыл клюв и мы услышали тихое карканье. До него было метра четыре. И Рэндом предложил:

— Давайте все вместе нападем на него сейчас.

— Подожди, — остановил его я. — В его поведении есть что-то странное.

Зверь неожиданно уронил голову и опустил крылья, раза три клюнул землю и снова поднял голову. Глядя на меня, он сложил крылья, хвост его резко дернулся и затем совершенно по-собачьи завилял. Мы смотрели на него во все глаза. Но от наших наблюдений нас отвлек Яго. Конь Рэндома угодил в Лабиринт со стороны зачерненного участка. Углубившись в него на пять-шесть метров, он оказался неподалеку от одной из Вуалей, поперек ее силовых линий, и громко заржал. Вокруг него взвились голубые искры, грива его поднялась и встала дыбом. Конь напоминал попавшее на липучку насекомое. Над головой, лошади небо стало темнеть. Нет, это не было похоже на обычное облако, которое состоит из водяных паров. Это было нечто другое. Какая-то круглая штука, в центре красная, ближе к краям желтая. Она вращалась по часовой стрелке. Мы услышали звон колокола, который сменился голосом трещотки. Яго продолжал рваться вперед. Он с усилием поднял одну ногу, но тут же опустил ее. С видимым трудом оторвал от земли вторую и громко заржал. Искры, уже поднялись до самой его холки. Он стряхивал их, словно дождевые капли. Его контуры неярко светились. Треск стал нарастать, и в центре круглой штуки,

висевшей над Яго, теперь сверкали маленькие молнии. От этой картины мое внимание отвлек какой-то бряцающий звук. Глянув вниз, на землю, я увидел, как чудовище, птице-змей, прополз вперед, и устроился между нами и мечущей молнии штукой. Он пригнулся и внимательно наблюдал за происходящим в Лабиринте. Яго как раз удалось освободить передние ноги, и он встал на дыбы. Неяркое свечение делало его похожим на призрак. Ржание коня вскоре заглушил нарастающий рев, который шел сверху. С неба, отделившись от круглой штуки, вниз упала воронка — яркая, сверкающая. Быстро вращаясь, она коснулась вставшего на дыбы коня. Контуры его мгновенно расширились, стали размытыми. Они становились все прозрачней и прозрачней — и вот Яго исчез. Некоторое время воронка висела неподвижно, словно хорошо сбалансированный волчок. Потом рев ее утих, и она начала подниматься — сначала медленно, потом все быстрей, и вскоре ее не стало. Молнии в центре красной штуки поблекли, она стала бледней, вращение ее замедлилось, и мгновение спустя она превратилась в сгусток тьмы. А еще через мгновение исчезла. И вот от всего, что происходило здесь еще несколько секунд назад, не осталось и сле-

да. Исчезла ревущая воронка, исчезла странная штука, висевшая в небе, исчез и Яго — большой, крепкий конь, налитый упругой силой.

— Можешь не о чем не спрашивать, — сказал я, когда Рэндом повернулся ко мне. — Я и сам ничего не понимаю.

Он кивнул, а потом глянул на нашего сторожа, который в этот момент зазвенел цепью.

— А что скажешь насчет этого зверя? — спросил он, кладя руку на эфес шпаги.

— Мне почему-то кажется, что он пытается защитить нас, — сказал я, шагнув вперед. — Прикрой меня, я хочу что-то проверить.

— А ты уверен, что двигаешься быстрей, чем он? — с тревогой спросил Рэндом. — Ведь твой левый бок…

— Не трусь, — бросил я веселей, чем требовалось.

Рэндом, конечно, был прав, говоря про мой бок. Рана от охотничьего ножа все еще давала себя знать и, к сожалению, мешала мне действовать так ловко и быстро, как хотелось бы.

Но Грейсвандир тянула меня к зверю, и это был один из тех случаев, когда инстинкт становится выше разума. В прошлом я доверял этому чувству, и оно меня не подводило. Бывают времена,

когда такой риск кажется просто необходимым. Рэндом переместился вперед и вправо. Я развернулся боком и протянул левую руку так же, как протянули бы вы, знакомясь с чужой собакой. Наш экзотический спутник повернулся к нам и выпрямился. Он снова оказался с нами лицом к лицу и принялся изучать Ганелона, который стоял неподалеку от меня. Затем посмотрел на мою руку, опустил голову и, казалось, начал что-то клевать. Потом очень тихо каркнул, издав при этом булькающий звук. Поднял голову и медленно вытянул ее вперед. Он вильнул огромным хвостом, коснулся клювом моих пальцев, а затем повторил представление. Я осторожно положил ладонь ему на голову. Виляние усилилось, но голова оставалась неподвижной. Я мягко почесал ему шею, и тогда он медленно повернул голову, словно наслаждаясь этим. Я убрал руку и отступил на шаг.

— По-моему, мы — друзья, — тихо прошептал я. — Теперь попробуй ты, Рэндом.

— Шутишь?

— Я уверен, что опасности нет. Попробуй.

— А что ты сделаешь, если окажется, что ты не прав?

— Извинюсь.

— Великолепно!

Он подошел и протянул руку. Зверь был по-прежнему дружелюбным.

— Допустим, — промолвил спустя некоторое время Рэндом, продолжая гладить холку птицы. — Какие из этого делаем выводы.

— Что перед нами сторожевой пес.

— Что же он сторожит?

— Очевидно, Лабиринт.

— Тогда, — заметил Рэндом, — мне кажется, он мог бы выполнять свою работу и получше.

Он показал на темный участок.

— Если он также дружелюбен со всеми, кто не ест овес и не ржет, нетрудно догадаться, как произошло это.

— Я полагаю, он прекрасно знает, кто с какой целью сюда приходит. Возможно, он был поставлен здесь после того, как Лабиринт был поврежден, и сделали это, чтобы не допустить новых разрушений.

— И кто же его поставил?

— Это я и сам хотел бы узнать. Явно кто-то из наших.

— Ты можешь проверить на практике свою теорию, позволив Ганелону приблизиться к нему.

Ганелон не шевельнулся.

— У вас, может быть, семейный запах, — проговорил, наконец, Ганелон, — и он благоволит только к амберийцам. Так что спасибо, я пока воздержусь от нежностей.

— Поступай, как знаешь, это не так уж важно, твои догадки пока что оправдывались. А что ты скажешь по этому поводу?

— Ты сам говорил, — заметил он, — что из тех, кто боролся за трон, группировка Бранда, Фионы и Блейза лучше знает природу сил, действующих вокруг Амбера. Бранд, конечно, не был откровенен с тобой, но мог проговориться. Вспомни, об этом месте он ничего не рассказывал. Мне кажется, что их союзники получили доступ в наши владения тогда, когда им удалось повредить Лабиринт. Не эти ли повреждения породили Черную дорогу? Если этот сторожевой пес чувствует фамильный запах, каким обладаете все вы, то он действительно мог быть здесь все время и не счел необходимым выступить против вредителей.

— Возможно, — согласился Рэндом. — Но как они это сделали?

— Если вы хотите, — ответил Ганелон, — я дам вам возможность увидеть это.

— Каким образом? Что нужно для этого?

— Идите сюда.

Он повернулся и направился к краю Лабиринта.

Я последовал за ним. Рэндом сделал то же самое. Сторожевой грифон полз рядом со мной.

Рэндом обернулся ко мне:

— Корвин, можно мне взять кинжал, который я добыл?

Я вытащил его из-за пояса и передал ему.

— Повторяю: что нужно для этого? — вновь поинтересовался Рэндом.

— Королевская кровь Амбера, — ответил Ганелон.

— Не очень-то эта идея мне по душе, — буркнул Рэндом.

— Ничего страшного. От тебя потребуется всего только уколоть палец, — успокоил его Ганелон и протянул кинжал. — Пускай одна капля крови упадет на Лабиринт.

— И что случится?

— Ты попробуй — увидишь сам.

Рэндом посмотрел на меня:

— Что скажешь?

— Делай, что тебе говорят.

Он кивнул:

— Ладно.

Рэндом взял у Ганелона кинжал и кольнул им

кончик левого мизинца. Затем он сжал палец, держа его над Лабиринтом. Появилась крошечная красная бусинка, постепенно увеличившись, она задрожала и упала на лежавший внизу светящийся узор.

И тотчас же в том месте, где она упала на землю, появился дымок, что-то негромко затрещало.

— Ну-ну! — воскликнул, явно удивившись, Рэндом.

Крошечное пятнышко стало расти, расползлось, вскоре оно уже было величиной с полудолларовую монету.

— Видите, — показал Ганелон, — вот так это и было сделано. Пятнышко и в самом деле было миниатюрным подобием массивной кляксы, что виднелась в глубине Лабиринта, справа от нас. Сторожевой грифон тихо взвизгнул и отступил, быстро поворачивая свою птичью голову то к одному из нас, то к другому.

— Спокойней, парень, спокойней, — протянул я руку, чтобы погладить его.

— Но каким образом им удалось сделать здесь такое большое пятно? — начал было Рэндом.

— В самом деле, загадок немало, — подхватил Ганелон. — Я не вижу никаких следов на том месте, где исчез твой конь. Не королевская ли

кровь унесла его?

— Королевская кровь Амбера, — задумчиво повторил Рэндом вслед за Ганелоном. — Сегодня на тебя прямо-таки вдохновение нашло, не так ли?

— Какое там вдохновение! Корвин, расскажи-ка ему о Лорене месте, где вырос Черный Круг. Я всегда остерегался действия этих сил, хотя знал о них лишь понаслышке. Они для меня становились все понятней с каждой новой подробностью, которую я узнавал от вас. Да, теперь у меня, как ты говоришь, вдохновение, потому что я начинаю понимать природу этих фокусов.

— Корвин, дай мне проколотую Карту, — попросил Рэндом.

Я вытащил ее из кармана и разгладил. Пятна казались теперь еще более зловещими. Я не верил, что Карта была выполнена Дворкиным, мудрецом, магом, художником и наставником детей Оберона. До этого момента мне и в голову не приходило, что кто-то другой мог нарисовать подобное. Сейчас я чувствовал, что, хотя рисунок этой Карты и казался знакомым, это была не его работа. Где же я раньше видел этот стиль? Рукой рисовальщика водил расчет, а не вдохновение. Каждое движение было заранее продумано. Рука не торопилась прикоснуться кистью к бумаге.

И что-то еще было не так в этой Карте. Стиль рисунка был совершенно иным, чем у наших Карт, словно художник работал, создавая свой рисунок по памяти или по описанию, а не с живой натуры.

— Корвин, будь так любезен, дай мне Карту, — нетерпеливо повторил Рэндом.

То, как он это сказал, заставило меня поколебаться. Я напряг свою мысль, пытаясь додуматься, в чем же тут дело. У меня появилось чувство, словно он каким-то образом обошел меня в чем-то очень важном. И это чувство мне совсем не понравилось.

— Корвин, — глянул на меня Рэндом, — когда ты попросил меня погладить эту старую уродину на цепи, я это сделал. Кроме того, как вы того хотели, пролил ради общего дела кровь. Так ведь? Ну, а теперь дай мне Карту, прошу тебя.

Я отдал ему Карту, и мое беспокойство увеличилось, когда он, разглядывая рисунок, нахмурился. Что-то он увидел в ней, чего не видел я. Почему это я вдруг поглупел? И тут Рэндом отчаянно выругался. Надо заметить, что такого отчаянного богохульства я не слышал даже за всю мою долгую военную жизнь.

— Что такое? — удивился я еще больше. — Не

понимаю.

— Королевская кровь Амбера, — ответил наконец Рэндом. — Кто бы это ни сделал, он сперва прошел Лабиринт. Потом остановился в его центре и вступил через Карту в контакт с тем, кто на ней изображен. Когда же контакт был достигнут, он его увлек сюда и тут ударил ножом. Кровь пролилась на Лабиринт, уничтожив часть рисунка. То же сделала и капля моей крови. То же, да не то — разные масштабы.

Он замолк, тяжело вздохнув.

— Это смахивает на ритуал, — выругался он. — Черт побери их всех! Одному из них предстоит умереть, Корвин! Я собираюсь убить его… или ее.

— Все равно ничего не понимаю.

— Я — дурак, — сплюнул он, — как можно было не увидеть этого сразу. Смотри! Смотри внимательно!

Он сунул мне проколотую Карту. Я уставился на нее, но по-прежнему не видел в ней ничего особенного.

— А теперь посмотри на меня! — приказал он.

Я посмотрел и, снова взглянув на Карту, понял, что он имел в виду.

— Я для него ничего не значил — так, один из далеких отзвуков амберской жизни, не больше.

И потому он, не задумываясь, использовал для своей цели моего сына, — печально сказал Рэндом. — Здесь нарисован Мартин.

Я стоял рядом с искаженным узором Лабиринта и изучал лицо, изображенное на карте. Он мог быть, а мог и не быть сыном Рэндома. Он мог умереть, а мог и не умереть от ножевой раны, которую нанесли ему внутри Лабиринта. Я во всем сомневался и думал о себе, о своей собственной судьбе. Я прокручивал в памяти события, которые произошли в последнее время. За пять лет я столько испытал, что мне казалось, будто все, что со мной случилось, произошло с кем-то другим. А, может, это был не я. Я даже имени своего не помнил, когда очнулся в Гринвуде, в частном госпитале в штате Нью-Йорк. Там я провел две недели после автокатастрофы. Это время стерлось из моей памяти.

Лишь недавно мне рассказали, что сама катастрофа была подстроена моим братом Блейзом сразу же после того, как я убежал из Портеровской психолечебницы в Олбани. Я услышал эту историю от другого своего брата, Бранда, который упек меня в Портеровскую лечебницу, подделав свидетельство психиатров. В лечебнице несколько дней меня лечили шокотерапией, что вроде бы

отчасти оживило мою память. Очевидно, именно это и напугало Блейза, и он решил со мной покончить, прострелив шины моей машины на повороте над озером. Это, несомненно, кончилось бы моей гибелью, не окажись поблизости Бранд, которому нужно было защитить спой страховой вклад — меня. Он вытащил меня из озера, сообщил в полицию, и пока не прибыла подмога, оказал первую помощь. Вскоре после этого он был захвачен в плен своими бывшими партнерами, Блейзом и нашей сестрой Фионой, заточившими его в хорошо охраняемую башню на дальнем Отражении. Заговоры и контрзаговоры строили две группы, которые хотели завладеть троном. Они наступали друг другу на пятки, дышали друг другу в затылок и старались сделать соперникам как можно больше гадостей. Наш брат Эрик при поддержке Джулиана и Каина готовился занять трон, долго пустовавший из-за того, что неизвестно куда подевался наш отец Оберон, то есть неизвестно для Эрика, Джулиана и Каина. Другая группа состояла из Блейза, Фионы и первоначально примкнувшего к ним Бранда. Двое последних не претендовали на первенство, они пытались открыть Блейзу дорогу к трону. Но Бранд совершил тактическую ошибку. Он стал

переманивать на свою сторону Каина. А Каину казалось, что он больше выиграет, если поддержит партию Эрика. Бранд засветил себя, но не выдал, кто его партнеры. Примерно в то время Блейз и Фиона решили использовать в борьбе против Эрика своих тайных союзников. Бранд сопротивлялся, страшась могущества этих сил, и в результате был отвергнут Блейзом и Фионой. Тогда, преследуемый всеми, он попытался нарушить равновесие сил, совершив путешествие на Отражение, где Эрик много веков назад оставил меня умирать. Лишь позже Эрик узнал, что я не умер, но подвергся полной амнезии, что тоже было неплохо с его точки зрения. Он, оставив сестру Флору наблюдать за мной, надеялся, что этим все и кончится. Бранд позже сказал мне, что он поместил меня в Портеровскую лечебницу, отчаянно пытаясь восстановить мою память, чтобы добиться моего возвращения в Амбер. Пока Фиона и Блейз разделывались с Брандом, Эрик вступил в контакт с Флорой. Она перевела меня из клиники в Гринвуд, настояв на том, чтобы меня держали на наркотиках. А в это время Эрик начал подготавливать свою коронацию в Амбере. Вскоре после этого идиллическое существование нашего брата Рэндома в Тексорами было прерва-

но. Бранд, минуя нормальные семейные каналы, то есть Карты, сумел отправить ему письмо с просьбой об освобождении. Пока Рэндом, не участвовавший в борьбе за власть, занимался этим делом, я, еще не полностью восстановив память, сумел вырваться из Гринвуда. Узнав адрес Флоры у напуганного директора Гринвудского госпиталя, я явился к ней в дом в Винчестере, применил ловкий блеф и поселился у нее дома. Рэндом же в это время, как ни старался, а не сумел выручить Бранда. Убив змеевидного сторожа башни, в которую был тот заточен, он бежал от ее внутренних охранников, использовав один из странных движущихся камней этого Отражения. Однако охранники, довольно сильная шайка нелюдей, настойчиво гналась за ним через Отражения, что в общем-то нетипично для большинства неамберийцев. Тогда Рэндом бежал на Отражение Земля, где я искал с Флорой взаимопонимания, пытаясь в то же время восстановить свою память. Сперва Рэндом пересек континент и заручился моими заверениями, что он будет под моей защитой. Затем он пришел в дом к Флоре, считая, что его преследователи были моими союзниками. Когда же я помог ему уничтожить их, он был озадачен, но не хотел говорить об этом,

подозревая, что и я занят личными маневрами, касающимися трона. Поэтому он препроводил меня в Амбер через Отражения. Эта авантюра оказалась для меня выгодной. Когда я, наконец, открыл истинное состояние своих дел, Рэндом и наша сестра Дейдра, встреченная нами по пути, проводили меня в зеркальное Отражение Амбера в море, в Ребма. Там я прошел через Отражение Лабиринта и восстановил свою память, решив таким образом вопрос — настоящий я Корвин или всего лишь одно из своих Отражений. Из Ребма я переправился в Амбер, воспользовавшись силой Лабиринта для мгновенного возвращения домой. После неоконченной дуэли с Эриком я бежал с помощью Карты во владения своего любимого брата и несостоявшегося убийцы Блейза. Я объединился с Блейзом для нападения на Амбер. Но дело было организовано из рук вон плохо, и мы его проиграли. Блейз исчез во время последней схватки при обстоятельствах фатальных для него. Но чем больше я узнавал и думал об этом, тем больше понимал, что они были не такими уж роковыми. После этого я стал пленником Эрика и невольным участником его коронации, после которой он меня ослепил и заточил в темницу. Несколько лет спустя в подземельях Амбера

произошла регенерация моего зрения, прямо пропорциональная ухудшению того болезненного состояния, в котором находился мой ум. И только с появлением старого советника отца, Дворкина, у которого с психикой дела обстояли еще хуже, чем у меня, возникла наконец возможность побега.

После него я занялся восстановлением своих сил и твердо решил быть начеку, когда в следующий раз повстречаюсь с Эриком. Я шел через Отражения к старой земле, где я некогда царствовал, к Авалону. Там я надеялся приобрести вещество, о котором никто из амберийцев не знал. Это был единственный в своем роде химический препарат, способный взрываться в Амбере. По пути, в стране Лорен, я повстречал сосланного туда когда-то мной своего старого генерала Ганелона, или, по крайней мере, кого-то очень на него похожего. В Лорен мне пришлось задержаться из-за раненого рыцаря, полюбившейся мне девушки и грозившей этой стране опасности. То, что там происходило, очень напоминало все, что творилось неподалеку от Амбера. В Лорен это был несущий смерть Черный Круг. Он увеличивался с каждым днем и был каким-то образом связан с Черной дорогой Амбера, по которой к нам про-

никали враги. Черная дорога появилась в Амбере после проклятия, которое вырвалось у меня, когда Эрик меня ослепил. И теперь я считал, что имею самое непосредственное отношение ко всему, что здесь происходит, и несу ответственность за все, что случилось. Битву в Лорен я выиграл, но девушка моя погибла, и я отправился дальше вместе с Ганелоном. Авалон, до которого мы вскоре добрались, находился, отказывается, под защитой моего брата Бенедикта. У него в то время хватало собственных неприятностей. К тому же он попал в положение, грозящее ему и его стране теми же бедами, которые шли от Черного Круга и Черной дороги. Во время последней схватки Бенедикт хотя и потерял руку, но сумел одержать победу в битве с Адскими девами. Он попросил меня сохранить свои намерения в отношении Амбера и Эрика в тайне и позволил нам отдохнуть в его особняке, пока он был со своим войском. Вот у него-то я и встретил Дару. Дара сказала мне, что она была правнучкой Бенедикта, но все это хранилось в тайне от Амбера. Она вытянула из меня, сведения об Амбере, Лабиринте, Картах и нашей способности ходить по Отражениям. Она оказалась также искусной фехтовальщицей. Мы стали заниматься любовью после того, как я вернулся

из Отражения, прихватив неотшлифованные алмазы для уплаты за оружие, которое было мне нужно для нападения на Амбер. Это продолжалось недолго. Уже на следующий день мы с Ганелоном, прихватив с собой взрывающееся в Амбере химическое вещество, отправились на Отражение Земля. Там я провел операцию, чтобы приобрести автоматическое оружие и боеприпасы, изготовленные по моим указаниям. По пути у нас возникли осложнения, связанные с Черной дорогой, которая, казалось, расширила масштабы своего влияния среди миров Отражения. Мы упорно преодолевали дорожные затруднения. Все складывалось неплохо, однако я чуть не погиб в поединке с Бенедиктом, догнавшим нас на одном из Отражений. Слишком разгневанный, чтобы выслушать оправдания, он набросился на меня и оттеснил к близлежащему леску. Бенедикт был отменный фехтовальщик. Даже держа шпагу в левой руке, он фехтовал лучше меня. Я сумел одолеть его только с помощью трюка и свойств Черной дороги, о которых он не знал. Я был уверен, что он хочет меня прикончить из-за моего романа с Дарой. Но это оказалось не так. В немногих словах, которыми мы объяснились, он отрицал, что знает что-либо о существовании

такой особы. Просто он погнался за нами, убежденный, что я убил его слуг. Ганелон и в самом деле обнаружил несколько трупов в лесу неподалеку от дома Бенедикта. Но мы договорились не поднимать из-за них шума, так как не знали, кто они такие. Кроме того, не было желания еще больше осложнять свое положение. Предоставив Бенедикта заботам брата Жерара, вызванного мною через его Карту из Амбера, мы с Ганелоном последовали дальше на Отражение Земля. Вооружившись там, мы на другом Отражении набрали войско и направились в Амбер. Но, прибыв туда, обнаружили, что Амбер уже подвергся атаке тварей, пришедших по Черной дороге. Мое новое оружие быстро перетянуло чашу весов в пользу Амбера, а брат Эрик погиб в той битве, оставив мне свои проблемы, свое недоброжелательство и Камень Правосудия — оружие., управляющее погодой, которое он использовал против меня, когда мы с Блейзом атаковали Амбер. В этот момент неожиданно появилась Дара. Она пронеслась мимо нас, проскакав в Амбер, а там нашла дорогу к Лабиринту и, более того, прошла его. И это тоже доказывает, что мы с ней в самом деле состояли в каком-то родстве. Проходя это испытание, она удивительным образом меняла

свой облик. А потом заявила, что Амбер будет разрушен, и исчезла. Примерно неделю спустя был убит мой брат Каин. Притом обстоятельства были подстроены так, чтобы выставить меня преступником. То, что я убил убийцу, едва ли могло меня оправдать — никто не хотел засвидетельствовать преступления Каина. Затем мы встретились с Рэндомом. И он рассказал мне, как пытался освободить из башни Бранда, но это ему не удалось. Рэндом, после того как я перенесся в Амбер и дрался на дуэли с Эриком, вынужден был по требованию Муари, королевы Ребма, жениться на придворной даме Виале, прекрасной слепой девушке. Конечно, это было задумано как наказание Рэндому, который много лет назад бросил Морганту, покойную дочь Муари, беременной Мартином. Странное дело — Рэндом полюбил Виалу и жил теперь с ней в Амбере. Покинув Рэндома, я взял Камень Правосудия и отправился к Лабиринту. Мне нужно было настроить Камень на себя, чтобы я мог управлять его силой. Сделав это, я неожиданно для себя испытал необычные ощущения. Наконец-то я мог воспользоваться главным свойством Камня, о котором столько слышал, — его способностью управлять погодой. Потом я расспросил Флору о своей ссылке, о тех

моментах, которые стерлись из моей памяти или же были мне неизвестны. Ее рассказ показался мне правдивым. То, о чем она говорила, хорошо увязывалось с последующими событиями. Но я заметил, что, когда речь заходит об автокатастрофе, о чем-то она все-таки умалчивает. Флора, однако, пообещала выступить свидетельницей, когда я покажу всем труп того, кого я поймал на месте убийства Каина. Это был один из странных людей, напавших на Рэндома. Нам пришлось сражаться с ними в доме Флоры на Отражении Земля в Винчестере, где они настигли Рэндома. Кроме того, Флора пообещала поддерживать меня во всем, что бы я ни затеял в будущем. В то время, когда я слушал рассказ Рэндома, я еще не знал о двух противоборствующих группах, которые образовались в Амбере и об их интригах. Я тогда решил, что если Бранд жив, то его спасение — дело очень важное, так как он явно обладает информацией, которую кто-то хочет скрыть. У меня возник замысел, как его освободить. Но пришлось его на время отложить, так как мы с Жераром решили перенести тело Каина в Амбер. Однако Жерар воспользовался случаем, чтобы избить меня до беспамятства. Просто так — чтобы я не забывал, что он способен на такие подвиги. А также, чтобы

придать вес своим словам. Он заявил, что убьет меня своими собственными руками, если окажется, что я повинен в нынешних горестях Амбера. Ну а пока я должен был получить от него аванс. Насколько я понимаю, Жерар замыслил это как избиение-демонстрацию, так как он позаботился о том, чтобы это транслировалось по своеобразной системе — через Карту Жерара, которая была у всех членов нашего семейства. Жерар подстраховался на случай, если я действительно окажусь преступником и решусь вычеркнуть его имя из списков живых. Затем мы как ни в чем не бывало поехали в Рощу Единорога и выкопали труп Каина. Кстати, мы там действительно увидели легендарного Единорога Амбера. Вечером мы собрались в библиотеке дворца в Амбере. Мы, то есть Рэндом, Фиона, Жерар, Джулиан, Дейдра, Льювилла, Флора и я. Там мы обсудили мой план освобождения Бранда. Он заключался в том, что вся наша девятка попытается дотянуться до него через Карту, его Карту. И у нас это получилось! Мы вступили с ним в контакт и успешно транспортировали его в Амбер. Однако в суматохе, а скорее всего с тайным умыслом, кто-то из нас, столпившихся вокруг, всадил в бок Бранду кинжал. Жерар немедленно вызвался стать лечащим

врачом и выпроводил всех из помещения, Мы спустились в гостиную, чтобы обсудить происшедшее. И Фиона высказала предположение, что Камень Правосудия может представлять опасность, если его долго носить при себе.

— Скорее всего, — сказала она, — он, а не раны, мог стать причиной смерти Эрика.

Одним из первых признаков опасности, считала она, было искажение ощущения времени, кажущееся замедление временной последовательности. На самом деле время не замедляло свой бег, а происходило ускорение физиологических процессов. Я твердо решил быть с Камнем поосторожнее, поскольку она понимала в этих делах больше, чем остальные. Ее ведь учил сам Дворкин. Конечно, она была права. По всей видимости, именно этот эффект действовал в тот вечер, когда я вернулся в собственные покои, По крайней мере, казалось, что человек, пытавшийся меня убить, двигался чуть медленнее, чем двигался бы я сам при схожих обстоятельствах. При всем этом удар оказался почти точным. Клинок угодил мне в бок, и мир исчез. Истекая кровью, я очнулся в своей прежней постели в своем старом доме на Отражении Земля, где я так долго жил как Карл Кори. Я понятия не имел,

как туда вернулся. Я выполз из дома в метель, временами теряя сознание, и спрятал Камень Правосудия в старой куче компоста, потому что мир вокруг меня и в самом деле, кажется, замедлялся. Затем я добрался до дороги и попытался остановить кого-нибудь, кто проезжал мимо. Нашел меня там и отвез в ближайшую клинику бывший мой сосед Билл Рот. В клинике меня лечил тот же врач, что занимался мной несколько лет назад после автокатастрофы. Он подозревал, что я могу быть клиентом психиатра, так как старые данные подтверждали новые факты. Однако позже Билл все изложил мне в реальном свете. Он адвокат, и во время моего исчезновения начал расследование. Он узнал о подложном свидетельстве и о моих успешных побегах. Он знал даже детали и самой катастрофы. Он понимал, что я вел себя странным образом, но это не так уж сильно и беспокоило его. Позже Рэндом связался со мной через Карту и сообщил, что Бранд пришел в себя и хочет со мной поговорить. С помощью Рэндома я вернулся в Амбер и пошел проведать Бранда. Вот тогда-то я и узнал природу борьбы за власть. Узнал, что велась она вокруг меня. Бранд назвал мне имена участников. Его рассказ подтвердил то, что поведал мне Билл

на Отражении Земля. Кроме того, он прояснил смысл происшествий последних нескольких лет. Бранд также сообщил мне об опасностях, которые угрожают нам сейчас. На следующий день я ничего не делал, отдыхал перед визитом в Тир-на Ног-та. Нужно было выиграть время и оправиться от ранения. А взявшись за это дело, надо было его честно выполнять. Я поднялся той же ночью в город на Небе, повстречав там запутанный набор знаков и предзнаменований, ничего, наверное, не обозначавших. Попутно я отобрал необычную механическую руку у призрака моего брата Бенедикта.

Возвратившись из этой экскурсии, я позавтракал с Рэндомом и Ганелоном, а потом мы отправились через Колвир домой. Мало-помалу, к нашему полному замешательству, тропа вокруг нас начала меняться. Все выглядело так, словно мы шли по Отражению. Но Отражения не могли находиться в такой близости от Амбера. Поняв, что здесь что-то не так, мы попытались изменить курс, но ни Рэндом, ни я не сумели добиться своего. И вдруг, неизвестно откуда, появился Единорог. Он дал нам понять, что хочет, чтобы мы следовали за ним. Мы так и сделали. Он провел нас через калейдоскопическую серию перемен,

пока мы, наконец, не прибыли в то место у черного Лабиринта с охраняющей его птицей, где он и покинул нас. Я размышлял о том, какая загадочная сила сбивает нас с дороги. Высказывался по этому поводу и Рэндом, но я чувствовал, что он еще дальше от истины, чем я. Сколь долго может продлиться все это, я не знал, но понял, что водит нас та же рука, что выполнила пробитую Карту. Бранд рисовал, когда находился в состоянии меланхолии. Мне запомнилась его техника, его осветленные и затемненные линии. Он старательно изучал прошлое каждого из нас. Особенно Мартина. Он выспрашивал о нем всех, кого видел. Присматривался, принюхивался. У него был острый взгляд. В Картах он выхватывал главное. Рэндом не узнал его стиля, и я гадал, много ли времени пройдет, прежде чем он так же, как и я, начнет задумываться над тем, зачем Бранд собирает свою информацию. Даже если это не его рука вогнала клинок, он все равно причастен к этому делу. Возможно, он вложил нож в руку врага. Я достаточно хорошо знал Рэндома, чтобы понимать, что он имел в виду, когда говорил со мной об этом. Он попытается убить Бранда, как только поймет то, что понял я. И это будет не самый разумный выход. Поэтому я решил пока

никому не говорить о своей догадке. Это не имело никакого отношения к тому, что Бранд, вероятно, спас мне жизнь. Я считал, что полностью рассчитался с ним, вызволив его из этой проклятой башни. Нет, не долги и не сантименты заставляли меня искать средства увести Рэндома в сторону или отвлечь его. Это был голый ледяной расчет: я нуждался в Бранде. Он так это подстроил. Мое желание спасти его было не более альтруистическим, чем его — вытащить меня из озера. Он обладал тем, в чем я сейчас нуждался, — информацией. Он сразу же понял это.

— Я вижу сходство, — обратился я к Рэндому, — и ты вполне можешь быть прав относительно того, что случилось.

— Конечно, я прав.

— Карта была пробита.

— Явно. Я не…

— Значит, он не был проведен через Карту. Следовательно, человек, сделавший это, установил контакт, но был не в состоянии убедить его пройти разделяющее их пространство.

— Вот как? В любом случае контакт развился до грани достаточной твердости и близости, чтобы он сумел ударить его кинжалом. Он, вероятно, даже сумел достичь минимального ментального

сцепления и удержать его на месте, пока он истекал кровью. Малыш, вероятно, не имел большого опыта обращения с Картами.

— Может быть, «да», а может быть, «нет», — пожал я плечами. — Льювилла и Муари могли бы нам рассказать, много ли он знал о Картах, но я клоню к тому, что контакт был прерван до наступления смерти. Если он унаследовал твою способность к регенерации, то мог и выжить.

— Мог?! Мне не нужны догадки! Мне необходим точный ответ!

Я мысленно взвесил все обстоятельства. Я считал, что знал нечто такое, чего не знал он, но, впрочем, мой источник информации был не самым лучшим. Я решил промолчать, потому что у меня не было возможности обсудить все с Бенедиктом. С другой стороны, Мартин был сыном Рэндома, и я хотел отвлечь его внимание от Бранда.

— Рэндом, у меня есть кое-какие соображения, — произнес я.

— Какие?

— Сразу после того, как Бранда пырнули ножом, когда мы вместе болтали в гостиной, помнишь, разговор перешел к Мартину?

— Да, но это еще ничего не означает.

— У меня в то время было что добавить, но я воздержался, потому что нас было слишком много, а также потому, что хотел обсудить это наедине с заинтересованной стороной.

— С кем?

— С Бенедиктом.

— С Бенедиктом? Какое он имеет отношение к Мартину?

— Не знаю. Именно поэтому я молчу, пока все не выясню. Да и притом мой источник информации довольно сомнительный.

— Продолжай.

— Дара… Бенедикт становится злым, как черт, когда я называю ее имя, но пока что многое из того, что она мне рассказывала, оказалось верным — вроде путешествия Джулиана и Жерара по Черной дороге, их ранения, их пребывания в Авалоне. Бенедикт признал, что все это было.

— Что же она сказала о Мартине?

В самом деле, как передать это, не связав с Брандом? Дара сказала, что Бранд на протяжении многих лет не раз навещал Бенедикта в Авалоне. Различие во времени между Амбером и Авалоном было таким, что теперь, когда я думаю об этом, кажется невероятным, что визиты эти выпадали на период, когда Бранд столь активно собирал

сведения о Мартине. А я-то гадал, что его притягивало туда, ведь они с Бенедиктом никогда не дружили.

— Только то, что у Бенедикта гостил Мартин, который, по ее мнению, был из Амбера, — соврал я.

— Тогда?

— Несколько позже. Я не уверен.

— Почему ты не рассказал мне этого раньше?

— Это действительно не очень-то много и, кроме того, ты, казалось, никогда особенно не интересовался Мартином.

Рэндом перевел взгляд на грифона, согнувшегося и булькавшего справа от меня, а затем кивнул.

— Теперь интересуюсь, — бросил он. — Все меняется. Если он еще жив, я хотел бы увидеть его. Если же нет…

— Ладно, — произнес я. — Самый лучший путь для обоих вариантов — это определить дорогу домой. Я считаю, что мы увидели то, что нам полагалось увидеть.

— Я об этом думал, — откликнулся он, — и мне пришло в голову, что мы, вероятно, могли бы воспользоваться Лабиринтом, попросту направиться в центр и перенестись обратно.

— Пройти по темному участку?

— А почему бы и нет? Ганелон попробовал это сделать, и с ним все в порядке.

— Минутку, — перебил Ганелон. — Я не говорил, что это было легко, но я убежден, что вы не сможете провести по этому пути лошадь.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался я.

— Помнишь то место, где мы пересекли Черную дорогу, когда бежали из Авалона?

— Конечно.

— Ну, ощущение, испытанное мною, когда я брал Карту и кинжал, было не из приятных, почти такое же, как там. А вы думаете, почему я так быстро бежал. Я за то, чтобы сперва попробовать Карты. Теоретически место, где мы находимся, совпадает с Амбером.

Я кивнул.

— Ладно. Мы вполне можем попробовать выбраться наиболее легким способом. Давайте соберем вначале коней.

Мы сделали это, узнав по ходу дела длину цепи грифона. Он вытянул ее примерно на тридцать метров от входа в пещеру.

Чтобы помочь нам и успокоит лошадей, он принялся жалобно блеять. Это нисколько не облегчило нашу задачу. Лошади по-прежнему

были начеку. Но у меня появилась одна странная мысль, которую я решил держать при себе. Когда мы со всем управились, Рэндом вытащил свои Карты, а я достал свои.

— Давай попробуем Бенедикта, — предложил он.

— Ладно. Теперь можно вызвать кого угодно.

Я сразу же заметил, что Карты стали на ощупь холодными. Я взял Карту Бенедикта и начал предварительную подготовку. Рэндом рядом со мной делал то же самое. Контакт возник почти тут же.

— Что случилось? — спросил Бенедикт.

Он обвел взглядом Рэндома, Ганелона и лошадей, а затем встретился глазами со мной.

— Ты переправишь нас? — спросил я.

— Лошадей тоже?

— Всех.

— Действуйте.

Он протянул руку, и я коснулся ее. Мы все перебрались к нему. Спустя несколько минут мы стояли с ним на высокой скалистой площадке. Холодный ветер трепал нам одежду, солнце Амбера миновало зенит на заполненном облаками небе. Бенедикт был одет в жесткую куртку и штаны из оленьей кожи. Рубашка на нем была выцветшего желтого цвета. Обрубок правой руки закрывал

оранжевый плащ. Он покрепче сжал челюсти и присмотрелся ко мне.

— Из интересного места вы поспешили убраться, — заметил он, — я уловил кое-что на заднем плане.

Я кивнул:

— С этой высоты тоже открывается интересный вид.

Я заметил подзорную трубу у него за поясом и одновременно сообразил, что мы стояли на широком каменном карнизе, с которого Эрик командовал битвой в день своей смерти. Я подошел, чтобы посмотреть на черную полосу через Гарнат, тянувшуюся далеко внизу за линию горизонта.

— Да, — произнес он. — Черная дорога, похоже, в большинстве пунктов стабилизировала свои границы. Однако в некоторых местах она все еще расширяется. Создается впечатление, что существует определенный план и она изменяется в соответствии с ним. А теперь скажите-ка мне, откуда вы появились?

— Я провел прошлую ночь в Тир-на Ног-та, — ответил я, — а этим утром мы сбились с пути, пересекая Колвир.

— Это сделать непросто, — заметил он. — Заблу-

диться на своей собственной горе… Надо, знаешь ли, держать путь на восток. Это часть света, откуда, как известно, восходит солнце.

Я почувствовал, что лицо мое заливается краской!

— Было происшествие, — я отвел в сторону взгляд, — Мы потеряли коня.

— Какое именно происшествие?

— Серьезное… для коня.

— Бенедикт… — вмешался вдруг Рэндом. Он оторвал взгляд от пробитой Карты, — Что ты можешь рассказать мне о моем сыне, Мартине?

Бенедикт несколько минут изучал его, прежде чем заговорить.

— Откуда такой странный интерес?

— У меня есть повод думать, что его убили, — ответил он. — Если это так, то я жажду отомстить. Если это не так, то…

Я, слушая его, вконец расстроился.

— Если он еще жив, я хотел бы встретиться с ним и поговорить.

— Почему ты думаешь, что его могли убить?

Рэндом взглянул на меня. Я кивнул.

— Начни с завтрака, — предложил я.

— Пока он это делает, я найду вам обед, — вставил Ганелон, роясь в одной из седельных сумок.

— Нам показал дорогу Единорог… — начал Рэндом.

Мы сидели и молчали. Рэндом кончил рассказывать, а Бенедикт смотрел на небо над Гарнатом. Лицо его ничего не выражало. Я давным-давно научился уважать его молчание. Наконец, он резко кивнул и поглядел на Рэндома.

— Я давно подозреваю нечто в этом роде, — произнес он, — У меня возникло впечатление, будто, кроме того, что создали отец и Дворкин за все эти годы, существовал первозданный Лабиринт, который они либо нашли, либо тоже создали, расположив наш Амбер всего лишь в одном Отражении от него, чтобы черпать его силы. Я, однако, так никогда и не получил возможности побывать там и не знаю, как туда попасть.

Он вновь повернулся к Гарнату, показав подбородком:

— А вы считаете, что попали туда в связи с тем, что там произошло.

— Кажется, да, — ответил Рэндом.

— И связано это с кровью Мартина?

— Я думаю, что так.

Бенедикт поднял Карту, переданную ему Рэндомом. Он долго молчал, а потом сказал:

— Да, это Мартин. Он пришел ко мне после того,

как покинул Ребма и оставался у меня долгое время.

— Почему он пришел к тебе? — спросил Рэндом.

Бенедикт слабо улыбнулся:

— Он, знаешь ли, должен был куда-то отправиться. Его тошнило от того положения, которое он занимал в Ребма. Он испытывал двойственное чувство к Амберу. Был молод, свободен и только что вошел в силу, покорив Лабиринт. Он хотел убраться подальше, повидать что-нибудь новенькое, погулять по Отражениям, как и мы все. Я однажды брал его на Авалон, когда он был мальчишкой, чтобы дать ему погулять по суше летом, научить его ездить верхом, показать сбор урожая. Когда он вдруг научился отправляться в один миг, куда угодно, выбор его был все же ограничен немногими известными ему местами. Верно, он мог придумать какое-то место в один миг и отправиться туда, практически создать его. Но он так же сознавал, что ему еще многому нужно научиться, чтобы чувствовать себя в безопасности на Отражениях. Он пришел ко мне и попросил научить его пользоваться своим даром. И я его научил. Он провел у меня большую часть года. Я научил его драться, научил его работе

с Картами и Отражениями, научил его всему тому, что обязан знать амбериец, если он хочет выжить.

— Почему ты все это сделал? — спросил Рэндом.

— Кто-то же должен был. Он явился ко мне, значит, мне и обучать. Это, впрочем, не значит, что я не привязался к мальчику, — добавил он.

Рэндом кивнул:

— Ты утверждаешь, что он пробыл у тебя почти год. Что с ним стало после этого?

— Он испытывал жажду странствий, которая известна тебе не хуже, чем мне. Коль скоро он обрел некоторую уверенность в своих способностях, ему захотелось применить их. Наставляя его, я сам брал его в путешествия по Отражениям, представил его в разных местах, знакомил с людьми. Но настало время, когда он захотел сам выбирать себе дорогу. В один прекрасный день он попрощался со мной и отправился в путь.

— Ты видел его с тех пор?

— Да. Он периодически возвращался, останавливался у меня на время, чтобы рассказать о своих приключениях и открытиях. Всегда было ясно, что это лишь визит. Через некоторое время он становился непоседлив и снова отбывал.

— Когда ты видел его в последний раз?

— Несколько лет назад по времени Авалона, при обычных обстоятельствах. Он появился однажды утром, оставался у меня, наверное, недели три, рассказал мне о том, что видел и что делал, говорил о многом, что он хочет сделать, а потом вновь отправился в путь.

— Ты никогда больше не слышал о нем?

— Напротив. Были послания, которые он оставлял для меня у общих друзей на ближних и дальних Отражениях. При случае он даже связывался со мной через Карту…

— У него есть колода? — перебил я.

— Да, я подарил ему одну из своих лишних колод.

— У тебя была Карта для него?

Он покачал головой:

— Я даже не знал о существовании такой Карты, пока не увидел эту, — произнес он.

Он поднял Карту, взглянул на нее и отдал Рэндому.

— У меня нет способности художника, чтобы изготовить такую. Рэндом, ты пытался связаться с ним через эту Карту?

— Да, и не раз с тех пор, как мы наткнулись на нее несколько минут назад. Ничего не полу-

чается.

— Это, конечно, еще ни о чем не говорит. Если все произошло, как ты предполагаешь, и он пережил это, то он мог решить заблокировать любые попытки контакта в будущем. Он знает, как это делать.

— Произошло, как я предполагаю? Ты что-нибудь еще об этом знаешь?

— Есть у меня мысль, — ответил Бенедикт. — Понимаешь, он появился несколько лет тому назад в доме одного друга на Отражении. Он был ранен ударом ножа. Они рассказывали, что он явился к ним в очень плохом состоянии и не рассказывал того, что с ним произошло. Он оставался там несколько дней, пока не смог вновь передвигаться. Затем исчез, притом действительно раньше, чем полностью оправился. Это был последний раз, когда они слышали о нем, и я тоже.

— Разве тебя не обеспокоило все это? — удивился Рэндом. — Разве ты не искал его?

— Конечно, я был очень расстроен. Но человек должен иметь право вести собственную жизнь без вмешательства родственников, неважно, с какими намерениями. Он выбрался из кризиса и не пытался связаться со мной. Он явно знал, что хотел делать. Он оставил мне послание у Текисов,

в котором писал, что мне не нужно беспокоиться, когда я узнаю, что случилось. Он знает, что ему делать.

— Текисы? — переспросил я.

— Совершенно верно. Мои друзья в Отражении.

Я воздержался от комментариев и не стал говорить о Текисах, хотя слышал это имя не впервые. Я думал, что все, что я слышал о них, — это была фантазия Дары. Она так извращала истину в других областях, что не было уверенности в том, что информация у меня верная. Она упоминала о Текисах, говорила, что жила у них с ведома Бенедикта. Момент казался неподходящим для того, чтобы рассказать ему о моем видении прошлой ночью в Тир-на Ног-та. У меня еще не было достаточно времени, чтобы подумать об этом деле и обо всем, что из него вытекало. Рэндом встал, подошел и остановился у края площадки, спиной к нам, сцепив руки позади. Постояв так с минуту, он повернулся и медленно подошел к нам.

— Как мы можем вступить в контакт с Текисами? — спросил он у Бенедикта.

— Никак, — ответил Венедикт, — если не съездим повидать их.

Рэндом повернулся ко мне:

— Корвин, мне нужен конь. Ты говоришь, что Звезда прошла через много Отражений…

— У нее было тяжелое утро.

— Не такое уж напряженное оно было. Это был просто страх, а теперь она, кажется, в полном порядке. Могу я одолжить ее?

Прежде чем я успел ответить, он обратился к Бенедикту:

— Ты ведь проводишь меня, да?

Бенедикт заколебался:

— Я не знаю, что там можно узнать… — начал было он.

— Все, что угодно! Все, что они могут вспомнить! Возможно, что-то, не показавшееся в то время действительно важным, но важное сейчас, когда мы многое знаем.

Бенедикт посмотрел на меня. Я кивнул.

— Он может ехать на Звезде, если ты готов проводить его.

— Ладно, — согласился Бенедикт. Он встал. — Пойду приведу своего коня.

Он повернулся и направился к месту, где было стреножено полосатое животное.

— Спасибо, Корвин, — поблагодарил меня Рэндом.

— Я дам тебе возможность оказать ответную

услугу.

— Какую?

— Одолжи мне Карту Мартина.

— Для чего?

— У меня только что возникла одна мысль. Это слишком сложно, чтобы вникать в детали, если ты хочешь ехать. Вреда от этого, однако, никакого не будет.

Он закусил губу.

— Ладно. Я хочу получить ее обратно, когда ты покончишь со своим делом.

— Конечно.

— Это поможет найти его?

— Может быть.

Он отдал мне Карту.

— Ты теперь направишься во дворец? — спросил он.

— Да.

— Ты не мог бы рассказать Виале, что случилось и куда я уехал. Она будет беспокоиться.

— Разумеется. Обязательно это сделаю.

— Я буду заботиться о Звезде, не волнуйся.

— Не сомневаюсь. Удачи тебе!

— Спасибо.

Я ехал на Огнедышащем, Ганелон шел пешком. Так он настоял. Мы следовали тем же путем, по

которому я гнался за Дарой в день битвы. Наряду с недавним развитием событий именно это и заставило меня вновь подумать о ней. Я стряхнул пыль со своих чувств и внимательно изучил их. Я понял, что, несмотря на игры, в которые она со мной играла, на убийства, которые она, несомненно, совершала или организовывала, меня все еще влекло к ней нечто большее, чем любопытство. Я не был по-настоящему удивлен, открыв это. Положение было таким же, как тогда, когда я в последний раз нагрянул с внезапной инспекцией в казармы эмоций. Тогда я гадал, сколько могло быть правды в моих ночных видениях, когда я гадал о ее родстве с Бенедиктом. Физическое сходство и впрямь существовало, и я был убежден, что это не случайность. О многом говорило и то, что спокойный обычно Бенедикт поднял на меня руку, странную, новую руку.

— Чему ты смеешься? — спросил Ганелон.

Он шагал слева от меня.

— Рука, — ответил я, — что вернулась со мной из Тир-на Ног-та. Понимаешь ли, я опасался какого-то скрытого значения, какой-то непредвиденной силы судьбы в этой штуке, явившейся в наш мир из места тайн и снов. И все же она не протянула даже дня. Когда Лабиринт уничтожил

Яго, не осталось ничего. Все ночные видения ни к чему не привели.

Ганелон прочистил горло.

— Ну, это было не совсем так, как ты думаешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Этой механической руки не было в седельной сумке Яго. Рэндом упрятал ее в твою сумку. Именно там была пища, а после того, как мы поели, он вернул посуду туда, где она была — в собственную сумку, но руку — нет. Места не было.

— О-о-о, — произнес я, — тогда…

Ганелон кивнул.

— Значит, она теперь с ним, — закончил он за меня фразу.

— И рука, и Бенедикт. Проклятье! Не очень-то мне нравится эта штука. Она пыталась меня убить. Раньше в Тир-на Ног-та ни на кого и никогда не нападали.

— Но Бенедикт-то друг. Он на твоей стороне, если даже в данный момент у вас есть некоторые разногласия. Верно?

Я не ответил. Он поднял руку и взял Огнедышащего за узду, остановив его. Затем он поднял голову, всматриваясь в мое лицо.

— Корвин, что же все-таки произошло? Что ты узнал?

Я колебался. И правда, что я узнал в небесном городе? Никто не был уверен, как действовал механизм, стоявший, за видениями Тир-на Ног-та. Вполне могло быть, как подозревали некоторые, что это место является воплощением наших невысказанных страхов, предчувствий и желаний, что оно смешивает их с бессознательными предположениями и догадками. Подозрения же, вызванные чем-то неизвестным, вероятно, лучше было держать при себе. И все же рука была достаточно материальной.

— Я же говорил тебе, — заявил я, — что отсек эту руку у призрака Бенедикта. Значит, мы явно сражались.

— Ты видишь в этом предзнаменование, что между тобой и Бенедиктом будет в конечном счете столкновение?

— Наверное.

— У тебя есть основание для этого, не так ли?

Я устало вздохнул:

— Да. Дара говорила, что состоит в родстве с Бенедиктом, и это вполне может оказаться правдой. Если же это действительно так, и он об этом знает и молчит, тогда и нам следует помалкивать. До тех пор, пока не сможем это подтвердить или опровергнуть. Понятно?

— Конечно. Но как же это может быть?

— Именно так, как она говорила.

— Правнучка?

Я кивнул.

— От кого?

— От адской девы, известной нам лишь по слухам, от Линтры, дамы, стоившей ему руки.

— Но ведь та битва произошла недавно.

— Время течет по-разному на разных Отражениях, Ганелон. В дальних пределах это было бы возможно.

Он покачал головой и расслабил руку, державшую узду.

— Корвин, я действительно думаю, что Бенедикту следует об этом знать. Если это правда, то ты должен скорее дать ему шанс подготовиться, чем позволить ему неожиданно открыть это. Вы такая неплодовитая компания, что отцовство, кажется, разит вас сильнее, чем других. Посмотри на Рэндома. Он годами не признавал своего сына, а сейчас, я чувствую, он рискнул бы ради него своей жизнью.

— Я тоже так считаю, — согласился я. — А теперь забудь о Рэндоме и попытайся представить себе, что произойдет, если рассказать все Бенедикту.

— Ты думаешь, он примет сторону Дары против Амбера? Начнет выбирать?

— Я предпочел бы не провоцировать его на это.

— Мне кажется, ты оказываешь ему плохую услугу. Он, кстати, не похож на человека, обуреваемого чувствами. Свяжись с ним через Карту и скажи о своих подозрениях. Таким образом, он хотя бы получит возможность как следует обдумать это и подготовиться к неожиданной встрече.

— Он мне не поверит. Ты видел, каким он делается, стоит мне упомянуть о Даре.

— Это само по себе о чем-то говорит. Возможно, в глубине души он знает, что может произойти, и отвергает это так горячо потому, что ему хотелось бы иного.

— Да, но сейчас это только расширит трещину, которую я пытаюсь замазать.

— Но то, что ты скрываешь от него правду, может привести и разрыву, когда он обо всем узнает.

— Нет, я считаю, что знаю своего брата лучше, чем ты.

Он отпустил поводья.

— Хорошо. Надеюсь, ты прав.

Я ничего не ответил, а только пришпорил

Огнедышащего, Между нами существовал молчаливый уговор — Ганелон мог спрашивать меня обо всем, что только ему хотелось узнать. И так же молчаливо подразумевалось, что я со вниманием выслушаю любой его совет. Такие отношения сложились потому, что его положение было уникальным. Мы не состояли в родстве. Он не был амберийцем. Свары и проблемы Амбера стали и его проблемами потому, что он сам этого пожелал. Давным-давно мы стали друзьями и союзниками. За плечами у нас была битва с нечистью из Черного Круга в Лорен, стране, ставшей ему родной. Когда же битва закончилась победой, он пожелал поехать со мной, чтобы помочь мне управляться с моими собственными делами и с делами Амбера. Таким образом нас связывала только дружба, штука более крепкая, чем долги совести и правила чести. Другими словами, у него было право приставать ко мне с советами, за которые я даже Рэндома мог бы послать к черту, коль скоро решение было мною уже принято. Я понимал, что мне не следует раздражаться — все, сказанное Ганелоном, было сказано честно и из самых добрых побуждений. Вероятно, эта нетерпимость осталась у меня с той поры, когда я был полководцем, а он моим генералом. В те времена

я терпеть не мог, когда обсуждались мои решения и приказы. Я подумал, что меня, пожалуй, больше всего раздражает то, что в последнее время он высказал несколько верных догадок и здравых предложений. Я чувствовал, что мне следовало бы додуматься до этого самому. Никому не нравится признаваться в собственной недальновидности. И все же: только ли в этом дело? Сработал старый армейский рефлекс, заставляющий принимать во внимание только свои решения? Или же меня беспокоит что-то более глубокое? То, что как раз теперь должно всплыть на поверхность?

— Корвин, — нарушил молчание Ганелон, — я тут поразмыслил…

Я вздохнул:

— Да?

— Насчет сына Рэндома. Учитывая то, как здорово заживают ваши раны, я думаю, он мог выжить и все еще бродит где-то.

— Хотел бы я верить, что так оно и есть.

— Не слишком торопись с такими пожеланиями.

— Что ты имеешь в виду?

— Как я понял из ваших разговоров, он очень мало бывал в Амбере и мало общался с семьей, так как вырос в Ребма.

— Да, я тоже так думаю.

— Фактически, кроме Бенедикта и Льювиллы в Ребма, единственный, с кем он имел контакт, был тот, кто ударил его ножом.

— Блейз, Бранд или Фиона. Мне пришло в голову, что у него, вероятно, сложилось весьма искаженное представление о семье.

— Искаженное, — допустил я, — но, может быть, вполне оправданное, если я понимаю, к чему ты клонишь.

— Думаю, понимаешь. Допустим, что он не только боится семьи, но и имеет зуб на всю вашу компанию.

— Такое вполне возможно.

— Не думаешь ли ты, что он мог переметнуться к врагам?

Я покачал головой:

— Нет, если он знает, что они — орудие тех, кто пытался убить его.

— Но так ли это? Интересно знать… Ты говоришь, что Бранд испугался и попытался отказаться от какой-то там договоренности с шайкой Черной дороги. Коль они настолько сильны, то я хотел бы знать, не могли ли Фиона и Блейз стать их орудиями? А если это так, то не трудно представить себе, что Мартин будет искать выход,

который даст ему не только возможность защищаться, но и власть над ними.

— Слишком много предположений, — возразил я.

— Враги, кажется, знают о вас слишком много.

— Верно, но у нас было несколько преподавателей, которые могли многое рассказать им.

— Могли ли они рассказать им все, что, по твоим словам, знала Дара?

— Это хороший вопрос, — признал я, — но на него трудно ответить.

Кроме случая с Текисами, немедленно пришедшего мне на ум. Однако я решил держать это при себе, чтобы выяснить, к чему он клонит, а не удаляться по касательной. Поэтому я сказал:

— Мартин едва ли способен рассказать им многое об Амбере.

Ганелон с минуту помолчал, а затем спросил:

— У тебя был случай проверить то дело, о котором я спрашивал тебя той ночью у твоей гробницы?

— Какое дело?

— Можно ли подслушивать с помощью Карт? — напомнил он. — Теперь, когда мы знаем, что у Мартина есть колода…

Наступила моя очередь замолчать, пока

небольшое семейство минд-ток перешло дорогу, показывая язык.

— Нет, — наконец произнес я. — У меня не было случая проверить это.

Мы проехали немалое расстояние, прежде чем он произнес:

— Корвин, той ночью, когда мы вернули Бранда…

— Да?

— Ты говорил, что проверил алиби у всех, чтобы выяснить, кто же это тебя ударил. И пришел к выводу, что любому из них в тот момент трудно было бы выкинуть такой фокус.

— Да, — подтвердил я.

Он кивнул.

— Теперь ты можешь додумать еще об одном своем родственнике. У него может отсутствовать семейная ловкость лишь потому, что он молод и неопытен.

Мысленно улыбнувшись, я помахал рукой времени, границу которого перешагнул, вступая в Амбер.

Она спросила: «Кто там?», когда я постучал, и я ей ответил:

— Корвин.

— Минутку.

Я услышал ее шаги, а затем дверь распахнулась. На пороге стояла Виала — чуть выше полутора метров ростом и очень худенькая брюнетка с изящными чертами лица и мягким голосом. На ней было красное платье. Ее незрячие глаза смотрели сквозь меня, напоминая мне о тьме прошлого, о боли.

— Рэндом попросил меня передать, что он немного задержится, но беспокоиться незачем.

Она посторонилась и открыла дверь настежь. Я не хотел, но зашел. Я не собирался буквально выполнять просьбу Рэндома и рассказывать ей, что случилось, и куда он направился. Я намеревался просто сказать ей то, что уже сказал, и ничего более. Лишь когда мы поехали каждый своей дорогой, я сообразил, что именно означала просьба Рэндома: он попросту попросил меня сообщить его жене, с которой я успел обменяться не более чем полудюжиной слов, что он отправился искать своего незаконного сына, парня, чья мать Морганта кончила жизнь самоубийством, за что Рэндом и был наказан принудительной женитьбой на Виале. То, что этот брак оказался удачным, все еще изумляло меня. У меня не было ни малейшего желания выдавать груз неприятных новостей, и, заходя в комнату, я думал, как

бы скорее уйти. Я прошел мимо бюста Рэндома, установленного на высокой полке в стене слева от меня. На самом деле я миновал его прежде, чем до меня дошло, что изображен был в самом деле мой брат. На противоположной стороне комнаты я увидел рабочий верстак Виалы. Обернувшись, я осмотрел бюст.

— Я и не знал, что вы занимаетесь ваянием.

— Да?

Оглядев апартаменты, я быстро обнаружил и другие ее работы.

— Здорово у вас получается, — похвалил я.

— Спасибо. Не присядете ли?

Я опустился в большое кресло с высокими подлокотниками, оказавшееся более удобным, чем оно выглядело. Она села на низкий диван справа от меня, подобрав под себя ноги.

— Не хотите ли что-нибудь поесть или выпить?

— Нет, спасибо. Я могу задержаться здесь лишь ненадолго. Дело в том, что Рэндом, Ганелон и я немного сбились с дороги по пути домой. В результате всего этого Рэндом и Бенедикт вынуждены были предпринять еще одно небольшое путешествие.

— Это надолго?

— Вероятно, на сутки, может, немного дольше. Если его поездка сильно затянется, он, вероятно, свяжется с кем-нибудь, через Карту, и мы дадим вам знать.

— Рэндом мне много рассказывал о вас.

Я улыбнулся.

— Вы уверены, что не хотите перекусить? Это будет нетрудно устроить.

— Он рассказывал вам, что я всегда голоден?

Она рассмеялась:

— Нет. Но если у вас было столько приключений, то, я полагаю, времени на еду просто не осталось.

— Тут вы почти правы. Ладно, если у вас завалялся лишний кусок хлеба, это будет кстати.

— Прекрасно! Одну минутку.

Она вышла в соседнюю комнату. Я воспользовался случаем, чтобы от души почесать кожу вокруг раны, где внезапно ощутил убийственный приступ зуда. Я принял ее гостеприимство по этой причине, а частично из-за того, что я действительно проголодался. Лишь немного позже до меня дошло, что она все равно не могла видеть, как я набросился на свой бок. Ее уверенные движения и лишенные колебаний манеры не давали повода ощутить ее недуг. Меня порадовало, что

она была способна так отлично нести свое бремя. Я услышал, как она напевает мотив «Баллады о бороздящих воды», песню великого торгового флота Амбера. Амбер не был знаменит своей промышленностью, да и сельское хозяйство не было его сильной стороной. Но наши корабли плавали по Отражениям, курсируя везде и всюду, торгуя всем, чем угодно. Почти что каждый амбериец, неважно, знатен он или нет, проводил некоторое время на флоте. Особы королевской крови издавна прокладывали торговые пути. А за ними следовали по всем морям и океанам капитаны, для которых плавание стало профессией. В минувшие времена и я занимался этим делом, хотя мое участие никогда не было столь плодотворным, как участие Жерара или Каина. На меня произвели огромное впечатление силы глубин и дух людей, пересекавших их. Через некоторое время вошла Виала, неся поднос, на котором были хлеб, мясо, сыр, фрукты и кубок красного вина. Она поставила его на стол.

— Вы что, собираетесь кормить полк?

— В этом деле лучше переборщить.

— Спасибо! Не присоединитесь ли ко мне?

— Наверное, я съем что-нибудь из фруктов, — сказала она.

Ее пальцы тут же нашли яблоко. Она вернулась на диван.

— Рэндом рассказывал, что эту песню сочинили вы.

— Это было давным-давно, Виала.

— А сейчас вы что-нибудь сочиняете?

Я покачал было головой, но поймал себя на этой глупости и ответил:

— Нет. Эта часть меня… отдыхает.

— Жалко, у вас замечательно получается.

— Настоящий музыкант в семье — Рэндом.

— Да, он чувствует музыку, но играть и сочинять — это совсем разные вещи.

— Верно. В один прекрасный день, когда станет полегче… Скажите мне, вы счастливы здесь, в Амбере? Все ли вам по душе? Не нужно ли вам чего-нибудь?

Она улыбнулась:

— Все, что мне нужно, это Рэндом. Он хороший человек.

Я был очень тронут, услышав, что она так отзывается о нем.

— Тогда я счастлив за вас. Он самый младший, самый маленький из нас… Ему, возможно, пришлось немного хуже, чем всем нам. Нет ничего более бесполезного, как еще один принц, когда

их уже и так целая толпа. Я перед ним так же виноват, как и остальные. Однажды мы с Блейзом засадили его на два дня на островке к югу отсюда…

— А Жерар съездил и вызволил его, когда узнал об этом, — закончила она за меня. — Да, он мне рассказывал. Должно быть, это тревожит вас, если вы до сих пор помните об этом.

— На него это тоже, возможно, произвело впечатление.

— Нет, он давным-давно простил вас. Он рассказывал это как анекдот. К тому же он тоже делал вам пакости. Однажды он вбил шип в каблук вашего сапога. Вы обули сапог и поранили пятку.

— Так это был Рэндом? Будь я проклят! А я-то всегда винил в этом Джулиана.

— Вот это и тревожит Рэндома.

— Как давно все это было!

Я покачал головой и продолжал есть.

Аппетит, действительно, пришел во время еды. Виала замолкла, чтобы дать мне как следует закусить. И я набросился на еду. Утолив голод, я почувствовал потребность в общении.

— Вот так-то лучше, намного лучше, — начал я. — Я провел в небесном городе необычную и утомительную ночь.

— Вы видели какие-то интересные знамения?

— Не знаю, насколько они интересны, но я рад, что был их свидетелем. А здесь что-нибудь произошло за это время?

— Слуги говорили мне, что ваш брат Бранд выздоравливает. Он хорошо ел этим утром, что само по себе обнадеживает.

— Верно, — согласился я. — Теперь он, кажется, вне опасности.

— Вероятно. Эта серия ужасных происшествий, которая обрушилась на всех нас! Мне очень жаль. Надеюсь, ночью на Тир-на Ног-та вам удалось узнать, как повернуть судьбу, чтобы избежать в будущем неприятности.

— Не придавайте им такое значение, — успокоил я ее. — Все образуется само по себе. Знамения здесь ни при чем.

— Тогда зачем же?..

Я изучал ее со все возрастающим интересом. Лицо ее не выдавало волнения, и только правая рука подергивалась, постукивая и пощипывая диван. Затем она заставила и руку лежать неподвижно. Она явно была личностью.

— Да, — сказал я, затягивая время. — Вы и о моем ранении тоже знаете?

Она кивнула.

— Я не сержусь на Рэндома за то, что он рассказал вам все. Его суждения всегда были точными, ведь они были его защитой. Хотелось бы все-таки знать, что еще он вам рассказывал. И не из любопытства. Ведь некоторые вещи знать не бесполезно. И я беспокоюсь за вас. И кроме того не знаю, могу ли вам поведать то, что случилось с нами недавно.

— Я понимаю. Конечно, трудно сказать, все ли он мне рассказывает, но мне кажется, я знаю многое. Я знаю вашу историю и историю большинства других. Он держит меня в курсе событий, подозрений и предчувствий.

— Спасибо, — пригубил я вина. — Теперь мне будет легче говорить с вами. Я хотел бы рассказать вам все, что случилось после завтрака до этой трапезы.

Так я и сделал. Она улыбалась, когда я говорил, но не перебивала. Когда я кончил, она спросила:

— Вы думали, что меня расстроит упоминание о Мартине?

— Могло бы быть и так.

— Нет, — возразила она. — Видите ли, я знала Мартина еще в Ребма, когда он был мальчиком. Я была там, пока он рос. Он мне очень нравился. Даже если бы он не был сыном Рэндома, он все

равно был бы мне дорог. Я могу только радоваться заботе Рэндома о нем, со временем это пойдет на пользу им обоим.

Я покачал головой:

— Я не слишком часто встречаю людей, подобных вам. И я рад, что, наконец, встретил вас.

Она рассмеялась, после чего спросила:

— Долго ли вы были без зрения?

— Да.

— Это может или озлобить человека, или подарить ему радость почувствовать то, что он имеет.

Мне не нужно мысленно возвращаться к своим чувствам во время слепоты, чтобы понять, что я отношусь к людям первой категории. Даже если не принимать в расчет обстоятельства, при которых я ослеп. Сожалею, но таков уж я…

— Верно, — согласился я, — вы счастливая.

— На самом деле это просто состояние души, то, что легко может оценить Повелитель Отражений.

Она поднялась:

— Я всегда гадала, как вы выглядите. Рэндом вас описывал, но это совсем не то. Можно мне?

— Конечно.

Она подошла и положила на мое лицо кончи-

ки пальцев, деликатно проводя ими по моим чертам.

— Да, — произнесла она, — вы во многом такой, каким я вас представляла. Я чувствую в вас напряжение. Оно давно не покидает вас, не так ли?

— В той или иной форме, да. Я полагаю, никогда со времени моего возвращения в Амбер.

— Хотела бы я знать, — задумчиво промолвила она, — были ли вы счастливее до того, как вновь обрели свою память?

— Это один из вопросов, на который ответить нельзя. Если бы я не обрел ее — это было бы равносильно смерти. Но если отложить в сторону все рассуждения, то можно сказать, что в те времена не давал мне покоя вопрос — кто я такой? Откуда? Зачем я? Думать об этом было мучительно.

— Но вы были более или менее счастливы, наверное счастливее, чем сейчас?

— Не более и не менее. Одно уравновешивает другое. Это, как вы выразились, состояние души. И даже если бы это было не так, я знаю, кто я такой, теперь, когда я нашел свой Амбер.

— Почему же?

— Почему вы меня обо всем этом спрашиваете?

— Я хочу понять вас, — пояснила она. — С тех

пор, как я услышала о вас еще в Ребма, даже прежде, чем Рэндом что-то рассказал, я гадала, что же заставляет вас действовать. Теперь, когда у меня есть возможность узнать это, никакого права, разумеется, только возможность, я почувствовала, что стоит нарушить этикет и правила, подобающие моему положению, для того, чтобы спросить вас об этом.

Я невольно рассмеялся.

— Отлично сказано. Посмотрим, смогу ли я быть так же честен, как вы. Сперва меня заставляла действовать ненависть к моему брату Эрику и желание захватить трон. Если бы вы спросили меня тогда, когда я вернулся, что двигало мной сильнее, я бы ответил, что притягательность трона. Сейчас, однако, я вынужден признаться, что на самом деле все было наоборот. Я этого не понимал раньше, но это правда. Эрик мертв. И те чувства, которые я испытывал к нему, давно исчезли. Трон по-прежнему на месте, но теперь я бы не стал бороться за него. Пожалуй, сейчас никто из нас не имеет на него права. И даже если бы вся семья захотела, чтобы я взошел на него, я бы не стал этого делать. Сначала нужно добиться стабильности в королевстве и найти ответ на множество вопросов.

— А вы искали бы эти ответы, если бы, даже найдя их, не могли претендовать на трон.

— Искал бы.

— Тогда я начинаю кое-что понимать.

— А что тут понимать?

— Лорд Корвин, я не очень-то большой философ, но я догадываюсь, что вы способны найти на Отражениях все, что пожелаете. Это длительное время беспокоило меня, и я никогда полностью не понимала объяснений Рэндома. Разве не мог бы каждый из вас, если бы захотел, уйти на Отражения и найти себе другой Амбер, который от этого отличался бы только тем, что вы можете быть там правителем и наслаждаться своим положением.

— Да, мы можем отыскать такие места, — подтвердил я.

— Тогда почему же вы этого не сделали, чтобы положить конец борьбе?

— Потому что можно найти место, кажущееся точно таким, но оно не будет таким. Мы — часть этого Амбера в такой же степени, как он — часть нас. Любое Отражение неизбежно будет населено Отражениями нас самих, и потому не сможет казаться настоящим. Мы можем даже встретить отражение своей собственной персоны, если

захотим переместиться в готовое королевство. Однако народ Отражения не будет таким, как люди, которые живут здесь. Отражение никогда не бывает точно таким же, как то, что отбрасывает его. Эти мелкие отличия накапливаются. Они еще хуже, чем крупные. Это равносильно приходу в страну незнакомцев. Самое лучшее сравнение, приходящее мне на ум, — это встреча с человеком, очень напоминающим другого, известного тебе человека, но это не он сам. Ты все время ждешь, что он будет вести себя, как твой знакомый, хуже того, ты и сам начинаешь вести себя так, словно давным-давно его знаешь. Общаясь с ним, надеваешь привычную маску, ждешь привычных отношений. Но реакция двойника совсем иная, не такая, как та, к которой ты привык. Это очень неудобное чувство. Мне никогда не доставляло удовольствие встречать людей, напоминающих мне о других. Личность — вот что мы не можем контролировать в своих манипуляциях с Отражениями. Фактически именно посредством этого мы и можем отличить друг друга от наших отражений. Вот почему так долго Флора не могла найти контакта со мной на Отражении Земля: моя новая личность была иной, чем та, которую она знала.

— Я начинаю понимать, — произнесла Виала. — Для вас это не просто Амбер. Это — место плюс все остальное.

— Место плюс все остальное — это и есть Амбер, — согласился я.

— Вы утверждаете, что ваша ненависть умерла вместе с Эриком, а стремление к трону поубавилось из-за всего, что вы узнали?

— Именно так.

— Тогда мне думается, я понимаю, что именно движет вами.

— Мною движет и стремление к стабильности, и какое-то любопытство, и желание мстить нашим врагам.

— Долг, — прошептала она. — Конечно же, долг.

Я запротестовал.

— Было бы утешительно представить это так, но я не стану лицемерить. Едва ли я верный сын Оберона, патриот Амбера.

— Ваш голос явно показывает, что вы не желаете, чтобы вас считали таким.

Я закрыл глаза, чтобы присоединиться к ней в темноте, чтобы вспомнить на короткий миг время, где первенствовали иные средства общения, чем световые волны. И тогда я понял, что

она была права насчет моего голоса. Почему я так тяжело затопал ногами, едва была высказана мысль о долге? Я люблю быть уважаемым за доброту, чистоту, благородство и великодушие, когда я заслуживаю этого, иногда даже когда не заслуживаю, точно так же, как всякий другой человек. Что же тогда обеспокоило меня, когда разговор пошел о долге перед Амбером? Ничего. В чем же тогда дело? Отец? У меня не было больше перед ним никаких обязательств, меньше всего долговых. В конечном счете, именно он был в ответе за нынешнее положение дел. Он наплодил нас, не установив надлежащего порядка наследования, он был менее чем добр ко всем нашим матерям и ожидал нашей преданности и поддержки. Он выделял среди нас любимчиков и фактически настраивал нас друг против друга. А потом он ввязался по глупости во что-то, с чем не мог справиться, и оставил королевство на перепутье. Зигмунд Фрейд давным-давно обезопасил меня от самых обычных, обобщенных чувств негодования, которые могли бы действовать внутри семейной ячейки. Из-за этого не стоит злиться. Другое дело — факты. Я не любил отца просто потому, что он не дал мне никакого повода любить его. Он, действительно, казалось, тру-

дился в ином направлении. Я понял, что именно это и беспокоило меня в представлении о долге — личность отца.

— Вы правы, — не стал я возражать. Затем открыл глаза и поглядел на нее. — Я рад, что вы сказали мне об этом. Дайте мне вашу руку, — я поднялся.

Она протянула руку, и я поднес ее к губам.

— Спасибо вам, — поблагодарил я. — Это был отличный завтрак.

Я повернулся и направился к двери. Оглянувшись, я увидел, что она покраснела и улыбается. И я начал понимать, откуда взялась та удивляющая меня перемена в Рэндоме.

— Удачи вам, — пожелала она, когда я уже выходил.

— И вам, — подхватил я. И быстро вышел.

Я собирался повидать Бранда, но не мог заставить себя сделать это, хотя бы потому, что не хотел с ним встречаться, пока мой ум притупляла усталость, и еще потому, что разговор с Виалой был первым приятным событием, случившимся за последнее время. На этот раз я собирался отдохнуть с неиспорченным настроением. Я поднялся по лестнице и прошел по коридору к своей комнате, думая о ночи длинных ножей. В

спальне я задернул шторы от полуденного солнца, разделся и лег в постель. Как обычно после стресса, напряжение спало с меня не сразу, сон какое-то время не шел ко мне. Я долго метался и ворочался, вновь переживая события нескольких последних дней и даже более давние. Но вот я, наконец, уснул, сон мой был амальгамой из того же материала. Когда я проснулся, было темно, и я чувствовал себя отдохнувшим. Напряжение покинуло меня, а мысли были куда более мирными. Я почувствовал приток энергии. И я знал, каким образом и для чего ее применить. Я сел, потянулся за одеждой и принялся одеваться, потом пристегнул Грейсвандир, сложил одеяло и сунул его под мышку. В голове у меня прояснилось, а бок перестал покалывать. Я не имел ни малейшего представления, сколько я проспал, и это едва ли стоило выяснять. Мне надо было узнать нечто куда более важное, нечто такое, что должно мне было прийти в голову давным-давно, да фактически и пришло. Но последние события вытеснили его из головы.

Я запер за собой комнату и направился к лестнице. Трепетало пламя свечей, и полинявший олень, веками умиравший на гобелене справа от меня, оглядывался на полинялых собак, пресле-

довавших его приблизительно столь же долго. Иногда мои симпатии принадлежали оленю, обычно же собакам. Надо будет как-нибудь отреставрировать гобелен. Я спустился вниз по лестнице. Снизу не было слышно никаких звуков. Значит, время было позднее. Это было хорошо. Прошел еще один день, и мы еще живы, может быть, даже поумнели, стали достаточно мудрыми, чтобы понять, что есть еще много такого, что нам нужно узнать. Надежда, вот чего, наверное, у меня не было, когда я, воя, сидел в той проклятой камере, прижимая руки к невидящим глазам. Виала… Я был бы счастлив поговорить с ней в те дни хоть несколько минут. Но я усвоил только то, чему научился в скверной школе, и даже более мягкий курс обучения, вероятно, не придал бы мне ее милосердия. И все же… трудно сказать. Я всегда больше чувствовал себя псом, чем оленем, больше охотником, чем жертвой. Ты могла бы научить меня чему-то, что притупило бы злость, смягчило бы ненависть. Но было ли бы это к лучшему? Ненависть умерла вместе с ее объектом, и злость тоже прошла, но, оглядываясь назад, я гадаю: а сумел бы я добиться своего, если бы они меня не поддерживали? Я вовсе не уверен, что пережил бы свое заключение, если бы мои урод-

ливые спутники то и дело не возвращали меня силком к жизни и нормальности. Теперь я мог позволить себе роскошь думать при случае, как олень, но тогда это могло бы оказаться роковым. По настоящему я этого не знаю и сомневаюсь, что когда-нибудь узнаю. На втором этаже стояла полная тишина. Снизу доносились тихие звуки. Спокойной ночи, миледи. Поворот, и снова вниз. Интересно, произошло ли с Рэндомом что-нибудь неприятное? Вероятно, нет. Иначе он или Бенедикт уже связались бы со мной. Если не попали в беду. Но нет, смешно беспокоиться. Реальная опасность, когда придет время, даст о себе знать, и хлопот у меня будет более чем достаточно. Вот и нижний этаж.

— Уилл! — окликнул я. — Рольф!

— Да, лорд Корвин.

Двое часовых встали по стойке «смирно», заслышав мои шаги. Их лица доложили мне, что все хорошо, но ради проформы я спросил:

— Все ли в порядке?

— Все спокойно, лорд, — ответил старший.

— Отлично.

Я пересек обеденный зал. Он сработает, я был уверен в этом, если время полностью его не стерло. И тогда… Я вошел в длинный коридор,

который с обеих сторон тесно сдавливали пыльные стены. Темнота, тени, мои шаги… Я подошел к двери в конце коридора, открыл ее и вышел на платформу, затем начал спускаться вниз по освещенной винтовой лестнице, ведущей в пещеры Колвира. Рэндом был прав, решил я. Если убрать наслоения времени до уровня того уже давнего дня, то соединятся, как сообщающиеся сосуды, переходы первозданного Лабиринта и то место, которое мы посетили этим утром. Вниз. Изгибы и повороты во мраке. Освещенная фонарями и факелами караульная была по-театральному четкой. Я достиг дна и направился в ту сторону.

— Добрый вечер, лорд Корвин, — произнесла тощая, труповидная фигура.

Она с улыбкой курила трубку, прислонясь к полкам.

— Добрый вечер, Роджер. Как дела в подземном мире?

— Крысы, летучие мыши и пауки. Ничто другое больше не шевелится. Мирно.

— Тебе по душе эта служба?

Он кивнул:

— Я пишу философский роман с элементами ужаса и психопатологии. Над этими частями я работаю здесь.

— Подходящая обстановка, что и говорить, — согласился я. — Мне понадобится фонарь.

Он фыркнул и взял фонарь с полки, после чего зажег его от свечи.

— У него будет счастливый конец? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Я буду счастлив в любом случае.

— Я имею в виду полное торжество. Герой спит с героиней? Или ты убьешь всех до единого?

— Это едва ли будет справедливо, — заметил он.

— Ну что ж, возможно, я когда-нибудь прочту его.

— Все может быть, — не возражал он.

Я взял фонарь, повернулся к выходу и двинулся туда, где давно уже не был. Я обнаружил, что все еще могу измерять расстояние по эху моих шагов, возвращающемуся ко мне. Скоро я подошел к стене, высмотрел нужный коридор и вошел в него. Затем надо было только считать шаги. Ноги дорогу знали сами. Дверь в мою старую камеру была чуть приоткрыта. Я поставил фонарь на пол и напрягся, чтобы открыть ее полностью. Она поддалась неохотно, со стоном. Затем я поднял фонарь и вошел. Мускулы мои одеревенели, а

сердце сжалось. По телу пробежала дрожь. Я едва удержался, чтобы не убежать отсюда. Такая реакция была неожиданностью для меня самого. Я не стал отходить от тяжелой обитой медью двери, боясь, что ее за мной захлопнут и задвинут на засов. Это был миг ужаса, пробужденного во мне маленькой грязной камерой. Я заставил себя сосредоточиться на мелочах, на дыре, служившей мне туалетом, на черном пятне, где я развел костер в тот последний день. Я провел левой рукой по внутренней поверхности двери и пальцами нашел борозды, выдолбленные моей ложкой. Я вспомнил, как бессмысленно работал, чтобы не сойти с ума, и стал изучать выдолбленные канавки. Они были совсем не такие глубокие, как казалось в то время. Особенно в сравнении с толстой дверью. Я понял, как сильно я преувеличивал значение этих слабых усилий вырваться на свободу. Я прошел мимо двери и осмотрел стену. Время неплохо поработало, уничтожая рисунок. Но я еще мог различить контуры маяка Кабры, ограниченного четырьмя чертами. Пригодилась-таки ручка ложки. Магия рисунка все еще присутствовала. Сила, которая наконец перенесла меня на свободу, еще пульсировала в нём. Я почувствовал ее, не взывая к ней. И повернулся

лицом к другой стене. Рисунок, который я сейчас рассматривал, сохранился хуже нарисованного маяка. Да и выполнен он был в спешке при свете моих последних нескольких спичек. Я даже не мог разобрать всех деталей, хотя моя память кое-что и подсказывала мне. Это был вид кабинета или библиотеки с выстроившимися вдоль стен книжными полками, письменным столом на переднем плане и глобусом рядом с ним. Хотел бы я знать, следует ли мне рискнуть и почистить его? Я поставил фонарь на пол и возвратился к рисунку на другой стене. Уголком одеяла я мягко стер с рисунка пыль — пониже маяка. Потом протер и маяк. Линия проступила четче. Я снова потер ее, но, видимо, приложил чуть больше усилий, чем нужно. Неудача. Часть рисунка исчезла.

Я оторвал от одеяла широкую полосу. Оставшийся лоскут свернул и уселся на него. Оглядел внимательно рисунок, затем медленно и осторожно я приступил к работе над маяком. Я должен был добиться точного ощущения, как надо работать, прежде чем попробовать очистить другой рисунок. Через полчаса я встал, потянулся, растер затекшие ноги.

То, что осталось от маяка, было теперь чистым.

К несчастью, я уничтожил часть рисунка, преж-

де чем приобрел ощущение текстуры стены и научился стирать налет без нажима. Впрочем, и научившись делать это, я сомневался в успехе. Фонарь зашипел, когда я передвинул его. Я развернул одеяло и оторвал новую полоску. И, опустившись на колени перед другим рисунком, принялся за работу. Спустя некоторое время я освободил то, что сохранилось, от пыли и копоти. Я забыл про череп на столе, пока осторожное движение тряпкой не обнаружило и его. Затем появился угол противоположной стены и высокий подсвечник. Я отодвинулся. Протирать дальше было рискованно и к тому же, вероятно, не нужно. Настенный рисунок был передо мной почти полностью. Он показался мне почти таким же, каким был тогда.

Фитилек фонаря замигал. Проклиная Роджера за то, что он не проверил уровень керосина, я стоял и держал фонарь у плеча. Потом выбросил из головы все, кроме того, что было передо мной. Когда я пристально посмотрел на рисунок, он приобрел некоторую перспективу. А миг спустя стал трехмерным и расширился, заполнив все поле зрения. Шагнув вперед, я поставил фонарь на край стола. И обвел взглядом помещение. Вдоль всех четырех стен шли книжные полки. Не было

никаких окон. Две двери в противоположном конце комнаты, справа и слева, смотрели друг на друга. Одна была закрыта, а другая чуть приоткрыта. Рядом с открытой дверью был длинный низкий стол, заваленный книгами и бумагами. Открытые места на полках, ниши и выемки занимали экстравагантные предметы — кости, камни, керамика, покрытые письменами таблички, линзы, жезлы и инструменты неизвестного назначения. Огромный ковер напоминал ордебильский. Я шагнул к другому концу комнаты, и фонарь снова зашипел. Я обернулся и протянул руку. И в этот момент он погас. Выругавшись, я опустил руку. Затем, оглядываясь по сторонам, стал искать хоть щелочку, откуда мог бы пробиться свет. На полке рядом со мной слабо светилось что-то, напоминавшее ветку коралла, а из-под закрытой двери выбивалась бледная линия света. Я плюнул на фонарь, пересек комнату и как можно тише открыл дверь.

Комната, в которую она вела, была пустой, маленькой гостиной, без окон, слабо освещенной все еще тлеющими углями в ее единственном очаге. Каменные стены смыкались надо мной в сводчатый потолок.

Камин был, вероятно, природной нишей. В

противоположной стороне была устроена большая бронированная дверь, из замка ее торчал большой ключ. Я вошел, взял свечу с ближайшего стола и двинулся к камину, чтобы зажечь ее. Когда я опустился на колени и стал искать среди углей пламя, то услышал за дверью тихие шаги. Повернувшись, я увидел его у порога. Он был примерно метров полутора ростом, горбатый. Волосы и борода у него были даже длиннее, чем я помнил. Дворкин был одет в ночную рубашку, доходившую ему до лодыжек. Он держал в руке масляную лампу, и его темные глаза вглядывались в меня над ее покрытым сажей стеклом.

— Оберон, — произнес он. — Пришло, наконец, время?

— Какое именно время? — переспросил я мягко.

Он засмеялся:

— Какое же еще? Время уничтожить мир, конечно!

Я держал свет подальше от лица, а говорить старался голосом на октаву ниже.

— Не совсем, — возразил я.

Он вздохнул:

— Ты все еще не убежден?

Он посмотрел вперед и вскинул голову, пригля-

дываясь ко мне.

— Почему ты должен все портить? — спросил он.

— Я ничего не испортил.

Он опустил лампу. Я снова отвернулся, но он, в конце концов, сумел разглядеть мое лицо. И засмеялся.

— Забавно. Ты явился, как юный лорд Корвин, думая поколебать меня семейными чувствами. Почему ты не выбрал Бранда или Блейза? Лучше всего нам послужили детки Клариссы.

Я пожал плечами и встал:

— И да, и нет.

Я решил кормить его двусмысленностями, пока он принимал их и отвечал. Могло всплыть что-то ценное, и это казалось легким способом держать его в хорошем настроении.

— А ты сам? — продолжал я. — Какой лик ты придал бы всему?

— О, чтобы завоевать твое доброе расположение, я скопирую тебя, — заявил он, а затем принялся смеяться.

Он откинул голову, и, пока его смех звенел около меня, с ним произошла перемена. Рост его, казалось, увеличился, а лицо переместилось по горизонтали, словно парус, повернутый к

ветру. Горб на его спине уменьшился, когда он выпрямился и стал выше. Черты его лица преобразились, а борода почернела. К тому времени стало очевидным, что он каким-то образом перераспределил массу своего тела, потому что ночная рубашка, доходившая ему до лодыжек, была теперь на полпути к его голеням. Он глубоко вздохнул, и плечи его расширились. Руки удлинились, выпуклый живот сузился, талия стала тоньше.

Он достиг моего плеча, а затем стал еще выше. Горб его совершенно рассосался. Лицо его исказилось в последний раз, перестроенные его черты застыли. Смех его упал до смешка, растаял и кончился ухмылкой. Я увидел более хрупкую версию самого себя.

— Достаточно? — поинтересовался он.

— Да, ладно.

Я вытащил дрова из поленницы справа от себя. Мне была на руку любая задержка, которая давала время для того, чтобы изучить его реакцию. Пока я занимался этой работой, он подошел к креслу и сел. Когда я бросил на него быстрый взгляд, то увидел, что он не глядел на меня, а уперся взглядом в тени. Я кончил разводить огонь и поднялся, надеясь, что он скажет еще что-нибудь. В конце

концов он и сказал:

— Что сталось с великим замыслом?

Я не знал, говорит ли он о Лабиринте или о каком-то отцовском генеральном плане, в который не был посвящен. Поэтому я ответил:

— Можешь сам мне об этом доложить.

Он вновь засмеялся.

— Почему бы и нет? Ты переменил свое мнение, вот что случилось.

— С какого на какое, на твой взгляд?

— Не смейся надо мной. Даже ты не имеешь права смеяться надо мной. Меньше всех — ты.

Я поднялся:

— Я не насмехался над тобой.

Я прошел через комнату к другому креслу, перенес его поближе к камину, напротив Дворкина, и уселся.

— Как ты узнал меня? — спросил я. — Где я нахожусь, едва ли кому-то известно.

— Это правда.

— Многие в Амбере думают, что я умер?

— Да, а другие полагают, что ты путешествуешь на Отражениях.

— Понятно, — произнес я, а затем задал вопрос — Как ты себя чувствуешь?

Он зло усмехнулся.

— Ты хочешь сказать, по-прежнему ли я сумасшедший?

— Ты выражаешь это грубей, чем мне бы хотелось.

— Есть ослабление, но есть и усиление, — пояснил он. — Оно находит на меня и снова покидает. В данный момент я почти вновь стал самим собой. Я говорю: почти. Это шок от твоего визита, наверное. Иногда в голове у меня не все в порядке. Ты это знаешь. Однако, иначе быть не может. Это ты тоже знаешь.

— Полагаю, что знаю. Почему бы тебе не рассказать мне об этом заново? Один лишь рассказ может заставить тебя почувствовать себя лучше, а мне может дать что-то такое, что я упустил. Расскажи мне обо всем.

Он снова засмеялся.

— Все, что тебе угодно. Странное у тебя желание. О чем бы ты хотел слышать. О моем бегстве из Хаоса на этот маленький неожиданный остров в Мире ночи? О моих метаниях над бездной? О моем открытии Лабиринта в камне, висящем на шее у Единорога? О моем копировании узора молнией, кровью и лирой, в то время как наши отцы бушевали; явившись слишком поздно. Они призвали меня обратно, тогда как поэма из огня

проторила первую дорогу в моем мозгу, заражая меня волей творить? Слишком поздно! Одержимый отвращением, порожденным болезнью, за пределами досягаемости их помощи, их силы, я планировал и строил, плененный своим новым «я». Эту повесть ты хочешь услышать вновь? Или мне лучше рассказать о болезни и ее лечении?

У меня голова пошла кругом от того, что стояло за только что брошенной им целой пригоршней сведений. Я не мог понять, буквально ли он говорил или метафорически, или просто делился параноидными иллюзиями. Но то, что я хотел услышать, происходило довольно недавно и не было названо им.

Поэтому, рассматривая теневое отражение самого себя, из которого раздавался этот древний голос, я сказал:

— Расскажи мне о лечении.

Он свел вместе кончики пальцев и заговорил сквозь них:

— Я — Лабиринт, — заявил он, — в самом настоящем смысле. Проходя через мой ум, чтобы достичь той формы основания Амбера, которую он теперь имеет, Лабиринт наложил на меня свой отпечаток столь же верно, как я наложил свой отпечаток на него. И я понял однажды, что

я — это Лабиринт, но и он был вынужден стать Дворкиным в ходе становления. Были взаимные видоизменения в порождении этого места и этого времени, и вот тут-то и находится эта слабость, так же, как и наша сила, потому что мне приходило в голову, что повреждение Лабиринта было бы повреждением меня самого, а повреждение меня самого отразилось бы на Лабиринте. И все же мне нельзя было причинить настоящего вреда, потому что меня защищает Лабиринт, а кто, кроме меня, мог причинить вред Лабиринту? Прекрасная замкнутая система. Ее слабость полностью защищена ее силой.

Он замолк. Я слушал гудение огня. Что слушал он, не знаю.

— Я был не прав, — произнес он наконец. — И ведь такое простое дело… Моя кровь, которой я нарисовал его, может и стереть его. Но мне потребовались века, чтобы понять, что кровь моей крови тоже может сделать это. Ты можешь воспользоваться этим, ты тоже можешь изменить его — да, в третьем поколении.

Это не стало для меня сюрпризом. Я и раньше знал, что он приходится всем нам дедом. Мне казалось, что я все время знал это, но никогда никому не говорил. И все же то, что он рассказал,

вызывало желание задавать вопросы, а не было ответом на них. Вот еще одно поколение предков. Путаница продолжается. Я теперь имел еще меньшее представление, чем когда-либо, кем же на самом деле был Дворкин. Добавьте к этому еще то, что признавал далее он: это была повесть, рассказанная сумасшедшим.

— Но отремонтировать его… — произнес я.

Он разозлился, и мое собственное лицо скривилось передо мной.

— Ты не желаешь быть повелителем живого вакуума, королем Хаоса? — спросил он.

— Может быть.

— Клянусь Единорогом, твоей матерью, я знал, что дойдет до этого. Лабиринт столь же силен в тебе, как и большое королевство. Чего же ты тогда желаешь?

— Сохранить королевство.

Он покачал головой.

— Проще будет уничтожить и попробовать начать все заново, как я столь часто говорил тебе раньше.

— Я упрям, так что скажи мне снова.

Я пытался симулировать отцовскую грубость.

Он пожал плечами:

— Уничтожь Лабиринт, и мы уничтожим Амбер

и все Отражения в полярном порядке вокруг него. Разреши мне уничтожить себя в середине Лабиринта, и мы начисто сотрем его. Разреши мне это, держащий сущность порядка. Мы создадим новый Лабиринт, светлый и чистый, незапятнанный, нарисованный твоим собственным существом, в то время как легионы Хаоса попытаются со всех сторон отвлечь тебя. Пообещай мне это и позволь мне покончить со всем этим, потому что такой искалеченный, как я, скорее предпочел бы умереть ради порядка, чем жить ради него. Что ты теперь скажешь?

— А не лучше было бы попробовать исправить тот, что у нас есть, Чем уничтожать труд целых эпох?

— Трус! — крикнул он, вскакивая.

— Я знал, что ты снова это скажешь!

— Ну, а разве это неправда?

Он принялся расхаживать по комнате.

— Сколько раз мы об этом толковали? Ничего не изменилось! Ты боишься попробовать это!

— Наверное, — согласился я. — Но разве ты не чувствуешь, что то, ради чего ты так много отдал, стоит усилий и жертв, если есть возможность спасти его?

— Ты по-прежнему не понимаешь, — возразил

он. — Я считаю, что поврежденный предмет следует уничтожить, заменить его другим, новым. Природа моего повреждения такова, что я не могу представить себе ремонта. А я поврежден именно так. Мои чувства предопределены.

— Если Камень может создать новый Лабиринт, то почему он не может послужить для ремонта старого, чтобы покончить с нашими бедами и исцелить твой дух?

Он подошел и встал передо мной:

— Где твоя память? — поинтересовался он. — Ты же знаешь, что отремонтировать повреждение будет труднее, чем начать все заново. Даже Камень может легче уничтожить, а потом создать, чем отремонтировать. Ты забыл или делаешь вид, что не помнишь?

Он показал на стену позади себя.

— Ты хочешь пойти и посмотреть снова?

— Да, — сказал я. — Хотелось бы. Пошли.

Я поднялся и посмотрел на него сверху вниз. Его контроль над формой своего, вернее не своего тела стал пропадать, когда он рассердился. Он уже потерял три-четыре дюйма роста, и отражение его лица таяло и принимало очертания собственного гномовидного обличья, а между его плечами появлялась и росла выпуклость,

видимая уже, когда он жестикулировал. Глаза его расширились, и он изучал мое лицо.

— Ты это всерьез? — произнес он после некоторой паузы. — Ладно, тогда пошли.

Он повернулся и двинулся к большой металлической двери. Я последовал за ним. Двумя руками он повернул ключ, а затем навалился на дверь всем телом. Я попытался было помочь ему, но он с необыкновенной силой отпихнул меня в сторону прежде, чем толкнуть дверь. Она заскрежетала и медленно открылась настежь. Меня сразу же поразил какой-то странный, хотя и знакомый запах. Дворкин шагнул за порог и остановился. Он взял длинный посох, который был прислонен к стенке, и стукнул им несколько раз оземь. Верхний конец палки начал пылать. Он довольно, хорошо освещал пещеру, представляющую собой узкий туннель, в который и шагнул Дворкин. Я последовал за ним, и в скором времени туннель расширился, так что я смог идти рядом с ним. Запах усилился, и я узнал его. Он встречался мне совсем недавно. Мы прошли шагов сто, прежде чем повернули налево. Дорога пошла на подъем. Затем зашли в ответвление от туннеля. Оно было усеяно костями, а в паре футов над полом в скале было большое металлическое кольцо. К нему

шла спадавшая на пол, цепь, сверкающая так, словно расплавленные звенья остыли во мраке, но все же продолжали светиться. Потом путь наш снова сузился, и Дворкин опять шел впереди. Через некоторое время он внезапно свернул за угол, и я услышал, как он что-то бормочет, а когда повернул и сам, то чуть не налетел на него. Он стоял, нагнувшись, и шарил рукой в темной щели. Я услышал тихое карканье и увидел, что цепь исчезает в отверстии. Тогда-то я и понял, где мы были.

— Молодец, Винсер, — услышал я слова Дворкина. — Я далеко не ухожу. Все в порядке, дорогой Винсер. Вот тебе кое-что пожевать.

Не знаю уж, откуда он принес и что он там бросил зверю, но пурпурный грифон, к которому я достаточно приблизился, чтобы увидеть, как он зашевелился в своем логове, принял подношение и вскинул голову, издавая хрустящие звуки. Дворкин ухмыльнулся мне:

— Удивлен?

— Чем?

— Ты думал, я боюсь, его. Ты думал, я никогда не подружусь с ним. Ты поставил его здесь, чтобы держать меня подальше от Лабиринта.

— Я когда-нибудь это говорил?

— Нет, но я не дурак.

— Будь по-твоему, — согласился я.

Он засмеялся, поднялся и продолжил путь по туннелю. Я шел за ним, и вскоре дорога снова стала ровной. Потолок поднялся и путь расширился. Наконец, мы подошли ко входу в пещеру. Дворкин постоял с минуту, подняв перед собой посох. Снаружи была ночь, и чистый соленый воздух прогнал запах мускуса, который я до сих пор чувствовал. Постояв, он опять двинулся вперед, проходя в мир небесных свечей и голубого тумана. Продолжая идти следом за ним, я не переставал удивляться тому, что видел. Поразило меня не только то, что звезды в безлунном чистом небе горели сверхъестественно ярко и не было никакой границы между небом и морем. Самым удивительным было то, что Лабиринт пылал ацетиленово-голубым светом у этого неба-моря и звезды над ним были расположены с геометрической точностью, формируя фантастическую косую плетенку, которая поражала больше, чем что-либо иное. Казалось, будто мы висим в середине космической паутины, где истинным центром был Лабиринт, а остальное — лучистым кружевом вокруг него, которое он создавал своей конфигурацией, своим расположением здесь да

и самим своим существованием. Дворкин продолжал спускаться к Лабиринту, пока не достиг его края рядом с темным пятном. Он махнул посохом и повернулся ко мне как раз тогда, когда я подошел.

— Вот тебе, — объяснил он, — дыра в моих мозгах. Я не могу думать этим местом, мысли появляются только в соседнем участке. Я не знаю, что нужно сделать, чтобы отремонтировать очаг, поврежденный во мне. Если ты считаешь, что можешь это сделать, то попытайся. Но мне кажется, покидая Лабиринт, ты должен прийти к мысли, что его необходимо уничтожить. Разве, пересекая разрыв, ты не чувствуешь это. Разрушение проходит не темным участком. Разрушение идет самим Лабиринтом, когда ты нарушаешь цикл. Камень может поддержать тебя, а может и нет. Я не знаю. Но легче от этого не становится. С каждым циклом будет все труднее, и твои силы будут все время уменьшаться. Когда мы с тобой в последний раз обсуждали все это, ты боялся. Неужели ты хочешь сказать, что за это время не стал храбрее?

— Неужели ты не видишь никакого иного способа?

— Я знаю, что это можно сделать, только на-

чав с чистого листа, потому что однажды я это сделал. Помимо этого, я не вижу никакого другого способа. Чем дольше ты ждешь, тем больше ухудшается ситуация. Почему бы тебе, сын, не принести Камень и не одолжить мне свой меч? Лучшего способа я не вижу.

— Нет, — отказался я. — Я должен узнать побольше. Расскажи мне еще раз, как было сделано повреждение.

— Я не знаю, который из твоих детей пролил на это место нашу кровь, если ты это имеешь в виду. Но кровь была пролита. Пусть же это послужит укором. Темные силы нашей души торжествуют. Возможно, это происходит потому, что они слишком близки Хаосу, из которого мы произошли и выросли, а потом разгромили его. Я думал, что для них может оказаться очистительным ритуал перехода через Лабиринт. Ничего умней я придумать не мог. И все же этого не хватило. Они выступают против всего. Они пытаются уничтожить сам Лабиринт.

— А если мы все разрушим и создадим заново, не смогут ли они повторить все это еще раз?

— Не знаю. Но у нас нет выбора, кроме провала и возвращения к Хаосу.

— Что с нами станет, если мы попробуем на-

чать все сначала?

Он надолго замолчал, а потом пожал плечами:

— Не могу сказать.

— А каким, по-твоему, будет другое поколение?

Он захохотал:

— Как можно ответить на такой вопрос? Понятия не имею.

Я достал пронзенную Карту и передал ему. Он рассматривал ее, наклонив над ней горящий посох.

— Я считаю, что это сын Рэндома — Мартин, — сказал я. — Именно его кровь и была здесь пролита. Я понятия не имею, жив ли он сейчас.

Он снова посмотрел на Лабиринт.

— Так вот, значит, что там было, — проговорил он. — Как ты ее достал оттуда?

— Достали, — ответил я. — Это ведь не твоя работа, не так ли?

— Конечно, нет. Я этого парня в глаза не видел. Но это еще один ответ на твой вопрос. В другом поколении твои дети уничтожают друг друга.

— А ты хочешь, чтобы их уничтожили мы?

Он пристально поглядел мне в глаза.

— Ты что, становишься любящим отцом? — осведомился он.

— Если не ты изготовил эту Карту, то кто же?

— Мой лучший ученик, твой сын Бранд. Это его стиль. Видишь, что они делают, как только приобретают хоть немного силы? Предложит ли кто-нибудь из них свою жизнь для сохранения королевства, для восстановления Лабиринта?

— Вероятно, Бенедикт, Жерар, Рэндом, Корвин…

— На Бенедикте печать рока, Жерар обладает волей, но не умом. У Рэндома отсутствует смелость и решительность. Корвин… Разве он не впал в немилость и не исчез из виду?

Мысли мои вернулись к нашей последней встрече, когда он помог мне бежать из моей камеры на Кабру. Мне пришло в голову, что он мог бы и раздумать насчет этого, ведь тогда он не знал, при каких обстоятельствах я попал туда.

— Поэтому ты и принял облик Корвина? — продолжал Дворкин. — Это какая-то форма упрека? Ты опять испытываешь меня?

— Он не в немилости и не пропал из вида. Хотя у него есть враги среди членов семьи, он постарается сделать все, что угодно, чтобы сохранить королевство. Какими тебе видятся его шансы?

— Его ведь долгое время не было поблизости?

— Да.

— За это время он мог измениться. Не знаю.

— Я считаю, что он изменился. Я уверен, что он готов попытаться сделать что угодно.

Он снова пристально посмотрел на меня.

— Ты — не Оберон, — произнес, наконец, он.

— Нет.

— Ты тот, кого я вижу перед собой.

— Не больше и не меньше.

— Понятно. Я не думал, что ты знаешь об этом месте.

— Я и не знал ничего о нем до недавнего времени. Впервые меня привел сюда Единорог.

Его глаза расширились:

— Это чрезвычайно интересно. Это должно быть было очень давно…

— Так как насчет моего вопроса?

— Вопроса? Какого вопроса?

— Мои шансы. Как ты думаешь, я смогу отремонтировать Лабиринт?

Он медленно подошел и положил правую ладонь мне на плечо. Посох в другой руке накренился, когда он это сделал, его голубой свет вспыхнул в футе от моего лица, но я не ощутил никакого жара. Он посмотрел мне в глаза.

— Ты изменился, — произнес он через некоторое время.

— Достаточно, чтобы совершить это дело?

Он отвел взгляд.

— Наверное, достаточно, чтобы стоило попытаться, даже если мы обречены на провал.

— Ты поможешь мне?

— Я не знаю, буду ли я в состоянии сделать это. Дело не в моих настроениях и мыслях. Даже сейчас я чувствую, что теряю контроль над событиями. Наверное, потому что волнуюсь. Нам лучше возвратиться.

Я услышал за спиной лязг. Когда я обернулся, то увидел грифона. Он покачивал головой слева направо, а хвостом справа налево и выбрасывал язык. Он принялся огибать нас, остановившись, когда занял позицию между Дворкиным и Лабиринтом. Дворкин пояснил:

— Он знает, он чувствует, когда я начинаю меняться, и не позволит в этот момент мне приблизиться к Лабиринту. Молодец, Винсер! А теперь возвращаемся. Все в порядке. Идем, Корвин.

Мы направились обратно к выходу из пещеры, и Винсер последовал за нами, лязгая цепью на каждом шагу. Я вспомнил:

— Камень Правосудия. Ты говоришь, он необходим для ремонта Лабиринта?

— Да. Его надо будет пронести через весь Лаби-

ринт, вновь чертя первоначальный узор в местах, где он нарушен. Но сделать это может только тот, кто настроен на Камень.

— Я настроен на Камень…

— Как? — остановился Дворкин.

Винсер позади нас издал кудахтающий звук, и мы пошли дальше.

— Я следовал твоим письменным инструкциям и устным Эрика. Я взял камень с собой в центр Лабиринта и спроектировал себя через него.

— Понятно. Как ты получил его?

— У Эрика на смертном одре.

— Он сейчас у тебя?

— Я вынужден был спрятать его на Отражении.

— Его лучше держать поближе к центру событий.

— Это почему же?

— Он имеет тенденцию производить искажающий эффект на Отражениях, если достаточно долго будет среди них.

— Искажение? Что это значит?

— Нельзя сказать заранее. Это целиком зависит от места.

Мы завернули за угол и продолжали идти сквозь мрак.

— Что это означает? — повторил я. — Когда я носил Камень, все вокруг меня начинало замедляться? Фиона предупреждала меня, что это опасно, но не знала, почему.

— Это означает, что ты достиг пределов своего собственного существования, что твоя энергия скоро иссякнет, и что ты умрешь, если быстро чего-нибудь не предпримешь.

— Чего именно?

— Ну, хотя бы не начнешь черпать энергию из самого Лабиринта, первичного Лабиринта внутри Камня.

— А как это делается?

— Ты должен сдаться ему, освободить себя, зачеркнуть свою индивидуальность, стереть границы, отделяющие тебя от всего остального.

— Это, кажется, легче сказать, чем сделать.

— Но это можно сделать, и это единственный способ продлить жизнь.

Я покачал головой. Мы двинулись дальше. Дойдя, наконец, до большой двери. Дворкин погасил посох и прислонил его к стене. Мы вошли, и он запер дверь. Винсер расположился прямо перед ней.

— А теперь ты должен скрыться, — заявил Дворкин.

— Но я должен еще о многом расспросить тебя и хотел бы кое-что рассказать сам.

— Мои мысли становятся бессвязными, и твои слова пропадут впустую. Завтра ночью или послезавтра приходи. А сейчас торопись! Уходи!

— Зачем такая спешка?

— Я могу повредить тебе, когда со мной произойдет перемена. Я сейчас едва сдерживаю себя силой воли. Отправляйся!

— Я не знаю как. Я знаю, как попасть сюда, но…

— В соседней комнате в столе есть всевозможные Карты. Бери свет, уходи куда угодно! Вон отсюда!

Я хотел было возразить, что не боюсь физического насилия, которым он угрожает мне, но черты его лица начали таять, словно расплавленный воск, и он стал казаться намного выше, руки и ноги его начали удлиняться. Схватив факел, я выбежал из комнаты, ощутив неожиданный холодок. Скорее к столу! Я рывком открыл ящик и выхватил несколько лежавших там вразброс Карт. Тут я услышал шаги. Кто-то входил в комнату за мной. Пришелец появился явно оттуда, где я недавно был. Казалось, это ступает не человек. Я не оглянулся. Вместо этого я вытащил Карты и

посмотрел на верхнюю. На ней было изображено незнакомое место, но я немедленно напряг свой мозг и потянулся к ней. Горная скала, за ней что-то неотчетливое, странно полосатое небо, разбросанные звезды. Карта при моем прикосновении попеременно становилась то горячей, то холодной. Казалось, от нее подул сильный ветер, каким-то образом перекраивающий перспективу. Тут справа от меня послышался сильно изменившийся, но еще узнаваемый голос Дворкина:

— Дурак! Ты сам выбрал землю своей гибели!

Огромная когтистая рука — черная, кожаная, искривленная — потянулась через мое плечо, пытаясь выхватить Карту. Но видение уже материализовалось, и я рванулся к нему, отвернув от себя Карту, как только понял, что я совершил свой побег. Затем я остановился и постоял, не двигаясь, чтобы дать своим чувствам приспособиться к новому месту. И уже я знал. Из отголосков легенды, обрывков семейных сплетен и ощущения опасности, охватившего меня, я узнал место, куда прибыл. И с полной уверенностью поднял глаза, чтобы посмотреть на Двор Хаоса…

Мои чувства были напряжены до предела. Скала, на которой я стоял… Если я пытался остановить взгляд на ней, она принимала вид

мостовой в жаркий полдень. Она, казалось, смещалась и колебалась, хотя мое подножье оставалось неподвижным. Она меняла цвета, чередуя весь спектр. Она пульсировала и переливалась, как шкура ягуара. Посмотрев, я увидел такое небо, какого никогда прежде не видывал. Оно было расколото посередине. Половина его была по-ночному черна, и на ней плясали звезды. Когда я говорю «плясали», я не имею в виду мерцали, они скакали, меняли величину, носились, кружились, вспыхивали до яркости сверхновой, а затем меркли до пустоты. Страшновато было созерцать это зрелище, и мое сердце сжалось, я начал испытывать глубокую агорафобию — страх высоты. Спасаясь, я инстинктивно посмотрел в другую сторону. Но состояние мое не улучшилось. Другая половина неба тряслась и напоминала бутылку с разноцветным песком, которую кто-то встряхивал. Поворачивались и извивались пояса оранжевого, желтого, красного, синего, коричневого и пурпурного цветов, появлялись и исчезали клочья зеленого, лилового, серого и мертвенно-белого цветов, заменяя или присоединяясь к другим извивающимся формам. Все мерцало и колебалось, смещая расстояние. И эти манипуляции выводили из строя вестибулярный

аппарат. Разноцветные пояса то казались высоко в небе, то спускались, и было такое ощущение, что разноцветный туман, сжимаясь в щупальца, хочет схватить тебя. Лишь позже я понял, что линия, отделявшая черное от цветного, медленно надвигалась, перемещаясь справа налево. Все выглядело так, словно все небесное пространство вращалось вокруг точки прямо над моей головой. Что же касается источника света более яркой половины, то его просто нельзя было определить. Я посмотрел вниз, на то, что сперва казалось долиной, заполненной бессчетными взрывами цвета. Там тоже все делилось на свет и тень. В тени, внизу, плясали все те же звезды и горели так же, как наверху. Передо мной открывалась бездонная пропасть в буквальном смысле слова. Казалось, что наступил конец света, конец Вселенной, конец всего. Но далеко-далеко от того места, где я стоял, на горе бросалось в глаза сияние очень черного цвета — сама чернота, которую обрамляли и смягчали едва воспринимаемые глазом вспышки света. Я не мог угадать размеров этого пятна, потому что расстояние, глубина и перспектива тут отсутствовали. Что же это было? Единственное здание? Их группа? Город или просто чернеющая пустота? Контуры

черного слоя изменялись. Теперь между ними плыла тонкая и туманная завеса, извивающаяся, словно струи газа, смешанные с нагретым воздухом. Мандала прекратила свое вращение, когда она полностью завершила поворот вокруг оси. Цвета теперь находились сзади, и я их не видел, если не поворачивал голову. А этого делать мне как раз не хотелось. И все-таки было приятно стоять там, глядя на бесформенность, из которой, в конечном счете, появилось все. Это было даже до Лабиринта. Я смутно ощущал, как в самом центре моего сознания любопытство перерастало в удовлетворенность. Я понимал первозданность всего происходящего потому, что уже был здесь раньше, когда-то очень давно. Кажется, меня привели сюда в какой-то давний день либо отец, либо Дворкин, кто именно, вспомнить я не мог. Они держали меня на руках, стоя, может быть, на этом самом месте или где-то рядом, и я смотрел на это же самое небо, смутно боясь чего-то и ничего не понимая. Удовольствие мое было окрашено нервным возбуждением, чувством запретного. Интересно, что именно в этот миг во мне появилась тоска по Камню, который мне пришлось бросить в кучу мусора на Отражении Земля. Я тосковал по волшебству, созданному

вдохновением Дворкина. Видимо, подсознание мое искало защиты или символа сопротивления тому, что встречу я в краю недоброжелательства. Вероятно… Чем больше глядел я в перевернутую пропасть, тем отчетливее понимал, что глаза мои стали привыкать к необычным измерениям, к сдвинутой перспективе, потому что теперь я уже различал вдали двигавшиеся крошечные прозрачные силуэты, словно метеоры летели по газовым прядям. Я ждал, внимательно разглядывая их, стремясь понять сущность предпринимаемых ими действий. Наконец, одна из прядей подплыла совсем близко, и я понял, что происходит. Движение было постоянным. Один из силуэтов стал увеличиваться и мне стало ясно, что он приближается по извивающейся, устремившейся ко мне дороге. Подъезжая ближе, он приобретал материальность, не теряя той призрачности, которая, казалось, была свойственна этому незнакомому миру. Миг спустя я увидел обнаженного всадника на лысом коне, мчавшегося в моем направлении. Оба были мертвенно-бледными. Всадник размахивал белым, как кость, клинком. Его глаза и глаза коня сверкали красным огнем. Я не знал, видел ли он меня, существовали ли мы на одной плоскости реальности, настолько неестествен-

ным было выражение его лица. Я все же вынул из ножен Грейсвандир и сделал шаг назад, когда он приблизился. Его длинные белые волосы покрывали крошечные искры. Когда он посмотрел на меня, я понял, что он скакал именно ко мне. И всем телом почувствовал ледяную тяжесть его взгляда. Я повернулся боком, поднял меч и застыл в оборонительной позиции. Он продолжал скакать, и я сообразил, что и он, и конь его были большими, больше, чем реальные люди и кони. Они приближались. Когда до меня было метров десять, конь встал на дыбы, и всадник остановил его, натянув поводья. Затем они принялись рассматривать меня, вздымаясь и покачиваясь, словно плыли на плоту по волнующемуся морю.

— Твое имя! — потребовал всадник. — Назови мне свое имя, явившийся в место сил!

Голос его был весь на одном диком звуковом уровне, громкий и без модуляций. Он отдавался в ушах грохотом.

Я покачал головой.

— Я называю свое имя, когда хочу, а не когда мне приказывают, — бросил я. — Кто ты?

Он издал три коротких лающих звука, которые я принял за смех.

— Я уволоку тебя в нижние пределы, где ты

будешь вечно выкрикивать свое имя.

Я нацелил Грейсвандир ему в глаза.

— Слова дешевы, — заметил я, — а действия стоят денег.

Тут я испытал ощущение прохлады, словно кто-то играл с моей Картой, думая обо мне. Но это было смутное, слабое ощущение, и я не мог уделить ему внимания, потому что всадник передал какой-то сигнал своему коню, и тот поднялся на дыбы еще выше. Я решил, что расстояние для меча слишком велико. Но в то же время казалось мне, что здесь, где расстояния смещены, это не так и важно. Конь устремился ко мне, покинув тонкую, сквозящую дорогу, по которой скакал. Его неожиданный прыжок унес всадника далеко от меня. Казалось, сейчас они рухнут в бездну. Но этого не случилось. Конь не упал и не исчез, как я надеялся. Он опять возобновил свой бешеный галоп. И хотя скакал он изо всех сил, скорость его была совсем небольшой. Но несмотря на это всадник неуклонно приближался ко мне через бездну. Пока это происходило, я увидел, что там, откуда он появился, маячит еще одна фигура. И путь ее тоже лежит в мою сторону. Делать нечего. Придется стоять насмерть. Драться и надеяться, что я смогу отправить на тот свет этого напада-

ющего прежде, чем на меня наскочит другой. Когда новый всадник приблизился, красные глаза его скользнули по мне и остановились на Грейсвандир. Воины посовещались. А на моем клинке вспыхнул узор, снова оживив его так, что нанесенная на него часть Лабиринта поплыла и заискрилась по всей его длине. Всадник опять посмотрел на меня и глаза наши встретились. Я увидел, что он зло улыбается. И поднял клинок еще выше. Улыбка исчезла.

— Я знаю тебя! — заявил он. — Ты тот, кого зовут Корвин!

Передние копыта коня опустились на карниз, и я рванулся вперед. Всадник взмахнул мечом, принимая защитную стойку и разворачивая коня мне навстречу, но я резко перешел на другую сторону и сделал выпад. Грейсвандир прорубила его бледную шкуру, войдя ниже грудины и выше живота. Я высвободил клинок, и из его раны вместо крови полились сгустки огня. Его рука с мечом обвисла, а конь пронзительно заржал, когда горячий поток попал ему на шею. Я отпрыгнул назад, иначе всадник рухнул бы на меня. Конь снова рванулся ко мне. Обороняясь, я рубанул мечом, отсек ему переднюю ногу, и он тоже начал гореть. Я снова шагнул вперед и в

сторону, когда он повернулся и вторично бросился на меня. В этот момент всадник превратился в столб света. Зверь взревел, развернулся и бросился прочь. Не останавливаясь, он прыгнул с обрыва и исчез в бездне. Всякий раз, когда я буду вспоминать об этом, холодная дрожь будет пробегать по моему сердцу. Тяжело дыша, я отступил спиной к скале. Тоненькая дорога подплыла ближе и остановилась примерно футах в десяти от карниза. У меня снова возникли спазмы в левом боку. Второй всадник быстро приближался. Он не был бледным, как первый. И волосы у него были темными, и лицо нормального цвета. И конь его был нормальным гривастым гнедым. В руках всадник держал взведенный и заряженный арбалет. Я оглянулся. Отступать было некуда. Не было никакой щели, куда бы я мог скрыться. Я вытер ладони о штаны, покрепче сжал Грейсвандир у крестовины и повернулся боком так, чтобы представлять собой по возможности наименьшую мишень. Я поднял меч с рукоятью на уровне головы острием к земле. Это был единственный имевшийся у меня щит. Всадник подъехал и остановился на одном уровне со мной в самом узком месте газовой полосы. Он медленно поднял арбалет, зная, что, если он не свалит меня сразу

же одним выстрелом, то я смогу метнуть свой меч, как копье. Наши глаза встретились. Он был безбородым, стройным, возможно светлоглазым — трудно было сказать, ведь он прищурился, целясь в меня. Он отлично управлял своим конем одним лишь движением ног. Руки его были большими и твердыми. Странное чувство охватило меня, когда я разглядывал его. Мгновение это тянулось бесконечно. Он откинулся в седле и чуть опустил свое оружие, хотя его поза нисколько не потеряла напряженности.

— Ты?! — крикнул он. — Этот меч — Грейсвандир?

— Да.

Он продолжал оценивающе смотреть на меня. Я хотел что-то сказать, но не мог.

— Что тебе здесь нужно? — спросил он.

— Как можно быстрее уйти отсюда.

Раздалось «джиг-жи», и его стрела ударила в скалу далеко впереди и влево от меня.

— Тогда уходи, — посоветовал он. — Это для тебя опасное место.

Он развернул своего коня в направлении, откуда явился. Я опустил Грейсвандир:

— Я тебя не забуду.

— Да, — ответил он, — не забудешь.

Затем он галопом ускакал прочь, и спустя мгновение газ тоже уплыл. Я вложил Грейсвандир в ножны и сделал шаг вперед.

Мир вокруг снова стал вращаться, свет наступал справа от меня, тьма отступала слева. Я огляделся вокруг, ища какой-нибудь способ взобраться на скальный выступ позади меня. Он, казалось, поднимался еще на десять-пятнадцать метров, с его вершины открывался прекрасный обзор, видно было очень далеко. Мой карниз простирался и слева, и справа от меня. Попробовав пойти направо, я увидел, что он быстро сузился, не давая, однако, пригодного для подъема места. Я повернулся и направился налево. Там я наткнулся на еще более неровную площадку в узком месте и за скальным выступом. Посмотрев на вершину, я решил, что подъем возможен, и проверил, нет ли сзади угрозы. Призрачная дорога уплыла еще дальше, никаких новых всадников не было. Я начал карабкаться по скале. Восхождение было несложным, хотя высота оказалась больше, чем представлялась снизу. Вероятно, это был симптом пространственного искажения, влиявший, кажется, и на многое другое, что я увидел в этом месте. Через некоторое время я подтянулся, встал и выпрямился в точке, дававшей лучший обзор. Я

вновь увидел хаотические цвета. Справа от меня их гнала тьма. Земля, над которой они плясали, была усеяна скалами и кратерами. Она казалась необитаемой. Посередине ее с дальнего горизонта до точки в горах где-то справа от меня тянулось что-то чернильное и извилистое, то, что могло быть лишь Черной дорогой.

Еще десять минут восхождения, и я расположился там, откуда мог увидеть ее конечную точку. Она изгибалась через широкий проход в горах и тянулась до самого края бездны. Там ее чернота сливалась с чернотой, заполнявшей пропасть. В темной пропасти на этот раз не было звезд. Со своей высоты я увидел, что дорога продолжалась и дальше, до темной возвышенности, вокруг которой плавали дымчатые полосы. Я лег, прижался к камню, чтобы привлекать как можно меньше внимания. Мало ли невидимых глаз могло быть повернуто в мою сторону. Лежа там, я думал о нашей уязвимости, о незащищенности Амбера от здешних сил. Повреждение Лабиринта давало возможность нашим врагам действовать успешно. И это я помог им своим проклятьем. Теперь я понимаю, что Черная дорога возникла бы и без меня, но тогда я был уверен, что тоже сыграл свою роль. Вина лежала на мне, хотя и

не целиком, но тогда я еще этого не знал. Тут я вспомнил об Эрике — как он лежал, умирая, на Колвире и как сказал, что хоть и ненавидит меня, но свое предсмертное проклятие он прибережет для врагов Амбера. Ирония судьбы. Мои усилия теперь были направлены к тому, чтобы воспользоваться предсмертными пожеланиями своего наименее любимого брата. Его проклятие всегда со мной, словно бы посредник для отмены моего проклятия. Если понимать это не слишком буквально.

Я всматривался в Черную дорогу и был счастлив, что пока еще нет новых всадников, неожиданно возникающих на ней. Если новый отряд налетчиков еще не выступил, Амбер пока что в безопасности. Меня, однако, сразу же обеспокоило множество вещей. Главным образом то, что, если время и в самом деле вело себя в этом месте столь странно, как, возможно, указывало на то происхождение Дары, то почему же не было новой атаки? У них, разумеется, имелось в избытке времени, чтобы оправиться и подготовиться к новому нападению. Видно, по времени Амбера что-то недавно произошло и изменило характер их стратегии. Если это так, то что? Мое оружие? Спасение Бранда или что-то еще? Я гадал

также, насколько далеко выдвинуты аванпосты Бенедикта. Конечно, не так далеко, иначе меня уведомили бы. Бывал ли он когда-нибудь в этом месте? Стоял ли недавно кто-нибудь из наших здесь, где только что стоял я, глядя на Двор Хаоса. Я твердо решил расспросить об этом Бранда и Бенедикта, как только вернусь. Все эти размышления привели меня к новым вопросам — как ведет себя здесь время со мной? Как бы ни вело, решил я, лучше не задерживаться тут долго. Я просмотрел Карты, взятые со стола Дворкина. Все они были интересными, но я не был знаком ни с одной из изображенных на них сцен. Так не пойдет, решил я, достал собственную колоду и отыскал изображение Рэндома. Наверное, он и был тот, кто пытался недавно связаться со мной. Я поднял его Карту и вгляделся в нее. Вскоре она поплыла у меня перед глазами, и я увидел расплывчатый калейдоскоп образов, почувствовал душевное состояние Рэндома, его отношение к этим образам. Движение и меняющиеся перспективы — вот что было перед глазами.

— Рэндом, — произнес я. — Это Корвин.

Я чувствовал его мозг, но ответа не слышал. Тут меня осенило: да он скачет через Отражения. И я сосредоточил внимание на изменениях в их ланд-

шафте. Да, так оно и есть — он не мог ответить мне, не потеряв контроля над Отражениями.

Я закрыл Карту ладонью, прервав контакт. Затем я вытащил Карту Жерара. Спустя несколько мгновений возник контакт. Я встал.

— Корвин, где ты? — спросил он.

— В конце света. Хочу вернуться домой.

— Давай.

Он протянул руку. Я поднял свою, ухватился за нее и шагнул вперед. Мы находились на нижнем этаже дворца Амбера в той гостиной, куда мы все перешли в тот вечер, когда вернулся Бранд. Было раннее утро. В камине горел огонь. Рядом с Жераром никого не было.

— Я пытался дозваться тебя раньше, — заметил он. — Бранд, я думаю, тоже. Но не могу сказать наверняка.

— Сколько я отсутствовал?

— Восемь дней.

— Рад, что я поторопился. Что произошло?

— Ничего особенного. Не знаю, чего хочет Бранд? Он все спрашивал тебя, а я не мог тебя дозваться. Наконец, я дал ему колоду и предложил самому поработать, а вдруг у него получится лучше. Очевидно, и он не смог.

— Меня отвлекали. И была сильная разница

во времени.

Он кивнул:

— Я теперь избегаю его, когда он вне опасности. На него снова напала меланхолия. Он всех сторонится и говорит, что сам может о себе позаботиться. Тут, пожалуй, он прав, и вообще так лучше.

— Где он сейчас?

— Он вернулся в свои покои и был еще там, наверное, с час назад — предавался мрачным раздумьям.

— Он вообще выходил оттуда?

— Было несколько коротких прогулок. Но последние пару дней он сидел у себя.

— Полагаю, что тогда мне лучше повидаться с ним. Что-нибудь слышно о Рэндоме?

— Да, — кивнул он. — Несколько дней назад возвратился Бенедикт и сказал, что они нашли много нитей, ведущих к сыну Рэндома. Несколько из них они исследовали. Следы ведут довольно далеко, и Бенедикт подумал, что ему лучше не удаляться слишком надолго от Амбера при нынешнем положении, так что он предоставил Рэндому возможность продолжать поиск самостоятельно. Он вернулся, приобретя по пути искусственную руку. Мастерски сделана. С ней он

стал прежним Бенедиктом.

— В самом деле? — ухмыльнулся я. — Это кажется странно знакомым.

Он улыбнулся и кивнул:

— Он рассказал мне, что ты принес ее ему из Тир-на Ног-та. Фактически он хочет как можно скорее поговорить с тобой о ней.

— Да уж, не сомневаюсь. Где он сейчас?

— На одном из аванпостов, установленных вдоль Черной дороги. Тебе придется добираться до него через Карту.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил я. — А что слышно о Джулиане и Фионе?

Он покачал головой.

— Ладно, — буркнул я и повернулся к двери. — Полагаю, я сперва повидаю Бранда.

— Мне любопытно узнать, что именно ему надо.

— Хорошо, Жерар, — кивнул я, вышел из зала и направился к лестнице.

Я постучал в дверь Бранда.

— Заходи, Корвин, — откликнулся он.

Я зашел, решив не спрашивать его, как он узнал, что это я. Комната его была самым мрачным местом во дворце. Горели свечи, несмотря на то, что на дворе был день и четыре окна смотрели

на белый свет. Впрочем в трех из них были закрыты ставни, четвертое было лишь приоткрыто. Бранд стоял у него, глядя на море. Он был одет в черный бархат с серебряной цепью на шее. Пояс его был тоже серебряным. Изящная цепь, работа древнего мастера. Он был все еще бледен, борода его была аккуратно подстрижена. Выглядел он хорошо, намного лучше, чем когда я видел его в последний раз.

— Ты выглядишь лучше, — произнес я. — Как ты себя чувствуешь?

Он повернулся и оглядел меня прищуренными, ничего не выражающими глазами.

— Где тебя черти носили? — резко бросил он.

— Везде. Зачем ты хотел меня видеть?

— Я спрашиваю тебя, где ты был.

— Я тебя слышу, — спокойно ответил я и снова открыл дверь. — Мне не нравится твой тон. Я сейчас выйду и снова войду. Попробуй изменить его. Начнем разговор сначала.

Он вздохнул:

— Подожди и извини. Почему это вы все такие чувствительные? Не знаю, право… Ладно. Может, и впрямь будет лучше, если я начну сначала.

Он сунул кинжал в ножны и уселся в тяжелое черное кресло из дерева и кожи, расположенное

в другом конце комнаты.

— Я волнуюсь из-за вещей, которые мы обсудили. И из-за кое-чего еще, что тебе неизвестно. Я подождал столько времени, сколько было достаточно для того, чтобы ты закончил дело в Тир-на Ног-та и вернулся. Затем я спросил о тебе, и мне сказали, что ты еще не возвращался. Я подождал еще. Я испытывал нетерпение, потом озабоченность, что ты попал в засаду наших врагов. Когда я позже снова спросил, то узнал, что ты вернулся, поговорил с женой Рэндома. Понимаю, что это, видимо, был крайне важный разговор. Затем, выспавшись, ты снова куда-то отбыл. Я был раздражен тем, что ты не счел нужным держать меня в курсе событий, но решил подождать еще немного. Наконец, я попросил Жерара связаться с тобой через карту. Когда он не сумел этого сделать, я стал волноваться, не случилось ли чего, и попробовал связаться сам. Временами казалось, что я вот-вот соединюсь с тобой. Но пробиться мне так и не удалось. Я опасался за тебя, а теперь вижу, что мне незачем было бояться. Поэтому я и был резок.

— Понимаю, — промолвил я и уселся справа от него. — На самом деле, время для меня текло быстрее, чем для вас, так что, с моей точки зре-

ния, я вышел только на минутку. Ты, вероятно, больше оправился от своей раны, чем я от своей.

Он слабо улыбнулся и кивнул:

— Это хоть какая-то компенсация за мои мучения.

— У меня самого тоже были неприятности, — откликнулся я, — поэтому не причиняй мне новых. Ты желал для чего-то меня видеть. Так выкладывай!

— Тебя что-то беспокоит, — заметил он. — Наверное, нам следует сперва обсудить это.

— Ладно, — согласился я. — Давай.

Я повернулся и посмотрел на картину на стене рядом с дверью. Это было довольно мрачное изображение, написанное маслом. Колодец в Мирате, и два человека около него ведут беседу.

— У тебя характерный стиль, — заметил я.

— Во всем.

— Ты украл у меня следующую фразу, — добавил я и достал Карту Мартина, передав ему.

Когда он изучал ее, лицо его ничего не выражало. Он кинул на меня искоса короткий взгляд, а затем кивнул.

— Не могу отрицать, моя рука.

— Твоя рука нанесла не только рисунок на Карте, не так ли?

— Где ты нашел ее? — спросил он.

— Прямо там, где ты ее оставил, в сердце всего, в настоящем Амбере.

— Так… произнес он.

Бранд поднялся с кресла и возвратился к окну, держа Карту так, чтобы изучить ее при лучшем освещении.

— Так, повторил он, — значит, ты знаешь больше, чем я предполагал. Как ты узнал о первозданном Лабиринте?

Я покачал головой:

— Вначале должен быть ответ на мой вопрос. Ты ударил ножом Мартина?

Он снова повернулся ко мне, внимательно поглядел, затем резко кивнул. Глаза его настороженно следили за выражением моего лица.

— Почему? — спросил я.

— Кто-то же должен был, — объяснил он, — открыть путь нужным нам силам. Мы тянули жребий.

— И ты выиграл?

— Выиграл, проиграл… — Он пожал плечами. — Какое это теперь имеет значение? Все вышло не так, как мы намечали. Я теперь иной человек, чем тогда.

— Ты убил его?

— Что?

— Мартина, сына Рэндома. Он умер, когда ты ударил его ножом?

Он вскинул руки ладонями вверх:

— Не знаю. Если он и жив, то это не моя заслуга. Я пытался убить его. Больше ничего тебе рассказывать не буду. Ты нашел виноватого. Что теперь ты собираешься предпринять?

Я покачал головой:

— Я? Пока ничего. Парень может быть еще жив.

— Тогда давай перейдем к делам более важным. Давно ли ты знаешь о существовании истинного Лабиринта?

— Знаю достаточно давно. И о его происхождении, о его функциях, и о воздействии на него королевской крови Амбера. Достаточно давно. Но никак не мог взять в толк, кому выгодно портить ткань существования. Так что я и не предпринимал ничего долгое время, а точнее, пока не поговорил с тобой, мне даже в голову не приходило, что Черная дорога может быть связана с такой глупостью. Когда я отправился проверить Лабиринт, то нашел карту Мартина и все остальное.

— Я не знал, что ты был знаком с Мартином…

— Я его и в глаза не видел.

— Тогда как же ты узнал, что на карте изображен он?

— Я был там не один.

— Кто же с тобой был?

Я улыбнулся:

— Нет, Бранд, теперь твоя очередь отвечать. Когда мы с тобой в последний раз беседовали, ты рассказал мне, что враги Амбера спешили сюда от самого Двора Хаоса, что они получили доступ в королевство и дорогу им открыли ты, Фиона и Блейз, когда вы были еще единодушны. И все же Бенедикт следил за Черной дорогой, а я только что видел Двор Хаоса. Там нет никакого нового накопления сил, никакого движения к нам по Черной дороге. Я знаю, что время в том месте течет иначе. Так что для подготовки нового нападения у них его было более чем достаточно. Я хочу знать, что их сдерживает. Почему они не двигаются? Чего они ждут, Бранд?

— Все вы думаете, что я знаю больше, чем я знаю на самом деле.

— Я не думаю. Но ты ведь местный эксперт по этому вопросу. Ты имел с ними дело. Эта Карта — доказательство того, что ты многого недоговаривал. Не выкручивайся, говори прямо. Что у Двора на уме?

— У Двора… — произнес он. — Ты слишком много знаешь. Эрик был дурак, что не убил тебя. Он ведь догадывался, что ты слишком много знаешь.

— Эрик был дурак, — признал я. — Но ты — нет. А теперь говори!

— Да нет, я тоже дурак, — возразил он, — и притом сентиментальный дурак. Ты помнишь день последнего спора здесь, в Амбере?

— Немного.

— Я сидел на краю постели. Ты стоял у моего письменного стола. Когда ты повернулся и направился к двери, я решил убить тебя. Я сунул руку под кровать, где хранил взведенный арбалет, и готов был поднять его, но нечто остановило меня.

Он помолчал.

— И что же это было за нечто? — поинтересовался я.

— Посмотри там, у двери.

Я взглянул и не увидел ничего особенного. Я уже было покачал головой, и тут он добавил:

— На полу.

Тогда я понял, что это было: красно-коричнево-оливково-зеленый с маленьким геометрическим рисунком коврик.

Он кивнул:

— Ты стоял на моем любимом коврике. Я не захотел пачкать его кровью. После мой гнев прошел. Так что я тоже жертва эмоций и обстоятельств.

— Замечательная история… — начал было я.

— Но теперь ты хочешь, чтобы я перестал вилять. Я, однако, не вилял. Я попытаюсь тебе доказать это. Все мы живы благодаря терпимости друг друга, а иногда счастливому случаю. Я предлагаю забыть на время об этой терпимости и застраховаться от случайностей в особо важных делах. Но сперва отвечу на твой вопрос, хотя мне это сделать непросто, потому что я не знаю, что удерживает Двор от решительных действий. Догадываюсь, но наверняка — не знаю. Блейз, видимо, собрал весьма крупные силы для атаки на Амбер. Они будут совершенно иного масштаба, чем те, с которыми в союзе с ним выступил ты. Он считает, что вы будете действовать, как и в прошлый раз, а у него тактика поменялась. Наверняка боевым действиям будет предшествовать попытка убить Бенедикта и тебя самого. Однако все это только маневр. Я думаю, что Фиона связана с Двором Хаоса. Может быть, она и сейчас там находится. Фиона готовит Двор к настоящей атаке, которой можно ожидать после

отвлекающего удара Блейза. Следовательно…

— Ты так говоришь, как будто это уже разработанный план, — перебил я. — Но ведь это не более, чем догадки, мы даже не знаем наверняка, жив ли еще Блейз.

— Блейз жив, — заверил он меня. — Я сумел убедиться в этом, проверив его Карту, и больше того — я познакомился с тем, чем он занимается, прежде чем он почувствовал мое присутствие и заблокировал меня. Он очень чувствителен к контакту. Я нашел его в поле с войсками, которые он намерен использовать против Амбера.

— А Фиона?

— Нет, — бросил он. — Я не экспериментировал с ее Картой и тебе тоже не советую. Фиона крайне опасна, и я не хотел бы попадать под ее влияние. Я оцениваю ее деятельность методом дедукции. Ее работу не подглядишь. Однако уверен, что она не бездействует.

— Понятно, — сказал я.

— У меня есть план.

— Выкладывай.

— Способ, которым вы вызволили меня из заключения, был очень впечатляющим. Тот же принцип можно применить вновь для иной цели, такая сила довольно легко прорвется через

защиту даже такой личности, как Фиона, если направить усилия надлежащим образом.

— То есть, попросту говоря, если направлять их будешь ты?

— Конечно. Я предлагаю собрать семью и пробиться к Блейзу и Фионе, где бы они ни были. Мы удержим их в пространстве всего минуту. Но за это время я успею нанести им молниеносный удар.

— Как Мартину?

— Я думаю, лучше. Мартин в последний момент успел вырваться. На сей раз этого, если вы все будете помогать, случиться не должно. Даже трех-четырех человек будет достаточно.

— Ты действительно думаешь, что сможешь так легко провернуть это дело?

— Я знаю, что нам стоит попытаться. Время истекает. Ты будешь одним из казненных, когда они захватят Амбер. Так же, как и я. Что ты на это скажешь?

— Если я буду уверен, что это необходимо, тогда у меня не будет иного выбора, придется пойти на это.

— Поверь мне, это необходимо. Следующее, что мне понадобится, это Камень Правосудия.

— Для чего?

— Если Фиона и вправду при Дворе Хаоса, одной Карты вероятно, будет недостаточно, чтобы добраться до нее и удержать даже нашими общими силами. В этом случае мне потребуется Камень для фокусирования нашей энергии.

— Это, я полагаю, можно будет организовать.

— Тогда чем раньше мы этим займемся, тем лучше. Не можешь ли ты все устроить к сегодняшнему вечеру? Я достаточно оправился, чтобы справиться со своей частью операции.

— Нет, черт возьми! — воскликнул я, вставая.

— Что ты имеешь в виду?

Он с силой стиснул подлокотники кресла. Затем произнес, сжав зубы:

— Почему нет?

— Я сказал, что пойду на это, если буду уверен в необходимости крайних мер. Ты признаешь, что многое из сказанного тобою — предположения. А предположения — не факты. Они не убеждают. Мне надо убедиться.

— Даже и не говори о том, что надо убедиться. Можешь ли ты позволить себе идти на риск? Следующее нападение будет намного сильнее, чем последнее, Корвин. Они знают о твоем новом оружии. Они обязательно учтут это в своем новом плане.

— Даже если бы я согласился с тобой, Бранд, я уверен, что не смогу уговорить других действовать подобными методами. Убедить их невозможно.

— Убедить их? Да просто вели им! Ты их всех держишь за глотку, Корвин! Ты сейчас наверху. Ты ведь хочешь там остаться, не так ли?

Я улыбнулся и двинулся к двери:

— Я тоже люблю действовать своими методами, — заметил я. — Твое предложение я буду держать в запасе.

— Твои методы приведут тебя к смерти раньше, чем ты думаешь.

— Я снова стою на твоем любимом коврике, — улыбнулся я.

Бранд рассмеялся:

— Отлично! Я и не угрожаю тебе. Ты знаешь, что я хотел сказать. Теперь ты в ответе за весь Амбер. Ты должен сделать правильный ход.

— А ты знаешь, что хотел сказать я. Я не собираюсь убивать еще двоих из нас из-за твоих подозрений. Мне понадобится большее, чем это.

— Когда ты это получишь, может оказаться слишком поздно.

Я пожал плечами:

— Увидим.

Я подошел к двери.

— Что ты собираешься сейчас делать?

Я покачал головой:

— Я не говорю каждому все, что знаю, Бранд. Это — своего рода страховка.

— Я могу это оценить. Хотелось бы верить, что ты знаешь достаточно много.

— Или скорее боишься, что я знаю слишком много, — ответил я.

На миг он задумался, затем улыбнулся.

— Я тебя не боюсь, брат, — промолвил он.

— Хорошо, когда нечего опасаться, — заметил я и открыл дверь.

— Погоди! — окликнул Бранд.

— Да?

— Ты забыл сказать мне, кто был с тобой, когда ты обнаружил карту Мартина на том месте, где я ее оставил.

— Рэндом! Кто же еще!

— О! Он знает подробности?

— Если ты спрашиваешь, знает ли он, что ты пытался убить его сына, я отвечу — нет, пока не знает.

— Понимаю. А новая рука Бенедикта? Я так понял, что ты каким-то образом добыл ее ему в Тир-на Ног-та. Ты не рассказал бы мне об этом

подробнее.

— Не сейчас, — буркнул я. — Давай сбережем что-нибудь для нашей будущей встречи. Ее ждать не так уж и долго.

Я вышел и затворил дверь за собой, предварительно с уважением посмотрев на коврик.

Я заказал на кухне обильный обед, вмиг уничтожил его, а затем отправился на конюшню, нашел красавца гнедого, который когда-то принадлежал Эрику. Несмотря на это, я очень скоро подружился с ним. Через несколько минут мы двигались по тропе вниз с Колвира, к лагерю моих войск с Отражения. Я ехал, переваривая пищу, и пытался сопоставить события с информацией последних нескольких часов. Если Амбер и впрямь возник как результат мятежа Дворкина при Дворе Хаоса, то из этого следовало, что мы все в родстве с теми силами, что теперь угрожали нам. Конечно, было трудно решить, насколько можно было теперь доверять тому, что сказал Дворкин. И все же Черная дорога вела ко Двору Хаоса и была создана Брандом после того, как он узнал от Дворкина о тайной линии связи между королевствами. К счастью не все, что рассказывает Дворкин, имеет практическое значение. Не все в его рассказах правдоподобно. В частности

у меня вызывают сомнения его утверждения о нашем происхождении от Единорога.

— Корвин!

Я натянул поводья и открыл себя для приема. Перед моим мысленным взором появился образ Ганелона.

— Я здесь, — отозвался я. — Где ты достал набор Карт и как научился пользоваться ими?

— Я взял недавно колоду из ящика в библиотеке. Я подумал, что это неплохая мысль — иметь возможность срочной связи с тобой. Что же до того, как ими пользоваться, то я просто делаю то, что, кажется, делал ты и другие — изучаю Карту, думаю о ней, сосредоточиваюсь на вступлении в контакт с тем, о ком думаю.

— Мне следовало бы давно дать тебе колоду. С моей стороны это был недосмотр, и я рад, что ты додумался сделать это сам. Ты сейчас просто пробуешь их или что-то произошло?

— Кое-что… Где ты?

— Случайно вышло так, что я как раз спускаюсь, чтобы увидеться с тобой?

— У тебя все в порядке?

— Да.

— Прекрасно! Тогда приезжай. Можно было бы попробовать провести тебя через эту штуку,

как это делаете вы. Но я предпочел бы обойтись без этого. Дело не такое уж срочное. До скорой встречи!

— До встречи.

Он прервал контакт, и я, тряхнув поводьями, продолжил спуск. Какое-то мгновение я был раздражен тем, что он не попросил колоду у меня. Затем вспомнил, что по времени Амбера меня не было больше недели. Вероятно, Ганелон встревожился. А так как он не доверял абсолютно никому — и, думаю, вполне справедливо — то ему пришлось взяться за Карты. Спустился я очень быстро. Конь, которого, кстати, звали Барабан, казалось, был счастлив скакать, куда прикажут, сбиваясь при этом с курса, как только предоставлялась возможность. Я дал ему волю, чтобы слегка утомить его, и мы, сделав порядочный круг, вскоре все-таки подъехали к лагерю. Барабан был неплох, но я подумал о том, что все-таки скучаю по своей Звезде. Когда я въехал в лагерь, воины меня приветствовали, а потом, оставив все свои дела, молча смотрели мне вслед. Видно, здесь ждали меня и думали, что я приехал, чтобы отдать боевой приказ, который изменит их теперешнюю жизнь. Я еще не успел спешиться, как из шатра вышел Ганелон.

— Быстро, — заметил он.

Когда я спрыгнул с коня, он сжал мне руку.

— Хороший конь.

— Неплохой, — согласился я.

И передал поводья его ординарцу.

— Какие у тебя новости?

— Ну, — начал он. — Я разговаривал с Бенедиктом.

— Что-то зашевелилось на Черной дороге?

— Нет, ничего особенного. Он приехал повидать меня после того, как вернулся от тех своих друзей — Текисов, и сказать, что с Рэндомом все в порядке, что он следует за ниточкой, ведущей к местонахождению Мартина. После этого мы заговорили о других вещах и, наконец, он попросил меня рассказать ему все, что я знаю о Даре. Рэндом рассказал ему, как она прошла Лабиринт, и он решил, что слишком много людей, исключая его самого, знают о ее существовании.

— Так что же ты ему рассказал?

— Все.

— Включая догадки и предположения после Тир-на Ног-та?

— Именно так.

— Понятно. И как он это воспринял?

— Он, кажется, был взволнован. Но мне пока-

залось, что это его и обрадовало. Пойди поговори с ним сам.

Я кивнул, он повернулся к шатру Бенедикта, откинул полог и в тот же момент посторонился. Я вошел. Бенедикт сидел на низком табурете рядом с походным сундучком, на котором была расстелена карта. Он прослеживал что-то по ней длинным металлическим пальцем сверкающей кисти, присоединенной к смертоносной, обвитой серебряной проволокой механической руке, принесенной мною из города на небе. Все устройство было теперь присоединено к обрубку его правой руки чуть пониже отрезанного рукава его коричневой рубашки. Это заставило меня на миг остановиться и вздрогнуть, уж очень он походил теперь на призрака, с которым я сражался. Взгляд его встретился с моим, и он приветственно поднял руку и улыбнулся самой широкой улыбкой, которую я когда-либо видел на его лице.

— Корвин! — воскликнул он. Затем приподнялся и протянул мне руку.

Мне пришлось заставить себя пожать чуть не убившее меня устройство. Но Бенедикт выглядел куда более расположенным ко мне, чем в прошлые времена. Я пожал его новую руку, которая была само совершенство, и постарался не обра-

щать внимания на ее холодность и угловатость. Я был изумлен, насколько хорошо научился он владеть ею за такой короткий срок.

— Ты уж прости меня, ради бога, — произнес он. — Я был не прав насчет тебя и очень сожалею.

— Да ладно, — отмахнулся я. — Я понимаю.

Он еще раз сжал мою руку и я почувствовал, что отношения между нами наладились, хотя хватка этих точных механических пальцев показалась мне жутковатой. Ганелон рассмеялся и принес еще один табурет, который он поставил по другую сторону сундучка. Мое раздражение тем, что он распространялся, неважно, при каких обстоятельствах, на тему, о которой я не хотел упоминать, исчезло, когда я увидел результаты. Я не мог припомнить, чтобы видел Бенедикта в лучшем расположении духа. Ганелон же был явно доволен тем, что помог покончить с нашими разногласиями. Я улыбнулся про себя и сел. Отстегнул пояс с мечом и повесил Грейсвандир на шест шатра. Ганелон принес три стакана и бутылку вина. Поставил перед нами стаканы и, налив в них вино, он сказал:

— За возвращение и за гостеприимство той ночи, в Авалоне, в вашем шатре.

Бенедикт взял свой стакан:

— В этом шатре тебе было хорошо, — заявил он. — Не так ли, мой Корвин?

Я кивнул и поднял свой стакан.

— За этот шатер. Да будет он всегда гостеприимным!

— Впервые за долгое время у меня была возможность поговорить с Рэндомом. Он сильно изменился.

— Да, — согласился я.

— Я теперь склонен больше доверять ему, чем в минувшие дни. У нас было время поговорить после того, как мы уехали от Текисов.

— И куда вы направились?

— Намеки, сделанные Мартином хозяину дома, указывали, что он уехал в место, которое я знал — в город Хират. Мы поехали туда и выяснили, что не ошиблись. Он проезжал этой дорогой.

— Я не знаком с Хиратом.

— Это местечко из глинобитного кирпича и камня, коммерческий центр на перекрестке нескольких дорог. Там Рэндом узнал новости, которые повели его на восток и, вероятно, в глубь Отражений. Мы расстались в Хирате, потому что я не хотел надолго отлучаться из Амбера. Мне также не терпелось заняться одним личным

делом. Он рассказывал мне, как увидел Дару, проходившую через Лабиринт в день битвы.

— Это верно, — подтвердил я. — Она прошла его. Я тоже был там.

Он кивнул.

— Как я сказал, Рэндом произвел на меня хорошее впечатление. Я склонен был поверить, что он говорил правду. А если это так, то тогда возможно, что и ты тоже говорил правду. Допустив это, я обратился к Ганелону — это было несколько дней назад — и добился, чтобы он рассказал мне все, что он знал о Даре.

Я взглянул на Ганелона, и тот чуть склонил голову.

— Так, значит, ты теперь веришь, что открыл новую родственницу, — заметил я. — Разумеется, лживую и, вполне возможно, враждебно настроенную, но тем не менее родственницу. Каков же твой следующий шаг?

Он пригубил вино:

— Я хотел бы верить в это родство. Мне приятно думать об этом. Я собираюсь либо установить его, либо опровергнуть. Если окажется, что мы и в самом деле родня, мне необходимо понять мотивы, стоящие за ее действиями. Я хочу знать, почему она никогда не напоминала мне о своем

существовании.

Он поставил стакан, поднял свою новую руку и размял пальцы.

— Поэтому сначала расскажи мне, — продолжал он, — что ты испытал в Тир-на Ног-та. Что ты узнал обо мне и о Даре. Мне так же крайне любопытно все, что касается этой руки, которая ведет себя так, словно была создана для меня. Я никогда не слышал, чтоб кто-то привозил с неба что-то реальное.

Он сжал кулак, разжал его, повращал запястьем, вытянул руку, поднял ее и плавно опустил на колено.

— Рэндом продемонстрировал очень эффектный образчик хирургии. Тебе не кажется?

— Кажется, — согласился я.

— Так ты расскажешь мне эту историю?

Я кивнул и отхлебнул вина.

— Произошло это во дворце на небе, — начал я. — Место было заполнено чернильными, сменяющимися тенями. Я почувствовал, что должен посетить тронный зал. А потом так и сделал. Когда тени раздвинулись, я увидел тебя, стоявшего справа от трона, с этой рукой. Когда стало еще яснее, я увидел сидящую на троне Дару. Я подошел и коснулся ее Грейсвандир. И она увидела меня.

Она сказала, что я умер несколько веков назад и предложила возвратиться в могилу. Тогда я потребовал у нее родословную. Она заявила, что происходит от тебя и адской девы Линтры.

Бенедикт глубоко вздохнул, но промолчал. Я продолжал:

— Она сказала, что время текло с иной скоростью там, где она родилась. Поэтому в том месте минуло уже несколько поколений. Она была в первом из них — в первом человеческом колене. Затем она снова предложила мне убираться. Ты же в это время рассматривал Грейсвандир. Затем ты нанес удар, чтобы избавить ее от опасности, и мы столкнулись в смертельной схватке. Мой меч мог добраться до тебя, а твоя рука — до меня. Вот и все. В остальном же это было столкновение призраков. Когда начало всходить солнце, и город стал таять, ты вцепился в меня этой рукой. Я ударил по ней, отсек и скрылся с ней. Вернее, она со мной — потому что она как вцепилась в мое плечо, да так и не разжалась.

— Любопытно, — произнес Бенедикт. — Я знал, что в этом месте живут ложные пророчества, верней, старые страхи и скрытые желания того, кто попал туда, а не реальный мир. Впрочем, по-моему, там открывается человеку истина, но

ее не всегда просто отделить от вымысла. А что ты думаешь о том, что увидел там?

— Бенедикт, — сказал я. — Я верю в историю происхождения Дары. Ты никогда ее не видел, но я-то хорошо ее знал. Она, хоть и отдаленно, но похожа на тебя. А в остальном все, как ты говоришь. Кто может с уверенностью сказать, где истина, а где ложь.

Он кивнул, и я догадался, что его мучают сомнения, но ему не хотелось признаваться в них. Он понимал, что значит признать это родство. Если он в будущем предъявит свои претензии на трон и преуспеет в борьбе за власть, то возможно, что в один прекрасный день он будет вынужден уступить корону своей единственной дочери.

— И что ты собираешься делать? — спросил я его.

— Делать? — переспросил он. — А что теперь делает Рэндом в отношении Мартина? Я буду искать ее, найду, услышу эту историю из ее собственных уст, а потом решу сам, что делать дальше. С этим, однако, придется обождать, пока не будет разрешена проблема Черной дороги. Это — еще одно дело, которое я желаю с тобой обсудить.

— Да?

— Если время в твердыне Хаоса движется

несколько иначе, то у них его было больше, чем нужно, для организации новой атаки. Я не хочу ожидать столкновений и встречаться с ними в ничего не решающих схватках. Я намерен проследовать по Черной дороге до ее источника и атаковать их на их же родной земле. Я хотел бы сделать это с твоего согласия.

— Бенедикт, ты когда-нибудь видел Двор Хаоса? — спросил я вместо ответа.

Он поднял голову и уставился на белую стену шатра.

— Много веков назад, когда я был молод, я забрался по Отражениям в такую даль, до которой был способен добраться, можно сказать, до конца всего. Там, под разделенным небом, я смотрел в ужасную бездну. Я не знаю, там ли находится это место, тянется ли столь далеко Черная дорога, но я готов снова проделать этот путь, если так надо.

— Так надо, — заверил я его.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Я только что вернулся из этой страны. Темная цитадель царит в ней. Дорога действительно идет туда.

— Насколько труден был путь?

— Вот, — я вынул Карту и передал ему. — Она принадлежала Дворкину. Я нашел ее среди его

вещей и испробовал ее. Она перенесла меня туда. Время начало ускоряться сразу же, как я туда попал. На меня напал всадник на дрейфующей дороге. Она не обозначена на Карте. Контакт через Карту там труден, наверное, из-за разницы во времени. Меня привел обратно Жерар.

Он изучил Карту:

— Это, кажется, то самое место, которое я однажды видел. Что ж, тыл мы себе обеспечим. Один из нас достигнет этого места. И, завязав контакт через Карту, мы переправим войска напрямую. Однажды мы уже сделали так. Помнишь, как перетянули армию с Колвира на Гарнат.

Я кивнул:

— Поэтому я тебе и показал Карту. Ты должен решать, как мы поступим. Правда, есть еще и другой способ, требующий меньшего риска, чем бросать наши силы в неизвестность. Я хочу, чтобы ты чуть подождал с действиями. Я попробую в ближайшее время исследовать этот другой способ.

— Мне в любом случае придется подождать, чтобы добыть разведданные об этом месте. Мы ведь даже не знаем, будет ли там действовать твое автоматическое оружие, не так ли?

— Да, у меня его не было, чтобы испытать.

Он поджал губы:

— Тебе действительно следовало бы взять его и испытать там.

— Обстоятельства этого не позволили.

— Обстоятельства?

— В другой раз я тебе расскажу подробно. Сейчас это не имеет значения. Ты говорил о путешествии по Черной дороге до ее источника…

— Да?

— Это не истинное ее начало. Настоящее ее начало находится в настоящем Амбере, в дефекте на первозданном Лабиринте.

— Да, я это понимаю. И Рэндом, и Ганелон описали мне ваше путешествие к месту настоящего Лабиринта. Знаю я и о повреждении, которое вы там увидели. Я начинаю понимать некоторые события и связывать их.

— Ты помнишь, как я бежал из Авалона, а ты за мной гнался?

В ответ он виновато улыбнулся.

— Там было место, где мы пересекли Черную дорогу, — напомнил я. — Ты помнишь это?

Он сузил глаза:

— Да, ты проторил тропу через нее. Там, где ты прошел, мир стал нормальным. Я не забыл.

— Это было воздействие на нее Лабиринта, —

сообщил я, — которое, как я считаю, можно будет применить в намного большем масштабе.

— Насколько большем?

— Чтобы стереть ее начисто.

Он откинулся назад и внимательно посмотрел на меня:

— Тогда почему же ты этим не займешься?

— Я должен кое-что предпринять перед этой работой.

— И сколько тебе потребуется времени?

— Не слишком много. Возможно, несколько дней. Нет, пожалуй пару недель.

— Почему ты не сказал обо всем этом раньше?

— Я только недавно догадался, как подступиться к этому делу.

— И как же ты к нему подступишься?

— В основном это сводится к ремонту Лабиринта.

— Ладно. Положим, ты преуспел. Враг-то все равно будет там, — он махнул в сторону Гарната и Черной дороги. — Один раз ведь кто-то дал им проход.

— Враг всегда был там, — отрезал я. — И это уже будет наша задача — присмотреть за тем, чтобы ему снова не дали прохода, разделавшись с теми, кто обеспечил его.

— В этом я с тобой заодно, — согласился он. — Но я имел в виду не только это. Мы должны преподать врагам урок, Корвин. Я хочу их заставить уважать Амбер. Так уважать, что даже если им снова откроют путь, они побоятся им воспользоваться. Вот что я имел в виду. Это необходимо.

— Ты не знаешь, что это такое — вести бой в том месте, Бенедикт. Рассказать это невозможно.

Он улыбнулся и встал:

— Тогда я полагаю, мне лучше отправиться и посмотреть все самому. Я на время оставлю эту Карту себе, если ты не возражаешь.

— Изволь.

— Хорошо. Тогда ты займись своим делом, то есть Лабиринтом, Корвин, а я займусь своим. Мне тоже понадобится для него немного времени. Пойду отдам приказы командирам на время моего отсутствия. Давай договоримся не начинать ничего решающего, не связавшись друг с другом.

— Согласен.

Мы прикончили вино, и я сказал:

— Я сам очень скоро тронусь в путь, поэтому — удачи тебе!

— И тебе тоже, — он снова улыбнулся и заметил — Обстановка меняется к лучшему.

— Приведи коня Бенедикта, — приказал Гане-

лон стоящему под ближайшим деревом ординарцу, как только мы вышли из шатра.

Повернувшись, он подал руку Бенедикту, сказав:

— Я тоже хочу пожелать вам удачи.

Бенедикт кивнул и пожал ему руку.

— Спасибо тебе, Ганелон, за многое, — Бенедикт вынул свои Карты. — Я могу ввести Жерара в курс дела, прежде чем прибудет мой конь.

Он перетасовал Карты, вытащил одну из них и изучил ее.

— Как ты приступишь к ремонту Лабиринта? — поинтересовался Ганелон.

— Я должен снова получить Камень Правосудия. С ним я попытаюсь начертить поврежденный участок.

— Это опасно?

— Да.

— А где Камень?

— Там, на Отражении Земля, где я его оставил.

— Зачем же ты его бросил?

— Я опасался, что он убьет меня.

Черты его лица исказила гримаса:

— Не нравится мне, как это звучит, Корвин. Должен быть другой способ.

— Если бы я знал лучший способ, я бы им вос-

пользовался.

— А что, если ты просто последуешь плану Бенедикта и возьмешь с собой всех? Ты сам сказал, что он может поднять на Отражениях бесчисленные легионы. Ты также утверждал, что он самый лучший воин из всех вас.

— И все же повреждение Лабиринта останется. А пока будет так, нельзя сказать, что в нашем доме порядок. Враг не так страшен, как наша собственная внутренняя слабость. Если это не исправить, мы потерпим поражение, даже если никакой иноземный завоеватель и не расположится в наших стенах.

Ганелон отвернулся:

— Я не могу с тобой спорить. Ты знаешь свое королевство.

Он сдался.

— Но я все же чувствую, что ты, может быть, совершаешь тяжелую ошибку, рискуя собой там, где нет необходимости. Рискуешь, когда ты очень нужен.

Я рассмеялся, потому что это были слова Виалы, и я не захотел согласиться с ними, когда она их произнесла.

— Это мой долг, — твердо произнес я.

Ганелон не ответил.

Бенедикт в дюжине шагов от меня связался с Жераром, что-то сказал ему, а затем замолк и слушал его. Мы стояли, ожидая, когда он закончит разговор, и мы сможем проводить его.

— Да, он сейчас здесь, — услышал я. — Нет, я в этом очень сомневаюсь, но…

Бенедикт несколько раз взглянул на меня и покачал головой:

— Нет, я этого не думаю, — затем добавил — Ладно, проходи.

Он протянул свою новую руку, и тотчас появился схватившийся за нее Жерар. Он повернул голову, увидел меня и немедля шагнул ко мне. Жерар впился в мое лицо взглядом, явно пытаясь найти ответ на какой-то мучивший его вопрос.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Бранда, — ответил он, — больше нет в покоях. Он оставил после себя только много крови. Комната его достаточно пострадала. Ясно, что там произошла схватка.

Я взглянул на свою одежду.

— Ты ищешь пятна крови? Как видишь, на мне одето тоже, что и раньше. Оно, может быть, грязное и мятое, но крови, как видишь, нет.

— Это еще ничего не доказывает, заявил Жерар.

— Может быть, еще обыщешь меня? Что заставляет тебя думать, будто я…

— Ты был последним, кто его видел.

— Исключая того, с кем он дрался, если он действительно это делал.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты же знаешь его характер, его натуру. У нас возник небольшой спор. Он мог начать все крушить после того, как я вышел, и, возможно, порезался. Ему стало все отвратительно, и он ушел с помощью Карты, чтобы сменить обстановку. Погоди-ка! Его коврик! Была ли кровь на маленьком расшитом коврике перед дверью?

— Я не уверен, но, по-моему, не было! А что?

— Косвенная улика, что он сделал это сам. Он очень привязан к этому коврику. Он избегает его пачкать.

— Я этому не верю! — воскликнул Жерар. — И смерть Каина все еще выглядит странной, и смерть слуг Бенедикта, которые могли узнать, что тебе понадобился порох, а теперь вот еще Бранд…

— Это может быть еще одной попыткой очернить меня, — сказал я. — Но мы с Бенедиктом укрепили свои отношения.

Жерар повернулся к Бенедикту, который не

сдвинулся с места в дюжине шагов и глядел на нас, слушая безо всякого интереса на лице.

— Он объяснил свою непричастность к этим убийствам? — спросил его Жерар.

— Прямого объяснения не было, — ответил Бенедикт, — но многое из его рассказа выглядит правдоподобным, настолько правдоподобным, что я склонен верить ему.

Жерар покачал головой и вновь пронзил меня взглядом.

— Еще ничего не известно, — сказал он. — Так о чем вы с Брандом спорили?

— Жерар, это наше дело, пока мы с Брандом не решили иначе.

— Я вернул его к жизни и наблюдал за ним, Корвин. Я сделал это не для того, чтобы увидеть его убитым из-за ваших интриг.

— Пошевели мозгами, — посоветовал ему я. — Чья это была идея отыскать его? Кто придумал способ, как это сделать? Чья заслуга в том, что он вернулся?

— Ты хотел что-то у него узнать, — не сдавался Жерар. — И ты добился этого. А потом он стал помехой.

— Нет, даже если это было бы и так, неужели ты думаешь, что я проделал бы это настолько явно?

Если он был убит, то это сделано с той же целью, что и убийство Каина, — очернить меня.

— Ты тоже ссылался на ясность в своих отношениях с Каином. Мне кажется, что это может быть своего рода хитростью, на которые ты мастак.

— Мы уже толковали обо всем этом прежде, Жерар.

— И ты знаешь, что я сказал тебе тогда.

— Забыть было бы трудно.

Жерар протянул руку и схватил меня за плечо. Я немедленно ударил рукой ему в живот и отпрянул. Тут мне пришло в голову, что, наверное, мне следовало бы рассказать ему, о чем мы с Брандом беседовали, но мне не понравилось, как он меня спрашивал. Он вновь двинулся на меня. Я шагнул в сторону и врезал ему под правый глаз. После этого я продолжал выпады, главным образом, чтобы защищать голову. Я был не в форме, чтобы снова драться с ним, а Грейсвандир оставил в шатре. Другого оружия у меня не было. Я продолжал кружить рядом с ним, бок мой заныл, когда я попытался двинуть его левой ногой.

Один раз я ударил его по бедру, но действовал слишком медленно и к тому ж потерял равновесие. Успех был явно не на моей стороне. Тем не менее я продолжал делать выпады.

Наконец Жерар настолько удачно парировал мой удар, что ему удалось схватить меня за грудь.

Мне бы следовало вырваться, но он на мгновение открыл защиту, и я решил воспользоваться этим. Шагнув вперед, я изо всех сил ударил его правой рукой в живот. Охнув, Жерар согнулся пополам, но тут же заставил себя выпрямиться и сжал меня еще крепче прежнего. Огромным кулаком он саданул меня в грудь и дернул за руку с такой силой, что я упал.

Если Жерар хотел меня наказать, то он в этом уже преуспел. Но он привстал на колено и потянулся к моему горлу…

Я сделал движение, пытаясь заблокировать его руку, но она остановилась на полпути. Оглянувшись, я увидел, что руку Жерара удерживает какая-то другая рука.

Я поскорей откатился в сторону и когда снова поднял голову, Жерара крепко держал Ганелон. Жерар рванул свою руку, но не сумел высвободиться.

— Не лезь не в свое дело, Ганелон, — предупредил он.

— Езжай, Корвин! — крикнул мне Ганелон. — Верни Камень!

Пока он кричал, Жерар стал подниматься. Но Ганелон нанес ему удар левой, и его кулак словно прикипел к челюсти противника. Жерар упал, Ганелон хотел пнуть его в бок, но тот успел схватить его за ногу и дернул к себе.

Потом он вскочил и бросился на Ганелона, едва успевшего подняться с земли. Когда он почти добрался до него, Ганелон ударил его двумя кулаками под ложечку. Кулаки Ганелона, молотя по животу Жерара, работали как отбойные молотки. Казалось, Жерар был ошарашен. Он согнулся, вытянул руки вперед. И Ганелон, не теряя времени, врезал ему правой в челюсть, затем бросился вперед, обхватил его туловище руками и зацепил своей ногой его ногу. Жерар упал на спину и Ганелон свалился на него.

А когда голова Жерара откинулась назад, мой верный друг ударил его левой.

Бенедикт, не выдержав, хотел было, вмешаться, но Ганелон уже вскочил. Ну, а Жерар лежал на земле без сознания, кровь текла у него изо рта и носа.

Все это произошло в считанные секунды. Я, пошатываясь, поднялся и отряхнулся.

Ганелон подмигнул мне.

— Не задерживайся, — усмехнулся он, — не

знаю, как мне удастся выдержать матч-реванш. Езжай и найди Камень.

Я взглянул на Бенедикта, и он кивнул.

Мне пришлось вернуться в шатер за Грейсвандир.

Когда я вышел, Жерар все еще лежал без движения. А передо мной стоял Бенедикт.

— Помни, — сказал он, — у меня есть твоя Карта, а у тебя — моя. Не предпринимай ничего важного, не посоветовавшись со мной.

Я кивнул и хотел спросить, почему он был готов помочь Жерару. Но потом передумал. Меня стали одолевать более серьезные мысли. А кроме того, я решил не портить нашей только начавшейся дружбы.

— Ладно.

Я направился к лошадям. Когда я подошел к Ганелону, он хлопнул меня по плечу:

— Желаю удачи. Я бы поехал с тобой, да нужен здесь, особенно Бенедикту. Надо помочь ему отправиться к Хаосу.

— Не беспокойся, — ответил я. — У меня не должно быть никаких неприятностей.

Вскоре я уже сидел на лошади. Когда я проезжал мимо Ганелона, он взмахом руки отдал честь, я ответил тем же. Бенедикт стоял на коленях рядом

с Жераром. Я направился ближайшей тропой в Арденн. Море осталось у меня за спиной, Гарнат и Черная дорога — слева, Колвир — справа. Я должен был уйти подальше от Амбера, чтобы легче было связаться с Отражениями. Несколько подъемов и спусков осталось позади. Гарнат уже не был виден. День сделался ясным. Я наткнулся на тропу и пошел по ней. Она привела меня в лес, где влажный сумрак и птичье пение навевали покой, напоминали о времени, которое мы переживали в период младенчества, и мир качал нашу колыбель, и все было отмечено присутствием материнского Единорога. Боли в боку исчезли, езда была ровной, и так же ровно билось мое сердце. Я снова подумал о столкновении, от которого ушел. Конечно, можно было понять Жерара, он не верил мне и говорил об этом открыто. Так некстати все это произошло. Неужели с Брандом что-то случилось? А может, это еще одна попытка задержать меня или вообще вырвать из борьбы. Счастье, что под рукой оказался Ганелон, счастье, что он в хорошей форме и может работать кулаками в нужном месте в подходящее время. Хотел бы я знать, что сделал бы Бенедикт, если бы нас было только трое. У меня было такое ощущение, что он выжидал бы и вмешался только в самый по-

следний момент, чтобы помешать Жерару убить меня. Я все еще не был доволен нашим согласием, хотя оно, конечно, являлось достижением по сравнению с прежним положением дел. Все это опять заставило меня гадать, что же случилось с Брандом. Может, Фиона или Блейз наконец-то добрались до него. Может, он попытался совершить намеченные убийства в одиночку и столкнулся с контрударом, а затем был перенесен своей жертвой через Карту? Может, до него каким-то образом добрались его старые союзники из Двора Хаоса? Может, его сумел, наконец, настичь один из его сторожей из башни со шпорами на руках? Или все было гораздо проще — так, как я и предположил с самого начала. Бранд имитировал драку с ранением, лужей крови для того, чтобы бежать затем из Амбера и плести заговоры где-то в другом месте. Когда одно событие вызывает такое множество вопросов, ответ редко бывает логичным. Однако следовало проанализировать все варианты, чтобы знать, как действовать, когда ситуация прояснится. Надо было сопоставить то, что я знал, с новыми фактами, как следует подумать над тем, что успел сказать мне Бранд. Хотя на первый взгляд почти все, что он говорил мне, и не вызывало сомнений. Уж очень умно он

все выстроил, и не так-то легко было его опровергнуть. Надо было поразмыслить и над теми обвинениями, которые бросил мне Жерар. Мои враги действуют хитро, и совсем непросто опровергнуть ту ложь, что они нагромоздили вокруг меня. Уклончивой была сама манера Бранда излагать события. Его недавние предложения мне тоже были сделаны в этом же духе. Старая тропа извивалась, расширялась, снова сужалась, потом повернула на северо-запад и устремилась к опушке леса. А лес был по-прежнему густым и загадочным. Казалось, что это была та самая тропа, по которой юноша из легенды скакал века назад. Ему доставляло удовольствие исследовать это огромное зеленое царство. И не было бы ему конца, и заняло бы оно весь континент, если бы юноша не сбился с пути в Отражениях. Как жаль, что его путешествие нельзя повторить. И чтоб причиной его было только удовольствие открывать для себя новый мир. Через час я был в самой гуще леса, где деревья напоминали огромные темные башни. Редкий солнечный луч возникал в толще кроны. И моментально исчезал в ветвях, будто сгорала, едва появившись, птица феникс. Влажная, сумеречная туманность сглаживала контуры пней, бревен и замшелых камней. Вот

перебежал мою тропу олень, и скрылся в густом подлеске справа от тропы. Вокруг меня звучали птичьи голоса, порою совсем близко. Изредка мне попадались следы всадников. Видимо, кто-то проезжал совсем недавно, так как следы здесь долго не держатся. Колвир был уже далеко. Тропа снова поднялась, и неподалеку я увидел вершину небольшого гребня. После нее тропа, петляя между скал, пошла под уклон. Лес поредел, и я, наконец, увидел небо. Чем дальше я ехал, тем больше его было над головой. Добравшись до вершины, я услышал отдаленный крик охотничьей птицы Взглянув вверх, я увидел большой темный силуэт. Огромная птица кружила высоко надо мной. Я натянул поводья, чтобы как можно быстрее проехать мимо валунов, лежащих под открытым небом. Мы что было сил припустились вниз, чтобы спрятаться под покров деревьев. Птица громко закричала, но мы уже были под деревьями. Без происшествий мы укрылись в спасительный сумрак. После этого я больше не спешил и ехал осторожно, прислушиваясь к тому, что делается вокруг. Лес был таким же как прежний, тот, что мы покинули за гребнем. Вскоре мы наткнулись на небольшую речушку. Некоторое время мы скакали параллельно ей, а потом пересекли ее

вброд на мелководье. За ней тропа расширилась. Света сквозь ветки стало пробиваться побольше. Мы проехали достаточное расстояние, чтобы манипулировать Отражениями. Они должны перенести меня на тропу, ведущую к Отражению Земля, месту моей прежней ссылки. И все же начинать эту работу здесь будет трудно, легче получится, если заняться ею подальше. Я решил уберечь себя и коня от лишнего напряжения и еще повременить, отъехать подальше. Пока что ничего по-настоящему не угрожало нам. Птица могла просто охотиться на дичь. Но одна мысль не отпускала меня, пока я ехал. Джулиан… Арденн был вотчиной Джулиана, патрулировался его егерями, укрывал во все времена несколько военных лагерей с его войсками и внутреннюю погранохрану Амбера. Солдаты Джулиана стояли здесь, охраняя его от набегов врагов. Они же берегли границы Отражений. Мне было неясно, куда скрылся Джулиан, когда он так внезапно покинул дворец после покушения на Бранда? Если он желал просто спрятаться, ему не было необходимости бежать дальше Арденна. Здесь он был силен, имел поддержку своих людей. В этом царстве, известном ему лучше, чем остальным из нас, он прекрасно ориентировался. Вполне

возможно, что и сейчас он был совсем недалеко. Тем более что охота — его страсть. У него были свои гончие, свои птицы. Полмили, миля. Вот тут-то я и услышал звук, которого более всего опасался. Сквозь густую тень и стену зелени пробились звуки охотничьего рога. Они донеслись откуда то сзади и, по-моему, слева от тропы моего следования. Я пустил коня в галоп, и деревья по обеим сторонам замелькали, сливаясь в зеленую массу. Тропа здесь была прямой и ровной. Этим мы и воспользовались. Затем я услышал позади себя рев и какой-то странный кашляющий звук. Зеленое пространство леса подхватило его, как резонатор. Что за животное могло его издавать? Это, конечно, была не собака. Даже адские гончие не были способны на такое. Я оглянулся, но погони по-прежнему не было. Через некоторое время я услышал треск в лесу справа от меня, но рев не повторился. Я несколько раз оглянулся, но не сумел разобрать, что там трещало.

Вскоре после этого я снова услышал рог, намного ближе, и на этот раз ему ответил лай. Сейчас это действительно были собаки. Меня догоняли адские гончие — быстрые, сильные и злобные звери, найденные Джулианом на каком-то Отражении и обученные для охоты. Я решил, что пора

начинать переход. Амбер вокруг меня был еще силен, но я как можно лучше овладел Отражением и начал движение. Тропа стала извиваться влево и, когда мы мчались по ней, деревья по обеим сторонам уменьшились в размерах и отступили. Еще один поворот, и тропа повела нас через поляну, метров двести в поперечнике. Я поднял голову и увидел, что эта проклятая птица все еще кружила, теперь намного ближе, достаточно близко для того, чтобы быть увлеченной в Отражение вместе со мной. Это было не желательно. Я желал бы оказаться в открытом пространстве, чтобы развернуть коня и свободно махать мечом, если это понадобится. Однако, на таком пространстве я делаюсь доступным для птицы, от которой, оказывается, уйти не так просто. Мы поскакали к невысокому холму, поднялись на него и начали спускаться. Рядом оказалось одинокое, опаленное молнией дерево. На его нижней ветке сидел серебристо-черный ястреб. Я свистнул ему, и он подпрыгнул в воздух, испуская пронзительный и дикий боевой клич-клекот. Удирая от погони, я теперь ясно слышал лай собак и глухой стук лошадиных копыт. Им сопутствовали какие-то звуки, вызывающие сильную вибрацию и содрогание земли. Я снова оглянулся, но ни один из

моих преследователей еще не поднялся на холм. Я разглядывал дорогу впереди. Солнце пробило тучи. Вдоль тропы появились странные цветы — зеленые, желтые, пурпурные, и донесся раскат отдаленного грома. Поляна расширилась и удлинилась. Она вновь стала ровной. Я опять услышал звук рога и повернулся. Тут он одним прыжком появился в поле моего зрения. И в тот же миг я понял, что не я был объектом охоты, что всадники, собаки и птица преследовали зверя, бежавшего за мной. Опасность, однако, от этого не стала меньше. Вполне возможно, что на меня охотился зверь, а на него, в свою очередь, охотились другие. Я нагнулся вперед, подгоняя Барабана и вонзая колени ему в бока. Но как мы ни старались, а отвратительная тварь двигалась быстрее нас. Я начал паниковать. Меня преследовала мантикора. Последний раз я видел похожую за день до битвы, в которой погиб Эрик. Когда я вел своих солдат вверх по задним склонам Колвира, она появилась и разорвала пополам солдата, которого звали Ролл. Мы отправили ее на тот свет автоматическим оружием. Тварь оказалась двенадцати футов длиной, и, подобно этой, имела человеческое обличье на плечах льва. У нее также была пара орлиных крыльев,

сложенных по бокам, и изгибавшийся над ней в воздухе заостренный хвост скорпиона. Они каким-то образом забрели с Отражения и шли за нами, когда мы направлялись на ту битву. Скорее всего, их тогда не всех перебили. Хотя никто ни разу не встречался с ними поблизости от Амбера. Очевидно, эта забрела в Арденн и жила с тех пор в лесу. Я еще раз оглянулся и понял, что зверь в любую минуту может сорвать меня с седла. Нужно было занимать оборону. Тут же я увидел несущуюся с холма лавину собак. Я ничего не знал о разуме и поступках мантикоры. Большинство бегущих зверей не останавливаются, чтобы напасть на того, кто их не беспокоит. На уме у них, в общем-то прежде всего желание убежать, спасти свою шкуру. Инстинкт самосохранения срабатывает прежде всего. С другой стороны, я не был уверен, что мантикора понимала, что ее преследуют. Она могла пуститься по моему следу, а по ее собственному бросились лишь после. У нее на уме могло быть только одно. Сейчас едва ли было разумно останавливаться и размышлять о том, что чувствует зверь и какими будут его действия. Я выхватил Грейсвандир и повернул коня влево. Затем натянул поводья, как только он сделал поворот. Барабан заржал и поднялся

на дыбы. Я почувствовал, что соскальзываю с него, и потому спрыгнул на землю и отскочил в сторону. Я забыл о скорости адских собак, а также о том, как они однажды обогнали меня и Рэндома, мчащихся на Флорином «мерседесе». Я забыл о том, что в отличие от обыкновенных собак эти, догнав машину, рвут железо на куски.

Дюжина с чем-то адских собак вдруг навалились на мантикору. Когда они вцепились в него, зверь вскинул голову, и я услышал уже знакомый страшный кашляющий крик. Мантикора взмахнула своим страшным хвостом, и одна из адских собак отлетела в сторону, двух других зверь то ли оглушил, то ли убил.

Затем он встал на задние лапы, нанося удары передними. Но одна гончая вцепилась ему в левую переднюю лапу, еще двое в задние, еще одна вскочила ему на спину, вгрызаясь в шею. Другие теперь кружили рядом с мантикорой с лаем, кусая его куда попало. Как только зверь бросался на одну собаку, другие стремительно налетали и рвали его. Но чудовище не сдавалось, оно садануло своим скорпионьим жалом ту, что висела у него на спине, и выпустило кишки собаке, которая грызла его ногу. Однако, кровь хлестала из дюжины ран мантикоры. Вскоре стало ясно,

что у зверя ранена лапа и, нанося удар, он теряет равновесие. На шею чудовищу бросилась новая собака. До этой ему, кажется, добраться было потрудней. Еще одна гончая налетела справа и разорвала зверю ухо. Еще две собаки усердно грызли мантикоре лапы, а когда она снова поднялась на дыбы, одна бросилась вперед и вцепилась ей в брюхо. Их лай и рычание сбивали раненого зверя с толку, мантикора начала наносить удары вслепую по постоянно двигавшимся серым силуэтам. Я ухватил Барабана за узду и попробовал успокоить его, чтобы снова забраться в седло и убраться отсюда к чертовой бабушке. Он все еще пытался встать на дыбы и отпрянуть, и требовалась немалая сила, чтобы удержать его на месте. А мантикора в это время злобно вопила. Она вслепую ударила по собаке, что находилась у нее на спине, и вогнала жало в собственное плечо. Собаки воспользовались этим и налетели скопом, как только возникла брешь в обороне мантикоры, кусая и терзая ее. Я уверен, что собаки прикончили бы ее, но в этот момент на вершине холма появились всадники и поскакали вниз. Их было пятеро, с Джулианом во главе. На нем были чешуйчатые белые доспехи, а на шее висел охотничий рог. Он скакал на гигантском

коне Моргенштерне, звере, который всегда меня ненавидел. Он поднял длинное копье и отдал им мне честь. Затем Джулиан опустил его и приказал что-то собакам. Они, ворча, отступили от добычи. Даже собака на спине у мантикоры разомкнула свои страшные челюсти и спрыгнула на землю. Когда же Джулиан взял копья наперевес и коснулся шпорами боков Моргенштерна, они отскочили в сторону. Тварь повернулась к нему, отчаянно завопила и прыгнула вперед, оскалив клыки. Они сошлись, и на миг мне загородило обзор тело Моргенштерна. Однако еще миг, и по поведению коня, я понял, что удар был верен. Конь отпрянул, и я увидел вытянувшуюся зверюгу и большие сгустки крови у нее на груди, этакий цветок вокруг темного стебля копья. Джулиан спешился. Он что-то сказал другим всадникам, но я ничего не расслышал. Они остались в седлах. Он поглядел на все еще дергающуюся мантикору, затем перевел взгляд на меня и улыбнулся. Джулиан подошел к мертвой зверюге, наступил на нее ногой, ухватился за копье и вытащил его из жуткой туши. Воткнув копье в землю, он привязал к нему своего коня Моргенштерна. Джулиан потрепал коня по крупу, затем оглянулся на меня и двинулся в мою сторону. Он подошел, остано-

вился передо мной и произнес:

— Я не хотел, чтобы ты убивал Белу.

— Белу? — переспросил я.

Джулиан взглянул на небо. Я сделал это вслед за ним. Птиц в это мгновение на небе не было.

— Он был одним из моих любимцев.

— Сожалею, — извинился я. — Я неправильно понял происходящее.

Он кивнул:

— Ладно. Я кое-что сделал для тебя. Теперь ты можешь рассказать мне, что случилось после того, как я покинул дворец. Бранд сумел выкарабкаться?

— Да, и тебя в этом больше не обвиняют. Он утверждает, что его ударила Фиона. А ее тоже нет поблизости, чтобы расспросить. Она тоже скрылась в ту ночь. Просто чудо, что вы не наткнулись друг на друга.

Джулиан улыбнулся:

— Примерно так я и думал.

— Почему ты бежал при таких поразительных обстоятельствах? Ведь это вызвало подозрение.

Он пожал плечами:

— Не в первый раз меня подозревают. И если намерение считается поступком, то я так же виноват, как и наша сестренка. Я бы с удоволь-

ствием это сделал, если бы смог. Фактически в ту ночь, когда мы притащили его, я держал нож наготове. Да только меня оттеснили в сторону.

— Но почему? — удивился я.

Джулиан рассмеялся:

— Почему? Я боюсь этого ублюдка, вот почему. Долгое время я думал, что он убит, и, уж конечно, надеялся на это. Думал, что на него предъявили, наконец, свои права темные силы, с которыми он имел дело. А что ты о нем знаешь, Корвин?

— У нас был долгий разговор.

— И?..

— Бранд признался, что он, Блейз и Фиона составили план захвата трона. Они хотели добиться коронации Блейза, но так, чтобы каждый после этого имел свою долю реальной власти. Они использовали названные тобой силы, чтобы отец не мог возвратиться в Амбер. Бранд сказал, что он попытался привлечь на их сторону Каина, но что Каин вместо этого перешел к тебе и Эрику. Ваша тройка организовала схожую группу, чтоб захватить власть, прежде чем это смогут сделать они. Вы хотели посадить на трон Эрика.

Джулиан кивнул:

— События изложены верно, но мотивы, двигающие их, не те. Мы не желали трона, по крайней

мере, не так внезапно и не в то время. Мы создали свою группу, потому что надо было им противостоять, чтобы защитить трон. Сначала мы убедили Эрика, что он обязан принять на себя власть. Он и сам боялся, что его убьют после коронации. Потом появился ты со своими законными требованиями. Мы в то время не могли позволить тебе возвыситься, потому что клика Бранда угрожала всеобщей войной. Мы чувствовали, что они не решатся совершить такой шаг, если трон будет уже занят. Мы не могли посадить на трон тебя, потому что ты бы отказался стать марионеткой. Вот роль, которую тебе пришлось бы играть, поскольку игра была уже в разгаре, а ты знал обо всем этом слишком мало. Поэтому мы убедили Эрика пойти на риск и короноваться. Вот как это произошло.

— Так, значит, когда я прибыл, он выжег мне глаза и бросил в темницу ради шутки?

Джулиан отвернулся и посмотрел на мертвую мантикору.

— Дурак ты, братец, — произнес он, наконец. — Ты с самого начала был слепым орудием. Они использовали тебя, чтобы навязывать нам свои ходы, и в любом случае ты проигрывал. Если бы та полоумная атака Блейза оказалась каким-

то образом удачной, ты бы не успел сделать и вздоха, как с тобой было бы покончено. Но она провалилась, и Блейз исчез, предоставив тебе возможность расплачиваться своей жизнью за его поступки. Ты послужил их цели и должен был умереть. Они оставили нам мало выбора в этом деле. По правилам, нам следовало бы убить тебя, и ты это знаешь.

Я закусил губу. Я мог бы сказать многое. Но он говорил откровенно. А я хотел услышать как можно больше.

— Эрик, — продолжал он, — считал, что зрение твое может, в конечном счете, восстановиться — зная, как мы регенерируем. Дай только время. Ситуация была очень деликатной. Если бы вернулся отец, Эрик мог бы покинуть трон и оправдать все свои действия ко всеобщему удовлетворению. Гораздо сложнее было бы оправдаться, если б убили тебя. Это было бы слишком очевидной борьбой за власть. Всем стало бы ясно, что убрали тебя потому, что ты стоял на пути любого из нас к трону. И скажу тебе прямо, он просто хотел заточить тебя в тюрьму, чтобы все забыли про тебя.

— Тогда чья же это была идея насчет ослепления?

Он снова надолго замолк. Затем заговорил очень тихо, почти шепотом:

— Выслушай меня, пожалуйста. Она была моя, и она, может, спасла тебе жизнь. Любое действие, предпринятое против тебя, должно было являться равносильным смерти, иначе их фракция попыталась бы угробить тебя по-настоящему. Ты не был больше им полезен, но живой и на свободе обладал потенциальной возможностью стать опасным в будущем. Они могли воспользоваться твоей Картой, чтобы вступить в контакт и убить тебя, или же могли освободить тебя и пожертвовать тобой, сделав ход конем против Эрика. Ослепленного, тебя не было нужды убивать, ты стал безопасен для них. Это спасло тебя, временно убрав со сцены. И спасло нас от обвинений в будущем. Как мы понимали, у нас не было иного выбора. Мы могли сделать только одно. И никакого снисхождения тоже нельзя было демонстрировать, иначе нас могли бы заподозрить в том, что мы сами нашли способ как-то использовать тебя. В ту минуту, как ты приобрел бы какое-нибудь подобие свободы, ты стал бы покойником. Самое большее, что мы могли сделать, это смотреть в другую сторону, когда лорд Рейн ходил утешать тебя. Это было все, что можно

было для тебя сделать.

— Вижу, — процедил я.

— Да, — подтвердил он. — Ты стал видеть очень скоро. Никто не предугадал, что ты так быстро восстановишь свое зрение и сумеешь бежать. Как тебе это удалось?

— Скажут ли Мэйсивы Гимбеловым? — ответил я.

— Прошу прощения?

— Я сказал — неважно. Что ты знаешь о заточении Бранда?

Он снова посмотрел на меня.

— Я знаю, что в его группе произошла ссора. Детали мне неизвестны. По каким-то причинам Блейз и Фиона боялись убить его и остерегались оставить на свободе. Когда мы освободили его из заточения, Фиона явно стала опасаться того, что он на воле.

— Но ведь ты сказал, что боишься его, а поэтому готов расправиться с ним. Почему теперь, после всего, когда эти интриги стали историей и власть снова переменилась, вы боялись его? Он был слаб, практически беспомощен. Какой же вред он мог принести теперь.

Джулиан вздохнул:

— Я не понимаю сущности той силы, которой

он обладает, но она огромна. Я знаю, что он может путешествовать по Отражениям мысленно. Он также может, сидя в кресле, обнаружить в Отражениях то, что его интересует, а затем силой воли приблизить это к себе. Оставаясь в одном измерении, он может одновременно находиться в другом. Это дает ему возможность, сидя в кресле, путешествовать через Отражения. Он нацеливает свой ум на место, которое желает посетить, создает своего рода мысленную дверь и просто шагает туда через нее. Если уж на то пошло, я считаю, что он иногда может узнать, что люди думают. Все выглядит так, словно он сам стал какой-то живой Картой. Я знаю про это потому, что видел, как он это проделывает. Ближе к концу, когда мы держали его во дворце под наблюдением, он однажды ускользнул от нас этаким манером. Это было в тот раз, когда он отправился на Отражение Земля и поместил тебя в Бедлам. После того, как он возвратился, один из нас все время оставался с ним. Мы, однако, еще не знали, что он может вызывать вещи через Отражения. Когда ему стало известно, что ты сбежал из заключения, он вызвал страшного зверя, напавшего на Каина, который тогда был его телохранителем. Затем он вновь отправился

к тебе. Блейз и Фиона, опередив нас, захватили его вскоре после этого, и я больше не видел его до той ночи, когда мы его вернули. Я страшусь его, потому что он обладает смертельными силами, которых я не понимаю.

— В таком случае, хотел бы я знать, как они вообще сумели заточить его.

— Фиона обладает сходными силами и Блейз, я считаю, тоже. Вдвоем они, очевидно, смогли аннулировать силы Бранда. Кроме того, они создали место, где она не действует. И держали его там.

— Не совсем, — поправил я. — Он отправил-таки сообщение Рэндому. И, когда ему надо было, запросто достиг и меня.

— Тогда явно не совсем, — согласился он. — Однако достаточно, пока мы не прорвали оборону.

— Как ты расцениваешь их отношение ко мне? Мое заточение? Попытку убить, а затем спасти меня?

— Этого я не понимаю. Знаю только, что это было частью борьбы за власть, и та, и другая сторона нашли, как использовать тебя. Поэтому, естественно, одна сторона пыталась убить тебя, в то время как другая старалась сохранить тебя. В конечном итоге, больше всех от тебя выгадал Блейз в той устроенной им атаке.

— Но ведь он же и пытался убить меня тогда на Отражении Земля. Именно он выстрелил по моим шинам, — недоумевающе произнес я.

— Он?

— Именно так рассказал мне Бранд, но это не связывается со всякого рода косвенными доказательствами.

Джулиан пожал плечами:

— В этом я не могу тебе помочь. Я просто не знаю, что происходило в то время между ними.

— И все же ты поддерживал Фиону в Амбере. Ты был очень сердечен с ней, когда бы она ни находилась поблизости.

— Тонко подмечено, — согласился он. — Я всегда был очень привязан к Фионе. Она, безусловно, самая прелестная и самая развитая из всех нас. Жалко, что отец, как тебе хорошо известно, всегда был категоричен, когда речь заходила о браке между братьями и сестрами. Меня беспокоило, что нам приходилось быть противниками так долго, как мы были. Однако после смерти Блейза, твоего заключения, коронации Эрика — все в значительной степени возвратилось к норме. Она приняла их поражение с большим самообладанием и делу конец. Она явно была так же напугана возвращением Бранда, как и я.

— Бранд все рассказал по-иному, но, впрочем, он, конечно, и должен был так сделать, хотя бы потому, что он утверждает, будто Блейз по-прежнему жив, что он отыскал его через Карту и знает, что он на Отражении обучает свои свежие воинские силы для нового удара по Амберу.

— Это возможно, — согласился Джулиан. — Но мы ведь превосходно подготовлены, не так ли?

— Он говорит, что этот удар будет маневром, — продолжал я, — и что настоящая атака произойдет прямо со Двора Хаоса по Черной дороге. Он говорит, что Фиона уже сейчас готовит для этого путь.

Джулиан нахмурился:

— Надеюсь, он лжет. Мне было бы крайне неприятно видеть участвующей в этом Фиону.

— Бранд утверждает, что он вышел из их группы, что он осознал несостоятельность их линии.

— Ха! Я скорее доверился бы тому зверю, которого только что убил, чем положился бы на слово Бранда. Надеюсь, у тебя хватило здравого смысла держать его под надежной охраной, хотя от этого может быть мало толку, если к нему вернулись его старые силы.

— Но в какую игру он может играть сейчас?

— Либо он вновь оживил старый триумвират —

мысль, которая мне совсем не нравится, — либо преследует свои личные интересы. Но попомни мои слова, план у него есть. Он никогда не довольствовался ролью зрителя. Он всегда что-нибудь замышлял. Я готов поклясться, что он строит заговоры даже во сне.

— Наверное, ты прав. Видишь ли, дело обретает новый поворот. К добру это или к неприятностям, пока не могу сказать. Я только что подрался с Жераром. Он думает, что я причинил Бранду какое-то зло. Это не так, но в моем положении нельзя было доказать свою невиновность. Насколько мне известно, я был последним человеком, видевшим Бранда. После этого Жерар побывал в его покоях и увидел, что там все разгромлено, повсюду пятна крови, а Бранд исчез. Не знаю, что и подумать.

— Я тоже. Но надеюсь, что на этот раз кто-то выполнил свою работу как следует.

— Господи, все так запуталось. Хотел бы я знать все это раньше.

— У меня никогда не было подходящего момента для разговора с тобой, — пожал плечами Джулиан. — Во всяком случае до этой минуты. И уж не говорю о том времени, когда ты был пленником. Но и потом тебя невозможно было найти — ты исчез надолго. А когда вернулся со своим

войском и с новым оружием, я стал сомневаться в твоих намерениях. Ну а потом события закружились слишком быстро. Снова вернулся Бранд. И, чтобы спасти свою шкуру, я должен был скрыться в Арденне. Здесь я силен и могу отразить любое его нападение. Я держал свои патрули в полной боевой готовности и ждал известий о смерти Бранда. Мне хотелось узнать у кого-нибудь из вас, с нами ли он еще. Но я не решался. Думал, что, если он умер, то на мне так и останется подозрение в убийстве. Однако, как только я получаю известие о том, что он жив, я всякий раз решаю, что пора мне прикончить его самому. А теперь еще и вот это… Что ты собираешься делать, Корвин?

— Я отправился, чтобы принести Камень Правосудия оттуда, где я его спрятал на Отражении. Есть способ, с помощью которого его можно использовать для уничтожения Черной дороги. И я попробую им воспользоваться.

— Но как это можно сделать?

— Слишком долго рассказывать. Знаешь, мне только что пришла в голову страшная мысль.

— Какая?

— Бранду нужен Камень. Он спрашивал о нем, а теперь… Эта его сила находить вещи на Отражениях и доставлять их себе… Насколько она

велика?

Джулиан задумался. Потом он сказал:

— Он едва ли всемогущ, если ты это имеешь в виду. На Отражениях можно найти все, что хочешь, нормальным способом, как это делаем все мы — путешествуя по ним. Если верить Фионе, он просто сокращает работу ногам. Он может выхватить предмет серийного выпуска, а не конкретный предмет. Кроме того, судя по всему, что мне рассказывал о нем Эрик, этот Камень очень странный объект. Я думаю, что Бранду придется отправиться за ним лично, коль скоро он выяснит, где тот находится.

— Тогда я должен спешить. Я обязан опередить его.

— Я вижу, ты едешь на Барабане, — заметил Джулиан. — Это отличный конь. Он проезжал через Отражения много раз.

— Рад это слышать. А чем займешься ты?

— Вступлю в контакт с кем-нибудь в Амбере и войду в курс всего, о чем мы — не успели поговорить. Думаю, это будет Бенедикт.

— Не выйдет. До него ты не сможешь дотянуться. Он отправился ко Двору Хаоса. Попробуй найти Жерара и убеди его заодно, что я честный человек.

— В этой семье колдуны только рыжие, но я попытаюсь. Ты сказал, ко Двору Хаоса?

— Да, но опять же, время сейчас дорого.

— Конечно. Езжай. У нас будет время поговорить позже, на что я очень надеюсь.

Он сжал мне руку. Я взглянул на мантикору, на собак, сидевших вокруг нее.

— Спасибо, Джулиан. Я… Ты трудный для понимания человек.

— Вовсе нет. Я думаю, что Корвин, которого я ненавидел, умер много веков назад. Скачи быстрей, старик! Если Бранд покажется здесь, я прибью его шкуру к дереву!

Он отдал приказ собакам, и, когда я сел на коня, они набросились на тушу мантикоры, вылизывая ее кровь и отрывая огромные куски мяса. Когда я проехал мимо этого странного, массивного, человекообразного лица, то увидел, что глаза ее были еще открыты, хотя и остекленели. Они были голубыми, и смерть не лишила их невинности. Либо они были всегда такими, либо такое выражение в них было последним даром смерти — бессмысленный способ иронизировать, если это так. Я направил Барабана на тропу и начал свой путь по Отражениям…

Я не торопясь еду по тропе, тучи заволакива-

ют небо, и Барабан тихо ржет, то ли вспоминая о чем-то, то ли что-то предчувствуя. Поворот налево и вверх по холму. Земля коричневая, желтая и вновь коричневая. Деревья приземистые, растущие поодаль друг от друга. Между ними колышется на поднимающемся ветерке трава. Летучий огонь в небе. Гром стряхивает капли дождя. Путь становится крутым и каменистым. Ветер дергает меня за плащ. Вверх, туда, где скалы с прожилками серебра и деревья тянутся в один ряд. Трава, зеленые огни замирают на дожде. Вверх, к скалистым, сверкающим, омытым дождем вершинам, где облака носятся и клубятся, словно река при половодье в горном ущелье. Дождь. Ветер прочищает горло, готовясь запеть. Мы поднимаемся, и вот в поле зрения появляется гребень, словно голова пораженного быка, с рогами, охраняющими тропу. Молнии извиваются вокруг рогов и пляшут между ними. Запах озона. Мы поднимаемся в небо и проносимся по нему. Дождь впереди, словно ограда, и ветер обходит ее. Переходим на противоположную сторону. Дождя нет, воздух неподвижен, небо разглажено и затемнено. Чернота наполнена звездами. Метеоры взрываются, сгорая и выжигая шрамы остаточного изображения. Луны, брошенные,

словно пригоршни монет. Три ярких гривенника, тусклый четвертак, пара грошей и один из них в пятнах и царапинах. Затем спускаемся вниз, по длинной, извилистой дороге. Копыта четко, металлически цокают в ночном воздухе. Откуда-то доносится кашель. Темный силуэт, неровный и быстрый, пересекает меньшую луну. Вниз. Земля опускается по обеим сторонам. Внизу тьма. Двигаемся по вершине бесконечной высоты, по дороге, высеченной в стене, яркой от лунного света, тропа извивается, складывается, сгибается, становится прозрачной. Вскоре она плывет, газовая, волокнистая, звезды внизу такие же, как и наверху. Звезды внизу по обеим сторонам. Никакой земли нет. Есть только ночь и тонкая, прозрачная тропа, по которой я должен попытаться проехать. Может быть, так будут выглядеть все дороги в будущем. Царит абсолютная тишина, ленивая тишина, и движения становятся замедленными, как будто ты попал в кинопленку и ее просматривают в замедленном темпе. Тропа резко пропадает, и мы движемся, словно плывя под водой на какой-то огромной глубине, а звезды, как яркие рыбы. Вот эта свобода, эта мощь скачки через Отражения вызывает подъем, похожий на упование, охватывающее

солдата в бою, на отчаянную смелость подвига, на прилив вдохновения у поэта, находящего слова для своей поэмы. Мы догнали большой метеор, мы касаемся его массы, несемся по его изрытой поверхности вниз, вокруг, а затем снова вверх. Он вытягивается в большую равнину, она светлеет, затем желтеет… Это песок на нашем пути. Звезды тают, когда темнота растворяется в утреннем восходе. Впереди полосы тени, среди них пустынные деревья. Мы скачем в темноте, проламываясь, сквозь пространства. Яркие птицы летают над нами. Мы слышим их голоса. Вот мы снова в чаще густого леса. Темней земля, гораздо уже путь. Кроны пальм съеживаются до размеров кулака, кора темнеет. Поворот направо, путь расширяется. Копыта Барабана высекают искры из булыжной мостовой. Переулок увеличивается, становится обсаженной деревьями улицей. Мелькает крошечный ряд домов. Яркие ставни, мраморные лестницы, разрисованные ширмы, установленные за вымощенными плитами тротуаров. Проезжает лошадь, запряженная в телегу, нагруженную овощами. Пешеходы поворачиваются и оглядываются на нас. Легкое гудение голосов. Дальше проезжаем под мостом, едем вдоль ручья, пока он не расширяется в реку, бурлящую

до моря. Глухо стучим копытами по берегу, под лимонным небом несутся голубые облака. Соль, водоросли, ракушки, гладкая анатомия плавника. Белые брызги с моря, цвета извести. Мчимся туда, где линия воды кончается у террасы. Поднимаемся. Каждая ступенька крошится и рушится вниз, теряя свою неповторимость, соединяясь с гулом прибоя. Вверх, к плоской, заросшей деревьями равнине, к золотому городу, мерцающему, словно мираж, на другом конце ее. Город растет, темнеет под летним зонтиком, его серые башни вытягиваются ввысь, стекло и металл сверкают сквозь мрак. Башни начинают качаться. Город беззвучно обваливается в себя, когда мы проезжаем. Башни опрокидываются. Клубится и поднимается пыль, окрашенная розовым с какой-то нежной подсветкой. Плывет тихий звук. Пылевая буря, быстро спадающая, уступающая место туману. Короткие автомобильные гудки доносятся сквозь него. Дрейф, короткий подъем, разрыв в серо-белом, жемчужно-белом, смещение. Следы наших копыт на обочине грунтовых дорог. Справа бесконечные ряды неподвижных машин. Снова наплывает жемчужно-белое, серо-белое. Взвизги и завывания непонятно откуда. Беспорядочные вспышки света. Еще раз подъ-

ем. Туман снижается и испаряется. Трава. Небо теперь ясное и нежно-голубое. Солнце несется к закату. Птицы. Корова жует в поле, пялясь на нас. Перепрыгиваем через деревянный забор и скачем по сельской дороге. Внезапный холодок за холмом. Травы сухие и снег на земле. Ферма с жестяной крышей на пригорке, струйка дыма над ней. Дальше холмы вырастают, солнце закатывается, за ним тащится темнота. Россыпь звезд. Вот дом, вот еще один, длинный проезд к нему мелькает среди деревьев. Фары… Прочь на обочину дороги. Притянем дождь и дадим ему пройти. Я вытер лоб, отряхнул рубашку и рукава, потрепал по шее Барабана. Ехавшая навстречу машина притормозила, приблизившись ко мне. Я увидел смотревшего на нас, разинув рот, водителя. Я чуть тряхнул поводьями, и Барабан продолжал путь. Автомобиль остановился, и шофер что-то крикнул мне вслед, но я продолжал свой путь. Спустя несколько минут я услышал, как он отъезжает. После этого мы долго ехали по сельской местности. Я не спешил, проезжая мимо знакомых ориентиров, вспоминая, как я бывал здесь раньше. Несколько миль спустя мы выехали на другую дорогу, пошире и получше. Там я повернул. Температура продолжала падать, но

холодный воздух был чист и сладок. Долька луны сияла над холмами слева от меня. Над головой проплывало несколько мелких облачков, окрашиваемых четвертью луны мягким, пыльным светом. Был очень слабый ветер, случайное шевеление ветвей, и ничего больше. Через некоторое время на дороге стали попадаться рытвины, и я понял, что мы почти у цели. Изгиб и еще пара рытвин. Я увидел валун рядом с подъездной дорогой и прочел на нем свой адрес. Тут я поднял взгляд на холм и натянул поводья. На подъездной дороге стоял фургон, и в доме горел свет. Я свел Барабана с дороги и направил через поле в рощу. Я привязал его у ели, погладил по шее и сказал, что скоро вернусь. И вот я опять на дороге. Машин не видно. Я перешел ее и пошел по противоположной стороне, проходя позади фургона. Свет в доме горел только в гостиной. Я повернул налево, обошел вокруг дома и остановился на заднем дворе, оглядываясь по сторонам. Что-то тут было не так. Задний двор изменился. Пара пришедших в негодность плетеных стульев, приставленных к обветшалым цыплячьим клеткам, которые я так никогда и не потрудился убрать, исчезла. Так же, как, если уж на то пошло, и цыплячьи клетки. А ведь они были, когда я в последний раз

проходил этой дорогой. Сухие ветви деревьев, наваленные мной давным-давно, чтобы пойти на дрова, тоже исчезли. Пропала куча компоста. Я двинулся к месту, где она была. Все, что там осталось, это неровный клок голой земли, приблизительно той же формы, что и сама куча. Но, настраиваясь на Камень, я открыл, что могу заставить себя почувствовать его присутствие. Я на миг закрыл глаза и попытался так и сделать. Ничего не получилось. Я вновь посмотрел вокруг, внимательно приглядываясь, но не было видно никакого отблеска. Я уже и не ожидал ничего увидеть, как можно, если я не почувствовал его в такой близости! В освещенной комнате не было никаких занавесок. Оглядывая дом, я увидел, что ни в одном окне не было занавесок, штор, жалюзи или ставней. Следовательно… Я обошел дом с другого конца. Приблизившись к первому освещенному окну, я быстро заглянул в него. Большую часть пола покрывали замызганные тряпки. Человек в кепи и спецовке красил противоположную стену. Конечно! Я попросил Билла продать мой дом и подписал необходимые документы, пока был пациентом в местной клинике. Все это случилось тогда, когда меня, раненого, спроецировала сюда какая-то сила. Вероятно, это

было действие Камня во время покушения на меня в Амбере. Это случилось несколько недель назад по местному времени. А мне казалось, что прошел уже год. Ведь я побывал за это время во Дворе Хаоса, где у времени совсем другой отсчет. Да и в Амбере часы идут совсем по-другому. Билл, конечно, выполнил мою просьбу. Но дом был в плохом состоянии. Он был заброшен и разграблен. Потребовалось несколько оконных рам, кое-какая работа на крыше, новые водосточные трубы, нужно было покрасить, надраить, отполировать стены, пол, потолок и, конечно, следовало выволочь много мусора, как снаружи, так и изнутри. Я пошел прочь по склону к дороге, вспоминая, как проделал этот путь раньше, в полубреду, на четвереньках, истекая кровью. Та ночь была намного холодней, а снег был и на земле, и в воздухе. Я прошел неподалеку от места, где я сидел, пытаясь остановить машину. Воспоминания были нечеткими, но я все еще помнил тех, кто проехал мимо. Я перешел через дорогу и прошел через поле к роще. Отвязав Барабана, я уселся в седло.

— Мы еще немного попутешествуем, — сообщил я ему, — на этот раз не слишком далеко.

Мы снова направились к дороге и поехали по

ней мимо моего дома. Если бы я не просил Билла продать его, куча компоста по-прежнему красовалась бы на старом месте. И Камень по-прежнему преспокойно лежал бы в ней. А я, без хлопот взяв его оттуда, уже возвращался бы в Амбер, чтобы совершить то, что задумал. Теперь же я должен продолжить свой поиск, и это будет нелегко. У меня возникло такое чувство, что время снова поджимает меня. По крайней мере, здесь его соотношение с амберским временем пока что было для меня благоприятным. Я окликнул Барабана и тряхнул поводьями. Нельзя терять ни секунды. Через полчаса я был в городке, ехал по его тихой улочке в жилом районе, окруженный со всех сторон домами. У Билла горел свет. Я свернул на площадку у его особняка и оставил Барабана на заднем дворе. На мой стук вышла Элис, на миг уставилась на меня, а затем воскликнула:

— Боже мой! Карл!

Спустя несколько минут я сидел с Биллом в гостиной. Элис хлопотала на кухне. Пришлось ей на скорую руку собирать ужин, раз уж спросила, не хочу ли я чего-нибудь пожевать. Билл разглядывал меня, покуривая трубку.

— Твои способы уходить и приходить по-прежнему эффектны, — проронил он.

Я улыбнулся:

— Приходится при нашей профессии.

— Та медсестра в поликлинике… Едва ли кто-то поверил тому, что она рассказала.

— Кто-то?

— Да, да. И этот кто-то — я сам.

— Что же она рассказывала?

— Она утверждала, что ты прошел в центр палаты, стал двухмерным и просто растаял, как подобает старому солдату вроде тебя. А вслед за тобой полетела радуга.

— Радуга? Это может быть результатом глаукомы. Ей следовало бы провериться у окулиста.

— Она проверялась, — ответил Билл. — Ничего аномального.

— О, тем хуже. Следующее, что приходит на ум, это неврологическое заболевание.

— Брось, Карл. С ней все в порядке, и ты это знаешь.

Я улыбнулся и пригубил виски.

— А ты в комплекте с мечом, — заметил он, — похож на игральную Карту, которую я однажды у тебя видел. Что происходит, Карл?

— Это все очень сложно, даже сложнее, чем было в последний раз, когда мы разговаривали.

— Это означает, что ты все еще не можешь ни-

чего мне объяснить?

Я покачал головой.

— Ты своими вопросами выиграл полностью оплаченную турпоездку ко мне на родину. Сможешь совершить ее, когда все это закончится, — пообещал я. — Если у меня тогда еще будет родина. А сейчас время вытворяет ужасные вещи.

— Что я могу сделать, чтобы помочь тебе?

— Мне нужна информация. О моем старом доме. Кто этот парень, который устроил там ремонт?

— Эд Уэллен, местный подрядчик. По-моему, ты его знаешь. Разве не он ставил тебе душ или что-то в этом роде?

— Да, он, вспомнил.

— Он сильно расширил дело, купил какое-то тяжелое оборудование. Сейчас на него работает много парней. Я улаживал его дела.

— Ты знаешь, кому он поручил ремонт моего дома сейчас?

— Так вот сразу — нет. Но за минуту я могу это выяснить.

Он положил руку на телефон, находившийся на краю стола:

— Мне позвонить ему?

— Да. Но дело не только в этом. Меня по-насто-

ящему интересует лишь одно. На заднем дворе была куча компоста. Она была там, когда я приходил в последний раз. Теперь она исчезла. Я должен обязательно выяснить, что с ней сталось.

Билл чуть склонил голову вправо и усмехнулся, не вынимая трубки изо рта:

— Ты серьезно?

— В тот раз я кое-что спрятал в этой куче, когда полз там, украшая снег драгоценной жидкостью алого цвета. Теперь я должен найти это кое-что.

— Что именно?

— Рубиновый кулон.

— Бесценный, надо полагать?

— Ты прав.

Билл медленно кивнул:

— Если бы это был кто-то другой, я бы заподозрил розыгрыш. Сокровище в куче компоста… Семейная реликвия?

— Да. Сорок или пятьдесят каратов. Оправа простая. Тяжелая цепь.

Билл вынул изо рта трубку и тихо присвистнул:

— Ты не возражаешь, если я спрошу, зачем ты туда его положил?

— Если бы я этого не сделал, то был бы сейчас протухшим покойником.

— Весьма веская причина.

Билл снова протянул руку к телефону.

— Домом у нас уже интересовались, — заметил он. — Очень неплохо, поскольку я его еще не рекламировал. Парень прослышал от кого-то, кто прослышал еще от кого-то. Я показал ему дом этим утром. Он подумает. Мы можем продать его довольно быстро.

Он начал набирать номер.

— Подожди, — остановил я его. — Расскажи мне о нем.

— Худощавый парень, рыжий, с бородой. Заявил, что он художник и хочет купить дом в сельской местности.

— Сукин сын! — выругался я.

Элис вошла в комнату с подносом и улыбнулась, подавая его мне.

— Всего лишь пара бутербродов с котлетами и остатки салата. Волноваться не из-за чего.

— Спасибо. А я готов был съесть и старого коня. Представляешь, как после этого было бы у меня на душе.

— Мне думается, что и конь был бы не слишком этим доволен, — произнесла Элис и вернулась на кухню.

— Куча компоста была еще там, когда ты при-

вел его в дом?

Бил закрыл глаза и наморщил лоб.

— Нет, — через минуту ответил он. — Двор был уже очищен.

— Это уже кое-что, — обрадовался я и принялся за еду.

Билл позвонил, и разговор длился несколько минут. Я улавливал общий смысл беседы. Но, когда он повесил трубку, выслушал полный отчет о ней. За это время я прикончил свой ужин и запил его тем, что еще осталось в стакане.

— Ему было крайне неприятно видеть, как зря пропадает хороший компост, — сообщил Билл, — поэтому он погрузил кучу в свой «пикап» всего лишь позавчера и забрал на свою ферму. Он свалил ее на участке, который собирается культивировать, и еще не нашел времени, чтобы раскидать по всему полю. Он говорит, что не заметил никакого камня, но мог легко прозевать его.

Я кивнул:

— Если ты одолжишь мне фонарик, то я не стану откладывать это дело на завтра.

— Разумеется. Я отвезу тебя.

— Я бы не хотел расставаться со своим конем.

— Ну, тебе, вероятно, понадобятся грабли и лопата или вилы. Я могу привезти их и встретить

тебя там, если ты знаешь, где это место.

— Я знаю, где живет Эд. У него должны быть инструменты.

Билл пожал плечами и улыбнулся.

— Ладно, — бросил я. — Позволь мне воспользоваться твоей ванной, а затем в путь.

— Ты, кажется, знаешь этого перспективного покупателя?

Я отставил поднос в сторону и встал:

— В последний раз ты слышал о нем как о Брендоне Кори.

— Парне, который выдавал себя за твоего брата, чтобы упрятать тебя в лечебницу?

— Он не выдавал себя! Он мой брат!

— Он был там.

— Где?

— У Эда. Сегодня в полдень. По крайней мере, там был бородатый рыжий.

— И что он делал?

— Он сказал, что он художник и что хотел бы получить разрешение поставить свой этюдник на поле, чтобы нарисовать его.

— И Эд ему позволил?

— Да, конечно. Он подумал, что это неплохая мысль — увековечить свое поле. Вот почему он рассказал мне об этом. Хотел похвастаться.

— Собирай инструменты. Я встречусь с тобой там.

— Ладно.

Первым делом в ванной я достал свои Карты. Я должен был срочно соединиться с кем-нибудь в Амбере, с кем-нибудь достаточно сильным, чтобы остановить рыжего. Но с кем? Бенедикт был на пути ко Двору Хаоса. Рэндом искал своего сына, а с Жераром я расстался недавно, и отношения у нас после последней встречи были отнюдь не дружеские. Я пожалел, что у меня не было Карты Ганелона. И все-таки решил вызвать Жерара. Я вытащил его Карту и проделал обычные мысленные маневры. Спустя несколько мгновений у меня возник контакт.

— Корвин?

— Только выслушай, Жерар! Бранд жив, если это только может служить каким-то утешением. К сожалению, я в этом чертовски уверен. Дальше будь внимателен. Это так же важно, как жизнь и смерть. Ты обязан кое-что сделать и спешно.

Выражение на его лице, пока я говорил, быстро менялось — гнев, удивление, интерес.

— Говори! — буркнул он.

— Бранд может очень скоро вернуться. Фактически, он уже может находиться в Амбере. Ты

еще не видел его? Нет?

— Нет.

— Надо обязательно помешать ему пройти Лабиринт.

— Не понимаю. Но я могу поставить охрану перед залом Лабиринта.

— Поставь охрану внутри помещения. У него есть теперь странный способ приходить и уходить. Если он пройдет Лабиринт, могут случиться страшные вещи.

— Тогда я лично прослежу за этим. Что происходит?

— Сейчас не время объяснять. Вот еще что… Льювилла вернулась в Ребма?

— Да.

— Свяжись с ней через Карту. Она должна предупредить Маури, что Лабиринт в Ребма тоже надо охранять.

— Насколько это серьезно, Корвин?

— Это может быть концом всего. А теперь мне пора идти.

Я прервал контакт и направился через кухню к задней двери, задержавшись ровно настолько, чтобы поблагодарить Элис и пожелать ей спокойной ночи. Если Бранд получил Камень и настроился на него… Я не был уверен, что он это

сделает, но у меня были дурные предчувствия. Я вскочил на Барабана и развернул его к дороге. Билл уже выбирался задним ходом по подъездной дороге…

Я ехал напрямик через поля, тогда как Билл вынужден был следовать по дорогам, и поэтому я не так уж и отстал от него. Когда я подоспел, он разговаривал с Эдом, показывавшим на юго-запад. Я спешился, и Эд стал разглядывать Барабана.

— Отличный конь! — оценил он.

— Спасибо.

— Вы давно у нас не бывали.

— Да.

Мы обменялись рукопожатием.

— Рад вновь видеть вас. Я только что говорил Биллу, что по-настоящему не знаю, сколько тут пробыл художник. Мне кажется, он уехал, когда стемнело. Я не обратил на это внимания. Ну, а если он действительно искал какую-то вашу вещь и знал, что она спрятана в куче компоста, то, по всей вероятности, он еще там. Если хотите, я возьму свой дробовик и пойду с вами.

— Нет, — отказался я, — спасибо. Я прекрасно знаю, с кем мы имеем дело. Ружье не понадобится. Мы просто пойдем и немного пошарим.

— Позвольте мне помочь вам.

— Вам незачем это делать, — произнес я.

— А вот коню потребуется моя забота. Как вы смотрите на то, если я напою и накормлю его, а также расчешу ему гриву.

— Уверен, что он будет благодарен вам. Я, во всяком случае, испытывал бы именно это чувство на его месте.

— Как его зовут?

— Барабан.

Он подошел к Барабану и попытался с ним познакомиться.

— О'кей, — сказал он. — Я буду в хлеву. Если я вам зачем-то понадоблюсь, только крикните.

— Спасибо.

Я взял инструменты из машины Билла, он понес электрический фонарик, ведя меня на юго-запад, куда показывал Эд. Мы переходили поле, Билл светил, а мой взгляд скользил за лучом в поисках сваленной кучи. Я невольно вздохнул, когда увидел то, что от нее осталось. Вывален-ный из кузова компост не был бы разбросан по полю, он так и лежал бы грудой. Видно, кто-то, не торопясь, основательно порылся в нем. И все же нельзя было сказать с уверенностью, нашел ли то, что искал, тот, кто здесь хорошо поработал.

— Как ты думаешь, он нашел? — поинтересо-

вался Билл.

— Не знаю.

Я положил инструменты на землю и приблизился к самому большому холмику компоста.

— Посвети сюда, Билл.

Я прошелся взглядом по тому, что осталось от кучи, затем принес грабли и принялся разгребать ее. Я разбил каждый ком и разрыхлил его, проводя по нему зубьями. Через некоторое время Билл установил фонарь под удобным углом и пришел ко мне на помощь.

— У меня странное чувство, — проговорил он.

— У меня тоже.

— Кажется, мы явились слишком поздно.

Мы продолжали размельчать и разрыхлять комья.

Я ощутил знакомый зуд присутствия, выпрямился и подождал.

Спустя несколько секунд возник контакт.

— Корвин!

— Я здесь, Жерар.

— С кем ты разговариваешь? — спросил Билл.

Я поднял руку, прося его помолчать, и снова вошел в контакт с Жераром. Он стоял в тени у начала Лабиринта, опираясь на свой большой меч.

— Ты был прав, — промолвил он. — Бранд по-

явился тут всего минуту назад. Я не знаю, как он попал сюда. Он вышел слева, вон там, — показал он. — С минуту он смотрел на меня, а затем повернулся кругом и пошел обратно. Он не ответил, когда я его окликнул. Я включил фонарь, но его нигде не было видно. Он просто исчез. Что мне делать сейчас?

— С ним был Камень Правосудия?

— Не могу сказать. Я видел его мельком и при плохом освещении.

— Следят за Лабиринтом в Ребма?

— Да, Льювилла их предупредила.

— Отлично. Будь настороже. Я скоро снова свяжусь.

— Извини, Корвин. Я насчет того, что случилось недавно…

— Забудь про это.

— Спасибо. Этот Ганелон крепкий малый.

— Не слабак, — согласился я. — Ну, следи за Лабиринтом.

Его образ растаял, когда я освободил контакт, но затем произошла странная штука. Ощущение контакта, тропы осталось при мне — беспредметное, открытое, словно включенное радио, не настроенное ни на какую волну. Билл стал странно смотреть на меня:

— Карл, что происходит?

— Не знаю. Подожди минуту.

Вдруг снова возник контакт, хотя и не с Жераром. Она, должно быть, пыталась дозваться меня, пока мое внимание было отвлечено.

— Корвин, это важно.

— Говори, Фи.

— Ты не найдешь там того, что ищешь. Он у Бранда.

— Так я и думал.

— Мы должны остановить его. Я не знаю, все ли ты знаешь…

— И я тоже больше не уверен, — произнес я, — но я держу под охраной Лабиринты в Амбере и Ребма. Жерар только что сообщил мне, что Бранд появился у амберийского, но его спугнули.

Она кивнула своей изящной головкой. Ее рыжие локоны были в необычном беспорядке, и выглядела она усталой.

— Я знаю об этом и держу его под наблюдением. Но ты забыл еще об одной возможности.

— Нет, — возразил я. — По моим расчетам, Тирна Ног-та пока недоступен.

— Я говорю не об этом. Он направился к самому первозданному Лабиринту.

— Чтобы настроить Камень?

— В первый раз с начала до конца, — подтвердила она.

— Чтобы пройти его, ему придется прогуляться через поврежденный участок. Как я понимаю, это более чем трудно…

— Так, значит, ты знаешь об этом. Хорошо. Это сбережет время. Темный участок не доставит ему таких хлопот, как нам. Он пришел к соглашению с этой тьмой. Мы обязаны остановить его сейчас.

— Ты знаешь какой-нибудь короткий путь напрямик туда?

— Да. Иди ко мне. Я отведу тебя туда.

— Минуточку. Я хочу взять с собой Барабана.

— Для чего?

— Трудно сказать. Именно поэтому я и хочу его иметь при себе.

— Отлично. Тогда проведи меня к себе. Мы с такой же легкостью можем отправиться оттуда, как и отсюда.

Я протянул руку. Через мгновение я держал ее. Она шагнула вперед.

— Господи! — выдохнул Билл, отпрянув. — У меня появились сомнения, здоров ли ты, Карл. Теперь же я беспокоюсь о своем рассудке. Она ведь тоже была на одной из Карт, не так ли?

— Да, Билл. Это моя сестра Фиона. А это Билл

Рот, очень хороший друг.

Фи протянула руку и улыбнулась. Я оставил их там, пока ходил за Барабаном. Спустя несколько минут я привел его.

— Билл, — произнес я. — Сожалею, что зря отнял у тебя время. Эта штука у моего брата, и мы сейчас отправляемся за ним. Спасибо тебе за помощь.

Я пожал ему руку, а он произнес:

— Корвин…

— Да, это мое имя, — улыбнулся я.

— Мы с твоей сестрой поговорили. Немного я смог узнать за несколько минут, но я понял, что дело это опасное. Так что я желаю удачи. Я все еще хочу однажды услышать всю историю.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Я позабочусь о том, чтобы она дошла до тебя.

Я вскочил на коня, нагнулся и, подняв Фиону, посадил ее перед собой.

— Спокойной ночи, мистер Рот, — попрощалась она, после чего обратилась ко мне — Трогай медленно через поле.

Так я и сделал.

— Бранд утверждает, что ножом ударила его именно ты.

Мы отъехали достаточно далеко, чтобы чув-

ствовать себя наедине.

— Совершенно верно, так оно и было.

— Зачем ты это сделала?

— Чтобы избежать катастрофы.

— У меня был с ним долгий разговор. Он утверждал, что первоначально ты, Блейз и он заключили союз, чтобы захватить власть.

— И это верно.

— Он рассказывал мне, что он доверился Каину, пытаясь привлечь его на вашу сторону, но Каин на это не пошел, а кроме того, передал разговор Эрику и Джулиану. Так возникла их собственная группа, которая решила преградить вам дорогу к трону.

— В основном все, что он тебе рассказал — правда. У Каина были собственные принципы, долгосрочные, но, тем не менее, принципы. Он был, однако, не в таком положении, чтобы добиваться их осуществления. Поэтому и решил, что, если уж его удел — быть младшим, ему лучше служить под началом Эрика, чем Блейза. Я не могу понять его позиции.

— Он также упоминал, что ваша тройка заключила сделку с силами в конце Черной дороги, при Дворе Хаоса.

— Да, — подтвердила она, — заключили.

— Ты употребляешь прошедшее время.

— Именно оно и подходит для нас с Блейзом.

— Бранд говорит об этом совершенно иначе.

— Еще бы!

— Он заявил, что ты и Блейз хотели продолжать поддерживать этот союз, но что он решил отказаться от него. Он утверждал, что из-за этого вы и выступили против него, заточив его в башне.

— А почему мы попросту не убили его?

— Сдаюсь. Скажи мне сама.

— Он был слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе, но убить его мы тоже не могли, потому что он знал кое-что жизненно важное.

— Что?

— С исчезновением Дворкина Бранд был единственным, кто знал, как исправить повреждение, причиненное им первичному Лабиринту.

— У вас было достаточно времени, чтобы выжать из него эти сведения.

— Он обладает невероятными ресурсами.

— Тогда почему же ты ударила его ножом?

— Повторяю, чтобы избежать катастрофы. Мы должны были отнять у него либо свободу, либо жизнь. Ему лучше было умереть. Но тогда нам пришлось бы открывать заново метод ремонта Лабиринта.

— Если это так, то почему ты вместе с нами содействовала его возвращению из башни?

— Во-первых, я не сотрудничала, а пыталась воспрепятствовать этому, но у меня ничего не вышло — вы приложили столько стараний. Во-вторых, вы пробились к нему, обойдя меня, и я должна была находиться поблизости, чтобы убить его в том случае, если вы преуспеете. Очень жаль что все вышло так, как вышло.

— Ты подтверждаешь, что вы с Блейзом передумали насчет того союза, а Бранд — нет?

— Да.

— А как это повлияло на ваше желание добиться трона?

— Мы решили, что можем справиться с этим без всякой дополнительной помощи.

— Понимаю.

— Ты мне веришь?

— Боюсь, что начинаю верить.

— Поверни сюда.

Я въехал в горное ущелье. Дорога была узкой и очень темной, над нами была всего одна полоска звезд. Фиона манипулировала Отражениями, пока мы разговаривали, ведя нас с поля Эда вниз, в туманное место, похожее на торфяник, затем снова вверх, к ясной и каменистой тропе среди

гор. Теперь, когда мы двигались через темное ущелье, я почувствовал, что она снова работает с Отражениями. Воздух был прохладным, но не холодным. Чернота слева и справа от нас была абсолютной, казалось, перед нами бездонная глубина, а не тень от соседней скалы. Это впечатление усиливалось. И неожиданно я понял, что копыта Барабана не стучат, не слышно никакого звука, конь будто парит в небесах.

— Чем я могу завоевать твое доверие? — промолвила Фиона.

— Это звучит слишком значительно.

Она рассмеялась:

— Тогда я скажу иначе. Что я могу сделать, чтобы убедить тебя в моей правдивости?

— Ответь лишь на один вопрос.

— На какой?

— Кто стрелял по моим шинам?

Фиона рассмеялась:

— Ты ведь вычислил это, не так ли?

— Может быть. Скажи мне сама.

— Бранд. Ему не удалось уничтожить твою память, и поэтому он решил, что лучше проделать более основательную работу.

— До меня дошли слухи, что стрелял Блейз, и он же оставил меня в озере, а Бранд прибыл как

раз вовремя, чтобы вытащить меня и спасти мне жизнь. Фактически полицейский рапорт указывает на то, что дело было именно так.

— А кто вызвал полицию? — спросила Фиона.

— Они записали это как анонимный звонок, но…

— Ее вызвал Блейз. Он не мог добраться до тебя вовремя, чтобы спасти, как только понял, что происходит, и надеялся, что это сделает полиция. К счастью, так и получилось.

— Что ты имеешь в виду?

— Бранд не вытаскивал тебя из-под обломков. Ты сам выбрался. Он ждал поблизости, чтобы удостовериться, что ты погиб, а ты выплыл и сумел выбраться на берег. Он спустился вниз, чтобы узнать, в каком ты состоянии — умрешь ли сам или же ему нужно снова бросить тебя в озеро. Но тут прибыла полиция, и ему пришлось скрыться. Вскоре после этого мы догнали его и заточили в башне. Надо сказать, что это было нелегко и потребовало немало усилий. Потом я нашла Эрика и рассказала ему обо всем, что случилось. Тогда он приказал Флоре положить тебя в другую клинику и позаботиться, чтобы тебя выпустили оттуда только после его коронования. Так ему было спокойней.

— Сходится, — прошептал я. — Спасибо.

— Что сходится?

— Я был всего лишь сельским лекарем во времена более простые, чем нынешние, и никогда не имел отношения к психиатрии, но я все-таки знал, что человека не подвергают шокотерапии, чтобы восстановить его память. Шокотерапией добиваются как раз противоположного результата — она уничтожает краткосрочные воспоминания. У меня сразу зародились подозрения, как только я узнал, что мне устроил Бранд. Я создал собственную гипотезу. Автокатастрофа не восстановила мою память, равно как и шокотерапия. Я начал, наконец, вновь обретать ее естественно, а не в результате какой-то конкретной травмы или лечения. Должно быть, я кому-то рассказал об этом, а Бранд услышал и поменял тактику. Он решил, что мое выздоровление наступило не вовремя. Поэтому он отправился на мое Отражение и добился, чтобы меня упрятали в лечебницу и подвергли терапии, которая, как он надеялся, сотрет то, что я недавно открыл снова. Это удалось лишь частично, в том смысле, что память моя начисто потеряла два дня моей жизни. Это были те дни, когда меня лечили или пытали шоком. Автокатастрофа тоже могла внести свой вклад.

Но когда я сбежал из Портеровской лечебницы и его попытка убить меня не удалась, процесс восстановления памяти стал нарастать, особенно после того, как я вновь пришел в сознание в Гринвуде и убрался оттуда. Я вспоминал все больше и больше и, пока жил у Флоры, вылечился почти окончательно. Рэндом ускорил восстановление памяти, отведя меня в Ребма, где я прошел Лабиринт. Однако, теперь я убежден, если бы этого и не произошло, память ко мне все равно вернулась бы. Это могло занять несколько более долгий срок, но я все равно прорвался бы. Это был уже необратимый процесс, он шел по инерции, я заново открывал мир, созданный внутри меня, и этот мир был памятью. Для себя я давно сделал вывод — Бранд пытался помешать мне. Это и сходится с тем, что ты мне только что рассказала.

Полоска звезд над нами сузилась и наконец исчезла. Теперь мы пробирались по совершенно черному туннелю, и свет мерцал далеко перед нами.

— Да, — подтвердила Фиона. — Ты угадал правильно. Бранд боялся тебя. Он говорил, что видел однажды ночью в Тир-на Ног-та, что ты вернулся и расстроил все наши планы. В то время я не обратила на это внимания, потому что даже не

знала, жив ли ты еще. Вот тогда-то он, должно быть, и задумал найти тебя. Выведал ли он, где ты, какими-то тайными средствами или просто подсмотрел в мозгу Эрика место твоего обитания — я не знаю. При случае он способен и на такой подвиг. Как бы то ни было, он тебя обнаружил, а остальное ты знаешь.

— Его вначале заинтересовало, почему в тех местах находится Флора и что это за странная связь у нее с Эриком. Так, по крайней мере, он утверждает. Но теперь это не имеет значения. Что ты намерена с ним делать, если мы его встретим?

Фиона тихо засмеялась:

— У тебя на боку меч, — заметила она.

— Не так давно Бранд говорил мне, что Блейз все еще жив. Это правда?

— Да.

— Тогда почему же здесь я, а не Блейз?

— Блейз не настроен на Камень, а ты настроен. Ты взаимодействуешь с ним на близком расстоянии, и он попытается сохранить тебе жизнь, если ты будешь в опасности. Риск, следовательно, не такой большой, — объяснила Фиона.

Затем, несколько минут спустя, она предупредила:

— Однако не считай это гарантией. Быстрый

удар все же может опередить его реакцию. Ты можешь умереть в его присутствии.

Свет впереди стал ярче, но по-прежнему не было ни малейшего ветерка, звука или запаха. Мы скакали вперед, и я размышлял над тем, что узнал от Фионы. С тех пор, как я вернулся, было столько откровений. Каждый толковал случившееся на свой лад. У каждого были свои резоны для действий и свои оправдания событий прошлых и настоящих. Каждому казалось, что прав он и что только он действует на благо королевства и что в данную минуту можно действовать только так. Надежды и планы, воспоминания и предчувствия, холодный расчет и горячие чувства кружились, сталкивались в водоворотах, словно полая вода на улицах города. Добавьте к этому факты, которые я собрал по крупицам, чтобы сделать из них памятник на могиле своего прежнего «Я». И каждая волна нового толкования событий опять срывала с якорей то, что я уже считал незыблемым. И вся картина того, что произошло, менялась настолько, что сама жизнь казалась постоянно меняющейся игрой. Истина была недостижима. И все же я знал теперь гораздо больше, чем раньше, был намного ближе к сути дела. И пьеса, в которой я стал играть свою роль

по возвращении, еще была далека от развязки.

Чего же я все-таки хотел? Узнать правду, соответствовать происходящему действию, соответствовать самой жизни. Смешно? Наверное. Тем более, что, кажется, никому не удавалось достичь и того и другого. А коли так, то главное — приближение к истине, раз уж невозможно достичь ее, По-моему, и этого уже достаточно. Скажем так: если тебе удалось взмахнуть мечом не впустую, если тобой руководило стремление к истине и справедливости, то это и есть та высшая компенсация за бесплодные усилия, на какую только можно рассчитывать в этом мире. Я рассмеялся своим мыслям и проверил, по-прежнему ли свободно выходит из ножен мой клинок.

— Бранд утверждал, что Блейз набрал новую армию, — начал было я.

— Позже, — прервала Фиона. — Времени больше нет.

Она была права. Светящийся круг двигался на нас. Он приближался со скоростью большей, чем двигались мы. Казалось, что длина туннеля сама сокращалась. Свет лился в отверстие, которое мне казалось входом в пещеру.

— Отлично, — проговорил я.

Спустя несколько минут мы добрались до этого

отверстия и прошли через него. Я зажмурился, когда мы вышли. Слева от меня было море, казалось, слившееся с небом того же цвета. Золотое солнце, висевшее в нем, выпускало во всех направлениях блестящие лучи. Позади меня не было теперь ничего, кроме скалы. Наш проход в этом месте исчез без следа. Внизу, не слишком далеко, передо мной лежал первичный Лабиринт. Какая-то фигура преодолевала вторую из его внешних дуг, настолько сосредоточив внимание на своих усилиях, что явно не замечала нашего присутствия. Красный блеск ударил мне в глаза, когда он повернулся. Камень висел теперь на его шее, как он висел раньше на моей, Эрика, отца. Конечно же это был Бранд. Я спешился, поднял глаза на Фиону, маленькую, глубоко расстроенную, и вложил в ее руку поводья Барабана.

— Есть у тебя какой-нибудь иной совет, чем отправиться вслед за ним? — прошептал я.

Она покачала головой. Тогда, повернувшись, я вытащил Грейсвандир и широким шагом двинулся вперед.

— Желаю удачи, — тихо прошептала она.

Идя к Лабиринту, я увидел длинную цепь, ведущую из входа в пещеру к неподвижному теперь грифону. Голова Винсера лежала на зем-

ле в нескольких шагах от тела. Из шеи текла на камень красная кровь. Приблизившись к началу Лабиринта, я проделал быстрый расчет. Бранд уже совершил несколько поворотов вокруг главной спирали узора. Он углубился в нее приблизительно на два с половиной витка. Если бы нас разделял только один виток, я мог бы дотянуться до него своим мечом, достигнув параллельной позиции. Однако чем дальше проникаешь в узор, тем тяжелее становятся шаги. Следовательно, Бранд передвигался с постоянно уменьшающейся скоростью, так что догнать его нетрудно. Впрочем, не было нужды догонять его. Нужно было просто набрать полтора витка и занять позицию напротив его позиции. Я поставил ногу на Лабиринт и двинулся со всей быстротой, на какую оказался способен. Мои ступни начали окружать голубые искры, когда я пронесся через первый вираж вопреки возрастающему сопротивлению. Искры быстро поднимались. Волосы мои взлетели, когда я наткнулся на первую Вуаль. Я проталкивался вопреки давлению Вуали, гадая, заметил ли меня Бранд. Сам же я не в состоянии был отвлечься ни на секунду, чтобы глянуть на него. Сопротивление нарастало. Я миновал Вуаль и снова стал двигаться вперед с большой

скоростью. Вот тогда-то я и взглянул на Бранда. Он только-только выходил из ужасной второй Вуали. Голубые искры достигали его пояса. На лице у него была улыбка решимости и торжества, когда он высвободился и сделал шаг вперед. В этот момент он заметил меня. Усмешка исчезла, и он заколебался. Это было очко в мою пользу. В Лабиринте никогда не надо останавливаться. Если остановишься, то сдвинуться снова будет ужасно трудно.

— Ты явился слишком поздно! — крикнул Бранд.

Я ему не ответил. Я просто продолжал идти. Голубые огни падали с узора Лабиринта на клинок Грейсвандир.

— Тебе не пройти через черный участок, — крикнул он.

Я продолжал идти. Темный район был теперь как раз передо мной. Я был рад, что он занимал один из наиболее трудных участков на этом обороте витка. Бранд двинулся вперед и медленно начал свое продвижение к Великой Кривой. Если я смогу настичь его там, это будет вообще не состязание. Он там будет беспомощен и не сможет защищаться. Приблизившись к поврежденному участку Лабиринта, я вспомнил, как мы с Ганело-

ном перерезали Черную дорогу во время своего бегства из Авалона. Я сумел сломить мощь Черной дороги, когда мы пересекали ее, держа в уме образ Лабиринта. Теперь вокруг меня повсюду был сам Лабиринт, мне не нужно было приближать его. Я подумал о том, что Бранд пытается испугать меня. Хотя мне пришло в голову, что сила темного места вполне могла быть мощнее здесь, в своем истоке. Когда я приблизился к нему, Грейсвандир запылала с неожиданной силой, превосходившей ее прежнее свечение. Я коснулся ее острием края черноты в месте, где кончался Лабиринт. Грейсвандир разрезала черноту. Я продолжал идти вперед, и мой меч рассекал участок передо мной, скользя вперед по тому, что казалось приближением к первоначальному узору. Я следовал по нему. Солнце потемнело, когда я двинулся по темной территории. Я вдруг начал ощущать сердцебиение, на лбу у меня выступил пот. На все падал сероватый оттенок. Мир померк. Лабиринт растаял. Казалось, что в этом месте легко будет сделать неверный шаг, и я был уверен, что вследствие этого произойдет то, что обычно бывает, когда оступаешься в целой части Лабиринта. Выяснять мне это не хотелось. Я смотрел вниз, следуя за линией, которую чер-

тила передо мной Грейсвандир. Голубой огонь клинка был теперь единственным оставшимся в мире светом. Правая нога, левая нога… Затем я вдруг оказался за пределами мрака, и Грейсвандир снова свободно взлетела в моей руке, огни потускнели, то ли из-за контраста с ярким светом Лабиринта, то ли по каким-то иным причинам. Оглядевшись, я увидел, что Бранд приближается к Великой Кривой. Я начал прокладывать себе путь ко второй Вуали. В последующие несколько минут нам придется поднапрячься, чтобы преодолеть свои отрезки пути. Но Великая Кривая была труднее и продолжительнее. Я вновь буду свободен и буду передвигаться быстрее, прежде чем он преодолеет свой барьер. Затем мне придется во второй раз пересечь поврежденный участок. Он может к тому времени освободиться, но двигаться будет медленнее, чем я, потому что будет находиться на участке, где идти станет еще труднее. Постоянное статическое электричество поднималось при каждом моем шаге, все мое тело испытывало жуткую щекотку. Искры поднимались до бедер. Это было все равно, что шагать по полю электрической ржи. Волосы мои поднялись. Я чувствовал, как они шевелятся. Один раз я быстро оглянулся и увидел Фиону, все еще на

коне, неподвижную и следящую за нами. Я заторопился ко второй Вуали. Углы, короткие резкие повороты. Сила все поднимается и поднимается против меня, так что все мое внимание, вся моя энергия были теперь заняты борьбой с ней. Снова пришло знакомое ощущение безвременности, как будто я занимался только этим, лишь этим всегда и занимался. И вся моя воля сфокусировалась в этом кругу — Бранд, Фиона, Амбер, я сам. Искры поднимались еще выше. Я боролся, трудился, каждый шаг требовал больше усилий, чем предыдущий. Я пробивался снова к черной черте. Я снова выдвинул Грейсвандир вперед. Снова скорость, одноцветный туман, разрезаемый голубизной моего клинка, открывавшего передо мной дорогу, словно хирургический скальпель. Когда я вышел на нормальный свет, я поискал взглядом Бранда. Он все еще находился в западном квадрате, борясь с Великой Кривой, пройдя примерно две трети пути через нее. Если я поднажму как следует, то, может быть, сумею настичь его как раз тогда, когда он из нее выйдет. Я собрал все свои силы и прибавил скорость. Когда я достиг северного виража Лабиринта, мне вдруг стало страшно от того, что мне предстоит совершить. Я тороплюсь пролить на Лабиринт кровь. Если

бы вопрос стоял так — либо Бранд уничтожит Лабиринт, либо я должен убить Бранда, все было бы ясно, и я знал бы, что мне делать. Но я чувствовал, что возможен какой-то третий вариант. Надо спасать Лабиринт, не проливая в нем крови этого подонка. Я немного замедлил шаг. Все будет зависеть от своевременности нападения. Было ясно, что ему двигаться гораздо тяжелее, чем мне, так что в этом отношении у меня было преимущество. Моя новая стратегия требовала, чтобы мы встретились в определенном месте. По иронии судьбы, я в этот момент вспомнил заботу Бранда о своем коврике. Проблема сохранения в чистоте этого места была, однако, намного сложней. Он приближался к концу Великой Кривой, и я ему позволил сделать это, вычислив расстояние до черноты. Я решил атаковать на поврежденном участке. Единственным его преимуществом было то, что я находился справа от него. Чтобы свести к минимуму выгоду, получаемую им от этого, когда мы скрестим клинки, мне придется оставаться немного позади. Бранд, преодолевая сопротивление, шел вперед. Все его движения были как при рапидной съёмке. Я тоже боролся, но не так заметно. Я сохранял прежний темп. Проходя Лабиринт, я раздумывал о Камне, о бли-

зости, ощущаемой нами с момента настройки. Я чувствовал его присутствие слева, хотя не видел его на груди Бранда. Будет ли он действовать на таком расстоянии и спасет ли он меня, если Бранд возьмет верх в нашем поединке? Чувствуя его присутствие, я в это верил. Он уже вырвал меня однажды из лап моего врага и нашел каким-то образом в моих мыслях безопасное место — мою собственную постель. Он осторожно переправил меня туда. Чувствуя его теперь, я почти осязал путь, лежащий перед Брандом. Мне показалось, что Камень снова попытается действовать в моих интересах. Однако, помня слова Фионы, я решил не полагаться на него. И все же, учитывая и другие его особенности, вернее, сложившиеся между нами отношения, я думал, а не попробовать ли управлять им на расстоянии.

Бранд почти завершил Великую Кривую. Я дотянулся до его уровня и вступил в контакт с Камнем. Налагая на него свою волю, я призвал бурю типа красного торнадо, уничтожившую Яго. Я не знал, смогу ли я управлять этим явлением в этом месте, но, тем не менее, призвал его и направил к Бранду. Ничего не произошло, хотя я чувствовал, что Камень функционирует, желая что-то предпринять. Бранд дошел до конца, при-

ложил последние усилия и вышел из Великой Кривой. Я был позади него. Он каким-то образом тоже определил это. Меч его был выхвачен в тот же миг, как исчезло давление. Он прошел пару футов быстрей, чем, как мне казалось, должен был, выставил левую ногу вперед, повернулся всем телом и встретил мой взгляд сквозь скрещение наших клинков.

— Провалиться мне, если ты все-таки не сошел с ума, — заявил он и коснулся острия моего меча своим собственным. — Ты никогда не попал бы сюда так быстро, если бы не эта сволочь на коне.

— Очень милая манера говорить о нашей сестричке.

Я сделал выпад и наблюдал, как он движется, парируя мой удар. Мы оба были ограничены в возможностях в том смысле, что никто из нас не мог нападать, не покидая Лабиринта. Я был еще более ограничен тем, что не желал проливать его кровь. Я сделал ложный выпад, и он отступил, скользя левой ногой по узору позади него. Затем он оттянул правую ногу, топнул ею и попытался без предисловий рубануть меня по голове. Черт побери! Я парировал удар, а затем сделал ответный выпад. Я не хотел попасть в него, но острие Грейсвандира прочертило ему

дугу под грудью. Я услышал гудение в воздухе над нами. Однако я не мог оторвать взгляд от Бранда. Он взглянул вниз и снова немного отступил. Это было хорошо. Теперь там, куда попал в него мой меч, его рубашку украшала красная линия. Пока что материал, кажется, поглощал кровь. Я притоптывал, делал финты, выпады, парировал, встречал ответные удары, прыгал и отскакивал — все, что я мог придумать, чтобы заставить его отступить. У меня было психологическое преимущество, мы оба знали, что я мог применить больше приемов и сделать это быстрей. Бранд приближался к темному участку. Еще несколько шагов… Я услышал звук вроде удара колокола, за которым последовал громкий рев. На нас вдруг упала тень, словно туча закрыла солнце. Бранд поднял взгляд. Думаю, я в этот момент мог бы добраться до него, но он был все еще в паре футов от заданного места. Бранд опустил глаза и ожег меня взглядом:

— Черт тебя побери, Корвин! Это же твоя работа, так ведь? — закричал он.

Затем он кинулся в атаку, отбросив всякую осторожность, свойственную ему. К несчастью, я был в плохом положении, мне удалось оттеснить его, однако не достаточно далеко. Я был открыт и

стоял не очень устойчиво. Даже парируя, я понял, что этого мало, и, вывернувшись, упал назад. Я старался не сдвинуться с места, когда свалился, и приземлился на правый локоть и левую ладонь. Я выругался, так как почувствовал сильную боль. Но Бранд не задел меня, и внутри голубого нимба мои ноги все еще касались линии. Я был вне досягаемости для Бранда, хотя он еще мог подрубить мне сухожилия. Я вытянул перед собой руку, все еще сжимавшую Грейсвандир, и стал опускаться на землю. Когда я сел, то увидел, что красная штука, желтеющая по краям, вращалась теперь прямо над Брандом. Она сыпала сухо потрескивающими искрами, небольшими голубыми молниями. Рев ее теперь повысился до воя на высоких нотах. Бранд взял свой меч за эфес, поднял его над плечом и направил острие в мою сторону. Я понимал, что не смогу ни отбить удар, ни увернуться от него. Мысленно потянулся я к Камню и к этой красной штуке в небе. Яркая вспышка на миг ослепила нас. Казалось, молния протянула вниз свой сверкающий палец и коснулась клинка Бранда. Он уронил свой меч. Одну руку Бранд поднес к губам, а другой сжал Камень Правосудия. Видимо, он понял, что я связан с Камнем и старался закрыть его от меня. Дуя

на пальцы, он глянул вверх. И гнев мгновенно схлынул с его лица. На нем появилось выражение страха, скорее даже ужаса. Конус стал опускаться. Тогда Бранд шагнул на зачерненный участок Лабиринта, повернулся лицом на юг, поднял руки и что-то крикнул. Из-за пронзительного воя я не расслышал его слов. Конус приблизился к Бранду, но он в это мгновение, казалось, стал двухмерным. Его силуэт задрожал, он стал уменьшаться, но не от того что сжималось его тело, а потому что между нами стремительно увеличивалось расстояние. Бранд исчез всего за мгновение до того, как конус накрыл то место, где он стоял. А так как вместе с ним исчез и Камень, то я больше не мог управлять висевшей надо мной штукой. И теперь я не знал, что лучше — то ли по-прежнему сидеть, то ли встать, потому что этот вихрь налетал неожиданно на все, что нарушало нормальную последовательность событий. Я сел и в таком положении подобрался к линии. Затем нагнулся вперед. К тому времени конус начал подниматься. Вой становился все тише. Голубые огни вокруг моих ног полностью исчезли. Я повернулся и посмотрел на Фиону. Она жестом предложила мне подняться и идти дальше. Я медленно встал, отметив, что когда я двигался, вихрь надо мной

продолжал расходиться. Вступая на участок, где еще недавно стоял Бранд, я снова использовал Грейсвандир в качестве проводника. Покореженный меч Бранда лежал неподалеку, на краю темного участка. Мне захотелось, чтобы существовал еще какой-нибудь выход из Лабиринта — полегче этого. Сейчас казалось бессмысленным завершать этот путь. Но коль уж ты ступил на него — возврата назад не было. Я побоялся искать выход по темному участку, и поэтому направился к Великой Кривой. Интересно, гадал я, куда перенесся Бранд? Если бы я знал, где он, то мог бы приказать Лабиринту отправить меня вслед за ним, как только я доберусь до центра. Наверное, Фиона об этом догадывалась. И все же он, наверное, отправился туда, где у него были союзники. Было бы бессмысленно преследовать его в одиночку. Я утешил себя тем, что, по крайней мере, помешал ему настроиться на Камень. Затем я вступил на Великую Кривую. Вокруг меня взметнулись искры.

После полудня клонящееся к западу солнце освещает скалы слева от меня. Те, что стоят справа, отбрасывают длинные тени. Солнце просачивается сквозь листву над моей гробницей, оно слегка согревает холодные ветры Колви-

ра. Я пожал руку Рэндома и повернулся, чтобы рассмотреть человека, сидевшего на скамейке рядом с мавзолеем. Я узнал его. Это был юноша, изображенный на пробитой карте. В углах его рта пролегли складки, глаза были усталые. Я узнал его раньше, чем Рэндом представил сына.

— Это мой сын Мартин.

Мартин приподнялся, когда я приблизился к нему, крепко пожал мне руку и произнес:

— Дядя Корвин.

Выражение его лица лишь слегка изменилось, когда он промолвил это, внимательно посмотрев на меня. Он был на несколько дюймов выше Рэндома, но такого же легкого телосложения. Подбородок и скулы были у него общего для них раскроя, да и волосы были, как у Рэндома. Я улыбнулся.

— Ты долго скитался, так же, как и я.

Мартин кивнул.

— Но я никогда по-настоящему и не был в Амбере, — уточнил он. — Я вырос в Ребма и в других местах.

— Тогда позволь мне поздравить тебя, мой племянник, с приездом. Ты явился в интересное время. Рэндом, должно быть, рассказал об этом.

— Да. Вот поэтому я и пожелал встретиться

здесь с тобою.

Я взглянул на Рэндома.

— Последний из родственников, с кем он встречался, был Бранд, — пояснил он. — И встретились они при очень скверных обстоятельствах. Можешь ли ты его винить?

— Едва ли. Я сам недавно столкнулся с ним. Не могу сказать, чтобы это была самая приятная встреча.

— Столкнулся с ним? — переспросил Рэндом. — Что-то я не понимаю тебя.

— Он покинул Амбер, и при нем Камень Правосудия. Если бы я раньше знал, что он замышляет, он бы до сих пор сидел в башне. Бранд очень опасен.

Рэндом кивнул:

— Знаю. Мартин подтвердил все наши подозрения насчет покушения. Это сделал Бранд. А что ты сказал о Камне?

— Он успел раньше меня к месту, где я оставил его на Отражении Земля. Он хотел пройти с ним Лабиринт и спроецировать себя через него, чтобы настроить его для своих целей. Я только что помешал ему сделать это в первозданном Лабиринте в настоящем Амбере. Однако он сбежал. Я сразу же встретился с Жераром. Он отправил от-

ряд стражников через Фиону на тот случай, если он захочет вернуться и попробовать настроить Камень снова. Наш собственный Лабиринт и тот, что в Ребма, тоже тщательно охраняются.

— Зачем ему нужно настроить Камень? Ему необходимо вызвать грозу? Черт возьми! Он может прогуляться по Отражениям и установить там любою погоду, какую только пожелает.

— Не в грозе дело. Настроенный на Камень может стереть при его помощи любой Лабиринт.

— О?! И что тогда произойдет?

— Миру, который мы знаем, придет конец.

— О! — опять воскликнул Рэндом. Но затем спросил:

— Откуда ты это знаешь, Корвин, черт возьми?!

— Это длинная история, и у меня нет времени рассказывать ее, но я узнал ее от Дворкина, и я верю многому из того, что он рассказал.

— Он все еще тут?

— Давай поговорим о нем позже.

— Ладно. Но Бранд, должно быть, сошел с ума. Такое совершить может только маньяк.

Я кивнул:

— Он думает, что сможет потом создать новый Лабиринт и перестроить вселенную на свой лад.

И, конечно же, будет в ней править.

— А это можно сделать?

— Теоретически да. Но даже Дворкин сомневается в том, что это можно совершить сейчас. Тогда момент был неповторимым. Я тоже считаю, что Бранд сошел с ума. Вспомни его прошлые поступки, перемены его характера, его перепады настроения — типичный шизик, картина заболевания — налицо. Я не знаю, толкнула ли его за грань заключенная с врагами сделка или нет. Это не имеет значения. Я желал бы, чтобы он оставался в башне и чтобы Жерар оказался худшим лекарем.

— Ты знаешь, кто ударил его?

— Фиона. Ты можешь узнать подробности у нее.

Рэндом прислонился к моему мавзолею и покачал головой.

— Бранд, — произнес он. — Любой из нас мог убить его в былые времена. Но как только он достаточно взбесит тебя, он тут же меняется. Через некоторое время ты уже думаешь, что он, в конце концов, не такой уж плохой парень. Очень жаль, что он не толкнул кого-нибудь из нас посильней в подходящее время.

— Как я вас понял, охота на него теперь разре-

шена законом? — спросил Мартин.

Я посмотрел на него. Челюсти его сжались, а глаза сузились. На мгновение все наши лица промелькнули в его лице, словно кто-то тасовал колоду наших семейных карт. Весь наш эгоизм, ненависть, гордость и злоупотребления, казалось, промелькнули на нем в этот миг, а ведь даже ноги его еще не было в Амбере. Внутри у меня что-то оборвалось, и я схватил его за плечи:

— У тебя есть веские причины ненавидеть Бранда. И ты задал хороший вопрос. Охотничий сезон на Бранда открыт. Договориться с ним невозможно — остается только уничтожить его, иного пути нет. Я и сам долгое время ненавидел его, покуда он оставался для меня абстракцией. Да, Бранд должен быть убит. Но не давай своей ненависти воли. Нельзя, чтобы это чувство стало твоим крестным отцом при вступлении в наше общество. Его и так слишком много в Амбере. Я смотрю на твое лицо и не знаю… Мне очень жаль, Мартин. Сейчас здесь происходят важные события. Я нагляделся всякого больше твоего. Кое-какие вещи беспокоят меня по-иному, чем тебя. Вот и все, что я хотел сказать.

Я отпустил его и отступил.

— Расскажи мне о себе, — попросил я.

— Я долгое время боялся Амбера, — начал Мартин, — и полагаю, что все еще побаиваюсь. С тех пор, как Бранд напал на меня, я все гадал, не может ли он снова настичь меня. Много лет я оглядывался через плечо и боялся всех вас. Я сказал отцу, что не хочу встречаться со всеми вами сразу, и он предложил, чтобы сперва я повидался с тобой. В то время ни он, ни я не думали, что ты будешь так близко принимать к сердцу мои дела. Однако, после того как я упомянул о них, отец сказал, что я должен как можно скорее увидеться с тобой. Он рассказал мне обо всем, что происходило. Видишь ли, я кое-что об этом знаю.

— Я догадался, что ты хорошо о нас осведомлен, когда была названа семья, с которой ты связан.

— Текисы? — догадался Рэндом.

— Она самая.

— Я не знаю, с чего начать рассказ о себе, — сказал Мартин.

— Мне известно, что ты вырос в Ребма, прошел Лабиринт, а затем использовал свою власть над Отражениями, чтобы посетить Бенедикта на Авалоне. Бенедикт рассказал тебе кое-что об Амбере и Отражениях, научил тебя пользоваться Картами, обращаться с оружием. Позже ты отправился по Отражениям сам. И я знаю, что с тобой сделал

Бранд. Вот все, что я о тебе знаю.

Мартин кивнул.

— Покинув Бенедикта, я много лет путешествовал по Отражениям. Это были самые счастливые времена, какие я знал. Приключения, тревоги, я повидал много нового. В глубине души я всегда знал, что в один прекрасный день, когда я поумнею, стану сильнее и опытнее, я отправлюсь в Амбер и встречусь со своими родственниками. А затем меня поймал Бранд. Я разбил лагерь на склоне невысокого холма, отдыхая от долгой скачки. Впереди был еще длинный путь к моим друзьям Текисам. Вот тут Бранд и вступил со мной в контакт. Бенедикт научил меня когда-то пользоваться Картами. И, случалось, я вызывал его через Карту. С их помощью я не раз встречался с ним в те времена, когда путешествовал. Он даже переправлял меня через них на большие расстояния, чтобы я знал, как это делается. И в этот раз ощущение было такое же, я даже подумал, что это Бенедикт вызывает меня, но это был Бранд. Я узнал его по изображению в моей колоде. И увидел, что он стоит посередине Лабиринта. Я не знал, как он связался со мной. Мне казалось, что моей Карты нет ни у кого, кроме Бенедикта. Он говорил со мной минуту. Даже уже не помню о чем.

Когда же мир вокруг стал четким, он ударил меня кинжалом. Я оттолкнул его и рванулся прочь. Он каким-то образом удержал контакт. Мне было трудно прервать его, но я это сделал. Тогда он попытался снова добраться до меня, но я сумел блокировать его. Бенедикт научил меня и этому. Он снова несколько раз попробовал связаться со мной, но я продолжал блокировать его. Наконец, он прекратил свои попытки. Я был недалеко от Текисов, мне удалось влезть на коня и добраться до их дома. Я думал, что умру, так как рана была очень глубокой. Но через некоторое время я начал поправляться. Меня стала преследовать мысль, что Бранд найдет меня и прикончит.

— Почему ты не вступил в контакт с Бенедиктом и не рассказал ему о своих страхах?

— Я думал об этом. Но потом решил, что лучше пускай Бранд считает, что я в самом деле умер. Я не знаю, какого рода борьба за власть происходила в Амбере, но, видимо, покушение на мою жизнь было частью этой борьбы. Бенедикт достаточно рассказал мне о семье, и я догадывался, в чем дело. Поэтому я и решил, что мне пока лучше оставаться в мертвых. Я покинул Текисов, не оправившись полностью, и поехал, чтобы затеряться на Отражениях. Там я столкнулся со

странным явлением, о котором ничего не знал до этого. Почти на всех Отражениях, через которые я проходил, пролегала Черная дорога. Я не понимал ее назначения, но мне было любопытно разобраться в ее природе, так как явление казалось глобальным — ведь она пересекала весь мир. Я твердо решил последовать по Черной дороге и узнать о ней побольше. Это было опасно. Я быстро научился не наступать на нее. Ночью по ней, или это мне казалось, путешествовали странные фигуры. Животные, ступившие на нее, заболевали и погибали. Так что я был осторожен. Я не подходил к ней ближе, чем было необходимо для того, чтобы держать ее в поле зрения. Я следовал за ней через много мест. И узнал, что повсюду, где она проходила, рядом были смерть, опустошение или беда. Я не знал, как это истолковать. Я все еще был болен, но торопился. И напрасно. Не рассчитав силы, я в один вечер свалился в ознобе и дальше продолжать свои исследования не мог. Всю ночь и следующий день я умирал. Меня лихорадило, я потерял счет времени и поэтому не могу сказать, когда появилась передо мной молодая красивая девушка. Она заботилась обо мне, пока я выздоравливал. Ее звали Дара. Мы без конца разговаривали. Это было очень здорово

— чувствовать, что рядом есть человек, с которым можно вот так поговорить. Я, должно быть, рассказал ей всю историю моей жизни. Потом она рассказала кое-что о своей жизни. Она не жила в том месте, где нашла меня. Она пришла туда через Отражения. Дара еще не умела проходить через них, как ходим мы. Хотя чувствовала, что в состоянии научиться этому, так как происходит от королевского дома Амбера, от Бенедикта. Она очень хотела узнать, как это делается. Тогда ее средством передвижения была сама Черная дорога. Она была не восприимчива к ее вредному воздействию, потому что находилась также в родстве с живущими по другую сторону Черной дороги, при Дворе Хаоса. Она хотела научиться нашим средствам, так что я, насколько мог, посвятил ее во все, что знал сам. Я рассказал ей о Лабиринте, даже начертил ей его. Я показал ей свои Карты — Бенедикт дал мне колоду. Ей было интересно, как выглядят ее родственники. Особенно она заинтересовалась тобой.

— Я понимаю, почему, — перебил я его. — Рассказывай дальше.

— Она рассказала мне, что Амбер в разгаре своего разложения. И это нарушило своего рода метафизическое равновесие между ним самим и

Двором Хаоса. На ее народе теперь лежала задача восстановить материю, опустошенную Амбером. Их собственное место не Отражение Амбера, а сама по себе твердая реальность. В то же время все Отражения страдают из-за Черной дороги. При своем тогдашнем знании Амбера я мог только слушать. Сперва я принимал на веру все, что она говорила. Бранд для меня, разумеется, подходил к ее описанию зла в Амбере. Но когда я обрушился на него, она стала защищать Бранда. Там, откуда она пришла, он был своего рода героем. Она не хотела оценить конкретный случай и, казалось, он ее не слишком беспокоил. Вот тогда я понял, что доверять ей полностью нельзя. Слишком она была самоуверенной и рассуждения ее носили печать фанатизма. Чуть ли не против своей воли я оказался защитником Амбера. Я думал о Льювилле и Бенедикте, и о Жераре, с которым я встречался несколько раз. Я почувствовал, что ей не терпелось разузнать побольше о Бенедикте. Это оказалось слабым местом в ее броне. Здесь я мог говорить со знанием дела, а она была готова поверить во все хорошее, что я рассказывал. Не знаю, поколебал ли я ее убеждения, но к концу мне казалось, что она уже не так уверена в себе и в правоте своих принципов.

— К концу? — переспросил я. — Что ты имеешь в виду? Сколько она пробыла с тобой?

— Почти неделю. Она сказала, что будет заботиться обо мне, пока я не поправлюсь, и заботилась. Она заявила, что хочет быть уверенной, что мне ничего не грозит. Но я думаю, на самом деле, она хотела продолжить наши разговоры. Наконец, она сказала, что должна двигаться дальше. Я попросил ее остаться со мной, но она не могла. Я сказал, что хотел бы отправиться с ней, но на это она тоже ответила отказом. Дара, видимо, поняла, что я могу не отпустить ее одну, и исчезла незаметно ночью. Я не мог скакать по Черной дороге и понятия не имел, через какое Отражение она будет путешествовать дальше по пути в Амбер. Когда, проснувшись утром, я понял, что ее нет, мне захотелось тоже наведаться в Амбер. Но я все еще боялся. Наверное, разговоры с ней усилили мои страхи. Как бы там ни было, я решил остаться на Отражениях. И поехал дальше, навидался всякого, пытался понять все неясное, пока Рэндом не нашел меня и не сказал, что хватит скитаться, пора ехать домой. Вначале мы приехали сюда, чтобы встретиться с тобой. Он хотел, чтобы ты выслушал мою историю прежде всех остальных. Рэндом сказал, что ты знал Дару

и хотел побольше узнать о ней. Надеюсь, я помог тебе в этом.

— Да, — подтвердил я. — Спасибо тебе.

— Я так понял, что она в конце концов прошла Лабиринт.

— Да, она сделала это.

— А потом сказала, что она враг Амбера.

— Тоже верно.

— Надеюсь, — произнес Мартин, — ты не причинишь ей никакого вреда. Она была так добра ко мне.

— Она вполне способна позаботиться о себе сама, — заметил я. — Да, она симпатичная девушка. Я не могу что-нибудь обещать относительно ее безопасности, потому что я все еще мало знаю о ней и ее роли во всем, что сейчас происходит. И все же то, что ты мне рассказал, было полезным. Насколько это в моих силах, я постараюсь помочь ей, если она будет в этом нуждаться и если моя помощь не причинит ничего плохого Амберу.

Мартин улыбнулся:

— Рад это слышать.

— Я тоже. А что вы собираетесь теперь делать?

— Я познакомлю его с Виалой, — сказал Рэндом, — а потом надо встретиться с другими, если позволят время и возможности. Я тебе сейчас не

понадоблюсь?

— Есть о чем поговорить, вздохнул я, — но ты мне сейчас по-настоящему не нужен. В двух словах введу тебя в курс дел. У меня есть немного времени.

Мартин стоял в стороне. Сообщая Рэндому о событиях, случившихся после его отъезда, я думал о его сыне, Мартине. С моей точки зрения, он все еще был темной лошадкой. Его история могла быть совершенно правдивой. И я чувствовал, что она правдива. С другой стороны, у меня возникло ощущение, что правда была неполной, что он чего-то не договаривал, может быть, что-то и безобидное. Хотя, может быть, и нет. Он не имел никаких настоящих причин любить нас. Как раз наоборот. И Рэндом, возможно, привел Троянского Коня. Может, ничего такого и не произойдет. Но дело в том, что я никогда и никому не доверяю, если хоть в чем-то сомневаюсь. Поэтому, рассказывая, я старался сообщать Рэндому только то, что нельзя было бы по-настоящему использовать против нас. Я сомневаюсь, что Мартин может причинить вред, даже если это входит в его задачи. Нет, вероятнее всего, он был так же уклончив в нашем разговоре, как и остальные из нас, и во многом по тем же самым причинам: из

чувства страха и самосохранения. С внезапным волнением я спросил Мартина:

— Ты когда-нибудь сталкивался с Дарой после этого?

Он покраснел, глядя на меня.

— Нет, — слишком поспешно ответил он. — Только в тот раз. И все.

— Понятно, — буркнул я.

И Рэндом был слишком хорошим игроком в покер, чтоб не заметить, как я только что купил нам краткосрочный страховой полис за малую цену, и что отцу нужно все-таки быть поосторожнее со своим блудным сыном. Я перевел разговор на Бранда. И когда мы сравнивали табели по психопатологии, я испытал легкую щекотку и ощущение присутствия, предвосхищавшие контакт через Карты. Я поднял руку и повернулся в сторону. Через минуту контакт стал четким, и мы с Ганелоном смотрели друг на друга.

— Корвин, — обратился он ко мне, — я решил, что настало время встретиться. К этому времени Камень либо у тебя, либо у Бранда, либо вы оба все еще ищете его. Какой из этих вариантов подходит к ситуации.

— Камень у Бранда.

— Очень жаль. Расскажи подробнее.

Я рассказал.

— Значит, Жерар все понял правильно?

— Он уже говорил тебе обо всем этом?

— Не так детально, — заметил Ганелон, — но я хотел убедиться, что он все понял правильно. Мы только что поговорили с ним.

Он посмотрел вверх:

— Тогда, если я правильно рассчитываю время восхода луны, тебе пора двигаться.

Я кивнул:

— Да, я скоро направлюсь к Лестнице. Она совсем не так уж далеко отсюда.

— Хорошо. Теперь вот еще что ты должен сделать…

— Я знаю, что мне надо делать, — огрызнулся я. — Мне пора подняться в Тир-на Ног-та раньше Бранда и преградить ему путь в Лабиринт. Если я не сумею, мне снова придется преследовать его по нему.

— Так действовать — нет смысла, — авторитетно заявил он.

— У тебя есть лучшая идея?

— Да, есть. Карты у тебя с собой?

— Да.

— Это хорошо. Передвигаясь так, как ты задумал, ты конечно же опоздаешь и не сможешь

преградить ему путь в Лабиринт.

— Это почему же?

— Тебе придется подниматься по Лестнице, а потом идти до Дворца и спускаться к Лабиринту. Это требует времени даже в Тир-на Ног-та, где время так или иначе склонно выкидывать фокусы. Кроме того, у тебя в подсознании может быть скрытое желание смерти, а это тоже серьезный тормоз. Я этого точно не знаю. Как бы там ни было, когда ты прибудешь, он уже пройдет Лабиринт. Вполне возможно, что он будет в нем слишком далеко, и ты не сможешь настигнуть его в этот раз.

— Он, наверняка, устал. Это должно его несколько замедлить.

— Нет. Поставь себя на его место. Если бы ты был Брандом, разве ты не отправился на какое-нибудь Отражение, где время течет по-иному? Вместо одного полудня он вполне может получить несколько дней отдыха для трудов этого вечера. Надо быть готовым к тому, что он в отличной форме.

— Ты прав, — признал я. — Я не могу рассчитывать на его усталость. О'кей. Есть альтернатива, я о ней думал. Конечно, лучше бы избежать ее, но другого выхода нет, придется убивать его на

расстоянии. Хорошо, прихвачу с собой арбалет или одну из винтовок и застрелю его посередине Лабиринта. Меня беспокоит, правда, что придется пролить кровь на Лабиринт. А впрочем, может быть, от нее страдает только первозданный Лабиринт. Увы, это нам пока неизвестно.

— Совершенно верно. Ты не знаешь. Я тоже не хотел бы, чтобы ты полагался там на обыкновенное оружие. Это особенное место. Ты сам говорил, что оно все равно, что странная тень, проплывающая по небу. Хотя ты вычислил, как заставить винтовку стрелять в Амбере, там те же правила могут быть неприемлемыми.

— Риск существует, — признал я.

— Что же касается арбалета, предположим, что внезапный порыв ветра отнесет в сторону выпущенную стрелу?

— Боюсь, что я не успеваю за полетом твоей фантазии.

— Ты забываешь — Камень. Он прошел часть пути через первозданный Лабиринт. Потом Бранд получил время, чтобы поэкспериментировать с ним. Возможно, он теперь частично настроен на него?

— Не знаю. Я не совсем в курсе, как протекает этот процесс.

— Я лишь хотел узнать, что, если он действует таким образом, то Бранд может быть способен использовать его для своей защиты. Камень может иметь даже другие качества, о которых ты не ведаешь. Вот поэтому я и говорю, что тебе не следует уповать на то, что ты сможешь застрелить его. И я даже не хотел бы, чтобы ты полагался на то, что сумеешь снова выкинуть этот трюк с Камнем — не выйдет, если он приобрел какую-то власть над ним.

— Ты рисуешь все в мрачных тонах. Я смотрю на все более оптимистично.

— А я — реалистично, — возразил он.

— Допустим. Продолжай. Ты сказал, что у тебя есть план.

— Правильно. Я считаю, что Бранда вовсе нельзя подпускать к Лабиринту, так как, если он ступит на него, вероятность катастрофы резко возрастет.

— И ты думаешь, что он действительно способен переноситься мгновенно, в то время как мне потребуется долго идти?

— Держу пари, что он просто дожидается восхода Луны, и как только город обретет форму, он будет в нем, прямо рядом с Лабиринтом.

— Я вижу основательность твоих доводов. Но

не понимаю, каким будет результат твоих действий.

— Результат такой, что сегодня ночью ноги твоей не будет в Тир-на Ног-та.

— Минуточку!

— Какая минуточка! Ты вызвал мастера стратегии, так что тебе лучше выслушать, что он хочет сказать.

— Слушаю, слушаю.

— Ты согласился, что ты, вероятно, не сможешь добраться туда вовремя. Но кое-кто может.

— Кто и как?

— Ладно. Я был в контакте с Бенедиктом. Он вернулся. Сейчас он в Амбере, в палате Лабиринта. Скоро он пройдет его и будет стоять в центре Лабиринта, дожидаясь твоего знака. Ты же идешь к подножию Лестницы в небесный город и там ждешь восхода Луны. Как только Тир-на Ног-та обретет форму, ты свяжешься с Бенедиктом через Карту. Ты скажешь ему, что все готово, и он воспользуется силой Лабиринта и Амбера, чтобы перенестись к помещению Лабиринта в Тир-на Ног-та. С какой бы скоростью не передвигался Бранд, это не имеет значения, тут он не сможет выиграть.

— Придумано великолепно. Это самый быст-

рый способ доставить туда человека, а Бенедикт, безусловно, достойный человек. Он должен без труда справиться с Брандом.

— Ты действительно думаешь, что Бранд не сделал никаких других приготовлений? — поинтересовался Ганелон. — Из всего, что я слышал о нем, я знаю — он умен, даже если и рехнулся. Он вполне может предугадать наш замысел.

— Возможно. Есть у тебя другие идеи?

Ганелон сделал размашистый жест одной рукой, хлопнул себя по шее и ухмыльнулся:

— Клоп! Извини. Надоедливые маленькие твари.

— Ты все еще думаешь, что…

— Я думаю, что тебе лучше оставаться в контакте с Бенедиктом все время, пока он там, вот что я думаю. Если Бранд возьмет верх, тебе, может быть, придется срочно вытащить Бенедикта, чтобы спасти ему жизнь.

— Конечно. Но тогда…

— Но тогда мы проиграем раунд, признаю, но не матч. Даже с полностью настроенным Камнем ему еще придется добираться до первозданного Лабиринта, чтобы причинить настоящий вред, а ты его держишь на мушке.

— Да, — согласился я. — Ты, кажется, все про-

думал. Ты удивляешь меня своими быстрыми ходами.

— У меня в последнее время было много свободного времени и, если не употреблять его на размышления, то это значит потерять его. Вот я и поразмыслил. И продолжая размышлять, я думаю, что тебе лучше сейчас поторопиться. День-то не становится длиннее.

— Согласен. Спасибо за добрый совет.

Он ответил:

— Прибереги свои благодарности до тех пор, пока мы не увидим, что из этого выйдет.

Затем он прервал контакт.

— Кажется, все это очень важно, — произнес Рэндом. — Что затевается?

— Подходящий вопрос, но у меня теперь вовсе нет времени. Тебе придется ответ услышать утром.

— Я могу чем-нибудь помочь тебе, Корвин?

— Да, если вы поедете на одном коне вдвоем, или вернетесь в Амбер через Карту. Мне нужна Звездочка.

Рэндом сразу согласился:

— Разумеется, это не сложно. И все?

— Да. Я тороплюсь. И это все.

Мы двинулись к лошадям. Я потрепал Звездоч-

ку по гриве, а затем уселся в седло.

— Увидимся в Амбере, — попрощался Рэндом. — Желаю удачи!

— В Амбере, — согласился я. — Спасибо.

Я повернулся и направился к подножию Лестницы, ступая по удлиняющейся на восток тени своей гробницы…

На самом высоком гребне Колвира есть сооружение, напоминающее три ступеньки. Я сидел на нижней из них и ждал появления надо мной Тир-на Ног-та. Чтобы это произошло, требуется ночь и лунный свет, так что половина требований была выполнена. На западе и востоке были облака. Я злобно посматривал на эти тучи. Если их скопится достаточно, чтобы закрыть луну, Тир-на Ног-та просто растает. Это было одной из причин, почему всегда рекомендовалось, отправляясь на небо, иметь на земле подстраховывающего человека, который перетащит тебя через Карту в безопасное место, если город исчезнет. Небо над головой было заполнено знакомыми звездами. Когда взойдет Луна, и свет упадет на камень, где я сидел, возникнет Лестница в небо, взметнется на огромную высоту, пролагая путь к Тир-на Ног-та, плывшему в ночном воздухе Отражению Амбера. Я устал. Слишком многое случилось

за короткий срок. Расслабиться, снять сапоги и растирать ступни, привалившись головой к камню, показалось мне большой роскошью. Я запахнулся в плащ, спасаясь от подступающего холода. Горячая ванна, сытный обед и теплая постель были бы очень кстати. Но на моем наблюдательном пункте об этом можно было только мечтать. Но и сидеть расслабившись — тоже было роскошью. Я позволил мыслям медленно течь, включил память и, как зритель, разглядывал события прошедшего дня. Их было так много. Но теперь, по крайней мере, я мог ответить на некоторые вопросы. Не на все, конечно, но ситуация несколько прояснилась. Теперь я имел некоторое представление о том, что происходило во время моего отсутствия. Лучше понимал происходящее сейчас. Знал, как мне поступать дальше. И еще я чувствовал, что известно мне больше, чем я понимаю, что звенья должны соединиться и образовать цепь, стеклышки сложатся в ясную картину, стоит только повращать калейдоскоп. Темп последних событий, особенно сегодняшних, не давал мне ни минуты на размышления. И теперь некоторые поступки я разглядывал под странным углом.

Я вдруг посочувствовал, как что-то вокруг из-

менилось — кажется, чуть-чуть посветлел воздух. Встав, я оглядел горизонт. Над морем, там, где должна была взойти Луна, появилось какое-то свечение. Пока я смотрел на него, в поле зрения возникла маленькая дуга света. Облака тоже слегка сдвинулись, но не настолько, чтобы опасаться, что они закроют Луну. Тогда я посмотрел вверх, но явление города в небе еще не началось. Я на всякий случай вытащил Карты, перетасовал их и сдал Бенедикта.

Забыв об усталости, я следил, как над водой вырастает Луна, бросая на волны дорожку света. А высоко над головой вдруг появился слабый, едва различимый силуэт небесного города Тир-на Ног-та. Когда свет усилился, то тут, то там стали появляться искры. Я изучил Карту Бенедикта и потянулся к контакту. Его холодный образ ожил. Я увидел его в палате Лабиринта, стоящим в центре узора. Рядом с его левой ногой горел зажженный фонарь. Бенедикт осознал мое присутствие.

— Корвин, — произнес он, — пора?

— Не совсем. Луна восходит. Город только начинает приобретать форму. Так что придется немного обождать. Я хотел быть уверенным, что ты готов.

— Готов, — заверил он.

— Хорошо, что ты вернулся именно тогда, когда нужен. Ты узнал что-нибудь интересное?

— Меня отозвал обратно Ганелон, — сообщил он, — как только он узнал, что случилось. Его план мне понравился, вот почему я здесь. Что же касается Двора Хаоса, то я считаю, что выяснил несколько интересных вещей…

— Момент! — прервал его я.

Полосы из лучей лунного света обрели более осязаемый вид. Контуры города над головой стали теперь четкими. Лестница стала видна целиком, хотя в некоторых местах она была нечеткой. Я вытянул руку вперед над второй ступенькой, над третьей… Я встретил прохладную, мягкую четвертую ступеньку. Но она, кажется, несколько поддалась под моим толчком.

— Почти, — предупредил я Бенедикта. — Я собираюсь попробовать Лестницу. Будь наготове.

Он кивнул. Я поднялся по каменным ступеням. Одна, вторая, третья. Я поднял ногу, затем опустил ее на четвертую, призрачную. Она мягко поддалась под моей тяжестью. Я боялся поднять другую ногу и поэтому ждал, следя за луной. Я вдохнул прохладный воздух. Ясность увеличилась, дорожка на воде расширилась. Взглянув наверх, я увидел, что Тир-на Ног-та несколько

потерял свою прозрачность. Звезды на нем стали более тусклыми. Когда это произошло, ступенька под моей ногой стала тверже. Пластичность покинула ее. Я почувствовал, что она может выдержать мой вес. Пробежавшись глазами по всей длине Лестницы, я увидел ее в целом. Полупрозрачная, искрящаяся, она тянулась от моря до плывущего по небесам безмолвного города. Я встал на четвертую ступеньку. Если бы я пожелал, этот небесный эскалатор отправил бы меня в место, где сны становятся явью, где сбываются сомнительные пророчества, в город, сотканный из лунного света, где исполняются желания, искажается время и царствует бледная красота. Я спустился вниз на ступеньку и взглянул на луну, балансировавшую теперь на мокром краю света. Я посмотрел на Карту Бенедикта, всю в серебряном свечении.

— Лестница твердая, луна взошла, — произнес я.

— Отлично. Иду.

Я видел его там, в центре Лабиринта. Он взял в левую руку фонарь и какой-то миг стоял неподвижно. Мгновение спустя он исчез, и Лабиринт тоже. Еще мгновение, и он уже был вне его, рядом с ним в здании, которое называется палатой Ла-

биринта. Бенедикт приподнял фонарь и осмотрел помещение. Он был один. Бенедикт повернулся, подошел к стене и поставил фонарь рядом с ней. Его тень вытянулась к Лабиринту и изменила форму, когда он круто повернулся и двинулся обратно на свою позицию. Я заметил, что этот Лабиринт был более тусклым, чем его двойник в Амбере. Здесь свет был серебристо-белым, без налета голубизны. Конфигурация его была той же самой, но призрачный город выкидывал странные фокусы с перспективой. Тут были искажения — сужения и расширения — которые, казалось, смещались по его поверхности без всякой особой причины, как будто я смотрел на всю эту сцену через неправильную линзу, а не через Карту Бенедикта. Я спустился вниз по лестнице и снова расположился на самой нижней ступеньке, продолжая наблюдение. Бенедикт вынул из ножен меч.

— Ты знаешь о действии крови на Лабиринт? — спросил я его.

— Да. Ганелон предупредил меня.

— Ты когда-нибудь подозревал что-нибудь в этом роде?

— Нет, первый раз услышал.

— Как насчет твоего путешествия ко Двору

Хаоса? Что ты узнал?

— Позже, Корвин. Он может появиться в любую секунду.

— Надеюсь, на этот раз нам ничего не помешает, — предположил я, — никаких странных явлений не произойдет.

Я вспомнил о своем путешествии на Тир-на Ног-та и его участии в моем последнем приключении там. Он пожал плечами.

— Обращая на них внимание, придаешь им силу. Мое внимание сегодня ночью зарезервировано для одного определенного дела.

Бенедикт повернулся, сделав полный круг и осматривая все части зала, затем остановился, не заметив ничего подозрительного.

— Хотел бы я знать, в курсе ли он, что ты тут? — подумал я вслух.

— Наверное. Впрочем, это не имеет значения.

Я кивнул. Если Бранд не появится, мы выиграли день. Стража будет хорошо охранять другие Лабиринты, и Фиона получит шанс продемонстрировать свое собственное искусство в тайных материях, отыскав для нас Бранда, после чего мы станем преследовать его. Она с Блейзом сумела однажды остановить Бранда. Сможет ли она теперь сделать это в одиночку? Или нам придется

найти Блейза и попытаться убедить его помочь нам? Нашел ли Бранд Блейза? Для чего вообще Бранду нужна такая темная сила? Желание добиться трона. Это еще можно понять. И все же этот человек сошел с ума, и весь тут разговор. Очень жаль, но тут ничего не поделаешь. Наследственность или окружающая среда? — гадал я. Мы все были до некоторой степени безумны, на его лад. Честно говоря, это должно быть формой безумия — уметь так много и так яростно бороться всего за одну-единственную малость, за крошечное преимущество над другими. Бранд довел эту тенденцию до крайности, вот и все. Он был карикатурой этой мании во всех нас. В этом смысле имело ли на самом деле значение, кто из нас был предателем? Да, имело. Он был тем, кто действовал. Сумасшедший или нет, он зашел слишком далеко. Он сделал такое, чего Эрик, Джулиан и я не сделали бы. Блейз и Фиона, в конце концов, отшатнулись от его заговора. Жерар и Бенедикт были на голову выше остальных из нас, потому что освободили себя от борьбы за власть. Рэндом в последние годы изменился, и значительно. Видимо, детям Единорога требуются годы, даже века, чтобы достичь зрелости. И это медленно происходило с остальными из нас, но

как-то обошло Бранда? Или, может быть, Бранд вызвал нашу зрелость своими действиями? Нравственность заключалась в самых этих вопросах. Она присутствовала, когда задавали их, а не только когда отвечали на них. Мы были достаточно похожи на Бранда. И отличались от него тем, что боялись его и боялись быть похожими на него. Да, это имело значение. Он был тем, кто действовал. Луна была теперь выше, ее вид наложился на мой внутренний обзор палаты Лабиринта. Облака продолжали смещаться, клубясь ближе к луне. Я подумал было предостеречь Бенедикта, но это не послужило бы никакой цели, а только отвлекло бы его. Надо мной Тир-на Ног-та плыл, словно какой-то сверхъестественный ковчег по морям ночи. И вдруг там показался Бранд. Моя рука рефлекторно дернулась к рукояти Грейсвандир, хотя он был далеко и стоял через Лабиринт от Бенедикта в темной палате высоко в небе. Я опустил руку. Бенедикт сразу же осознал присутствие Бранда и повернулся к нему лицом. Он не потянулся к оружию, а просто смотрел через Лабиринт на нашего брата. Я боялся, что Бранд ухитрится переместиться и стать позади Бенедикта, а потом ударит его кинжалом в спину. Конечно, даже раненый, Бенедикт, прежде чем умереть, смог

бы расправиться с Брандом, легко отправить его на тот свет. И Бранд не настолько сошел с ума, чтобы не понимать этого. Но страх мой в первую секунду был слепым. Бранд улыбнулся:

— Бенедикт! Фантастика! Ты здесь!

Камень Правосудия, сверкая, висел у него на груди.

— Бранд, — предупредил его Бенедикт, — не пробуй этого.

Все еще улыбаясь, Бранд отстегнул от пояса меч и дал своему оружию упасть на пол. Когда замерло эхо, он произнес:

— Я не дурак, Бенедикт. Еще не родился человек, который может выйти против тебя с мечом.

— Мне не нужен твой меч, Бранд.

Бранд начал медленно идти по краю Лабиринта.

— И все же ты носишь его как слуга трона, когда ты мог бы быть королем.

— Я к этому не стремлюсь.

— Это верно.

Бранд остановился, пройдя часть пути вокруг Лабиринта.

— Верный, самоуверенный и в то же время униженный, ты совсем не изменился. Жалко, что отец тебя так хорошо вымуштровал. Ты мог бы

пойти намного дальше.

— У меня есть все, что я хочу, — отрезал Бенедикт.

— Чтобы быть зарезанным или задушенным так рано.

— Заговорить мне зубы и проскочить Лабиринт тебе не удастся. Не заставляй меня калечить тебя.

Все еще с улыбкой на лице, Бранд продолжал движение, но не спеша, медленно. Какова была его стратегия? Я понять не мог.

— Ты ведь знаешь, я умею то, чего не могут другие, — промолвил Бранд. — Если у тебя есть неисполнимое желание, я его исполню. Ты имеешь шанс — используй его. Я тебе помогу, и ты убедишься, что всегда был неправ по отношению ко мне. Ты даже не представляешь себе, что я умею делать.

Бенедикт улыбнулся одной из своих редких улыбок:

— Ты выбрал неподходящую приманку. Я и сам могу дотянуться до исполнения всех моих желаний.

— Отражения!

Бранд презрительно фыркнул, снова останавливаясь.

— Я говорю не о призраках! Я говорю о реальности. Амбер! Власть! Хаос! Это мечты, обретшие твердость!

— Если бы я хотел большего, чем имею, я знал бы, что делать. Но я этого не сделал и не сделаю.

Бранд засмеялся и продолжил движение. Он прошел четверть пути вокруг периферии Лабиринта. Камень горел еще ярче. Голос Бранда звенел:

— Ты дурак, раз добровольно носишь свои цепи! Но если вещи не зовут тебя обладать ими и если власть ничем не привлекает, то как насчет знаний?! Я до конца усвоил премудрости Дворкина. Но я пошел дальше и заплатил высокую цену за большее проникновение в деятельность Вселенной. Ты можешь иметь это, не глядя на ценник.

— Это будет цена, — заявил Бенедикт, — которую я не стану платить.

Бранд покачал головой и тряхнул волосами. Тут образ Лабиринта на мгновение заколебался, когда луну пересек клочок облака. Тир-на Ног-та чуть померк и опять стал прежним.

— Ты это серьезно? — проговорил Бранд.

Он явно не заметил, как все померкло.

— Тогда я не буду испытывать тебя дальше, мне

придется попробовать, — он снова остановился, уставившись на Бенедикта. — Ты слишком хороший человек, чтобы тратиться на эту междоусобицу в Амбере, защищая то, что распадается. Победить предстоит мне, Бенедикт. Я собираюсь соскоблить Амбер и построить его заново. Я собираюсь стереть Лабиринт и нарисовать свой собственный. Ты можешь быть со мной. Я хочу, чтобы ты был на моей стороне. Я собираюсь воздвигнуть более совершенный мир с более прямым доступом на Отражения и обратно. Я собираюсь слить Амбер с Двором Хаоса. Я собираюсь распространить это царство прямо через все Отражения. Ты будешь командовать нашими легионами, самыми могучими из когда-либо собранных воинских сил. Ты…

— Если твой мир будет таким совершенным, как ты утверждаешь, Бранд, то легионы будут не нужны. Если, с другой стороны, он будет отражать душу своего создателя, то трудно поверить, что это будет улучшение, по сравнению с нынешним положением дел. Спасибо за предложение, но я буду держаться Амбера, который уже существует.

— Ты дурак, Бенедикт, с хорошими манерами, но, тем не менее, дурак, — он снова начал осто-

рожное продвижение.

Наконец, он остановился примерно в шести метрах от Бенедикта, сунул большие пальцы за пояс и уставился на него. Бенедикт встретил его взгляд. Я снова проверил облака. Длинная их гряда продолжала двигаться в сторону луны. Однако я мог вытащить Бенедикта в любое время. Едва ли стоило тревожить его в данный момент.

— Почему ты тогда не подойдешь ко мне и не прикончишь меня? — произнес, наконец, Бранд. — Я же безоружен. Это будет легко сделать. Тебя останавливает то, что в жилах у нас течет одна кровь, не так ли? Чего же ты ждешь?

— Я уже сказал тебе, что не желаю причинить тебе вреда.

— И все же ты стоишь, готовый это сделать, если я попытаюсь пройти мимо тебя.

Бенедикт просто кивнул.

— Признайся, что ты страшишься меня, Бенедикт. Вы все боитесь меня. Даже когда я приближаюсь к тебе вот так, безоружный, что-то, должно быть, переворачивается у тебя внутри. Ты видишь мою уверенность и не понимаешь, откуда она. Ты должен бояться.

Бенедикт не ответил, он молча слушал.

— Ты боишься замарать кровью руки, — про-

должал Бранд. — Ты страшишься моего предсмертного проклятия.

— А ты страшишься крови Мартина на своих? — спросил Бенедикт.

— Этого ублюдочного щенка? — бросил Бранд. — Он не был по-настоящему нашим. Он был только орудием.

— Бранд, у меня нет желания убивать брата. Отдай мне этот кулон, который ты носишь на шее, и вернись со мной в Амбер. Еще не поздно все уладить.

Бранд откинул голову и рассмеялся:

— О, благородно сказано, Бенедикт! Как подобает истинному лорду королевства! Ты вгоняешь меня в краску своей чрезмерной добродетелью! И какова же суть всего этого?

Он погладил Камень Правосудия:

— Этот? — он снова рассмеялся и шагнул вперед — Эту безделушку? Если я вам ее отдам, это купит нам мир, дружбу и порядок? Она выкупит мне жизнь?

Бранд снова остановился, теперь в трех метрах от Бенедикта. Он поднял Камень и посмотрел на него.

— Ты понимаешь всю силу этой штучки? — осведомился он.

— Довольно… — начал было Бенедикт, но звук застрял у него в горле.

Бранд поспешно сделал еще один шаг вперед. Камень перед ним ярко горел. Рука Бенедикта потянулась было к мечу, но не дотянулась до него. Он стоял окостенев, словно превратился в статую. Вот тогда-то я начал понимать, что происходит, но было уже поздно. Все, что говорил Бранд, не имело никакого значения, это был просто отвлекающий маневр, пока он осторожно подходил на нужное ему расстояние. Он и впрямь был частично настроен на Камень. Но и той неполной власти, данной ему Камнем, было достаточно, чтобы загипнотизировать своего противника. Я не знал об этом свойстве Камня, а Бранд каким-то образом был осведомлен об этом действии и воспользовался им. Бранд медленно продвигался вперед и находился на приличном расстоянии от Бенедикта. Он испытал Камень, придвинулся чуть поближе, снова попробовал его и продолжил это продвижение, пока не нашел точку, где Камень мог повлиять на нервную систему Бенедикта и парализовать его.

— Бенедикт, — шепнул я, — тебе лучше идти теперь ко мне.

Я напряг свою волю, но он не шелохнулся и не

ответил. Его Карта все еще функционировала, я ощущал его присутствие, я наблюдал через нее события, но не мог дотянуться до него. Камень явно действовал не только на его двигательные функции. Я снова взглянул на облака. Они все нарастали, они тянулись к луне. Казалось, что вскоре они закроют ее. Если я не смогу вытащить Бенедикта, как только свет будет полностью перекрыт, а город распадется, он упадет в море. Бранд! Если бы он осознал это, он мог бы воспользоваться Камнем, чтобы разогнать тучи. Но чтобы сделать это, ему пришлось бы выпустить Бенедикта. Я не думал, что он это сделает. И все же… Тучи, казалось, теперь ползли медленнее. Вся эта цепь рассуждений могла стать ненужной. Я вытащил карту Бранда и отложил ее в сторону.

— Ах, Бенедикт! — улыбнулся Бранд. — Какой толк от того, что ты наилучший из всех живых фехтовальщиков, если ты не можешь опустить руку, чтобы вынуть свой меч? Я тебе говорил, что ты дурак. Ты думал, что я добровольно приду на бойню? Тебе следовало добросовестно довериться страху, который ты, должно быть, почувствовал. Тебе следовало бы знать, что я не войду сюда беспомощным. Я говорил серьезно, когда сказал, что победить предстоит мне. Ты был хорошим про-

тивником, потому что ты самый лучший из всех. Я действительно желал бы, чтобы ты принял мое предложение. Но теперь это уже неважно. Меня нельзя остановить. Ни у кого нет шанса, а с твоим исчезновением дело пойдет намного легче.

Он сунул руку под плащ и достал оттуда кинжал.

— Приведи меня, Бенедикт! — заорал я.

Но мой крик был бесполезным, не было никакого отклика, никакой силы, чтобы доставить меня туда. Я схватил Карту Бранда, вспомнив свою битву с Эриком. Если я смогу ударить Бранда через его Карту, то я, может быть, сумею достаточно нарушить его сосредоточенность для того, чтобы освободился Бенедикт. Я обратил на Карту все свои силы, готовясь к массированной ментальной атаке. Но ничего не произошло. Путь был замерзшим и темным. Дело, очевидно, заключалось в том, что его сосредоточенность, его связь с Камнем были настолько полными, что я просто не мог дотянуться до него. Меня заблокировали на каждом повороте. Неожиданно Лестница надо мной стала бледнее, и я бросил быстрый взгляд на луну. Отросток кучевых облаков закрывал теперь часть ее поверхности. Проклятье! Я опять сосредоточился на Карте Бенедикта. Дело казалось

медленным, но я восстановил контакт, указывающий, что где-то внутри всего этого столбняка Бенедикт все еще сохранял сознание. Бранд приблизился на шаг ближе и все еще ухмылялся над беспомощностью Бенедикта. Камень на тяжелой цепи горел ярким светом. Они стояли теперь, разделяемые, наверное, тремя шагами. Бранд поигрывал кинжалом.

— Да, Бенедикт, — цедил он сквозь зубы, — ты предпочел бы умереть в бою. С другой стороны, ты можешь рассматривать это как честь. В некотором смысле твоя смерть позволит родиться новому порядку.

На миг Лабиринт позади них померк. Но я не мог оторвать взгляда от них, чтобы посмотреть на луну. Там же, в тенях и мерцающем свете, спиной к Лабиринту, Бранд, казалось, ничего не заметил. Он сделал еще один шаг вперед.

— Но хватит возиться с ним, — заключил он. — Надо еще кое-что сделать, а ночь не становится длиннее.

Бранд шагнул поближе и опустил клинок.

— Спокойной ночи, милый принц, — попрощался он и двинулся на сближение с Бенедиктом.

В тот же миг странная механическая рука Бенедикта, вырванная из этого города теней, серебра и

лунного света, бросилась навстречу со скоростью жалящей змеи. Вещь из сверкающих металлических пластин, похожих на грани драгоценного камня, запястье из чудесно переплетенного серебряного шнура, усеянного крапинками огня, стилизованная скелетная заводная игрушка, механическое насекомое, функциональная, смертельная, прекрасная на свой лад, она метнулась вперед со скоростью, за которой я не мог уследить, в то время как остальное его тело оставалось неподвижной статуей. Механические пальцы схватили цепь Камня на шее Бранда. Рука тут же двинулась вверх, подняв Бранда высоко над полом. Бранд выронил кинжал и обеими руками схватился за шею. Позади него Лабиринт снова померк, но затем свет вернулся с немного более бледным свечением. Лицо Бранда при свете фонаря было страшным, черты его были искажены. Бенедикт оставался каменным, но его рука держала Бранда на высоте и была похожа на перекладину виселицы. Лабиринт снова потускнел. Лестница надо мной стала удаляться. Луна была наполовину окутана облаками. Бранд, извиваясь, поднял руки над головой и ухватился за цепь по обеим сторонам от державшей ее металлической руки. Он был силен, как и все мы. Я увидел, как

вздуваются и твердеют его мускулы. К тому времени лицо его потемнело, и шея представляла массу напрягшихся жил. Бранд закусил губу, кровь текла по его бороде, когда он рванул цепь. С резким щелчком цепь порвалась, и Бранд упал на пол, ловя воздух открытым ртом. Он сразу же откатился, держась руками за горло. Бенедикт очень медленно опустил свою странную руку. Он все еще держал цепь и Камень. Бенедикт размял другую руку и вздохнул. Лабиринт потускнел еще больше. Тир-на Ног-та надо мной стал прозрачным. Луна почти скрылась за облаками.

— Бенедикт! — крикнул я. — Ты меня слышишь?

— Да, — очень тихо ответил он и начал погружаться сквозь пол.

— Город тает! Ты должен немедленно уходить ко мне!

Я протянул руку.

— Бранд… — прошептал он, после чего повернулся.

Но Бранд тоже погружался, и я видел, что Бенедикт не мог добраться до него. Я схватил Бенедикта за левую руку и рванул. Мы оба упали на землю рядом с высоким скальным выступом. Я помог ему подняться. Затем мы оба уселись на

каменную ступеньку. Долгое время мы молчали. Я вновь посмотрел вверх: Тир-на Ног-та исчез. Я мысленно перебрал все, что случилось так быстро и так внезапно за этот день. На мне теперь лежал огромный груз усталости, и я чувствовал, что моя энергия иссякла и что вскоре я засну, даже если буду стоять. Я едва мог четко мыслить. Жизнь в последнее время была чересчур насыщенной. Я снова прижался затылком к скале, глядя на облака и звезды. Звенья, которые должны были сложиться в цепь, сейчас, казалось, соединялись друг с другом по своей собственной воле. Калейдоскоп вертелся сам, чтобы разноцветные стекляшки сложились в четкий узор.

— Как ты думаешь, он погиб? — спросил Бенедикт. Он отвлек меня от силуэтов наплывающего сна.

— Возможно. Он был в плохой форме, когда все распалось.

— Путь вниз долгий. Он мог найти время для отработки плана спасения, ведь план его возникновения в Лабиринте был удачным.

— Сейчас это не имеет значения, — рассудил я. — Ты вырвал ему клыки.

Бенедикт хмыкнул. Он все еще держал Камень, который уже не светился так ярко красным ог-

нем.

— Верно, — наконец, проговорил он. — Лабиринт теперь в безопасности. Желал бы я, чтобы некоторое время назад, давным-давно что-то не было сказано, что-то не было сделано. Если б мы знали тогда, во что он превратится, мы бы помешали ему, что-то придумали бы и не позволили брату стать злобным, исковерканным существом, которое я только что видел перед собой. Теперь его смерть — это лучший вариант, это освобождение от скверны. Только жаль, что не состоялась личность, и все мы от этого проиграли.

Я не ответил ему. То, что он сказал, могло быть, а могло и не быть правдой. Это не имело значения. Бранд был на грани сумасшествия. Его уход теперь уже ничего не значил. В этом мире, что бы ни случилось, что бы ни сломалось — на все есть своя причина. Мы попали в мерзкую ситуацию и сколько бы мы ни объясняли ее, облегчения не будет. Есть один закон: всякая мерзость, которая совершается в мире, имеет свою причину. Узнайте ее, если есть охота, и вы узнаете, почему он сукин сын. Но узнать причину — это еще не искоренить зло. Факт остается фактом, но ничего не меняется от того, что он стал достоянием общественного мнения. Бранд действовал. Произ-

водство эксгумационного психоанализа ничего не меняло. Действия и их последствия — вот по чему нас судят наши собратья. Все прочее и все, что вы получаете, это чувство морального превосходства при мысли, что вы бы сделали что-то лучшее, будь вы на его месте. Поэтому, что касается остального, предоставьте это небесам. Я не гожусь…

— Нам лучше возвратиться в Амбер, — предложил Бенедикт. — Надо сделать множество вещей.

— Подожди, — прервал его я.

— Почему!

— Я думал…

Когда я не стал разъяснять, чего надо ждать, он, наконец, сказал:

— Ну?..

Я медленно перетасовал свои Карты, кладя в колоду Карту Бенедикта.

— Что ты думаешь о новой руке, которая тебя не подвела? — спросил я его.

— Конечно. Ты принес ее из Тир-на Ног-та при необычных обстоятельствах. Она подходит, она действует, и она показала себя сегодня ночью.

— Вот именно. Можно ли сказать, что это случайное совпадение? Это было единственным

оружием, давшим тебе шанс там, наверху, против Камня. Оно оказалось частью тебя, и ты оказался тем человеком, которому повезло воспользоваться этим оружием? Проследи события от начала и до конца. Разве здесь нет необыкновенной цепи совпадений? Даже можно сказать — абсурдной цепи.

— Когда излагаешь это таким образом… — начал он.

— Излагаю. И ты должен не хуже меня понимать, что здесь должно быть нечто большее.

— Ладно. Скажем так. Но как это было сделано?

— Понятия не имею! — заявил я.

Я вынул Карту, на которую смотрел долгое время, чувствуя ее холод кончиками пальцев.

— Метод не важен. Ты задал неправильный вопрос.

— А какой мне следовало задать?

— Не «как», а «кем».

— Ты думаешь, что вся эта цепь событий была организована человеческой силой, вплоть до возвращения Камня?

— Насчет этого не знаю. Что значит человеческая? Я думаю, что некто, кого мы оба знаем, вернулся и стоит за всем этим.

— Допустим. Но кто это тогда?

Я показал ему Карту, которую держал.

— Отец? Вот это уже нелепо! Он, скорее всего, умер. Это было так давно.

— Ты знаешь, что он мог это устроить. Он ведь такой хитрый. Мы никогда не осознавали его сил.

Бенедикт поднялся на ноги, потянулся и покачал головой:

— По-моему, ты слишком долго просидел на холоде, Корвин. Давай пойдем домой.

— Не испытав моей догадки? Брось! Это просто неспортивно, сядь.

— Да он бы уже вступил с кем-нибудь в контакт.

— Не думаю. Подыграй мне. Что нам терять?

— Ладно. Почему бы и нет?

Бенедикт сел рядом со мной. Я держал Карту так, чтобы мы оба могли ее видеть. Мы пристально уставились на нее. Я расслабился и потянулся к контакту. Он возник почти мгновенно. Он улыбался, глядя на нас.

— Добрый вечер! Это была прекрасная работа, — с восхищением произнес Ганелон. — Я рад, что вы вернули мой кулон. Он мне скоро понадобится!…

Двор Хаоса

Амбер — расположился на плоской вершине Колвира, высокий и яркий в этот сияющий полдень.

Черная дорога — петляет в низине, пасмурная и зловещая, тянется через Гарнат, проходя от Хаоса до Юга.

Я — слоняюсь без дела, ругаясь, иногда почитываю в дворцовой библиотеке Амбера. Дверь в библиотеку не просто закрыта — заперта на засов.

Принц Амбера — взбешен, он усаживается за стол и вновь погружается в раскрытый том. Это тоже я. Раздается стук в дверь.

— Пошел вон! — кричу я.

— Корвин, это я, Рэндом. Открой, а? Я принес тебе ленч.

— Сейчас.

Я встаю, не торопясь обхожу стол и направляюсь к двери. Рэндом удовлетворенно кивает, когда я открываю ее. Он кладет поднос на маленький столик, что стоит рядом со столом, за которым я работаю.

— Ого! Зачем так много?

— Я тоже не прочь перекусить.

— Ну, что ж, действуй.

И он начал действовать. Прежде всего Рэндом разрезает мясо, большим куском его накрывает огромный ломоть хлеба и протягивает мне. Затем наливает в стакан вино. Мы садимся и славно закусываем.

— Я понимаю, ты все еще взбешен, — говорит он после долгого молчания.

— А будто ты — нет?

— Ну, я, может, просто больше тебя привык к этому. Не знаю. И все же… Это было довольно-таки неожиданно, а?

— Неожиданно? — я отхлебнул вина. — Да это же точь-в-точь, как в прежние времена. И даже еще хуже. А впрочем, он мне понравился, когда разыгрывал из себя Ганелона. Хотя сейчас, опять получив власть, он снова стал таким же категоричным, как и прежде. Издал, видите ли, целую кучу приказов, не потрудившись даже объяснить, что к чему, и — испарился, исчез!

— Но он пообещал, что скоро свяжется с нами.

— В прошлый раз у него были такие же благие намерения.

— Я в этом совсем не уверен.

— Он и не подумал рассказать нам, где это его тогда носило! А если говорить всерьез — он вообще хоть что-то объяснил нам?

— Но, может, у него для этого есть какие-то резоны?

— Я начинаю сомневаться, Рэндом. Не кажется ли тебе, что его ум одряхлел и сбился с верного пути?

— И все же этого ума хватило на то, чтобы одурачить тебя.

— Это была всего лишь низкая житейская хитрость в сочетании со способностью менять свой облик.

— Но ведь это сработало?

— Еще как!

— Корвин, а не кажется ли тебе, что ты протестуешь против всего, что он делает. И не хочешь, чтобы он оказался прав, даже когда он на правильном пути?

— Глупости! Просто я не меньше любого из нас хочу покончить с этим безобразием.

— Но разве тебе не хотелось бы, чтобы решение пришло от кого-нибудь другого, а не от него?

— Не пойму — к чему ты клонишь?

— Ты не хочешь ему довериться!

— Пожалуй, да. Но я не видел его — не в чьем-ни-

будь облике, а в своем собственном — чертовски долго, и…

Рэндом покачал головой.

— Я понимаю, о чем ты. Может быть, в чем-то ты прав, — признался я. — Но клянусь, что свободный трон здесь ни при чем. Вернее, дело не только в троне — дело в нем самом. Понимаешь? Только в нем.

— Понимаю, — произнес Рэндом. — Но признайся, он так ловко обставил Бранда, а это дело не простое. Ты только вспомни, что он выкинул. Я до сих пор не понимаю, как он смог заставить тебя принести ту руку из Тир-на Ног-та, а меня — передать ее Бенедикту, притом рассчитал, чтобы Бенедикт был в определенное время в нужном месте. Все это совместил без единой осечки и вернул себе Камень. Он обставил все эти дела прямо на Колвире, отправив нас к первозданному Лабиринту. Что ни говори, а мы, как и раньше, не можем превзойти его в игре с Отражениями. Я не умею делать того, что умеет он. И ты не можешь. Только он сумел побить Жерара. Нет, не думаю, что он сдал. Он очень хорошо знает, что делает, и как бы мы к этому ни относились, он — единственный, кто может справиться с этой ситуацией.

— Ты, я вижу, хочешь, чтобы я доверился ему.

— Просто у тебя нет другого выбора.

— Наверное, ты прав, — вздохнул я. — Не стоит так беситься. Но все же…

— Тебя озадачил приказ об атаке. Так?

— И он тоже. Если мы начнем действовать, Бенедикт не сумеет выставить большие силы. За три дня к такому не подготовишься, в особенности, если ничего не знаешь о противнике.

— Но он, видно, знает. У них с Бенедиктом был долгий разговор — один на один.

— Может, и так. Но эта секретность, эти необоснованные приказы. Так нельзя — он нам совсем не доверяет.

Рэндом рассмеялся:

— Так же, как и я, да?

— Ладно тебе. Может, и я не доверял бы вам. Но через три дня объявить войну! Это слишком. Кто его знает, а может, ему, действительно, известно что-то, чего не ведаем мы?

— А не кажется тебе, что это никакая не война, а всего-навсего упреждающий удар.

— Да? Но тогда скажи, кого или что мы упреждаем?

Рэндом пожал плечами и долил в бокалы вино.

— Наверное, он объяснит, когда возвратится. Он ведь не оставил тебе никаких приказаний?

— Сказал просто ждать. Ну а что должен делать ты?

Рэндом в ответ только вздохнул.

— Он сказал, что придет время, и я все узнаю. По крайней мере, насчет Джулиана. Ему он приказал подготовить свои войска и выступить по первому сигналу.

— Как! Разве они не остаются в Арденне?

Он кивнул.

— И когда он тебе это сказал?

— Как только ты ушел. Он вызвал Джулиана по Карте, что-то сообщил ему, и они сразу же уехали. Я расслышал только, как отец говорил ему, что часть пути они проедут вместе.

— И они отправились по восточной тропе через Колвир?

— Да. Я смотрел им вслед.

— Интересно, что же еще случилось тут без меня?

Рэндом заерзал в кресле.

— Вот что меня беспокоит. Когда отец сел в седло, он оглянулся и, махнув мне рукой, как-то странно сказал: «Не спускай глаз с Мартина».

— И только?

— И только. Но он почему-то рассмеялся при этом.

— Думаю, что это как раз естественно. Обычное недоверие к тому, кто только появился.

— А при чем здесь смех?

— Сдаюсь.

Я отрезал кусок сыра и съел его.

— Знаешь, возможно, дело тут не только в недоверии. Может, он почувствовал, что Мартин беззащитен и его надо опекать. А может, он имел в виду и то, и другое. А может, ни то, ни другое. Ты же его знаешь.

Рэндом встал.

— Да, об этом я и не подумал. Пошли со мной, а? — попросил он. — Сколько можно торчать здесь? Ты провел здесь целое утро…

— Так и быть, — встал я, пристегивая Грейсвандир. — А где же Мартин?

— Он остался на первом этаже с Жераром.

— Значит, он в надежных руках. А Жерар останется с нами или вернется на флот?

— Не знаю. Жерар о своих планах молчит.

Мы стали спускаться по лестнице. Снизу доносился какой-то непонятный шум, и мы ускорили шаги.

— Что это за суматоха?

Я перегнулся через перила. У входа в тронный зал суетились стражники. Над ними возвышался Жерар. Все были спиной к нам. Я перепрыгнул через лестничный пролет, а Рэндом немного отстал от меня. Проталкиваясь сквозь толпу, я оглянулся на Рэндома:

— Что все это значит?

— Провалиться мне на этом месте, если я что-то понимаю, — ответил Жерар. — Посмотри сам. Только имей в виду: входа туда нет — туда не пройдешь.

Он отошел в сторону, а я ринулся вперед. И вот тут-то я и уткнулся в это носом. Во что именно? Передо мной была невидимая, но слегка упругая наощупь, стена. Сквозь нее было видно все, что происходит. И то, что я видел, соединило в подсознании какие-то отдаленные воспоминания и чувства. Страх сдавил мое горло, сковал мои руки.

Мартин улыбался. В руках у него была Карта. Бенедикт стоял перед ним. Чувствовалось, что вызвали его недавно. Рядом с троном, на возвышении, к нам спиной стояла девушка. Двое мужчин о чем-то разговаривали. Но слова не долетали до нас. Наконец Бенедикт обернулся и, видимо, обратился к девушке. Она, чуть помед-

лив, ответила ему. Мартин обошел девушку и встал слева от нее. Девушка отвечала Бенедикту, а он в это время поднялся к ней на помост. Пока шел между ними разговор, я разглядел ее лицо.

— Она мне кого-то напоминает, — сказал Жерар, оказавшийся неожиданно рядом со мной.

— Ты мог видеть ее всего лишь мгновение в день смерти Эрика. Она проскакала тогда мимо нас. Ее зовут Дара.

От неожиданности у него перехватило дыхание.

— Дара! — воскликнул он. — Значит ты… — голос его прервался.

— Можешь мне поверить, — подтвердил я, — она настоящая.

— Мартин! — крикнул Рэндом, став рядом со мной. — Мартин! Что здесь происходит?

Ответа не последовало.

— Думаешь, он может тебя услышать? — прошептал, будто кого-то опасаясь, Жерар. — Этот барьер полностью отрезал их от нас.

Рэндом уперся в невидимую стену. Руки его напряглись.

— А ну-ка, давайте толкнем все вместе, — предложил он. И мы попробовали. Однако усилия наши были напрасны.

— Напрасная трата сил и времени, — сказал я. — Она не поддается.

— Проклятье, — выругался Рэндом. — Что же это такое?

— А бес его знает, — в сердцах ругнулся я. — Что-то нас держит.

Но я уже начинал догадываться, что происходило там за барьером, В психологии есть такое понятие — ложная память. Так вот, я словно бы уже видел нечто подобное, словно когда-то — когда же? — все это уже было. Но теперь… Я схватился рукой за ножны, чтобы убедиться, что Грейсвандир по-прежнему висит у меня на боку. Она была на месте. Но тогда, как же получилось так, что мой единственный меч с его неповторимым узором на клинке одновременно висел за стеной в воздухе неподалеку от трона, и острие его касалось горла Дары.

Этого просто не могло быть. И все же это было. Причем почти как той ночью в городе снов на небе, в Тир-на Ног-та. И это не было простым совпадением. Правда, сейчас не было темноты, не качались тени, смещая пространства, и чувства, которые я испытывал, были иными.

Но сцену будто ставил один и тот же режиссер. Теперешнюю, за невидимой стеной, и ту, в городе

снов. Все было очень похоже, но были и различия. Бенедикт стоял на другом месте, и поза у него была другой. Мне страшно хотелось узнать — те же ли странные вопросы задает ему Дара? Я в этом сомневался.

То, что происходило за стеной, отчасти повторяло пережитое мной ранее, оно явно имело с ним связь. Скорее всего это был просто мираж, сотворенный силами Тир-на Ног-та, чтобы воздействовать на мое сознание.

— Корвин, — обратился ко мне Рэндом. — Посмотри, похоже, что перед ней висит Грейсвандир.

— Да, я вижу ее, — ответил я, — но моя-то у меня на боку.

— Но ведь другой, точно такой же, не существует, так? Ты понимаешь, что это значит?

— Начинаю понимать. Но ведь мы не можем остановить представление.

В это самое время меч Бенедикта высвободился из ножен и скрестился в воздухе с другим мечом — тем самым, похожим на мой. Два невидимых противника сражались мечами, которые были видны.

— А ну-ка, Бенедикт, врежь ему, — крикнул Рэндом.

— Ничего не получится, — заметил я. — Сейчас он останется без меча.

— Ты-то откуда знаешь? — вмешался Жерар.

— Видите ли, в каком-то смысле это я с ним там сражаюсь. Это конец моего в на Тир-на Ног-та. Не могу понять, что стоит за всем этим. Ясно одно, все происходящее — это цена, которую заплатил отец за возвращение Камня Правосудия.

— Не поспеваю за твоей мыслью, — произнес Жерар.

— Не буду притворяться, что понимаю подоплеку происходящего. Знаю только, что стена не пропустит нас, пока там не исчезнут два предмета.

— Какие?

— Смотри сам!

Меч Бенедикта резко рванулся в сторону, как если бы державший его сменил руку. Он все пытался поразить какую-то невидимую мишень. Металл ударялся о металл, вот клинки сцепились в невероятном усилии, вот снова разошлись в разные стороны. Мечи сходились и расходились. А рука Бенедикта, стоявшего в стороне, все сжималась. Внезапно клинок Грейсвандира увернулся от ударов другого клинка, рванулся к Бенедикту и нанес удар в то место, где с его

правой рукой соединялась механическая кисть. Бенедикт резко повернулся и спиной заслонил от нас происходящее.

Потом мы увидели, как он, повернувшись, упал на колено, левой рукой сжимая обрубок правой. В то же время механическая кисть Бенедикта повисла рядом с Грейсвандир, вместе с ней она медленно опускалась на пол, но они не ударились о его поверхность, а прошли сквозь нее и исчезли.

Я рванулся вперед и, едва не растянувшись, ворвался наконец в зал. Стена исчезла. Мартин и Дара подбежали к Бенедикту раньше меня. Дара уже успела оторвать от своего плаща лоскут и бинтовала ему руку. Тут подоспели и мы — Жерар, Рэндом и я. Рэндом схватил Мартина за плечо, и он повернулся к нам.

— Что все это значит? — крикнул Рэндом.

— Дара, — отвечал он, — Дара сказала, что хочет увидеть Амбер. — И поскольку я теперь живу тут, мне захотелось показать ей кое-какие здешние достопримечательности, и я решил провести ее…

— Ты хочешь сказать — провести через Карту?

— Ну, конечно.

— По твоей Карте или ее?

Мартин потупился.

— Ну, знаешь ли…

— Дай-ка мне эти Карты, — приказал Рэндом и выхватил футляр из-за пояса Мартина.

Он открыл его и начал перебирать карты, полностью углубившись в это занятие.

— Потом я подумал, что нужно позвать Бенедикта, — продолжал Мартин, — он накануне спрашивал о Даре. И он пришел повидать…

— Что за чертовщина, — поднял голову Рэндом. — Тут, кроме твоей, есть Карта какого-то парня. Я его никогда не видел.

— Дай-ка, и я погляжу, — попросил я.

Он передал мне Карты.

— Все ясно, — продолжал Рэндом. — Ведь это Бранд? Он единственный, кто умеет сейчас делать Карты.

— Буду я еще связываться с Брандом! — возмутился Мартин. — Разве только для того, чтобы прикончить его.

Пока они спорили, я понял, что Бранд здесь ни при чем. Это был не его почерк. Это был стиль совершенно неизвестного мне картографа. Однако я думал сейчас не о стиле, а о том, кого Рэндом, как он сказал, никогда не видел. Однажды мы с ним встретились! Хорошо помню, как он ехал

мне навстречу, наставив на меня свой арбалет. Это случилось как раз перед Двором Хаоса. Видно было, что парень узнал меня и потому отклонил ствол в сторону, уже нажимая на курок.

Я показал на Карту.

— Мартин, назови его.

— Человек, который сделал добавочные карты, — наконец сказал Мартин, — нарисовал и свой портрет. Я не знаком с ним. Он друг Дары.

— Опять лжешь, — выпалил Рэндом.

В разговор вмешался я:

— Ну ладно, пусть скажет Дара.

Она все еще склонялась над Бенедиктом, хотя перевязка уже была окончена и пострадавший сидел на полу.

— Ну так кто это? — помахал я перед лицом Дары картой с портретом незнакомца. — Может, назовешь его имя?

Она посмотрела на Карту, потом на меня и улыбнулась.

— Ты действительно не догадываешься?

— Стал бы я спрашивать, если б знал?

— Тогда взгляни на нее повнимательней, а потом пойдем к зеркалу и так же внимательно посмотри на себя. Еще не догадался? Это твой сын. Его зовут Мерлин. Я его мать, а ты его отец.

Меня удивить трудно, но это известие ошарашило меня. Я почувствовал легкое головокружение. Но голова работала четко. Я начал соединять отрезки времени. Да, да, понял я, это было возможно.

— Дара? — негромко спросил я. — Чего же ты все-таки хочешь?

— Я уже говорила тебе, когда прошла сквозь Лабиринт, что Амбер будет разрушен. Ты спрашиваешь — чего я хочу? Сыграть свою роль и только.

— Ты будешь играть ее в бывшей моей камере, — сказал я. — Нет, не в моей, в соседней. Стража!

— Корвин, ты не прав. Здесь нет никакой крамолы, — вступился за нее Бенедикт, поднимаясь на ноги. — Все гораздо сложнее, чем кажется сразу. Она тебе объяснит.

— Тогда пусть сделает это немедленно.

— Нет, не сейчас и не здесь. Наедине, в кругу семьи.

Жестом я остановил подходящих стражников.

— Ладно. Соберемся в одной из комнат на втором этаже.

Бенедикт кивнул. Дара поддерживала его за левую руку. Рэндом, Жерар, Мартин и я последовали

за ними к выходу. В дверях я оглянулся и еще раз окинул взглядом опустевший зал, где суждено было сбыться моему сну. Так вот, значит, в чем заключался его смысл.

На гребне Колвира я спешился, подъехав к своей гробнице. Неторопливо зашел в склеп и приоткрыл гроб. Он был пуст и это меня обрадовало. Хорошо увидеть, что тебя нет среди мертвых. А то в последнее время начали мучить сомнения. Я почти был уверен, что увижу в гробу себя. Вот так буду лежать мертвым перед собой живым. И докажу этим самым, что интуиция в общем-то обманчивая штука. И я каким-то образом заблудился и зашел не в то Отражение. Я вышел из склепа и погладил Звезду по ее мягким ноздрям. Солнце сияло вовсю, но ветер был студеным. Неожиданно мне захотелось очутиться около моря. Вместо того чтобы отправиться туда, я присел на скамеечку и стал согревать в ладонях трубку.

Мы мирно беседовали. Дара сидела на коричневом диване, поджав под себя ноги. Она рассказывала о своем происхождении и первых годах жизни. Отцом ее был Бенедикт, а матерью адская дева Линтра. Родилась и выросла Дара во Дворе Хаоса, в центре неэвклидового царства, где время подчиняется странному закону случайного

распределения.

— То, что ты рассказывала о себе в первую нашу встречу, — выяснял я отношения, — оказалось враньем. Чего ради я должен верить тебе сейчас?

Она улыбнулась и долго разглядывала свои ногти.

— Видишь ли, я вынуждена была обмануть тебя, чтобы войти в доверие.

— Зачем тебе оно понадобилось?

— О, мне нужно было многое узнать от тебя.

— А что именно?

— Меня интересовала твоя семья. Мне нужно было получить представление о Лабиринте, о Картах, об Амбере. И кроме того, мне хотелось родить от тебя ребенка.

— А разве, рассказав правду, ты не добилась бы всего этого?

— Думаю, нет. Я пришла к тебе от твоего врага. Раскрой я тебе свои истинные намерения, и ты бы меня к себе не подпустил.

— Ну хорошо, помню, меня удивило, как здорово ты фехтуешь. Ты сказала, что тебя тренировал Бенедикт. Это ведь тоже неправда?

— Конечно. Я училась у самого великого князя Бореля, Высокого Лорда Хаоса.

— А твоя внешность. Меня поражало, как она

менялась, когда ты проходила Лабиринт. Как тебе это удается?

— Все, кто родом из Хаоса, умеют менять свой облик.

Я вспомнил о Дворкине, как он выступал в ту ночь, представляясь мной.

Бенедикт подтвердил:

— Отец одурачил тебя, преображаясь в Ганелона.

— Оберон — сын Хаоса, — подтвердила Дара, — мятежный отпрыск отца-бунтаря. Он и сейчас силен, как в прежние времена.

— А почему же мы не можем менять свой облик? — спросил Рэндом.

— Наверное, и вы можете. Просто вы никогда не пробовали делать это. А впрочем, кто знает, возможно, эта способность отмерла в вашем поколении. Я могу превращаться в кого угодно. Но есть несколько образов, которые в решающие моменты я принимаю с особым удовольствием, Я выросла там, где оставаться собой долго нельзя, а менять обличье стало правилом. У меня же это все равно что рефлекс. Именно этому вы так удивлялись тогда в Лабиринте.

— Дара, — спросил я, — а зачем тебе было знать о моей семье. Для чего тебе это все — Лабиринт,

Карты, Амбер и ребенок от меня?

— Ладно, так и быть, — вздохнула она, — я скажу. Вам уже известны планы Бранда. Он хочет разрушить и снова создать Амбер.

— Мы знаем это.

— Вот для этого и было необходимо наше сотрудничество.

— Включая убийство Мартина? — снова вмешался Рэндом.

— Нет. Мы не знали, кого он хотел использовать в качестве средства.

— А если бы знали? Вас остановило бы это?

— На этот вопрос нет ответа. Попробуйте найти его сами. Все, что я могу сказать — я рада, что Мартин все еще жив.

— Так, — сказал Рэндом, — ну а что ты скажешь о Бранде?

— Ему удалось вступить в контакт с нашими вождями. Он это сделал при помощи метода, который он узнал от Дворкина. Знания и сила — вот что было ему нужно. И он получил их.

— А что это за знания?

— Ну хотя бы то, как уничтожить Лабиринт.

— Но ведь эти сведения ему поставляли вы. Значит, за все, что он все-таки успел сделать, несете ответственность вы, — заметил Рэндом.

— Ну, если вы так считаете…

— Именно так.

Она пожала плечами и обратилась ко мне:

— Тебе интересна эта история?

— Давай, рассказывай, — я посмотрел на Рэндома. Он кивнул.

— Бранд получил все, чего добивался, — продолжала Дара, — но ему не очень-то доверяли. Было опасение, что он, исправив Амбер и получив в руки правление над ним, на этом не остановится. Он попытается влиять и на Хаос. Ведь чего добивались наши — чтоб потерял силу Амбер и таким образом возвысился Хаос. Хотели получить новое равновесие, дающее нам больше Отражений, лежащих между царствами. Вы же знаете — это давно доказано: наши два королевства никак не могут слиться, но в то же время ни в коем случае нельзя допустить, чтобы одно из них было уничтожено. В противном случае все пространство придет в расстройство — или полная статика, или совершенный хаос, значит, добивались только ослабления Амбера. Хотя и понимали, что Бранд может пойти дальше, все-таки решили его использовать, потому что это была первая такая возможность за долгие века. Смутно планировали в будущем заменить Бранда. Время

покажет.

— Значит, и здесь был обман? — перебил ее Рэндом.

— Нет. Если бы он сдержал свое слово. Впрочем, все понимали, что слово он не сдержит. Так что это был не обман, а ход против обмана.

— А что это был за ход?

— Когда он достиг бы своей цели, его уничтожили бы. Вместо него поставили бы члена королевской семьи Амбера, состоявшего в близком родстве с первым семейством Хаоса и воспитанного им. Такой человек есть. Это Мерлин. В его жилах течет кровь моего прадеда, Бенедикта, и твоя кровь. Так что в нем две могучие ветви должны соединиться над троном Амбера.

— Так ты из королевского рода Хаоса?

Она улыбнулась.

Я подошел к камину. Мне стало холодно. Но жар там давно остыл и превратился в горстку пепла.

— Мне жаль, что волей судьбы я оказался участником действий по выведению нового вида правителей Амбера, — произнес я после паузы. — Но почему ты нам сейчас все это рассказала?

— Я боюсь, что наши лорды зайдут слишком далеко. О хрупком равновесии, которое так просто нарушить, думают немногие. В пылу борьбы

о нем могут просто забыть. Я побывала в Отражениях неподалеку от Амбера. Хорошо знаю Отражения, лежащие рядом с Хаосом. Я видела там множество людей и вещей. Очень повлияла на меня встреча с Мартином. Я поняла, чем грозят перемены в Амбере. Он превратится в продолжение Двора Хаоса. Большинство Отражений испарятся и присоединятся к нам. Амбер станет островом. Некоторые из моих вождей давно мечтают, чтобы царство, созданное Дворкиным, исчезло, чтобы вернулись времена, когда его не существовало. Они желают вернуться к полному Хаосу, из которого все возникло. А мне нравится наше время, время равновесия или противостояния. Я хочу сохранить нынешние условия. Моя цель — пусть ни одна сторона не выйдет победительницей.

Я повернулся как раз вовремя: Бенедикт качал головой, и было не понятно, что означал этот жест.

— А ты на чьей стороне?

— Я думаю, что и на той и на другой.

— Мартин, — спросил я, а ты, конечно, с ней заодно?

Он кивнул. Рэндом рассмеялся.

— Значит, вы двое против Амбера, и вы же,

опять-таки двое, против Двора Хаоса. Как же вы собираетесь сохранить это шаткое равновесие?

— Мы не одни, — ответила Дара, — и у нас есть план, впрочем, он разработан не нами.

Она порылась в кармане и вынула оттуда что-то сверкающее. Потом повернула этот предмет к свету, и яркая вспышка озарила всех. Это был перстень с печатью нашего отца.

— Откуда он у тебя? — удивился Рэндом.

— Действительно, откуда?

Бенедикт подошел к ней и протянул руку. Она отдала ему перстень, и он стал разглядывать его.

— Да, это отцовский, — подтвердил он, — как вам известно, у него есть маленькая печать с тыльной стороны. Вот она. Зачем он тебе понадобился?

— Прежде всего для того, чтобы вы мне доверяли, когда я буду сообщать вам его приказы, — ответила она.

— А откуда ты вообще его знаешь, — поинтересовался я.

— Я познакомилась с ним в не лучшие для него времена. Если говорить откровенно, я помогла ему избавиться от неприятностей. Я уже была тогда знакома с Мартином и относилась к Амберу лучше, чем прежде. Но и отец ваш многое

рассказал мне о царстве. Он умеет убеждать. Я не могла смириться с тем, что он стал пленником моей родни.

— Тебе известно, как он попал в плен?

Она покачала головой.

— Я знаю только, что Бранд заманил его в далекое от Амбера Отражение и там пленил. Думаю, это связано с тем, что ваш отец ошибся, разыскивая магический инструмент, при помощи которого можно починить Лабиринт. Теперь-то он понимает, что никакого инструмента в природе нет, а исцелить систему может Камень. А тогда он дал себя заманить.

— А как отнеслось твое общество к тому, что ты помогла бежать пленнику?

— Плохо. Временно я лишилась дома.

— И ты хочешь приобрести его здесь?

— Все зависит от того, как будут складываться события. Если победит мой народ, мне придется вернуться или найти приют среди того, что останется от Отражений.

Я достал Карту и стал ее изучать.

— А где сейчас Мерлин?

— Он у них. Я опасаюсь, что он может стать их человеком. Он знает, что его корни есть и здесь. Но воспитывался он при Дворе Хаоса, и они име-

ют на него большое влияние. Не знаю, сумеет ли он вырваться оттуда.

Я начал пристально вглядываться в линии на Карте.

— Напрасный труд, — сказала она. — Между Амбером и Хаосом они не действуют.

Я вспомнил, как непросто было установить контакт по Карте, когда я был на краю этого места. Но я решил попытаться еще раз.

Карта стала холодной. Возникло слабое мерцание ответного присутствия. Я напрягся еще больше.

— Мерлин, это Корвин. Ты меня слышишь? — обращался я к нему.

Кажется, я уловил ответ. Мне казалось, я различаю слова. «Я не могу», донеслось с другого мира. И все. Контакт прервался. Карта начала теплеть.

— Ну что? — спросила Дара.

— По-моему, на одно мгновение связь появилась.

— Значит, ошибалась я. А может, просто условия для связи подходят. Или же ваши умы очень схожи.

— Когда ты показала нам отцовское кольцо, ты говорила о каких-то приказах, — вмешался Рэндом. — Что это за приказы? И почему он решил

передать их через тебя?

— Он хотел, чтобы вы узнали обо всем своевременно, без опоздания.

— Какое, к черту, опоздание, когда еще утром он был здесь и мог все сказать нам сам.

— Для него важно закончить одно дело, прежде, чем приняться за другое. Он ведь не знал, когда он его закончит, не знал и того, когда я увижусь с вами. Но так уж получилось, что я была с ним в контакте, как раз перед тем, как пришла сюда. Хотя, надо сказать, что к такому приему я не была готова. Сейчас он готов приступить к новым действиям.

— Где ты с ним говорила, — спросил я. — Где он вообще сейчас находится?

— Понятия не имею. Знаю только то, что он вступил со мной в контакт.

— И?..

— И он хочет, чтобы Бенедикт атаковал немедленно.

Жерар при этих словах заерзал в кресле. Затем встал, сунул большие пальцы за ремень и посмотрел на нее с высоты своего роста.

— Но подобный приказ действителен только тогда, когда его отдает отец.

— Он его и отдал.

Жерар покачал головой.

— Какой смысл ему вступать в контакт с тобой, которой мы не доверяем, чтобы передавать свои приказы нам. Ведь он может связаться с любым из нас.

— Видимо, в то время пробиться к вам не было возможности. Но зато ему было легко связаться со мной.

— Но почему?

— Потому что для связи со мной ему не нужна была Карта. Он воспользовался резонирующим эффектом Черной дороги. Помните, его применил Бранд, чтобы убежать от Корвина.

— Откуда ты столько про нас знаешь?

— Да, у меня есть уши при Дворе. И я кое-что слышала о том, как спасся бегством Бранд после схватки с вами.

— Ты знаешь, где сейчас находится отец? — перебил ее Рэндом.

— Наверняка — нет. Но, думаю, он где-то по пути в настоящий Амбер. Ему надо посоветоваться с Дворкиным, и снова посмотреть повреждения первозданного Лабиринта.

— А зачем ему это?

— Не знаю. Скорее всего, ему надо решиться на что-то важное. А то, что он связался со мной и при-

казал атаковать, говорит о том, что он решился.

— А как давно была эта связь?

— Несколько часов назад по моему времени. Я тогда была далеко отсюда — в Отражении. Не знаю, какая у вас разница во времени по сравнению с тем пространством? Я ведь слишком недавно у вас, чтобы знать эти вещи.

— Так, значит связь была скорее всего несколько минут назад, — задумчиво произнес Жерар. — Мы были все здесь. Повторяю — почему же он говорил с тобой?

— Может, потому, что хотел показать вам, — она начала выходить из себя, — как он ко мне относится.

— А что? — сказал Бенедикт. — Возможно, это и правда. Только я не тронусь с места, пока он не подтвердит приказ.

— Фиона все еще у первозданного Лабиринта? — спросил Рэндом.

— Я понимаю твой вопрос, — вмешался я. — Еще недавно, как мне сообщали, она была там.

Я раскрыл Карту Фионы.

— Чтобы выбраться оттуда, необходима помощь, — заметил Рэндом, — и не одного из нас, а нескольких.

— Конечно. Поэтому помоги мне.

Он поднялся и подошел ко мне. Бенедикт и Жерар тоже приблизились.

— Это уже чересчур, — вмешалась Дара.

Я пропустил мимо ушей ее слова и сосредоточился на тонких чертах моей сестрицы. А спустя мгновение у нас возник контакт.

— Фиона, — произнес я, видя по фону, что она все еще находится там, в сердце всего сущего, — отец тут?

— Да, — улыбнулась она, — он внутри с Дворкиным.

— Слушай. Срочное дело! Я не знаю, знакома ли ты с Дарой, но она здесь, у нас.

— Я наслышана о ней, но мы не встречались.

— Она утверждает, что у нее есть приказ от отца о немедленной атаке. Он нам ничего не говорил об этом, но у нее есть перстень с его печатью. Тебе что-нибудь известно?

— Нет. Отец ничего не говорил. Мы всего лишь поздоровались, когда он с Дворкиным пришел посмотреть на Лабиринт. Но у меня есть по этому поводу кое-какие подозрения.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, отец собирается отремонтировать Лабиринт. При нём Камень. Кроме того, я слышала, что он говорил об этом Дворкину. Если он

только попытается это сделать, при Дворе Хаоса сразу же будут в курсе дела. Они постараются помешать ему. Вот он и хочет опередить с ударом, занять их внимание войной и таким образом отвлечь от Лабиринта, только и всего. Только…

— Что?

— Ты знаешь, Корвин, это погубит его. Я это точно знаю. Успеет он починить Лабиринт или нет, но это его смерть.

— В это трудно поверить.

— Во что? В то, что король отдает жизнь за королевство?

— Да…

— Вот что я тебе скажу: или он очень изменился, или ты его по-настоящему никогда не знал. Я не сомневаюсь, что у него на уме именно это.

— Тогда объясни мне — зачем свой последний приказ он передает нам через человека, которому мы не доверяем, о чем он отлично знает.

— Наверное, чтобы в будущем, когда он подтвердит свой приказ, вы доверяли этой женщине.

— Придумает тоже. А насчет подтверждения ты права. Надо проверить. Переговори с ним, а потом свяжись с нами не откладывая.

— Попытаюсь. Выйду на тебя сразу после разговора с ним.

Она прервала контакт.

Я подошел к Даре, которая, конечно же, что-то слышала из нашего разговора.

— Тебе известно, чем собирается заняться отец сейчас?

— Чем-то, связанным с Черной дорогой. Он намекал на это. Однако прямо ничего не говорил.

Я сложил Карты и сунул их в футляр. Все это было мне не по душе. Скверно начинался день, и дела складывались хуже некуда. Время перешагнуло за полдень. Я окончательно расстроился. Еще тогда, когда я разговаривал с Дворкиным, он описал мне, чем может кончиться любая попытка отремонтировать Лабиринт. Это было ужасно. И что, если отец все-таки попробует сделать это? Конечно же, он потерпит неудачу и погибнет. Где окажемся в таком случае мы? Там, где находимся сейчас, но без вождя и накануне битвы? Кроме того, опять появится проблема наследования. И опять наше сознание будет занято ею, когда мы отправимся на войну. И даже если мы ее выиграем, покоя не будет. Мы начнем охотиться друг за другом, чтобы кто-то один из нас добился власти. Нет, нет. Надо найти какой-то выход и сохранить устоявшийся порядок. Пусть отец живет и будет на троне. Это лучше, чем смутное время с загово-

рами и интригами вокруг трона.

— Чего мы ждем? — спросила Дара. — Подтверждения?

— Да, — ответил я.

Рэндом нервно ходил по комнате, Бенедикт сел и начал поправлять повязку, Жерар прислонился к каминной полке, а я стоял и думал. Вот тут-то я и додумался до одной штуки. Я попытался прогнать эту нелепую мысль, но не тут-то было — она сейчас же возвратилась. И не понравилась мне еще больше, потому что казалась нецелесообразной. И я понял, что буду действовать очень быстро, чтобы не передумать. Нет. Что бы там ни было, надо придерживаться этой идеи, черт бы ее побрал.

Появилось ощущение контакта, я превратился в ожидание. Спустя несколько секунд я отчетливо увидел Фиону. И узнал, где она стоит. Конечно, это гостиная Дворкина в конце пещеры с тяжелой дверью. А вот и сам Дворкин. И отец здесь. Отец сбросил личину Ганелона и вновь стал собой. На его шее был Камень.

— Корвин, — позвала Фиона, — это правда. Отец через Дару передал вам приказ об атаке и ждет от вас подтверждения. Я…

— Фиона, — крикнул я, — проведи меня.

— Что?

— Ты что, не поняла меня? Дай руку.

Я протянул правую руку, она мне навстречу свою и мы соприкоснулись.

— Корвин, — крикнул Рэндом, — что ты делаешь?

Бенедикт вскочил на ноги, Жерар бросился ко мне.

— Скоро узнаете, — выпалил я и двинулся вперед.

Прежде чем отпустить руку Фионы, я благодарно стиснул ее ладошку и улыбнулся.

— Ну, спасибо тебе, Фи! Здравствуй, отец! Привет, Дворкин! Как у вас дела?

Я посмотрел на тяжелую дверь. Она распахнута. Я шагнул в сторону от Фионы и двинулся к ним. Глаза отца недовольно сузились. Он опустил голову.

— Как это понимать, Корвин? Ты здесь? Без увольнительной! Я подтвердил вам этот проклятый приказ, жду его исполнения. И вдруг ты здесь.

— Его выполнят и без меня. Я здесь, чтобы поговорить о другом.

— О чем еще?

Я придвинулся чуть поближе, рассчитав рас-

стояние, слова, тембр голоса. Меня несколько успокаивало, что он продолжал сидеть.

— В последнее время мы с тобой сблизились, — негромко начал я, — и будь я проклят, если солгу, сказав, что ты стал мне чертовски симпатичен. Раньше такого чувства у меня по отношению к тебе не появлялось. Я бы ни за что не решился сказать тебе об этом, не хватило бы духа, но ведь ты знаешь, что это правда. Мне хотелось бы, чтобы, несмотря на то, кем мы являемся друг для друга, это чувство сохранилось.

Я сделал небольшой шаг, стал там, где надо, и мне показалось на короткий миг, что его взгляд смягчился.

— В любом случае, — продолжал я, — мне бы хотелось поверить в тебя того, а не этого, потому что есть нечто, чего я не хочу делать для тебя другого.

— Что?

— Это!

Я схватил Камень, рванул цепь и сорвал ее с его шеи. Затем резко повернулся и вылетел из комнаты. С силой я захлопнул дверь и услышал, как она за моей спиной щелкнула. У меня не было ключа, чтобы запереть ее снаружи, и я побежал что есть силы по знакомой пещере, по которой накануне

я следовал за Дворкиным. Позади я услышал рев. Меня это не удивило. За поворотом был новый поворот. Только раз я споткнулся, но удержался на ногах. Запах Винсера все еще тяжело висел в воздухе. Я помчался дальше и после последнего поворота увидел далеко впереди квадрат дневного света. Я бежал, на ходу надевая на шею цепь с Камнем. Камень при беге ударял в мою грудь. Позади меня в пещере гремело эхо.

Ну вот, наконец, и выбрался и помчался к Лабиринту, чувствуя через Камень, превращая его в некую дополнительную способность чувствовать. Я был после отца и Дворкина третьим человеком, настроенным на него. Дворкин говорил мне, что Лабиринт может быть восстановлен человеком, прошедшим его в состоянии такой настройки, выжигающим пятно при пересечениях его, заменяя его запасом из того образа Лабиринта, который он носит в своей душе, и стирая по ходу дела Черную дорогу. Так уж лучше это сделаю я, чем мой отец.

Я по-прежнему ощущал, что Черную дорогу создала сила, возникшая, когда я проклял Амбер. И это тоже надо было стереть. И опять-таки сделать это нужно было именно мне, искупив таким образом свою вину. И вообще отцу нужно будет

наводить порядок после войны. Уж он это лучше сделает, чем я. Мне сейчас это было совершенно ясно. И еще ясно мне было, что трон — это не для меня. Даже если бы он был свободен, перспектива управлять все эти скучные века всем этим королевством претила мне. Может быть, эта легкая, веселая, жертвенная смерть — самый хороший выход для меня. Может быть, я просто ищу такого выхода. Эрик умер, и нет в моем сердце ненависти к нему. Мне казалось, что он претендует на трон. И я действовал. Нет претендента на трон, нет и самого трона. Я отрекся от того и другого. И стало мне скучно. Ничего не осталось в душе. Я посмеялся над Виалой, а потом засомневался и по этому поводу. В этот миг старый солдат во мне победил все остальное. То, что я задумал, диктовало чувство долга, а может, за ним было и нечто большее. Я достиг Лабиринта, остановился перед его началом и оглянулся. У выхода из пещеры еще не появились ни Отец, ни Дворкин с Фионой. Это меня радовало. Они не поспевают за мной, им не удастся остановить меня. Как только я вступаю в Лабиринт, их действия меня не касаются. Они могут только наблюдать за мной и ждать. Какое-то мгновение я думал о том, что, может быть, скоро перестану существовать, но тут же

отбросил эту мысль и постарался успокоиться. Ведь то, за что я сейчас взялся, нужно делать в полном спокойствии. Вот то самое место, узнал я, где я бился с Брандом. Странно все-таки, как он тогда исчез. Эти мысли я тоже постарался отбросить прочь. Замедлив дыхание, я приготовился. И тут меня будто летаргия охватила. Я словно оцепенел. Пора начинать. Но я медлил, пытаясь сосредоточиться на стоящей передо мной грандиозной задаче. Я видел перед собой весь Лабиринт. Сейчас! Черт побери! Еще секунду! Ну, довольно откладывать. Давай! Начинай! Иди! — приказывал я сам себе. И все же я никак не мог шагнуть. Все стоял. Все созерцал Лабиринт. И забывал о себе. И видел только его — с длинным черным пятном, которое надо удалить. Мне не было страшно, что это может убить меня. Мысли мои лениво текли, перетекая одна в другую — их интересовала только красота Лабиринта, его удивительное совершенство. Я был поглощен им. За спиной раздались голоса. Это были отец, Дворкин и Фиона. Они выбежали из пещеры, пробежали по склону и остановились. Странно, почему они остановились? А впрочем, не все ли равно. У меня было еще несколько секунд. И я поднял ногу, чтобы сделать первый шаг по Лабиринту.

Удивительно — все мое тело налилось свинцом. Я едва оторвал от земли подошву. Казалось, здесь совсем другое притяжение. Я пытался сделать шаг, словно парализованный. Нет, я боролся не с притяжением, а со своим собственным телом. Потом стали ко мне являться видения. Сначала возник образ Бенедикта рядом с Лабиринтом в Тир-на Ног-та. Затем насмехающийся надо мной Бранд. И на груди у него горел Камень. И тут я вспомнил, что увижу, опустив глаза. Камень на моей груди! Он пульсировал в такт ударам моего сердца. Черт побери! Я все понял. Отец или Дворкин, или они оба, дотянулись через него до меня и парализовали мои движения. Конечно, любой из них мог это сделать запросто. Но они были еще так далеко, что я решил не сдаваться. Я медленно опускал ногу на пространство Лабиринта. Как только я доберусь до него… И вдруг сон стал окутывать меня. Я почувствовал, что падаю. И уснул. Это случилось со мной опять. Когда я проснулся, передо мной по-прежнему был Лабиринт и рядом стоял отец. В руках его был Камень.

— Уходите! — приказал он Дворкину и Фионе, не повернув к ним головы.

Они исчезли. Отец надел на шею цепь с Камнем. Потом он нагнулся ко мне, протянул руку и

с его помощью я стал на ноги.

— Это была чертовски глупая затея, — проворчал он.

— Еще немного, и она удалась бы мне.

Он кивнул.

— Ты погубил бы себя и ничего бы не изменил. Но тем не менее ты чертовски здорово взялся за дело. Идем пройдемся.

Он взял меня под руку, и мы пошли вдоль границы Лабиринта. Я вдруг понял, как странно мы прогуливаемся. Вокруг не было горизонта. Мы шли по небу-морю и со всех сторон было только это то ли небо, то ли море. Я думал о том, что все-таки случилось бы, если б мне удалось ступить в Лабиринт? Что было бы сейчас?

— А ты стал совсем другой, — наконец нарушил он тишину, — или я тебя совсем не знал раньше.

Я пожал плечами.

— Наверное, и то, и другое, — ответил я. — Кстати, я хочу сказать то же самое и о тебе. Ну говори, я хочу слушать тебя.

— О чем?

— Ну хотя бы о том, трудно ли тебе быть Ганелоном?

Он рассмеялся.

— Совсем не трудно. Ты, может, на миг увидел

меня настоящего.

— Он мне понравился, вернее ты, бывший им. Послушай, а что стало с настоящим Ганелоном?

— Он давно умер, Корвин. Я встретил его после того, как ты изгнал его из Авалона. Это было бог знает когда. Я встретил его после того, как он совершил свою измену. А до этого он был хорошим парнем, но я никогда не доверял ему. Я вообще никому не доверяю, если нет такой необходимости — довериться кому-нибудь.

— Это у нас наследственное.

— Мне жалко было убивать его, но у меня не было выхода. Как давно все это было. Однако я так хорошо помню его. Он все-таки произвел на меня большое впечатление.

— А Лорен?

— Страна? Хорошая работа. Я там здорово поработал с нужным Отражением. Оно набрало силу от моего присутствия. Так бывает всегда, когда кто-то из нас надолго остается в Отражении. Так было с тобой в Авалоне и позже, в том, другом месте. Я позаботился о том, чтобы побыть в Лорен подольше. И направил свою волю на течение тамошнего времени.

— Неужели это возможно?

— Есть еще многое, что тебе предстоит узнать.

Начиная со своего посвящения в Лабиринт ты становишься все сильней. Да, я усилил Лорен и сделал ее особенно уязвимой для растущей силы Черной дороги. Я позаботился, чтобы она лежала у тебя на пути, куда бы ты ни пошел. После твоего побега все дороги вели, только в Лорен.

— Зачем же ты это сделал?

— Это был своеобразный капкан, поставленный мной для тебя. И испытание. Я хотел быть с тобой, когда ты встретишься с силами Хаоса. И вообще мне хотелось попутешествовать с тобой.

— Зачем ты меня испытывал? И для чего тебе путешествовать со мной?

— Неужели так трудно догадаться? Я так давно наблюдаю за всеми вами. И ни разу не назвал имя наследника. Я специально навожу тень, потому что прекрасно понимаю, что, назвав это имя, я подписываю ему или ей смертный приговор. Мне хотелось как можно дольше тянуть с этим делом. Но теперь час настал, я решил, кто меня сменит. Это будешь ты.

— Там, в Лорен ты, помню, связался со мной ненадолго и был тогда в своем облике. Ты сказал мне, что я могу занять трон. Если ты еще тогда принял решение, зачем было продолжать этот маскарад?

— Я тогда еще не решил окончательно. Собственно говоря, это была своеобразная сделка с тобой. Мне казалось, что ты чересчур увлекся девчонкой из той страны. Ты был горд тем, что вышел из Черного Круга героем и пытался самоутвердиться. Ты мог остаться в этой стране, а я хотел, чтобы ты продолжал свой путь. Вот я тебе и пообещал.

Я молчал. Мы прошли приличное расстояние вокруг Лабиринта.

— Кое о чем нам нужно с тобой поговорить, — начал я после длительного молчания, — перед тем, как оказаться здесь, я встречался с Дарой. Она пытается перед нами обелить свое имя.

— Она и так чиста перед вами. Я очистил ее.

Я покачал головой.

— Я воздерживаюсь от обвинения, и все же кое в чем ее подозреваю. На то есть причины. Думаю, что, несмотря на твою защиту, доверять ей нельзя. Для этого есть две причины.

— Сын, я все знаю. Но она действительно не убивала слуг Бенедикта, чтобы утвердиться в его доме. Это сделал я. Мне нужно было, чтобы она сумела приблизиться к тебе. И она сделала это в нужное время.

— Ты? Ты участвовал в ее заговоре? Зачем?

— Лучшей помощницы тебе не найти. Я верю в кровь Хаоса. В ее первобытную силу. Нашей крови необходимо свежее вливание. Ты взойдешь на трон. И у тебя уже есть наследник. К тому времени, когда Мерлин сменит тебя, из него давно выветрится воспитание Хаоса.

Мы прошли весь путь до места, с которого было видно черное пятно. Я присел на корточки и стал присматриваться, изучать его.

— Думаешь, эта штука убьет тебя? — спросил я.

— Не думаю, а знаю, — спокойно ответил он.

— Ты пошел на убийство невинных людей, чтобы управлять моей судьбой. А сейчас жертвуешь собой, чтобы спасти королевство, — я поднял на него глаза и продолжал. — Ты сделал так, чтобы мои руки были чисты и душа тоже. И не мне тебя судить. Однако мне придется тебя огорчить. Когда я приготовился войти в Лабиринт, я вспомнил Эрика и подумал, как изменилось мое отношение к нему и к самому трону. Ты поступаешь так, как велит тебе долг. У каждого из нас свой долг перед Амбером, перед троном. Там, в шаге от Лабиринта я почувствовал и то, чего от нас требует долг. Я не хочу трона, отец. Это не для меня. Я понимаю, что путаю твои планы, но я отрекаюсь от престола, еще не получив его. Я не хочу быть королем

Амбера. Мне больно, но это так.

Я отвел от него глаза и опять уставился на пятно. Я услышал тяжелый вздох, и сердце мое сжалось. Затем он сказал:

— Я отправлю тебя сейчас домой. А там — седлай своего коня, возьми провиант и скачи за пределы Амбера, в любое хорошо изолированное место, куда пожелаешь.

— К моей гробнице.

Он тихо рассмеялся.

— Езжай туда, куда я сказал, и жди моего волеизъявления. Я должен поразмыслить.

Он положил руку мне на плечо. Камень пульсировал у него на груди. Он посмотрел мне в глаза и через них дальше в мое сознание.

— Ни один человек на свете не имеет всего, чего он хочет и не живет так, как хочет.

Затем произошел эффект удаления подобно тому, как это случается от силы Карты. Только действие совершилось в обратном направлении. Сначала я начал слышать голоса, потом увидел покинутую мной недавно комнату. Все были на месте — Бенедикт, Жерар, Рэндом и Дара. Я чувствовал, как отец медленно отпускает мое плечо, и я снова оказался среди своих.

— Ну и дела, — сказал Рэндом. — Мы видели,

как отец возвратил тебя сюда. Интересно, как он это делает?

— Понятия не имею. Но все, что сказала нам Дара, он подтвердил.

— А зачем?

— Он хочет, чтобы мы ей доверяли.

Бенедикт стал собираться.

— Тогда я поеду выполнять его задание.

— Да, да. Он хочет, чтобы ты атаковал, но сразу же отступил, — промолвила Дара. — Надо не наступать, а только сдерживать их.

— Как долго?

Бенедикт улыбнулся, что делал крайне редко, и решительно кивнул. Чудом или показав особое умение, он вытащил футляр с картами и достал нужную ему особую Карту для Двора, которую я в свое время вручил ему.

— Удачи тебе, — сказал Рэндом.

— Лучшие пожелания, — поднял руку Жерар.

Я тоже пожелал победы и видел, как он исчез, чтобы появиться в ином пространстве. В воздухе светилась полоса, по которой он удалился. Потом радуга остаточного изображения растаяла. Я перевел взгляд на Дару. Она плакала. Я сделал вид, что не заметил этого.

— Я тоже получил своеобразный приказ, — ска-

зал я, — так что и мне пора в дорогу.

— А я вернусь к морю, — сообщил Жерар.

— Нет, — услышал я голос Дары и оглянулся, остановившись у дверей из мореного дуба. — Нет, Жерар. Атаки с моря не будет. Ты останешься здесь, чтобы охранять безопасность Амбера.

— Но, я полагаю, это дело Рэндома.

Она покачала головой.

— Рэндом присоединится к Джулиану в Арденне.

— Ты уверена, что я должен сделать это? — спросил Рэндом.

— Убеждена.

— Ну и что же, даже приятно, что он подумал и обо мне. Сожалею, Жерар. Получилась ошибочка.

Жерар выглядел озадаченным.

— Ему виднее.

— Мы это уже обсудили, — сказал я, — до встречи.

С этими словами я вышел из комнаты. И тут же оглянулся, потому что услышал шаги. Дара догоняла меня.

— И что дальше? — спросил я.

— Куда бы ты ни шел, я провожу тебя.

— Я собираюсь подняться на гору, нужно взять кое-какие припасы. А затем в конюшню.

— Я поеду с тобой.

— Нет, я отправлюсь сам.

— Я не говорю о твоем путешествии, сопровождать тебя я все равно не смогу — мне нужно поговорить с твоими сестрами.

— Они тоже задействованы в плане отца?

— Да.

Некоторое время мы молчали. Затем она сказала:

— Все это дело было не таким простым, как может показаться.

— Какое дело?

— Ты знаешь, о чем я.

— А, это? Ну, ладно.

— Ты мне нравишься. Если ты тоже что-то чувствуешь, это может быть очень серьезно.

Моя гордость уже придумала довольно жестокий ответ, но я проглотил его. Века жизни кое-чему меня научили. Она походя использовала меня для своей цели, но, что поделаешь, все мы не свободны в своих поступках. Самое ужасное, что отец хочет, чтобы я женился на ней. Но я постарался не смешивать свое негодование с чувствами, которые мог бы испытывать, если бы нам ничего не мешало.

— Ты мне тоже нравишься, — сказал я и по-

смотрел на нее. Я почувствовал, чего она хочет в эту минуту, и поцеловал ее. — Теперь мне пора собираться.

Она улыбнулась, сжала мою руку, а потом скрылась.

Я решил пока не бередить свои чувства, не до этого.

Я беру вещи, седлаю Звезду и снова еду через гребень Колвира, пока мой путь не упирается в гробницу.

Удобно усевшись перед ней, я достаю трубку и начинаю наблюдать за облаками. Я чувствую, что день будет нелегким. Но пока он только начинается. Предчувствия томят меня. И я хочу отбросить их, чтобы не портить себе ленч.

Контакт возник внезапно. Я вздремнул и проснулся оттого, что почувствовал вызов. Вскочил и мгновенно включился. Это был отец.

— Корвин, я принял решение. Дальше ждать нельзя. Закатай левый рукав.

Я оголил руку и протянул ее в пространство. Сначала возникли контуры его фигуры, больше походившие на тень. Тень наливалась плотью. Тело становилось материальным. Выглядел он величественно, а на лице его была печать печали. Раньше я его таким не знал. Он сжал мою

правую руку своей левой и вынул кинжал. Я следил, как он сделал надрез на моей руке, а после этого вложил кинжал в ножны. Потекла кровь. Он подставил под струйку ладонь левой руки. И когда крови набралось достаточно, накрыл правой ладонью левую, поднес обе ладони к лицу и, дохнув на них, быстро развел руки.

Красная птица размером с ворона, с перьями, как огонь, стояла на его ладони, птица моей крови. Она перепрыгнула на запястье и, склонив голову на бок, глянула на меня красными глазами. Удивительно, но эта птица была мне знакома. И она рассматривала меня, будто вспоминала.

— Это Корвин, — обратился отец к птице, — куда бы он ни пошел, ты должна следовать за ним. Запомни его.

Он пересадил птицу на левое плечо. И она не собиралась улетать. Она все еще изучала меня.

— А теперь ты должен уезжать, Корвин. Давай побыстрее. Садись на коня и скачи на юг. Как можно быстрее. Уходи в Отражения. Уезжай отсюда, чем дальше, тем лучше.

— Куда ты меня отправляешь, отец?

— Ко двору Хаоса. Ты дорогу туда знаешь?

— Теоретически. Я никогда не забирался так далеко.

Он глубоко вздохнул.

— Тем не менее трогай. Мне нужно, чтобы ты как можно шире растянул разницу времени между этим местом и собой.

— Ладно, — сказал я, — но я же ничего не понимаю.

— В свое время поймешь.

— Но ведь есть гораздо лучший способ переместиться туда, — настаивал я, — намного быстрее и без всяких хлопот. Я могу связаться с Бенедиктом через его Карту.

— Не пойдет, — запротестовал отец, — тебе нужно выбрать длинный путь. Никак нельзя коротким, потому что потом ты повезешь нечто, что будет переправлено тебе по дороге.

— Переправлено? Как?

Отец погладил перья красной птицы.

— Вот с этим твоим другом. Он не сможет пролететь весь путь до Двора.

— Что же он принесет мне?

— Камень. Думаю, после того, что мне суждено сделать, я уже не смогу передать его тебе. А в том месте, где ты будешь, без силы Камня нам не обойтись.

— Понятно. Но зачем мне преодолевать все расстояние. Я могу перенестись по Карте и после

того, как получу Камень.

— Боюсь, что нет. Если удастся сделать задуманное, Карты на какое-то время перестанут действовать.

— Почему?

— Потому что будет меняться вся ткань существования. А теперь трогай, черт тебя побери. Садись на коня и скачи отсюда.

Я встал и постоял еще миг.

— Отец, неужели нет другого пути?

Он покачал головой, поднял руку и начал растворяться в пространстве.

— Прощаааай.

Я запрыгнул в седло. Мне хотелось еще многое ему сказать, но было слишком поздно. Натянув поводья, я повернул Звезду к тропе, уходящей на юг.

Хотя я не раз видел, как отец на вершине Колвира играл с сутью Отражений, у меня это не получалось. Мне, чтобы произвести смещение, требуется уехать далеко от Амбера. И все же я знаю, что это возможно, и потому решил — нужно наконец и мне попробовать. Поэтому, продвигаясь на юг по каменному плоскогорью и скалистым перевалам, где воздух звенел от сухого ветра, я пытался изменить материю про-

странства и бытия, окружавшую меня. Так я ехал и пробовал свои силы, направляясь к Гарнату.

Стайка голубых цветов пробила твердь земли под каменным валуном. Я чуть замедлил движение и взволнованно посмотрел на них. Это были плоды уже моего собственного опыта. Я пытался налагать волю на мир, открывающийся моему взору, при каждом повороте моего пути. Тень от треугольной скалы, упавшая на мою тропу. Ветер, переменивший направление. Пока мне удавались только мелкие детали. Сейчас поверну дорогу в другую сторону… Вот тут пусть появится расщелина… Старое птичье гнездо на выступе скалы… Опять голубые цветы. А почему бы им здесь и не расти? Дерево… Еще одно… Я почувствовал, как меня переполняет мощь, создающая предметы и явления. Моя неосязаемая мысль превращалась в материю. И это приносило удовлетворение и волновало меня. А почему только теперь мое сознание приобрело эту магическую силу, подумал я. Видимо, раньше мне мешали чисто психологические причины. До недавнего времени я считал Амбер единственной неизменной реальностью, от которой принимали форму все Отражения. Теперь я знал, что Амбер был всего лишь первым из Отражений. И место,

которым владел мой отец, представляло собой высшую реальность. Поэтому близость к Амберу, как к высшей реальности, делала работу со смещениями трудной, но возможной. Изменения можно было производить и здесь. В другое время я, может, приберег бы свои силы для иного места, где вызывать смещения легче, чем рядом с Амбером. Но приходилось спешить — нужно было поскорей выполнить отцовский приказ. Времени оставалось в обрез. А мне не терпелось на деле испытать ту мощь, которой, оказывается, я владел так же, как и отец.

Когда я добрался до тропы, ведущей к южному склону Колвира, пейзаж изменился. Крутые спуски пройденного пути исчезли, все больше стали попадаться пологие склоны. А это означало, что я вступил в Отражения. Черная дорога, похожая на шрам, все еще тянулась слева от меня. Я стал спускаться на этот самый Гарнат, через который она была прорезана. Он сейчас выглядел иначе, чем тогда, когда я его хорошо знал. Казалось, кто-то слегка улучшил Гарнат. Контуры его были мягче из-за зеленого пламени листьев, подступающих к мертвой полосе. Мне показалось, что кто-то немного ослабил мое проклятье, посланное на эту страну, на этот уже не совсем мой Амбер. И

я, сожалея о том, что совершил когда-то, обратился с молитвой ко всему, что меня окружало: «Я жалею, — сказал я, — лучше бы мне не делать этого. Я еду исправить все это. Прости меня, о дух этого места!»

Я посмотрел на рощу Единорога. Она была далеко на западе и пряталась за кронами многочисленных деревьев. Отсюда, к сожалению, не видна была священная поляна. Я начал спускаться, склон становился все более пологим. Это уже были предгорья, и я разрешил Звезде скакать побыстрее. Путь мой лежал на юг. Тропа вела вниз. Слева, довольно далеко от меня, светилось, играя солнечными бликами, море. На нашем пути должна была опять появиться Черная дорога, потому что я ехал туда, где она пересекает Гарнат. Досадно было, что все мои упражнения с Отражением не смогли стереть ее с поверхности. И мало было приятного в том, что моя тропа теперь должна идти с ней параллельно. И вот наконец мы спустились на равнину. Арденнский лес был справа и уходил далеко на запад. Здесь он начинался и длился без конца. Я отдалялся все дальше от дома не только благодаря бегу своего коня, но и потому, что совершал, какие мог, изменения. Черная дорога была одновременно и рядом, и в

отдалении. Приходилось ее терпеть, раз уж так выходило, что избавиться от нее нельзя — она была единственным, что я не мог изменить. Я старался, чтобы меня отделяли от нее пригорки, деревья, кусты.

К этому времени все вокруг стало другим. Это я достиг внешних пределов. Срезы каменных глыб оголяли свою структуру. Агатовые прожилки… Наслоения сланца… Темная трава… Рваные облака… Мерцает и пляшет солнце… Мы скакали что было сил. Долина сменялась другой долиной. Тени стали расти и соединяться. Тропа то ныряла в лес, то неожиданно вырывалась из его объятий. Дорога влетела в проем между двумя скалистыми грядами. Холодный ветер сквозил по каменному каньону. Словно каменная радуга, оголились скальные слои — красный, золотой, коричневый. Почва стала песчаной. Вокруг вертелись чертовы вихри. Так вот где берет начало ветер. Я пригнулся к гриве коня, чтобы не создавать сопротивления. Дорога снова пошла в гору. Ущелье сузилось, скалы почти соединялись надо мной. Я уже мог одновременно касаться скал, расположенных по обе стороны от меня, стоило протянуть руки. Вершины их соединились. Я скакал по тоннелю, замедляя ход, когда становилось совсем темно.

Хорошо еще, что в скалах глубинные слои излучали слабый свет. Ветер был, как раненый зверь. Скорей бы проскочить это проклятое место.

Свет в скалах становился ярче, — по бокам пылали гигантские кристаллы. А тропа уходила все выше и выше. И вот, наконец, появились поросшие мхом лощины. Кругом были разбросаны круглые зеркала. Это отражали небеса маленькие неподвижные озера. Дорогу нам перерезал огромный папоротник. Мы с трудом пробились сквозь него. Отдаленный шум долетел до нас неизвестно откуда. Поворачиваем. Звезда перешла на шаг. Папоротник стал ниже и шире… За ним открылась розовеющая в вечернем свете долина… Вперед по бледной траве…. Запах земли…. Впереди горы, похожие на темные тучи… Брызги воды… Нас догоняет по небу голубая луна… Свет, летящий через темное пространство… Шум… Запах грозы… Порыв ветра…

Ветер… Тучи закрывают звезды… Молния расщепляет дерево справа от меня и превращается в пламя… Ощущение зуда… Запах озона… Влетаю в поток воды… Вижу огни справа… Бьют копыта по городской мостовой… Со страшным лязгом на меня надвигается странная машина, пыхтящий цилиндр… Избегаем столкновения… За

спиной слышу крик… В освещенном окне глаза ребенка… Лязг… Плеск… Витрины магазинов, стекла домов… Дождь утихает… Поднимается туман, останавливается, густеет, растворяет усилившийся свет слева от меня… Пространство становится красным… Свет в тумане еще больше усиливается… Порыв теплого ветра налетает со спины… Влажный воздух окутывает… Бледно-голубое небо… Оранжевое солнце поднимается к полудню…

Трясет землю. Это происходит неожиданно, и моего участия в этом явлении нет. Земля движется под нами, и за этим стоит нечто более важное. Новое небо над головой, новое солнце на нем. Простирается ржавая пустыня. Только что я въехал в нее. И все это — небо, солнце, пустыня — сжимается и расширяется, исчезает и снова появляется. Трещит пространство. И всякий раз, когда исчезают земные предметы и небесные тела, мы со Звездой остаемся в одиночестве среди белой пустоты. Персонажи без декораций.

Мы ступаем по ничему. Свет льется отовсюду и освещает только нас. В моих ушах звучит треск, будто рядом начался ледоход на русской реке, по берегу которой я уже ехал однажды. Звезда, привыкшая к неожиданностям Отраже-

ний, испуганно шарахается. Я осматриваюсь. Сначала появляются расплывчатые очертания, затем контуры предметов проясняются, и все вокруг становится четким. Мир восстановлен, хотя что-то из него исчезло. Возвратив округу, что-то из нее выкачали. Мы делаем крюк. Скачем к невысокому холму. Поднимаемся на него и останавливаемся на его вершине. И снова Черная дорога. И в ней что-то изменилось, может быть, даже больше, чем во всем, что рядом. Она кажется волнистой. А треск нарастает! С севера дует ветер. Он крепчает. И я вижу, как несет он на меня темные тучи. Я понимаю, что сейчас нужно гнать что есть силы. Это то самое место, где созидание встречается с разрушением. Здесь все теряет свое значение. Волны летят со стороны Амбера. Сейчас они обрушатся, и все может исчезнуть, а вместе с ним и я, если только отец не сможет собрать все воедино. И, натянув поводья, я слился со Звездою в движении. Быстрее — на юг.

Равнина… Деревья… Несколько разрушенных зданий… Быстрее… Дым от небольшого пожара… Стена пламени… Исчезли… Желтое небо… Синие облака… Мимо летят дирижабли… Скорее… Солнце падает, словно расплавленное железо в ведро с водой… Звезды становятся плоскими… Тусклый

свет над прямой тропой… Звуки изменяют тональность… Свет ярче, перспектива яснее… Серая масса справа от меня, затем слева… Перед глазами ничего кроме тропы, летящей назад… Вой становится визгом… Формы сталкиваются… Мы летим по тоннелю Отражения… Он начинает вращаться… Поворот, опять поворот… Дорога становится реальной… Миры уходят… Ко мне наконец вернулась способность управлять событиями. Скачу теперь под напором освободившейся энергии, нацеленной только на то, чтобы отдалить меня как можно дальше от Амбера и отбросить в Хаос.

Хлещет ветер… В ушах крик… Никогда раньше не доводил я свою власть над Отражениями до предела. Тоннель становится гладким и без швов. Сердце замирает. Звезда взмылена, я весь в поту… Я переполнен азартом, словно за мной погоня… Дорога влетает в абстракцию… Соль ест мне глаза… Чувствую биение крови в основании черепа… Я чуть ослабляю поводья, и Звезда замедляет бег… Камни тоннеля меняют окраску… Серые… Черные… Белые… Голубые… Зеленые… Радуга отложений веков… Стихает гул… Редеют облака… Ветер стихает… Силуэты предметов то появляются, то исчезают…

Все медленней летит навстречу пространство.

И вот уже нет никакой тропы. Я скачу по мягким мхам. Небо опять голубое. Облака снова белые. У меня сильно кружится голова, и я перестаю смотреть вверх. Оказывается, мой конь остановился на окраине игрушечной деревушки. Все дома могут уместиться у меня на ладони. Дороги узкие, как на географической карте. По ним ползут крошечные машины. Я оглянулся назад и почувствовал досаду — не желая того, мы раздавили несколько десятков хижин. Надо дальше двигаться осторожней. Слева деревня не так густо заселена. Мы поехали туда, пока, наконец, не выбрались из нее совсем. Настроение у меня вконец испортилось. Кто бы тут ни жил, а получилось — хуже не придумаешь. Но ничего не поделаешь.

Внимательно глядя вокруг, я проезжал по Отражению, пока не достиг места, напоминавшего брошенный карьер. Над ним висело зеленое небо. Здесь я и почувствовал, что порядком устал. Я спешился, попил воды и прошелся пешком, разминая ноги. Я втянул в себя влажный воздух, обволакивающий меня. Мы были далеко от Амбера. Дальше и не уедешь за это время по пути к Хаосу. Редко я заезжал так далеко. Это место я выбрал для привала не случайно. Хотя оно

было и отдаленным, но находилось поблизости от нормальности, и, в случае чего, можно было уцепиться за реальность. Дальше начнутся радикальные перемены. Перед ними нужно было перевести дух. Я разминал затекшие мускулы, когда откуда-то сверху послышался дикий визг. Взглянув в небо, я увидел темный силуэт, падающий прямо на меня. Грейсвандир сама оказалась в моей руке. Но тревога была ложной. Огненная птица описала круг и села на мою руку. Да, это была моя знакомая птица. Ее пугающие глаза смотрели с какой-то странной разумностью. Тревога затаилась в них. В другое время этот взгляд приковал бы мое внимание. Но сейчас я поскорей вложил меч в ножны и взял предмет, который принесла птица в клюве. Это был Камень Правосудия. Так я понял, что отец, хотя и неизвестно, чем это закончилось, сделал все, что хотел. Лабиринт или отремонтирован, или замазан окончательно. В любом случае сейчас по всем Отражениям пойдут круги от Амбера, как по воде, если в реку бросить камень. Скоро и я узнаю об этом. А пока мне следует исполнять приказ. Я надел цепь на шею, и Камень снова упал мне на грудь. Вскочил в седло. Птица, сотворенная из моей крови, вскрикнула, взмы-

ла вверх, и мы тронулись в дальнейший путь. Сколько охватывал глаз вокруг, небо было белым, а земля темнела. Потом цвета поменялись, чтобы затем смениться снова. Двигаясь, я словно стал участником каких-то странных съемок, где каждый кадр существовал сам по себе. Это было что-то вроде техники мультфильма. Все вокруг дергалось, будто время двигалось рывками, и плавность в движении мира исчезла. Скорость Звезды увеличилась, и дерганье мультфильма перешло в гиперактивность немого кино. Затем изображение вообще стерлось. Мимо летели точки света, превращаясь в яркие линии, подобные следу метеора или кометы. Я ощутил пульсацию, похожую на космическое сердцебиение. Пространство стало показывать мне свою изнанку, словно меня нес огромный смерч. Я понимал — что-то не ладилось, и мое сознание теряло контроль над реальным миром. Может быть, круги от отцовских действий достигли Отражений, через которые я сейчас проезжал. Не верилось, что это так. Но все же… Звезда неожиданно споткнулась. Я уцепился за ее гриву. И мы повалились на бок, не желая потерять друг друга в Отражениях. Я больно ударился плечом и долгое мгновение не мог прийти в себя.

Когда разорванный мир опять соединился в круг, и мы оказались посередине него, я сел и огляделся. Светились ранние сумерки, звезд уже не было. Я поднялся и внимательно посмотрел по сторонам. Неровная каменная поверхность, на которой я стоял, оказалась всего-навсего валуном величиной с гору. Он плыл в пространстве рядом с такими же глыбами. Звезда с трудом поднялась и, дрожа, стояла теперь рядом со мной. Вокруг была абсолютная тишина. Было видно далеко, потому что морозный воздух был прозрачен. Не было ни единого живого существа, только мы со Звездой одни во всей вселенной. Мне это место не нравилось. Ни за что, будь на то моя воля, не сделал бы я здесь привал. Став на колени, я стал разглядывать ноги лошади. Нужно было немедленно убираться отсюда и лучше всего верхом. И вдруг я услышал над собой тихий смешок. Это мог быть только человек. Я замер и положил руку на рукоять Грейсвандир. А глаза мои искали того, кому принадлежал этот смех. Но кругом было пусто. Удивительно. Я мог поклясться, что слышал его. Но никого рядом. Затем смешок повторился. И я сообразил, что он доносится откуда-то сверху. Ага, вот оно что. Слева от меня в десяти метрах над землей маячила какая то фигура. Какое-то

существо разглядывало меня, стоя на маленьком островке, повисшем в небе. Я стал прикидывать. Если это опасно, я успею вскочить на Звезду и мы исчезнем, прежде чем незнакомец доберется до меня — слишком он далеко пока что. Вдруг раздался голос:

— Бесполезно, Корвин. Ты заперт. Ты никуда не можешь деться отсюда без моего разрешения.

Я узнал, чей это голос. Меньше всего мне хотелось сейчас услышать его. И все-таки я сел на коня, достал Грейсвандир и, улыбаясь, произнес:

— А мы это еще проверим. Ну-ка, попробуй остановить меня.

— Да брось ты, — ответил он и сделал движение рукой. Из скалы вырвалось тело огня. Пламя беззвучно сомкнулось в кольцо вокруг меня, и стало расползаться, я почувствовал его дыхание.

Звезда рванулась, зазвенела удилами. Я вложил Грейсвандир в ножны, погладил Звезду по гриве, успокоил ласковыми словами. Когда я сделал это, круг пламени отступил к краям огромной скалы, на которой мы стояли.

— Ну что, понял, что ты обречен? — проскрипел противный голос. — Ты на пятачке. На нем не разбежишься. Отсюда не перепрыгнешь на Отражение. К тому же твой конь испуган.

— Ты так думаешь, Бранд! — крикнул я и натянул поводья.

Я скакал по часовой стрелке по поверхности скалы рядом с языками огня. Правый глаз Звезды я накрыл плащом, чтобы она не видела этого полыхающего круга. Бранд тихонько посмеивался, не понимая, что я делаю.

Несколько камней рядом с этим… Так, начинается игра со смещениями. Хорошо… Я перепрыгнул на только что созданные камни. Теперь каменный забор справа от меня… Ухаб, рытвина… Поперек тропы чередовались тень и свет. Крутой спуск… Равнина… Подъем на холм… Пятно света затягивает темная трава. Опять я стал участником какого-то гигантского смещения. Мы привыкли убегать от погони по прямой, считая, что это самый надежный путь. Ничего подобного, можно избавиться от преследования и скача по кругу. Я окончательно понял, что смещаюсь, когда оказался рядом с двумя камнями. До Бранда, наконец, дошло, в чем смысл моего маневра.

— Постой, Корвин! — закричал он.

Я погрозил ему кулаком и поскакал между камнями в узкий каньон. В скалах, что были по бокам, светились, будто это я включил их, вкрапления, похожие на пролетающих светляков. Я

снял плащ с глаз Звезды и слился с лошадью в полете. Каньон свернул направо. Мы уже скакали по довольно освещенной тропе и чем дальше, тем становилось светлее. Наконец-то над нами появились звезды. Значит мы, наконец, вырвались из ловушки.

Я скакал до тех пор, пока цвета не стали различимы, и наш каньон не встретился с большой долиной, по которой катились оранжевые камни. И я понял, что это трясется земля от ударов копыт моей лошади. Я подъехал к кроваво-красному морю, от берега которого шел тяжелый дух. И поскакал дальше вдоль него, туда, где было два солнца — большое зеленое и маленькое бронзовое. Оба они опускались за горизонт, и я видел в наступивших сумерках, как сталкиваются ребристые остовы потонувших когда-то кораблей. И водяные змеи рыскают рядом с судами. И трепыхаются на ветру порванные красные и голубые паруса. Камень пульсировал у меня на груди, и я чувствовал, как от него наполняется силой мое тело. Поднялся ветер. Он понес нас по небу рядом с медными облаками над пропастью, обрывающейся в бесконечность. А за этой бесконечностью лежало черное дно. И смрад, как я понял, исходил оттуда. — За моей спиной, не переставая, грохо-

чут раскаты грома. Какие причудливые линии извиваются перед глазами… Прохладный ветер — ваш попутчик… Расщелины… Расширяясь за нами, заполняет пространство мрак… Летят полосы, очертания без предметов вверху, внизу, повсюду…

Раскинута огромная сеть, сотканная пауком-великаном, ловящим в свою паутину целые миры. Вниз, вниз… На сморщенную, как древняя кожа, землю… Наш пульсирующий переход бесшумен… Стихает гром… Опадает ветер… Что это? Последний вздох отца? Теперь надо прибавить скорость. И — прочь отсюда! Линии сужаются до того, что из них можно составить гравюру. Затем они вообще исчезают в горячем пространстве трех солнц… А скорость растет… Приближается всадник… Рука его на рукояти меча, как и у меня… Да это и есть я. Я, догоняющий себя. Или повернувший обратно и скачущий себе навстречу. Мы отдаем честь друг другу… Между нами воздух, как пленка воды, которая мгновенно высыхает. Это эффект зеркал Кэррола, Ребма, Тир-на Ног-та… И все так же далеко, влево от меня, продолжает извиваться какая-то черная штука… Мы продолжаем свой путь… Белая земля, белое небо и никакого горизонта между ними… Небо без солнца и облаков…

Только та самая черная нить вдалеке и тяжелые пирамиды над бесконечной пустыней…

Мы уже порядком устали. Это место мне не нравится. Но, по крайней мере, мы уже обогнали преследующий нас процесс крушения и созидания миров. И я снова натягиваю поводья. И возрождаются во мне чудесным образом силы. Они расходятся по телу от груди. Ну конечно же это Камень. Это он наполняет меня энергией. Я вновь черпаю от него силу. Она растекается по жилам. Я вновь сдерживаю ее, чтобы через кончики пальцев она не вырвалась из меня и не хлынула дальше. Надо использовать ее с толком. Сейчас буду оживлять мертвый пейзаж, который меня окружает. Накладываю волю на бесцветную геометрию пространства. И она на глазах меняется. Остановившийся мир приходит в движение. Пирамиды перемещаются, темнея на ходу. Мир перевернулся вверх тормашками, а я наблюдаю за его переменами, упираясь в нижнюю поверхность облака над ним. Наблюдаю, как возникает подо мной ландшафт. Свет поднимается от холодного золотого солнца, которое зажигается у меня под ногами. Потемнела почва, разлилась вода, поглощая сушу. Молнии прыгают снизу вверх, раскалывая небеса. Куски отколовшегося неба

падают на меня. Нарастая, идет волна тьмы. За ней еще выше надвигается вал света. Я не знаю, где верх, а где низ. Золотой мост перекинулся через пустоту. Сверкающие ленты извиваются над моей головой. Вот они собираются в единое русло. Мы со Звездой останавливаемся и замираем, как статуя всадника на лошади. Это продолжается целый век. Я словно загипнотизирован. Но делаю все, чтобы сбросить с себя этот морок и ускорить наш переход. Мы снова в пути. Проходит еще век…

И вот впереди туманное пятно. Это конец нашего пути. Скорость огромна. Но пятно растет медленно. Наконец мы добираемся до него. Это огромный остров в пустыне, которая поросла лесом из гигантских металлических деревьев. Я останавливаю движение, принесшее нас в такую даль, и мы теперь двигаемся сами, вступая в этот железный бор, в этот мертвый лес. Трава хрустит под ногами, как алюминиевая фольга. С веток свисают странные сверкающие плоды. Ни шороха листьев, ни пения птиц. Прорываемся вглубь и попадаем на поляну, по которой зловеще течет ручей ртути. Я спрыгиваю с коня.

— Браво, Корвин! — Слышу все тот же отвратительный голос. — А я уже устал поджидать

здесь тебя.

Я поворачиваюсь и вижу, как он выходит из леса. Я не хватаюсь за меч, так как он тоже этого не делает. Мысленно я прикасаюсь к Камню. Теперь я уже знаю, что с его помощью я могу управлять не только погодой. Какой бы силой ни владел Бранд, я чувствую, что мое оружие может противостоять ему. Камень начал пульсировать, когда я об этом подумал.

— Предлагаю перемирие, — предложил Бранд, — Идет? Нам нужно бы переговорить.

— Я не знаю, что мы можем сказать друг другу.

— Если ты не дашь мне этого шанса, то никогда не узнаешь, о чем я хочу тебе сказать.

Он остановился метрах в семи от меня, перекинул свой зеленый плащ через плечо и улыбнулся.

— Так и быть, я тебя слушаю.

— Я пытался остановить тебя в том месте, чтобы поговорить о Камне. Ты, конечно, уже знаешь о его магических свойствах. О том, что он такое и насколько это важно — владеть им.

Я промолчал.

— Так вот, отец уже использовал его, — продолжал он, — и, к сожалению, потерпел неудачу в том деле, что он задумал.

— Ты лжешь. Откуда тебе это известно?

— Корвин, я вижу сквозь Отражения. Все мои слова подтвердит тебе позже твоя сестра. Так вот, сделав необходимое усилие воли, я могу увидеть любое место, какое только пожелаю. Меня интересовало то, что задумал отец, и я наблюдал за ним. Повторяю, он умер, Корвин. Усилие оказалось для него слишком большим. Он потерял контроль над силами, которыми он пытался управлять, и был сожжен ими, едва достигнув половины Лабиринта.

— Подлая ложь!

— Нет, Корвин, — он покачал головой. — Ради достижения своей цели я, конечно, могу и соврать. Но не сейчас. Отец умер. Я сам видел, как он упал. И тогда птица принесла тебе Камень, как он велел. Мы остались во Вселенной без Лабиринта.

Мне не хотелось верить ему, но, скорее всего, он говорил правду. Ведь Дворкин говорил мне, как это опасно.

— Ну хорошо, пусть ты не соврал, а дальше что?

— Дальше дела пойдут из рук вон плохо. Уже сейчас начался распад всего. Возник огромный вихрь. И он продолжает расти. Он распространяется, уничтожая миры Отражений. Потом

он налетит на двор Хаоса, сделав круг по всему мирозданию. Не поздоровится и Амберу. Все завертится в смертоносном урагане и будет сброшено в небытие.

Мне стало совсем не по себе. Неужели все мои усилия закончатся полным крахом. Неужели мне суждено увидеть мир лишенным формы, содержания, жизни.

— Нет, — закричал я. — Этого не может произойти.

— Произойдет, если не... — дружелюбно добавил Бранд.

— Если что?

— Если не начертить новый лабиринт, не создать новый порядок, который спасет старые формы.

— Ты хочешь сказать, что мне надлежит скакать обратно в Амбер и там приступить к делу. Но ведь ты только что заявил, что его уже не существует.

— Ты меня не так понял. Не обязательно куда-то мчатся. Где возникает Лабиринт, там и будет центр. Я могу это сделать прямо здесь.

— Как сможешь ты, если этого не сумел даже отец.

— Я обязан попробовать. Никому не известно

то, что знаю я. И у меня есть время. Немного, но есть. Я должен опередить волны, которые дойдут сюда из Хаоса. Не стану отрицать. Фиона рассказала тебе правду, что я задумал сделку с врагами Амбера. Я пролил нашу кровь. Я хотел вытравить твою память. Но мир, в котором мы существуем, попал в опасность. И разногласия должны отойти на второй план. У меня есть планы. Они обречены, если все рухнет. Мы должны сохранить реальность. Поверь мне, я был одурманен владыками Хаоса. Сейчас я жалею, что случилось так. Мы можем построить прямо здесь новый бастион порядка.

— Каким образом?

— Ты должен отдать мне Камень и помогать мне. Мы создадим здесь Новый Амбер.

— Допустим, я и вправду отдам его тебе. Сможешь ли ты создать Лабиринт точно такой, как прежний.

Он покачал головой.

— Лабиринт не может быть копией старого. Но ведь и тот, что хотел создать отец, отличался от Дворкинского. Никакой художник не создает точно такую же картину, какую написал прежде него другой. Нельзя забывать про индивидуальность, отрицать собственный стиль. Как бы я

ни старался дублировать то, что уже было, моя версия будет иной.

— Это невозможно. Чтобы ты смог полностью настроиться на Камень, нужен Лабиринт. А Лабиринт, как ты говоришь уничтожен. Так что получается порочный круг.

— Я же сказал — мне нужна будет твоя помощь. Ты же знаешь, что тот, кто уже настроен на Камень, то есть ты, может вновь спроецировать себя сквозь него и взять с собой еще кого-то. Вот я и хочу, чтобы ты взял меня.

— Ну и что тогда?

Он посмотрел на меня с досадой, а затем продолжил:

— Я и сам не знаю, что. Мне не приходилось делать все это раньше. Откуда же мне знать?

— Ну хорошо. А где гарантия, что ты, использовав меня, не добьешься собственной версии реальности? Не отколется ли Вселенная Амбер и Отражения — только для тебя. Что произойдет в результате твоей работы. А вдруг твоя реальность станет отрицать мою. Или выделится из материи. Или один мир наложится на другой. Как ты думаешь, может такое случиться?

Он пожал плечами.

— Я уже сказал тебе. Откуда мне знать? Такого

я раньше не делал.

— Ладно, брось темнить. Уж кто кто, а ты знаешь это или, во всяком случае, догадываешься. Думаю, именно такой результат ты и планируешь. Тебе только это и остается. Видно, у отца все получилось, иначе бы ты так не суетился. Что, ставишь на кон свою последнюю Карту? Но чтобы выиграть, тебе нужны я и Камень. Так вот — ты не получишь ни того, ни другого.

Бранд тяжело вздохнул.

— Этого-то я от тебя и ожидал. Ты не прав, но поговорим о другом. Мы можем потерять сейчас все. Предлагаю тебе сделку. Давай поделим королевство. Половина тебе, половина мне.

— Все ты лжешь. И пропади ты пропадом, Бранд, — вежливо ответил я ему.

— Я на тебя не сержусь. Я понимаю — ты боишься меня. Ведь я буду настроен на Камень. Наверное, у тебя есть основания не доверять мне. Но сейчас это большая ошибка. Я необходим тебе, ты еще это поймешь.

— Тем не менее, я свое решение принял.

Он сделал шаг по направлению ко мне. Потом второй.

— Послушай, Корвин, я исполню все, что ты хочешь. Все, что ты загадаешь, тут же исполнится.

Все, что сможешь вообразить.

— Я был с Бенедиктом в Тир-на Ног-та, и я все слышал. Ты ему там сделал такое же предложение. Подавись им, Бранд! Ты меня не проведешь. Я продолжаю свой путь и выполню то, что задумал. И если тебе кажется, что на этот раз ты остановишь меня, могу заверить — ничего не выйдет.

Я начал приближаться к нему. Я не ручался за себя, стоит мне до него добраться, и я убью его. Но я чувствовал, что он и на этот раз улизнет.

Он шагнул назад, потом сделал еще один шаг. Отступал и бубнил себе под нос:

— Ты делаешь ошибку, Корвин, большую ошибку.

— Нет, — сказал ему медленно я, — я делаю как раз то, что следует.

— Я не буду драться с тобой, — поспешно сообщил он. — Во всяком случае, не здесь, над бездной. Ты упустил свою удачу. Я свою не упущу. Я отниму у тебя Камень, когда мы встретимся в следующий раз.

— И что тебе в нем толку, если ты все равно на него не настроен?

— Я найду способ сделать это. Есть одна возможность, трудная, но все-таки есть. Ты упустил свою удачу, Корвин. Пока.

И он нырнул в лес. Я побежал за ним, но он бесследно исчез.

Я покинул это место и поскакал дальше по дороге, висящей над пустотой. Мне не хотелось думать о словах Бранда. Но чувство горечи не покидало меня. А что, если отец действительно потерпел неудачу? Тогда исполнять его приказ бессмысленно. Тогда все кончено, и мои усилия — пустая трата времени. Я перешел на умеренную скорость и продолжал свой путь по Отражениям. Я хотел поспеть к своим прежде, чем волны Хаоса докатятся до этой дали. Мне нужно было, чтобы все видели, что я не пал духом и попытался сделать все, что в моих силах. Вспомнив о них, я задумался — ведь там шла настоящая битва.

Хоть я и не любил оглядываться, а все-таки посматривал назад — не догоняет ли меня кто-нибудь? Я пронесся по мосту, который расширялся, и небеса над ним становились светлее. Потом пошла золотистая равнина. И я подумал об угрозе Бранда. Запугивал он меня, чтобы я постоянно чувствовал опасность, был настороже, или хотел посеять в моем сердце сомнения. И все-таки, если ему нужен Камень, он устроит мне засаду. Это был мой постоянный враг. Вместе с тем я испытывал уважение к его Тайне, к той странной

власти, которую он приобрел над Отражениями. В трудное положение он ставил меня, ведь он мог следить за каждым моим движением, мог скрытно перемещаться вместе со мной и появиться в любом выгодном для него месте. Я скакал под постоянным прицелом его глаз. И это давало ему огромное преимущество. Интересно, когда он опять появится? Думаю, не слишком скоро. Сперва он порядком потреплет мне нервы, а я уже и без того устал, к тому же события последних дней измотали меня. Сейчас бы вздремнуть. Я откладывал это на потом, хотя понимал, что такое огромное расстояние за один переход не осилю. Мимо пролетали розовые, оранжевые и зеленые туманы. Они кружились вокруг меня, некоторое время сопровождая нас по дороге. Земля под нами звенела, как металл. Иногда звучала какая-то хрустальная мелодия. Мысли мои были в беспорядке. Я вспомнил о мирах, на которых побывал. Мой друг и враг Ганелон, мой враг и друг отец то раздваивались, то совмещались. Как-то один из них спросил — хочу ли я сесть на трон? Я думал, это был Ганелон. Но ошибся, теперь-то я знаю, что это отец пожелал знать, как я смотрю на эти вещи. Он все решил за меня, а я взял и отказался. Зачем я это сделал? Что подтолкнуло меня к

этому? Отсутствие широты взглядов? Желание оставаться свободным? А может, внезапное просветление осенило меня, заставило оценить роль монарха, не прельщаясь мгновенной славой, не опьяняясь всемогуществом и властью?

Я вспомнил свою жизнь на Отражениях. Службу с постоянными приказами, которые либо принимал, либо отдавал. Передо мной проплывали лица знакомых, с которыми я рядом жил веками — друзей, врагов, жен, любовниц, родственников. Мне казалось, что Лорен звала меня. Майра махала мне рукой и смеялась. Дейдра плакала. Я опять сражался с Эриком. Я вспомнил свой первый переход через Лабиринт, еще мальчишкой. Шаг за шагом сквозь меня проходили все мои воспоминания. Мэллори говорил, что все дурные поступки возвращаются, как бумеранг. Убийство, кражи, мошенничества, соблазны — воспоминания о них наполнили меня. Они перепутались во времени, я даже не мог вспомнить, что чему предшествовало. Беспокойства я не чувствовал, потому что во всех этих злодеяниях не было особой моей вины. Время притупило острые грани, смягчило боль того, что в свое время переживалось с болью и наложило свой отпечаток на мою душу. Я смотрел на себя в прошлом, как на посто-

роннего человека, которого я намного старше. Вот «я» в детстве, вот в юности. Неужели это был я? Я проезжал по бесконечной дороге на усталой лошади, и мне казалось, прошлое мое материализовалось в теплом тумане, клубящемся над дорогой, и опять остается позади меня. Битвы, в которых я участвовал, принимали осязаемую форму. Правда, на этот раз все происходило совершенно бесшумно. Блестело оружие, мелькали мундиры, развевались знамена, лилась кровь. И люди, которых давно уже не было в живых, поднимались и шли за мной, как в немом фильме, где условность допустима. Все они когда-то для меня много значили и вот воскресли, чтобы спросить меня, или чтоб я их спросил, зачем это все было. Здесь не чувствовалось никакой системы. Я не вызывал только врагов или только друзей. Все они смешались в этом минутном воскрешении и существовали сами по себе. Меня будто с ними и не было.

И что это за странное место я проезжал? Какова его природа? Нечто похожее на Тир-на Ног-та, где так остро чувствуешь мысли той субстанции, что поблизости. Наверное, это галлюцинации или мираж, который говорит — вот это и есть твоя жизнь. А может быть, усталость дала себя

знать, и я просто сплю, просто вижу судьбу моего поколения в перевернутом бинокле сна. Я понял, что потерял контроль над реальностью, над Отражениями и продолжаю путь машинально, став зрителем этого спектакля нарциссизма. Тут я понял, что мне необходимо остановиться и отдохнуть. Может быть, даже поспать. Но в этом месте делать это было опасно. Надо встряхнуть себя, победить расслабленность, вырваться отсюда и найти более подходящее для отдыха место.

Я исказил свое окружение, вывернул наизнанку пространство, чтобы вырваться на волю. Вскоре я скакал по гористой местности. Затем быстро нашел пещеру и выбрал ее для привала. Мы въехали в нее. Первым делом я позаботился о Звезде. А потом и сам расслабился. Я поел и выпил ровно столько, чтобы утолить жажду и чувство голода. Костра зажигать не стал. Расстелил, прихваченное для этой цели одеяло и накрылся плащом. Грейсвандир была у меня под рукой. Лег я у входа в пещеру.

Состояние мое было не очень хорошим. Не давали покоя мысли о Бранде. Конечно, он лжец. Но все равно то, что он сказал, беспокоило меня. Хватит думать об этом, решил я наконец, закрыл глаза и отключился. Я всегда хорошо умел за-

сыпать.

Меня разбудило ощущение, что рядом со мной кто-то есть. Может быть, этому предшествовал какой-то звук, который и вывел меня из сна, но все равно, проснувшись, я был уверен, что я в пещере не один. Не шелохнувшись, я открыл глаза и покрепче сжал Грейсвандир. Мертвый свет, похожий на лунный, освещал каменный вход. И там кто-то стоял. Трудно было в этом призрачном свете определить, стоит он лицом ко мне или спиной. Но вот пришелец сделал шаг по направлению ко мне. Я мгновенно вскочил, и острие моего меча уперлось ему в грудь. Он остановился и замер.

— Мир, — послышался глухой голос. Незнакомец говорил на языке тари. — Я спрятался от грозы. Можно, я разделю с вами пещеру.

— Какая гроза?

И, словно отвечая на мой вопрос, небеса ответили раскатом грома. В проем залетел порыв ветра, пахнущий дождем.

— Ладно. Вы сказали правду, — пробурчал я. — Располагайтесь поудобнее.

Он сел у правой стены и прислонился к ней спиной. Я сложил одеяло у левой и сел на нем напротив него. Между нами было метра четыре.

Я нашел свою трубку, набил ее табаком и попытался чиркнуть спичкой, коробок которых прихватил еще с Отражения Земля. Она сразу же вспыхнула, хотя я не ожидал такой удачи. У табака был хороший запах, он смешался с запахом влажного ветра. Я прислушивался к шороху дождя и приглядывался к незнакомцу. Кто же это мог быть? Голос был не Бранда. Только я подумал о голосе, как мой гость произнес:

— Это не просто гроза.

— А что же еще?

— Не знаю. Она пришла сюда с севера. В эти места гроза никогда не приходит с севера.

— Что-нибудь всегда случается в первый раз.

— И еще я ни разу не видел такой, как эта. Я целый день наблюдал за тем, как она подбиралась. Впереди нее просто твердая стена, словно не вода летит на землю, а двигается огромный лист стекла. А молний со всех сторон столько, что они напоминают огромную сороконожку, передвигающуюся по небу. Там, где проходит гроза, все предметы искажены.

— При сильном дожде такое бывает.

— Бывает, да не так. Здесь просто все становится неузнаваемым. Мир будто тает или…

Я вздрогнул. Мне казалось, что я уехал так да-

леко, что намного опередил темные волны. И мог наконец отдохнуть. Неужели они все-таки догнали меня? Однако оставалась еще надежда — вдруг это просто гроза. Я поднялся и свистнул в темноту пещеры. В ответ была тишина. Тогда я пошел в глубь грота. И стал шарить руками наощупь.

— Что случилось?

— Пропал мой конь.

— А может, он ушел?

— Возможно. Но на мою Звезду это не похоже.

Я выглянул из пещеры, ничего не смог разглядеть, но зато в один миг промок до нитки. Я возвратился и сел на свое место у стены.

— По-моему, обычная гроза. Просто в горах она кажется страшнее, чем в долине.

— Наверное, вы знаете эти края лучше, чем я.

— Нет, я просто путешественник, поэтому повидал на своем веку всякое.

Я коснулся Камня, мысленно втянулся в него, почувствовал грозу рядом и красными пульсациями энергии, соответствующими ударам моего сердца, приказал ей убраться отсюда.

Затем я откинулся назад, прислонился к стене, нашел еще одну спичку и опять закурил. Силам, которыми я повелевал, потребуется время, чтобы отодвинуть грозовой фронт такого размера.

— Гроза скоро кончится, — проронил я.

— Откуда вам это известно?

— Получил секретное донесение.

Он тихо рассмеялся.

— По описанию именно так начинается конец света. Сначала ужасная гроза, пришедшая с севера, потом…

— Так-то оно так. Но сейчас беспокоиться не стоит. Скоро она кончится. Вот-вот и конец.

— Этот камень у вас на шее… Он светится?

— Да.

— Вы шутили, что грозе конец?

— Нет.

— Знаете, разговор с вами заставил меня вспомнить о строчке из священной книги: «Архангел Корвин пойдет перед грозой с молнией на груди». Вас ведь зовут не Корвин? Верно?

— А как там дальше?

— …«Когда спросят, куда он путь держит, скажет он: „К концам Земли“. Но не ведал он, ни куда идет, ни какой враг поможет ему против другого врага, ни кого коснется Рог».

— Это все?

— Об архангеле Корвине все.

— Вот в Писании всегда так. Слова, вроде, все понятны, а смысл уловить трудно. В нем все

рассчитано на то, чтобы заинтересовать, а информации почти никакой. Кажется, что автор специально дразнит своего читателя и наслаждается этим. Ну что это такое «Один враг против другого» или «Рог». Мне эти премудрости не по зубам.

— А куда вы все-таки держите путь?

— Если не найду коня, то уже никуда.

Я опять подошел к выходу. Теперь за ним появилось сияние. Словно Луна заглядывала в просвет между тучами, что, разорвавшись, шли на восток и на запад. Я оглядел тропу, что спускалась в долину. Лошади нигде не было. Я уже хотел возвращаться, когда услышал далеко внизу ржание Звезды. Я крикнул незнакомцу:

— Мне пора. Возьмите себе одеяло.

Не знаю, что он мне ответил и ответил ли вообще. Я уже спускался вниз по склону. Мешал мелкий дождик. И я, снова обратившись к помощи Камня, торопливо прекратил его. Он сменился туманом. Камни были скользкими, но я достиг половины склона, ни разу не споткнувшись. Тут я остановился, чтобы перевести дух и уточнить, где я нахожусь. Я шел наугад, и четкой уверенности, откуда доносится ржание лошади, у меня не было. Лунный свет стал ярче, словно раскалился. Но все

равно впереди ничего не было видно. Несколько минут я прислушивался. И скова раздалось ржание. Звук прилетел снизу, слева. Там что-то темнело — или валун, или новая пещера. Я напряг зрение, но разглядел только какое-то движение теней. Чуть ли не бегом я спустился с холма. И помчался дальше к валуну или пещере сквозь клочья тумана, который гнал небольшой ветер, дувший с запада. Я услышал скрежет, словно что-то тяжелое волокли по поверхности камня. Затем я увидел какой-то отблеск, мелькнувший в сумраке тени, к которой я приближался. Подкравшись, я разглядел в треугольнике света силуэты маленьких человечков, пытающихся сдвинуть огромную каменную плиту. Это оттуда доносилось какое-то клацанье и слабое ржание. И вдруг камень начал поворачиваться, и я догадался, что это дверь, за которой спрятан вход в скалу. Освещенный участок уменьшился, сузился до луча, а затем и вовсе исчез с каким-то странным звуком. Но до этого человечки вошли в скалу.

Когда я добрался до камня, там уже было тихо. Я приложил ухо к скале, но ничего не услышал. Кем бы они ни были, они украли моего коня. Я всегда ненавидел конокрадов. Но сейчас это чувство владело мной с особой силой. Конь нужен

был мне сейчас, как никогда. Я принялся обшаривать выступы скалы, пытаясь найти расщелину, уцепившись за которую можно будет отворить эти каменные ворота. Вот их контуры. Наощупь, видимо, я нашел их быстрее, чем сделал бы это днем, когда серый камень кажется монолитным. Представляя себе расположение ворот, я стал искать какую-нибудь замаскированную ручку, которую нужно было потянуть на себя. Я вспомнил, что жулики были маленького роста и стал искать ее пониже. Наконец, я нашел нечто похожее на каменный крюк и ухватился за него. Я дернул скалу на себя, но ворота даже не сдвинулись с места. Или же они были слишком тяжелы, или в них был какой то секрет.

— Нечего размышлять, — решил я. — Время терять нельзя. Пришло время и для силы.

Я и торопился, и был зол, поэтому не стал разгадывать секрета, а решил применить, как говорится, грубую физическую силу. Я тянул скалу на себя, напрягая мышцы, упирался в нее плечом, натрудив спину, ругался, жалел, что рядом нет Жерара. И вот дверь дрогнула. Она продвинулась на дюйм и снова застопорилась. И опять я был похож на упирающегося в камень буйвола и снова ворота затрещали. Я наклонился вперед,

просунул плечо в образовавшуюся щель, уперся ногой в косяк проема и снова превратился в комок мышц. Опять раздался треск и скрежет. Был отвоеван еще один дюйм. Но на этот раз дверь заклинило прочно. Я присел, одновременно и отдыхая, и думая, что же делать дальше. Потом я закрыл ее. Это сделать было нетрудно. Я уперся, чтобы попробовать открыть ее заново. Теперь я решил рвануть ее сразу. Набрав побольше воздуха, я весь ушел в работу. И дверь поддалась. Изнутри раздался лязг лопнувшего засова и дверь со скрежетом растворилась на полфута. Теперь она двигалась посвободнее. Я сменил позу и уперся в камень спиной. Опять усилие. На этот раз дело пошло полегче, и, не ожидая, пока она опять заупрямится, я поймал равновесие и уперся в плиту ногой, Она описала полукруг и с грохотом ударилась о стенку изнутри, расколовшись на несколько кусков, а после и вовсе упала на землю, сотворив новый гром. Грейсвандир была у меня в руках прежде, чем упала дверь. Резко пригнувшись, я нырнул в пещеру и, шагнув вбок, спрятался во тьму в стороне от проема. В пещере горел свет. Маленькие светильники висели на стенах. Неподалеку я увидел лестницу. Бесшумно подкрадываюсь к ней, здесь побольше света и

слышны какие-то звуки. Не могу понять, что это такое. Вроде музыка. Вокруг никого. Шум, который я здесь только что поднял, должен был привлечь внимание. А тут спокойствие, свет и эта музыка. Я споткнулся о что-то железное. Вывороченный, сорванный с мясом засов. Они за собой заперли дверь. Я бросил его через плечо и пошел дальше.

Музыка стала громче. Это играли скрипка и волынка. Свет становился слабее. Справа от меня, у подножья лестницы располагался зал. В него вели маленькие ступеньки. По ним я спустился в пещеру, уже ни от кого не прячась. То, что я увидел, напоминало сон пьяного ирландца. В надымленном, освещенном факелами зале толпы краснолицых людей метрового роста, одетых в зеленое, плясали под тихую музыку, попивая что-то похожее на эль. В такт музыке они топали ногами, хлопали кулаком по столу и ладонью друг друга по плечу, ухмылялись, смеялись, кричали. Вдоль стены выстроились огромные бочки. Перед одной из них собралась очередь пирующих. В противоположном конце зала в яме горел костер. Его дым вылетал через трещину в скальной стене. Звезда была привязана к кольцу, выступающему из стены, неподалеку от этой ямы. И коренастый

маленький человек в кожаном фартуке точил какие-то необычные ножи. Несколько гномов повернулись ко мне. Раздались крики. Музыка смолкла. Воцарилась глухая подземная тишина.

— Я пришел за своим конем. Или вы подведете его ко мне, или я пойду за ним сам. Во втором случае прольется много крови.

Справа от меня один из мужчин, побольше ростом и поседее других, произнес:

— Прошу прощения, но как вы попали сюда?

— Вам придется отремонтировать двери, — вместо объяснения ответил я, — если вам интересно, идите проверьте. Я могу подождать. Я никуда не спешу.

Я отошел к стене, оперся о нее спиной и скрестил на груди руки.

— Я это сделаю, — сказал спросивший меня и стремительно побежал наверх.

Я почувствовал, как моя разбуженная гневом сила перетекает в Камень и снова возвращается ко мне. Во мне боролись два желания. Одно жаждало мести, нестерпимо хотелось прорубить мечом просеку в этой толпе. Второе успокаивало разбушевавшегося великана. — Да ты посмотри, какие они маленькие, — внушало оно. — Надо как-то решить все мирным путем. А над этими

двумя, спорящими, как поступить, вдруг появился третий, наверное, самый мудрый.

— Что вы тут обсуждаете, — вмешался этот третий, — да эти маленькие ребята могут оказаться прекрасными бойцами.

И я знал, что именно этот третий послал посмотреть на вывороченные ворота. Пусть знают, с кем имеют дело. Спустя некоторое время вернулся седой, стараясь держаться от меня подальше.

— Отдайте Человеку его коня, — приказал он.

По залу пробежал гул. Я опустил Грейсвандир.

— Приношу свои извинения, — обратился ко мне все тот же малыш, — мы не хотим враждовать с такими, как вы. Поищем продовольствие где-нибудь в другом месте. Надеюсь, не причинили вам ничего дурного?

Человек в кожаном фартуке отвязал Звезду и повел ее ко мне. Пирующие, расступаясь, давали ему дорогу.

Я спокойно вздохнул. Все складывалось мирно.

— Инцидент исчерпан, — объявил я, — прощаю всех, считайте, что я уже забыл об этом происшествии.

Один из человечков взял со стола кусок мяса и протянул мне. Поняв по моему лицу, что я не вполне доверяю ему, он откусил кусочек окорока.

А потом вторично протянул его мне.

— А может, присядете с нами за стол? — спросил он.

— А почему бы и нет? — ответил я.

И осушил кубок, поднесенный мне. То же самое сделал человечек, меня угощавший. Он тихонько рыгнул, извинился и улыбнулся:

— Для ваших размеров это довольно маленький глоток. Позвольте вам поднести еще один на посошок.

Это был приятный эль, а меня после всех злоключений мучила ужасная жажда.

— Ладно, согласился я, — подноси.

Он что-то приказал, и ко мне подвели Звезду.

— Вы намотайте поводья на этот крюк, — мне показали на выступ около дверей, — и конь будет в безопасности. А мы еще попируем.

Я кивнул и последовал его совету, а мясник отошел в сторону. Подали новый кувшин с элем, и человечек опять наполнил наши кубки. Один из скрипачей тоже налил кубок и поднес его мне. Потом играла музыка. И подсел ко мне кто-то еще, веселый и гостеприимный.

— Будьте, как у себя дома, — посоветовал он, ставя передо мной скамеечку, — садитесь и расслабьтесь. Никаких подвохов не будет.

Я сел и расслабился. Хорошо было отдохнуть несколько минут, не думать о дороге, пить темный эль и слушать веселую музыку.

— Я не буду больше извиняться, — завел со мной разговор тот, кто ко мне обращался уже не первый раз. — И объяснять больше ничего не буду. Мы все здесь знаем, что правота на вашей стороне. Это всем понятно, — он улыбнулся и подмигнул, — поэтому я тоже считаю, что инцидент исчерпан. В конце концов мы не умираем с голоду. Просто этой ночью попируем немного меньше. Замечательный камень у вас на груди. А что это за камешек?

— Камешек да и только, — промолвил я.

Снова начались танцы. Голоса стали громче. Я прикончил свой эль и вновь налил кубок. Разлился по телу огонь, и ночной холод покинул мои кости.

— Уютное у вас здесь местечко, — заметил я.

— О, да. Оно служит нам с незапамятных времен. Не желаете ли осмотреть?

— Благодарю, но не желаю.

— Я знал, что вы так ответите. Но тем не менее, долг хозяина меня обязывает предложить. А еще мы были бы счастливы, если бы вы с нами сплясали.

Я покачал головой и рассмеялся. Я вдруг представил себя танцующим с ними и вспомнил одновременно и Свифта и Рабле.

— Все равно, большое спасибо.

Я извлек свою глиняную трубку и принялся набивать в нее табак. Он достал свою и сделал то же самое. Мне казалось, что опасность миновала. Он был добродушным маленьким человечком, другие же были совсем безвредными со своими скрипочками и танцами.

И все же… Я помнил рассказы о другом месте, расположенном далеко отсюда… Просыпаешься утром голым, в заиндевелом поле, и след простыл всех, кто с тобой пировал этой ночью… Я знал все это…

Несколько глотков — невеликая опасность. Они так согревают. А музыка волынки, плач скрипок — душа оттаивает после бесчисленных поворотов в скачке через Отражения. Поворотов, от которых немеет мозг. Я прислонился к стене спиной, попыхивал трубкой и любовался танцующими. А человечек все говорил и говорил. Мы словно были с ним одни. Больше на меня никто не обращал внимания. Я слушал байки о рыцарях, войнах, сокровищах. И хотя слушал я все это невнимательно, голос убаюкивал меня. Что-то

внутри меня трезво предупреждало: «Рано ты успокоился. Хватит, Корвин. Пора и честь знать. Прощайся с гномами». Но мой стакан, казалось, наполнялся сам. Затем еще один, и еще. А внутренний голос не унимался: «Да тебя спаивают, как ты этого не понимаешь! Тебя заговаривают, зачаровывают».

Я никак не мог себе представить, что карлик сможет перепить меня, что я окажусь под столом. Видимо, я был утомлен, мало закусывал, поэтому меня так разобрало. Я вдруг почувствовал, что клюю носом. Положил трубку на стол. И понял, что всякий раз, когда надо моргнуть, я после этого с трудом открываю глаза. Я окончательно согрелся, мускулы мои приятно покалывало, они расслабились. Я опять поймал себя на том, что клюю носом, и попытался подумать о своем задании, о том, что надо остерегаться всего, вспомнил о Звезде. Я еще что-то бормотал, смутно бодрствуя под своими закрытыми веками. Было так здорово оставаться в этом состоянии хотя бы еще с полминуты. Голос человечка стал совсем монотонным, и уже не имело никакого значения, о чем он говорит.

Заржала Звезда. Я резко выпрямился, широко раскрыл глаза, и картина, которую я увидел,

лишила меня остатков сна. Музыканты все еще играли. Но уже никто не танцевал. Все пирующие осторожно приближались ко мне. У каждого в руках было какое-то оружие — нож, дубина, меч. Тот, что был в кожаном фартуке, размахивал своим секачом. Мой собеседник как раз возвращался ко мне с дубинкой, которую он поднял у стены с пола. Какие-то железяки, какие-то обломки мебели. Все приготовилось обрушиться на меня. Из глубины пещеры, продолжающейся за костром, наползали полчища гномов, вооруженных камнями. Веселья как не бывало. Их лица, на которых еще недавно было почтение, искривила гримаса ненависти. Они мерзко улыбались. Гнев мой моментально возвратился ко мне, но он уже не был раскален докрасна. У меня не было никакого желания возиться с этой мерзкой толпой. Мгновенно появилась осмотрительность, утихомирившая мои чувства. Я осознал — у меня есть задание. Не следует рисковать. Сейчас я расправлюсь с ними другим способом. Было понятно — теперь уже разговорами не обойтись. Я понимал, что сейчас они набросятся на меня, но вспомнил почему-то о Бранде и Бенедикте в Тирна Ног-та. Да, Бранд не настроен на Камень. А я знаю, как использовать его. Я снова зачерпнул си-

лы в этом огненном талисмане. Стал подтянутым, собранным. Сейчас я мог бы уложить вокруг себя гору трупов. Но попробую-ка я лучше добраться до их нервной системы. Я не знаю, как бы это сделал Бранд. Но я решил пропустить свое сознание через тело камня, как тогда, когда мне удалось отвести грозу. И тут я заметил и удивился, что музыканты по-прежнему играли, как будто здесь не только танцевали, но и убивали под музыку.

— Стоять на месте, — негромко произнес я, вложив в слова всю свою волю И поднялся. — Замрите. Превратитесь в статуи.

Я ощутил пульсацию в груди. Первые ряды остолбенели. Однако те, что находились подальше, еще двигались. Затем волынки завизжали, а скрипки смолкли. И было непонятно, дотянулась ли моя воля до них или они испугались, когда я встал. Я почувствовал, как сила, пульсирующая из меня волнами, спрессовывает всех их в плотную матрицу. Я ощутил, что все они попали в мой канкан, и пошел отвязать Звезду. Я не оглядывался, но знал, что опасность миновала.

Когда мы выбрались, было уже светло, восток уже полыхал вовсю. Я вскочил в седло и еще раз удивился. До меня донеслись отдаленные звуки скрипок. Чуть позже в оркестр вступили волын-

ки. Гномики зажили своей обычной жизнью, Для них, оказывается, все, что произошло, не имело никакого значения, гуляние продолжалось. Когда я уже ступил на дорогу, ведущую на юг, меня окликнули. Это был он, мой ночной собутыльник. Я приостановил коня, чтобы получше услышать его слова:

— И куда вы теперь поедете? — крикнул он.

А почему бы ему и не ответить?

— К концам Земли! — крикнул я.

Он отплясывал джигу на своей разбитой двери. Господи, он еще танцует!

— Счастливого пути, Корвин, — снова крикнул гном.

Я махнул ему рукой, а почему бы и нет? Не мне отучать гномов от их танцев.

Я проскакал меньше километра в ту сторону, которая называется югом, когда неожиданно открыл, что все вокруг меня остановилось — земля, небо, горы. На дереве, что росло у обочины, были белые листья. Я вспомнил о незнакомце из пещеры и его словах. Он каким-то образом почувствовал, что эта гроза стирает краски мира, что это о ней рассказывает местная апокалиптическая легенда. Видимо, все взаимосвязано. И это, действительно, волна Хаоса, о которой

говорил мерзавец Бранд, догнала меня. Но ведь я остановил грозу, она сюда не дошла. Почему же и этих мест коснулась полоса разрушений? Ну да, я использовал Камень, чтобы прекратить грозу. Но если это не гроза, а нечто большее? Тогда сила Камня не смогла подействовать на большое пространство, а ограничилась только этим маленьким мирком, островком в мире Хаоса. Если это так, куда мне ехать дальше? Я взглянул на восток, откуда обычно начинался день. Солнце стояло на том же месте, где я застал его, начиная путешествие. Вернее, это было не солнце, а ослепительная корона, пронзенная огненным мечом. Послышалось птичье пение, похожее на нервный смех. Я наклонился к гриве коня и закрыл лицо руками. Видимо, так начинается безумие. Нет! Еще не все потеряно. Может быть, я просто испуган. Ведь и раньше мне приходилось бывать в ненормальных Отражениях. Чем дальше отъезжаешь, тем более странными они становятся. А что, если это одно из них? О чем это я подумал той ночью в Тир-на Ног-та?

Мне вдруг вспомнилось прочитанное у Айзека Динесона. Почему это так взволновало меня? Я ведь был в то время Карлом Кори. Чем могли задеть меня слова из его рассказа: «Немногие люди

могут сказать о себе, что они свободны от веры в то, что этот мир, который они видят, не является в действительности плодом их воображения. Если это так, довольны ли мы им, гордимся ли мы им тогда?» Обычные философские разговоры в нашей семье. Создаем ли мы отраженные миры? Или они существуют независимо от нас? Или есть нечто среднее, исключающее и то, и другое. Я улыбнулся своим мыслям — а ведь вполне возможно, что мы так и не узнаем истины. И все же, вспомнив о той ночи, я подумал, что есть такое место во времени и пространстве, где исчезает наше «Я», и все, что мы создаем, теряет смысл. Но если это происходит только в определенном месте, то можно вернуться назад к Отражениям, где мы обретаем свое обычное сознание, и оно индивидуально. И мы снова можем гордиться тем, чем живем, тем, что чувствуем. Около своего дома мы создаем мир, называя вещи, мы вызываем их из небытия. И вот я сейчас нахожусь на границе миров, дальше начинается страна «не я». За этой долиной вся моя власть над Отражениями может потерять силу.

Я выпрямился в седле и прищурился от необычного солнца. Потом наклонился к уху Звезды и сказал ей одно словечко. Мы двинулись дальше.

Какое-то время мы ехали в тумане. Была абсолютная тишина. Туман был ослепительно ярким. Затем мы куда-то летели или скользили. Мы потеряли ощущение реальности. Звезда стала дрожать, я понял, что она испугана. Но противника никакого перед нами не было, и в обычном нашем понятии пугаться в общем-то было нечего. Я держал поводья правой рукой, а Камень сжимал левой. Я шаманил, общаясь с душой Камня. Не знаю, какие я находил слова, но желание было у меня одно — скорей миновать это проклятое место, чтобы продолжить свой путь до конца.

Я потерял счет времени, да и неизвестно, существовало ли оно в этом месте. Ощущение спуска исчезло. Да и вообще неизвестно, спускались мы или парили над бездной. Был ли яркий свет, который нас ослеплял, действительно светом? И это омерзительное безмолвие… Оно было даже больше, чем в дни моей слепоты в камере. Это была изнанка той камеры, в которой я томился, ее антимир. Там владычествовала тьма, здесь — бессмысленный свет. Но это было в тысячу раз хуже. Здесь вообще не было ничего. Ни снующих вдоль мокрых стен крыс. Ни скрипа о дверь моей ложки. Ни холода. Ни структуры. Одно слепое мерцание. И вдруг я почувствовал, что где-то

справа находится пространство, где я могу обрести зрение. Я потянулся туда. Это могло оказаться галлюцинацией. Я находился в зоне разрыва визуального поля. Рядом с собой я услышал слабый стон. Он был очень коротким, и звук был лишен направленности. Что-то в этой пустоте начало возникать. Первым возник ландшафт. Он был серо-белым. Такой в моем представлении должна быть поверхность Луны. Потом изображение пропало. Звезда заржала. Справа возник лес. Он тоже был серо-белый. Странно, что он кувыркался в пространстве. Мы пролетели с ним в невесомости мимо друг друга, и он появлялся то наверху — вниз кронами, то где-то сбоку под непонятным наклоном. И это длилось несколько секунд, словно нас коснулся осколок расколовшегося времени.

Подо мной промелькнули развалины горящего здания… Бесцветность… Вверху пронесся разорванный вой… Призрачная гора, процессия с факелами, поднимающаяся на гору, а потом спускающаяся с нее… Женщина висит на мертвом дереве, петля на шее, голова упала на бок, руки связаны за спиной… Гора, перевернутая вершиной вниз, черные и белые тучи под ней… Щелчок. Вибрация пространства, словно мы влетели в

твердый слой. Затем все исчезло… Мерцание. Головы, катящиеся по склону, кровавый след за ними… Смешок из ниоткуда… Снова белый ослепительный свет… Щелчок, мерцание…

Какое-то время, равное одному удару сердца, мы скачем под полосатым небом. Это уже что-то конкретное. Я хочу использовать этот миг реального существования и хватаюсь за Камень, тянусь к нему через него. Щелчок, мерцание, щелчок. Гремит гром. Каменная тропа взбирается на высокий перевал… Мир по-прежнему одноцветен. За моей спиной ворочается гром. Пока мир не растаял окончательно, пока сознание вырывает его осколок, я судорожно верчу Камень, словно это ручка настройки, стараясь сфокусировать магическую силу. Вот снова мир на несколько мгновений вернулся. Я считаю: — Два… Три… Семь… Удары сердца… Удары копыт… Камень пульсирует, перекрывая звуковой фон… Восемь, девять, десять… Мир становится ярче. Я втянул в легкие холодеющий воздух. Между ударом грома и его эхом я услышал шелестящий шум дождя. Но с неба не упало ни капли. Я оглянулся. Метрах в ста от меня неподвижно стояла стена дождя. То, что находилось за этой стеной, было видно смутно. Угадывалось очертание горы. Я погла-

дил Звезду, и мы двинулись быстрее по ровному каменному участку, лежащему между двумя вершинами, похожими на башни. Мир впереди все еще был похож на черно-белую гравюру, небо тоже наслаивалось тьмой и светом. Мы поднялись на перевал. Меня начало клонить ко сну. Мне смертельно хотелось остановиться — отдохнуть, поесть, покурить, пройтись пешком. Но гроза была рядом, и я не мог позволить себе этого.

Каменное эхо от стука копыт Звезды каталось между двумя вершинами по перевалу под полосатым, как зебра, небом. Я надеялся, что горы остановят стену низвергающейся с высот воды, хотя прекрасно понимал, что этого не произойдет. Гроза действительно была необыкновенной, у меня даже возникло подозрение, что она раскинулась на всем пространстве пройденного мной пути от этого перевала до самого Амбера. И я давно бы заблудился в этом бесконечном ливне, если б на груди моей не пульсировал спасительный Камень.

А небо делалось все более странным. И вот с высоты начали падать лепестки цветов. Воздух наполнился благоуханием. Гром отодвинулся за горизонт и глухо ворочался далеко за спиной. Уже окутали землю сумерки, когда я спустился с пере-

вала. Я посмотрел вниз в долину. Там виднелись шпили и минареты. Над ними плыли облака. И каждое из них казалось затемненным зеркалом. Они были похожи на духов. А сама местность казалась необитаемой. С одной стороны круто вверх уходили террасы, с другой стороны простиралась волнообразная равнина. Не колеблясь, я начал спускаться. Почва была белая, как кость, а слева что-то темнело, и я подумал — не Черная ли это дорога. Теперь я уже никуда не спешил. Да я и не мог торопиться, так как Звезда устала. Если гроза не слишком быстро будет нас догонять, мы, наверное, сможем передохнуть около одного из озер, расположенных в долине. Я и сам мечтал о передышке. Спускаясь, я осматривался по сторонам, все еще надеясь увидеть хоть одну живую душу. Но не было ни людей, ни животных. Ветер в долине дышал, как живой. Белые цветы шевелились на длинных стеблях рядом с тропой. Наконец-то появилась настоящая зеленая листва. Оглянувшись, я увидел, что грозовой фронт не перевалил через хребет, хотя тучи за ним продолжали накапливаться. Я спустился в странное место. Снег из цветов давно уже перестал идти, но воздух был наполнен тонким ароматом. Тишина. Никаких звуков. Только стук копыт и дыхание

мое и Звезды. Камни, стоящие вдоль дороги, казались изваянными, так совершенны были их контуры. Все еще проплывали клочья тумана, а под ними искрились негустые травы.

Когда я приближался к центру долины, поросшему густым лесом, перспектива вокруг меня продолжала смещаться, перекашивая пространства, искривляя дорогу, горизонт, озеро. Мне пришлось свернуть с тропы, чтобы попасть к берегу озера, учитывая смещенную местность. И по мере того, как я подъезжал к озерной воде, она от меня удалялась. И все-таки я достиг берега. Я опустил палец в воду и лизнул его. Вода оказалась ледяной и сладкой. Сперва я вдоволь напился воды, затем достал закуску из своей походной сумки и наконец растянулся на земле, поглядывая, как пасется Звезда. Гроза сделала новую попытку перебраться через горы. Она ей явно не удалась. Я наблюдал за ее усилиями, думая о том, что, если отец потерпел неудачу, то это начало Армагеддона, и мое путешествие бессмысленно. Однако думать об этом было бесполезно, так как в любом случае мне придется продолжать путь, чем бы все это ни кончилось. Может случиться так, что я достигну цели, увижу, что битва выиграна, а потом стану свидетелем того, как все будет

сметено ураганом. Бессмысленно? Все-таки не бессмысленно. Нужно играть до конца, даже, если все будет потеряно. Черт бы побрал этого Бранда! Я услышал звук приближающихся шагов и повернулся, рука мгновенно нащупала рукоять меча. Тревога оказалась ложной. Ко мне направлялась женщина маленького роста, одетая в белое. У нее были длинные черные волосы и большие дикие темные глаза. Они приветливо улыбалась. Женщина несла плетеную корзинку. Она подошла ко мне и поставила корзинку у моих ног.

— Вы, наверное, проголодались, Рыцарь — по-кошачьи промурлыкала она на языке тари со странным акцентом, — я видела, как вы спускались, и решила угостить вас.

Я улыбнулся и, приняв соответствующую позу, произнес:

— Благодарю. Меня зовут Корвин. А вас?

— Просто Дама.

Я вскинул брови.

— Благодарю вас, Дама. Вы тут живете?

Она кивнула и опустилась на колени, чтобы раскрыть корзинку.

— Да, мой павильон находится дальше, на берегу этого озера, — она кивком головы указала на восток, туда, где должна была проходить Черная

дорога.

— Понятно, — сказал я.

Еда и вино были свежими и ароматными. Не то, что мои зачерствевшие припасы. Подозрения, конечно, не исчезли — мало ли что? Но я не подавал виду.

— Вы разделите со мной трапезу?

— Если вы не против.

— О, конечно.

Она расстелила скатерть, уселась напротив меня, достала еду и разложила ее между нами. Затем, как могла, сервировала ее, быстро попробовала каждое блюдо, давая мне понять, что опасаться нечего. Я почувствовал себя чуточку неловко. Но если честно сказать — то только чуточку. Место было странным для того, чтобы жила в нем женщина, тем более одинокая. Видимо, целый век ожидающая того мига, когда можно будет оказать помощь первому же путнику, которого забросит сюда судьба. Дара, вспомнил я, тоже накормила меня при первой нашей встрече. Я приближался к концу путешествия. Совсем рядом было логово врага. Черная дорога темнела рядом. Я заметил, как Дама украдкой поглядывала на Камень. Все-таки что-то во мне не могло расслабиться до конца. Но кем бы

она ни была, а замечательная получилась трапеза. Мы весело болтали, с удовольствием ели. Она оказалась идеальной слушательницей, смеялась всем моим шуткам, расспрашивала обо мне. Дама становилась серьезной, когда смотрела мне в глаза. Наши пальцы, как бы случайно, встречались и чуть-чуть задерживались. Вообще-то, если меня сейчас и обманывали, то делали это очень любезно и приятно.

Пока мы обедали и болтали, я краем глаза продолжал следить за грозовым фронтом. Наконец, после многих попыток, он пошел грудью на перевал и преодолел его. Гроза медленно спускалась к нам по склону.

Убирая скатерть, Дама увидела, куда я смотрю, и кивнула:

— Да, гроза надвигается.

Она быстро уложила в корзинку остатки пищи, столовые приборы и уселась рядом со мной, достав бутылку и две чаши.

— Выпьем за нее, что ли?

— Выпьем, с удовольствием, но только не за нее.

Она разлила.

— Не за нее, так не за нее. Не имеет значения, за что.

И, передавая мне чашу, задержала в моей ладони свою. Она коснулась моей чаши краем своей. Мы выпили. Дама улыбнулась.

— А теперь пойдемте, Рыцарь, в мой павильон, — предложила она и взяла меня за руку. — Там можно заняться любовным единоборством. Не возражаете?

— Спасибо, — неловко отказался я, — в другое время лучшего десерта после такого прекрасного обеда и представить невозможно. Но, увы, я должен продолжать свой путь. Долг выше наших чувств. Время летит, а задание мое еще не выполнено.

— Ладно, не так уж это и важно. Мне все известно о вашем задании. Теперь и это уже не важно.

— О! Если говорить правду, я ожидал того, что вы пригласите меня скоротать с вами вечерок. Я прекрасно понимаю, что, согласись я сделать это, и все потеряно. Гроза докончит начатую вами хитрость. А меня ждет одиночество на холодной горе.

Она рассмеялась:

— Должна признаться, именно так я и собиралась поступить с вами, Корвин. Но сейчас делать это я не намерена.

— Почему?

Она указала на приближающуюся линию искажения.

— Больше нет нужды задерживать вас. Я уже вижу, что Двор победил. И никто не в состоянии остановить наступление Хаоса.

Я внутренне содрогнулся, а она вновь наполнила чаши.

— Но, как женщина, я хотела бы, чтобы вы остались. Гроза все равно скоро будет здесь. Что может быть лучше, чем провести этот остаток времени в объятиях? Нет нужды даже отправляться в павильон. Здесь тоже совсем неплохое место.

Я опустил голову, и она придвинулась ко мне. Какого черта я ломаюсь. Женщина и бутылка. Прекрасно, Корвин. Я пригубил вина. Да, да, она тысячу раз права. Но такое у меня уже было. Стоит ли повторяться. Я вспомнил о женщине в маске, заманившей меня в западню на Черной дороге по пути из Авалона. Вначале я пришел ей на помощь, затем быстро поддался ее странным чарам, а потом, когда маска ее была снята, я увидел, что за ней вообще ничего нет — пустота. Я тогда чертовски испугался. И напрасно. Но надо быть большим философом, чтобы додуматься до такой простой вещи, что у каждого из нас есть набор масок на различные случаи жизни. Психологи

не приемлют этого. Но я видел деловых людей, которые мне нравились, пока я не узнавал, какие они под маской. Бывало и такое, что срываешь с человека маску, а у него, как у той женщины, ничего нет за душой. Я заметил также, что порой маска у человека гораздо приятнее того, что находится за ней. Так что эта девушка, которую я прижимал к себе, скорее всего чудовище. Вероятно, так оно и есть. А чем она отличается от большинства из нас? Так что я выбрал не самый худший способ уйти из жизни. Короче, она мне нравилась. Я прикончил свое вино. Она тут же попыталась налить мне еще, но я остановил ее ручку. Она вопросительно посмотрела на меня, и я произнес:

— Вы почти убедили меня.

С этими словами я закрыл ей глаза четырьмя поцелуями, чтобы не нарушить очарования, затем тихо отошел, прыгнул в седло и оглянулся на ту, что скрасила мне дорогу.

— Прощайте, Дама!

Я довольно далеко продвинулся на юг, когда гроза сползла в долину и вовсю стала там бушевать. Передо мной открывались новые горы, и тропа вела к ним. Небо все еще было в черно-белую полоску. Линии эти начали смещаться. В

воздухе по-прежнему висели сумерки, в некоторых местах сгущаясь в темноту. Но и там было беззвездно. Слабый ветерок, цветочный аромат, безмолвие, искривленные пространства, серебряная листва, влажная и блестящая — все это по-прежнему окружало меня. Рваные туманы двигались, как большая отара. Я попытался поработать с сутью Отражений, но это было здесь непросто. К тому же дорога меня здорово измотала, и сосредоточиться было невозможно. У меня ничего не получилось. Тогда я зачерпнул сил из Камня, как воду из колодца, а потом постарался передать их изнемогающей Звезде. Мы двигались довольно ровно, пока тропа не пошла на подъем. Дорога поднималась к новому перевалу, более крутому, чем тот, который мы преодолели раньше. Я обернулся, треть долины уже была захвачена псевдогрозой. Я подумал о Даме, о ее павильоне. И только головой покачал.

Поближе к перевалу дорога становилась круче. Мы перешли на шаг. Белые полосы в небе стали красноватыми. И, пока мы ехали, потемнели. Когда я добрался до перевала, весь мир, казалось, был окрашен кровью. Дорога расширилась, и я ехал по широкому каменному пути. Сильный ветер ударил в лицо. Почва выравнивалась, хотя

подъем еще не кончился. Пространство за перевалом было еще скрыто. Мне надоело безмолвие, и я начал разговаривать сам с собой. Неожиданно что-то громыхнуло справа. Я подумал, было, что где-то очередной обвал. Но Звезда неожиданно резко дернулась подо мной, потом громко заржала, шарахнулась влево и стала валиться на бок. Я спрыгнул с седла. Мы упали, и я увидел под правой лопаткой Звезды стрелу. Я глянул в ту сторону, откуда она могла прилететь. На вершине скалы метрах в десяти от меня виднелся человек с арбалетом. Он снова поднимал его, целясь в меня. Я понимал, что добраться до него быстро не смогу. И стал шарить под собой, пытаясь найти камень потяжелей. К счастью, такой под рукой оказался, и я кинул его, стараясь, чтобы гнев не помешал точности моего броска. Но ярость, как оказалось, придала мне нужную силу, увеличила меткость удара. Камень угодил стрелку в левую руку. Он вскрикнул и выронил оружие. Оно упало и покатилось с возвышенности к моим ногам.

— Сукин ты сын! — заорал я. — Ты убил моего коня! И ответишь за это головой!

Я рванулся к нему, выбрав самый короткий путь. Я поднимался, как разъяренный зверь. Через миг я мог разглядеть напавшего на меня

человека. От боли он согнулся и потирал ушибленную руку. Это был Бранд. В полыхающем свете неба он казался еще более рыжим.

— Ну все, Бранд, — крикнул я. — Теперь тебе конец. Жаль только, что кто-нибудь другой не прикончил тебя раньше.

Выпрямившись, Бранд смотрел, как я поднимаюсь. Он не пытался выхватить шпагу. Когда я к нему приблизился, он скрестил руки на груди и опустил голову.

Тем не менее я вытащил Грейсвандир и двинулся на него. Я был готов прикончить его. Он мне порядком надоел. Красный цвет вокруг нас сгустился. Казалось, мы купаемся в крови. Ветер неистовствовал, а снизу доносились раскаты грозы. Когда между нами был один шаг, он просто растаял, растворился, исчез. Я стоял на том месте, где только что был он, отчаянно ругаясь. Мне и раньше рассказывали о его способности удирать, превращаясь в живую Карту, которая в один миг может переправиться куда угодно. Внизу послышался шум. Я подошел к обрыву и посмотрел, что там происходит. Истекая кровью, Звезда корчилась в судорогах. Сердце мое сжалось. Но не только это увидел я. Рядом с лошадью стоял Бранд. Он поднял арбалет и стал целиться

опять. Я же огляделся — нет ли тут еще одного камня. Под рукой ничего не было. Только поодаль валялся булыжник. И, сунув меч в ножны, я поспешил к нему. Он был размером с арбуз. С ним я вернулся к обрыву. Но Бранд снова исчез.

Я почувствовал себя беззащитным. Он мог невидимкой перемещаться в любое место и оттуда стрелять по мне. Я залег за ближайшей скалой. И услышал, как справа от меня зазвенела стрела. Вслед за этим я услышал издевательский смешок Бранда. Я встал, зная, что ему понадобится несколько секунд, чтобы натянуть тетиву, глянул туда, откуда прилетела стрела, и увидел его на каменном карнизе метрах в двадцати от меня.

— Сожалею, что попал в коня, — сказал он. — Я целился в тебя. Но этот проклятый ветер…

Я приметил в скале нишу и побежал к ней, прикрываясь, как щитом, большим камнем. Отсюда я наблюдал, как он направлял на меня смертоносную стрелу.

— Даже если и промахнусь, — смеялся он, целясь в меня, — ничего страшного. У меня много стрел.

Он выстрелил. Я нагнулся и прикрылся камнем. Однако можно было этого не делать, стрела пролетела на полметра правее меня.

— Надо было вначале изучить направление ветра, — рассуждал Бранд. — Я в общем-то знал, куда она полетит. Сейчас учтем погодные условия и выстрелим поточнее.

Я решил собрать камни, чтобы нанести ответный удар. Но, как назло, вокруг меня их не было. Тогда я вспомнил о Камне. Ведь он должен хранить меня от всех опасностей. Но у меня почему-то была уверенность, что в таких условиях он действует только тогда, когда противник близко. Более того, я чувствовал, что Бранд знает об этом. И все же, нельзя ли что-то придумать, чтобы действовать с помощью Камня отсюда? Парализовать его, как гномов, я не мог. Но однажды я побил его в схватке, додумавшись, как управлять погодой. Правда, сейчас гроза была довольно далеко от меня. И поэтому, чтобы притянуть на него молнию, силам Камня нужно не меньше минуты. Этого времени у меня не было. А ветер? Ветер совсем рядом. Надо подчинить себе ветер. Я потянулся к нему и почувствовал движение пространства. Бранд был готов к новому выстрелу. Я сосредоточился. Где-то рядом с ним засвистел порыв ветра. Стрела снайпера приземлилась так далеко, что я ее и не увидел. Бранд готовил арбалет еще к одной атаке. Я видел, как он целится,

как делает глубокий вздох, как затаил дыхание. Затем он что-то понял, опустил арбалет и пристально посмотрел на меня.

— Мне только сейчас пришло в голову, — сказал он. — У тебя этот ветер в кармане, да? Это нечестно, Корвин. — Он огляделся вокруг. — Ну ладно, я сейчас найду место, где твой ветер будет беспомощен. Вот так-то.

А я сближал контакты, чтобы спалить его молнией. Однако это было не просто и требовало большой подготовки. Я смотрел на небо, на красно-черную полосу. Над нами формировалась туча. Скоро, скоро я смогу. Но пока еще рано.

Бранд снова испарился. Я лихорадочно искал его, но не мог обнаружить. Неожиданно он оказался прямо передо мной. Он перебрался на другую сторону от меня и теперь находился с южной стороны. А именно оттуда и дул ветер. Расстояние между нами было все-таки довольно большим, и я знал, что в один момент не смогу преодолеть его. Я уже подумывал, не запустить ли в него своим «арбузом». Но он наверняка пригнется, и камень пролетит мимо. А я останусь без щита. Он поднял арбалет к плечу.

— Послушай, Бранд, прежде чем выстрелить, скажи мне одну вещь.

Он секунду колебался, а потом опустил арбалет на несколько дюймов.

— Какую еще?

— Ты не соврал насчет отца, Лабиринта и Хаоса?

Бранд откинул голову назад и рассмеялся отрывистым, лающим смехом.

— Корвин, даже сказать тебе не могу, как я счастлив, что ты умрешь, не зная чего-то, что для тебя крайне важно.

Продолжая хохотать, он снова поднял оружие. Я как раз рванулся, чтобы запустить в него каменный «арбуз», но ни один из нас не завершил начатого движения.

Над головой Бранда раздался пронзительный крик, и кусок закатного неба, казалось, обрушился на его голову. Он завизжал и выронил свой арбалет. А затем вцепился руками в существо, так неожиданно его атаковавшее. Это была красная птица, рожденная от моей крови и отцовской руки. Она прилетела, чтобы защитить меня. Я отбросил камень и бросился к Бранду, на бегу выхватывая из ножен Грейсвандир. Он ударил птицу, она взмыла вверх и стала кружиться над ним, чтобы набрать сил для новой атаки. Бранд прикрыл руками лицо и голову, но я все же успел

заметить текущую из его глазницы кровь. Когда я подбегал к Бранду, он уже начал таять. Но птица успела еще раз спикировать на него, и ее когти снова стремительно ударили его по голове. Затем начала таять и она. Я еще видел, как Бранд тянул к ней руки, как она рвала его клювом и когтями, потом они исчезли. На месте схватки остался только брошенный арбалет. И я с мстительным наслаждением раздавил его сапогом.

— Это еще не конец, — думал я. — Сколько еще ты будешь досаждать мне, брат, черт тебя побери? Что еще встретится мне на пути, пока я не доведу этого дела до конца?

Я вернулся на тропу. Звезда все еще мучилась в предсмертной агонии, и мне пришлось прикончить ее, чтобы прекратить ее муки.

За перевалом, как и следовало ожидать, была новая долина. По крайней мере, мне так казалось. Я не мог ничего разглядеть, так как внизу клубился туман, переходящий в облака. В небе происходили превращения. Один из красных сполохов становился желтым, другой — зеленым. Это меня обрадовало, это было уже знакомо. Точно таким я увидел небо, когда впервые попал сюда на край всего — это было напротив Двора Хаоса. Я закинул за спину свой вьюк, и начал спускаться

по тропе. Ветер почти утих. Вдали послышался гром. Там бушевала гроза, от которой я улизнул. Я гадал, где же Бранд? У меня было чувство, что какое-то время он будет прятаться от меня, пока не придумает новую каверзу. Когда я вступил в полосу тумана, и он начал виться вокруг меня, я увидел древнее дерево и срубил одну из веток себе на посох. Дерево вскрикнуло, и я даже понял смысл произнесенных им звуков. Это было нечто вроде: — Черт тебя побери!

— Ты, оказывается, разумное? Я очень сожалею, я не знал этого.

— Я так долго растило эту ветку, — проговорило дерево. — Ты хочешь сжечь ее?

— Нет, нет. Мне нужен посох. У меня впереди еще большой путь.

— Через эту долину?

— Да, через нее.

— Подойди поближе, чтобы я почувствовало твое присутствие. На тебе что-то пылающее.

Я шагнул к дереву.

— Оберон! — воскликнуло оно. — Я знаю этот Камень!

— Я не Оберон. Я его сын. Камень дал мне он — для защиты, — сказал я.

— Тогда бери мою ветку, а вместе с ней и мое

благословение. Я укрывало твоего отца. Это было странное время. Оно длилось долго. А до этого твой отец посадил меня.

— В самом деле? Никогда не видел, чтобы отец сажал деревья.

— Я не совсем обычное дерево. Я пограничное. Он посадил меня, чтобы отметить границу.

— Что же это за граница?

— Я — конец Хаоса и порядка, в зависимости от точки зрения. Я отмечаю разделение. В какую сторону от границы, то есть от меня, ты бы ни шагнул — там начинаются другие правила.

— Какие именно?

— Кто может на это ответить? Я не могу. Я только растущая башня разумной древесины. Так что моя ветка, скорее всего, может помочь тебе. Если ее посадить, она прорастет в любом месте. Но, конечно, она может и не пустить корни. Кто может знать заранее? Неси мою ветвь, сын Оберона, туда, куда ты держишь путь. Я чувствую, скоро будет гроза. Торопись и — прощай!

— Прощай. Спасибо тебе, дерево.

Я стал спускаться дальше по тропе, падающей из тумана в туман. Постепенно, пока я шел, туман терял розоватость. Опираясь на посох, который здорово помогал мне на этой скользкой тропе, я

еще раз мысленно поблагодарил дерево. Затем стало проясняться. Окрестности были уже различимы. Скалы, пруд со стоячей водой, унылые деревья с висящим вдоль ствола мхом, запах гнили. Я поспешил дальше. На ветке одного из деревьев сидела и наблюдала за мной черная птица. Когда я посмотрел на нее, она поднялась в воздух и неспешно полетела ко мне. Крылья ее поднимались и опускались, как в замедленном кино. Все, что со мной произошло на этой дороге, научило меня ждать опасности в любую минуту, и я почувствовал тревогу, когда птица закружилась над моей головой. Но она, сделав круг, села на землю передо мной и, склонив голову, повернулась ко мне левым глазом.

— Да, — каркнула она, — ты тот самый.

— Что значит — тот самый? — удивился я.

— Тот самый, которого я буду сопровождать. Ты ведь ничего не имеешь против, Корвин, если за тобой будет следить птица дурного знака.

Тут она, хихикнув, исполнила нечто вроде танца.

— Не волнуйся, не волнуйся, Корвин, я тебе ничем не помешаю.

— Откуда тебе известно мое имя?

— Я жду тебя с самого начала времени, Кор-

вин.

— Наверное, тебе это ужасно надоело?

— В этом месте я не так уж и давно. Ведь время — то, чем ты его делаешь.

Я обошел птицу и пошел дальше. Через некоторое время она пронеслась надо мной и села справа на скалу.

— Меня зовут Хуги, если тебе интересно, — представилась она. — Я вижу, ты несешь кусок старого Игга!

— Игга?

— Скучного старого дерева. Оно стоит у входа в эти места и никому не разрешает отдыхать на своих ветвях. Держу пари, оно орало как оглашенное, когда ты оттяпал от него ветку.

Птица рассмеялась клекочущим смехом.

— Как раз ты не права. Дерево вело себя достойно.

— Держу пари, — она опять держала пари, — оно не орало, потому что ты уже это сделал. А много ль тебе толку от этой палки.

— Конечно. Она помогает мне.

И я замахнулся палкой. Хуги шарахнулась в сторону.

— Эй, ты! Это не смешно!

Я рассмеялся.

— А я думал, что смешно.

Долгое время я прокладывал путь по болотистой местности. Ветер расчищал путь передо мной. Откуда-то издали доносились звуки музыки. Я бы не мог определить место, где играли. Музыка долетала то сверху, то справа, а то, казалось, из-под земли. Она была торжественной и величавой. Я мог бы поспорить, что ее рождали стальные струны. И вдруг меня окликнули:

— Эй, чужеземец! Остановись и посмотри на меня.

Я встал, как вкопанный, и начал таращить глаза, но в белом тумане, который еще не полностью рассеялся, ни черта не возможно было разобрать.

— Здравствуйте, — негромко произнес я. — Где же вы?

В этот миг туман передо мной разорвался, и я увидел гигантскую голову. Глаза ее были на одном уровне с моими. Безусловно, это была голова великана, который тонул в болоте. Голова была лысая, бледная, рыхлая, будто выточенная из камня ракушечника. А глаза, видимо, из-за контраста с белой кожей казались черней, чем были на самом деле.

— Понятно, — посочувствовал я. — Вы малость

застряли. А руки поднять вы в состоянии?

— Если здорово напрягусь, — последовал ответ. — А зачем?

— Я сейчас найду какую-нибудь жердь, и вы ухватитесь за нее.

— В этом нет никакой необходимости.

— Разве вы не хотите выбраться из этой трясины? Я думал, что вы позвали меня, чтобы я помог вам.

Туман снова стал сгущаться, и я, чтобы не потерять его из виду, подошел ближе.

— Нет. Я просто увидел вас и окликнул, чтобы пожаловаться.

— Но что толку только жаловаться?

— А вы понимаете, в каком бедственном положении я нахожусь?

— Оно не такое уж и бедственное. Вы можете освободиться сами или с чьей-нибудь помощью.

— А что изменится, если я освобожусь?

— Это уже ваш вопрос, вот вы на него и отвечайте.

Разговор терял смысл. Я повернулся, чтобы уйти.

— Постойте. А куда вы направляетесь?

— На юг, чтобы сыграть свою роль в одной старой пьесе.

В это время откуда ни возьмись появилась Хуги. Птица не раздумывая села на макушку великаньей головы. Она клюнула ее и закудахтала:

— Не теряй зря времени, Корвин. Тот, кто здесь, гораздо меньше, чем кажется.

Губы великана произнесли мое имя. Затем он спросил:

— Ты в самом деле тот самый?

— Он, он, никаких сомнений, — затараторила Хуги.

— Послушай, Корвин, — произнес увязший в болоте великан, — ты ведь собираешься остановить Хаос, так?

— Так.

— Я тебя очень прошу, не делай этого. Да и вообще, не стоит Хаос твоих усилий. Пусть все эти дела скорее закончатся, и я наконец-то освобожусь.

— Я хотел тебе помочь. Ты отказался.

— Мне нужно другое освобождение. Я хочу, чтобы пришел конец всему.

— Ну, это сделать совсем просто, — махнул я рукой. — Только наклони голову и сделай глубокий вдох.

— Я хочу не только своей смерти, пусть придет конец всей этой игре.

— Но при чем тут твое желание? Я думаю, люди

сами предпочтут решать, что им делать со своей судьбой.

— Пусть все кончится для всех. Ведь в моем положении рано или поздно окажутся все.

— Вот тогда пусть они и делают выбор, а пока отвечай только за себя. Счастливо тонуть, глупая голова!

Я направился дальше.

— Ты тоже окажешься в моем положении, — крикнула мне вслед голова.

Хуги догнала меня и уселась на посох.

— Ну и удовольствие посидеть на ветке старого Игга теперь, когда он не может… Ай-ай-ай! — Хуги взмыла в воздух и, причитая, закружилась.

— Он обжег мне лапу! Как он это сделал?

Я рассмеялся.

— Понятия не имею!

Хуги покружилась, пока боль не утихла, и села мне на плечо.

— Не возражаешь, если я отдохну здесь?

— Валяй.

— Благодарю, — птица устроилась поудобнее. — Голова, как ты наверное понял, клинический случай.

Я пожал плечами, а она замахала крыльями, чтобы не свалиться.

— Он, конечно, ищет путь, нащупывает выход, — философствовала птица. — Но рассуждает совершенно неправильно, считая, что весь мир в ответе за его несчастья.

— Пока что он не нашел выход даже из болота.

— Я имею в виду решение философских проблем, — заметила птица.

— Ах, из философского болота? Тем хуже для головы! — подвел я итог.

Но Хуги продолжала.

— Понимаешь, все дело в связи с миром его «Я» — с одной стороны, и Абсолютом — с другой.

— Неужели?

— Да, — подтвердила птица. — Нас высадили в этот мир, как на льдину, и мы дрейфуем по поверхности событий. Иногда нам кажется, что мы влияем на них, и тогда мы начинаем действовать с удвоенной энергией. И это — большая ошибка, потому что порождает в нас желания и раздувает ложное самолюбие, вместо простого существования нашего «Я». Одни желания порождают другие, а они влекут за собой еще более тщетные усилия — вот мы и в западне.

— В болоте?

— Как сказать. Надо сосредоточиться на Абсолюте. Надо научиться уходить от миражей и

иллюзий, которые превращают человека в ложный остров сознания.

— Со мной тоже однажды случилось ложное самоотождествление. Оно-то в большой мере и помогло мне стать Абсолютом — то есть самим собой.

— Это тоже иллюзия.

— Не уверен. И даже думаю, что я завтрашний буду благодарен себе сегодняшнему, так же, как я сегодняшний благодарен себе вчерашнему.

— Ты упускаешь суть, — важно заметила Хуги. — Завтрашний «ты» — это тоже иллюзия.

— Почему?

— Потому что он по-прежнему будет полон тщетных желаний и суетных усилий, уводящих его от Абсолюта.

— Что же в этом плохого?

— То, что в конце концов ты останешься один в мире чужаков, в мире феноменов — субъективных, ложных сознаний.

— Мне нравится быть одному. Должен сказать, что я очень привязан к себе. Я себе нравлюсь. И феномены мне тоже по душе.

— И все же… Тебе никогда не удастся освободиться от Абсолюта полностью. Он всегда будет тревожить тебя, звать, лишать покоя.

— Значит, нечего и спешить с решением проблемы. В общем, я понял, что ты имеешь в виду. То, что Абсолют принимает форму идеалов. Да, они есть у каждого. И если ты утверждаешь, что к ним нужно стремиться, то тут и спорить не о чем. Я тоже так думаю.

— Ты не понял. Идеалы — тоже искажение Абсолюта, потому что толкают нас к новым усилиям.

— Так оно и есть.

— Я вижу, тебе еще многому надо учиться.

— Если тебе не нравится мой вульгарный инстинкт выживания, то эта тема не для обсуждения.

Тропа вела вверх. Мы вышли на гладкое ровное место. Оно было усыпано песком и хорошо утрамбовано. Музыка становилась громче. Затем я заметил в тумане медленно и ритмично передвигающиеся фигуры. Я догадался, что и эти тоже танцуют. Я подошел к ним. Это были красивые люди, мужчины и женщины, судя по одежде, крестьяне. Они ступали в такт музыке, которую играли невидимые музыканты. Танец был сложным и прелестным, и я остановился, чтобы полюбоваться им.

— По какому случаю праздник? — спросил я у Хуги. — И кто это танцует посреди нигде?

— Это не смертные, это духи времени. Они начали свое дурацкое представление, как только ты спустился в долину. Они празднуют твое пришествие.

— Духи?

— Да, наблюдай за ними внимательно.

Хуги взлетела с моего плеча, сделала несколько кругов над ними. Птичий помет упал с высоты на танцующих, но прошел сквозь них, не запачкав ни расшитого рукава, ни шелковой рубашки, никто даже не сбился с такта, словно это были люди-голограммы. Хуги каркнула над ними и вернулась ко мне.

— Зачем это нужно было — испоганить такое прекрасное представление, — возмутился я.

— Вполне декадентское, — возразила Хуги. — Я вижу, ты польщен этой встречей. И напрасно. Они предвкушают твою неудачу. И, прежде чем кончится грандиозный спектакль с твоим участием, желают попасть на финальное торжество.

И все равно я с удовольствием наблюдал за ними, опершись на посох и отдыхая. Делая свои па, танцоры перемещались в пространстве, и вот одна из женщин, рыжая красавица, оказалась около меня. Все лица были обращены ко мне. Но глаза танцующих ни разу не встретились с

моими. Все происходило так, будто меня не было. Только эта женщина изящным движением бросила какой-то предмет. И он упал у моих ног. Я нагнулся и увидел, что предмет материален. Это была серебряная роза моя эмблема. Я прикрепил ее к вороту своего плаща. Хуги недовольно отвернулась. У меня на голове не было шляпы, чтобы я мог снять ее, выразив свое почтение. Я низко поклонился милой леди. И когда я хотел уже отойти, мне показалось, что она мне подмигнула. Я уходил, и музыка стихала за спиной. Тропа стала труднопроходимой, и, когда рассеялись туманы, впереди проступали только скалы и каменные плато. Я давно бы уже свалился от усталости, если бы не черпал силы из Камня. Но порций энергии мне с каждым разом хватало на все меньший отрезок времени. Одолев большое расстояние, я проголодался и остановился, чтобы прикончить остатки моих припасов. Хуги разделить трапезу отказалась, но сидела поблизости, наблюдая, как я ем.

— Признаться, я восторгаюсь твоей настойчивостью, — продолжала философствовать птица. — Мне нравится и то, что ты говорил об идеале. Но в остальном ты не прав. Мы здесь рассуждаем о бесплодности желаний и усилий.

— Это говорила ты. И знаешь, это не главная забота моей жизни.

— А зря.

— Хуги, я живу уже давно. Ты обижаешь меня, птица, считая, что я никогда не размышлял об этих проблемах из учебника философии для второкурсников. Кончай свою демагогию. Ты призываешь к бесплодной жизни. И истина в том, что это говорит не о положении дел в мире, а о тебе самом. Если ты и вправду веришь в то, что проповедуешь, то мне тебя жаль. Подумай, вместо того, чтобы быть свободной и двигаться к Абсолюту, ты, неизвестно почему, должна быть рядом со мной и предпринимать тщетные усилия в надежде воздействовать на мое ложное «эго». Что за чушь! Если же ты не веришь в то, что говоришь, то значит тебя послали, чтобы ты мешала мне и расхолаживала меня. Но тогда ты просто зря теряешь время!

Хуги прохрипела:

— А ты ведь не отрицаешь Абсолют — начало и конец всего.

— Зачем?

— Нет, скажи, — упорствовала Хуги, — ты признаешь это?

— Птица, я знаю это лучше тебя. Абсолют, как я

понимаю, промежуточная стадия между разумом и рефлекторным существованием. Зачеркнуть его было бы преступлением. Но ответь, если ты происходишь от Абсолюта, этого самоизолирующегося Всего, зачем ты возвращаешься в свое гнездо? И неужели ты так презираешь себя, что боишься заглянуть в зеркало и увидеть, кто ты есть на самом деле? Почему бы тебе, Хуги, не извлечь пользу из нашего совместного путешествия? Развивайся, учись, живи, наконец! Если однажды ты была отправлена в жизненный путь, то почему ты так упорно стремишься вернуться в ту нулевую точку, из которой вышла? Или же твой Абсолют, сотворив существо, подобное тебе, допустил ошибку? Согласись, такая возможность вполне реальна. Вот! Больше мне нечего тебе сказать?

Хуги с ненавистью глянула мне в глаза и, наконец, улетела. Наверное, чтобы проконсультироваться со своим философским справочником.

Поднявшись с земли, я услышал гром. Гроза догоняла меня. Я должен был опять оторваться от нее. Тропа сужалась и расширялась, потом исчезла, оставив меня на усыпанной гравием равнине. Я чувствовал себя подавленным. Мой мысленный компас до сих пор вел меня в нужном

направлении, И сейчас я тоже хотел бы следовать его указаниям, но мешала усталость. Солнца не было, звезд тоже. Я и ориентацию потерял с утратой тропы. И даже обрадовался, когда до меня донесся голос грозы. Так, по крайней мере, хоть узнаешь, где находится север. В тумане и звук рассеивается, так что полной уверенности у меня не было. Но гром становился все раскатистей, значит, буря меня догоняла. Проклятье! Я был огорчен потерей Звезды. Растревожила меня и философия бесплодности наших усилий, о которой неутомимо болтала Хуги. День был определенно мерзким. Я уже не верил, что могу завершить свое путешествие. Если кто-нибудь из моих многочисленных неприятелей не устроит мне засаду, я буду бродить здесь, пока не иссякнут мои силы, и меня настигнет гроза. Я не знаю, сумею ли я еще раз остановить небесные силы. У меня начали возникать сомнения на этот счет. Я попытался использовать Камень, чтобы рассеять туман, но его воздействие, казалось, ослабело. Может быть, это происходило потому, что я сам ослаб. Я смог расчистить небольшой участок и сразу же перешел через него. А постоянно бороться с туманом у меня не было ни сил, ни желания. Моя связь с Отражениями тоже нарушилась, я не

мог, как прежде, чувствовать их суть.

Печально. Чем ползти в липком тумане в этой пустыне, куда лучше было бы нечто в духе вагнеровской оперы — герой эффектно появляется в финале, над ним — странное небо, перед ним — настоящие враги, с которыми можно сразиться в открытом поединке. Я миновал камень. Казалось, я уже здесь был, и камень этот мне словно бы знаком. И не брожу ли я по кругу? Когда заблудишься, именно так и ходишь. Я прислушался к звукам, чтобы хотя бы по ним сориентироваться, куда идти дальше. Стояла раздражающая тишина. Я подошел к камню. И уселся, привалившись к нему спиной. Нет смысла бродить без толку. Надо было подождать сигнала. Воздух был в предчувствии грома. Я вытащил Карты. Отец сказал, что они на какое-то время перестанут действовать. Но ничего другого мне не оставалось. Одну за другой я перебирал их, пытаясь дотянуться до тех, кого я знал, исключая Бранда и Каина. Отец был прав — Карты ее холодели, как обычно. Тогда я прямо на земле разложил всю колоду в пасьянсе. То, что мне по нему удалось прочитать, было попросту невозможно, и я снова перемешал Карты. Я вслушивался, пытаясь определить, где гроза. Несколько раз прогремело в отдалении, но это ме-

шало определить, откуда доносился звук. Карты заставили меня вспомнить о семье. Мои близкие ждали меня впереди. Зачем они ждали меня? Я нес им Камень. Зачем он им? Сначала я думал, что решили его возможности использовать в сражении. Если это так и если я единственный, кому он подчинялся, мы, наверняка, проиграем. Затем я подумал об Амбере и окончательно пришел в отчаяние. Неужели для Амбера все кончено? Не может этого быть. Должен же все-таки найтись способ отбросить Хаос. Думая обо всем этом, я откинул камешек, который лежал рядом со мной. И хотя кинул я его с силой, он полетел замедленно и плавно, словно в невесомости. Опять этот замедляющий эффект Камня. Я зачерпнул из него еще энергии и подбросил новый камешек. Этот улетел, как пуля. Значит в прошлый раз я зачерпнул мало энергии из своего талисмана. Во второй же раз, когда я наполнил себя магической силой, мозг мой все равно оставался вялым и расслабленным. И я понял, что надо отдохнуть, лучше всего поспать. Все будет казаться проще, если я посплю. Как далеко еще до конца моего пути? Расположен он за ближайшим перевалом или до него еще бесконечно далеко? И на много отстала ли от меня гроза? Все эти мысли лениво

роились у меня в голове.

А что если битва уже закончена, и мы проиграли? Мне казалось, что я прибуду к месту назначения слишком поздно и тогда смогу пригодиться своим только в качестве могильщика.

Надгробное слово… Кости… Хаос…

И где эта проклятая Черная дорога? Я бы шел вдоль нее, и не было бы никаких проблем. Мне казалось, что сейчас она где-то слева от меня… Я потянулся вперед, сжимая Камень. Раздвинул на некоторое расстояние туман, отбрасывая его вдаль. И заметил, что там кто-то движется. Это было животное. Скорее всего большая собака. Она не хотела выходить из тумана. Не подкрадывается ли она ко мне под его прикрытием? Я сжал Камень, потянулся еще дальше и дальше, отодвинул туман. Животное, попав в зону обозрения, встряхнулось и двинулось прямо ко мне. Я поднялся, когда животное было совсем близко. Тут я определил, что это шакал. Крупный шакал смотрел прямо в мои глаза.

— Ты подоспел рановато, — сказал я, — я еще живой, только отдыхаю.

Он ухмыльнулся:

— Я пришел только, чтобы взглянуть на принца Амбера. Я и не рассчитывал, что ты станешь

моей едой.

На этот раз рассмеялись мы оба.

— Тогда пируй мысленно, а не то очень скоро обнаружишь, что сил у меня предостаточно.

— Нет, нет! — поспешил заверить меня шакал. — Я старый поклонник дома Амбера. Королевская кровь, принц Хаоса, схватка, — вот это меня привлекает.

— Ты награждаешь меня новым титулом. Моя связь с Двором Хаоса чисто генеалогическая.

— Я говорю об образах Амбера, проходящих через Отражения Хаоса. И все же в центре порядка, который олицетворяет Амбер, действует самая хаотичная семья, точно так же, как Двор Хаоса очень спокойный и мирный. И все же у вас есть не только конфликты, но и связи.

— Сейчас меня волнуют не парадоксы. Я пытаюсь добраться до Двора Хаоса. Ты знаешь туда дорогу?

— Конечно. Это совсем рядом, если мерить этот путь полетом стервятника. Идем, я покажу тебе, куда идти.

Он побежал по тропе, а я последовал за ним.

— Я не слишком быстро? — спросил он, оборачиваясь. — Ты, наверное, устал?

— Ничего. Продолжай в том же темпе. Двор за

этой долиной, не так ли?

— Так, так. Вот уже и туннель.

Я последовал за ним через песок и гравий, а затем по сухой твердой земле. Странно было, что нигде ничего не росло. Туман уже совсем поредел и принял зеленоватый оттенок. Через какое-то время я окликнул шакала:

— Далеко еще? Сколько еще пути?

— Теперь уже совсем близко. Ты устал? Хочешь отдохнуть?

Он опять оглянулся, зеленый туман преобразил его, маленький уродец стал страшноватым, и все же я нуждался в проводнике, мы стали карабкаться вверх по склону, и путь мне казался верным.

— Есть ли где-то поблизости вода? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил он, — за водой нужно сделать приличный крюк. Хочешь, повернем?

— Даже думать об этом не стоит. У нас нет времени.

Шакал вильнул хвостом, рассмеялся, и мы побрели дальше.

На этот раз перед нами была невысокая гора. Я, опираясь на посох, торопился за своим проводником. А тропа становилась все круче, почва каменистей, так мы шли примерно полчаса. Я с

трудом дышал.

— Подожди, — окликнул я зверя, — надо передохнуть. Я полагал, путь будет короче.

— Извини меня, — сказал он, — за шакалоцентризм. Я выбрал скорость, с которой передвигаемся мы. Тебе она не совсем подходит. Но будь спокоен, мы уже почти у цели. Она находится в скалах, как раз перед нами. Может быть, отдохнем уже там?

— Ну, давай, — согласился я.

Вскоре мы добрались до каменной стены, которая поднималась у подножья горы. И, пробираясь среди камней, подошли наконец к отверстию, ведущему во тьму.

— Вот он, тоннель, дорога совершенно прямая, никуда не сворачивает. Шагай себе на здоровье и так быстро, как захочешь.

— Благодарю тебя, ты здорово мне помог. Я этого не забуду.

— Рад был помочь, — услышал я голос уже у себя за спиной.

Я шагнул во тьму, сделал несколько шагов, и что-то захрустело у меня под ногами. Передо мной был какой-то предмет. Я поддал его ногой, и раздалось сухое щелканье, которое запомнится мне надолго. Пол был усеян костями. Позади меня

послышался шорох. Всем своим существом я почувствовал опасность и понял, что Грейсвандир выхватить не успею. Резко повернувшись, я поднял посох и сделал им выпад, как шпагой. Зверь уже был в прыжке. Посох угодил ему в грудь, и он упал. Но и я был отброшен назад, на груду загремевших костей. Посох мой отлетел в сторону. Искать его в темноте было пустым делом. Все еще лежа на земле, я успел вытащить меч, но, чтобы поднять его, времени не хватило — зверь прыгнул еще раз. И я, изловчившись, изо всех сил ударил рукоятью прямо по его хищной оскаленной морде. Удар был настолько сильным, что у меня заныло плечо. Голова шакала дернулась, и я, не теряя ни секунды, воткнул острие меча в землю и, опираясь обеими руками о рукоятку, поднялся сначала на колено, а потом и вовсе встал, приготовившись к новому нападению. Когда он прыгнул еще раз, я уже не отмахивался, а действовал наверняка. Клинок вошел в тело зверя. Я быстро вытащил его, отпрыгнул от щелкающих шакальих челюстей и откатился в сторону, почти к самой стене. Шакал завизжал, попытался подняться, но тут же опять свалился. Я, тяжело дыша, следил за каждым его движением. Моя рука случайно нащупала отлетевший

сюда посох. Выставив его перед собой, я уперся спиной в стенку и стал ждать нового нападения. Но шакал так больше и не поднялся. Он лежал, и предсмертные судороги сводили ему лапы. В слабом свете, едва проникающем через вход, я разглядел, что его вырвало. Запах был ужасный.

Потом зверь посмотрел на меня. Так, не сводя с меня взгляда, он лежал совершенно неподвижно. Потом глаза его закрылись. Шакал больше не дышал. Непереносимое зловоние заполнило все вокруг. Я поднялся на ноги, все еще спиной к стене, все еще с посохом наизготовку, не сводя глаз с мертвого зверя. Много времени прошло, прежде чем я вложил Грейсвандир в ножны.

Привыкнув к темноте, я огляделся. Это был никакой не тоннель, а обыкновенная пещера. Когда я выбрался из нее, тумана уже почти не было. Его разогнал ветер, веющий с долины. Я прислонился к скале, гадая, какой путь выбрать. Тропы поблизости видно не было. Я решил идти налево. Здесь подъем был покруче, а мне нужно было как можно скорее выбраться из тумана, подняться в горы. Я опирался на посох и карабкался, вслушиваясь, не звенит ли где-нибудь родничок. Но кругом была тишина. Я упорно лез дальше. Туман, редея, менял цвета. И вот уже можно разглядеть камен-

ное плато, над ним проблеск чистого неба. Где-то за спиной загремело. Но откуда движется гроза, определить было невозможно. Я ускорил шаг, но через несколько минут у меня закружилась голова. Пришлось остановиться и сесть на землю. Предчувствие неудачи не покидало меня. Вот я взбираюсь на плато. А ведь, наверное, гроза буйствует именно там, и я сейчас иду на грозу. Я протер глаза. Ну какой резон преодолевать дорогу, у которой все равно нет конца, и я так и не смогу добраться до цели? Сквозь фисташковую долину пробилась тень. Что-то падало на меня. Я поднял посох, чтобы защищаться. Но это была Хуги. Птица спикировала и села у моих ног.

— У, Корвин, — проскрипела она, — как много ты прошел.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь. Гроза, наверное, наступает мне на пятки.

— Кажется, так оно и есть. А я вот поразмыслила над твоими словами и хочу сказать, что кое в чем ты прав.

— Хватит об этом. Лучше скажи, можешь ли оказать мне одну услугу?

— Какую именно?

— Слетай погляди, как далеко от меня гроза, И с какой скоростью она догоняет меня. А потом

вернись и расскажи, что и как.

Хуги помялась, но потом все-таки согласилась.

— Так и быть, слетаю.

Птица взмыла вверх и полетела туда, где по моим расчетам находился северо-запад. Я оперся на посох и поднялся. Опять пришлось зачерпнуть сил из Камня, они заполнили меня, как вспышка багровой молнии. И я опять начал подъем. Когда я одолел склон, подул влажный ветерок с той стороны, куда улетела Хуги. Раздался одиночный удар грома. Я ждал. Второго не последовало. Я постарался максимально воспользоваться приливом энергии и быстро преодолел метров сто. Еще немного, и я буду на вершине, а там станет ясно, где я нахожусь и есть ли у меня шанс продолжать борьбу.

Небо прояснилось. Оно здорово изменилось с тех пор, как я смотрел на него на перевале. Половина неба была темной, вторая половина белела от летящих по нему цветов. И весь небесный свод вращался вокруг точки, которая находилась над моей головой. Это меня тревожило. Именно к этому небу я и шел. Значит, это и есть тот самый Хаос. Я стал карабкаться еще выше. Мне хотелось крикнуть самому себе что-нибудь ободряющее, но у меня пересохло горло. Подойдя к скале, я

услышал хлопанье крыльев. И вот на мое плечо опустилась Хуги.

— Гроза готова наползти на твой зад, — сообщила птица, — она может нагрянуть сюда в любую минуту.

Я сделал последний рывок, уцепился за скалу, подтянулся, вылез на плато. И остановился, с минуту отдыхая. Здесь совсем не было тумана. По-видимому, постоянный ветер прогнал его отсюда. Были видны далеко и небо, и гладкая равнина, простирающаяся перед глазами. Я опять пошел вперед. А громыхание было уже совсем рядом.

— Думаю, что равнину пересечь сухим тебе не удастся.

— Ты знаешь, что это необычная гроза. Будь иначе, я был бы счастлив промокнуть и напиться.

— Понимаю. Я выражаюсь фигурально.

Я ответил какой-то грубостью и продолжал путь. Речка с прохладной водой была пределом моих мечтаний. Панорама передо мной расширялась. Небо продолжало свой безумный танец под вуалью дымки. Но освещения было вполне достаточно. Я увидел громадный простор и остановился, тяжело опираясь на посох. Теперь я был уверен — передо мной то, к чему я стремился.

— Что случилось? — заговорщически прошептала птица.

Я не мог говорить. Я показал на пустошь, вытянутую ниже края плато, на котором мы стояли. Она простиралась миль на сорок и упиралась в уходящую за горизонт гряду гор. А слева бесконечно тянулась Черная дорога.

— Ну и что? Пустошь. Я и раньше могла тебе сказать, что она находится здесь. Почему ты не спросил меня?

Из моей груди вырвалось нечто среднее между стоном и рычанием. Я опустился на землю. Не знаю, сколько прошло времени. Меня лихорадило. Кажется, я понял все, хотя что-то во мне не соглашалось с этой догадкой. Я услышал одновременно голос грозы и голос Хуги.

— Ты хочешь сказать, что проиграл? Но ты ошибаешься. В борьбе не бывает проигрыша. Все это иллюзии.

— Я не сказал, что проиграл.

— Ты решил, что не можешь дойти до конечной цели.

Я посмотрел на небо над горизонтом. Там уже полыхали молнии. Гроза подползла ко мне.

— Все верно, цель, к которой я шел, уходит от меня. Но если отец действительно проиграл, я

должен сделать то, что хотел сделать Бранд. Я должен создать новый Лабиринт и необходимо совершить это прямо вот здесь.

— Ты? Создать Лабиринт? Этого не сумел сделать сам Оберон. Как же ты сможешь совершить это, — ты ведь едва держишься на ногах? Корвин, забудь об этом. Смирись и успокойся.

Я опустил посох на землю. Хуги слетела с моего плеча и уселась рядом с ним.

— Ты не веришь моим словам? — обратился я к птице. — Мы никогда не поймем друг друга. Мне кажется, что желание — это скрытое самоотождествление, а усилие — рост. Ты думаешь по-другому.

Я спокойно опустил руки на колени.

— Для тебя величайшее благо — слияние с Абсолютом. Почему же ты не летишь, чтобы соединиться с ним? Это ведь можно сделать и таким образом. Тебя поглощает всеохватывающий Хаос, который надвигается на нас, затем он сливается с Абсолютом и сам становится им. Да, если меня постигнет здесь неудача, то Хаос станет Абсолютом. Но пока я жив, пока дышу и надеюсь, я буду ему противостоять. И попробую воздвигнуть против него Лабиринт. Я это делаю потому, что я тот, кто мог бы стать королем Амбера.

Хуги опустила голову.

— Сперва я увижу, как ты съешь ворона, — противно захихикала она.

— Я не ем падали, — возразил я.

— Посмотрим, посмотрим, — продолжала хихикать птица.

— Боюсь, что тебе, столь приверженной Абсолюту, а также, я подозреваю, и Двору Хаоса, скоро попросту будет нечем смотреть.

Я схватил Хуги и свернул ей шею, прикидывая, хватит ли у меня времени, чтобы развести костер. Незачем заниматься пустословием с глупой птицей. Это выглядело жертвоприношением. Но трудно сказать, кто тут одержал моральную победу, поскольку я все равно планировал рано или поздно сделать это.

…И был запах цветущих каштанов. По всем Елисейским полям над листьями взлетали белые свечи… Я вспомнил игру фонтанов на площади Согласия… Воображение мое бродило по улицам, по набережной Сены. И всюду был запах старых книг и реки… Запах цветущих каштанов….

Почему я вспомнил вдруг 1905 год и Париж на Отражении Земля. Наверное, я мысленно вернулся туда, где был когда-то счастлив. Наверное, это нужно было мне, чтобы сейчас рефлекторно

получить импульсы положительных эмоций, эдакое противоядие от настоящего, окружавшего меня. Скорее всего, это так… Белый абсент, «Амар Пикон», земляника со сливками… Шахматы в кафе «Регентство», вечера с актерами «Комеди Франсэз». Скачки в Шантильи… Вечера в бистро на улице Пигаль… Я твердо ставил левую стопу перед правой, правую перед левой, передвигая ноги почти наощупь. В левой руке у меня была цепь, на которой висел Камень. Я нес его высоко так, чтобы можно было видеть глубину Камня, наблюдая в нем за рождением нового Лабиринта. Я чертил его с каждым шагом. Я воткнул свой посох в землю и оставил его у входа в Лабиринт. Левая…

Вокруг меня свистел ветер, где-то совсем близко громыхал гром. Я не встречал физического сопротивления, с которым столкнулся в старом Лабиринте. Сопротивления вообще не было. Вместо него, и это наверное было хуже, была странная настороженность. Не обдумав, я не решался сделать и шага. Поэтому движения мои были замедленны. Мое продвижение было похоже на ритуальное действо. Я тратил больше энергии на подготовку к каждому шагу, чем на сам шаг. Прежде чем сделать движение, я совершал его

мысленно. Заторможенность, замедленность мешали мне выполнять работу. Но зато это и не позволяло совершить ошибку. Я делал свое дело наверняка. Появлялась определенная четкость. Правая… Казалось, этой медлительной четкости требует от меня неведомая сила. И так же, как Лабиринт в Ребма, где восстановились когда-то мои растаявшие воспоминания, так и этот Лабиринт тоже разворошил мою память. И появились здесь в сломавшемся пространстве, во времени, потерявшем границы прошлого, настоящего и будущего, запах каштанов, полные овощей фургоны, тарахтящие по булыжной мостовой. Я не был в то время влюблен, но были увлечения — Иветт, Мими и Симона. И была в Париже весна, и плясали цыгане в «Луи», и удивительно пахли коктейли… Я вспоминал, и сердце не помещалось в груди, и время звенело, как колокол… Я вспоминал, и радость прустовского оттенка передавалась моим движениям, наполняла мое сознание, наделяла мощью мою волю… Я обдумал, а потом увидел, а потом сделал следующий свой шаг… Я уже совершил один круг, создал периметр своего Лабиринта. Спиною я чувствовал грозу. Она, видимо, уже коснулась края плато. Небо потемнело… Цветные огни плясали надо

мной и качались… Вокруг появились сполохи… А я не мог отвлечься, не мог отдать ни капли энергии, чтобы контролировать бушевавшую стихию. Завершив круг, я увидел, что все расстояние, которое я прошел по Лабиринту, вычерчено на камне, и линия эта пылает бледным голубым пламенем. Я не чувствовал магнитных линий, не ощущал тока, который возникал там, где я ставил ногу. Необычными были только замедленные движения, будто нес я на спине непосильный груз… Левая…

Маки, маки и васильки и высокие тополя вдоль сельских дорог, вкус нормандского сидра… И снова город, запах цветущих каштанов… Сена, купаются звезды… Запах старых кирпичных домов на Вогезской площади после утреннего дождя… Бар под мюзик-холлом «Олимпия»… Драка… Окровавленные пальцы, забинтованы девушкой, пустившей меня к себе домой… Как ее звали? Цветущие каштаны… Белая роза… Тут я принюхался. Аромат розы в моей петлице такой же, каким был тогда. Удивительно, что хоть что-то осталось от нее. Это приободрило меня. Я двинулся вперед, чуть-чуть под углом вправо. Краем глаза я видел грозу. Она надвигалась стеной, гладкой, как стекло. За ней была пустота. Гром уже гремел

оглушительно. Правая… Левая…

Надвигалась армада ночи. Устоит ли против нее мой Лабиринт! Я хотел поспешить. Но ничего не получилось, движения мои становились еще медленнее. Я испытывал странное чувство, мне казалось, что я нахожусь сразу в двух измерениях. В одном я медленно, шаг за шагом, делал свою работу. В другом, заключенный в Камень, впитывал энергию, проходя Лабиринт и там. И эти два измерения были связаны моим сознанием… Левая… Поворот… Правая… Грозу, казалось, уже можно потрогать. Сейчас она омоет кости Хуги. Я втягивал ноздрями запах озона и думал: «Что имела в виду птица, говоря, что она поджидает меня с начала Времени. Зачем поджидала? Чтобы поспорить со мной? Или же, чтобы быть съеденной в месте, которого не коснулась история? Но, уподобляясь моралистам, все преувеличивающим, можно было бы сказать следующее. Хуги с унынием в сердце из-за своих неразрешимых философских проблем, а также потому, что не смогла обратить меня в свою веру, была уничтожена под раскаты грома, как это обычно происходит в театре». Послышался гром — отдаленный, опять гром — поближе, и снова гром — уже совсем близко. Когда я повернулся

и глянул назад, молнии были ослепительными. Я стиснул цепь и сделал еще один шаг… Гроза натолкнулась на границу моего Лабиринта и раскололась надвое. Она начала ползти вокруг меня. Ни одной капли не попало ни на меня, ни на мой Лабиринт. Но мы оказались островом внутри грозы. А может, в этой ситуации больше подходило такое сравнение — я находился в воздушном пузыре на дне штормового моря. Меня окружали стены воды и в них мелькали темные силуэты. Вся вселенная напряглась, пытаясь раздавить меня. А я все сосредоточивался на красном мире Камня, все глубже уходил в свою работу. Левая… Цветущие каштаны… Чашка горячего шоколада в кафе на тротуаре… Елисейские поля… Оркестр в садах Тюильри, звуки поднимаются вверх и висят в ярком, пахучем воздухе… Берлин в двадцатые годы… Тихоокеанские острова в тридцатые… Может быть, все это не прошлое. Может быть, прошлое длится сейчас. А там было будущее. И я не вспоминаю его, а предчувствую. Я? Или песчинка? Или звезда? Но какое это имеет значение? Через новый мост на улицу Ригали… Омнибусы и фиалки… Фиалки и фиакры… Художники со своими этюдниками в Люксембургском саду… Я, если все закончится хорошо, снова отыщу Отражение,

подобное этому, такое же, как мой Авалон. Запах каштанов…

Продолжаю идти… Надрывается ветер, гремит без пауз, одна молния зажигает другую. Но это все в стороне от меня. Может быть, в другом мире я закончил еще один виток… Я неуязвим, пока не позволил отвлечь себя грозе, пока продвигаюсь, пока все, как в фокусе, сходится в Камне… Я обязан устоять, обязан медленно поднимать, а потом опускать ногу. Никогда не остановлюсь. Буду ходить еще медленнее, но остановки не будет… Лица… Целый ряд глаз рассматривает меня, находясь по ту сторону Лабиринта… Лица, огромные, потому что их увеличивает стена ливня, огромные, как та голова в болоте… Смотрят, усмехаются, ждут… Ждут, что я остановлюсь или сделаю неверный шаг… Ждут, что все вокруг меня распадется… В их глазах сверкают молнии, в их глотках гремит гром… Они кричат мне что-то со дна Темного Океана… Я проиграю и буду сметен разбушевавшейся стихией, а этот осколок Лабиринта будет разбит и тоже сметен. Они проклинают меня. Они плачут и плюют в меня, хотя я всего этого не слышу. Наверное, все это только кажется мне, а на самом деле их нет и не было там за силовой линией Лабиринта. Я теряю

рассудок, но ступаю, ступаю, ступаю. Мой мозг сломлен напряжением. Тогда что толку в моих усилиях? Новый Лабиринт, созданный безумцем? Я сомневаюсь, а они кричат хором: «Безумец! Безумец! Безумец!» Я втягиваю в себя остатки запаха розы и опять вспоминаю о каштанах и том времени, которое заполняли радости бытия и органичный порядок. Голоса стихают, лица исчезают, когда мысли купаются в радостях тех лет. Ублюдки! У вас всего этого не было и никогда не будет… Цветут каштаны… Я делаю еще один шаг, и еще один… Они дразнят меня, играют на моих слабостях, чувствуют мои сомнения, мою усталость… В любом случае, я у них на виду и они используют это против меня… Левая… Правая… Пусть теперь они видят, как верю я в их силы. Пусть провалятся. Я прошел уже вон сколько раз. И пройду, сколько надо. Левая… Они кружат и набухают около меня, по-прежнему шевеля кривым ртом. Но и они тоже устали. Я затратил еще усилия, шагая по дуге, ступая по кругу, видя его перед собой в Камне — своем красном духовном оке. Я вспоминаю свой побег из Гринвуда, о своей хитрости, когда надо было разговорить Флору, о своей встрече с Рэндомом, схватку с его преследователями, наше путешествие в Амбер…

Я вспоминаю о нашем бегстве в Ребма, о том, как я шел по Лабиринту, чтобы восстановить память, о принудительном браке Рэндома, о своем сражении с Эриком и бегстве к Блейзу… О битвах, что были после, о том, как ослеп, выздоровел, убежал, путешествовал в Лорен, а затем в Авалон…

Чем медленнее ступал я, тем быстрее скользила моя память по поверхности минувших событий… Ганелон и Лорен… Твари из Черного Круга… Рука Бенедикта… Возвращение Бранда… Нож в боку… Билл Поссет… Билл Рот… Больничные архивы… Моя автокатастрофа… Вся жизнь легла передо мной, с самого ее начала в Гринвуде, через все годы борьбы, постоянное ощущение приближения к чему-то важному, стремление к трону, месть, долг, его постоянное место в сознании во все времена вплоть до этого мгновения, когда оно обострилось необходимостью выжить. Я чувствовал всегда, что ожидание должно вот-вот закончиться, что должно произойти что-то важное… Левая… Очень, очень медленно. Все прочее неважно. Теперь вся моя воля в движении. Моя сосредоточенность — абсолютна. Все, что за пределами Лабиринта, мной забыто. Молнии, лица, ветер… все потеряло значение. Есть только Камень, существует пылающий Лабиринт и я сам.

Хотя я уже себя почти не осознавал. Наверное, еще немного, и я сейчас слился бы с идеалом Абсолюта Хуги. Поворот… Правая стопа… Снова поворот…

Время тоже не имеет значения. Пространство ограничилось созданным мною узором. Теперь я черпал силу из Камня, не обращаясь всякий раз к нему. Связь установилась сама собой. Теперь и это было частью того процесса, той работы, которыми я был занят. Одна порция энергии шла вслед за другой. Маховик раскрутился. Видимо, я уже стерт, как личность. Я превратился в движущуюся точку, запрограммированную Камнем, выполняющую операцию настолько всепоглощающую, что нет больше места для самосознания. И все же я — частица этого процесса. Потому что, если бы то же самое делал кто-то другой, возник бы другой Лабиринт. Я подсознательно чувствовал, что пройдено уже полпути. Теперь идти стало еще сложней, а мои движения совсем замедлились. И хотя хотелось, чтобы дело шло скорее, я вспомнил свою первоначальную настройку на Камень — в той странной матрице, что, казалось, давала начало самому Лабиринту. Правая… Левая… Заторможенность вдруг исчезла, несмотря на прежнюю осторожность и выверенность

каждого шага, я чувствовал себя очень легким. Казалось, со всех сторон меня омывает бесконечный океан энергии. Все звуки слились в белый шум и исчезли. Потом исчезла и напряженная медлительность моих движений. Это совсем не было похоже на преодоление какого-то барьера или на то, как входишь в Вуаль. Скорее всего, это была внутренняя перенастройка. Я чувствовал, что иду теперь нормальным шагом, и, прокладывая извилистую дорогу, делая все более тугие витки, приближаюсь к концу вычерченного мной сложного узора. Внезапно мир потемнел. Казалось, я находился среди великой пустоты, в которой существовал только пламенеющий Камень и, подобный спирали галактической туманности, сияющий Лабиринт. И по этой спирали я шел. Я опять усомнился в своих действиях. Но это продолжалось один миг. Последнее мое испытание, последняя атака. Нельзя отвлекаться. Камень показывал мне, что делать, а Лабиринт подсказывал, где делать это. Хорошо бы увидеть еще и себя рядом с ними — посмотреть на все это со стороны. Левая… Я внимательно следил за каждым своим шагом. Наконец я почувствовал силу, мне противодействующую — совсем, как в старом Лабиринте. Но я был готов к этому. И я

боролся с этой силой за каждый свой шаг. Затем наконец-то внутри Камня я увидел окончание Лабиринта. В другое время я бы ахнул от неожиданного явления красоты. Но сейчас нельзя было растрачивать свои силы на чувства. Даже дыхание мое было подчинено единой цели. Я собрал все свои силы на то, чтобы сделать следующий шаг, и пустота вокруг меня пришла в движение. Я завершил его, но следующий был еще труднее. Я чувствовал себя так, словно находился в центре вселенной и ступал по звездам. Мне казалось, что я передаю движение небесным телам. Моя воля становилась космическим явлением. Ноги поднимались и переступали сами по себе. Я не видел своих шагов. Лабиринт светлел. Скоро он вспыхнет и осветит округу ослепительным сиянием. Еще совсем немного. Продвинуться чуть дальше… Я тратил гораздо больше сил, чем в старом Лабиринте, сопротивление стало абсолютным. Я должен был противостоять ему своею твердостью и постоянством воли. Исключить все остальное. Я почти не двигался. Вся моя энергия шла на просветление узора… Интересно, как выглядит Лабиринт со стороны. Наверное, это великолепное зрелище.

Минуты… Дни… Годы… Я не знаю, как долго это

продолжалось. У меня было такое ощущение, что я был занят этим завершающим актом целую вечность… Затем я двинулся. И не знаю, сколько на это ушло времени. Шаг, другой, третий. Вселенная вращалась вокруг меня. Я прошел весь путь. Давление пропало… Чернота исчезла… Какое-то мгновение я был в центре Лабиринта, но не стал его рассматривать, на это у меня не осталось сил. Я упал на колени и согнулся в три погибели. Кровь лихорадочно стучала у меня в висках, голова кружилась, а тело сотрясала дрожь. Я сумел это сделать, пришла ко мне наконец мысль. Лабиринт создан, и что бы теперь ни произошло, он есть. И он выдержит… Я услышал звук там, где никаким звукам быть не полагалось, но отвечать на внешние раздражители я уже не мог. Лишь когда из моих окоченевших пальцев вырвали Камень, я поднял голову. Никого не было в моем Лабиринте. Я это знал твердо. Значит… Свет был ярким и, сощурившись, я разглядел улыбающегося Бранда. На глазу у него была черная повязка. В руке он держал мой Камень. Я догадался, что он сюда телепортировался. Он ударил меня в тот момент, когда я посмотрел на него, и я повалился на бок. Тогда он пнул меня ногой в живот.

— Так ты все-таки это сделал? — оскалился

он. — Никак не думал, что это тебе удастся. Теперь мне придется уничтожить еще один Лабиринт, чтобы восстановить наш порядок. Но сначала мне понадобится этот камушек, чтобы повлиять на битву при Дворе. — Он помахал Камнем. — Прощай!

И исчез. Я лежал, тяжело дыша, и держался за живот. Волны тьмы поднимались и опадали внутри меня. Это было, как прибой. Но сознание не покидало меня. Огромное отчаяние заполнило мое сердце. Я закрыл глаза и застонал, И не было у меня Камня, чтобы восстановить силы. Каштаны в Париже…

Когда я лежал там, изнемогая от боли, у меня перед глазами стояла одна и та же картина. Я видел, как Бранд появляется там, где сражаются силы Амбера и Хаоса. На груди у него пульсирует Камень. Он уверен, что, овладев им, сможет сделать так, чтобы победил Двор Хаоса. Но ведь это вполне возможно, мучаясь, думал я. И представлял, как Бранд хлещет молниями наши войска, как направляет на них шквальные ветры. Видел, как на силы Амбера каменным градом низвергается послушная ему гроза. Я чуть не заплакал. Ведь Бранд еще мог бы искупить свою вину, выступив на нашей стороне. Ясно, что просто

победы ему теперь мало. Бранду нужно победить так, чтобы диктовать свои собственные условия. А я? Я потерпел поражение, хотя и создал против Хаоса новый Лабиринт, даже не веря, что и в самом деле способен на это. Но если битва будет проиграна, все мои усилия пойдут прахом. Ведь тогда Бранд вернется сюда и сотрет мой Лабиринт с лица земли. Ужасно обидно — пройти через все трудности, подойти так близко к успеху и потерпеть неудачу. Мне хотелось заорать: «Это несправедливо». Но я знал, что вселенная, равнодушно вращаясь, не согласовывала свое движение с моими понятиями о справедливости. Я выплюнул песок, который скрипел у меня на зубах. Отец поручил мне доставить Камень к месту битвы. Я был в двух шагах от нее — и вот, пожалуйста. Неожиданно меня охватило странное чувство. Я ощутил, как что-то требует моего внимания. Но что?

Вокруг стояло безмолвие. Ветер и гром снаружи утихли. Воздух был неподвижен и прохладен. Даже с закрытыми глазами я чувствовал, что меня окружает свет. Я открыл их и увидел яркое небо. Я опять закрыл глаза, твердо зная, что-то маячит справа от меня. Дерево. Дерево стояло там, где я воткнул свой посох, взятый у старого Игга. Оно

уже стало довольно высоким и так стремительно тянулось вверх, что я различил это движение. На нем были одновременно зеленые листья и белые бутоны. Но вот распустилось несколько цветов. Я ощутил тонкий аромат и почувствовал успокоение. Я ощупал свою грудь. Сломанных ребер вроде не было. Хотя боль от удара еще давала себя знать, я протер глаза и пригладил волосы. Затем поднялся, опершись на колено. Не торопясь, я смотрел на окрестности. Плато было таким же, как я его увидел в первый раз. И все-таки что-то вокруг изменилось. Оно было пустынным, но не суровым. Возможно, таким делало его новое освещение. Нет, было что-то еще. Я осматривался, изучая все, что находилось рядом. Безусловно, это было уже другое место, а не то, где я начинал свой Лабиринт. Изменились скалы, сгладились ямы, чуть поодаль появилась земля, плодородная почва.

Я встал. Ветер донес запах моря. Все это освежило меня. И я понял — здесь произошли большие перемены. Их сотворила не гроза, способная не уничтожать, а создавать. Какое-то воспоминание шевельнулось в глубине моей души. Я вздохнул полной грудью, стоя в центре Лабиринта, и не торопясь продолжал осматривать местность. Мое

отчаяние как-то само по себе улетучилось, во мне поднималось чувство освещенности — другого слова не нахожу. Воздух был сладким. Появилась непривычная легкость. И я понял — все это напоминает мне первозданный Лабиринт. Я посмотрел на дерево. Оно стало еще выше. Похоже, и все же не похоже. Да, все менялось на глазах. Воздух, земля, небо. Это было новое место, это был новый первозданный Лабиринт. И, значит, все изменения сотворил я, мой Лабиринт, в центре которого я находился.

Прошло время. А я всё еще стоял, наблюдая за деревом, оглядываясь, наслаждаясь возродившейся во мне энергией. Во всяком случае, здесь я победил. И это будет длиться, пока Бранд не вернется, чтобы стереть это место с лица земли. Я опять отрезвел. Я должен остановить Бранда, должен защитить это место. Я находился посередине Лабиринта. Если этот Лабиринт такой же, как все остальные, я могу воспользоваться его силой и спроецировать себя, куда пожелаю. Я могу присоединиться к нашим. Я отряхнулся и вытащил клинок из ножен. Что ж, еще не все потеряно. Мне велели доставить Камень на поле битвы. Пусть Бранд это сделает за меня. Он все равно, наверное, уже там. Мне просто придется отобрать

у него Камень, чтобы направить судьбу сражения по правильному руслу. Как я это сделаю? Еще не знаю. Я осмотрелся еще раз. Надо будет сюда вернуться, если позволит судьба. В этом месте есть тайна. Она висит в воздухе, плывет по ветру. Может быть, потребуются века, чтобы разгадать, что произошло здесь, когда я начертил новый Лабиринт. Я поклонился дереву. Оно, казалось, шевельнулось мне в ответ. Я поправил серебряную розу и закрепил ее на плаще. Пора двигаться дальше. Но для этого нужно было совершить особый обряд, и я начал уходить в себя, в свое воображение. Закрыв глаза, я попытался представить себе, как выглядят окрестности перед последней бездной у Двора Хаоса, Я увидел это место под диким небом и заполнил его своими родственниками, войсками Амбера. Создав все это в себе, я услышал звуки битвы. Сначала изображение было размытым, потом стало четче, Я удержал видение еще на один миг, и послал Лабиринту сигнал — переправить меня туда.

Еще через мгновение я уже стоял на вершине холма перед равниной. Холодный ветер срывал с меня плащ. Небо было тем же безумно вращающимся сводом, который так мне запомнился, — и черным, и разноцветным от мерцающих радуг.

Воздух переполняли тяжелые испарения. Черная дорога находилась справа. Она пересекала долину и шла над бездной к мрачной цитадели, над которой мерцали зловещие светляки. Надо мной проплывали газовые мосты, простираясь из тьмы. По ним и по Черной дороге двигались страшные силуэты. Впереди меня, на поле, сосредоточились войска. За спиной я слышал шум крылатой колесницы времени. Повернувшись к северу, я вновь увидел дьявольскую грозу. Она полыхала и громыхала в горах, надвигаясь, словно поднявшийся до самых небес ледник. Значит, я не уничтожил ее своим Лабиринтом. Она обошла нас и продолжает двигаться. И не остановится, пока не доберется до места, которое наметила. Но, надо полагать, от нового Лабиринта будут исходить импульсы, они уже идут расширяющимися кругами, которые наведут порядок по всем Отражениям после разрушительной силы грозы. Сколько же времени потребуется ей, чтобы дойти сюда? Я услышал стук копыт за спиной и обернулся, выхватив меч. Рогатый всадник на огромном коне несся прямо на меня. Я выжидал. Безусловно, он спустился с одной из газовых дорог. Я следил, как конь встает на дыбы, как поднимает свой кривой меч разъяренный всад-

ник. И когда меч начал опускаться, я мгновенно отклонился в сторону, а потом, поймав его руку, стащил с коня.

— Ах, эта роза, — прохрипел он, упав наземь. Не знаю, что он хотел сказать, потому что я воткнул клинок в его горло, и он навсегда умолк. Я догнал его черного коня и, схватив за узду, стал его успокаивать. Через несколько минут наши отношения наладились, и я взобрался в седло. Это был настоящий боевой конь.

Сначала он проявлял характер. Но я не мешал ему делать, что он хочет, и он постепенно успокоился. Как я определил, силы Амбера наступали. Поле устилали трупы. Вражеские силы отступали на высоту, неподалеку от рдеющего края бездны. Их ряды, еще не окончательно сломленные, но довольно-таки измотанные, под сильным натиском отходили назад. С другой стороны бездну пересекали свежие силы, присоединявшиеся к тем, что держали высоту. Оценив их растущую численность и выгодную позицию, я подумал, что они в состоянии перейти в контратаку. Бранда нигде не было видно. Даже если бы я был полон сил и на мне были бы доспехи, я бы не стал ввязываться в сечу. Я хотел найти Бранда и не спускать с него глаз. Я сомневался, что он примет участие

в схватке. Но на всякий случай осмотрел поле битвы. Нет. Его, конечно, нигде не было. Видимо, он где-то в стороне. Может быть, он находился на другом конце поля, там, где идет битва. Ох, как далеко объезжать. Я спустился с холма. Как хорошо было бы, думалось мне, свалиться с коня, упасть ничком в траву и уснуть. Где же этот проклятый Бранд? Я добрался до подножия холма и свернул чуть в сторону, чтобы перескочить через канаву.

— Лорд Корвин Амберский?

Видно, он увидел меня еще тогда, когда я только свернул в долину, и терпеливо поджидал, когда я подъеду. Высокий, рыжий, бледный, словно мертвец, всадник восседал на коне, который тоже был рыжим. В медных доспехах с зеленоватыми узорами он был неподвижен, словно статуя.

— Я заметил тебя, когда ты был еще на холме, — произнес он. — А ты ведь без кольчуги, верно?

Я хлопнул себя по груди. Он кивнул. Затем поднял руку сначала к левому плечу, потом к правому, отстегнул застежки панциря и сбросил его на землю. То же самое он сделал с наколенниками.

— Я давно мечтал встретиться с тобой. Я Борель. Не хочу, чтобы болтали, будто у меня были преимущества.

Борель… Это имя показалось мне знакомым. Я вспомнил. К нему хорошо относилась Дара. Он был ее учителем фехтования, мастером клинка. Однако, он довольно глуп, подумал я. Все это, конечно, было чрезвычайно благородно, но битва — не игра, и я не желал становиться легкой добычей какого-то самонадеянного осла, да еще тогда, когда чувствовал себя таким раздавленным.

— Наконец-то мы разрешим давно мучающий меня вопрос, — надменно заявил Борель.

Я ответил замысловатым ругательством и поскакал по дренажной канаве. Положение мое было крайне невыгодным — спина моя была открыта врагу. Он может догнать и зарубить меня. Или же все равно заставит драться. Но отступать я не собирался.

— Трус! — крикнул Борель. — Ты избегаешь честного боя. Может, ты уже совсем не тот великий воин, о котором я столько слышал!

Я не отвечал ему, но на скаку снял плащ. Затем скатился с коня на край канавы, который был мне по пояс. Мой конь поскакал дальше, а я двинулся навстречу Борелю. И, как только приставала поравнялся со мной, набросил ему на голову свой плащ и дал здоровенного пинка. А когда он вылетел из седла и свалился на землю, проткнул

его мечом как раз тогда, когда он, отбросив мой плащ, пытался привстать. Рана его занялась пламенем. И я увидел, как исказилось его лицо.

— О, как это низко! — воскликнул он. — Я полагал, что ты честный человек.

— Это не Олимпийские игры, — заметил я, стряхивая со своего плаща искры.

Затем я догнал своего коня и вскочил в седло. На это потребовалось несколько минут. Я двинулся на север. Холмы становились выше. Отсюда я увидел Бенедикта, он руководил сражением. Далеко в тылу я заметил Джулиана, командовавшего Арденнскими войсками. Бенедикт явно держал его в резерве.

Я держал путь навстречу грозе, темное с разноцветными радугами небо вращалось надо мной. Вскоре я добрался до подножья самого высокого холма и стал на него взбираться. Поднимаясь, я несколько раз останавливался и наблюдал за сражением. Я видел Дейдру в черных доспехах, размахивающую боевым топором. Льювилла и Флора были среди лучников. Фиону я не обнаружил. Жерара тоже не было видно. Затем я увидел Рэндома верхом на коне. Он размахивал тяжелым мечом и вел войска на вражескую высоту. Рядом с ним был рыцарь в зеленом. Он мне был незна-

ком. Этот воин так ловко размахивал палицей, что делал прямо-таки просеку в стане врагов. За спиной у него висел лук, а на бедре колчан блестел стрелами.

Гроза разразилась, когда я достиг вершины холма. Беспрерывно мерцали молнии, будто светилась дьявольская неоновая реклама. Дождь словно кипел вокруг. Передо мной животные и люди сплелись в объятиях незатихающей битвы. Над ними висело облако пыли. Но я видел сквозь него. И видел, что потеснить неприятеля не удается. Наступало время его контратаки. Вражеские воины приготовились в своих скальных гнездах и ждали только сигнала.

Я опоздал всего-навсего минуты на полторы. Вот сомкнулись ряды врагов. Вот хлынули они по склону, заставляя наши силы отступать. А из темной бездны прибывали все новые полчища. Наши бежали. А враги давили все сильнее. И когда мне стало казаться, что разгром неминуем, был отдан особый приказ. Я услышал, как трубит в рог Джулиан, а потом увидел и его самого. Он был на коне впереди воинов из Арденна. Его конница почти уравновесила противостоящие силы. Гул стоял невероятный, и разноцветное небо кружилось над нами.

Полчаса я наблюдал за боем, и было видно, как наши медленно отступали по всей линии фронта. Затем я увидел, как на отдаленном холме появился одинокий всадник на огненно-полосатом коне. Он держал наготове поднятый меч, острие которого было направлено на запад. На несколько минут он замер. Потом медленно опустил меч. Я услышал голос трубы на западе. Он прозвучал, но вначале ничего не произошло. Затем появилась шеренга кавалерии. Я удивился. Мне вдруг показалось, что впереди шеренги Бранд. Но потом я сообразил, что это Блейз вел свое войско, чтобы ударить по открывшемуся вражескому флангу. Наши больше не уступали. Они крепко держали свой строй. Блейз и его всадники продолжали атаковать, и было ясно, что Бенедикт снова одержал победу. Враг уже готов был к паническому бегству. Холодный северный ветер напомнил о грозе. Она все еще была здесь, рядом. Она набирала тьму, которую рассекали яркие молнии.

И я опять подумал, уж не прокатится ли она по полю, как аннигилирующая волна, — и тогда конец. Успеет ли вступить в действие с ней импульс Лабиринта? Пойдет ли за черной волной волна его сияния, восстанавливая смытый мир? Я начал сомневаться в этом. Если гроза разнесет

наши силы, ни о какой победе думать не придется. Потребуется энергия Камня, чтобы мы смогли одолеть стихию, а потом ждать, когда все восстановится. А вдруг мы не дрогнем перед грозой. Я терялся в догадках.

Так в чем же заключался план Бранда? Чего он ждал? На что надеялся? В который раз я оглядел поле брани. В затаенном месте, где враг приводил свои ряды в порядок и получал подкрепление, происходило что-то странное. Но что это? Крошечная вспышка яркого света! Появилась и погасла. Я был уверен, что это не показалось мне. Она должна повториться. Я не отводил глаз от того места. Я должен увидеть и засечь ее. Прошла минута. Может быть, две.

И вот новая вспышка. Я развернул своего коня. Похоже, предоставилась возможность обойти вражеский фланг и подняться на ту, по-моему, никем не занятую высотку. Я поскакал во весь опор. Это, должно быть, Бранд упражняется с Камешком. Он выбрал неплохое, безопасное место, с которого виден и весь бой, и фронт приближающейся грозы. Оттуда он мог руководить потоком, владычествовать над молниями, направляя их на наши войска. В нужный момент он велит своим отступать и направит на нас страшное неистов-

ство грозы. А затем отведет ее в сторону, чтобы она не задела тех, на чьей стороне он воюет. В данных обстоятельствах это было самым простым и эффективным применением магической силы Камня. Что ж, мне придется поспешить. Ведь моя власть над Камнем гораздо больше. Но он висит у него на груди. А я от него пока что далеко. А с расстоянием моя власть над Камнем уменьшается. Самое разумное было броситься на Бранда в открытую. Оказаться в диапазоне влияния на Камень. Перетянув управление над ним на себя. И использовать его против самого Бранда. Но он мог прихватить с собой телохранителя. И борьба с этим третьим отняла бы много времени, которого у меня не было. И еще. Ведь Бранд в любую минуту мог телепортировать себя в другое место. И быть уже настороже, Тогда — ищи ветра в поле. Начинай новую охоту. Добирайся до нового холма. А его уже и там нету. Я обдумывал, как наверняка перехитрить его и захватить Камень. Ничего толкового я придумать не мог, но решил попытать счастья.

План, конечно, у меня был. Не из лучших, но единственно возможный. Строить тонкие замыслы, хитрые козни, изобретать коварные интриги — на это не было времени. Уже в пути

я увидел, что к высотке скачу не только я. Рэндом, Дейдра и Фиона в сопровождении восьми всадников прокладывали себе дорогу через вражеские ряды. А за ними скакал отряд воинов, И я не мог определить, наши сопровождают их или же это вражеская погоня. Я никак не мог узнать скачущих позади. Мне было ясно, зачем наш небольшой отряд направляется к высотке. Ведь среди них была Фиона. На сердце мое упало несколько капель надежды. Она умеет нейтрализовать необычную способность Бранда, при ней он не сможет стать невидимкой, Я пригнулся к шее коня и стал торопить его. Небо продолжало вращаться. Вокруг свистел ветер. Почти за хвостом моего коня великолепно громыхнуло, но я даже не оглянулся. Нельзя, думал я, чтобы они попали туда раньше меня. Но они шли так быстро, что я боялся все-таки не догнать их. Если бы только кто-нибудь из них догадался, обернуться и увидел бы, что я скачу за ними, они, конечно же, подождали бы меня. Но они не оборачивались. Как же известить их, что я тут, рядом. Проклятое место — и Карты тут не действуют. Я стал кричать им вслед. Но ветер относил в сторону мои слова, а гром заглушал их.

— Поживее, дохлая кляча! — орал я на коня и

тут же продолжал. — Эй, постойте же, черт побери! Это я, Корвин!

Но никто не слышал меня, никто не оглядывался.

Я проскакал мимо ближайших ко мне схваток и помчался вдоль вражеского фланга вне досягаемости стрел. Враг отступал теперь стремительней, и наши войска занимали большую территорию. Это было явно предусмотрено заранее. И Бранд, видимо, выбирал мгновение, чтобы нанести удар. Часть неба уже покрыла черная туча, которая еще минуту назад не висела над полем. Я свернул направо и позади отступающих врагов поскакал к холму, на который уже взбирались мои родичи. Небо продолжало темнеть, когда я добрался к его подножию. Я боялся за своих. Они слишком быстро подходили к Бранду, он наверняка что-то предпримет, если Фиона не обезопасит его.

Конь встал на дыбы, и я был сброшен наземь. Ослепительная молния ударила прямо передо мной. Гром прогремел раньше, чем я коснулся земли. Несколько минут я пролежал оглушенный. Конь отбежал в сторону метров на пятьдесят. И теперь бегал испуганно по кругу. Я посмотрел на склон. Другие всадники тоже были выбиты

из седла. Их явно поразило этим же разрядом. Одни уже пытались встать, другие лежали без движения. Но никто еще не поднялся. А над ними я увидел красное сияние Камня и темный силуэт того, кто держал его в руке. Я осторожно пополз вперед. Надо было уйти из поля зрения человека, стоящего на холме, а потом уже встать. На это ушло очень много времени. Но ничего не поделаешь. Необходимо держаться подальше от всей группы. Он наверняка сосредоточил внимание на них. Я проделывал свой маневр осторожно, медленно, используя каждое прикрытие. Я гадал, скоро ли ударит новая молния. Если нет, значит он обрушил магическое действие на наших солдат. Теперь это можно сделать в любую секунду. Я оглянулся и увидел, что наши силы расположены на той стороне поля, а враг быстро отходит, и все его войско уже собралось на этой. Человеку с Камнем скоро придется побеспокоиться и о них. Я добрался до канавы и теперь полз по ней. Выбравшись из нее, я воспользовался, как укрытиями, небольшой возвышенностью и несколькими валунами. Когда я поднял голову, чтобы оценить ситуацию, то не смог больше разглядеть сияние Камня. Он светился из расщелины, край которой загородил от меня человека, который его держал.

Я продолжал ползти по самому краю скалы над бездной. Там, где место показалось мне более безопасным, я попытался встать. Я ждал новой молнии, нового грома, но ничего такого не было. Что же случилось? Почему не действует человек с Камнем. Я потянулся, пытаясь определить присутствие Камня, но не смог уловить его пульсации. Я поспешил к месту, где было заметно свечение. Но сначала глянул в бездну — нет ли опасности оттуда. Я вытащил свой меч и стал взбираться на вершину скалы. И вот я там, где стоял этот человек. Красного пылания не было. Темная фигура тоже исчезла. Каменная ниша была, по всей вероятности, пустой. Поблизости не было ничего подозрительного. Не мог ли он снова телепортироваться? А если так, то зачем? Ведь все пока что складывалось в его пользу. Я обошел всю возвышенность и снова попытался ощутить Камень. На этот раз слабый контакт получился. Кажется, он был где-то справа и выше меня.

Бесшумно и осторожно я стал красться в ту сторону. Меня мучил один и тот же вопрос: почему он покинул свое укрытие? Это было отличное место для его черных замыслов. В чем же дело? Я двигался вверх и вправо. Внезапно я услышал одновременно крик и проклятие. Никого не было

видно, но слышно было, что говорят двое. Со всех ног я бросился туда. Что же там случилось?

Я пробежал мимо ниши и увидел тропу, которая, петляя, поднималась вверх. Впереди я никого не видел, но мое ощущение Камня усилилось. Я услышал шаги справа, резко повернулся, но там никого не было. И Камень в том направлении не ощущался, поэтому я побежал дальше, туда, где, как мне казалось, он должен находиться.

Когда я приблизился к возвышенности с висящей за ней черной каплей Хаоса, я снова услышал взволнованные голоса. Подойдя к гребню, я замедлил шаги и, пригнувшись, выглянул из-за скалы. Почти рядом со мной стоял Рэндом. Тут же были Фиона и лорды Чантрис и Фельдейн. Мужчины держали оружие так, словно готовы были пустить его в ход. Но пока они стояли неподвижно и, затаив дыхание, смотрели на скальный карниз, за которым начиналась бездна. До него было метров пятнадцать. Там стоял Бранд, державший перед собой Дейдру. Она была без шлема. Волосы ее развевались. И он приставил к ее горлу клинок. Похоже, что Бранд даже слегка порезал ее. Я в ужасе отшатнулся и слышал, как Рэндом тихо спросил:

— Ты больше ничего не можешь сделать, Фи?

— Я могу удержать его здесь. Я могу ослабить его власть над грозой. Это все. Ведь он хоть немного, но все же настроен на Камень, а я — нет. Ему помогает также близость Камня — он у Бранда на груди. Так что он будет противостоять всему, что я могу сделать против него.

Рэндом закусил нижнюю губу.

— Сложите оружие! — крикнул Бранд. Сделайте это немедленно или Дейдра умрет.

— Только попробуй убить ее, — ответил ему Рэндом. — И ты потеряешь единственный шанс на спасение. Только сделай это, и я покажу тебе, как я складываю оружие!

Бранд что-то пробормотал, а потом угрожающе крикнул:

— Ладно, тогда я начну резать ее по частям.

— Если можешь напугать нас, — придумай что-нибудь получше. А нет — заткнись и выходи на поединок.

Бранд не двигался. Я подумал, что мне пока лучше оставаться незамеченным. Должно быть, появится какая-нибудь возможность и мне войти в игру. Я изучал местность. Слева от меня лежала груда камней, но они были далеко и добраться до них незамеченным просто невозможно.

— По-моему, нам придется рискнуть и бросить-

ся на него. Не вижу другого выхода. А вы? — спросил Рэндом.

Прежде чем ему ответили, произошла странная штука — день начал светлеть.

Я посмотрел вокруг, пытаясь найти источник света. Потом посмотрел в зенит.

Тучи еще были на месте. Небо по-прежнему выкидывало свои сумасшедшие фокусы. Но тучи светились. Они пылали, словно через них проглядывало солнце.

— Что это он еще затеял? — спросил Чантрис.

— Мне кажется, ничего, — заметила Фиона. — По-моему, это не его рук дело.

— Тогда чьих?

Я не расслышал ответа.

Я следил, как тучи становятся все ярче. Самая большая и яркая из них закружилась, словно ее взболтали миксером! Внутри нее метались какие-то силуэты. Контуры начали сдвигаться, и туча стала принимать определенную форму. Внизу, на поле, стих гул битвы.

Гроза онемела. В небе возникало видение. Что-то формировалось над нашими головами. Казалось, в центре небес проступали черты огромного лица.

— Сказано же тебе, я не знаю, — долетел до

меня голос Фионы.

И прежде чем туча закончила свои преобразования, я понял, что в небе лицо моего отца. Да, здорово он придумал! Но что это значит!

Отец повел глазами, словно оглядывал всех нас. Лицо его было озабоченным. Яркость возросла еще больше. Губы огромного лица шевельнулись. Когда же отец заговорил, голос его был самым обычным, а мне казалось, что он будет подобен грому.

— Я отправляю вам это послание, — произнес отец, — перед тем как начать ремонт Лабиринта. Когда вы его получите, я уже выполню то, что задумал, или же потерплю неудачу. Послание это будет предшествовать волне Хаоса, которую вызовет моя попытка. Мне кажется, эти усилия убьют меня. У меня есть причины так думать.

Его глаза быстро оглядели поле битвы.

— Радуйтесь или печальтесь, — продолжал он, — кому как нравится. Потому что это или начало, или конец. Я отправлю Камень Правосудия Корвину, как только перестану пользоваться его силой. Потому что именно Корвину я поручил донести Камень до места сражения. Все ваши усилия будут напрасны, если вам не удастся отвести волну Хаоса. Но Корвин с помощью Камня сумеет

уберечь вас от этой всепоглощающей стихии.

Я услышал смех Бранда. Сейчас он казался безумцем.

— Когда я уйду, — продолжал отец, — кто-то из вас станет моим наследником. У меня были на этот счет свои пожелания. Но теперь я вижу, что они были напрасными. Выбора у меня нет. Это решение принесет вам Единорог на своем роге. Дети мои, не могу сказать, что я полностью доволен вами. Полагаю, это взаимно. Да будет так! Я оставлю вас с моим благословением, и, поверьте, оно не формально. А теперь я иду в Лабиринт. Прощайте!

Затем его лицо начало таять. Яркость вытекла из тучи. Прошло еще немного времени, и оно исчезло. Поле будто застыло.

— Как видите, — услышал я Бранда, — у Корвина Камня нет. Бросайте оружие и убирайтесь отсюда ко всем чертям! Или можете оставить его при себе, но все равно убирайтесь. Оставьте меня в покое. У меня много дел!

— Бранд, ты можешь сделать то, что он завещал Корвину? — спросила Фиона. — Можешь ты воспользоваться Камнем, чтобы заставить эту грозу миновать нас?

— Мог бы, если бы взялся за это дело, — про-

бурчал он. — Конечно, я мог бы отвести ее в сторону.

— Ты будешь героем, если сделаешь это, — мягко сказала Фиона. — Ты заслужишь нашу благодарность, и все твои ошибки и заблуждения будут забыты и прощены. Мы…

Бранд дико захохотал.

— Ты просишь меня? — глумился он. — Это ты, которая оставила меня в той башне? Ты, которая всадила мне в бок нож? Спасибо тебе, сестренка. Это очень любезно с твоей стороны — просить меня. Но извини брата своего, если он откажется выполнить твою просьбу.

— Ладно, — вмешался Рэндом. — Так чего же ты все-таки хочешь? Извинений? Сокровищ? Высокого поста? Или всего этого вместе? Так и быть, ты получишь все. Давай закончим эту глупую игру и отправимся домой, притворившись, что все это было дурным сном.

— Давайте! Давайте покончим! — откликнулся Бранд. — Только первый шаг за вами. Бросайте оружие. Потом Фиона освободит меня от своих чар. Вы сделаете поворот кругом — и на север, шагом марш! Делайте это, иначе я прикончу Дейдру.

— Тогда, я думаю, тебе лучше не медлить с этим.

Но потом ты будешь драться со мной! — ответил Рэндом. — Потому что она все равно умрет, если мы позволим тебе поступить по-своему. Мы все тогда умрем.

Бранд снова рассмеялся.

— Вы что, всерьез думаете, что я позволю вам умереть! Ни в коем случае. Я нуждаюсь во всех, кого смогу спасти. Будем надеяться, и Дейдру тоже. Вы — единственные, кто сможет оценить мой триумф. Я сохраню вас, несмотря на то всеобщее разрушение, которое вот-вот начнется.

— Я тебе не верю, — ответил Рэндом.

— Тогда подумай хорошенечко надо всем этим. Ты знаешь меня хорошо. И прекрасно понимаешь, что я хочу ткнуть вас всех в мой выигрыш носом. Вы мне необходимы, как свидетели того, что я сделаю. Мне хочется, чтобы вы находились в том мире, который сотворю я. Но это потом. А теперь убирайтесь отсюда.

— Ты будешь иметь все, — начала снова Фиона, — кроме того, нашу благодарность, если только…

— Вон отсюда!

Я понимал — медлить больше нельзя. Мне нужно было сделать свой ход, хотя я и знал, что не смогу вовремя и незамеченным добраться до

него. Но выбора у меня не было, мне оставалось только попытаться использовать Камень против него самого. Я потянулся и ощутил связь с Камнем. И, закрыв глаза, стал управлять магической его силой.

— Горячо! Горячо! Он жжет тебя, Бранд. Он заставляет каждую молекулу твоего тела вибрировать все быстрее и быстрее. Ты сейчас запылаешь. Еще немного, и ты превратишься в факел.

Раздался вопль Бранда.

— Корвин! — Взревел он. — Прекрати это! Где бы ты ни был. Я убью ее! Смотри!

Все еще приказывая Камню жечь его, я выпрямился и бросил на него бешеный взгляд через разделяющее нас пространство. Его одежда начала тлеть.

— Прекрати! — опять завопил он. И резанул Дейдру клинком по лицу. Я пронзительно закричал и перед глазами у меня все поплыло. Я потерял контроль над Камнем, а Дейдра, щека которой кровоточила, вонзила зубы в его руку, когда он попытался опять ударить ее ножом. Затем ее рука высвободилась, она ударила его локтем в бок и попыталась вырваться.

И тут мелькнула серебряная молния. Бранд

охнул и выпустил кинжал. Стрела вонзилась ему в глотку. За ней последовала вторая и ударила его в грудь немного правее Камня. Он издал булькающий звук и сделал шаг назад, но позади была пропасть. Злая гримаса исчезла с его лица. Глаза широко раскрылись. И он начал заваливаться. Затем, уже падая, он, видимо, чтоб удержаться, схватил за волосы Дейдру. Я бежал к ним, я вопил, что было сил, но понимал, что не успею и ничем не смогу помочь сестре. Дейдра вскрикнула, залитое кровью лицо исказилось ужасом, она тянула ко мне руку… Затем Дейдра и Бранд с Камнем, окончательно потеряв равновесие, рухнули в бездну и исчезли.

Помню только, что я пытался броситься за ними следом. Но Рэндом схватил и удержал меня от этого. Ему пришлось даже ударить меня, и все смешалось передо мной. Когда я пришел в себя, я лежал на плоском камне, немного дальше от того места, где я потерял сознание. Кто-то свернул плащ и подложил его мне под голову. Первое, что я увидел — это небо, кружащееся надо мной. Оно напомнило мне сон о колесе, приснившийся в тот день, когда я встретил Дару. Я сознавал, где я, слышал, о чем говорят, но головы не поворачивал. Я лежал и смотрел в небеса, думая о гибели Дейдры.

Грех говорить, но она значила для меня больше, чем все мои родственники вместе взятые. Я ничего не мог поделать с этим чувством. Сколько раз я желал, чтобы она не приходилась мне сестрой. И в конце концов смирился с этим, но знал, что чувства мои к ней никогда не изменятся, но…

И вот ее нет. Эта потеря значила для меня больше, чем неминуемое уничтожение целого мира.

И все же я должен был увидеть, что происходило вокруг. С исчезновением Камня надежда на спасение пропала. И все же… Я потянулся, пытаясь ощутить его присутствие. К сожалению, ничего не произошло. Тогда я поднялся и глянул, как далеко продвинулась волна Хаоса.

Чья-то рука легла на мое плечо.

— Отдыхай, Корвин, — послышался голос Рэндома. — У тебя такой вид, словно ты прошел через ад. Теперь ты ничего уже не сможешь сделать. Так что будь поспокойней.

— Какая разница, как я себя чувствую? — буркнул я.

Я снова попытался встать, и на этот раз рука Рэндома помогла мне.

— Ладно, — сказал он, — тебе надо увидеть все это самому.

Полагаю, он был прав. Бой в основном закон-

чился. Только в отдельных местах враг еще сопротивлялся, но и там он был окружен. Неприятеля убивали или брали в плен, и все двигались в нашем направлении, отходя перед волной, занявшей уже противоположную часть поля. Я посмотрел, что же происходило позади нас. Там было пусто. Никаких новых отрядов для подкрепления своих войск цитадель больше не посылала. Мы все могли бы спрятаться в ней, когда черная волна доберется наконец до нас. Бездна, поглотившая Дейдру, казалась ответом на все. «Скоро, — прошептал я, думая о Дейдре. — Скоро. Почему бы и нет?»

Я следил за грозовым фронтом — кипящим, сверкающим, трансформирующимся. Да, совсем скоро.

— Бранд, — с трудом проговорил я. — Кто же в конце концов покончил с ним? Чьи это были стрелы?

— На эту честь претендую я, — ответил знакомый голос, хотя я и не мог вспомнить, где и когда я слышал его.

Я повернулся и уставился на говорящего. Человек в зеленых доспехах сидел на коне. Его лук и колчан лежали рядом на земле. Он сверкнул злой улыбкой. Это был мой брат Каин.

— Провалиться мне на этом месте, — воскликнул я, — забавный случай произошел со мной, когда я ехал на твои похороны. Не веришь?

— Ладно. Я слышал об этом. — Он рассмеялся. — Ты когда-нибудь убивал себя, Корвин?

— В последнее время не доводилось. А как тебе удалось это сделать?

— Прогулялся в нужное Отражение, подстерег там отражение самого себя, — объяснил он. — И обеспечил труп. — Он содрогнулся. — Жуткое ощущение. Одно из тех, которое я не хотел бы пережить еще раз.

— Но зачем? — Не унимался я. — Зачем это нужно — подделывать свою смерть, чтобы обвинить в убийстве меня?

— Я хотел добраться до корня всех бед Амбера. А потом выкорчевать его. И я решил, что для этого лучше всего кануть в неизвестность. Лучше способа исчезнуть, чем выставить напоказ свой труп, и не придумаешь. И, как видишь, я достиг цели. В конце концов я пришел вовремя. Я, конечно, сожалею, что погибла Дейдра. Но выбора не было. Это был наш единственный и последний шанс. Я, действительно, не думал, что он прихватит ее с собой.

Я отвел взгляд в сторону.

— У меня не было выбора, — повторил он. — Я надеюсь, ты это видел?

Я кивнул.

— Но почему тогда тебе понадобилось создать видимость, что прикончил тебя я?

Тут подошли Фиона и Блейз. Я кивнул им и опять повернулся к Каину, ожидая, что он ответит. Блейза я тоже хотел кое о чем спросить, но этот вопрос мог и подождать.

— Ну? — не терпелось мне.

— Я хотел убрать тебя с дороги. Я все еще думал, что за всем этим стоишь ты. Ты или Бранд. Вот так я сузил список подозреваемых. Я думал даже, что вы сообщники, раз он хотел привезти тебя обратно.

— Ты неправильно все это понял, — вступил в разговор Блейз, — Бранд пытался удержать его подольше. Он знал, что к нему возвратилась память, и…

— Теперь-то мне ясно, — ответил Каин, — но в то время это выглядело так, как я сказал. И я хотел вернуть Корвина в темницу, пока не найду Бранда. Я тогда затаился и слушал по Картам, о чем говорил каждый, надеясь из этих разговоров узнать, где же мне искать Бранда.

— Вот об этом и говорил отец, — сказал я.

— Отец? — спросил Каин.

— Он предполагал, что кто-то подслушивает Карты.

— Не понимаю, как он мог об этом знать? Я научился быть при этом совершенно пассивным. Я приучил себя сдавать их, едва прикасаясь к ним. И затаившись, ожидал появления. Когда оно возникало, я перемещал свое внимание на говорящих. Вызывая вас по одному, я обнаружил, что иногда могу проникать в ваши мысли. Это случалось тогда, когда вы сами не пользовались Картами. И еще вас должно было в этот момент что-то отвлекать. И я ни в коем случае не должен был показывать своего отношения к тому, что сообщили мне ваши мысли.

— И все же он узнал, — повторил я.

— Это вполне возможно, — подтвердила Фиона, и Блейз кивнул. Рэндом подошел поближе.

— Что ты имел в виду, когда спросил про бок Корвина? — поинтересовался он. — Как ты мог знать даже об этом, если не...?

Каин кивнул. В отдалении я увидел Бенедикта и Джулиана. Они обращались к своим воинам.

— Ты? — потрясенно спросил я Каина, — это ты ударил меня ножом?

— Выпей, Корвин, — Рэндом передал мне флягу

с разбавленным вином.

Я глотнул. Меня мучила жажда, но, сделав несколько глотков, я остановился и попросил.

— Да, расскажи мне об этом.

— Хорошо. Когда я узнал из мыслей Джулиана, что ты вернул Бранда в Амбер, я решил, что прежняя моя догадка оказалась верной. Вы, думал я, оба участвовали в этом. Значит вас надо уничтожить обоих. Ночью я воспользовался Лабиринтом, чтобы проникнуть в твои покои. Я хотел убить тебя. Но ты каким-то образом ускользнул по Карте.

— Черт бы побрал твои глаза и уши! — выругался я. — Если ты читал наши мысли, как же ты мог не понять, что я не тот, кого ты ищешь?

— Я мог уловить только самые непосредственные мысли. И даже это получалось не всегда. Я слышал твое проклятье, Корвин. И оно сбылось. Ты был опасен. Вот я и решил убрать тебя и Бранда. Я понимал, что он может натворить, еще до твоего возвращения. Но в те времена я не мог добраться до него из-за Жерара. А Бранд в это время становился все сильней. Позже я предпринял еще одну попытку, но и она сорвалась.

— Когда это было? — спросил Рэндом.

— Это была та самая попытка, когда все подумали, что покушался на него ты, Корвин. Я не хотел

раскрываться на тот случай, если он отделается легким ранением. Было бы нежелательно, если б, выжив, он знал, что я действую. Я воспользовался Лабиринтом, чтобы спроецировать себя в его покои, и попробовал его прикончить. Мы оба были ранены. Пролилось много крови. Но он сумел удрать по Карте. И вот недавно я вступил в контакт с Джулианом и присоединился к нему в этой битве. Я знал, что Бранд обязательно должен был появиться здесь. Я сделал несколько стрел с серебряными наконечниками, так как был уверен, что он не такой, как мы. Я хотел убить его быстро, стрелять в него решил издали. Я искал его долго и, наконец, нашел. Все убеждали меня, что я заблуждаюсь, подозревая и тебя. Так что, полагаю, твою стрелу использовать не придется.

— Премного благодарен.

— Возможно, мне нужно даже извиниться перед тобой.

— Это было бы просто трогательно.

— С другой стороны, я думаю, что, даже ошибаясь, поступал честно. Я делал это, чтобы спасти остальных.

Я так и не дождался извинений Каина. Когда он уже был готов сделать это, какие-то трубы заставили вздрогнуть весь мир.

Неведомо откуда раздался пронзительный звук. Мы заметались, стараясь увидеть, кто это так мощно трубит.

Каин приподнялся и указал:

— Вон там!

Мы глянули туда, куда он показывал. Занавес грозового фронта был разорван на северо-западе — из него вырвалась Черная дорога. Там скакал призрачный всадник на черном коне. Он трубил в свой рог. Через некоторое время мы услышали, что он опять трубит. А чуть позже из грозовой стены выехали еще два призрачных трубача. Они тоже скакали на черных конях. Двое новых присоединились к первому.

— Кто это может быть? — недоумевал Рэндом.

— А я, кажется, догадываюсь, — произнес Блейз, и Фиона кивнула, показывая, что и она тоже догадывается.

— Так кто же это? — спросил я.

Но мне никто не ответил. Всадники ехали по Черной дороге. А из полога грозы появились новые и скакали вслед за ними.

Я молча наблюдал за происходящим. На высотах и в долине царило великое безмолвие. Все замерли и смотрели на процессию. Даже пленники из Двора Хаоса, окруженные стальным

заслоном, смотрели на удивительную процессию. Возглавляемые бледными трубачами, ехали всадники на белых конях, и над ними развевались знамена. Не все стяги были мне знакомы. Но впереди процессии скакал некто, и над ним реял Амберский штандарт с Единорогом. За ними следовали музыканты. Некоторые из них играли на инструментах, которых я никогда не видел. За музыкантами маршировали рогатые человекообразные существа в светлых доспехах, длинные колонны их дышали первобытной силой. Каждый двадцатый нес пылающий факел и держал его высоко над головой.

До нас докатился ритмичный гул, который сливался со звуками труб и прочих инструментов. И я вдруг понял, что это поют солдаты-пехотинцы.

Прошло немало времени, пока эта громада прошествовала по черному пути, по дороге, идущей издалека, но никто из нас не проронил ни единого слова. Зачарованные, смотрели мы на призрачные шеренги. Они прошли с факелами, знаменами, трубами и песней, подошли к краю бездны и продолжали идти по невидимому продолжению дороги, и факелы освещали им путь. Музыка стала громче, хотя они были далеко от нас. И было слышно, что тех, кто поет, становится

больше. Все новые и новые полки выходили из-за сверкающего молниями грозового занавеса. Гром не мог заглушить голоса поющих. Движение действовало на всех гипнотически.

Мне показалось, что я наблюдаю за этим парадом бесконечно долго, возможно, месяцы, возможно, годы, слушая этот мотив, который неожиданно оказался мне знакомым.

Потом сквозь грозу стали прорываться к нам драконы. Сначала один, потом еще, еще. Они были зелено-золотисто-черные, как старое железо. Я наблюдал, как они летят, подхваченные ветром, и выпускают из пастей яркие языки пламени. Позади них сверкали молнии — это были огромные и яркие сполохи.

Под драконами прошло стадо белых коров и буйволов, топча копытами и мыча. Их сопровождали всадники, щелкавшие длинными черными бичами. Затем прошла колонна звероподобных существ из Отражений, с которыми Амбер имел торговые связи. Когтистые, покрытые чешуей, они с трепетным чувством играли на инструментах, напоминающих волынки. Они прошли, и опять появились факелоносцы, а за ними солдаты с белыми цветами. Мы смотрели, как они проходят перед нами и исчезают в темном небе,

куда их ведет перекинутая через миры дорога. Сияющая миграция светлячков. Появившись из грозы, они пропадали в черной неприступной цитадели, которая называлась Двором Хаоса. Шествию не было конца. И, потеряв счет времени, мы продолжали наблюдать за ним. Но, странное дело, пока они шли, гроза стояла на месте. Я настолько был поглощен этим удивительным зрелищем, настолько растворился в нем, что на какое-то время даже забыл о себе самом, утратив ощущение личности. Я понимал, что такое событие больше никогда не повторится.

Над нами пролетали существа, излучающие сияние, а высоко в небе летели их черные собратья. Приглядевшись к летящим, я стал различать прозрачных барабанщиков, сотворенных из прозрачного света. Потом увидел стаю летающих машин. Вслед за ними по небу проплыли всадники в черном, которые оседлали различных зверей.

Дышали огнем драконы. Музыка, топот, гром барабанов, звуки труб — все это слилось в могучую звуковую волну, омывающую всех нас.

Когда я оглядел эти шеренги, из-за сверкающего занавеса выехала колесница, которую влекли два черных коня. В каждом углу ее торчал посох,

пылающий голубым огнем. В колеснице был гроб, завернутый в наш флаг с Единорогом. Возницей был горбун, облаченный в пурпурно-оранжевые одежды. Даже издали я узнал в нем Дворкина.

— Значит, вот как все кончилось, — думал я, мысленно разговаривая с отцом. — Не знаю, почему, но есть какая то закономерность в том, что сейчас ты возвращаешься на свою родину. Как много мог я сказать тебе, когда ты был жив. Но сказано было очень мало. Теперь же все кончено — ты мертв. Так же мертв, и так же уходишь в это место, как все, кто ушел туда до тебя. Жаль, что я узнал тебя слишком поздно. И слишком поздно стал уважать тебя и испытывать к тебе симпатию, только тогда, когда ты принял другое лицо и облик. Хотя и в этом образе ты продолжал оставаться старым хитрецом. Было ли ганелоновское «Я» твоей настоящей сутью? Или же ты, старый лукавец, принимал его просто ради удобства?

Я никогда не узнаю, когда видел тебя настоящего. Мне хотелось бы верить, что тот, кого я узнал в конце, к кому отношусь с симпатией, кому мог доверять, — это и был ты истинный. Я хотел бы узнать тебя получше. Но и за то спасибо, что хоть в конце ты явился мне таким.

— Отец? — тихо спросил Джулиан.

— Он сам пожелал этого. Он хотел, чтобы, когда придет время, его отвезли во Двор Хаоса — в окончательную тьму, — сказал Блейз, — за пределы Хаоса и Амбера, туда, где никто не царит. Так мне говорил Дворкин.

— Так оно и есть, — подтвердила Фиона. — Но есть ли теперь порядок за той стеной, через которую они прошли? Или эта гроза будет продолжаться вечно? Если он успел восстановить Лабиринт, это в конце концов кончится, и мы спасены. Если нет…

— Это уже не имеет значения, — вмешался я, — успел он или нет. Потому что это удалось мне.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Фиона.

— Я думаю, он потерпел неудачу, — объяснил я. — Видимо, он был уничтожен до того, как сумел закончить свою работу, Когда я увидел эту грозу, я понял, что никак не успею принести сюда Камень, который отец отправил со мной. Кроме того, Бранд всю дорогу пытался отнять его у меня. Может, именно из-за этого я и решился. Если я не успеваю, то единственный выход — создать новый Лабиринт. И я создал его, хотя это было очень трудно. Мир должен удержаться, даже если мы и погибнем. Нельзя допустить всеобщего распада. Бранд отнял у меня Камень, когда я уже

завершил работу. Но я воспользовался энергией нового Лабиринта и спроецировал себя сюда. И что бы там ни произошло, Лабиринт существует.

— Но, Корвин, твоя работа не зачеркивает отцовскую. А что, если и он завершил ее?

— Не знаю.

— Я так понимаю, — сказал Блейз. — да мне об этом и Дворкин говорил, два различных Лабиринта не могут существовать в одной вселенной. Те, что в Ребма и Тир-на Ног-та не в счет. Они ведь только Отражение нашего.

— Ну, а если мы оба добились успеха, что может произойти? — спросил я.

— Я думаю, то, что есть, должно расколоться. Где-то появится новое существование.

— Как же это повлияет на наш мир?

— Или катастрофа или ничего, — сказала Фиона. — Очень просто доказать и то, и другое.

— Но мы возвратились туда, откуда начали, — произнес я. — Или все развалится, или останется прежним?

— Все возможно, — согласился Блейз.

— Какое это все имеет значение, — продолжал рассуждать я, — если нас все равно не станет после того, как эта волна доберется до нас. А она доберется.

Я снова посмотрел на похоронную процессию. За колесницей следовали всадники. Дальше маршировали барабанщики. Затем факельщики и длинные ряды пехотинцев. Пение все еще доносилось, хотя процессия была уже далеко и скоро должна была добраться до темной цитадели.

— Я так долго ненавидел тебя, столь долго винил. Теперь ничего от этих чувств не осталось. Ты хотел, чтобы я был королем. Но я не гожусь для этой работы. Теперь я знаю, что все-таки что-то значил для тебя. Никогда никому не расскажу об этом. Достаточно того, что это знаю я. Твой образ уже теряет четкость в моем сознании. Я вижу лицо Ганелона там, где должно быть твое. Оказывается, ты меня любил, ты рисковал ради меня головой. А мне казалось, что Ганелон. Он был тобой, но другим тобой — тем, которого я не принимал. Сколько жен и врагов ты пережил? Много ли у тебя было друзей? Думаю, нет. Никогда не верил, что увижу тебя отошедшим в другой мир.

Ганелон, отец, старый друг и враг, я прощаюсь с тобой. Ты сохранил свою тайну. Покойся с миром, если такова твоя воля. Я даю тебе эту увядшую розу, пронесенную мною через ад, бросаю ее в бездну. Я буду скучать по тебе…

Наконец, долгое шествие подошло к концу,

последние марширующие вышли из-за занавеса и двинулись прочь. Молнии все еще сверкали, дождь все еще лил, гром все еще гремел. Но ни один участник процессии не выглядел промокшим. Я стоял на краю бездны, наблюдая за ними. На моем плече лежала рука Фионы. Сколько времени она была там, я не знаю. Когда процессия прошла, гроза двинулась на нас снова. Под кружащимся небом в воздухе сгустилась тьма. Я дрожал, тело мое изнемогало от усталости, я еле держался на ногах.

— Пойди приляг, — сказала Фиона, — Надо себя поберечь. Наша семья и так заметно сократилась за сегодняшний день.

— Сколько у нас, по-твоему, времени?

— Мы не обязаны оставаться здесь и ждать грозы. Мы перейдем через темный мост во Двор. Может, она туда не доберется, а остановится тут, у бездны. Как бы там ни было, нам нужно проводить отца.

Я кивнул.

— У нас нет другого выбора, надо испить чашу до конца.

Я улегся и вздохнул. Еще никогда я не чувствовал себя таким слабым.

— А сапоги? — спросила Фиона.

— Снимай.

Она стянула их, и я почувствовал, как ноют мои ступни.

— Спасибо.

— Надо достать для тебя еды.

Я закрыл глаза и тут же задремал. Мне снился какой-то несвязный сон — слишком много событий, лиц и явлений, нагромождалось друг на друга в моем сознании. Не знаю, сколько это продолжалось, но, услыхав стук копыт, я проснулся — сработал старый рефлекс. На мои веки легла чья-то тень. Я открыл глаза и увидел закутанного в плащ всадника, молчаливого и неподвижного, с лицом, закрытым капюшоном. Он не сделал ни одного угрожающего жеста, не произнес ни одного сердитого слова, но глаза его светились неприязнью.

— Вот лежит герой, — произнес мягкий голос.

Я узнал этот голос и удивился, почему та, кому он принадлежит, так ненавидит меня.

— Я наткнулась на Бореля, прежде чем он умер, — продолжала она. — Он рассказал мне, как подло ты взял над ним верх.

Сухой смешок рвался из моего горла, и ничего нельзя было с этим поделать. Я, конечно, мог бы рассказать ей, что Борель был намного лучше во-

оружен, чем я, что он был свеж, а я едва держался на ногах. И что он, а не я, навязал этот поединок. Я мог сказать, что не признаю правил, когда на кон поставлена моя жизнь, и не только моя. Что не считаю войну игрой. Я мог бы многое ей сказать. Но стоило ли? Она или не знала еще всего этого, или просто не хотела понимать. В любом случае разговор становился бессмысленным. Поэтому, не вдаваясь в подробности, я высказал одну из великих истин:

— На все, что происходит, существует несколько точек зрения.

— Я выбираю свою, — ответила она.

Я хотел было пожать плечами. Но они у меня слишком болели.

— Ты стоил мне двух самых дорогих в моей жизни людей.

— Я сочувствую тебе, Дара.

— Ты не тот, за которого я тебя принимала. Я видела в тебе благородного человека — сильного, все понимающего, нежного. Мне казалось, что ты рыцарь Чести.

Гроза придвинулась ближе, я видел ее за спиной Дары. Я вдруг почувствовал к ней нежность и сказал об этом. Она сделала вид, что не слышит меня.

— Я ухожу, — сказала Дара, — к своему народу. Сегодня вы одержали победу. Но Амбер находится вон там, — и она указала в сторону грозы.

Я глядел, не отрываясь, нет, не на бушующую стихию — я смотрел на Дару.

— Я сомневаюсь, чтобы там осталось что-то, — продолжала она. — Так что моя верность уже ни к чему. Я ни от чего не отрекаюсь.

— А как же с Бенедиктом? — мягко спросил я.

— Не… — начала она и отвернулась. Затем, помолчав, сказала:

— Я не верю, что мы когда-нибудь встретимся.

И конь понес ее в сторону Черной дороги. Только циник мог подумать, что она приняла сторону того, кто уцелел. А Двор Хаоса, видимо, уцелеет. Его не сметет гроза. Я знал, что Дара не испугалась и поступает так не из-за выгоды. Я просто не мог понять, что случилось. И думал только лишь о том, что я увидел под ее капюшоном. Это не было похоже на человеческое лицо. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду. После исчезновения отца и Дейдры и даже Бранда, расставание с Дарой казалось еще одной утратой. Мир стал пустым, кто бы там в нем еще ни оставался.

Я лег, закрыл глаза и вздохнул. Обо мне, наверное, забыли. Почему бы не уснуть, не остаться

здесь, пока гроза не окутает меня, не раствориться в ней.

Я вспомнил о Хуги. Не переварил ли я ее философию вместе с вороньим мясом. Бегство от жизни. Я так устал, что это казалось мне самым лучшим выходом.

— Нет, Корвин.

Я задремал, но лишь на минуту. Фиона стояла надо мной с едой и флягой. С ней был еще кто-то.

— Ты слышала? — спросил я.

— Нет. Но догадываюсь, потому что видела, как Дара ускакала. Вот, возьми, подзаправься, — протянула она еду.

Я выпил немного вина, закусил хлебом и мясом. Несмотря на мое душевное состояние, я ел с удовольствием.

— Мы скоро трогаемся, — сообщила Фиона, посмотрев на грозовой фронт. — Ты можешь держаться в седле?

— Думаю, да.

Я глотнул еще вина, чтобы набраться сил.

— Так много всего произошло, Фи. Моя душа стала немой. Я вырвался из сумасшедшего дома на Отражении Земля. Я обманывал и убивал людей. Я мог драться целыми днями. Я отвоевал свою память и пытался поправить свою жизнь. Я

нашел свою семью и обнаружил, что люблю ее. Я примирился с отцом. Я сражался за королевство. Я испробовал все, что мог, чтобы удержать мир от распада. Теперь, похоже, все это ни к чему не привело, и у меня не осталось желания жить дальше. Душа моя онемела. Прости меня.

Она поцеловала меня.

— Мы еще не разбиты. Ты снова станешь собой.

Я покачал головой.

— Это что-то вроде последней главы «Алисы». Если я крикну: «Мы ведь всего-навсего колода карт!», то, чувствую, все мы поднимемся в воздух и разлетимся в разные стороны, как разрисованные картинки. Я с вами не еду. Оставьте меня здесь. В любом случае я всего лишь «джокер».

— Сейчас я сильней тебя, — сказала она. — Ты едешь!

— Это нечестно.

— Кончай есть.

Я отложил еду. Она добавила:

— Времени еще достаточно. Тебя хочет видеть твой сын Мерлин. Позвать его сюда?

— Его взяли в плен?

— Не совсем так. Он не воевал. Он просто пришел недавно к нам и попросил встречи с тобой.

Я кивнул, и она ушла. Я отхлебнул еще из фляги. Мне было не по себе. Что я могу сказать взрослому сыну, о существовании которого узнал только недавно? Я пытался представить себе, как он относится ко мне. Знает ли о решении Дары? Как я должен вести себя с ним? Я видел, как он идет ко мне оттуда, где стояли мои родственники. Почему они отошли в сторону от меня, думал я. Почему ко мне все подходят по одному? Мне вдруг показалось, что это из-за меня они задерживаются с отправлением. Влажные ветры грозы уже дышали в лицо. Мерлин глядел на меня во все глаза. Но чувств никаких этот взгляд не выражал. Я думал о Даре. О ее пророчестве насчет разрушения. Кажется, оно исполняется.

Хотел бы я знать, в каких она отношениях с сыном. Очень многое хотел бы знать. Мерлин наклонился надо мной и сжал мне руку.

— Отец, — произнес он.

— Мерлин, — я встал, опираясь о его руку.

— Не вставай, не нужно.

— Да ладно, — я прижал его к себе, затем отпустил. — Я рад нашей встрече. Выпей вина.

— Спасибо.

Он взял флягу, сделал несколько глотков и протянул ее обратно.

— Твое здоровье, — произнес я и пригубил сам. — Сожалею, что не могу предложить тебе кресло.

Я опустился на землю. Он сделал то же самое.

— Никто не знает, что ты совершил, — сказал он, — кроме Фионы, которая только и заметила, что дело это было чрезвычайно трудное.

— Не имеет значения, — отмахнулся я. — Я рад, что сумел добраться сюда, хотя бы затем, чтобы повидаться с тобой. Расскажи мне о себе, сынок. Каков ты? Как обошлась с тобой жизнь?

Он отвел взгляд.

— Я прожил еще мало и немногое совершил.

Мне было интересно, умел ли он менять облик, но я не решался об этом спрашивать. Нет смысла искать мои с ним различия, ведь мы только встретились с ним.

— Не могу себе представить, что это такое — вырасти при Дворе, — заметил я.

Он впервые улыбнулся.

— А я не могу себе представить, что это такое — вырасти в другом месте. Я был не похож на других, и потому меня предоставили самому себе. Меня обучали обычным вещам, которые должен знать и уметь дворянин. Магия, оружие, яды, верховая езда, танцы. Мне говорили, что в один

прекрасный день я буду правителем Амбера. Это уже невозможно, так ведь?

— Да, в ближайшем будущем вряд ли.

— И очень хорошо. Потому что это единственное, чего бы я не хотел.

— А чего бы ты хотел?

— Я хочу перейти Лабиринт и приобрести власть над Отражениями. Как моя мать. Я хотел бы попутешествовать там, посмотреть достопримечательности, увидеть всякие чудеса. Как ты думаешь, я смогу это сделать?

Я сделал еще глоток и передал флягу ему.

— Вполне вероятно, что Амбера больше нет. Все зависит от того, успел ли твой дед завершить то, что он попытался сделать. Его уже нет, чтобы рассказать нам об этом. Но так или иначе, а Лабиринт есть. Если мы переживем эту дьявольскую грозу, я обещаю, что найду новый Лабиринт, научу тебя, и ты пройдешь его.

— Спасибо! А теперь не расскажешь ли, как ты сюда добирался?

— Позже, — пообещал я. — Что тебе обо мне рассказывали?

Он отвел глаза.

— Меня учили многое не любить в Амбере. Мне говорили, что я должен уважать тебя, как отца,

но мне всегда напоминали, что ты находишься в стане врага. Я помню, как увидел тебя впервые, Я стоял в дозоре. Я обнаружил тебя после схватки с Кваном. Ты убил его. У меня были смешанные чувства. Ты только что убил того, кого я близко знал. И все же я восхищался тем, как ты вел себя. Я увидел свое лицо в твоем. И мне захотелось узнать тебя получше.

Небо полностью провернулось, и над нами рассеялась тьма, Молнии зловеще сверкали. Я натянул на ноги сапоги. Скоро нам нужно будет уходить.

— Нам придется продолжать разговор у тебя дома. Видишь, что делается? Пора уходить, — сказал я.

Он посмотрел на грозу, затем глянул в бездну.

— Я могу провести тебя по пленочной дорожке, если хочешь.

— Один из тех дрейфующих мостов, на котором ты был в нашу прошлую встречу?

— Да, — ответил он, — они очень удобные.

В стане моих родственников раздался крик. Я посмотрел туда, не увидел ничего угрожающего, поднялся и пошел к ним, А Мерлин следовал за мной. И тут я увидел его. Белый зверь поднимался из бездны, плыл по воздуху. Его передние копыта

ударили о край пропасти, он прыгнул вперед и остановился. Так он стоял и смотрел на нас. Это был Единорог.

И боль, и усталость покинули меня. В сердце зажглась искра надежды, когда я увидел стройного белого зверя. Я хотел броситься ему навстречу, но усилием воли заставил себя не делать этого. Я замер. И все замерли. Сколько мы так простояли, не знаю.

Войска, рассыпанные по скалам, готовились к отходу. Пленных связали, снаряжение сложили, лошадей навьючили. И эта огромная армия, наводящая на ходу порядок в своем механизме, внезапно остановилась. Казалось странным, что все эти люди так быстро узнали о чудесном появлении, но все головы были повернуты в одном направлении — к Единорогу, ярко белеющему на фоне черного неба.

Я неожиданно понял, что ветер стих, только гром громыхал, и между небом и землей метались белые тени молний. Я вспомнил о другом явлении Единорога. Это было при эксгумации тела Каина, взятого из Отражения, когда я проиграл схватку с Жераром.

Я вспомнил о том, что рассказывали про Единорога, и подумал: а может ли он и сейчас нам

помочь? Единорог сделал шаг вперед и остановился. Он был так прекрасен, так неповторимо грациозен, что я при одном его виде приободрился. Чувство радости и чувство щемящей печали сжали мое сердце. Красота его была столь совершенна, что казалось кощунством смотреть на него долго.

Я чувствовал, что это существо наделено высшим разумом. Мне хотелось подойти к нему. Но я знал, что не смогу этого сделать. Он посмотрел вокруг, и взгляд его случайно остановился на мне. Я хотел отвести глаза, но не мог этого сделать. Я тоже смотрел на него. В его взгляде я прочел понимание всего, и ощутил, что мне на такую высоту никогда не подняться. Я почувствовал, что он все знает обо мне, и в этот миг постиг все пережитое мной. Он мне сочувствовал, жалел и любил меня. Я ему нравился. В нем были и ум, и душа, и простота. Он был серьезен, но искры юмора не покидали эту серьезность. Затем он посмотрел в другую сторону, и я невольно вздохнул. В это время мне показалось, что на его шее засветилось яркое сияние, похожее на молнию. Он подошел еще ближе, и теперь смотрел на толпу моих близких. Затем, опустив голову, издал тонкое ржание и топнул по земле правым

копытом. Единорог сделал несколько танцующих шагов, вскинул голову и опять опустил ее. Он не хотел приближаться к людям, которые стояли группой. При следующем его шаге я опять увидел сверкание. Искра сияла сквозь шерсть чуть ниже шеи. Это был Камень Правосудия. Я узнал его. Как он попал к Единорогу? Этого я никак не мог понять. Я знал, что, если он отдаст мне его, я смогу остановить грозу. Или защитить всех от нее, пока гроза сама не пройдет. Но одним взглядом он меня уже наградил и вряд ли еще раз обратит на меня внимание. Медленно и осторожно, готовый стремглав унестись прочь при малейшей опасности, он подошел туда, где стояли Джулиан, Рэндом, Блейз, Фиона, Льювилла, Бенедикт и несколько вельмож. Мне бы тогда уже следовало догадаться, что происходит, но я не сообразил. Я просто смотрел, как Единорог прошел рядом с моими родственниками. Затем он остановился, тряхнул гривой, согнул передние ноги и упал на колени. Камень Правосудия свисал с его витого золотистого рога. Кончик его почти касался лица того, перед кем он склонил колени.

Неожиданно я подумал об отце, и его слова с небес опять долетели до меня: «С моим уходом возникает проблема наследования… У меня нет

иного выбора, кроме как прислать вам свою волю на роге Единорога». Среди моих близких появилось недовольство, пробежал ропот, они, видимо, думали о том же, что и я. Единорог, однако, не двинулся с места. Рэндом протянул руку и снял Камень с рога. До меня донесся его шепот:

— Благодарю тебя.

Тогда Джулиан вынул меч из ножен и, опустившись на колени, положил его к ногам Рэндома, то же сделал и Блейз, Бенедикт, Каин, Фиона и Льювилла. Я подошел и присоединился к ним. Так же поступил и мой сын. Долгое время Рэндом стоял молча.

— Я принимаю вашу присягу, — наконец промолвил он. — А теперь встаньте все.

Мы поднялись, а Единорог повернулся и стремглав унесся по склону вниз. Через несколько мгновений он скрылся из виду.

— Я никак не ожидал, что произойдет что-нибудь подобное, — проговорил Рэндом, все еще рассматривая Камень — Корвин, ты можешь взять эту штуку и остановить грозу?

— Он теперь твой, — ответил я. — Кроме того, я не знаю, как широка зона действия грозы. И главное, я себя чувствую так плохо, что не знаю, смогу ли продержаться столько времени, сколько

нужно, чтобы спасти вас. Думаю, использовать Камень должен ты. Пусть это станет началом твоего царствования.

— Тогда тебе придется показать мне, как это делается. Я считал, что настроить Камень можно только в Лабиринте. Тем более в первый раз.

— Наверное, нет. Бранд говорил, что тот, кто настроен на него, может настроить и другого. Я думал об этом и, кажется, знаю, с чего начинать. Давай отойдем в сторону.

— Пошли.

В его голосе уже возникло что-то новое. Свалившаяся на него власть уже начала вершить свои изменения. Я гадал, каким королем и королевой будут он и его Виала. Но не было сил сосредоточиться на этом. Слишком многое случилось за такое короткое время. Мозг мой отказывался совместить все события, собрать их воедино.

Мне хотелось уползти от всех в какую-нибудь нору и проспать там целые сутки. Но вместо этого мы с Рэндомом отошли подальше, туда, где тлел разведенный кем-то небольшой костер. Рэндом разворошил угли, подбросил сучьев, затем уселся у огня и кивнул мне. Я сел рядом.

— Что ты скажешь насчет королевских дел? — спросил он. — Все это застало меня врасплох. Что

мне теперь делать?

— Что делать? — переспросил я. — Хорошую работу!

— Как ты думаешь, много недовольных тем, что отец выбрал меня?

— Если они есть, то никак этого не показали. Думаю, это удачный выбор, Рэндом. В последнее время столько всего произошло… Отец и вправду был для нас словно каменной стеной. Может быть, это не всегда было нам на пользу. Трон — явно не сахар. У тебя впереди много тяжелой работы. Мне кажется, сейчас многие это поняли.

— А ты сам?

— Я хотел престола только тогда, когда он мог достаться Эрику. Я тогда не знал этого, но это было так. Он был счастливой фишкой в той игре, которую мы разыгрывали годами. Целью вендетты в самом деле был трон. И я бы убил его ради трона. Теперь я рад, что он нашел другой способ умереть. Но после его смерти я все время старался делать так, чтобы не занять престола. Он не желателен для меня. Все это хорошо обдумано и решено. Он для тебя. Правь справедливо, брат. Я уверен, что все будет хорошо.

— Если Амбер еще существует, — ответил он. — Ладно, давай займемся делом. Гроза, по-моему,

уже совсем близко и летит прямо на нас. Не так ли?

Я кивнул и взял Камень с его ладони. Я держал его за цепь, а позади нас пылал костер. Свет костра проходил сквозь Камень. Он хорошо просвечивался.

— Наклонись над Камнем и смотри сквозь него вместе со мной, — сказал я.

Он так и поступил. Дальше я ему подсказывал.

— Думай о Лабиринте.

И сам я стал думать о нем, стараясь вызвать в памяти его петли и витки, его призрачные пылающие линии. Мне показалось, что я заметил повреждение в центре Камня, но я старался об этом не думать.

Я думал о поворотах, изгибах, Вуалях. Я ощущал ток, льющийся сквозь меня каждый раз, когда пробовал пройти этим сложным путем.

Несовершенство Камня стало отчетливее. Я наложил на него свою волю. И связь появилась во всей полноте. Она была хорошо ощутима. Такое же происходило со мной в тот день, когда я сам настраивался на Камень. И я надеялся, что у меня хватит сил еще раз испытать все это.

Я схватил Рэндома за плечо.

— Что видишь? — спросил я его.

— Что-то вроде Лабиринта, только он кажется трехмерным и находится на дне красного моря.

— Тогда пошли со мной. Мы должны войти в него.

И вновь появились те ощущения — сперва дрейфа, потом падения со все увеличивающейся скоростью к извилинам Камня, скрытым в полной тьме. Усилием воли я повлек нас вперед, все время ощущая присутствие брата. И вот рубиновое сияние, окружающее нас, потемнело. Затем мы опустились в черноту, а над нами было чистое ночное небо. Этот особый Лабиринт рос с каждым глухим ударом сердца. Почему-то в этот раз мне было гораздо легче. Может, потому, что я уже был настроен. Я вел за собой Рэндома, когда вырос знакомый узор и начальный пункт стал явным. Мы снова двинулись дальше, и я вновь попытался объять целостность этого Лабиринта и опять заблудился в извилинах его добавочных измерений. Огромные узлы и спирали казались скрученными в кривые узоры. Меня охватило испытанное ранее чувство благоговейного ужаса. Я чувствовал, что Рэндом испытывает то же.

Мы добрались до начала и были вовлечены в него. Вокруг нас возник яркий свет, мерцающий искрами, нас впитало в матрицу света. На этот

раз я весь был поглощен этим процессом, и не было в сознании места для воспоминаний о Париже. Память напоминала мне о трудных участках, и я употребил всю свою волю, чтобы построить наше продвижение по этому головокружительному пути. Я беззаботно черпал силы у Рэндома, чтобы ускорить этот процесс. Что напоминало наше продвижение? Мы будто путешествовали по спиралям огромной морской раковины, и эти сложные извилины, образующие причудливые спирали, светились призрачным огнем. Продвижение наше было абсолютно беззвучным. А сами мы были бестелесными точками разума.

Наша скорость по-прежнему возрастала, а вместе с ней ширилась и боль в мозгу. Я помнил, она изматывала меня и тогда, когда я чертил узор прошлого Лабиринта. Скорей, это было связано с моим желанием ускорить дело, а, может быть, сказывалась и усталость. Мы проламывались сквозь барьеры, нас замуровывали постоянно текущие стены яркости, и мы рушили их. Я все больше чувствовал, как слабею. Голова моя кружилась. Однако я не мог позволить себе потерять сознание или двигаться медленнее. Я помнил, что там, где мы недавно стояли, гроза была совсем близко, и нужно было торопиться. Я опять

с сожалением вынужден был зачерпнуть силы у Рэндома для того, чтобы мы могли удержаться в этой игре. И мы на невероятной скорости понеслись дальше. На этот раз у меня не было того щекочущего, огненного ощущения, которое говорило мне, что я каким-то образом обретаю форму. Наверное, это действовала моя настройка. Мое прежнее прохождение сквозь Лабиринт мой разум и мое тело запомнили и, верно, они приобрели иммунитет.

В какой-то момент мне показалось, что Рэндом начал спотыкаться. Вероятно, я выкачал из него слишком много энергии. Я подумал о том, что могу забрать у него силы, необходимые для управления грозой, если и дальше буду черпать из него, как из бездонного колодца. Я решил не брать больше его энергии. Мы проделали уже большой путь. Он сможет продолжать его без меня, если я не дотяну. Теперь мне нужно только держаться, пока хватит сил. Лучше мне остаться здесь одному, чем не дойти нам обоим. Мы помчались дальше. Сознание во мне держалось на ниточке. Страшно кружилась голова. По моим расчетам скоро должен был быть конец. В это время началось затмение. В прошлом Лабиринте такого не было. Я не паниковал. Старался изо

всех сил. Но силы покидали меня. Я чувствовал, что соскальзываю. Какая досада. Конец уже так близок. Я знал, что он почти рядом. Передо мной все поплыло. Последним ощущением была озабоченность Рэндома, которую я чувствовал. За моими ступнями мерцало оранжево-красное пламя. Свет был окружен тьмой… Звучали знакомые голоса… Все прояснилось — я лежал на спине ногами к костру.

— Все в порядке, Корвин. Все кончено.

Говорила Фиона. Я повернул голову. Она сидела рядом со мной.

— Рэндом? — прохрипел я.

— С ним все в порядке, отец, — Мерлин тоже был рядом.

— Что случилось?

— Рэндом принес тебя сюда, — сообщила Фиона.

— Настройка сработала?

— Он думает, что да.

Я попытался сесть. Она попробовала уложить меня опять, но я все же сел.

— Где он?

Она показала глазами. Я его увидел. Он стоял метрах в тридцати, спиной к нам, на карнизе скалы, лицом к грозе. Она была совсем рядом, ветер

рвал его одежду. Перед ним, скрещиваясь, сверкали молнии, почти непрерывно гремел гром.

— Сколько он там стоит? — спросил я.

— Всего несколько минут, — ответила Фиона.

— С того момента, как мы выбрались?

— Нет. Ты лежал без сознания довольно долго. Рэндом сперва говорил с людьми. Потом велел войскам отойти. Бенедикт отвел их к Черной дороге. Они сейчас переправляются.

Я посмотрел на Черную дорогу. Там было оживленное движение. Темная колонна направлялась к цитадели. Между нами проплывали призрачные полосы. Я снова испытал ощущение, что когда-то очень давно уже был здесь. Я пытался ухватиться за это воспоминание, но оно ускользнуло.

Я вглядывался во мрак.

— Все ушли? — спросил я. — Остались только ты, я, Мерлин и Рэндом?

— Да, — сказала Фиона. — Ты тоже хочешь уйти?

— Нет, я останусь с Рэндомом.

— Я так и думала.

Я поднялся. Встали и Мерлин с Фионой. Она хлопнула в ладоши, и к ней подошел белый конь.

— Ты больше не нуждаешься в моей помощи, — сказала она. — Так что я присоединяюсь к другим во Дворе Хаоса. Ваши кони привязаны вон к тем скалам. Ты едешь, Мерлин?

— Я остаюсь с отцом и королем.

— Да будет так. До скорой встречи.

— Спасибо, Фи.

Я помог ей сесть в седло, и она ускакала. А я опять уселся и стал наблюдать за Рэндомом, который стоял, не двигаясь, лицом к грозе.

— Тут есть вино и еда, — сказал Мерлин. — Можно, я принесу тебе их?

— Отличная мысль.

Гроза подошла так близко, что я мог спуститься к ней за пару минут. Трудно было сказать, производят ли какой-то эффект усилия Рэндома. Я вздохнул и позволил своим мыслям расслабиться. А почему бы и нет? Каким-то образом все мои злоключения, начиная с Гринвуда, подошли к концу. Более нет нужды в мести. Некому больше мстить. У нас есть Лабиринт, а может и два. Причина всех наших бед, мой брат Бранд, уже мертв. Все мои проклятья стерты с лица земли прокатившимися по Отражениям конвульсиями импульсов. Я нашел друга в моем отце и пришел в согласие с ним до его смерти. У Амбера теперь

с благословения Единорога новый король, и мы поклялись ему в верности. Я помирился с семьей, и теперь ничто меня не угнетало, Не было причин кого-то ненавидеть. Я был, как никогда, близок к миру и покою. И сейчас умирать мне было не страшно. Моя душа, если бы случилось это, протестовала бы не так громко, как в любое другое время.

— Ты далеко отсюда, отец, — заметил Мерлин.

Я кивнул, затем улыбнулся, взял кусок мяса и стал есть. Я ел и следил за грозой. Конечно, радоваться рано, но мне казалось, что она остановилась. Я слишком устал для того, чтобы заснуть. Все мои болячки поутихли, и тело мое онемело. Я словно был со всех сторон закутан в теплую вату. События, совершенные накануне, вращались во мне в разные стороны, как шестеренки в часах. Это было восхитительное ощущение. Я кончил есть и подбросил сучья в костер. Пригубил вино и снова посмотрел в сторону грозы. Она сейчас напоминала заиндевелое стекло. На душе было спокойно. А что, все хорошо. Если Рэндом сейчас остановит грозу, я поскачу завтра во Двор Хаоса. Я не знаю, что меня там ждет. Возможно, это трюк, засада, гигантская западня. Я не хотел об этом думать. Сейчас это не имело значения.

— Ты начал рассказывать мне о себе, отец.

— Да? Я не помню, о чем я говорил.

— Я хотел бы узнать тебя получше. Расскажи мне подробней о себе.

Я издал губами звук, имитирующий выстрел пробки от шампанского, и пожал плечами.

— Расскажи мне вот о чем. Фиона здесь говорила, что ты много лет обитал в Отражениях и потерял там память. Как ты ее нашел? Как возвратился в Амбер?

Я рассмеялся. Еще раз посмотрел на Рэндома и грозу. Выпил вина и поплотнее закутался в плащ.

— Могу рассказать, а почему бы и нет? — улыбнулся я. — Только, если ты способен переварить длинную историю. Думаю, лучше всего начать с частного госпиталя в Гринвуде на Отражении Земля, где проходила моя ссылка…

Небо повернулось и повернулось еще раз, пока я рассказывал свою историю. Было ясно, что стоящий перед грозой Рэндом успешно борется с ней. Она раскололась, будто великан разрубил ее пополам, и откатилась по обе стороны, на север и на юг, тая, уменьшаясь и исчезая. Ландшафт, который она накрывала, уцелел. Но вместе с ней исчезла Черная дорога. Мерлин предупредил

меня, что это не страшно, когда придет время переправляться, он вызовет паутинную полосу.

Рэндом уже уехал. Свалившееся на него напряжение было огромным. Даже отдыхая, он больше не был тем, кого мы знали раньше — нахальным младшим братишкой, которого не грех и подразнить, и помучить. На его лице пролегли морщины, которых раньше я никогда не видел. Происходящие события уже наложили на него свой отпечаток. Такой след оставляют глубокие раздумья. Может, на мои ощущения оказывало влияние то, что произошло, но мне он теперь казался благородней, от него веяло силой. Неужели новая роль творит нового человека? Назначенный Единорогом, помазанный грозой, он, кажется, и в самом деле обрел королевскую осанку, не расставаясь с ней даже во сне, даже на отдыхе. Я тоже поспал. А сейчас дремлет Мерлин. И мне приятно, пока он не проснется, в одиночестве смотреть на мир, который выжил. Он очищен, — омыт, выстоял и теперь будет существовать.

Мы можем опоздать на похороны отца, на его отплытие в безымянный мир за пределами Двора. Как грустно. У меня не было сил, чтобы ехать туда. И все-таки я видел его похороны, и я несу в

себе его образ. Я попрощался с ним, и он услышал меня. Прощай и ты, Эрик! После всего, что случилось, я обращаюсь и к тебе. Поживи ты с мое — вражда между нами кончилась бы. Однажды мы могли бы стать друзьями — для вражды ее было бы причин. Из всей нашей семьи ты был больше всех похож на меня. Я любил тебя больше, чем других. Дейдра — не в счет. Прощай и ты, Дейдра. Я уже выплакал свои слезы. Прощай еще раз, любимая сестра, ты всегда будешь где-то в самой глубине моего сердца. И ты, Бранд, прощай. С ненавистью вспоминаю тебя, безумный брат. Ты едва не убил меня. Ты почти опрокинул Амбер с его высокого насеста на груди Колвира. Ты разбил бы вдребезги все Отражения. Ты почти сломал Лабиринт и переделал вселенную по своему образу и подобию. Ты был безумным и злым. Ты так близко подошел к реализации своих желаний, что даже сейчас я дрожу, вспоминая все это. Я рад, что ты сгинул, что стрела и бездна вырвали тебя из жизни, что ты не омрачаешь больше этих мест своим присутствием и не будешь дышать сладким воздухом Амбера. Я желал, чтобы ты исчез раньше. Будь мертвым! Я тасую вас, как Колоду Карт, братья мои и сестры! Обобщать все вот так — причиняет боль, и это так же нехорошо,

как потакать своим слабостям. Вы, я, мы, кажется, здорово изменились, стали не те, что были раньше. И мне, прежде чем опять двинуться в путь, надо еще раз оглянуться, бросить на все последний взгляд. Каин, я никогда не любил тебя, не доверяю тебе и сейчас. Ты оскорбил и предал меня, ты хотел меня прикончить. Ладно, забудем об этом. Мне не по душе методы, которыми ты действуешь. Хотя на этот раз я могу поблагодарить тебя за доброжелательность. Если так — мир тебе. Пусть новое царствование начнется с мира между нами. Льювилла, у тебя твердый характер, в нем есть скрытые резервы. В этой ситуации, у тебя просто не было возможности показать его в действии. За что спасибо тебе. Что ни говори, а порой бывает приятно выйти из конфликта, не подвергшись испытанию. Блейз, ты для меня по-прежнему облачен в свет — доблестный, великолепно энергичный и… безрассудный. За два первых качества — мое тебе почтение. За последнее — улыбка. Оно, кажется, сейчас заметно поуменьшилось. И это хорошо! Держись подальше от заговоров. Они тебе не идут на пользу. Фиона, ты изменилась больше всех. Принцесса я должен поменять свои чувства по отношению к тебе. Мы ведь стали друзьями. Прими мою неж-

ность, колдунья. Я в долгу перед тобой. Жерар, мой медлительный, верный брат. Наверное за последние годы не все мы изменились. Ты всегда стоял, как скала. И теперь держишься за то, во что верил. Да, тебя не одурачишь. И мне придется опять бороться против тебя. Ступай в свое море на своих кораблях и дыши чистым соленым воздухом. Джулиан, Джулиан, Джулиан… Неужели я никогда по-настоящему не знал тебя? Нет. Наверное зеленая магия Арденна смягчила тебя за время моего длительного отсутствия, и старое твое тщеславие переросло в гордость, совместившись с порядочностью. Это еще не милосердие, но важное добавление к твоим достоинствам, которые я не намерен умалять. Бенедикт, видят боги, ты становишься мудрее, покуда время прожигает себе дорогу к энтропии. И все же, изучая людей, ты не видишь отдельного человека и пренебрегаешь им. И раз эта битва закончилась, я, наверное, увижу тебя улыбающимся. Отдохни немного, воин. Флора… Благотворительность, говорят, начинается у себя дома. Там можно на нее рассчитывать. Ты сейчас не хуже, чем когда-то, когда я знал тебя. Это сентиментальная мечта заставляет меня смотреть на тебя и на других так, как это делаю я — суммируя баланс и надеясь на

кредит. Мы теперь не враги, и этого достаточно.

Вот очередь дошла и до человека, облаченного в черно-серебряное одеяние с серебряной розой в петлице. Он хотел бы думать, что научился доверять другим. Что омыл свои глаза в каком-то чистом источнике, возвысил свой идеал. Не страшно, что он, может, все еще нахальный любитель лезть не в свои дела. Мастер, главным образом, только во второстепенном искусстве выживания. Слепой по отношению к тонким оттенкам иронии, каким был в тюрьме. Пусть он таким и останется. Да будет так! Все равно другим я быть не смогу. Кармен, не могли бы вы войти со мной? Нет? Тогда прощай и ты, принцесса Хаоса. А жаль, все могло получиться забавно. Небо опять поворачивается, и никто не знает, какие дела озарит его разноцветный свет. Пасьянс был разложен. Там, где нас было девять, теперь семеро и один король. И все-таки с нами Мерлин и Мартин — новые игроки в продолжающейся игре. Силы возвращаются ко мне, когда я смотрю на пепел и думаю о пути, который мною избран. Дорога в будущее волнует меня. Я вернул свое зрение, свою память, свою семью. Корвин всегда будет Корвин, даже в День Страшного Суда. Мерлин зашевелился, и это хорошо. Время трогаться. Есть

еще дела, которые надо делать.

Рэндому после того, как он остановил грозу, пришлось черпать силу у Камня, чтобы добраться до Жерара через его Карту. Сейчас Карты снова холодные. Отражения возродились, Амбер стоит на месте. Прошли годы с тех пор, как мы покинули его, и, наверное, много лет минет еще, прежде чем я вернусь. Другие уже, наверное, возвратились по Картам домой, так же, как Рэндом, который отправился выполнять свои обязанности. Но сейчас я должен навестить Двор Хаоса, потому что я сказал себе, что навещу его. И еще потому, что, может быть, я кому-нибудь там понадоблюсь.

Мы с Мерлином подготовили наше снаряжение и сейчас он вызовет тоненькую дорогу. Когда дело в этом месте будет сделано, Мерлин пройдет Лабиринт и отправится предъявлять свои права на миры, я должен буду кое-чем заняться. Я должен съездить в то место, где я посадил ветку старого Игга. Надо навестить дерево, которое из нее выросло. Я должен проверить, в каком состоянии Лабиринт, начертанный мною под воркование голубей на Елисейских полях. Я должен поехать и посмотреть на свою работу. Если сбудется то, что я задумал, он приведет меня в новую Вселенную.

Дорога дрейфует перед нами, поднимаясь ко

Двору Хаоса. Время пришло, пора. Мы садимся на коней и трогаемся в путь. Мы скачем через тьму по дороге тонкой, как марля. Так что же это там, перед нами — цитадель неприятеля, покоренная страна, западня, родина предков… Увидим. Вижу слабое мерцание, плывущее с зубчатой стены и балкона. Мы можем даже поспеть на похороны. Я выпрямляюсь и вынимаю из ножен меч. Скоро мы будем на месте.

Прощайте и здравствуйте, как всегда!!!